

АРХИВ
РУССКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

17-18

«ТЕРРА»

АРХИВЪ РУССКОЙ РЕВОЛЮЦІИ

издаваемый

І. В. ГЕССЕНОМЪ

XVIII

БЕРЛИНЪ 1926

СОДЕРЖАНІЕ

Тяжелые дни

(Секретныя засѣданія Совѣта Министровъ 16 Іюля — 2 Сентября 1915 года).

Составлено А. Н. Яхонтовымъ

б. Помощникомъ Управляющаго Дѣлами Совѣта Министровъ на основаніи его записей въ засѣданіяхъ по секретнымъ вопросамъ.

ВМѢСТО ПРЕДИСЛОВІЯ.

Одинъ французскій бытописатель сказалъ, что историкъ не можетъ ограничиваться простымъ изложеніемъ событій — онъ долженъ въ своихъ повѣствованіяхъ оживлять тѣ страсти, настроенія, стремленія и помыслы, которые были присущи изучаемой эпохѣ.

Проникнутый такимъ завѣтомъ изслѣдователь великой войны и предреволюціоннаго времени найдетъ въ составленныхъ мною замѣткахъ именно бытовой повседневный матеріалъ для характеристики какъ общаго положенія Россіи, такъ и отдѣльныхъ правительственныхъ дѣятелей. Въ этихъ замѣткахъ Совѣтъ Министровъ выступаетъ въ своей обыденной, не стѣсненной условностями офиціальнаго присутствія, обстановкѣ. Говорятъ, спорятъ, ищутъ выхода не только Министры Императорскаго Правительства, но и живые русскіе люди, глубоко встревоженные обрушившимися на родину небывалыми бѣдами.

Происхожденіе настоящаго труда таково.

Съ Мая 1914 по Октября 1916 года я занималъ должность Помощника Управляющаго Дѣлами Совѣта Министровъ и по обязанностямъ своей службы присутствовалъ на засѣданіяхъ и собраніяхъ этого учрежденія.

По установленному порядку, засѣданія Совѣта Министровъ распадались на двѣ части — офиціальную и секретную. Въ первой — дѣла разсматривались по заранѣе разсылавшейся повѣсткѣ съ назначенными къ слушанію печатными представленіями и дѣлопроизводство велось Начальниками Отдѣленій Канцеляріи Совѣта Министровъ.

Вторая часть — послѣ ухода этихъ чиновъ — посвящалась обсужденію различныхъ довѣрительныхъ вопросовъ, обмѣну мнѣній по дѣламъ высшей политики, бесѣдамъ о внутреннихъ и внѣшнихъ событіяхъ и т. п. Въ особо острыя минуты государственной жизни созывались внѣочередныя засѣданія. Въ такихъ секретныхъ собраніяхъ оставались только Управляющій Дѣлами И. Н. Лодыженскій и я, въ качествѣ его помощника.

Для послѣдующаго исполненія по такимъ засѣданіямъ мною, по указаніямъ И. Н. Лодыженскаго, велись записи, въ которыхъ обычно запечатлѣвались въ краткихъ словахъ необходимыя съ точки зрѣнія дѣлопроизводства сужденія и мотивы для выработки постановленій. Но въ нѣкоторыхъ случаяхъ, сознавая несомнѣнный историческій интересъ того, чему приходилось быть свидѣтелемъ, я постепенно началъ записывать отдѣльныя пренія съ почти дословною подробностью, съ сохраненіемъ образности выраженій, яркости мысли и самаго настроенія говорившихъ Министровъ. Часто послѣ засѣданія, подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ, я дѣлалъ общій обзоръ, набрасывалъ свои наблюденія, заносилъ услышанныя новости и т. д.

Наиболѣе подробно у меня изображены засѣданія съ середины Іюля по начало Сентября 1915 года. То были дни великаго отступленія нашей арміи и принятія Государемъ Императоромъ верховнаго главнокомандованія, дни рѣзкаго обостренія внутренняго положенія въ странѣ, перерыва сессіи законодательныхъ учрежденій и разлада въ средѣ Совѣта Министровъ.

Главнѣйшія изъ этихъ записей мнѣ удалось сберечь, несмотря на бѣженскія скитанія послѣднихъ лѣтъ. Воспроизведеніе ихъ въ удобномъ для чтенія видѣ и составляетъ содержаніе настоящаго труда.

Еще небольшое поясненіе.

Записи мои, хотя во многихъ случаяхъ весьма подробныя, все-таки не протоколы въ обычномъ значеніи этого понятія. Заносилъ я въ нихъ то, что успѣвалъ и что производило въ тогдашней обстановкѣ впечатлѣніе съ точки зрѣнія общаго интереса. Иногда записи прерываются — либо приходилось выходить изъ засѣданія съ какими нибудь порученіями, либо бесѣда принимала неуловимо перекрестное теченіе, либо, наконецъ, просто не хватало нервнаго напряженія и силъ писать сряду цѣлыми часами. Неизбѣжны и различныя неясности и пробѣлы. Причины этому слѣдующія. Нерѣдко пренія отмѣчались мною на справкахъ, докладахъ, представленіяхъ и другихъ вспомогательныхъ документахъ, по поводу которыхъ развивались любопытныя сужденія; такія бумаги, за единичными исключеніями, мнѣ не удалось вывезти. Кромѣ того въ отдѣльныхъ случаяхъ, служившіе предметомъ обмѣна мнѣній вопросы являлись продолженіемъ разговоровъ, происходившихъ внѣ моего присутствія. Хотя многое потомъ мнѣ приходилось слышать отъ И. Л. Горемыкина, И. Н. Лодыженскаго и другихъ лицъ, но, къ сожалѣнію, я далеко не все тотчасъ же заносилъ на бумагу. Воздерживаюсь пока отъ изложенія по памяти и помѣщаю въ этомъ трудѣ только основанное на подлинныхъ записяхъ. Держусь такого правила для соблюденія точности, безпристрастія и колорита современности.

Если хватитъ времени и будетъ досугъ, попытаюсь набросать свои воспоминанія и закончить разработку другихъ записей. Но въ обиходѣ испытуемаго судьбою русскаго странника «досугъ» есть столь великая роскошь, что о немъ можно лишь мечтать.

Бывшій Помощникъ Управляющаго
Дѣлами Совѣта Министровъ

Франція
Августъ 1921 года.

Арк. Яхонтовъ.

СОСТАВЪ СОВѢТА МИНИСТРОВЪ ВЪ ТЕЧЕНІЕ ОПИСАННЫХЪ ЗАСѢДАНІЙ.

Предсѣдатель Совѣта Министровъ — Иванъ Логгиновичъ Горемыкинъ.

Министръ Императорскаго Двора и Удѣловъ — графъ Владиміръ Борисовичъ Фредериксъ.

Морской Министръ — Иванъ Константиновичъ Григоровичъ.

Управляющій Военнымъ Министерствомъ — Алексѣй Андреевичъ Поливановъ.

Государственный Контролеръ — Петръ Алексѣевичъ Харитоновъ.

Министръ Путей Сообщенія — Сергѣй Васильевичъ Рухловъ.

Главноуправляющій Землеустройствомъ и Земледѣліемъ — Александръ Васильевичъ Кривошеинъ.

Министръ Иностранныхъ Дѣлъ — Сергѣй Дмитріевичъ Сазоновъ.

Управляющій Министерствомъ Юстиціи — Александръ Алексѣевичъ Хвостовъ.

Министръ Финансовъ — Петръ Львовичъ Баркъ.

Исправляющій должность Оберъ-Прокурора Св. Синода — Александръ Дмитріевичъ Самаринъ.

Министръ Народнаго Просвѣщенія — графъ Павелъ Николаевичъ Игнатьевъ.

Министръ Торговли и Промышленности — князь Всеволодъ Николаевичъ Шаховской.

Управляющій Министерствомъ Внутреннихъ Дѣлъ — князь Николай Борисовичъ Щербатовъ.

Графъ В. Б. Фредериксъ лично почти никогда не появлялся въ Совѣтѣ Министровъ. Въ тѣхъ случаяхъ, когда слушались дѣла, касающіяся интересовъ придворнаго или удѣльнаго вѣдомствъ, его замѣщали либо графъ М. Е. Randomiser Нироdъ, либо князь Кочубей, либо Е. Н. Волковъ, по принадлежности.

Въ теченіе описываемаго періода въ засѣданіяхъ бывали, замѣщая подлежащихъ Министровъ, Товарищи Министровъ: Путей Сообщенія — П. Н. Думитрашко, Морского — А. И. Русинъ, Иностранныхъ Дѣлъ — А. А. Нератовъ, Финансовъ — А. И. Николаенко и Главноуправляющаго Землеустройствомъ и Земледѣліемъ — А. А. Риттихъ. Всѣ прочіе Члены Совѣта, насколько могу судить по записямъ, присутствовали лично.

Надо отмѣтить, что замѣстители Министровъ обычно не приглашались на внѣочередныя засѣданія, посвященныя обмѣну мнѣній по общеполитическимъ вопросамъ.

Послѣ состоявшагося 16 сентября 1915 года засѣданія Совѣта Министровъ въ присутствіи Государя Императора, въ составѣ Совѣта на протяженіи ближайшаго времени произошли значительныя перемѣны.

А. Д. Самаринъ былъ замѣненъ Членомъ Государственнаго Совѣта А. Н. Волжинымъ. На мѣсто князя Н. Б. Щербатова былъ назначнъ Членъ Государственной Думы А. Н. Хвостовъ (племянникъ Министра Юстиціи А. А. Хвостова, оставшагося на своемъ посту). А. В. Кривошеина смѣнилъ Членъ Государственнаго Совѣта по выборамъ, Самарскій Губернскій Предводитель Дворянства А. Н. Наумовъ. Министерство Путей Сообщенія, послѣ увольненія С. В. Рухлова, получилъ Членъ Государственнаго Совѣта А. Ф. Треповъ. Н. Н. Покровскій занялъ мѣсто П. А. Харитонова.

Въ 1916 году, послѣ увольненія И. Л. Горемыкина и назначенія Предсѣдателемъ Совѣта Министровъ В. Б. Штюрмера, въ Совѣтѣ произошли дальнѣйшія измѣненія, причемъ изъ Министровъ, принимавшихъ участіе въ событіяхъ второй половины 1915 года, были постепенно уволены: А. А. Поливановъ, А. А. Хвостовъ, С. Д. Сазоновъ и графъ П. Н. Игнатьевъ. Такимъ образомъ къ моменту переворота 1917 года изъ старыхъ Членовъ Совѣта Министровъ оставались на своихъ мѣстахъ только трое, а именно — И. К. Григоровичъ, П. Л. Баркъ и князь В. Н. Шаховской.

ДОПОЛНИТЕЛЬНЫЯ ПОЯСНЕНІЯ.

Настоящій трудъ, по завершеніи его въ августѣ 1921 года, болѣе четырехъ лѣтъ оставался въ рукописи. За этотъ срокъ съ нею ознакомились многіе государственные дѣятели описанной эпохи, почтившіе меня весьма лестными отзывами о моей работѣ. Среди таковыхъ отзывовъ имѣются письма нѣкоторыхъ непосредственныхъ участниковъ засѣданій Совѣта Министровъ Іюля-Августа 1915 года, отмѣчающихъ полноту и доступную по человѣчеству объективность отраженія происходившаго на моихъ глазахъ и тогда-же заносившагося на бумагу.

Совокупность высказанныхъ по поводу «Тяжелыхъ Дней» мнѣній побуждаетъ меня сдѣлать свои записи общедоступными. Хочется вѣрить, что трудъ этотъ послужитъ для современниковъ поводомъ приняться за перо и сообщить какъ различныя дополненія, поправки и объясненія записанныхъ мною бесѣдъ въ Совѣтѣ Министровъ, такъ и другія свѣдѣнія, долженствующія способствовать всестороннему и безпристрастному выясненію истины. Напримѣръ, извѣстно, что въ теченіе переживавшагося Правительствомъ въ августѣ 1915 года внутренняго кризиса происходили подготовительные къ засѣданіямъ Совѣта Министровъ сговоры внѣ оффиціальныхъ присутствій на частныхъ собраніяхъ у отдѣльныхъ Министровъ, безъ участія И. Л. Горемыкина. Если бы нынѣ здравствующіе участники этихъ собраній, поль-

зуясь канвою моихъ записей, разсказали сокровенную сторону «Тяжелыхъ Дней», то получился бы тотъ историческій памятникъ, который облегчилъ бы будущему лѣтописцу во всей исчерпывающей полнотѣ разработать имѣвшую огромное значеніе въ развитіи дальнѣйшихъ событій эпоху преддверья революціи. Съ этой точки зрѣнія предпринятымъ мною трудомъ заинтересовался покойный А. В. Кривошеинъ, съ которымъ я еще осенью 1917 года бесѣдовалъ о сохранившихся у меня записяхъ. Въ отвѣтъ на мое письмо съ предложеніемъ ознакомить его съ «Тяжелыми Днями», А. В. Кривошеинъ 5 сентября 1921 года написалъ мнѣ изъ Висбадена: «Ваше намѣреніе издать записи и освѣтить въ нихъ правительственную мысль въ такую несравнимую по важности событій эпоху глубоко привѣтствую и придаю ей огромное значеніе не только для насъ, современниковъ, но и для исторіи, исторіи — особенно. Привѣтствую также Ваше намѣреніе познакомить меня съ записями предварительно и общими нашими усиліями придать имъ возможную точность и ясность». Къ сожалѣнію, намѣчавшаяся наша встрѣча въ Парижѣ не состоялась, ибо вскорѣ А. В. Кривошеинъ скончался.

Въ нѣкоторыхъ отзывахъ указывалось, между прочимъ, на желательность — для яркости и широты картины положенія государственныхъ дѣлъ лѣтомъ 1915 года — предпослать «Тяжелымъ Днямъ» особое введеніе съ характеристикой той исключительной обстановки, въ которой протекала правительственная дѣятельность послѣ возникновенія войны и, въ особенности, со времени начала великаго отступленія нашей Арміи. Несомнѣнно, что такое введеніе въ значительной степени помогло бы правильному пониманію и безпристрастной оцѣнкѣ положенія Совѣта Министровъ въ болѣзненные, безконечно тревожные «Тяжелые Дни». Однако, для выполненія подобной работы еще не приспѣлъ срокъ, еще не накопились матеріалы. Надо ждать, пока станутъ доступны архивы правительственныхъ, законодательныхъ и общественныхъ учрежденій, — пока не откроются партійныя бумагохранилища, — пока не появятся въ свѣтъ въ достаточномъ для взаимной повѣрки количествѣ воспоминанія, секретные документы, частная переписка современниковъ, научная разработка газетной литературы и пр., словомъ — всѣ тѣ подлинныя бытовыя данныя, безъ которыхъ немыслимо раскрыть истинную подоплеку явленій и отношеній, — сложность политическихъ и иныхъ вліяній, — закулисныя домогательства отдѣльныхъ группъ, — размахъ злостной провокаціи, — происки революціоннаго подполья, — участіе непріятельскихъ денежныхъ воспособленій въ колебаніи основъ государственнаго строя, и т. д. А безъ такого матеріала всякія обобщающія изслѣдованія и повѣствованія неизбѣжно сведутся либо къ обвинительному акту, либо къ апологетическому сказанію, либо къ политическому памфлету.

Но есть одинъ вопросъ, который нельзя обойти молчаніемъ, ибо иначе остается непонятнымъ сквозящее въ бесѣдахъ Совѣта Министровъ во время «Тяжелыхъ Дней» чувство какъ бы безсилія бороться съ надвигающеюся со всѣхъ сторонъ разрухою. Вопросъ этотъ — о взаимоотношеніяхъ военной и гражданской власти и предѣлы по-

слѣдней въ обстановкѣ войны. По этому поводу у меня сохранилась та справка, которая была представлена Совѣту Министровъ, въ исполненіе постановленія 16 Іюля 1915 года, Управляющимъ Дѣлами Совѣта И. Н. Лодыженскимъ. Воспроизвожу наиболѣе существенныя части по сохраненному оттиску (№ 23).

«На основаніи Высочайше утвержденнаго, 16 Іюля 1914 года, Положенія о полевомъ управленіи войскъ въ военное время, — говорится въ указанной справкѣ, — территорія, предназначенная для развертыванія и дѣйствія вооруженныхъ силъ, а равно для расположенія всѣхъ ихъ тыловыхъ учрежденій, составляетъ театръ военныхъ дѣйствій (ст. 8). На этой территоріи высшая власть принадлежитъ Верховному Главнокомандующему, который облекается чрезвычайными полномочіями, причемъ повелѣнія его исполняются на театрѣ военныхъ дѣйствій всѣми безъ изъятія правительственными мѣстами и общественными управленіями, а равно должностными лицами всѣхъ вѣдомствъ и всѣмъ населеніемъ, какъ Высочайшія повелѣнія (ст. 17). За свои распоряженія и дѣйствія онъ отвѣтствуетъ только передъ Его Величествомъ и никакое правительственное мѣсто, учрежденіе или лицо не даетъ ему предписаній и не можетъ требовать отъ него отчетовъ (ст. 20), а равно не имѣетъ права непосредственно съ нимъ сноситься, кромѣ Министровъ и Главноуправляющихъ отдѣльными частями, и лицъ, непосредственно подчиненныхъ Верховному Главнокомандующему.

«Почти столь же широкія полномочія и высокое положеніе предусмотрѣно и для Главнокомандующаго арміями фронта. Въ права его на пространствѣ подчиненной территоріи, между прочимъ, входитъ: устраненіе отъ должностей всѣхъ должностныхъ лицъ всѣхъ вѣдомствъ, состоящихъ на государственной, земской или городской службѣ, безъ различія ихъ чина и званія. Ближайшимъ его помощникомъ по административно-хозяйственной части является Главный Начальникъ снабженій армій фронта, къ предметамъ вѣдѣнія котораго относятся общія указанія по гражданскому управленію во всемъ районѣ даннаго фронта, причемъ ему подчинены главные начальники военныхъ округовъ и военные генералъ-губернаторы этого района. Послѣднимъ подчиняются, по принадлежности, всѣ мѣстности и все гражданское управленіе въ подлежащихъ районахъ театра военныхъ дѣйствій.

«Надѣляя Верховнаго Главнокомандующаго и различныхъ военныхъ начальниковъ чрезвычайными полномочіями въ области гражданскаго управленія на театрѣ военныхъ дѣйствій, положеніе о полевомъ управленіи войскъ совершенно не касается вопроса о взаимоотношеніяхъ между высшею военною и высшею правительственною властью. Въ этомъ узаконеніи не упомянуты ни Совѣтъ Министровъ, ни Предсѣдатель Совѣта, а также нѣтъ указаній о порядкѣ разрѣшенія на подчиненной Верховному Главнокомандующему территоріи вопросовъ общегосударственнаго значенія. Такимъ образомъ, территорія эта какъ бы изъята изъ вѣдѣнія общегосударственнаго управленія и проводимыя на ея пространствѣ мѣропріятія, затрогивающія интересы коренного мирнаго населенія, обычной мѣстной жизни, эко-

номическаго быта и т. п., могутъ осуществляться внѣ вѣдома Правительства властью подлежащихъ военныхъ начальниковъ. Послѣдніе не обязаны даже о сдѣланныхъ распоряженіяхъ по гражданской части доводить до свѣдѣнія заинтересованныхъ Министровъ, которые, при такихъ условіяхъ, во многихъ случаяхъ узнаютъ уже о свершившихся фактахъ и лишены возможности заблаговременно предпринять необходимые шаги для согласованія таковыхъ распоряженій съ общимъ направленіемъ правительственной политики и ближайшими задачами государственнаго управленія. Между тѣмъ, подчиненная военнымъ властямъ площадь Имперіи, включенная въ театръ военныхъ дѣйствій, весьма обширна и охватываетъ,—помимо мѣстностей со смѣшанымъ укладомъ, а также съ нерѣдко противорѣчивыми племенными стремленіями (Финляндія, Польша, Кавказъ, Прибалтійскій край, Архангельскъ, Владивостокъ и т. д.), — самую столицу государства – Петроградъ.

«Возникавшія на такой почвѣ недоразумѣнія и, въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ, несогласованность дѣйствій по однороднымъ вопросамъ въ мѣстностяхъ, подвѣдомственныхъ различнымъ властямъ, неоднократно вызывали необходимость личныхъ поѣздокъ Предсѣдателя Совѣта Министровъ и отдѣльныхъ Главныхъ Начальниковъ вѣдомствъ въ Ставку Верховнаго Главнокомандующаго для непосредственныхъ переговоровъ. Наряду съ тѣмъ, по многимъ дѣламъ, касавшимся одновременно театра войны и всей остальной Имперіи, требовалась обширная переписка какъ по существу самаго дѣла, такъ и въ цѣляхъ устраненія разномыслій, а равно для ознакомленія военной власти со взглядами Правительства на тѣ или иныя явленія въ гражданской жизни въ районахъ военныхъ дѣйствій. Однако, при множествѣ выдвигаемыхъ военными условіями вопросовъ, — и личныя, и письменныя сношенія оказывались недостаточными для установленія прочной связи между правительственными мѣропріятіями и дѣйствіями военныхъ властей».

Въ дальнѣйшемъ изложеніи вышеупомянутой справки содержится перечисленіе важнѣйшихъ случаевъ и общихъ вопросовъ, на почвѣ которыхъ сказывались неблагопріятныя для нормальнаго теченія государственныхъ дѣлъ послѣдствія раздѣленій Имперіи на двѣ части съ подчиненіемъ одной изъ нихъ — Верховному командованію и другой — Правительству, изъ коихъ первое обладало безаппеляціонными полномочіями, а второе въ распорядительныхъ своихъ дѣйствіяхъ должно было либо оставаться въ рамкахъ общихъ законовъ мирнаго времени, либо прибѣгать къ мелочному по отдѣльнымъ случаямъ законодательству въ порядкѣ статьи 87 Основныхъ Государственныхъ Законовъ. Воспроизведеніе всѣхъ соотвѣтствующихъ матеріаловъ выходитъ изъ задачъ и объема «Дополнительныхъ Поясненій», безъ того принявшихъ слишкомъ обширные размѣры. Можно ограничиться лишь одною выпискою изъ справки, заслуживающею упоминанія въ виду быстраго отраженія приведеннаго въ ней случая на дальнѣйшемъ развитіи событій.

«Безъ предварительныхъ сношеній съ Совѣтомъ Министровъ, — отмѣчается въ справкѣ, — былъ осуществленъ рядъ мѣръ въ отноше-

ніи выселенія во внутреннія губерніи нѣмцевъ-колонистовъ и евреев. а также возложена была на послѣднихъ обязанность выдавать за ложниковъ. По еврейскому вопросу Начальнику Верховнаго Главнс командующаго сообщены были соображенія Совѣта Министровъ о не допустимости подобныхъ огульныхъ мѣропріятій съ точки зрѣні поддержанія общественной безопасности внутри страны и въ виду не благопріятнаго впечатлѣнія за границею, могущаго имѣть послѣдстві емъ затрудненія для нашихъ финансовыхъ операцій на иностранныхъ рынкахъ. Съ своей стороны, Начальникъ Штаба приказалъ Началь нику Гражданской Канцеляріи (въ то время эту должность занималъ Статскій Совѣтникъ Ч., временно замѣстившій князя Н. Л. Оболен скаго) довести до свѣдѣнія Управляющаго Дѣлами Совѣта Мини стровъ, что «всѣ принятыя въ отношеніи евреевъ, съ достаточною яс ностью доказавшихъ свое явно враждебное отношеніе къ интересамъ нашего Отечества, репрессивныя мѣры» признаются Генераломъ-отъ Инфантеріи Янушкевичемъ «весьма слабыми» и что онъ «не остано вился бы передъ усиленіемъ ихъ въ еще болѣе значительной степени». «Ни соображенія тягостнаго экономическаго положенія еврейской бѣдноты со всѣми его послѣдствіями для населенія мѣстностей, служа щихъ пунктами водворенія, — ни отношеніе къ постановкѣ даннаго вопроса общественнаго мнѣнія союзныхъ намъ державъ, — ни, даже, настроеніе биржевыхъ круговъ, состоящихъ подъ подавляющимъ вліяніемъ евреевъ, — а тѣ практическія затрудненія, которыя немину емо должны возникнуть у гражданскихъ властей по приведенію въ исполненіе массовой высылки евреевъ изъ постоянныхъ мѣстъ ихъ жительства, являются существеннымъ препятствіемъ къ усиленію ре прессій».

Изъ соотвѣтствующихъ главъ «Тяжелыхъ Дней» усматривается, что черезъ короткій срокъ чрезвычайная государственная необходимость вынудила Совѣтъ Министровъ, въ интересахъ обезпеченія финансо выхъ потребностей войны, прибѣгнуть къ демонстративной мѣрѣ отмѣны черты еврейской осѣдлости въ отношеніи городскихъ поселе ній. Мѣру эту пришлось проводить въ исключительно спѣшномъ по рядкѣ, прибѣгнувъ, не смотря на продолжавшуюся въ то время сес сію законодательныхъ учрежденій, къ искусственному примѣненію статьи 158 Учрежденія Министровъ.

Необходимость нахожденія при Верховномъ Главнокомандующемъ лица, близко освѣдомленнаго въ правительственныхъ видахъ и могу щаго быть, по своему служебному положенію, выразителемъ взгля довъ Совѣта Министровъ, стала очевидной для послѣдняго съ пер выхъ же недѣль войны. По поводу предпринятыхъ къ разрѣшенію этого вопроса шаговъ читаемъ въ справкѣ слѣдующее:

«Наканунѣ отбытія къ дѣйствующей арміи, Его Императорскому Высочеству Князю Николаю Николаевичу угодно было, между про чимъ, высказать пожеланіе объ установленіи тѣснаго взаимодѣйствія между Верховнымъ Главнокомандующимъ и высшимъ гражданскимъ управленіемъ Имперіи въ лицѣ Совѣта Министровъ. Съ своей сто роны, Совѣтъ Министровъ, всецѣло привѣтствуя таковое пожеланіе и считая, въ государственныхъ интересахъ приведеніе его въ исполне-

ніе существенно важнымъ, остановился на мысли о назначеніи при Особѣ Его Императорскаго Высочества особаго лица, опытнаго и авторитетнаго въ области гражданскаго управленія, которое явилось бы живою связью между Его Высочествомъ и Совѣтомъ Министровъ.

«Предложеніе это, а равно намѣченные Совѣтомъ Министровъ кандидаты для указаннаго назначенія (князь Б. А. Васильчиковъ и графъ П Н. Игнатьевъ) представлены были Статсъ-Секретаремъ Горемыкинымъ на усмотрѣніе Его Императорскаго Высочества.

«Телеграммою отъ 15 Августа и письмомъ отъ 19 того же мѣсяца, Начальникъ Штаба Верховнаго Главнокомандующаго увѣдомилъ Предсѣдателя Совѣта Министровъ, что Его Императорское Высочество, согласно точному смыслу Положенія о полевомъ управленіи войскъ въ военное время, считаетъ необходимымъ, чтобы назначенное лицо состояло лично при Начальникѣ Штаба, было исключительно ему подчинено и, слѣдовательно, имѣло докладъ ему, а не непосредственно Верховному Главнокомандующему. При такихъ условіяхъ, Генералъ-отъ-Инфантеріи Янушкевичъ полагалъ бы болѣе соотвѣтственнымъ назначеніе для изъясненной цѣли кого либо изъ чиновъ Канцеляріи Совѣта Министровъ или Государственной Канцеляріи. Въ послѣдствіе бывшей по этому предмету переписки, состояшимъ при Начальникѣ Штаба Верховнаго Главнокомандующаго по дѣламъ гражданскаго управленія назначенъ былъ въ Сентябрѣ 1914 года Помощникъ Статсъ-Секретаря Государственнаго Совѣта, сверхъ штата, Коллежскій Совѣтникъ князь Н. Л. Оболенскій.

«3 Октября 1914 года при Штабѣ Верховнаго Главнокомандующаго образована была, во главѣ съ княземъ Н. Л. Оболенскимъ, Канцелярія по гражданской части, къ предметамъ вѣдѣнія которой отнесены: 1. вопросы гражданскаго управленія, возникающіе въ отношеніи мирнаго населенія по случаю военныхъ дѣйствій; 2. мѣропріятія, имѣющія обшее по гражданскому управленію значеніе и выходящія за предѣлы предоставленной войсковымъ начальствомъ власти; 3. предложенія, относящіяся до устройства управленія въ занятыхъ силою оружія непріятельскихъ мѣстностяхъ. Съ тѣмъ вмѣстѣ установлено, что сношенія по перечисленнымъ предметамъ съ Министрами и Главнокомандуюшими отдѣльными вѣдомствами производятся, за исключеніемъ не допускаюшихъ отлагательства случаевъ, войсковыми начальствами черезъ Штабъ Верховнаго Главнокомандующаго, по гражданской Канцеляріи; на обязанности послѣдней лежитъ изготовленіе проектовъ этихъ сношеній къ подписи Начальника Штаба; на Канцелярію же возложена переписка по этимъ вопросамъ съ прочими мѣстами и лицами, а также истребованіе, согласно указаніямъ Начальника Штаба, свѣдѣній и заключеній подлежашихъ военныхъ генералъ-губернаторовъ и главныхъ начальниковъ снабженій арміи.

«Такимъ образомъ, изъ изложеннаго явствуетъ, что выраженное Его Императорскимъ Высочествомъ и всецѣло раздѣляемое Совѣтомъ Министровъ пожеланіе объ установленіи непосредственной живой связи между Верховнымъ Главнокомандующимъ и высшимъ гражданскимъ управленіемъ Имперіею осталось неосуществленнымъ. Принятыя, вслѣдствіе возникшей по этому общему вопросу переписки,

мѣры ограничились созданіемъ исполнительнаго при Начальникѣ Штаба органа по гражданскимъ дѣламъ».

Заканчивая на этомъ выписки изъ справки, необходимо въ заключеніе, для пониманія положенія Совѣта Министровъ въ обстановкѣ «Тяжелыхъ Дней», остановиться еще на одномъ обстоятельствѣ, отзывавшемся на авторитетѣ правительства и на обостреніи внутреннихъ отношеній.

Государственная Дума, наблюдая невѣроятную тыловую разруху въ дни Іюльскаго и Августовскаго отступленія нашихъ Армій, разстройство сообщеній, безпримѣрныя страданія насильственно выдворяемаго и превращаемаго въ бѣженцевъ гражданскаго населенія, гибель сотень людей и достоянія тысячъ вслѣдствіе нераспорядительности и непредусмотрительности мѣстныхъ властей, произволъ и путаницу въ дѣйствіяхъ многочисленныхъ начальствъ и вообще рядъ тревожныхъ фактовъ, заставлявшихъ опасаться возникновенія внутреннихъ осложненій, — не могла, въ виду категорическаго смысла постановленій Положенія объ управленіи войскъ въ военное время, привлечь къ подобнымъ случаямъ — въ порядкѣ использованія права вопросовъ и запросовъ — вниманіе Верховнаго Главнокомандующаго, на всецѣло подчиненной коему территоріи театра военныхъ дѣйствій (ст. 8 Положенія) всѣ эти явленія происходили. При такихъ условіяхъ, не считая возможнымъ оставаться какъ бы безучастной къ событіямъ, грозившимъ интересамъ общегосударственнымъ, Государственная Дума обращала соотвѣтственные вопросы и запросы какъ въ комиссіяхъ, такъ и въ общихъ собраніяхъ къ Предсѣдателю Совѣта Министровъ и къ Главнымъ Начальникамъ отдѣльныхъ вѣдомствъ. Съ своей стороны, лица эти, фактически не обладая распорядительною властью на территоріи, подвѣдомственной военному начальству, и не имѣя даже непосредственныхъ свѣдѣній о происходящемъ, о цѣляхъ и существѣ проводимыхъ на этой территоріи мѣропріятій и пр. не могли давать исчерпывающихъ объясненій и принимать обязательствъ объ устраненіи замѣченныхъ у фронтовыхъ учрежденій пробѣловъ или злоупотребленій. Между тѣмъ, запросы въ Государственной Думѣ заслушивались и одобрялись, причемъ произносились соотвѣтствующія обличительныя или негодующія рѣчи. Послѣднія расходились по всей странѣ и за-границу и воспринимались массою, не разбиравшеюся въ своеобразіи положенія Совѣта Министровъ, въ качествѣ показателя неспособности, бездѣятельности, чуть-ли не злонамѣренности Правительства. На почвѣ такихъ вопросовъ и запросовъ обострялись отношенія между правительственною властью и законодательнымъ учрежденіемъ и углублялся кризисъ, назрѣвавшій внутри.

Будущій безпристрастный историкъ разберется во всемъ сцѣпленіи вольныхъ или невольныхъ ошибокъ, явленій, пробѣловъ, неудачъ, дѣйствій, скрытыхъ намѣреній, движущихъ побужденій, — и воздастъ коемуждо по дѣломъ его.

Арк. Яхонтовъ.

Франція.

9 Февраля 1926 года.

ЗАСѢДАНІЕ 16 ІЮЛЯ 1915 ГОДА.

«Считаю своимъ гражданскимъ и служебнымъ долгомъ заявить Совѣту Министровъ, что отечество въ опасности».

Такъ, въ засѣданіи Совѣта Министровъ 16 Іюля 1915 года, приступилъ генералъ Поливановъ къ своему очередному докладу о положеніи на фронтѣ. Въ голосѣ его чувствовалось что-то повышенно-рѣзкое. Присущая ему нѣкоторая театральность рѣчи и обычно замѣтное стремленіе вліять на слушателя образностью выраженій стушевывались на этотъ разъ потрясающимъ значеніемъ произнесенныхъ словъ.

Воцарилось томительное молчаніе. Наступившая тишина казалась невыносимой, безконечной. А между тѣмъ ни для кого не была тайною та чрезвычайно тяжелая, почти безпросвѣтная обстановка, въ которой очутилась наша армія подъ упорнымъ давленіемъ нѣмцевъ. За послѣднее время въ Совѣтѣ Министровъ неоднократно, съ возраставшею тревогою, говорили о грозномъ оборотѣ военныхъ событій. Но съ такою яркостью обрисовки надвинувшейся бѣды до сихъ поръ никто не выступалъ передъ правительствомъ. Изъ Ставки шли запоздалыя сухія офиціальныя сообщенія, поддерживались надежды на не сегодня-завтра возобновляющееся наступленіе. Ни Верховный Главнокомандующій, ни Начальникъ его Штаба не находили нужнымъ освѣщать передъ Совѣтомъ Министровъ истинное положеніе, заблаговременно предупредить о надвигающейся катастрофѣ. Поэтому заявленіе Военнаго Министра и показалось чуть ли не взрывомъ бомбы.

Когда прошла первая минута, когда охватившее всѣхъ нервное напряженіе немного ослабѣло, Предсѣдатель Совѣта Министровъ И. Л. Горемыкинъ обратился къ А. А. Поливанову съ просьбою объяснить, на чемъ онъ строитъ столь мрачное заключеніе.

Военный Министръ въ общихъ чертахъ нарисовалъ картину фронта, оговорившись, что приводимыя имъ свѣдѣнія представляются, вѣроятно, устарѣвшими, такъ какъ, во-первыхъ, наше отступленіе развивается съ возрастающею быстротою, во многихъ случаяхъ принимающею характеръ чуть ли не паническаго бѣгства,и, во-вторыхъ, Ставка Верховнаго Главнокомандующаго не сообщаетъ Главѣ военнаго вѣдомства никакихъ данныхъ о положеніи на боевой линіи. Военному Министру приходится судить объ этомъ положеніи на основаніи доходящихъ непосредственно въ Петербургъ донесеній нашей контръ-развѣдки о передвиженіяхъ въ непріятельскомъ лагерѣ. Во всякомъ случаѣ для каждаго, мало-мальски знакомаго съ военнымъ дѣломъ, человѣка ясно, что приближаются моменты рѣшающіе для всей войны. Пользуясь огромнымъ преобладаніемъ артиллеріи и неисчерпаемыми запасами снарядовъ, нѣмцы заставляютъ насъ отступать однимъ артиллерійскимъ огнемъ. Тогда какъ они стрѣляютъ изъ орудій чуть ли не по одиночкамъ, наши баттареи вынуждены молчать даже во время серіозныхъ столкновеній. Благодаря этому, обладая возможностью не пускать въ дѣло пѣхотныя массы, непріятель почти не несетъ потерь, тогда какъ у насъ люди гибнутъ тысячами. Естественно, что съ каждымъ днемъ нашъ отпоръ слабѣетъ, а вражескій натискъ усиливается. Гдѣ ждать остановки отступленія— Богу вѣдомо. Сейчасъ въ движеніи непріятеля все болѣе обнаруживается три

главнѣйшихъ направленія: на Петербургъ, на Москву и на Кіевъ... Въ слагающейся обстановкѣ нельзя предвидѣть, чѣмъ и какъ удастся намъ противодѣйствовать развитію этого движенія. Войска несомнѣнно утомлены безконечными пораженіями и отступленіями. Вѣра въ конечный успѣхъ и въ вождей подорвана. Замѣтны все болѣе грозные признаки надвигающейся деморализаціи. Учащаются случаи дезертирства и добровольной сдачи въ плѣнъ. Да и трудно ждать порыва и самоотверженія отъ людей, вливаемыхъ въ боевую линію безоружными съ приказомъ подбирать винтовки убитыхъ товарищей...

«Но — продолжалъ Военный Министръ — на темномъ фонѣ матеріальнаго, численнаго и нравственнаго разстройства арміи есть еще одно явленіе, которое особенно чревато послѣдствіями и о которомъ больше нельзя умалчивать. Въ Ставкѣ Верховнаго Главнокомандующаго наблюдается растущая растерянность. Она тоже охватывается убійственною психологіею отступленія и готовится къ отходу вглубь страны, на новое мѣсто. Назадъ, назадъ и назадъ — только и слышно оттуда. Въ дѣйствіяхъ и распоряженіяхъ не видно никакой системы, никакого плана. Ни одного смѣло задуманнаго маневра, ни одной попытки использовать ошибки зарвавшагося врага. И вмѣстѣ съ тѣмъ Ставка продолжаетъ ревниво охранять свою власть и прерогативы. Среди разростающейся катастрофы она даже не считаетъ нужнымъ посовѣтоваться съ ближайшими сотрудниками. Не только командующіе арміями, но даже главнокомандующіе фронтами ни разу не были призваны въ Ставку для совмѣстнаго доклада о положеніи, о возможномъ исходѣ изъ затрудненій, о способахъ дальнѣйшей борьбы. Надъ всѣмъ и всѣми царитъ генералъ Янушкевичъ. Всѣ прочіе должны быть безсловесными исполнителями объявляемыхъ имъ отъ имени Великаго Князя повелѣній. Никакой починъ не допускается. Никто изъ старшихъ военноначальниковъ не вѣдаетъ, куда и зачѣмъ его двигаютъ. Молчать и не разсуждать — вотъ любимый окрикъ изъ Ставки. Но приэтомъ въ происходящихъ несчастіяхъ виновата не Ставка, а всѣ—и люди, и стихіи. Виноваты генералы, полковые и ротные командиры, виноваты сами чудо-богатыри, виноватъ Военный Министръ, виновато правительство въ его цѣломъ и отдѣльные члены, виноватъ тылъ. Словомъ, отвѣтственны всѣ, кромѣ того органа, на которомъ непосредственно лежитъ отвѣтственность. И эта чреватая внутренними послѣдствіями мысль внѣдряется изъ Ставки въ общественное сознаніе...»

Отмѣтивъ затѣмъ угрожающее наростаніе раздраженія въ странѣ и признаки революціонныхъ вѣяній не только въ тылу, но и на фронтѣ, А. А. Поливановъ воскликнулъ: «Печальнѣе всего, что правда не доходитъ до Его Величества. Государь оцѣниваетъ положеніе на фронтѣ и дальнѣйшія перспективы только на основаніи сообщеній, обработанныхъ Ставкою. Его мнѣніе о происходящемъ складывается лишь на основаніи тѣхъ матеріаловъ и заключеній, которые считаютъ возможнымъ сообщать генералы Даниловъ съ Янушкевичемъ...» «На рубежѣ величайшихъ событій въ русской исторіи — съ силою продолжалъ Военный Министръ — надо, чтобы Русскій Царь выслушалъ мнѣніе всѣхъ отвѣтственныхъ военноначальниковъ и всего Совѣта Министровъ, которые должны откровенно сказать Ему о томъ, что приближается, быть можетъ, послѣдній часъ и что необходимы героическія рѣшенія. И наша, господа, обязанность, не откладывая ни минуты, умолять Его Величество немедленно собрать подъ Своимъ предсѣдательствомъ чрезвычайный военный совѣтъ. Никакія откладыванія и отсрочки болѣе недопустимы, ибо впереди и недалеко трагедія и внѣшняя, и внутренняя. Мы всѣ единодушно и настойчиво должны просить Государя созвать военный совѣтъ при участіи Правительства въ ближайшіе дни. Иначе можетъ быть поздно...»

Призывъ Военнаго Министра встрѣтилъ горячій откликъ въ Совѣтѣ Министровъ. Рѣшено уполномочить И. Л. Горемыкина и А. А. Поливанова представить Его Величеству единодушное ходатайство Правительства о неотлагательномъ созывѣ военнаго совѣта, причемъ докладчики обязаны указать Государю,

что мѣра эта обусловливается не только военною необходимостью, но и соображеніями внутренней политики, ибо населеніе недоумѣваетъ по поводу внѣшне безучастнаго отношенія Царя и Его Правительства къ переживаемой на фронтѣ катастрофѣ. Съ своей стороны отдѣльные Министры, при очередныхъ всеподданнѣйшихъ докладахъ, обязались повторять Государю о настоятельности и своевременности совѣщанія Царя со своими генералами и министрами.

Слѣдуетъ отмѣтить, что мысль о необходимости чрезвычайнаго военнаго совѣта возникала въ Совѣтѣ Министровъ неоднократно въ связи съ печальными событіями на Карпатахъ и понесенными нашею арміей пораженіями, повлекшими за собою проникновеніе врага глубоко внутрь страны. Еще въ засѣданіи Совѣта 8 іюля 1915 г. подъ Высочайшимъ предсѣдательствомъ въ Царскомъ Селѣ мысль эта была доложена Государю Императору и Его Величество, признавъ ее по существу цѣлесообразной, изъявилъ согласіе созвать военноначальниковъ и министровъ въ срокъ въ зависимости отъ дальнѣйшаго развитія событій.

Происходившій послѣ доклада Военнаго Министра обмѣнъ мнѣній я не былъ въ состояніи записывать послѣдовательно. Рука дрожала отъ нервнаго напряженія. У меня помѣчено по окончаніи бесѣды по этому поводу: «Всѣхъ охватило какое то возбужденіе. Шли не пренія въ Совѣтѣ Министровъ, а безпорядочный перекрестный разговоръ взволнованныхъ, захваченныхъ за живое русскихъ людей. Вѣкъ не забуду этого дня и переживаній. Неужели правда, все пропало! Не внушаетъ мнѣ Поливановъ довѣрія. У него всегда чувствуется преднамѣренность, задняя мысль, за нимъ стоитъ тѣнь Гучкова».

Во время бесѣды нѣкоторыми изъ Министровъ было, между прочимъ, отмѣчено, что если въ тылу и въ штабахъ наблюдается нѣкоторая растерянность, то на фронтѣ, напротивъ, офицерство настроено бодро и не теряетъ вѣры въ конечную побѣду и въ переходъ въ наступленіе. Отходъ объясняется, какъ суворовскій маневръ заманиванія непріятеля внутрь страны, подальше отъ коммуникаціонныхъ линій. Когда же нѣмцы достаточно зарвутся и отойдутъ отъ своей основной базы, имъ будетъ нанесенъ сокрушительный ударъ и ихъ погонятъ за Вислу. По поводу этихъ толковъ А. А. Поливановъ рѣзко воскликнулъ: «Вопросъ о вѣрѣ въ конечную побѣду, всѣ росказни доморощенныхъ стратеговъ и писателей военныхъ обзоровъ глубоко меня раздражаютъ. Переходъ въ наступленіе черезъ Вислу — вредная иллюзія, разслабляющая общественное сознаніе. Для этого нѣтъ ни техническихъ возможностей, ни достаточно войскъ. Надо думать не о побѣдахъ, а о томъ, какъ бы спасти жизненные центры Россіи отъ захвата врагомъ. Надо не убаюкиваться несбыточными надеждами, а сосредоточить всѣ силы на сопротивленіи. Повторяю, господа, отечество въ опасности».

Въ дальнѣйшемъ ходѣ засѣданія былъ затронутъ болѣзненный вопросъ о взаимоотношеніяхъ гражданскихъ и военныхъ властей какъ вообще, такъ въ особенности въ Петербургѣ. Послѣдній былъ включенъ въ составъ территоріи театра военныхъ дѣйствій и подчиненъ Главнокомандующему VI-ой арміей. Лицо это, на основаніи Положенія о полевомъ управленіи войскъ въ военное время, вѣдало всѣми рѣшительно проявленіями жизни столицы и въ дѣйствіяхъ своихъ руководствовалось исключительно указаніями изъ Ставки. Ни Совѣтъ Министровъ, ни Министръ Внутреннихъ Дѣлъ, ни другіе главы вѣдомствъ для него не существовали. Въ итогѣ создавалась неразбериха и разстройство работы отдѣльныхъ органовъ управленія. Сплошь и рядомъ штабъ VI арміи принималъ въ Петербургѣ по рабочему, продовольственному и другимъ вопросамъ такія своеобразныя мѣры, которыя шли въ полномъ противорѣчіи съ правительственной политикою и осложняли безъ того весьма сложную внутреннюю обстановку. О видоизмѣненіи и отмѣнѣ подобныхъ мѣропріятій заинтересованному министру приходилось входить съ всеподданнѣйшимъ представленіемъ къ Его Императорскому Высочеству Верховному Главнокомандующему, который, если ему угодно было согласиться съ нецѣлесообразностью опроте-

стованныхъ распоряженій VI арміи, объявлялъ черезъ генерала Янушкевича соотвѣтствующее повелѣніе. На всю эту волокиту требовалось время (пока напишутъ, пока отвѣтятъ, пока исполнятъ).

Ненормальность такого положенія, о которомъ и Совѣтъ Министровъ, и его Предсѣдатель, и отдѣльные Министры съ начала войны неоднократно докладывали и Великому Князю, и Государю Императору, вызвала въ концѣ концовъ Высочайшее повелѣніе разработать и представить Его Величеству проектъ созданія при Главнокомандующемъ VI арміей особаго смѣшаннаго органа съ участіемъ военныхъ и гражданскихъ представителей для обсужденія мѣропріятій общаго значенія по петербургскому округу. Составленіе положенія о такомъ органѣ было возложено на междувѣдомственную комиссію. Освѣдомившись объ этомъ, Великій Князь въ рескриптѣ на имя Предсѣдателя Совѣта Министровъ выразилъ свое неудовольствіе по поводу доклада Государю и разсмотрѣнія въ комиссіи, безъ предварительнаго сношенія со Ставкою, вопроса, затрагивающаго прерогативы и компетенцію Верховнаго Главнокомандующаго. О таковомъ неудовольствіи Его Высочества И. Л. Горемыкинъ сообщилъ Совѣту Министровъ. Послѣдовавшія пренія весьма любопытны для характеристики того тяжелаго положенія, которое создавалось для правительства отношеніями со Ставкою и военными властями.

«Привѣтствую рескриптъ Великаго Князя» — заявилъ *А. В. Кривошеинъ*. «Привѣтствую его, какъ поводъ вернуться къ наболѣвшему вопросу и пересмотрѣть ранѣе высказанныя заключенія. Сейчасъ вопросъ этотъ уже выходитъ изъ рамокъ петербургскаго округа и пріобрѣтаетъ гораздо болѣе широкое значеніе. Съ развитіемъ отступленія и приближеніемъ военныхъ администраторовъ, со всѣхъ сторонъ учащаются жалобы на тренія, волокиту и путаницу въ дѣлахъ. Гражданскія власти обязаны считаться съ велѣніями многообразныхъ безчисленныхъ военныхъ начальниковъ, чуть ли не до этапныхъ комендантовъ включительно, но эти начальники въ свою очередь ни съ кѣмъ и ни съ чѣмъ не находятъ нужнымъ считаться. На мѣстахъ получается полная анархія. Всѣ приказываютъ, но отвѣтственныхъ людей не найти. Дезорганизація принимаетъ столь угрожающій характеръ, что становится страшно за будущее. Иной разъ, слушая разсказы съ мѣстъ, думаешь, что находишься въ домѣ сумасшедшихъ. Къ сожалѣнію, со стороны Ставки не видно какихъ либо дѣйствій, направленныхъ къ обузданію чрезмѣрно ретивыхъ генераловъ, полковниковъ и прочихъ героевъ военнаго тыла. Напротивъ, сама Ставка отдаетъ распоряженія и проводитъ различныя мѣропріятія по гражданской части, безъ какихъ либо сношеній съ заинтересованными вѣдомствами. Создается разность политики, путаница въ управленіи и хаосъ. Казалось бы, что въ данную минуту у Ставки столько чисто военныхъ заботъ, что она могла бы отказаться отъ реформаторской дѣятельности уже не въ завоеванныхъ, а исконно россійскихъ областяхъ и губерніяхъ. Такъ или иначе, но бедламу долженъ быть положенъ предѣлъ. Никакая страна, даже многотерпѣливая Русь, не можетъ существовать при наличіи двухъ правительствъ. Или пусть Ставка возьметъ на себя все и сниметъ съ Совѣта Министровъ отвѣтственность за теченіе дѣлъ, или же пусть она и ея подчиненные считаются съ интересами государственнаго управленія. Надо твердо и безповоротно установить такой порядокъ, чтобы ни одно распоряженіе правительства, касающееся интересовъ войны, не издавалось безъ сношенія со Ставкою и чтобы ни одно распоряженіе Ставки по гражданской части не проводилось безъ вѣдома Совѣта Министровъ или подлежащаго вѣдомства. Нашъ долгъ доложить объ этомъ Государю и указать, что настоящее положеніе длиться не можетъ». *П. А. Харитоновъ*, вполнѣ соглашаясь въ существѣ съ мнѣніемъ А. В. Кривошеина, отмѣтилъ, что поддержаніе связи и взаимное освѣдомленіе путемъ переписки по возникающимъ вопросамъ вызвало бы на практикѣ значительныя затрудненія и замедленія. Поэтому представлялось бы предпочтительнымъ прибѣгнуть къ уже испытанной въ Турецкую

войну мѣрѣ, а именно — къ назначенію при Ставкѣ правительственнаго коммиссара, который, будучи въ постоянной связи съ правительствомъ, являлся бы при Великомъ Князѣ докладчикомъ по гражданскимъ дѣламъ: *Кн. Н. Б. Щербатовъ:* «За короткій срокъ моего пребыванія во главѣ Министерства Внутреннихъ Дѣлъ я на горькомъ опытѣ убѣдился, что дальше такъ идти не можетъ. Губернаторы заваливаютъ меня запросами и телеграммами о невыносимомъ положеніи, порождаемымъ дѣяніями военныхъ властей. При малѣйшемъ возраженіи — окрикъ и угрозы, чуть ли не до ареста включительно. Невозможно разобраться, чьи приказанія и требованія слѣдуетъ исполнять. Сыплются они со всѣхъ сторонъ, причемъ нерѣдко совершенно противорѣчивыя. На мѣстахъ неразбериха и путаница невообразимыя. Распоряжаются всѣ, начиная отъ любого предпріимчиваго прапорщика. Въ возникающихъ спорахъ и столкновеніяхъ высшія военныя начальства становятся на сторону своихъ, но за всякій безпорядокъ отвѣчать должны чины Министерства Внутреннихъ Дѣлъ. Среди послѣднихъ все сильнѣе проявляется стремленіе или перевестись во внутреннія губерніи, или же просто уйти въ отставку. Получается въ итогѣ полное разстройство мѣстной службы. Это явленіе надо во что бы то ни стало остановить, иначе скоро правительство окажется безъ аппарата на мѣстахъ. Но Министръ Внутреннихъ Дѣлъ ничего не можетъ сдѣлать. И юридически — на основаніи положенія о полевомъ управленіи —, и фактически у него нѣтъ реальной власти на территоріи театра войны. Эти подробности, конечно, неизвѣстны массѣ населенія, да и самимъ деспотическимъ прапорщикамъ. Въ ихъ глазахъ во всемъ и во вся виновато вѣдомство внутреннихъ дѣлъ. Въ концѣ концовъ я, въ качествѣ Мининстра, становлюсь всеобщимъ козломъ отпущенія, тѣмъ злосчастнымъ Макаромъ, на котораго всѣ шишки сыплются. Лично-то мнѣ это все-равно, но, вѣдь, страдаетъ авторитетъ правительственной власти. Въ толпѣ ширятся толки о бездѣятельности, неспособности Совѣта Министровъ, подогрѣваемые беззастѣнчивою печатью и нѣкоторыми общественными кругами. Къ какимъ это можетъ привести послѣдствіямъ при общемъ возбужденіи умовъ — едва ли нужно говорить. Если подобные толки служатъ громоотводомъ для однихъ и способомъ достиженія политическихъ цѣлей для другихъ, то для государственнаго правопорядка они представляютъ серіозную угрозу. Вотъ, въ ближайшіе дни соберется Дума. Я знаю изъ вѣрныхъ источниковъ, что насъ хотятъ забросать запросами по мѣстнымъ дѣламъ. Что же я буду отвѣчать? Вѣдь, я ни въ чемъ, касающемся подчиненныхъ военному командованію территорій, точно и исчерпывающе не освѣдомленъ. Да и какъ я могу давать объясненія о дѣйствіяхъ и распоряженіяхъ, которыя принимаются и проводятся безъ моего вѣдома. Какъ я могу отвѣчать за политику Ставки, принципы и цѣли которой вырабатываются безъ моего участія, о которыхъ меня не освѣдомляютъ и которые осуществляются внѣ моего контроля. Настоятельно прошу Совѣтъ Министровъ возможно скорѣе принять мѣры къ установленію постояннаго живого контакта съ верховнымъ главнокомандованіемъ. Я докладывалъ объ этомъ и Великому Князю, и Государю и встрѣтилъ съ ихъ стороны полное сочувствіе.» *А. В. Кривошеинъ:* «Слова Министра Внутреннихъ Дѣлъ дополняютъ то, что намъ пришлось сегодня услышать отъ Военнаго Министра о состояніи умовъ въ Ставкѣ. Картина вырисовывается такая, что жутко становится за будущее. На фронтѣ бьютъ насъ нѣмцы, а въ тылу добиваютъ прапорщики. Надъ Россіей нависаетъ какая то безысходная трагедія. Пока военное реформаторство распространялось на одну Галицію — одинъ вопросъ. Сейчасъ непріятель захватилъ почти третью часть Европейской Россіи. Казалось бы, наступилъ моментъ для пересмотра гражданскихъ полномочій военныхъ властей. Съ многовластіемъ надо рѣшительно покончить, иначе мы зайдемъ въ такія дебри, изъ которыхъ выхода не будетъ. Наша обязанность все это разъяснить Государю.» *Кн. Н. Б. Щербатовъ* дополнилъ свой предшествующій докладъ указаніемъ на тяжелое положеніе, которое послѣ объявленія войны получилось въ Архангельскѣ. Городъ этотъ былъ включенъ въ составъ территорій театра во-

енныхъ дѣйствій съ подчиненіемъ его командующему войсками въ Петроградѣ. Будучи такимъ образомъ изъятъ изъ вѣдѣнія гражданскаго начальства и министерствъ, Архангельскъ остался въ концѣ концовъ безъ всякаго начальства, ибо петроградскій военный округъ не обладалъ ни необходимыми органами, ни знаніемъ мѣстныхъ нуждъ и условій и не имѣлъ ни времени, ни возможности заниматься дѣлами за сотни верстъ отдаленнаго города. Въ итогѣ упущено много драгоцѣнныхъ мѣсяцевъ для развитія Архангельскаго порта, столь нужнаго намъ въ качествѣ единственнаго окна въ Европу. *А. А. Хвостовъ:* «А что творится съ эвакуаціей очищаемыхъ нами мѣстностей? Ни плана, ни согласованности дѣйствій. Все дѣлается случайно, на спѣхъ, безсистемно. Сплошь и рядомъ учрежденія получаютъ приказъ объ отъѣздѣ чуть ли не за нѣсколько часовъ до очищенія города войсками. Были случаи выѣзда суда съ аріергардомъ. Архивы, имущество бросаются на произволъ судьбы. Мѣста водворенія эвакуируемыхъ учрежденій предуказываются военною властью безъ сношеній съ заинтересованными вѣдомствами даже въ отношеніи губерній, внѣ театра войны находящихся и, слѣдовательно, Ставкѣ не подчиненныхъ. Губернаторы узнаютъ объ избраніи ихъ района для даннаго учрежденія лишь въ моментъ прибытія поѣздовъ съ чиновниками и грузами. Ни помѣщеній, ни продовольствія не заготовлено. Прибывшіе испытываютъ всевозможныя лишенія. Приходится разсовывать кое какъ и куда попало. Населеніе ропщетъ отъ неожиданныхъ стѣсненій. Надо было бы обратить вниманіе Ставки на создающееся положеніе и потребовать упорядоченія эвакуаціи съ участіемъ гражданскихъ вѣдомствъ. А какъ отнестись къ такимъ, напримѣръ, дѣйствіямъ, какъ разрѣшеніе формировать различные польскіе легіоны, латышскіе баталіоны, армянскія дружины? Подобныя формированія выходятъ за предѣлы узко-военныхъ интересовъ, въ корнѣ затрагивая вопросы обще-государственной политики. Вѣдь этотъ шагъ есть въ существѣ ничто иное, какъ установленіе принципа образованія національныхъ войскъ. Развѣ допустимо, чтобы такая мѣра принималась безъ согласія Совѣта Министровъ. Съ ея послѣдствіями по окончаніи войны придется считаться не Верховному Главнокомандующему, роль котораго кончится съ заключеніемъ мира, а правительству. Распустить національные баталіоны будетъ не легко и они тяжелымъ грузомъ будутъ давить на нашу окраинную политику.» *А. В. Кривошеинъ:* «Совершенно ясно, что вопросъ объ урегулированіи взаимоотношеній со Ставкою не терпитъ никакихъ отлагательствъ. Ставка приближается, а съ нею и все то, что грозитъ Россіи неисчислимыми послѣдствіями. Мнѣніе Совѣта Министровъ опредѣлилось настолько ясно, что остается только довести о немъ до свѣдѣнія Великаго Князя и доложить Государю Императору.» *П. А. Харитоновъ:* «Да, доложить съ указаніемъ на необходимость назначить въ Ставку коммиссара, избравъ для этого высокопоставленное лицо, которое по своему положенію, опыту въ государственныхъ дѣлахъ, своею независимостью было бы достаточно авторитетно въ глазахъ Верховнаго Главнокомандующаго. Слѣдовало бы добиться того, чтобы Янушкевичъ сталъ начальникомъ исключительно военнаго штаба, а коммиссаръ — гражданскаго, причемъ каждый изъ нихъ докладывалъ бы Великому Князю по своей спеціальности. Думается, что Янушкевичъ не долженъ бы возражать противъ такой постановки вопроса. Освобожденіе отъ бремени мало ему извѣстныхъ штатскихъ дѣлъ дало бы ему досугъ болѣе серіозно заняться фронтомъ и борьбою съ непріятелемъ. Эта сторона обязанностей начальника штаба, повидимому, порядкомъ у него запущена...» Министръ Торговли и Промышленности *кн. В. Н. Шаховской:* «Обузданіе своеволія военныхъ начальниковъ особенно важно въ рабочемъ вопросѣ. Открыто обвиняя промышленниковъ въ недостаточно интенсивномъ развитіи производства и въ преобладаніи соображеній выгоды надъ сознаніемъ патріотическаго долга, военныя власти въ то же время давятъ на рабочую массу терроромъ. При малѣйшихъ недоразумѣніяхъ пускаются въ оборотъ полевые суды, вооруженная сила, лишеніе льготъ по призыву и т. п. устрашенія. Незначительный конфликтъ раздувается въ крупное,

чуть ли не революціонное событіе. Сейчасъ на фабрикахъ и заводахъ настроеніе замѣтно повышается. Надо быть особенно осторожнымъ и тактичнымъ. Иначе могутъ вспыхнуть волненія и забастовки». *С. В. Рухловъ:* «Не можетъ быть двухъ мнѣній о необходимости заставить военную власть считаться съ интересами гражданскаго управленія. Мы всѣ точно также работаемъ для Россіи и не меньше г. г. военныхъ заинтересованы въ спасеніи родины отъ вражескаго засилья. Нельзя примиряться съ такимъ положеніемъ, будто каждый чиновникъ, каждый правительственный служащій является помѣхой для носящихъ военный мундиръ и что во всемъ виновато крапивное сѣмя. Такое пониманіе корня переживаемыхъ бѣдствій выгодно для штабовъ, но можетъ повести къ острымъ потрясеніямъ. Становится невыносимо работать. Всѣ планы, предположенія, расчеты нарушаются произволомъ любого тылового вояки. Если бы это еще было на пользу дѣла. Но, вѣдь, вся жизнь страны разстраивается, правительственный механизмъ разлагается, повсюду хаосъ и недовольство и прежде всего страдаетъ армія — не тыловая (она себя не забываетъ), а сидящая въ окопахъ и испытывающая лишенія изъ за тыловыхъ треній. Вообще творится что то неладное. И Совѣтъ Министровъ, и мы — отдѣльные Министры попали въ какое то странное положеніе передъ Ставкою. Это учрежденіе призвано руководить военными дѣйствіями и бороться съ врагомъ. А между тѣмъ оно проникаетъ во всю жизнь государства и всѣмъ желаетъ распоряжаться. Изъ Ставки намъ даются предначертанія и повелѣнія, которыя мы обязаны выполнять чуть ли не безпрекословно. Сегодня нашъ Предсѣдатель огласилъ рескриптъ изъ Ставки, въ которомъ намъ даже объявляется чуть ли не выговоръ за безтактность. Всякому распространительному толкованію военной необходимости есть предѣлъ. Пора покончить съ подобными недоразумѣніями. Иначе нѣтъ возможности нести возложенныя Его Величествомъ отвѣтственныя обязанности. Если обратиться къ Положенію о полевомъ управленіи, то мы не найдемъ тамъ законныхъ основаній для того, что сейчасъ творится. Этому узаконенію неизвѣстны термины повелѣніе и рескриптъ. Тамъ просто говорится о непосредственныхъ сношеніяхъ главнокомандующаго съ министрами и главными начальниками отдѣльныхъ вѣдомствъ. Случайность личнаго положенія не можетъ мѣнять существа закона». *А. В. Кривошеинъ:* «Нельзя забывать, что Положеніе о полевомъ управленіи составлялось въ предположеніи, что Верховнымъ Главнокомандующимъ будетъ самъ Императоръ. Тогда никакихъ недоразумѣній не возникало бы и всѣ вопросы разрѣшались бы просто: вся полнота власти была бы въ однихъ рукахъ. Но, конечно, разъ Положеніе о полевомъ управленіи примѣняется при иныхъ условіяхъ, то въ него должны быть внесены тѣ измѣненія и поправки, которыя подсказываются потребностями дѣла. Какъ бы ни былъ геніаленъ начальникъ штаба Верховнаго Главнокомандующаго, но, вѣдь, не можетъ же онъ замѣнить собою и Совѣтъ Министровъ, и вообще весь аппаратъ правительственной власти въ Россійской Имперіи». *И. Л. Горемыкинъ:* «Господа, обращаю Ваше вниманіе на необходимость съ особою осторожностью касаться вопроса о Ставкѣ. Въ Царскомъ Селѣ накипаетъ раздраженіе и неудовольствіе противъ Великаго Князя. Императрица Александра Ѳеодоровна, какъ Вамъ извѣстно, никогда не была расположена къ Николаю Николаевичу и въ первые дни войны протестовала противъ призванія его на постъ Главнокомандующаго. Сейчасъ же она считаетъ его единственнымъ виновинкомъ переживаемыхъ на фронтѣ несчастій. Огонь разгорается. Опасно подливать въ него масло. Богъ знаетъ, къ какимъ это можетъ повести послѣдствіямъ. Докладъ о сегодняшнихъ сужденіяхъ Совѣта Министровъ явится именно такимъ огнемъ. Я бы считалъ необходимымъ отложить разрѣшеніе вопроса о взаимоотношеніяхъ и хорошенько его еще разъ обдумать».

Согласно съ мнѣніемъ Предсѣдателя, вопросъ перенесенъ на слѣдующее засѣданіе, причемъ Управляющему дѣлами Совѣта Министровъ И. Н. Лодыженскому предложено изготовить справку объ относящихся къ этому вопросу по-

становленіяхъ Положенія о полевомъ управленіи, а также о различныхъ случаяхъ, въ которыхъ сказывались послѣдствія отсутствія надлежащей согласованности дѣйствій Ставки съ общимъ направленіемъ правительственной политики.

Въ концѣ засѣданія былъ заслушанъ текстъ заявленія, съ которымъ Предсѣдатель Совѣта Министровъ долженъ былъ выступить въ Государственной Думѣ при возобновленіи ея занятій 19 Іюля 1915 года. Текстъ этотъ, выработанный при участіи главнымъ образомъ А. В. Кривошеина, почти не вызвалъ замѣчаній и былъ одобренъ съ незначительными редакціонными исправленіями. Пренія возникли только по отдѣлу, касающемуся Польши. Этотъ отдѣлъ былъ изложенъ въ слѣдующихъ выраженіяхъ: «Для программныхъ рѣчей по общей политикѣ теперь, по нашему убѣжденію, не время. Работа по улучшенію мирныхъ условій русской жизни — впереди, и она будетъ совершена при Вашемъ непосредственномъ участіи. Я считаю своимъ долгомъ сегодня же коснуться только одного вопроса, стоящаго какъ бы на грани между войною и нашими внутренними дѣлами: это — вопросъ польскій. Конечно, и онъ во всей своей полнотѣ можетъ быть разрѣшенъ только послѣ окончанія войны. Теперь Польша ждетъ прежде всего освобожденія ея земель отъ тяжкаго нѣмецкаго гнета. Но и въ эти дни польскому народу важно знать и вѣрить, что будущее его устройство окончательно и безповоротно предопредѣлено воззваніемъ Верховнаго Главнокомандующаго, объявленнымъ, съ Высочайшаго соизволенія, въ первые дни войны. Рыцарски благородный, братски вѣрный польскій народъ, стойко пережившій въ эту войну безчисленныя испытанія, вызываетъ къ себѣ въ нашихъ сердцахъ глубочайшее сочувствіе и ничѣмъ не омраченную дань уваженія. Нынѣ Государь Императоръ Высочайше соизволилъ уполномочить меня объявить Вамъ, Г. Г. Члены Государственной Думы, что Его Величествомъ повелѣно Совѣту Министровъ разработать законопроекты о предоставленіи Польшѣ, по завершеніи войны, права свободнаго строенія своей національной, культурной и хозяйственной жизни на началахъ мѣстной автономіи, подъ Державнымъ Скипетромъ Государей Россійскихъ и при сохраненіи единой государственности». Противъ слова «мѣстной» въ приложеніи къ «автономіи» рѣшительно высказался *П. А. Харитоновъ*, находя, что всякая вообще автономія не можетъ быть иною, какъ мѣстною. Слѣдовательно, это слово, произнесенное въ законодательномъ учрежденіи главою правительства, должно будетъ обратить на себя вниманіе и породить подозрѣнія, что оно поставлено не безъ умысла и является лазейкою для послѣдующихъ истолкованій. Точку зрѣнія Государственнаго Контролера раздѣлили всѣ прочіе члены Совѣта и автономія Польши была обѣщана безъ какого либо прилагательнаго. Воспользовавшись тѣмъ, что бесѣда коснулась польскихъ дѣлъ, *С. Д. Сазоновъ* выступилъ съ предложеніемъ разрѣшить вопросъ о дарованіи Польшѣ автономіи Высочайшимъ Манифестомъ, не ожидая Думы, въ виду событій на фронтѣ. Министръ Иностранныхъ Дѣлъ развивалъ свою мысль съ особою горячностью и даже страстностью. «Такой актъ произведетъ отличное впечатлѣніе на нашихъ союзниковъ, которыхъ огорчаетъ неувѣренность и колебанія нашей политики въ отношеніи поляковъ. Поляки же увидятъ, что Россія, вынуждаемая перемѣною военнаго счастья временно покинуть врагу польскія земли, не перестаетъ заботиться о братскомъ народѣ и подготовляетъ для будущаго условія справедливаго сожительства. Манифестъ надо издать немедленно. Онъ долженъ быть расклеенъ на стѣнахъ Варшавы передъ уходомъ оттуда нашихъ войскъ. Поляки устали ждать, начали извѣриваться въ порожденныхъ воззваніемъ Великаго Князя надеждахъ. Императорскій Манифестъ поддержитъ эти надежды и не дастъ обратиться симпатіямъ къ нѣмцамъ, которые съ своей стороны готовы на все, чтобы подкупить поляковъ. Я убѣжденъ, что подобнымъ актомъ мы, уходя изъ польской столицы, оставимъ за собою тысячи расположенныхъ къ намъ людей и создадимъ для нѣмцевъ далеко не благопріятную мѣстную атмосферу». Предложеніе С. Д. Сазонова вызвало единодушный отпоръ въ средѣ Совѣта Министровъ. У меня записано: «Общій шумъ. Всѣ говорятъ

сразу. Можно разобрать только отдѣльные возгласы. Актъ недопустимой трусости (Кривошеинъ). Ни къ чему не приведетъ и никого не привлечемъ — нѣмцы отвѣтятъ провозглашеніемъ Царства Польскаго (Харитоновъ). Недостойно великодержавія Россіи (Рухловъ). Поляки мечтаютъ о независимости и автономіей ихъ не удовлетворить (Хвостовъ). Вопросъ исчерпапъ заявленіемъ *И. Л. Горемыкина:* «Я не считаю себя въ правѣ подносить къ подписанію Государя и скрѣпить актъ, касающійся единства и будущаго строя Россіи. Это не есть вопросъ военной необходимости и долженъ быть разрѣшенъ въ порядкѣ нормальнаго законодательства. Если поляки захотятъ повѣрить искренности правительства, то для нихъ будетъ достаточно и моего заявленія въ Думѣ отъ имени Государя Императора». «Къ тому же — добавилъ *А. А. Поливановъ* — едва ли хватитъ времени для осуществленія такой мѣры. Дни Варшавы сочтены...»

Моя запись кончается замѣткою: «За все время войны не было такого тяжелаго засѣданія. Настроеніе больше, чѣмъ подавленное. Разошлись словно въ воду опущенные. Что-то придется переживать дальше. Россійское авось вывозило и въ худшія времена. Богъ не выдастъ — нѣмецъ не слопаетъ».

ЗАСѢДАНІЕ 24 ІЮЛЯ 1915 ГОДА.

Въ теченіе недѣли не было обычныхъ засѣданій. Происходили совѣщанія въ министерскомъ павильонѣ при Государственной Думѣ и собранія отдѣльныхъ Министровъ у Предсѣдателя Совѣта. Я былъ все время нездоровъ. О происходившемъ кое что разсказывали мнѣ И. Л. Горемыкинъ и И. Н. Лодыженскій. Къ сожалѣнію, я тогда же не записалъ ихъ сообщеній. Поэтому, придерживаясь правила излагать только то, что имѣется въ моихъ замѣткахъ, перехожу прямо къ засѣданію 24 Іюля.

«Общее положеніе на фронтѣ по прежнему безотрадное. Нѣмцы насѣдаютъ не встрѣчая почти никакого сопротивленія. Въ обществѣ назрѣваетъ тревога Кое гдѣ начались безпорядки среди призывныхъ и въ мѣстныхъ гарнизонахъ Опредѣленно обнаруживается, что Дума настроена непримиримо. Правительство не можетъ ждать отъ нея поддержки. Населеніе, подогрѣваемое печатью смотритъ на Государственную Думу, какъ на магическую исцѣлительницу отъ всѣхъ бѣдъ и несчастій. Изъ Ставки идутъ вопли о пополненіяхъ и снарядахъ Генералы все болѣе начинаютъ заниматься внутренней политикой, стараясь отвлечь отъ себя вниманіе и перенести отвѣтственность на другія плечи».

«Настроеніе въ Совѣтѣ Министровъ подавленное. Чувствуется какая то растерянность. Отношенія между отдѣльными Членами и къ Предсѣдателю пріобрѣтаютъ нервный характеръ».

Бесѣда началась съ заявленія *А. В. Кривошеина,* что къ нему Ставкою предъявлено рѣшительное требованіе объ изданіи теперь же торжественнаго Монаршаго акта, возвѣщающаго о надѣленіи землею наиболѣе пострадавшихъ и наиболѣе отличившихся воиновъ. Надѣлъ долженъ быть не менѣе 6—9 десятинъ. Фондъ для этого — земли государственныя и Крестьянскаго Банка, но главнымъ образомъ — отчуждаемыя владѣнія нѣмцевъ-колонистовъ и непріятельскихъ подданныхъ. «По этому поводу — продолжалъ А. В. Кривошеинъ — мною вчера получено отъ генерала Янушкевича письмо *) совершенно исключительнаго содержанія. Онъ пишетъ, что «сказочные герои, идейные борцы и альтруисты встрѣчаются единицами», что «такихъ не больше одного процента, а всѣ остальные — люди 20-го числа». Начальникъ Штаба Верховнаго Главнокомандующаго утверждаетъ, что, конечно, «драться за Россію красиво, но масса этого не понимаетъ»

---

*) Въ концѣ сентября 1917 года въ Москвѣ А. В. Кривошеинъ лично говорилъ мнѣ, что это письмо у него сохранилось.

что «тамбовецъ готовъ грудью стоять за Тамбовскую губернію, но война въ Польшѣ ему чужда и ненужна», что «поэтому солдаты и сдаются во множествѣ» и т. д. (Къ сожалѣнію, всѣ эти разсужденія читались съ такою быстротою, что я успѣвалъ записывать только отдѣльныя фразы). «Отсюда генералъ Янушкевичъ приходитъ къ заключенію, что «русскаго солдата надо имущественно заинтересовать въ сопротивленіи врагу», что «необходимо поманить его надѣленіемъ землею, подъ угрозою конфискаціи у сдающихся» и т. п. въ томъ же лестномъ для предводимыхъ Ставкою воиновъ тонѣ. «Героевъ надо купить» — полагаетъ ближайшій сотрудникъ Великаго Князя». Закончивъ передачу всѣхъ этихъ соображеній, А. В. Кривошеинъ воскликнулъ: «Необычайная наивность или, вѣрнѣе сказать, непростительная глупость письма Начальника Верховнаго Главнокомандующаго приводитъ меня въ содроганіе. Можно окончательно впасть въ отчаяніе. На фронтѣ все рушится, непріятель приближается къ сердцу Россіи, а г-нъ Янушкевичъ заботится только о томъ, чтобы отвести отъ себя отвѣтственность за происходящее. Въ прочитанномъ мною письмѣ особенно ярко проявляется это всегдашнее желаніе установить свое алиби. Со дня первыхъ неудачъ изъ Ставки начали открыто во всеуслышаніе кричать о недостаткѣ снарядовъ и бездѣйствіи тыла Неудачи продолжались — стали кричать, что тылъ, вмѣсто пополненій, посылаетъ однихъ стариковъ, негодныхъ къ бою. Теперь наступила катастрофа — прибѣгаютъ къ опороченію всего русскаго народа. Всѣ бездѣятельны, всѣ виноваты въ томъ, что непрестанно бьютъ насъ нѣмцы. Только Ставка безгрѣшна, только она работаетъ. Самъ же генералъ Янушкевичъ — сплошное самоупоеніе, геній, преслѣдуемый рокомъ и людскою несправедливостью. Чтобы самому возвеличиться — онъ готовъ порочить всѣхъ и каждаго, даже тѣхъ, кто подъ его геніальнымъ управленіемъ безропотно умираетъ среди нескончаемыхъ отступленій и непонятныхъ неудачъ. Вѣдь, если начало не хватать снарядовъ, то Ставка не могла не знать объ этомъ; почему же, предвидя надвигающееся бѣдствіе, Начальникъ Штаба не позаботился доложить своему Главнокомандующему о необходимости измѣнить планъ войны, посовѣтываться съ ближайшими сотрудниками, а не забираться на Карпатскія выси. Почему сейчасъ, когда все летитъ вверхъ дномъ, не мѣняютъ плана, не ищутъ способовъ, чтобы противостоять врагу. Французы мобилизовали гораздо болѣе старшіе возрасты и ихъ старички прекрасно сидятъ въ окопахъ. Почему же нашихъ не умѣютъ использовать, а только кричатъ о покупкѣ героевъ. Какъ генералъ Янушкевичъ имѣетъ мужество продолжать руководить военными операціями, когда онъ не вѣритъ въ армію, въ любовь къ родинѣ, въ русскій народъ. Какой сплошной ужасъ. Господа, подумайте только, въ чьихъ рукахъ находится судьбы Россіи, Монархіи и всего міра. Творится что-то дикое. За что бѣдной Россіи суждено переживать такую трагедію? Я не могу больше молчать, къ какимъ бы это ни привело для меня послѣдствіямъ. Я не смѣю кричать на площадяхъ и перекресткахъ, но Вамъ и Царю я обязанъ сказать. Я оставляю за собою право завтра доложить Его Величеству письмо генерала Янушкевича и высказать все, что я думаю объ этомъ возмутительномъ письмѣ». Все это было произнесено А. В. Кривошеинымъ съ чрезвычайною страстностью, съ захватившимъ всѣхъ подъемомъ. Видно было, до какой степени онъ взволнованъ, потрясенъ откровеніями Начальника Штаба. Послѣ этого выступленія у меня помѣчено: «Общее возмущеніе». Пришлось на нѣсколько минутъ уйти изъ засѣданія — вызвали по телефону. Когда вернулся, услышалъ слѣдующее: *П. А. Харитоновъ:* «Если Янушкевичъ думаетъ п о к у п а т ь героевъ и только этимъ способомъ обезпечить защиту родину, то ему не мѣсто въ Ставкѣ. Пусть онъ ищетъ примѣненія своимъ талантамъ въ другомъ, болѣе безопасномъ для Россіи, мѣстѣ. Надо освободить Великаго Князя отъ подобнаго сотрудника. Какъ бы не повторилась басня о пустынникѣ и медвѣдѣ. Мы обязаны предупредить Государя». *П. Л. Баркъ:* «Величайшая деморализація. Къ чему мы близимся съ подобными военноначальниками — ужасно подумать. Безъ того въ финансовыхъ кругахъ чув-

ствуется тревога. За границею наше положеніе расцѣнивается все хуже и хуже. А тутъ еще ближайшій и наиболѣе вліятельный сотрудникъ Главнокомандующаго проявляетъ признаки истерики». *Кн. Н. Б. Щербатовъ:* «Въ отвѣтъ на письмо генерала Янушкевича слѣдовало бы послать ему ведро валеріановыхъ капель. Очевидно, у него разстройство нервовъ и онъ нуждается въ успокоительномъ. И приэтомъ надо бы ему разъяснить (видимо ему не понятны эти стороны человѣческой души), что никто еще не покупалъ героевъ, что любовь къ родинѣ и самотверженіе не рыночный товаръ. Какъ только могла въ голову забраться такая мысль. Солдаты бѣгутъ, приведенные въ отчаяніе, а Ставка будетъ ихъ уговаривать — не бѣгите, землицы получите. Какой позоръ и какое нравственное паденіе. Да вообще, даетъ ли себѣ отчетъ Янушкевичъ, что онъ предлагаетъ не только съ нравственной точки зрѣнія, но даже съ практической. Нельзя обѣщать несбыточное. Фактически невозможно надѣлить землею многомилліонную армію, такъ какъ, конечно, почти вся она или пострадала, или отличилась. Все равно всѣхъ не купишь — а горожане, рабочіе и пр.! Не изъ однихъ же крестьянъ состоитъ предводимое Ставкою войско. Чѣмъ предполагаетъ Начальникъ Штаба закупать геройство неземледѣльцевъ». *С. Д. Сазоновъ:* «Я не удивленъ этимъ позорнымъ письмомъ. Отъ г-на Янушкевича можно ждать всего. Ужасно то, что Великій Князь въ плѣну у подобныхъ господъ. Ни для кого не секретъ, что онъ загипнотизированъ Янушкевичемъ и Даниловымъ, въ карманѣ у нихъ. Они ревниво оберегаютъ Главнокомандующаго отъ общенія съ внѣшнимъ міромъ. Въ Ставкѣ создалось средостѣніе. До Великаго Князя ничего не доходитъ. Его довѣрчивостью пользуются изъ карьерныхъ расчетовъ. Смѣшно сказать — генерала Рузскаго, призываемаго командовать цѣлымъ фронтомъ и защищать столицу Имперіи, не пустили къ Верховному Главнокомандующему, чтобы непосредственно испросить указаній, переговорить о предстоящихъ задачахъ. Его вызвали въ Ставку, заставили чуть ли не цѣлый часъ просидѣть въ пріемной. Къ нему вышелъ генералъ Янушкевичъ изъ великокняжескаго кабинета и сухо объявилъ повелѣніе сосредоточить всѣ усилія на оборонѣ Петрограда и немедленно отправиться къ мѣсту новаго назначенія. Это чортъ знаетъ что такое! Благодаря такимъ самовлюбленнымъ ничтожностямъ мы уже потеряли исключительно благопріятно начавшуюся кампанію и опозорили себя на весь міръ. Что же, теперь намъ надо примиряться съ проигранною войною, покорно всовывать голову въ нѣмецкое ярмо. Изъ сообщеннаго намъ Александромъ Васильевичемъ (Кривошеинъ) письма выходитъ, что, по мнѣнію вершителя судебъ Ставки, наши солдаты не могутъ сопротивляться, что надо приняться за формированіе новой арміи путемъ подкупа и заманиванія будущихъ героевъ. Бѣдная Россія. Ничего у нея не остается. Даже ея армія, которая въ былыя времена наполняла міръ громомъ побѣдъ и удивляла своимъ самоотверженіемъ, и та оказывается состоящею изъ однихъ только трусовъ и дезертировъ. Неужели же мы будемъ все время молчать, неужели у Совѣта Министровъ не хватитъ мужества открыть глаза кому слѣдуетъ. Въ извѣстной обстановкѣ чрезмѣрная осторожность граничитъ съ преступленіемъ».

Въ итогѣ происходившихъ преній рѣшено просить генерала Рузскаго, въ качествѣ командующаго защищающимъ Петроградъ фронтомъ, пожаловать въ ближайшее засѣданіе Совѣта Министровъ для частнаго обмѣна мнѣній о положеніи на театрѣ войны и о безопасности столицы. Собесѣдованію этому отнюдь не слѣдуетъ придавать офиціальный характеръ, дабы Рузскій могъ высказаться вполнѣ откровенно и дать такимъ образомъ правительству матеріалъ для послѣдующихъ дѣйствій. Рузскій находится внѣ вліянія Янушкевича, держитъ себя независимо и его отзывы могутъ отразить истинную, не обработанную заинтересованными штабами, картину и сущность происходящаго въ районѣ боевыхъ столкновеній. Затѣмъ, надлежаще освѣдомленный, Совѣтъ Министровъ долженъ ходатайствовать о созывѣ засѣданія подъ Высочайшимъ предсѣдательствомъ и постараться открыть Царю правду настоящаго и опасности будущаго. *И. Л. Горемыкинъ:*

«Я не возражаю противъ такой постановки, но считаю долгомъ еще разъ повторить передъ Совѣтомъ Министровъ мой настойчивый совѣтъ съ чрезвычайною осторожностью говорить передъ Государемъ о дѣлахъ и вопросахъ, касающихся Ставки и Великаго Князя. Раздраженіе противъ него принимаетъ въ Царскомъ Селѣ характеръ, грозящій опасными послѣдствіями. Боюсь, какъ бы наши выступленія не явились поводомъ къ тяжелымъ осложненіямъ».

Въ связи съ такимъ рѣшеніемъ отпала необходимость въ немедленномъ разсмотрѣніи въ связи съ представленной Управляющимъ Дѣлами справкою вопроса о взаимоотношеніяхъ правительства и военной власти на театрѣ войны.

Хотя общій вопросъ и былъ отложенъ, тѣмъ не менѣе въ дальнѣйшемъ ходѣ засѣданія онъ снова возникъ. *Кн. Н. Б. Щербатовъ:* «Прошу помощи Совѣта Министровъ. Какъ я и предвидѣлъ, мое положеніе передъ Государственною Думою становится весьма щекотливымъ. Мнѣ задаютъ массу вопросовъ по мѣстнымъ дѣламъ въ прифронтовой полосѣ. Это несомнѣнно тактическій пріемъ со стороны депутатовъ, такъ какъ они прекрасно знаютъ, что Министерство Внутреннихъ Дѣлъ не имѣетъ тамъ никакого голоса и что всѣмъ распоряжаются военныя власти, забронированныя устрашающими словами — военная необходимость. На всѣ вопросы я отдѣлываюсь общими фразами, но положеніе мое становится со дня на день болѣе неудобнымъ». *И. Л. Горемыкинъ:* «Верховный Главнокомандующій изъявилъ согласіе назначить спеціальнаго представителя для объясненій по думскимъ запросамъ и для поддержанія связи съ правительствомъ въ случаяхъ, когда ему придется выступать по дѣламъ прифронтовой полосы*). Поэтому прошу Васъ потерпѣть еще нѣсколько дней и тогда все устроится». *А. В. Кривошеинъ:* «Повидимому, нашъ Предсѣдатель не хочетъ, чтобы мы снова затрагивали оригинальность направленія внутренней политики Ставки. Позвольте мнѣ огласить только одинъ любопытный фактъ. Назначенный Военнымъ Генералъ-Губернаторомъ въ Архангельскъ генералъ Валуевъ, самъ по себѣ едва ли подходящій къ этой чрезвычайно отвѣтственной по нашимъ временамъ должности, взялъ себѣ въ правители канцеляріи камеръ-юнкера Веригина. Вамъ всѣмъ, вѣроятно, извѣстно, насколько этотъ господинъ скомпрометированъ въ печальномъ дѣлѣ убійства П. А. Столыпина. Его послѣ этой исторіи постигли различныя и служебныя, и общественныя непріятности. И вотъ сейчасъ, велѣніемъ ото всѣхъ и ото вся независящихъ военныхъ властей, Веригинъ оказывается ближайшимъ сотрудникомъ (а фактически — руководителемъ) начальника нашего единственнаго окна въ Европу. Конечно, мы не смѣемъ обсуждать вопросовъ, военною необходимостью вызываемыхъ, но все-таки не безполезно было бы обратить вниманіе Ставки на желательность болѣе тщательнаго подбора людей, эту самую военную необходимость обслуживающихъ. Надо считаться съ общественнымъ мнѣніемъ и по-пусту не раздражать его слишкомъ всѣмъ знакомыми именами. Не думаю, чтобы свѣтъ сошелся клиномъ на Веригинѣ». *П. А. Харитоновъ:* «Вообще, если посмотрѣть, хорошенькая подбирается компанія — Курловъ, Рейнботъ, Коттенъ, Веригинъ и прочіе государственные дѣятели, имена-же ихъ Ты, Господи, вѣси...» *С. Д. Сазоновъ:* «Вѣроятно, Великій Князь не знакомъ съ репутаціями всѣхъ этихъ господъ. Слѣдовало бы открыть ему глаза. Его Высочеству не свойственно пренебрегать общественнымъ мнѣніемъ. Напротивъ, онъ всячески старается привлекать его на свою сторону». *Кн. Н. Б. Щербатовъ:* «Пребываніе Курлова у власти производитъ очень неблагопріятное впечатлѣніе на Думу. И мнѣ, и, вѣроятно, другимъ Членамъ Совѣта приходилось слышать на этотъ счетъ довольно откровенные намеки. Можно ждать запроса, на который довольно трудно было бы отвѣчать». *И. Л. Горемыкинъ:* «Мнѣ кажется, вопросъ о Курловѣ съ точки зрѣнія отношенія Думы къ Верховному Главнокомандующему настолько серіозенъ, что слѣдовало бы довести до свѣдѣ-

*) Не могу припомнить, чтобы таковой представитель былъ назначенъ.

нія Его Величества о его удаленіи». *П. А. Харитоновъ:* «Для этого имѣется вполнѣ достаточный поводъ. Почти весь Прибалтійскій край эвакуируется. Слѣдовательно отпадаетъ надобность въ генералъ-губернаторствѣ, которое и можно упразднить. Такимъ путемъ естественно ликвидируется и генералъ Курловъ. Впрочемъ, по господствующимъ въ Ставкѣ настроеніямъ, нельзя быть увѣреннымъ, что для него не изыщутъ какого нибудь другого почетнаго назначенія». *А. В. Кривошеинъ:* «Я всецѣло присоединяюсь къ предложенію нашего Предсѣдателя просить Ставку уволить Курлова, въ интересахъ сохраненія отношеній съ Думою. Мы этимъ окажемъ услугу и дѣлу, и самому Великому Князю. Наличіе подобныхъ сотрудниковъ вредно отзывается на популярности Верховнаго Главнокомандующаго». *И. Л. Горемыкинъ:* «Если нѣтъ возраженій, то я полагалъ бы поручить переговоры по этому поводу со Ставкою Министру Внутреннихъ Дѣлъ, компетенцію котораго этотъ вопросъ ближе всего затрагиваетъ. Разумѣется, что въ обращеніи къ Великому Князю надо сослаться на единогласное мнѣніе Совѣта Министровъ».

И. Л. Горемыкинъ: «Вамъ всѣмъ, господа, извѣстна принятая Государственною Думою формула объ ожиданіи слѣдствія и суда надъ виновниками недостаточнаго снабженія арміи. Предлагаю на Ваше обсужденіе вопросъ, какъ отнестись правительству къ этому пожеланію. Мнѣ думается, что если оставить его безъ отвѣта, то надо ждать возмущенія и возбуждающихъ рѣчей. Возможенъ выходъ въ видѣ назначенія особой слѣдственной комиссіи, подобно тому, какъ это было сдѣлано послѣ Ходынки. Разслѣдованіе было тогда возложено на графа Палена при участіи высшихъ чиновъ заинтересованныхъ вѣдомствъ. Въ данномъ случаѣ можно было бы расширить составъ слѣдственной комиссіи привлеченіемъ Членовъ Государственнаго Совѣта и Думы, а также лица по избранію Верховнаго Главнокомандующаго». *П. А. Харитоновъ:* «По соображеніямъ тактическимъ слѣдовало бы избѣжать въ наименованіи комиссіи слова с л ѣ д с т в е н н а я. Я бы думалъ ограничиться, напримѣръ, такимъ названіемъ — комиссія объ изслѣдованіи замедленій въ снабженіи арміи». *С. Д. Сазоновъ:* «Но, вѣдь, тогда попадетъ на скамью изслѣдуемыхъ и Великій Князь Сергій Михайловичъ». *П. А. Харитоновъ:* «Ну, что же. Бояться этого не приходится». *А. В. Кривошеинъ:* «Горячо поддерживаю мысль Ивана Логгиновича. Мы обязаны отвѣтить на думскую формулу. Въ ней отражены тѣ настроенія, которыя волнуютъ широкіе общественные круги. Мы покажемъ, что правительство не боится свѣта и что мы готовы считаться съ законными и разумными требованіями Государственной Думы. Такой путь дѣйствій наилучшій, чтобы и Думу побудить считаться съ нашими законными и разумными требованіями. Недовольство бывшимъ Военнымъ Министромъ не есть революція. Даже правая группа Государственнаго Совѣта признала допустимымъ сдѣлать демонстрацію противъ Сухомлинова, отказавшись принять его въ свои ряды. Правительству выгодно пролить свѣтъ на все это дѣло, несомнѣнно раздутое. Недостатокъ снабженія въ значительной степени слѣдствіе не только нашего, но и всеобщаго заблужденія, что война не можетъ длиться долго. За это заблужденіе платятся и наши союзники. Во всякомъ случаѣ виновныхъ пока еще рано называть. Пусть сначала разберется комиссія, а если окажется матеріалъ для суда — мы не побоимся поставить и этотъ вопросъ». *А. А. Хвостовъ:* «Совершенно правильно. Комиссія должна имѣть предварительный характеръ. Названіе ея отнюдь не должно давать повода превратить ее въ какой то трибуналъ. Виновныхъ пока нѣтъ. Задача комиссіи — выяснить, имѣются ли они и въ чемъ составъ преступленія». *А. В. Кривошеинъ:* «По тому значенію, которое придается въ Думѣ и въ общественныхъ кругахъ пролитію свѣта на это дѣло, комиссіи слѣдуетъ придать особо торжественный видъ». *И. Л. Горемыкинъ:* «Декорація вещь полезная. Для толпы она важнѣе существа». *А. В. Кривошеинъ:* «Во главѣ комиссіи надо поставить кого либо изъ высшихъ чиновъ, извѣстныхъ своею независимостью и безпристрастіемъ и пользующагося незапятнанною ре-

путаціею. Было бы желательно взять такое лицо изъ военнаго міра. Я бы предложилъ Члена Государственнаго Совѣта генерала Петрова. Онъ пріобрѣлъ себѣ большія симпатіи работою по желѣзнодорожной анкетѣ. Затѣмъ въ комиссію должны войти Вице-Предсѣдатель Государственнаго Совѣта Голубевъ, Товарищъ Предсѣдателя Государственной Думы Протопоповъ (онъ старшій), Сенаторы и представители отъ арміи по назначенію Верховнаго Главнокомандующаго. При такомъ составѣ даже самые беззастѣнчивые люди постыдятся говорить о правительственныхъ воздѣйствіяхъ и искусственномъ подборѣ. Призываются лица всѣмъ извѣстныя и стоящія внѣ всякихъ подозрѣній». *П. А. Харитоновъ:* «Осторожнѣе сказать прямо — Товарищъ Предсѣдателя Государственной Думы, не называя имени Протопопова. Онъ совсѣмъ не популяренъ среди депутатовъ. Какъ онъ ни добивался, но ему не удалось добиться избранія въ предсѣдатели военно-морской комиссіи. Въ немъ видятъ поставщика сукна военному вѣдомству и товарища Сухомлинова». *И. Л. Горемыкинъ:* «А не нужно ли въ комиссію включить выборныхъ представителей Государственнаго Совѣта и Государственной Думы». *Кн. Н. Б. Щербатовъ:* «Это было бы очень желательно по тактическимъ соображеніямъ. Да и по существу не безполезно. Дума такъ кричитъ о безобразіяхъ въ дѣлѣ снабженія — пусть она откроетъ передъ комиссіей тѣ данныя, на основаніи которыхъ она выступаетъ со своими обвиненіями». По выясненіи дальнѣйшихъ подробностей внутренней организаціи и задачъ комиссіи, И. Л. Горемыкинъ поставилъ вопросъ, слѣдуетъ ли немедленно послѣ утвержденія Государемъ объявить о состоявшихся постановленіяхъ, или же сдѣлать это послѣ прекращенія занятій Государственной Думы. *А. Д. Самаринъ:* «Мое убѣжденіе, что скрывать тутъ нечего и надо сейчасъ же опубликовать. Дума высказала вполнѣ пріемлемое для правительства пожеланіе и оно претворяется въ соотвѣтствующій актъ. О чемъ же тутъ умалчивать и отсрочивать. Разсчитанная на благопріятное впечатлѣніе мѣра утратитъ свой эффектъ и Дума разъѣдется неудовлетворенной. Надо во всеуслышаніе сказать, что правительство въ согласіи съ Думою принимаетъ всѣ мѣры къ выясненію волнующаго общественное сознаніе вопроса». Эта точка зрѣнія Оберъ-Прокурора Св. Синода была принята всѣми.

Кн. Н. Б. Щербатовъ: «Надо во что бы то ни стало покончить съ Московскимъ вопросомъ. Если неопредѣленность будетъ длиться, неизбѣженъ скандалъ и новые безпорядки. Князь Юсуповъ продолжаетъ забастовку до принятія его требованій и уходить по хорошему не намѣренъ. Я докладывалъ Его Величеству о создавшемся положеніи и Государь мнѣ повелѣлъ обдумать вопросъ о назначеніи Юсупова московскимъ генералъ-губернаторомъ. По мнѣнію Его Величества, такое назначеніе оформило бы его положеніе и ввело бы его дѣятельность въ рамки нормальнаго закона. Съ своей стороны, Юсуповъ соглашается вернуться при выполненіи слѣдующихъ его условій: 1. московскій гарнизонъ переходитъ въ его распоряженіе съ изъятіемъ изъ вѣдѣнія военной власти, причемъ части должны быть немедленно снабжены пулеметами (князь согласенъ на взятые у австрійцевъ), 2. Юсупову предоставляется по своему усмотрѣнію и собственною властью объявить въ Москвѣ военное положеніе, когда это окажется по его мнѣнію нужнымъ, 3. ему дается безконтрольное право производить реквизиціи и налагать секвестръ, 4. немедленно убирается изъ Москвы начальникъ генералъ-губернаторской канцеляріи, 5. ему присваиваются полномочія собственною властью увольнять чиновъ полиціи до Градоначальника включительно и 6. ему открывается достаточный кредитъ на выдачу пособій. Таковъ ультиматумъ. Прошу указаній, что я долженъ доложить по этому поводу Государю. Во всякомъ случаѣ, то или другое рѣшеніе не терпитъ отлагательствъ. Категорически заявляю Совѣту Министровъ, что при существующей обстановкѣ я не могу отвѣчать за спокойствіе въ Москвѣ. Тамъ сейчасъ нѣтъ реальной власти и бороться съ безпорядками некому. Одна полиція справиться не въ силахъ, а между гражданскою и военною властью нѣтъ единенія.

Кромѣ того, Градоначальникъ Климовичъ и князь Юсуповъ, оба совершенно не подходящіе къ той роли, которую имъ приходится играть, не сходятся во взглядахъ и между ними постоянныя тренія. Если Юсупову дать просимыя полномочія, то Москва фактически ускользнетъ изъ рукъ Министерства Внутреннихъ Дѣлъ и превратится въ независимую деспотію. Можно ли съ этимъ примириться. Москва снова начинаетъ захватывать крупное вліяніе, которое сказывается не только въ тылу, но и на фронтѣ. При наличіи Юсупова съ его пунктами, правительству будетъ едва ли возможно воздѣйствовать на московскую администрацію и проводить тѣ мѣры, которыя будутъ вызываться обстоятельствами». *А. В. Кривошеинъ:* «Важны не пункты требованій Юсупова, отъ котораго вообще всего можно ждать, а важенъ вопросъ, желателенъ ли онъ въ качествѣ властителя Москвы. На этотъ вопросъ Министръ Внутреннихъ Дѣлъ отвѣчаетъ отрицательно. Слѣдовательно, надо воспользоваться благопріятною обстановкою, чтобы удалить Юсупова, съ его австрійскими пулеметами и своеобразною политикою. И въ мирное время опасны такіе сатрапы съ фантазіями, а въ военное — они могутъ имѣть фатальное значеніе». *А. Д. Самаринъ:* «Я долженъ обратить вниманіе Совѣта Министровъ, что Юсуповъ успѣлъ пріобрѣсти довольно широкую популярность въ московскихъ низахъ. Его считаютъ непримиримымъ врагомъ нѣмцевъ и истребителемъ нѣмецкой крамолы въ государствѣ. Какъ бы ни смотрѣть на этотъ фактъ, но съ нимъ нельзя не считаться при современныхъ настроеніяхъ. Зная Москву, я убѣжденъ, что вынужденное удаленіе Юсупова породитъ тревожныя послѣдствія. Сейчасъ всякій поводъ раздувается для цѣлей агитаціи. Начнутъ кричать, что правительство играетъ на руку нѣмцамъ, удаляя непреклоннаго борца съ нѣмецкими шпіонами. Согласенъ съ Княземъ Николаемъ Борисовичемъ*), что польза дѣла требуетъ увольненія Юсупова, но нахожу, что надо устроить ему почетный выходъ въ видѣ какого нибудь болѣе высокаго назначенія». *П. А. Харитоновъ:* «Да, но что можно придумать для князя? Его никакими почестями не соблазнить. Человѣкъ богатъ до безобразія, находится чуть ли не на полу-высочайшемъ положеніи, ни въ комъ и ни въ чемъ не нуждается». *Кн. Н. Б. Щербатовъ:* «Я вполнѣ понимаю точки зрѣнія и Александра Дмитріевича**), и Петра Алексѣевича***). Но что же тогда дѣлать? Значитъ, изъ за такой оригинальной контраверзы приходится мириться съ отдачею Москвы въ полную власть Юсупову до тѣхъ поръ, пока онъ самъ не найдетъ возможнымъ снять съ себя бремя воеводствованія». *И. Л. Горемыкинъ:* «Государю угодно назначить его генералъ-губернаторомъ въ Москву. Юсуповъ настаиваетъ, чтобы ему была дана реальная возможность распоряжаться, имѣя въ рукахъ необходимыя силы и средства. Его пожеланія заключаются въ изложенныхъ намъ пунктахъ. Наша обязанность ихъ разсмотрѣть и доложить свое заключеніе Его Величеству. Такъ наскоро я не считаю возможнымъ это дѣлать. Надо, чтобы ихъ подробно обсудили заинтересованные министры (я думаю — Военный и Внутреннихъ Дѣлъ), и къ слѣдующему засѣданію сообщили намъ свои заключенія, которыя мы затѣмъ доложимъ Государю».

Въ концѣ засѣданія Адмиралъ Григоровичъ нѣсколько порадовалъ всѣхъ сообщеніемъ, что командующій морскими силами считаетъ наше положеніе на Черномъ морѣ настолько окрѣпшимъ, что имъ дано разрѣшеніе возобновить между нѣкоторыми портами торговые рейсы. Въ настоящее время уже вырабатываются правила возвращенія владѣльцамъ части реквизированныхъ пароходовъ.

---

*) Щербатовъ.

**) Самарина.

***) Харитонова.

ЗАСѢДАНІЕ 30 ІЮЛЯ 1915 ГОДА.

«На театрѣ войны безпросвѣтно. Отступленіе не прекращается. А. А. Поливановъ говоритъ, что онъ не въ состояніи дать сколько нибудь отражающей дѣйствительность картины фронта. Вся армія постоянно передвигается внутрь страны и линія мѣняется чуть ли не каждый часъ. Деморализація, сдача въ плѣнъ, дезертирство принимаютъ грандіозные размѣры. Ставка, повидимому, окончательно растерялась и ея распоряженія принимаютъ какой то истерическій характеръ. Вопли оттуда о виновности тыла не прекращаются, а, напротивъ, усиливаются и являются водою на мельницу противоправительственной агитаціи».

Тѣмъ временемъ на Кавказѣ развивается наступательная операція. Войска клиномъ проникаютъ въ непріятельскую территорію. *П. А. Харитоновъ:* «Куда мы зарываемся на Кавказѣ. Какъ бы все это не кончилось катастрофой. Я не судья въ стратегическихъ и тактическихъ тонкостяхъ, но все-таки не могу не видѣть, что тамъ политическія соображенія берутъ верхъ надъ чисто военными. Всѣ знаютъ исключительныя симпатіи Намѣстника къ армянамъ. Не увлекается ли онъ этими симпатіями? Даже при поверхностномъ взглядѣ на карту видно, что движеніе войскъ направляется главнымъ образомъ на армянскія земли. Безъ того положеніе повсюду тяжелое, а мы тутъ еще будемъ рисковать ради возсозданія Арменіи. Между прочимъ, ходомъ дѣлъ на Кавказѣ очень встревожены кавказскіе депутаты. Чхеидзе, не переставая, кричитъ объ опасности и обвиняетъ мѣстную власть въ чрезмѣрномъ пристрастіи къ армянскимъ домогательствамъ, столь вліятельнымъ въ намѣстническомъ дворцѣ. Слѣдовало бы обратить на все это вниманіе Государя». *А. А. Поливановъ:* «Хотя Государственный Контролеръ и не стратегъ, но онъ правильно анализируетъ положеніе на Кавказѣ. Я тоже съ большою тревогою смотрю на тамошнія дѣйствія. Какъ бы тамъ не произошло катастрофы. До меня доходятъ слухи, что генералъ Юденичъ возмущенъ тифлисскими распоряженіями и ждетъ мало хорошаго отъ будущаго». Въ такомъ же духѣ высказывались и остальные Члены Совѣта Министровъ, находя, что, если даже оставить въ сторонѣ чисто военную сторону, съ точки зрѣнія общей политики нежелательно преждевременно раздувать армянскій вопросъ, который безъ того въ нѣкоторыхъ заграничныхъ кругахъ стараются выставить въ видѣ одной изъ цѣлей войны. *И. Л. Горемыкинъ:* «Созданіе Арменіи будетъ только намъ на шею и явится въ будущемъ источникомъ различныхъ осложненій на Востокѣ». *С. Д. Сазоновъ:* «Я бы не рѣшился давать такую категорическую постановку этому вопросу. Согласенъ, что раздувать его и рисковать не слѣдуетъ. Но было бы неполитично говорить объ этомъ во всеуслышаніе. За границей, среди нашихъ союзниковъ, особенно въ Англіи издавна относятся съ большою симпатіей къ армянамъ». *А. В. Кривошеинъ:* «Да, конечно, кричать не слѣдуетъ и мы этого и не собирались дѣлать. Но не можемъ же мы изъ боязни англичанъ, которые сами и пальцемъ не пошевелили, чтобы облегчить положеніе армянъ, не можемъ же мы молчать, когда видимъ, какъ кавказскія власти готовы жертвовать русскими интересами во имя армянскихъ. На Кавказѣ готовится преступный актъ по нашему мнѣнію и мы обязаны обратить на это вниманіе, своевременно указать на грозящую опасность». Въ концѣ концовъ Военному Министру поручено доложить Государю о направленіи кавказскихъ событій.

Кн. Н. Б. Щербатовъ доводитъ до свѣдѣнія Совѣта Министровъ, что, по жандармскимъ донесеніямъ, у турокъ на кавказскомъ фронтѣ обнаружены добровольцы-болгары. *С. Д. Сазоновъ:* «Категорически утверждаю, что это вздоръ. Въ турецкихъ войскахъ дѣйствительно имѣются болгарскіе уроженцы — турецкіе подданные. Они мобилизованы наравнѣ съ прочимъ населеніемъ. Но добровольцы — это плодъ жандармскаго воображенія».

И. Л. Горемыкинъ предложилъ на обсужденіе письмо князя Б. А. Васильчикова (если память мнѣ не измѣняетъ — онъ былъ въ то время замѣстителемъ Принца А. П. Ольденбургскаго по званію Верховнаго Начальника санитарной части). Въ письмѣ этомъ указывалось, что, въ связи съ эвакуаціей ряда губерній, количество коекъ для больныхъ и раненыхъ воиновъ сократилось на 30.000. Восполненіе этого ущерба является вопросомъ срочной необходимости. Наилучшимъ, по мнѣнію кн. Васильчикова, выходомъ было бы немедленное сооруженіе спеціальныхъ бараковъ, дабы не стѣснять мѣстнаго населенія, безъ того страдающаго отъ прилива массы бѣженцевъ. А. А. Поливановъ сообщилъ по этому поводу, что Его Величество, освѣдомившись о затрудненіяхъ съ размѣщеніемъ раненыхъ, повелѣлъ обратить подъ лечебныя заведенія Высочайшіе дворцы и монастырскія зданія. При такихъ условіяхъ, прдставлялось бы цѣлесообразнымъ пока отказаться отъ постройки бараковъ, на что потребуются огромныя затраты, да и въ виду приближенія дождливаго и холоднаго времени едва ли такая постройка вообще осуществима. *Гр. П. Н. Игнатьевъ:* «Боюсь, какъ бы отказъ въ ассигнованіяхъ на бараки не осложнилъ и безъ того тяжелое положеніе школьнаго дѣла. Въ настоящее время значительная часть учебныхъ заведеній занята подъ лазареты, даже заразные. Каждый день я получаю донесенія о все новыхъ и новыхъ оккупаціяхъ. Никакіе протесты не помогаютъ и устрашеннымъ педагогамъ приходится подчиняться. Между тѣмъ въ каждомъ городѣ имѣются казенныя зданія, театры, кинематографы, наконецъ, недостроенные дома, которые можно съ небольшими затратами приспособить для размѣщенія коекъ. Но военныя власти предпочитаютъ занимать учебныя заведенія, такъ какъ въ нихъ легче устроиться, есть готовые запасы освѣтительныхъ матеріаловъ и топлива и прочія удобства. А что молодежь остается на улицѣ, бездѣльничаетъ, тратитъ драгоцѣнное время — это никого не безпокоитъ. Мнѣ думается, что на это явленіе надо обратить серіозное вниманіе. Съ государственной точки зрѣнія недопустимо прекращеніе образованія въ странѣ, какъ бы ни были тяжелы переживаемыя обстоятельства. Но, помимо общихъ соображеній, слѣдуетъ считаться и съ чисто нравственными послѣдствіями. Лишенная вліянія школы, молодежь постепенно теряетъ дисциплину, болтается зря, общается съ массою озлобленныхъ, разоренныхъ, изстрадавшихся бѣженцевъ и видитъ всѣ страшныя отрицательныя закулисныя стороны. Конечно, это не можетъ не вліять на настроеніе и создаетъ благопріятную почву для пропаганды. Сейчасъ среди студенчества начинаютъ появляться вѣянія, которыхъ не было въ первое время послѣ возникновенія войны». *А. В. Кривошеинъ:* «Когда горитъ домъ, дѣтей привлекаютъ къ борьбѣ съ бѣдствіемъ, а не засаживаютъ за уроки». *Кн. Н. Б. Щербатовъ:* «Я согласенъ съ Министромъ Народнаго Просвѣщенія, что бездѣлье отражается на молодежи развращающимъ образомъ и что надо стараться продолжать занятія. Но, вѣдь, надо и о раненыхъ позаботиться. Совершенно правильно указываетъ Алексѣй Андреевичъ (Поливановъ) на нежелательность бараковъ. Земцы, знакомые съ этимъ вопросомъ по опыту борьбы съ эпидеміями, возражаютъ противъ этихъ сооруженій, какъ не пригодныхъ въ холодное время. Въ столкновеніи интересовъ можно найти примиряющій выходъ. Часть учебныхъ заведеній слѣдуетъ отвести подъ лазареты, а остальныя использовать интенсивнѣе путемъ параллельныхъ классовъ, установленія смѣнъ, организаціи вечернихъ уроковъ и т. п. Начальныя училища надо отдать для раненыхъ, а для училищъ нанять деревенскія избы. Все дѣло сводится къ выработкѣ опредѣленнаго плана распредѣленія». *Гр. П. Н. Игнатьевъ:* «Рекомендуемыя кн. Н. Б. Щербатовымъ мѣры уже примѣняются нашимъ вѣдомствомъ. Но наши планы постоянно нарушаются военными властями, которые не признаютъ никакихъ резоновъ. Кромѣ того, въ большинствѣ случаевъ эвакуированные лазареты прибываютъ неожиданно, безъ предупрежденія, и необходимость ихъ разгрузки изъ поѣздовъ перепутываетъ всѣ расчеты. Вообще мнѣ думается, что центръ тяжести вопроса надо бы перенести

на мѣста, гдѣ виднѣе обстановка. Я просилъ бы преподать отъ имени Совѣта Министровъ указанія губернаторамъ въ томъ смыслѣ, что имъ поручается, по соглашенію съ мѣстнымъ учебнымъ начальствомъ, обратить часть учебныхъ заведеній подъ лазареты и озаботиться обезпеченіемъ обученія дѣтей путемъ правильнаго использованія остающихся школъ. Важно привлечь и вѣдомство Императрицы Маріи, которое не охотно идетъ на встрѣчу нашему вѣдомству, не допуская нашихъ школьниковъ въ свои помѣщенія въ свободное отъ занятій время». *А. Д. Самаринъ:* «Задача распредѣленія эвакуируемыхъ раненыхъ очень сложна и, конечно, лучше всего поручить разобраться въ ней губернаторамъ. Долженъ отмѣтить, что ожиданія помощи отъ монастырей въ значительной степени преувеличены. Почти всѣ городскіе и пригородные монастыри уже использованы. Остаются только отдаленные отъ желѣзныхъ дорогъ. Отправка въ нихъ раненыхъ едва ли осуществима. Помимо затруднительности сообщеній, какъ организовать медицинскій уходъ? Держать особаго доктора или хотя бы фельдшера немыслимо для нѣсколькихъ больныхъ, а много народа монастыри провинціальные принять не могутъ за тѣснотою помѣщеній. Да и гигіеническія условія въ старинныхъ зданіяхъ не удовлетворительны. Думаю, что и занятіе дворцовъ существенной помощи не принесетъ. Въ нихъ можно устроить нѣсколько тысячъ. Потребность же въ койкахъ достигаетъ огромныхъ размѣровъ». *И. Л. Горемыкинъ:* «Задача настолько сложная, что ее надо обсудить спеціалистамъ. Самое лучшее созвать особое совѣщаніе подъ предсѣдательствомъ кн. Васильчикова съ участіемъ старшихъ чиновъ всѣхъ вѣдомствъ. Они выработаютъ планъ удовлетворенія нужды въ койкахъ и представятъ намъ на утвержденіе. Что же касается школьныхъ помѣщеній, то этотъ частный вопросъ можно поручить губернаторамъ, преподавъ руководящія указанія журналомъ Совѣта Министровъ». *А. А. Поливановъ:* «Справедливо говоритъ Иванъ Логгиновичъ. Задача сложная и даже сложнѣйшая, ибо мы не знаемъ, какъ глубоко придется намъ очистить Россію и скоро ли прекратится эвакуаціонно-бѣженскій періодъ военныхъ дѣйствій».

Послѣ этого горько ироническаго заявленія Военнаго Министра бесѣда перешла къ неоднократно уже служившему предметомъ сужденій вопросу о бѣженцахъ. Въ моихъ записяхъ набросано лишь общее содержаніе этой бесѣды, безъ отмѣтокъ, кто и что говорилъ. Ставка окончательно потеряла голову. Она не отдаетъ себѣ отчета въ томъ, что она дѣлаетъ, въ какую пропасть затягивается Россія. Нельзя ссылаться на примѣръ 1812 года и превращать въ пустыню оставляемыя непріятелю земли. Сейчасъ условія, обстановка, самый размахъ событій не имѣютъ ничего общаго съ тогдашними. Въ 12-омъ году маневрировали отдѣльныя арміи, причемъ районъ ихъ дѣйствій ограничивался сравнительно небольшими площадями. Теперь же существуетъ сплошной фронтъ отъ Балтійскаго чуть ли не до Чернаго моря, захватывающій огромныя пространства на сотни верстъ. Опустошать десятки губерній и выгонять ихъ населеніе въ глубь страны — равносильно осужденію всей Россіи на страшныя бѣдствія. Но логика и велѣнія государственныхъ интересовъ не въ фаворѣ у Ставки. Штатскія разсужденія должны умолкать передъ «военною необходимостью», какіе бы ужасы подъ нею ни скрывались. Въ концѣ концовъ внѣшній разгромъ Россіи дополняется разгромомъ внутреннимъ. Среди бѣженской струи можно различить три теченія. Во-первыхъ, евреи, которыхъ, вопреки неоднократнымъ указаніямъ Совѣта Министровъ, поголовно гонятъ нагайками изъ прифронтовой полосы, обвиняя ихъ всѣхъ, безъ разбора, въ шпіонажѣ, сигнализаціи и иныхъ способахъ пособничества врагу. Конечно, вся эта еврейская масса до крайности озлоблена и приходитъ въ районы новаго водворенія революціонно настроенною; положеніе усложняется еще тѣмъ, что мѣстные жители, безъ того все тяжелѣе испытывающіе бремя военныхъ невзгодъ, встрѣчаютъ голодныхъ и бездомныхъ евреевъ далеко не дружелюбно. Во-вторыхъ, служебный персоналъ гражданскихъ и тыловыхъ военныхъ учрежденій

съ десятками вагоновъ грузовъ; въ то время, какъ десятки тысячъ народа плетутся пѣшкомъ около желѣзнодорожнаго полотна, мимо нихъ проходятъ поѣзда, нагруженные диванами изъ офицерскихъ собраній и разнымъ хламомъ включительно до клѣтокъ съ канарейками птицелюбивыхъ интендантовъ. Въ третьихъ, добровольные бѣженцы, въ большинствѣ случаевъ гонимые слухами о необычайныхъ звѣрствахъ и насиліяхъ, чинимыхъ нѣмцами. Наконецъ, въ четвертыхъ, бѣженцы, выселяемые насильственно по приказу военныхъ властей въ цѣляхъ обезлюженія отдаваемыхъ непріятелю мѣстностей. Эта группа наиболѣе многочисленная и наиболѣе озлобленная. Людей отрываютъ отъ родныхъ гнѣздъ, давая на сборы нѣсколько часовъ, и гонятъ въ невѣдомую даль. У нихъ же на глазахъ поджигаются остающіеся запасы, а нерѣдко и самыя избы. Легко понять психологію такихъ принудительныхъ бѣженцевъ. Едва ли добрыя чувства у нихъ накопляются въ отношеніи той власти, которая допускаетъ подобныя не только для простого человѣка непонятныя дѣйствія. И вся эта сбитая съ толку, раздраженная, измученная толпа сплошнымъ потокомъ катится по всѣмъ путямъ, мѣшая военнымъ передвиженіямъ и внося въ тыловую жизнь полнѣйшій безпорядокъ. Тащатся съ нею повозки съ домашнимъ скарбомъ, бредетъ скотъ. Накормить, напоить, согрѣть все это множество, конечно, немыслимо. Люди сотнями мрутъ отъ голода, холода, болѣзней. Дѣтская смертность достигаетъ ужасающихъ размѣровъ. По сторонамъ дорогъ валяются непогребенные трупы. Повсюду падаль и невыносимые міазмы. Широкою волною людская масса разливается по Россіи, усугубляя повсюду тягости военнаго времени, создавая продовольственные кризисы, увеличивая дороговизну жизни и возбуждая безъ того повышенное настроеніе на мѣстахъ. Лишь въ самое послѣднее время, когда зло уже успѣло стать стихійнымъ, въ Ставкѣ начали понимать, что дольше такъ продолжаться не можетъ и пошли на встрѣчу настояніямъ правительства о привлеченіи къ регулировкѣ бѣженскаго движенія гражданскихъ властей. Избранные Совѣтомъ Министровъ въ качествѣ главноуполномоченныхъ по бѣженскимъ дѣламъ на обоихъ фронтахъ Члены Государственнаго Совѣта Зубчаниновъ и Урусовъ приняты въ Ставкѣ благосклонно и получили обѣщаніе полной поддержки. Однако, трудно надѣяться на быстрые успѣхи ихъ миссіи. Все настолько перепутано, что надо чуть ли не годы, чтобы разобраться въ происходящемъ хаосѣ и пріучить военныхъ начальниковъ считаться со штатскими интересами. Кромѣ того, Ставка, повидимому, не склонна отказаться отъ кутузовскаго заманиванія и надежды побороть нѣмецкое наступленіе опустошеннымъ пространствомъ. При такихъ же условіяхъ никакіе главноуполномоченные не помогутъ и новое переселеніе народовъ будетъ продолжаться со всѣми присущими этому явленію катастрофическими послѣдствіями. На такой пессимистической ноткѣ бесѣда закончилась. У меня добавлено: «Сознаютъ свое безсиліе. Все тотъ же проклятый вопросъ о взаимоотношеніяхъ военной и гражданской власти. И правда, что можетъ сдѣлать правительство, разъ Верховный Главнокомандующій считаетъ для успѣха войны нужнымъ отдать то или иное приказаніе. Въ обычной войнѣ дѣйствуетъ правило: лѣсъ рубятъ — щепки летятъ. Но какъ быть при настоящемъ небываломъ масштабѣ. А между тѣмъ эти «щепки» грозятъ зажечь пожаромъ всю Россію. Трагично». Сужденія закончились рѣшеніемъ выждать новыхъ донесеній отъ главноуполномоченныхъ и доложить Государю въ связи съ общимъ вопросомъ о созывѣ объединеннаго военнаго совѣта подъ предсѣдательствомъ Его Величества для пересмотра плана войны.

П. Л. Баркъ доложилъ Совѣту Министровъ объ обращенномъ къ Министерству Финансовъ Министромъ Иностранныхъ Дѣлъ, поддерживаемымъ Военнымъ Министромъ и Ставкою, требованіи отпуска кредита на покупку урожая въ Болгаріи. Операція эта имѣетъ цѣлью оказать воздѣйствіе на болгарскихъ дѣятелей и помѣшать нѣмцамъ пріобрѣсти урожай для своихъ нуждъ. Вся покупка обойдется въ 200 милл. франковъ, подлежащихъ распредѣленію между союзни-

ками, причемъ доля Россіи опредѣляется въ 25 милл. рублей. По поводу изложеннаго предположенія *П. Л. Баркъ* высказался слѣдующимъ образомъ: «Въ настоящее время день войны обходится намъ въ 19.000.000 рублей. Слѣдовательно, если намѣчаемая операція хотя бы на нѣсколько дней приблизитъ конецъ войны, то она безусловно выгодна и я первый ее привѣтствую. Насколько такой результатъ обезпеченъ, не берусь судить и жду указаній Совѣта Министровъ. Въ случаѣ благопріятнаго разрѣшенія принципіальной стороны вопроса, прошу полномочій немедленно перевести въ распоряженіе Савинскаго (въ то время Посланникъ въ Софіи) сто милліоновъ франковъ. На этомъ настаиваетъ Министръ Иностранныхъ Дѣлъ въ тѣхъ видахъ, чтобы инціатива операціи въ глазахъ Болгаріи исходила отъ Россіи. Окончательный разсчетъ съ союзниками будетъ произведенъ по завершеніи сдѣлки». *А. В. Кривошеинъ:* «Если Министръ Иностранныхъ Дѣлъ признаетъ эту мѣру практичною съ политической точки зрѣнія и полагаетъ, что она поможетъ намъ въ отношеніяхъ съ Болгаріей, то, безъ всякихъ сомнѣній, надо немедленно ее осуществить. Попутно мы достигаемъ и другихъ цѣлей — получаемъ становящійся все болѣе выгоднымъ товаръ и мѣшаемъ воспользоваться имъ Германіи и Австріи. Въ данномъ вопросѣ меня, какъ и въ другихъ случаяхъ совмѣстныхъ операцій съ союзниками, непріятно удивляетъ только одно: и Франція, и Англія прекрасно знаютъ, какія колоссальныя затрудненія мы сейчасъ переживаемъ (прибавлю — не безъ пользы для нихъ); неужели же эти наши богатые родственники не могутъ отдѣлаться отъ эгоизма и принять на себя всю финансовую тягость операціи; двѣсти милліоновъ франковъ для нихъ сумма пустяшная, у насъ же каждая копѣйка на счету. Что-то не вѣрится мнѣ въ послѣдующіе разсчеты. Развѣ, по окончаніи войны, зачтутъ намъ въ погашеніе долга. Но, вѣдь, мы именно въ данную минуту почти нищіе». *С. Д. Сазоновъ:* «Союзники считаютъ эту операцію допустимою лишь при условіи распредѣленія. Здѣсь играютъ роль не финансовыя соображенія, а политическія — поддержаніе равновѣсія интересовъ. Во всякомъ случаѣ съ рѣшеніемъ надо поспѣшить. Прошлогодній урожай въ Болгаріи былъ скупленъ нѣмцами. Если мы не успѣемъ сдѣлать это раньше ихъ, то, конечно, они не задумаются передъ расходомъ и не упустятъ выгодной сдѣлки». *А. В. Кривошеинъ:* «Въ нынѣшнемъ году, кажется, хорошій урожай и въ Румыніи. Если задаваться цѣлью мѣшать нѣмцамъ, то слѣдуетъ и его скупить». *С. Д. Сазоновъ:* «Вопросъ о Болгаріи выдвигается на первую очередь, такъ какъ воздѣйствіе на нее особенно важно въ виду Босфора. Кромѣ того и результаты будутъ скорѣе достигнуты, ибо нѣтъ болѣе падкихъ на легкую наживу, чѣмъ болгарскіе политическіе дѣятели. Но, конечно, я буду всемѣрно привѣтствовать постановленіе Совѣта Министровъ о закупкѣ и румынскаго урожая, если это посильно для казны. Союзники охотно пойдутъ и на эту сдѣлку». *П. Л. Баркъ:* «Не возражаю противъ операціи съ румынскимъ хлѣбомъ по тѣмъ же соображеніямъ, которыя я высказалъ относительно Болгаріи». *А. В. Кривошеинъ:* «Чего же въ такомъ случаѣ медлить. Вѣроятно, нѣмцы дѣйствуютъ въ такихъ дѣлахъ безъ задержекъ». *С. Д. Сазоновъ:* «У нашихъ представителей въ Румыніи возникаютъ сомнѣнія въ цѣлесообразности. По ихъ мнѣнію, если даже нѣмцы и скупятъ румынскій урожай, то они все равно не смогутъ его использовать въ виду желѣзнодорожныхъ затрудненій». *С. В. Рухловъ:* «Долженъ отмѣтить, что румынскія желѣзныя дороги находятся въ плачевномъ состояніи. До сихъ поръ они не смогли справиться съ перевозкою нѣсколькихъ тысячъ вагоновъ хлѣбныхъ грузовъ прошлаго года. Съ того времени состояніе перевозокъ у нихъ не только не улучшилось, но, напротивъ, значительно ухудшилось». *А. А. Поливановъ:* «Я бы все-таки высказался за немедленную покупку румынскаго урожая. Во-первыхъ, нѣмцы народъ искусный и справятся со всякими техническими трудностями. Во-вторыхъ, едва ли правильно ограничивать операцію одной Болгаріей: это можетъ породить нежелательные толки въ Румыніи и повредить намъ въ политическомъ отношеніи, чѣмъ,

конечно, не преминетъ воспользоваться Германія». *С. Д. Сазоновъ:* «Вопросъ вообще трудный и обоюдоострый. Я еще переговорю съ Французскимъ и Англійскимъ Послами и пошлю срочный запросъ нашему Представителю въ Бухарестѣ. Но во всякомъ случаѣ прошу сегодня покончить съ болгарскимъ урожаемъ. Эта операція срочно необходима прежде всего для того, чтобы г-да болгарскіе дѣятели могли нажиться. Если хотите, это извѣстный косвенный подкупъ, который можетъ сослужить намъ большую службу въ дальнѣйшемъ ходѣ событій». *И. К. Григоровичъ:* «Нельзя ли воспользоваться этимъ самымъ подкупомъ, чтобы заставить болгаръ прекратить перевозку снарядовъ и боевого снабженія въ Турцію. Игра въ руку нѣмцамъ и для насъ опасная». *С. Д. Сазоновъ:* «Категорически утверждаю, что всѣ распускаемые на этотъ счетъ слухи не вѣрны. И наши, и союзные представители въ Болгаріи внимательно слѣдятъ за передвиженіемъ грузовъ и пока никакой военной контрабанды не обнаружили». Въ итогѣ, операція по закупкѣ урожая въ Болгаріи разрѣшена при условіи соблюденія равновѣсія интересовъ Россіи и союзниковъ, а вопросъ о румынскомъ хлѣбѣ отложенъ до сообщенія Министромъ Иностранныхъ Дѣлъ дополнительныхъ свѣдѣній и разъясненій.

Кн. Н. Б. Щербатовъ: «Разъ мы находимся въ области финансовыхъ вопросовъ, позвольте обратить Ваше вниманіе на то, что творится съ русскою валютою въ Финляндіи. Нашъ рубль падаетъ тамъ съ головокружительною быстротою. Поразительная нелѣпость. Въ предѣлахъ одной Имперіи одна область спекулируетъ на спинѣ всей остальной страны. Создавшееся положеніе вызываетъ справедливое негодованіе среди населенія. Въ Государственной Думѣ говорятъ объ этомъ съ пожиманіемъ плечами. Слѣдовало бы положить границу зарвавшимся финнамъ». *П. Л. Баркъ* разъяснилъ, что финансовымъ вѣдомствомъ принимаются срочныя мѣры къ поддержанію нашей валюты въ Финляндіи и что обсуждается вопросъ объ условіяхъ привлеченія этой окраины къ участію въ расходахъ на войну. *П. А. Харитоновъ:* «Блаженная страна. Вся Имперія изнемогаетъ въ военныхъ тягостяхъ, а финляндцы наслаждаются и богатѣютъ за нашъ счетъ. Даже отъ основной гражданской обязанности — защищать государство отъ непріятеля — они освобождены. Давно бы слѣдовало притянуть ихъ хотя бы къ денежной, взамѣнъ натуральной (если она нежелательна), повинности. А тутъ они еще смѣютъ съ нашимъ рублемъ каверзничать. Полезно было бы поговорить по этому поводу съ Финляндскимъ генералъ-губернаторомъ. Какіе у него планы и есть ли у него вообще какіе нибудь планы?» *С. Д. Сазоновъ:* «Ради Бога, не возбуждайте рвенія генерала Зейна и оставьте финновъ въ покоѣ. За этимъ вопросомъ очень ревниво слѣдятъ шведы и лучше пока заставить совершенно о немъ забыть». *И. Л. Горемыкинъ:* «Я вполнѣ согласенъ съ Министромъ Иностранныхъ Дѣлъ. Овчинка выдѣлки не стоитъ. Пользы отъ кучки чухонцевъ намъ будетъ мало, а непріятностей не оберешься. И безъ того все осложняется, чтобы намъ еще съ съ финляндцами возиться. Ну ихъ всѣхъ къ чорту. Министръ Финансовъ приметъ мѣры для огражденія рубля, а въ Финляндскомъ Совѣщаніи обсудятъ и подготовятъ общіе проекты. Посмотримъ, что дальше будетъ, пока же я прошу не касаться финляндскаго вопроса въ общей постановкѣ. У насъ и безъ того по горло всякихъ вопросовъ».

Какъ отмѣчено въ записи предшествовавшаго засѣданія, Совѣтъ Министровъ рѣшилъ, въ отвѣтъ на пожеланіе Государственной Думы о выясненіи виновниковъ недостатка въ снабженіи арміи, возложить эту задачу на особую верховную комиссію. О таковомъ постановленіи Военный Министръ оповѣстилъ Думу, въ средѣ которой возникло неудовольствіе по поводу недостатчной опредѣленности цѣлей и полномочій этой комиссіи. Въ связи съ этимъ въ Совѣтѣ Министровъ вновь затронутъ вопросъ, не надлежало ли бы, для избѣжанія дальнѣйшихъ толковъ, присвоить комиссіи наименованіе «слѣдственная». *А. В. Кривошеинъ:* «Самымъ рѣшительнымъ образомъ возражаю противъ этого слова. Я всегда чувствовалъ, а въ теперешнее время особенно остро чувствую и бремя,

и горе отвѣтственности члена правительства. Но безъ вины виноватымъ я не желаю быть, не желаю въ этомъ расписываться и класть голову на плаху передъ всею Россіей. Въ самомъ дѣлѣ, какое впечатлѣніе произведетъ на общественное мнѣніе, если мы сразу назначимъ комиссію слѣдственную. Станутъ говорить (и логически будутъ правы) — правительство цѣлый годъ спало, ничего не дѣлало, ничѣмъ не интересовалось и вдругъ пришла Дума-спасительница, прикрикнула и это самое правительство спѣшитъ проявить рвеніе вплоть до признанія завѣдомой преступности своихъ органовъ. Несомнѣнно, надо всячески стараться поддерживать добрыя отношенія съ законодательными учрежденіями, но и такому стремленію есть предѣлъ. Мы не имѣемъ права неосторожнымъ словомъ клеймить цѣлыя вѣдомства и окончательно подрывать безъ того всячески расшатываемый авторитетъ правительственныхъ учрежденій». *И. Л. Горемыкинъ:* «Я вполнѣ присоединяюсь къ мнѣнію Александра Васильевича. Надо сначала выяснить, существуютъ ли основанія говорить о чьей либо виновности. Если они окажутся, тогда можно будетъ ходатайствовать передъ Государемъ Императоромъ о направленіи дѣла въ уголовномъ порядкѣ». *С. В. Рухловъ: «Я тоже безусловно согласенъ съ точкою зрѣнія* Александра Васильевича. Все это дѣло вообще чрезмѣрно раздувается. Одни хотятъ использовать его для отвлеченія отъ себя отвѣтственности за военныя неудачи, а другіе стремятся подвести лишнюю мину подъ существующій строй и положить себѣ лишнюю ступеньку къ портфелю въ будущемъ кабинетѣ, облеченномъ общественнымъ довѣріемъ, какъ это входитъ нынѣ въ моду говорить. Намъ нечего играть на руку этимъ проискамъ и интригамъ. Достаточно и того, что правительство учреждаетъ комиссію для разслѣдованія. О слѣдствіи и судѣ еще рано заботиться». *А. А. Поливановъ:* «Да, вѣдь, мы въ прошломъ засѣданіи такъ и рѣшили создать верховную комиссію для р а з с л ѣ д о в а н і я. Я и произнесъ въ Думѣ именно это слово, а о слѣдствіи мною упомянуто не было. Недовольство же нѣсколькихъ депутатовъ не можетъ служить основаніемъ для пересмотра ранѣе состоявшагося и въ принципѣ одобреннаго Его Величествомъ постановленія Совѣта Министровъ. По существу же Александръ Васильевичъ совершенно правъ. Хотя мое дѣло сторона и меня благодарные соотечественники и испуганные военноначальники пока еще не обвиняютъ въ пособничествѣ непріятелю, но я долженъ сказать, что нельзя выставлять на позорище людей и цѣлыя учрежденія безъ твердой увѣренности въ наличіи для того основательныхъ поводовъ».

ЗАСѢДАНІЕ 4 АВГУСТА 1915 ГОДА.

Впервые со временъ графа Витте въ офиціальной части засѣданія присутствовало лицо «свободной профессіи», съ правительственною службою не связанное. Это былъ Александръ Ивановичъ Гучковъ, приглашенный въ засѣданіе по настоянію генерала Поливанова для участія въ разсмотрѣніи проекта положенія о военно-промышленномъ комитетѣ. Всѣ чувствовали себя какъ то неловко, натянуто. У Гучкова былъ такой видъ, будто онъ попалъ въ станъ разбойниковъ и находится подъ давленіемъ угрозы злыхъ козней. Вѣрнѣе, онъ напоминалъ застѣнчиваго человѣка, явившагося въ незнакомое общество съ предрѣшеннымъ намѣреніемъ разсердиться при первомъ поводѣ и тѣмъ проявить свою самостоятельность. На дѣлаемыя по статьямъ проекта замѣчанія Гучковъ отвѣчалъ съ не вызываемою существомъ возраженій рѣзкостью и требовалъ либо одобренія положенія о комитетѣ полностью, либо отказа въ санкціи этого учрежденія, подчеркивая, что положеніе это выработано представителями общественныхъ организацій, желающихъ безкорыстно послужить дѣлу снабженія арміи. Въ концѣ концовъ обсужденіе было скомкано и всѣ какъ бы спѣшили отдѣлаться отъ не особенно пріятнаго свиданія.

Секретная часть засѣданія, по установившемуся обыкновенію, открылась сообщеніемъ Военнаго Министра о положеніи на театрѣ войны. По прежнему ничего отраднаго, бодрящаго. Сплошная картина разгрома и растерянности. «Уповаю — сказалъ *А. А. Поливановъ* — на пространства непроходимыя, на грязь невылазную и на милость угодника Николая Мирликійскаго, покровителя Святой Руси». *П. А. Харитоновъ:* «А на Кавказѣ шествіе впередъ не прекращается. Чхеидзе впадаетъ чуть ли не въ истерику и грозитъ непоправимыми несчастіями. При мнѣ онъ кричалъ въ Думѣ во время перерыва, что кавказскою арміей командуетъ не Верховный Главнокомандующій и не Намѣстникъ, а графиня Воронцова-Дашкова, опутанная армянскими сѣтями. Въ самомъ дѣлѣ, куда мы тамъ, съ позволенія сказать, премъ». *А. А. Поливановъ:* «Извѣстно куда — къ созданію великой Арменіи. Я вчера имѣлъ случай говорить съ Его Величествомъ о кавказскомъ движеніи и возможныхъ печальныхъ его послѣдствіяхъ, причемъ отмѣтилъ, что собираніе Земли Армянской составляетъ, повидимому, основное стремленіе графа Воронцова-Дашкова. На этихъ словахъ Государь Императоръ, ласково улыбнувшись, соизволилъ поправить меня — не графа, а графини». *А. В. Кривошеинъ:* «Господа, обратите вниманіе, какое знаменательное историческое совпаденіе: на значеніе графини Воронцовой въ кавказской стратегіи указываетъ Его Императорское Величество и... лидеръ соціалъ-демократической фракціи Государственной Думы г-нъ Чхеидзе».

Въ связи съ вопросомъ объ экстренномъ кредитѣ на нужды бѣженцевъ бесѣда снова коснулась бѣженскаго движенія и грознаго его развитія. Поднялась стихія и гдѣ она остановится, какъ устроится на мѣстахъ, какія явленія ей сопутствуютъ — все это представляется уравненіемъ со всѣми неизвѣстными. Ни правительственныя, ни общественныя, ни благотворительныя организаціи не въ силахъ пока ввести эту стихію въ правильное русло. Къ тому же отступленіе и эвакуаціи продолжаются, срывая съ мѣстъ новыя и новыя толпы доводимыхъ до отчаянія людей. *А. В. Кривошеинъ:* «Изъ всѣхъ тяжкихъ послѣдствій войны — это явленіе самое неожиданное, самое грозное и самое непоправимое. И что ужаснѣе всего — оно не вызвано дѣйствительною необходимостью или народнымъ порывомъ, а придумано мудрыми стратегами для устрашенія непріятеля. Хорошій способъ борьбы. По всей Россіи расходятся проклятія, болѣзни, горе и бѣдность. Голодные и оборванные повсюду вселяютъ панику, угашаютъ послѣдніе остатки подъема первыхъ мѣсяцевъ войны. Идутъ они сплошною стѣною, топчутъ хлѣба, портятъ луга, лѣса. За ними остается чуть ли не пустыня, будто саранча прошла, либо тамерлановы полчища. Желѣзныя дороги забиты, передвиженіе даже воинскихъ грузовъ, подвозъ продовольствія скоро станутъ невозможными. Не знаю, что творится въ оставляемыхъ непріятелю мѣстностяхъ, но знаю, что не только ближній, но и глубокій тылъ нашей арміи опустошенъ, разоренъ, лишенъ послѣднихъ запасовъ. Я думаю, что нѣмцы не безъ удовольствія наблюдаютъ результаты повторенія 1812 года. Если даже они лишаются нѣкоторыхъ мѣстныхъ запасовъ, то вмѣстѣ съ тѣмъ они освобождаются отъ заботъ о населеніи и получаютъ полную свободу дѣйствій въ безлюдныхъ районахъ. Впрочемъ, эти подробности не въ моей компетенціи. Очевидно, они были своевременно взвѣшены Ставкою и были тогда признаны несущественными. Но въ моей компетенціи, какъ Члена Совѣта Министровъ, заявить, что устраиваемое Ставкою второе великое переселеніе народовъ влечетъ Россію въ бездну, къ революціи и къ гибели». Другими Министрами приведены различные факты изъ бѣженской жизни, которые рисуютъ всѣ ужасы этого явленія въ политическомъ, экономическомъ, организаціонномъ и бытовомъ отношеніяхъ. Постановленій никакихъ не послѣдовало въ виду принятаго въ предшествующемъ засѣданіи рѣшенія подвергнуть бѣженскій вопросъ общему обсужденію въ Высочайшемъ присутствіи.

Обмѣнъ мнѣній о положеніи въ Государственной Думѣ. Ея тонъ повышается. Все ярче видны захватныя стремленія. Начинается уже не «штурмъ», а

«наскокъ» на власть. Отсутствіе охоты нести текущую работу надъ разсмотрѣніемъ внесенныхъ правительствомъ законопроектовъ, хотя они и вызваны потребностями обороны, а, напротивъ, склонность къ потрясающимъ рѣчамъ и къ запросамъ. У всѣхъ русскихъ людей имѣются серіозныя основанія тревожиться и волноваться, но зачѣмъ же впадать въ преувеличенный пафосъ и предаваться возбуждающему краснорѣчію, которое тяжелымъ отзвукомъ отражается на настроеніяхъ въ странѣ. *И. Л. Горемыкинъ:* «Что же, Дума намѣрена исполнить обѣщаніе ускорить разрѣшеніе законопроекта о ратникахъ 2-го разряда? Когда этотъ вопросъ будетъ законченъ?» *А. А. Поливановъ:* «Я неоднократно уже напоминалъ объ этомъ, но пока безуспѣшно. Между прочимъ, отъ меня комиссія настойчиво требуетъ общихъ объясненій о положеніи на театрѣ войны и о состояніи снабженія. Отговариваюсь, что по первому вопросу надо обратиться въ Ставку, а второй въ военное время не подлежитъ оглашенію даже передъ законодательными учрежденіями. Мнѣ думается, что безъ удовлетворенія этого желанія мы не дождемся закона о ратникахъ». *П. А. Харитоновъ:* «Не могли бы Вы повернуть вопросъ въ обратномъ порядкѣ: пусть Дума немедленно разсмотритъ этотъ законъ, а Вы за это сообщите ей свѣдѣнія о военномъ положеніи, посколько позволятъ интересы соблюденія военной тайны». *Н. Б. Щербатовъ:* «Во всякомъ случаѣ было бы безусловно важно провести законъ о ратникахъ 2-го разряда черезъ Государственную Думу. Я долженъ отмѣтить, что наборы съ каждымъ разомъ проходятъ все хуже и хуже. Полиція не въ силахъ справиться съ массою уклоняющихся. Люди прячутся по лѣсамъ и въ несжатомъ хлѣбѣ. Если станетъ извѣстнымъ, что призывъ ратниковъ 2-го разряда производится безъ санкціи Государственной Думы, то, боюсь, при современныхъ настроеніяхъ мы ни одного человѣка не получимъ. Агитація идетъ во всю, располагая огромными средствами изъ какихъ то источниковъ». *И. К. Григоровичъ:* «Извѣстно какихъ — нѣмецкихъ». *Н. Б. Щербатовъ:* «Подстрекатели, конечно, не упустятъ предлога и создадутъ на этой почвѣ безпорядки и волненія. Не могу не указать передъ Совѣтомъ Министровъ, что агитація принимаетъ все болѣе антимилитаристическій или, проще говоря, откровенно пораженческій характеръ. Ея прямое вліяніе — повальныя сдачи въ плѣнъ». *А. Д. Самаринъ:* «Какъ ни печальны слова Князя Николая Борисовича, но они подсказаны нашею безотрадною дѣйствительностью. Однако, я считалъ бы неправильнымъ ставить себя въ этомъ вопросѣ всецѣло въ зависимость отъ усмотрѣнія Думы. Лучше какъ нибудь обойтись безъ ратниковъ 2-го разряда Въ тылу блуждаетъ масса сѣрыхъ шинелей. Нельзя ли найти имъ болѣе полезное примѣненіе времени на фронтѣ?» *А. В. Кривошеинъ:* «Замѣчательно хорошо Александръ Дмитріевичъ формулировалъ положеніе и по существу, и съ точки зрѣнія отношеній къ Государственной Думѣ. Если насъ хотятъ прижать закономъ о ратникахъ, то мы не должны поддаваться на эту удочку. Не мнѣ судить о технической сторонѣ дѣла, но обиліе разгуливающихъ земляковъ по городамъ, селамъ, желѣзнымъ дорогамъ и вообще по всему лицу земли русской поражаетъ мой обывательскій взглядъ. Невольно напрашивается вопросъ, зачѣмъ изымать изъ населенія послѣднюю рабочую силу, когда стоитъ только прибрать къ рукамъ и разсадить по окопамъ всю эту толпу гулякъ, которая своимъ присутствіемъ еще болѣе деморализуетъ тылъ. Однако, этотъ вопросъ относится къ области запретныхъ для Совѣта Министровъ военныхъ дѣлъ. Возвращаясь къ Думѣ, вспоминаю, что когда рѣшался вопросъ объ экстренномъ ея созывѣ, мы имѣли въ виду короткую сессію, такъ до первыхъ чиселъ августа. Время это приблизилось, но, мнѣ кажется, срокъ этотъ слѣдовало бы отложить. Не стоитъ обострять настроенія изъ за какихъ нибудь 2—3 дней. Надо дать Думѣ возможность высказаться о призывѣ ратниковъ. Какъ Вы думаете, Иванъ Логгиновичъ, о времени роспуска?» *И. Л. Горемыкинъ:* «Въ Думѣ говорятъ не о роспускѣ, а о пріостановкѣ занятій ея собственнымъ постановленіемъ въ серединѣ августа. Я нахожу, что надо дать ей короткій срокъ съ условіемъ провести законо-

проектъ о ратникахъ и если это условіе и не будетъ соблюдено — все таки ее распустить». *А. В. Кривошеинъ:* «Середина августа срокъ непріемлемый въ виду военныхъ обстоятельствъ, требующихъ экстренныхъ законодательныхъ мѣропріятій. При наличіи же законодательныхъ учрежденій такая экстренность фактически не осуществима, а 87-ою статьею мы не имѣемъ права пользоваться. Повидимому, думцы этого не понимаютъ или не хотятъ понять. Надо поговорить съ Родзянко и благожелательными депутатами и разъяснить имъ невозможность въ обстановкѣ войны обходиться нормальнымъ порядкомъ законодательствованія. Если же переговоры и убѣжденія не помогутъ и законъ о ратникахъ будетъ затягиваться намѣренно, то я присоединяюсь къ предложенію нашего Предсѣдателя объ ультимативномъ способѣ дѣйствій. Пусть тогда всѣ знаютъ, что роспускъ Думы вызванъ ея нежеланіемъ разрѣшить вопросъ, который связанъ съ интересами пополненія арміи и не допускаетъ дальнѣйшихъ замедленій. Люди благоразумные за такую постановку вопроса насъ не осудятъ, а злонамѣренную и питаемую нѣмецкими деньгами агитацію мы никакими уступками не остановимъ. Съ нею надо бороться другими путями и способами. Наконецъ, такой порядокъ отношеній съ Думою дастъ намъ право ходатайствовать о призывѣ ратниковъ 2-го разряда Высочайшимъ Манифестомъ со ссылкою на переживаемыя родиной чрезвычайныя обстоятельства». Поручено Министрамъ Военному и Внутреннихъ Дѣлъ переговорить съ М. В. Родзянко, съ предсѣдателемъ разсматривающіе законопроектъ комиссіи и съ лидерами партій («Такими, конечно, — добавилъ А. В. Кривошеинъ — которые способны вообще разговаривать съ представителями ненавистной бюрократіи»).

Снова бесѣда объ ультиматумѣ князя Юсупова и объ упорствѣ его въ нежеланіи ѣхать въ Москву безъ требуемыхъ имъ полномочій. *А. А. Поливановъ:* «Согласно порученію Совѣта Министровъ мы сговорились съ Министромъ Внутреннихъ Дѣлъ о предъявленныхъ княземъ Юсуповымъ пунктахъ и я доложилъ Государю Императору наши заключенія. Относительно передачи въ его власть всего московскаго гарнизона я высказалъ, что подобная мѣра была бы недопустимою, какъ нарушающая всѣ внутренніе распорядки военнаго вѣдомства и могущая внести дезорганизацію службы, — что повсюду гарнизоны подчинены начальникамъ военныхъ округовъ, къ которымъ гражданская власть обращается въ случаяхъ необходимости помощи войскъ и — что таковой начальникъ округа имѣется и въ Москвѣ. По поводу вооруженія дружинъ австрійскими пулеметами, какъ того желаетъ князь, я указалъ, что все оружіе внѣ театра войны сосредоточено въ вѣдѣніи военнаго вѣдомства, которое его распредѣляетъ сообразно съ нуждою въ отдѣльныхъ округахъ и съ наличными запасами и что такое распредѣленіе выполняется по заранѣе составленному плану, нарушать который немыслимо безъ ущерба интересамъ цѣлаго. Наконецъ, по поводу претензій на самостоятельное объявленіе Москвы на военномъ положеніи я пояснилъ, что по установленному законами правилу такая мѣра вводится въ дѣйствіе не иначе, какъ Именнымъ Высочайшимъ Указомъ Правительствующему Сенату, объявляемымъ черезъ Военное Министерство, и что, казалось бы, нѣтъ на лицо какихъ либо исключительныхъ обстоятельствъ, чтобы измѣнять законъ въ отношеніи отдѣльнаго лица. Внимательно выслушавъ представленныя мною соображенія, Его Величество задумался и задалъ мнѣ вопросъ — «посовѣтуйте, какъ мнѣ быть съ Юсуповымъ, онъ не идетъ ни на какія уступки». Засимъ, не выждавъ отвѣта, Государь сказалъ — «попробуйте его образумить и уговорить, напишите ему и вообще покажите ему больше вниманія; это должно на него подѣйствовать». По существу же доклада никакихъ Высочайшихъ предуказаній не дано. Прошу Совѣтъ Министровъ предпринять какіе нибудь шаги къ разрѣшенію вопроса. Съ приближеніемъ фронта Москва пріобрѣтаетъ все возрастающее значеніе для организаціи тыла и длить неясность положенія и подчиненія было бы опасно для дѣла снабженія». *И. Л. Горемыкинъ:* «Государь Императоръ признаетъ необходимымъ назначить въ Москву генералъ-губернатора и избралъ для этого опре-

дѣленное лицо. Наши возраженія противъ такой кандидатуры, о которыхъ я съ своей стороны докладывалъ Государю, Его Величество находитъ неубѣдительными. Онъ указалъ мнѣ, что сомнѣнія Юсупова основываются на малочисленности, плохихъ вооруженіяхъ и недостаточной организованности московской полиціи. Это обстоятельство и вызываетъ настоятельную потребность предоставить въ распоряженіе генералъ-губернатора мѣстный гарнизонъ, такъ какъ въ Москвѣ не спокойно и каждую минуту можно ждать вспышекъ». *Кн. Н. Б. Щербатовъ:* «Если предрѣшено генералъ-губернаторство, то надо сейчасъ же предрѣшить и упраздненіе градоначальства. Генералъ-губернаторъ и градоначальникъ должности не могущія совмѣстно существовать. При деспотическихъ наклонностяхъ Юсупова это тѣмъ болѣе невозможно». *А. Д. Самаринъ:* «Юсуповъ желаетъ быть неограниченнымъ хозяиномъ Москвы и обзавестись съ этою цѣлью собственными войсками. Мнѣ думается, что авторитетъ достигается другими средствами. Во всякомъ случаѣ Москву кулакомъ трудно завоевать». *И. Л. Горемыкинъ:* «Фактъ тотъ, что онъ не желаетъ ѣхать въ Москву съ голыми руками. Я тоже думаю, что неудобно подчинить ему гарнизонъ въ нарушеніе всѣхъ существующихъ правилъ. Нельзя ли разрѣшить вопросъ немедленнымъ усиленіемъ кадровъ московской полиціи?» *Кн. Н. Б. Щербатовъ:* «Эта задача требуетъ времени, да и людей сейчасъ трудно подобрать. Генералъ-губернаторъ и всякая другая гражданская власть можетъ въ любой моментъ потребовать содѣйствія военной власти, которая не имѣетъ права отказать и руководствуется опредѣленными закономъ правилами. Если пойти на встрѣчу заявленной претензіи, то въ Москвѣ будутъ одновременно находиться воинскія части двоякаго рода: столичный гарнизонъ, подчиненный генералъ-губернатору, и окружныя войска, подчиненныя начальнику военнаго округа. Заранѣе можно предвидѣть, какая тамъ будетъ неразбериха. Неужели князь Юсуповъ не способенъ понять, что разновѣдомственныя войска въ одномъ мѣстѣ приведутъ не къ усиленію власти, а, наоборотъ, къ ослабленію. Если онъ не понимаетъ, надо придумать способъ для проясненія его сознанія». *И. Л. Горемыкинъ:* «Онъ считаетъ, что вызовъ войска въ общемъ порядкѣ всегда влечетъ за собою потерю времени и неизбѣжныя тренія. Онъ находитъ, что современная внутренняя обстановка не допускаетъ промедленій въ принятіи рѣшеній. Онъ находитъ также, что начальникъ Московскаго военнаго округа*) совершенно не отвѣчаетъ своему назначенію и что разговоры съ нимъ пользы не принесутъ, особенно когда наступитъ моментъ дѣйствовать». *А. Д. Самаринъ:* «Я не вполнѣ понимаю постановку вопроса: Москва для Юсупова или же генералъ-губернаторъ для Москвы. Въ первомъ случаѣ всякія разсужденія по существу представляются лишними. Во второмъ — Совѣтъ Министровъ, повидимому, не возражаетъ противъ цѣлесообразности сосредоточенія высшей власти въ Москвѣ въ однихъ рукахъ, но большинство его Членовъ находитъ, что для этой роли князь Юсуповъ не подходитъ. Въ прошломъ засѣданіи Г. Г. Члены Совѣта согласились съ моимъ мнѣніемъ, что просто уволить или убрать Юсупова изъ Москвы было бы нежелательно съ политической точки зрѣнія. Слѣдовательно, намъ слѣдовало бы придумать и представить на благоусмотрѣніе Государя Императора какой нибудь почетный выходъ, который удовлетворилъ бы Юсупова и устранилъ бы возможность возникновенія неблагопріятныхъ толковъ». *Кн. Н. Б. Щербатовъ:* «Я предложилъ бы ходатайствовать о торжественномъ (хотя бы въ формѣ Высочайшаго Рескрипта) назначеніи кн. Юсупова состоящимъ при Особѣ Его Императорскаго Величества. Думается, что противъ такого назначенія Юсуповъ не посмѣлъ бы возражать при всей своей преувеличенной склонности къ независимости». *А. В. Кривошеинъ:* «Прекрасный выходъ. На такое назначеніе даже Юсуповъ не посмѣетъ ставить ультиматумовъ». *И. Л. Горемыкинъ:* «Господа, повторяю, что

---

*) Генералъ Ольховскій.

Его Величество считаетъ необходимымъ возстановить генералъ-губернаторство въ Москвѣ и рѣшилъ послать на это мѣсто Юсупова. Мы должны помочь Государю и найти способъ выйти изъ затрудненія». *А. В. Кривошеинъ:* «Я нахожу и вмѣняю себѣ въ обязанность откровенно сказать, что Юсуповъ достаточно доказалъ свою абсолютную непригодность не только къ генералъ-губернаторскому, но и вообще ко всякому отвѣтственному посту. У него несомнѣнная манія величія и въ формѣ опасной. Не будучи еще властителемъ московскимъ, онъ уже договаривается съ правительствомъ, какъ съ сосѣднею державою. Какія же дѣйствія можно ждать отъ него въ дальнѣйшемъ. По моему убѣжденію пускать его въ Москву это значитъ идти на допущеніе скандала. Уговаривать и уступать ему безполезно — онъ только еще больше подогрѣется и начнетъ чудить. Самое политичное было бы всячески затягивать вопросъ о Юсуповѣ, отсрочивать время его отбытія въ Москву и использовать время для подготовки путей отступленія. Я согласенъ съ А. Д. Самаринымъ, что этого господина опасно, съ точки зрѣнія московскихъ настроеній, демонстративно уволить. Всегда можно придумать исходъ и позолотить пилюлю. Если его назначить состоящимъ при Государѣ, то никто не скажетъ, что это опала». *А. Д. Самаринъ:* «Что касается вопроса о генералъ-губернаторствѣ въ Москвѣ, то оно нужно только при условіи, если имѣется вполнѣ подходящее лицо. Такому условію князь Юсуповъ не удовлетворяетъ. Къ чему же тогда весь огородъ городить. Пускай Юсуповъ остается въ своемъ теперешнемъ положеніи, въ Москву не показывается и такимъ образомъ постепенно будетъ забытъ». *Кн. В. Н. Шаховской:* «Я бы тоже высказался, что пока надо принять всѣ мѣры, чтобы не пускать кн. Юсупова въ Москву, а общій вопросъ о его положеніи можно разрѣшить потомъ. Меня очень пугаютъ его разговоры и эксперименты съ рабочими. Это опасная демагогія сверху, которая обычно приводитъ къ обратнымъ результатамъ». *Кн. Н. Б. Щербатовъ:* «Его разговоры очень нравятся толпѣ и дѣйствуютъ на простой народъ возбуждающе противъ нѣмецкой крамолы, которая чудится Юсупову повсюду, чуть ли не въ самомъ Совѣтѣ Министровъ». *А. В. Кривошеинъ:* «Вообще у него какая то абстракція въ мозгахъ. Онъ все время бросается изъ одной крайности въ другую. То онъ вездѣ подозрѣваетъ нѣмцевъ, то революціонныя козни, то бросается въ объятья Астрова и считаетъ его главнымъ своимъ совѣтчикомъ. Еще въ бытность Юсупова въ Москвѣ къ нему зашелъ по дѣлу графъ В. Н. Коковцевъ. Князь его не принялъ, выславъ ему сказать, что Главноначальствующій занятъ серіознымъ дѣломъ съ Астровымъ». *П. А. Харитоновъ:* «Всѣ соображенія говорятъ за то, что князь Юсуповъ не только нежелателенъ, но совершенно недопустимъ въ Москвѣ. О чемъ же намъ еще разсуждать. И безъ того Совѣту Министровъ чуть ли не въ десятый разъ приходится тратить время на разсмотрѣніе и примиреніе княжескихъ претензій со здравымъ смысломъ. Надо просто на просто доложить Его Величеству, что, по мнѣнію Совѣта Министровъ или, по крайней мѣрѣ, большинства Членовъ, спокойствіе Москвы дороже расположенія духа князя Юсупова. И конецъ. Какое послѣдуетъ повелѣніе — не наша воля». *И. Л. Горемыкинъ:* «Я еще поговорю съ Государемъ и постараюсь склонить къ затяжкѣ разрѣшенія вопроса. Дальше посмотримъ, что будетъ».

Министръ Народнаго Просвѣщенія поднялъ вопросъ о необходимости предоставить учащимся отсрочки по предстоящему призыву 7-го августа. *Гр. П. Н. Игнатьевъ:* «Отказъ въ отсрочкахъ, въ полученіи которыхъ всѣ были увѣрены, произведетъ тяжелое впечатлѣніе. А настроеніе среди учащейся молодежи сейчасъ настолько напряженное, что слѣдовало бы избѣгать лишняго повода къ недовольству». *А. А. Поливановъ:* «Отсрочки для слушателей высшихъ учебныхъ заведеній недопустимы, такъ какъ они являются готовымъ матеріаломъ для ускоренныхъ выпусковъ офицеровъ, недостатокъ въ которыхъ все сильнѣе сказывается на фронтѣ. Среднія и низшія школы для меня безразличны». *С. В. Рухловъ:* «Я категорически настаиваю на освобожденіи желѣзнодорожныхъ училищъ. У насъ каждый техникъ на счету и мы не можемъ поступиться ни однимъ

человѣкомъ. Этого требуютъ не гражданскіе интересы, а военные. Безъ желѣзныхъ дорогъ воевать нельзя, а желѣзныя дороги не могутъ обойтись безъ техниковъ. Это ясно для всѣхъ». *Гр. П. Н. Игнатьевъ:* «Едва ли было бы правильно приноровлять вопросъ объ отсрочкахъ къ рангу и типу учебныхъ заведеній. Мнѣ думается, что подобною мѣрою мы вызовемъ еще большій взрывъ негодованія, чѣмъ при полномъ уничтоженіи льготъ». *А. В. Кривошеинъ:* «И это было бы наиболѣе правильнымъ рѣшеніемъ — уничтожить всякія льготы по призыву. Сейчасъ не время учиться, а время врага бить. Такую постановку вопроса, несомнѣнно, поймутъ и молодежь, и родители, и вообще весь русскій народъ. Когда родинѣ грозитъ чуть ли не нѣмецкое иго, интересы просвѣщенія, да и вообще всякіе интересы текущей жизни должны отойти на второй планъ передъ главною основною цѣлью Россіи — не дать себя поработить. Всѣ прочія соображенія — вредная сентиментальность». *И. Л. Горемыкинъ:* «Совершенно согласенъ съ Александромъ Васильевичемъ. Какая тамъ зубрежка пойдетъ въ голову при переживаемыхъ условіяхъ. Изъ занятій все равно выйдутъ одни пустяки. Но разъ Министры Народнаго Просвѣщенія и Путей Сообщенія настаиваютъ, то я считалъ бы необходимымъ передать вопросъ для детальной разработки въ междувѣдомственную комиссію при Министерствѣ Внутреннихъ Дѣлъ». *Кн. Н. Б. Щербатовъ:* «Долженъ заранѣе предупредить, что практически установленіе отсрочекъ едва ли осуществимо въ настоящее время. У насъ все готово и перемѣна въ послѣднюю минуту внесетъ полный сумбуръ. Безъ того сейчасъ призывы крайне трудны и не слѣдовало бы осложнять ихъ. Какъ бы изъ за частныхъ интересовъ не оказался пострадавшимъ интересъ общій».

Со времени развитія нашего отступленія Совѣту Министровъ неоднократно приходилось сталкиваться съ вопросомъ объ евреяхъ. Въ Ставкѣ сложилось убѣжденіе, что еврейское населеніе на театрѣ войны является сосредоточіемъ шпіонажа и пособничества непріятелю. Отсюда возникла мысль о необходимости очищать прифронтовую полосу отъ евреевъ. Примѣненіе этой мѣры началось въ Галиціи. Тыловыя власти стали высылать тысячи и десятки тысячъ австрійскихъ евреевъ во внутреннія русскія губерніи. Производилось это, конечно, не добровольно, а насильственно. Евреи изгонялись поголовно, безъ различія пола и возраста. Въ общую массу включались и больные, и увѣчные, и даже беременныя женщины. Слухи объ этой мѣрѣ и сопровождавшихъ ее насиліяхъ тогда же распространились какъ въ Россіи, такъ и за границей. Вліятельное еврейство подняло тревогу. Союзныя правительства начали протестовать противъ подобной политики и указывать на опасныя ея послѣдствія. Министерство Финансовъ почувствовало различныя затрудненія въ проведеніи финансовыхъ операцій. Совѣтъ Министровъ неоднократно какъ въ письменной формѣ, такъ и въ порядкѣ устныхъ сношеній черезъ Предсѣдателя и отдѣльныхъ Министровъ обращалъ вниманіе Верховнаго Главнокомандующаго и генерала Янушкевича на необходимость отказаться отъ преслѣдованія еврейской массы и огульнаго обвиненія ея въ измѣнѣ, поясняя, что этого требуютъ какъ внутреннія, такъ и международныя соображенія. Однако, Ставка оставалась глухою на всякія доказательства и убѣжденія. Напротивъ, когда наше отступленіе повлекло за собою очистку уже русскихъ губерній, то сначала въ Курляндіи, а затѣмъ и въ другихъ мѣстностяхъ принудительное еврейское переселеніе выполнялось въ массовыхъ размѣрахъ особо для сего назначаемыми воинскими отрядами. Что творилось во время этихъ экзекуцій — неописуемо. Даже непримиримые антисемиты приходили къ членамъ правительства съ протестами и жалобами на возмутительное отношеніе къ евреямъ на фронтѣ. Въ концѣ концовъ въ тѣхъ входившихъ въ черту осѣдлости губерніяхъ, куда выдворялись гонимые военными властями невольные бѣженцы, становилось невыносимымъ жить не только пришлому разоренному люду, но и самому коренному населенію. Обострились всевозможные кризисы — продовольственные, квартирные и проч. Появились заразныя болѣзни. На мѣстахъ настроеніе принимало все болѣе тревожный характеръ; евреи

озлоблены на всѣхъ и на вся, а жители — на непрошенныхъ гостей, къ тому же объявленныхъ предателями и измѣнниками, и на порядки, при которыхъ существовать у себя дома становится невозможнымъ. Еврейская интеллигенція и объединенные съ нею русскіе общественные круги возмущены до крайней степени; печать, думскія фракціи, различныя организаціи, отдѣльные видные представители русскаго еврейства требуютъ отъ правительства рѣшительныхъ шаговъ для прекращенія массовыхъ преслѣдованій. Въ союзныхъ странахъ и, особенно, въ Америкѣ раздаются горячіе призывы помочь страждущимъ въ Россіи евреямъ, собираются митинги протеста противъ политики племеннаго утѣсненія и т. д. Послѣдствія этого движенія — возрастающія препятствія въ полученіи кредитовъ и на внутреннемъ, и на иностранныхъ рынкахъ. Наиболѣе тяжело отражались такія послѣдствія на нашихъ финансовыхъ интересахъ, связанныхъ съ Соединенными Штатами, которые къ тому времени все болѣе становились вліятельными въ качествѣ банкира воюющей Европы. Въ такой сгустившейся атмосферѣ Министръ Внутреннихъ Дѣлъ выступилъ передъ Совѣтомъ Министровъ съ заявленіемъ о неотложномъ изысканіи путей для смягченія остроты положенія. «Наши усилія вразумить Ставку — сказалъ *кн. Н. Б. Щербатовъ* — остаются тщетными. Всѣ доступные намъ способы борьбы съ предвзятыми тенденціями исчерпаны. Мы всѣ вмѣстѣ и каждый въ отдѣльности неоднократно и говорили, и писали, и просили, и жаловались. Но всесильный Янушкевичъ считаетъ для него необязательными общегосударственныя соображенія. Въ его планы входитъ поддерживать въ арміи предубѣжденіе противъ всѣхъ вообще евреевъ и выставлять ихъ, какъ виновниковъ неудачъ на фронтѣ. Такая политика приноситъ свои плоды и въ арміи растутъ погромныя настроенія. Не хочется этого говорить, но мы здѣсь въ своей средѣ и я не скрою подозрѣнія, что для Янушкевича евреи едва ли не являются однимъ изъ тѣхъ алиби, о которыхъ прошлый разъ упоминалъ А. В. Кривошеинъ. Какъ бы ни было, мы, видимо, лишены возможности побороть зло въ корнѣ и намъ остается искать способы уменьшить его пагубное вліяніе на государственные интересы и на внутреннюю политику правительства. Впрочемъ, если бы даже Ставка отдала распоряженіе прекратить расправы надъ евреями, зло уже успѣло настолько проникнуть вглубь, что все равно не обойтись безъ сильнодѣйствующихъ лекарствъ. Сейчасъ положеніе таково. Сотни тысячъ евреевъ всѣхъ половъ, возрастовъ и состояній продвинуты и продолжаютъ продвигаться на востокъ отъ территоріи театра войны Распредѣленіе всей этой массы въ границахъ черты осѣдлости не только трудно, но прямо невозможно. Мѣстные губернаторы доносятъ, что все заполнено свыше предѣловъ вмѣстимости и что, если дальнѣйшее вселеніе не будетъ немедленно прекращено, они не отвѣчаютъ за безопасность новыхъ поселенцевъ въ виду возбужденнаго состоянія умовъ и погромной агитаціи, особенно со стороны возвращающихся съ фронта солдатъ. Не только бытовыя, но и экономическія, и санитарныя соображенія требуютъ разрѣженія населенія. Все это приводитъ насъ къ необходимости хотя бы временно разрѣшить водвореніе эвакуируемыхъ принудительно евреевъ внѣ черты осѣдлости. Долженъ сказать, что уже и теперь эта запретная линія во многихъ случаяхъ нарушается. Воспитанники среднихъ и высшихъ учебныхъ заведеній, перевезенныхъ изъ занятыхъ непріятелемъ районовъ, евреи солдаты-георгіевскіе кавалеры и раненые и т. п. элементы разсасываются повсюду. Неизбѣжны и полицейскія поблажки за плату. Но во многихъ случаяхъ нарушенія закона допускаются сознательно самимъ Министерствомъ, такъ какъ законъ былъ написанъ для мирныхъ условій, а мы живемъ въ условіяхъ катастрофы и приходится приспособляться къ неожиданнымъ требованіямъ времени. Однако отдѣльныя изъятія не могутъ помочь бѣдѣ и сколько нибудь замѣтно смягчить кризисъ. Фактъ остается фактомъ. Ссылаясь на него, руководители русскаго еврейства настойчиво домогаются общихъ мѣропріятій и легальныхъ основаній для облегченія положенія ихъ соотечественниковъ. Въ пылу бесѣды мнѣ прямо говорилось, что среди еврей-

ской массы неудержимо растетъ революціонное настроеніе, что люди доведены до послѣдней степени отчаянія, что съ каждымъ днемъ становится все труднѣе бороться со стремленіями къ активной самозащитѣ, что возможны крупные безпорядки и т. д. Мнѣ указывалось, что за границею тоже начинаютъ терять терпѣніе и что можетъ получиться такая обстановка, въ которой Россіи не найдетъ ни копѣйки кредита. Иными словами — пожеланія принимаютъ почти ультимативный тонъ: если вы хотите имѣть деньги на веденіе войны, то... Пожеланія же эти сводятся къ изданію правительствомъ такого акта, который, внося облегченіе въ положеніе еврейскихъ бѣженцевъ, служилъ бы реабилитаціей для заклейменной слухами о предательствѣ еврейской массы. Не сомнѣваюсь, что я встрѣчу со стороны Министра Финансовъ полную поддержку моему предложенію, не откладывая издать правительственное распоряженіе о временной пріостановкѣ дѣйствія правилъ о чертѣ осѣдлости, т. е. оформить то, что фактически отчасти уже дѣлается. Рѣшаясь на такой шагъ, мы должны использовать его и въ политическомъ отношеніи: надо позвать еврейскихъ вожаковъ и предъявить имъ требованіе — мы идемъ вамъ на встрѣчу, а вы извольте употребить ваше вліяніе для успокоенія массы и тогда можно будетъ поговорить съ вами и о дальнѣйшемъ. Но намъ надо спѣшить, чтобы не оказаться позади событій. Иначе значеніе жеста пропадетъ и мы не сможемъ извлечь изъ него всѣ выгоды. Съ практической точки зрѣнія возникаетъ только одно сомнѣніе, какой объемъ слѣдуетъ дать намѣченной мѣрѣ, т. е. допускать водвореніе евреевъ лишь въ городахъ внѣ черты осѣдлости или же и въ сельскихъ мѣстностяхъ. Я высказался бы за первую комбинацію. Полиція вообще настолько ослаблена, что дай Богъ справиться съ одними городами, въ деревнѣ же сейчасъ надзора фактически невозможно поддерживать». *Кн. В. Н. Шаховской:* «Самымъ рѣшительнымъ образомъ поддерживаю предложеніе Министра Внутреннихъ Дѣлъ. Я не касаюсь принципіальной стороны—сейчасъ, къ сожалѣнію, такое наступило время, когда приходится поступаться принципами. Политическую сторону исчерпывающе обрисовалъ намъ кн. Н. Б. Щербатовъ. Я позволю себя заявить Совѣту Министровъ, что то или иное разрѣшеніе еврейскаго вопроса представляется чрезвычайно важнымъ съ точки зрѣнія интересовъ торговли и промышленности. Вы знаете, что изъ очищаемыхъ нашими войсками районовъ эвакуирована масса промышленныхъ, ремесленныхъ, торговыхъ и т. п. предпріятій. Все это скучивается на небольшихъ пространствахъ, усложняетъ и безъ того тяжелый вопросъ о рабочихъ рукахъ, испытываетъ недостатокъ въ матеріалахъ и сырьѣ и постепенно разоряется, хирѣетъ и осуждено на гибель. Ущербъ для національнаго капитала не поправимый. Я просилъ бы обратить вниманіе на то, что допущеніе евреевъ только въ города не разрѣшитъ вопроса, такъ какъ фабрики и заводы во многихъ случаяхъ должны искать мѣста въ сельскихъ мѣстностяхъ. А такъ какъ большинство эвакуируемыхъ предпріятій еврейскія, могутъ возникнуть серіозныя затрудненія, которыя значительно ослабятъ экономическое значеніе обсуждаемой мѣры». *А. В. Кривошеинъ:* «Министръ Финансовъ, который сейчасъ находится на растерзаніи въ Государственной Думѣ и едва ли успѣетъ пріѣхать въ наше засѣданіе, просилъ меня довести до вашего свѣдѣнія совершенно однородныя съ Министромъ Внутреннихъ Дѣлъ соображенія о настоятельной необходимости предпринять рѣшительные шаги въ еврейскомъ вопросѣ и о желательности такого акта, который имѣлъ бы демонстративное значеніе не только въ Россіи, но и за границею. Къ П. Л. Барку на дняхъ явились Каменка, баронъ Гинцбургъ и Варшавскій съ заявленіями о возрастающихъ трудностяхъ съ размѣщеніемъ государственныхъ бумагъ, о неуспѣхѣ внутренняго займа, объ отрицательномъ отношеніи къ Россіи среди заграничныхъ финансовыхъ круговъ, о всеобщемъ возмущеніи по поводу отношенія къ еврейству и т. д. Приэтомъ, они не скрывали, что улучшеніе нашихъ финансовыхъ операцій въ значительной степени находится въ зависимости отъ измѣненія нашей политики въ еврейскомъ вопросѣ, что они не возлагаютъ на правительство вину за проис-

ходящее на фронтѣ, но что они ждутъ отъ правительства подсказываемыхъ гуманитарными требованіями мѣръ, и дальше въ такомъ же духѣ. Кратко содержаніе бесѣды можно резюмировать словами: дайте и мы дадимъ. Нечего сказать, въ достойное положеніе поставлена государственная власть господами Янушкевичами. Причины привели къ тѣмъ послѣдствіямъ, которыя мы предвидѣли. Ножъ приставленъ къ горлу и ничего не подѣлаешь. Какъ Министръ Внутреннихъ Дѣлъ по соображеніямъ внутреннимъ, такъ Министръ Финансовъ по соображеніямъ финансовымъ приходятъ къ одному и тому же заключенію: неотложно необходимъ демонстративный актъ по еврейскому вопросу. И чѣмъ скорѣе онъ будетъ проведенъ, тѣмъ лучше. Если мы не выступимъ въ данную минуту, то можетъ быть черезъ короткое время намъ придется давать то-же и даже больше при менѣе для насъ выгодной обстановкѣ. Не тащиться надо въ хвостѣ событій, а предупреждать ихъ, брать руль въ руки. Насъ пока еще вѣжливо просятъ и мы можемъ ставить условія. Высказываясь отъ имени П. Л. Барка и своего въ пользу предложенной кн. Н. Б. Щербатовымъ мѣры, я считаю необходимымъ использовать случай и извлечь изъ нашей уступки наибольшія выгоды. Надо предъявить представителямъ евреевъ, въ отвѣтъ на ихъ намеки, не менѣе откровенный ультиматумъ: мы даемъ вамъ измѣненіе правилъ о чертѣ осѣдлости и притомъ весьма существенное, а вы пожалуйте намъ денежную поддержку на русскомъ и иностранныхъ рынкахъ и окажите воздѣйствіе на зависимую отъ еврейскаго капитала (это равносильно почти всей) печать въ смыслѣ перемѣны ея революціоннаго тона. Если такой ультиматумъ не будетъ принятъ (чего я не думаю), намъ придется идти на героическія мѣры для увеличенія емкости заграничнаго рынка и требовать болѣе рѣшительной помощи отъ союзниковъ». *С. Д. Сазоновъ:* «Союзники тоже зависятъ отъ еврейскаго капитала и отвѣтятъ намъ указаніемъ прежде всего примириться съ евреями». *Кн. Н. Б. Щербатовъ:* «Мы попали въ заколдованный кругъ. Сейчасъ мы безсильны, ибо деньги въ еврейскихъ рукахъ и безъ нихъ мы не найдемъ ни копейки, а безъ денегъ нельзя вести войну». *И. Л. Горемыкинъ:* «Приходится признаться, что уступки неизбѣжны. Вопросъ въ ихъ объемѣ. Я лично согласенъ съ Министромъ Внутреннихъ Дѣлъ, что право свободнаго жительства можетъ быть предоставлено евреямъ только въ городахъ независимо отъ черты осѣдлости. Но сельскія мѣстности мы обязаны оградить отъ еврейскаго нашествія». *Кн. Н. Б. Щербатовъ:* «У насъ есть для этого весьма убѣдительный мотивъ. Какъ я уже говорилъ, въ деревнѣ растетъ погромное настроеніе. Противъ него мы не въ состояніи оберечь евреевъ, такъ какъ сельской полиціи у насъ въ настоящее время фактически почти не существуетъ». *А. В. Кривошеинъ:* «Сами евреи отлично это понимаютъ. Да ихъ не тянетъ въ деревню. Всѣ ихъ интересы связаны съ городскими поселеніями». *Кн. В. Н. Шаховской:* «Я бы настаивалъ на распространеніи льготы и на заводскіе районы». *А. В. Кривошеинъ:* «Это частность. Огромное большинство заводскихъ районовъ совпадаетъ съ городскими. Не стоитъ загромождать мелочами актъ, расчитанный на впечатлѣніе. Примѣчанія и добавленія только расхолаживаютъ читателя. Надо, чтобы издаваемый актъ былъ кратокъ и опредѣлененъ. Въ случай недоразумѣній и пробѣловъ можно будетъ преподать разъясненія». *П. А. Харитоновъ:* «По моему надо придать нашему распоряженію исчерпывающій характеръ. Если мы заранѣе будемъ предусматривать возможность разъясненій и толкованій, то значеніе акта сведется практически на нѣтъ. Сейчасъ главная острота и тяжесть положенія евреевъ проистекаетъ изъ неясности и запутанности законовъ, чѣмъ пользуется полиція для произвола и поборовъ Если мы въ новыхъ правилахъ не дадимъ законченныхъ постановленій и оставимъ лазейки, то извѣстно, что полицейскіе крючки искуснѣе любого сенатскаго оберъ-секретаря въ истолкованіи законовъ. Они такъ все подведутъ, что новое получится горше стараго». *С. В. Рухловъ:* «Вся Россія страдаетъ отъ тяжести войны, но первыми получаютъ облегченіе евреи. Мое чувство какъ то не можетъ этого переварить. Под-

тверждается поговорка, что за деньги все покупается. И такимъ подтвержденіемъ явится правительственный актъ. Несомнѣнно, всѣ узнаютъ его происхожденіе и мотивы. Какое впечатлѣніе это произведетъ не на еврейскихъ банкировъ, а на армію и на весь русскій народъ, который далеко не благодушно смотритъ на роль евреевъ въ переживаемыхъ событіяхъ. Какъ бы послѣдствіемъ предлагаемой льготы не явился взрывъ возмущенія и кровавыя бѣдствія для тѣхъ же самыхъ евреевъ. Во всякомъ случаѣ постановка этого вопроса въ сегодняшнемъ засѣданіи для меня неожиданна и я затрудняюсь сейчасъ дать отвѣтъ по чистой совѣсти. Я долженъ подумать и подготовиться къ окончательному отвѣту». *И. Л. Горемыкинъ:* «Въ виду заявленія Сергѣя Васильевича мы не будемъ выносить сегодня окончательнаго рѣшенія и мы попросимъ Управляющаго Дѣлами подготовить къ слѣдующему засѣданію проектъ постановленія согласно съ бывшими сужденіями. Но для облегченія Ивану Николаевичу (Лодыженскому) его работы я просилъ бы всѣхъ Г. Г. Членовъ высказаться по существу вопроса». *А. Д. Самаринъ:* «Я вполнѣ понимаю то чувство протеста, которое поднимается въ душѣ Сергѣя Васильевича. Мнѣ тоже больно давать свое согласіе на актъ, послѣдствія котораго огромны и съ которымъ русскимъ людямъ придется считаться въ будущемъ. Но бываютъ въ государственной жизни такія сплетенія обстоятельствъ, что ради интересовъ самодовлѣющей минуты приходится жертвовать многимъ. Наличіе такихъ обстоятельствъ я усматриваю въ современныхъ чрезвычайныхъ условіяхъ и считаю себя поэтому обязаннымъ выразить свое согласіе на обсуждаемую мѣру, но съ тѣмъ, чтобы она распространялась только на городскія поселенія и сохраняла силу лишь въ теченіе войны». *Гр. П. Н. Игнатьевъ:* «Все, что я здѣсь выслушалъ, убѣждаетъ меня въ необходимости проектируемаго акта». *А. А. Хвостовъ:* «Съ душевнымъ прискорбіемъ соглашаюсь, но съ тѣми оговорками, о которыхъ упомянулъ Александръ Дмитріевичъ». *А. А. Поливановъ:* «Въ качествѣ Министра, вѣдающаго казачьими областями, я обязанъ заявить Совѣту Министровъ, что едва ли право свободнаго жительства примѣнимо къ этимъ областямъ даже въ отношеніи однихъ городовъ. Мнѣ думается, что казачьи городскія поселенія слѣдовало бы изъять изъ общаго правила въ интересахъ самихъ евреевъ. Казаки и евреи исторически никакъ не могли ужиться другъ съ другомъ. Встрѣчи ихъ всегда кончались неблагополучно. Не надо упускать изъ вида еще и то современное обстоятельство, что казачьи отряды являются главными выполнителями приказовъ генерала Янушкевича о спасеніи русской арміи отъ еврейской крамолы». *Кн. Н. Б. Щербатовъ:* «Военный Министръ совершенно правъ. Евреевъ нельзя пускать въ казачьи земли. Казаки никогда не примирятся съ такимъ сожительствомъ и какъ бы изъ этого не родилась волна погромовъ». *И. Л. Горемыкинъ:* «Повидимому, всѣ, кромѣ Министра Путей Сообщенія, не возражаютъ противъ предложенной Министромъ Внутреннихъ Дѣлъ мѣры. Во всѣхъ же подробностяхъ мы сговоримся по журналу». *А. В. Кривошеинъ:* «Разъ всѣ высказались, то я позволю себѣ привести взглядъ графа Сергѣя Юльевича Витте, много занимавшагося еврейскимъ вопросомъ и пытавшагося внести въ него коренныя поправки въ бытность свою у власти. Онъ мнѣ опредѣленно высказывалъ, что предоставленіе евреямъ права свободнаго жительства въ городахъ по всей Имперіи равносильно разрѣшенію еврейскаго вопроса». *П. А. Харитоновъ:* «А вы, господа, не боитесь осложненій среди полиціи. Вѣдь, она лишается хорошенькаго куска хлѣба. Чего добраго, пристава и околоточные устроятъ забастовку протеста противъ насилій надъ ними правительства или же произведутъ погромчики для доказательства несоотвѣтствія принятой мѣры желаніемъ истинно-русскихъ людей». На этой шуточкѣ, къ которымъ покойный Государственный Контролеръ всегда проявлялъ большую склонность, засѣданіе было закончено.

ЗАСѢДАНІЕ 6 АВГУСТА 1915 ГОДА.

Вопреки обыкновенію, секретная часть засѣданія началась не съ доклада Военнаго Министра о положеніи на фронтѣ, а съ вопроса объ евреяхъ, въ связи съ представленнымъ Управляющимъ Дѣлами проектомъ журнала по этому вопросу.

Предсѣдатель Совѣта Министровъ сообщилъ, что онъ имѣлъ возможность доложить Государю Императору о происходившихъ въ прошломъ засѣданіи сужденіяхъ объ измѣненіи правилъ о чертѣ еврейской осѣдлости. Его Величество, подробно выслушавъ заявленныя соображенія и соглашаясь съ мотивировкою, выразилъ въ принципѣ одобреніе намѣченной мѣрѣ въ отношеніи городскихъ поселеній. *А. В. Кривошеинъ:* «Я увѣренъ, что именно въ такой постановкѣ льгота евреямъ будетъ полезна не только съ политической, но и съ экономической точки зрѣнія. Интересы народнаго хозяйства и особенно нашего захирѣвшаго центра давно уже требуютъ привлеченія туда широкой предпріимчивости. Переносъ съ западной окраины еврейскихъ предпріятій дастъ толчокъ развитію промышленности и обезпечитъ подъемъ мѣстной жизни. До сихъ поръ наша политика въ этой области напоминала того скупого, который спитъ на своемъ золотѣ, самъ не извлекая изъ него доходовъ и другимъ не позволяя. Нельзя всю нашу экономическую будущность строить на одномъ только земледѣліи. На этомъ мы далеко не уйдемъ, особенно когда наступитъ время ликвидаціи экономическихъ и финансовыхъ послѣдствій войны. Евреи встряхнутъ сонное царство и растревожатъ излѣнившееся на покровительственной системѣ русское купечество. Они быстро создадутъ конкурренцію тамъ, гдѣ безраздѣльно господствуетъ нѣсколько фирмъ, заставятъ перейти отъ старозавѣтныхъ пріемовъ хозяйства къ болѣе совершеннымъ. Съ чисто же національной точки зрѣнія надо сознаться, что наши города давно уже превратились въ смѣшеніе всевозможныхъ племенъ и нарѣчій. Повсюду, даже въ самыхъ исконныхъ русскихъ городахъ, не мало евреевъ, но по преимуществу богатыхъ, нашедшихъ тѣ или иныя лазейки. Весьма выгодно противопоставить имъ еврейскую массу и ослабить ихъ путемъ конкурренціи со стороны ихъ же единовѣрцевъ. Вотъ деревня – другое дѣло. Въ этомъ отношеніи не можетъ быть сомнѣній. Туда не только нельзя пускать евреевъ но надо всячески препятствовать и бороться съ нелегальнымъ проникновеніемъ». *Кн. В. Н. Шаховской:* «Къ сказанному Александромъ Васильевичемъ ничего не остается добавить. Я позволю себѣ только повторить то, о чемъ я заявлялъ прошлый разъ. Цѣлый рядъ предпріятій, въ силу различныхъ причинъ, не могутъ устроиться въ городской чертѣ и требуютъ большаго простора. Поэтому, для полноты экономической выгодности обсуждаемой мѣры, слѣдовало бы распространить льготу также на промышленныя предпріятія, организующіяся внѣ городовъ». *Кн. Н. Б. Щербатовъ:* «Я противъ такого расширенія. Дадимъ только поводъ къ злоупотребленіямъ, ибо услѣдить будетъ невозможно. По моему мнѣнію, надо ограничиться городскими поселеніями, съ изъятіемъ мѣстностей казачьихъ и Императорскихъ резиденцій». *П. А. Харитоновъ:* «Предпочтительнѣе, дабы избѣжать подчеркиваній, сказать — кромѣ городскихъ поселеній, подвѣдомственныхъ министерствамъ Императорскаго Двора и Военному». *И. Л. Горемыкинъ:* «Я тоже противъ предложенія Министра Торговли. Всякія изъятья только затемняютъ текстъ правилъ. Если на практикѣ будетъ обнаруживаться потребность въ отдѣльныхъ отступленіяхъ, то подлежащее вѣдомство всегда можетъ войти въ Совѣтъ Министровъ съ ходатайствомъ объ испрошеніи Высочайшей милости сообразно съ особенностями случая». *С. В. Рухловъ:* «Откровенно сознаюсь, что высказанныя мною въ прошедшемъ засѣданіи сомнѣнія отнюдь во мнѣ не разсѣялись и чувство мое еще сильнѣе протестуетъ. Не считаю себя въ правѣ заявлять разногласіе и переносить бремя разрѣшенія столь кардинальнаго вопроса на Русскаго Царя. Но не могу и молчать. Въ сущности говоря, допущеніе евреевъ къ сво-

бодному жительству, хотя бы только въ городахъ, за чертою осѣдлости является кореннымъ и безповоротнымъ измѣненіемъ исторически сложившагося законодательства, имѣющаго цѣлью оградить русское достояніе отъ еврейскихъ захватовъ, а русскій народъ — отъ разлагающаго вліянія еврейскаго сосѣдства. Однимъ росчеркомъ пера разрубается вопросъ, къ которому даже первая Государственная Дума не посмѣла приступить. Въ два-три дня разрушается одна изъ основъ національной политики, руководившей государственною властью въ теченіе многихъ лѣтъ. Вы оговариваете, что льгота даруется только на время войны. Простите меня, но такая оговорка ничто иное, какъ фиговый листикъ, успокоительная иллюзія. Неужели же вы серіозно думаете, что послѣ войны можно будетъ снова погнать евреевъ обратно за черту осѣдлости. Само собою очевидно, что это немыслимо: не найдется такой власти, которой это было бы по плечу. Нѣтъ, надо открыто признаться, что своимъ постановленіемъ Совѣтъ Министровъ предрѣшаетъ все дальнѣйшее направленіе еврейскаго вопроса въ Россіи и что это постановленіе неизбѣжно повлечетъ за собою въ ближайшемъ будущемъ необходимость новыхъ уступокъ по пути равноправія. И все это производится подъ давленіемъ еврейской мошны! Не правительство считаетъ нужнымъ, а его заставляютъ, пользуясь критическими обстоятельствами, переживаемыми родиною. Русскіе мрутъ въ окопахъ, а евреи будутъ устраиваться въ сердцѣ Россіи, извлекать выгоды изъ народнаго бѣдствія и всеобщаго разоренія. А какъ на это взглянетъ и армія, и весь русскій людъ? Есть ли гарантія, что не будетъ кровавыхъ послѣдствій. Вѣдь, слухи о еврейскомъ предательствѣ далеко не сплошная клевета. Ни для кого не секретъ, что большинство шпіоновъ принадлежитъ къ избранному племени. Еще только два слова. Мы хорошо знаемъ, какъ Польша въ качествѣ черты осѣдлости страдала отъ еврейскаго засилія. Теперь мы эту тяжесть хотимъ перенести на исконныя русскія земли. Повѣрьте, евреи никогда не вернутся въ Польшу, ибо побоятся поляковъ, которые, ставъ послѣ автономіи хозяевами своей мѣстной жизни, не пустятъ эту саранчу. Повторяю — разногласія я не въ правѣ дѣлать, но откровенно заявляю передъ Совѣтомъ Министровъ, что душа не пріемлетъ. Засимъ, замолкаю». *П. Л. Баркъ:* «Къ сожалѣнію, намъ приходится руководствоваться не чувствами, а велѣніями чрезвычайно остраго момента. Не мы создали этотъ моментъ, а тѣ, кого мы давно уже тщетно просили воздержаться отъ возбужденія еврейскаго вопроса казацкими нагайками. Но расплачиваться за эти нагайки приходится намъ, ибо денегъ на войну требуютъ отъ правительства. Достать же мы ихъ не можемъ, такъ какъ онѣ находятся въ рукахъ того племени, которое предается генераломъ Янушкевичемъ недопустимымъ ни въ одномъ цивилизованномъ государствѣ насиліямъ и надругательствамъ. Я долженъ огласить передъ Совѣтомъ Министровъ, что изъ нашего послѣдняго военнаго займа въ одинъ милліардъ фактически остались неразмѣщенными около 480 милліоновъ, т. е. почти половина, которую пришлось покрывать путемъ бухгалтерскихъ комбинацій. Долженъ также сказать, что сейчасъ заграничный рынокъ для насъ закрытъ и мы тамъ не получимъ ни копѣйки. Какъ прикажете при такихъ условіяхъ удовлетворять все возрастающіе расходы, вызываемые войною? Мнѣ откровенно намекаютъ, что намъ не выйти изъ финансовыхъ затрудненій, пока не будетъ сдѣлано какихъ либо демонстративныхъ шаговъ въ еврейскомъ вопросѣ. Словомъ, дилемма такова: или дадимъ льготы евреямъ и возстановимъ свой кредитъ для полученія средствъ на продолженіе войны, или... Третьяго выхода я, какъ Министръ Финансовъ, не вижу. Времена Минина и Пожарскаго, повидимому, не повторяются. По крайней мѣрѣ сейчасъ трудно усмотрѣть какіе нибудь признаки». *И. Л. Горемыкинъ:* «Вопросъ достаточно исчерпанъ по существу. Сергѣй Васильевичъ отказался отъ разногласія и мы можемъ обратиться къ выработкѣ окончательной формулы». Въ дальнѣйшихъ преніяхъ былъ подвергнутъ обсужденію порядокъ осуществленія разсматриваемой мѣры. Внесеніе представленія въ законодательномъ порядкѣ отвергнуто, какъ требующее значи-

тельнаго времени; кромѣ того, въ настоящихъ условіяхъ недопустимо возбужденіе въ Государственной Думѣ преній по еврейскому вопросу, которыя могутъ принять опасныя формы и явиться поводомъ къ обостренію національной розни; затѣмъ, нѣтъ увѣренности въ благополучномъ прохожденіи законопроекта, на почвѣ котораго не исключенъ конфликтъ между Думою и Государственнымъ Совѣтомъ; наконецъ, длительный законодательный порядокъ лишитъ мѣру необходимой демонстративности и характера милости. Въ существѣ тѣ же соображенія побудили отказаться отъ примѣненія 87 ст. (право правительства издавать законодательныя постановленія въ теченіе перерыва парламентской сессіи). Остановились на мысли объ изданіи по Министерству Внутреннихъ Дѣлъ циркулярнаго распоряженія. *А. А. Хвостовъ:* «Циркуляръ не можетъ ни измѣнять, ни отмѣнять дѣйствіе закона. Поэтому, какъ тому былъ примѣръ съ извѣстнымъ циркуляромъ покойнаго П. А. Столыпина по еврейскому вопросу, не исключена возможность отказа принятія его къ исполненію со стороны тѣхъ мѣстныхъ властей, которыя не будутъ сочувствовать разрѣшаемой льготѣ. Правительствующій Сенатъ, конечно, долженъ будетъ признать такой отказъ закономѣрнымъ». *П. А. Харитоновъ:* «Я бы предложилъ воспользоваться мудрымъ постановленіемъ, имѣющимся въ Учрежденіи Министерствъ. Я имѣю въ виду статью 158, которая обязываетъ министра въ чрезвычайныхъ случаяхъ принимать всѣ тѣ мѣры, которыя окажутся необходимыми, и доводить о семъ до свѣдѣнія Сената». *А. А. Хвостовъ:* «Нахожденіе этой статьи въ Учрежденіе Министерствъ послѣ изданія новыхъ Основныхъ Законовъ является какимъ то недоразумѣніемъ. Во всякомъ случаѣ основываться на ней въ дѣлѣ измѣненія такого коренного закона, какъ черта еврейской осѣдлости, было бы весьма большою натяжкою». *П. А. Харитоновъ:* «Приходится идти на это. Другого пути я не вижу. Наличіе непреодолимой силы имѣется — высылка въ глубь Россіи военными властями сотенъ тысячъ евреевъ, которыхъ Министръ Внутреннихъ Дѣлъ обязанъ устроить и для которыхъ нѣтъ достаточно мѣста въ чертѣ осѣдлости. Повѣрьте мнѣ — никто и не пикнетъ о незакономѣрности и не станетъ протестовать. Не только ка-деты и болѣе лѣвые, но и октябристы сочтутъ долгомъ привѣтствовать актъ гуманности и возстановленія справедливости къ незаслуженно преслѣдуемымъ овечкамъ. Какіе тутъ запросы и протесты. Съ правыми же партіями можно будетъ сговориться и убѣдить ихъ не дѣлать скандала». *Кн. Н. Б. Щербатовъ:* «Я готовъ взять на свою отвѣтственность изданіе циркуляра, сознавая, что иного выхода нѣтъ и медлить нельзя ни минуты. Одно только чисто практическое сомнѣніе. Циркулярное распоряженіе будетъ имѣть временную силу. Какъ же въ такомъ случаѣ быть съ заводами и фабриками. При временномъ правѣ жительства создается неустойчивость промышленной дѣятельности. Никто не рѣшится производить крупныя затраты, связанныя съ переносомъ предпріятія и устройствомъ на новомъ мѣстѣ. Какая гарантія у предпринимателя, что послѣ войны его не погонятъ обратно за черту». *И. Л. Горемыкинъ:* «Гарантія нравственная и фактъ. Увѣряю васъ, евреи это прекрасно поймутъ». *П. А. Харитоновъ:* «Они на собственномъ опытѣ знаютъ, что въ Россіи циркуляръ, да еще подкрѣпленный многозначительнымъ жестомъ, имѣетъ силу неодолимую и длительность безконечную». *А. В. Кривошеинъ:* «Если мы будемъ стараться предусмотрѣть всѣ подробности и отдѣльные случаи, то мы никогда не договоримся. Обстановка требуетъ быстраго и демонстративнаго дѣйствія. Слова Министра Финансовъ наводятъ на трагичныя размышленія. Будемте спѣшить. Нельзя вести сразу войну съ Германіей и съ еврействомъ. Хотя генералъ Янушкевичъ и держится другого мнѣнія, но я позволю себѣ утверждать, что эти войны надо раздѣлить. Если одного права жительства недостаточно, то слѣдуетъ дополнить циркуляръ указаніемъ, что вопросъ объ устройствѣ предпріятій въ городахъ за чертою разрѣшается подлежащимъ вѣдомствомъ, которое снабжается необходимыми полномочіями». *Кн. В. Н. Шаховской:* «Все дѣло сводится къ пріобрѣтенію недвижимой собствен-

ности для потребностей предпріятія». *И. Н. Лодыженскій:* «Въ законѣ нѣтъ запрета евреямъ пріобрѣтать недвижимости въ городахъ, въ которыхъ они пользуются правомъ жительства. Ограниченіе касается только сельскихъ мѣстностей». *П. А. Харитоновъ:* «Я не совсѣмъ согласенъ съ Александромъ Васильевичемъ на счетъ подробностей. Циркуляръ долженъ быть исчерпывающимъ по своей ясности, дабы мѣстная власть нашла въ немъ категорическія предписанія. Иначе не оберемся придирокъ, разсужденій и, говоря откровенно, полицейскихъ поборовъ». *Кн. Н. Б. Щербатовъ:* «Не могу скрыть отъ Совѣта Министровъ, что наше постановленіе вызоветъ бурю негодованія среди правыхъ круговъ. Мнѣ какъ то пришлось бесѣдовать по еврейскому вопросу съ Членомъ Думы Макогономъ, до котораго, повидимому, дошли какіе то слухи о нашихъ сужденіяхъ. Онъ прямо сказалъ, что если равноправіе, то колья неизбѣжны. Несомнѣнно, что принимаемая нами мѣра будетъ истолкована, какъ первый шагъ къ равноправію, и поднимется агитація». *П. А. Харитоновъ:* «Вотъ на это надо указать еврейскимъ представителямъ, чтобы они поняли все значеніе предпринимаемой правительствомъ мѣры». *Кн. Н. Б. Щербатовъ:* «И пояснить, что въ деревню и въ казачьи мѣстности мы не пускаемъ евреевъ потому, что тамъ мы ихъ отъ кольевъ фактически оградить не можемъ». *А. В. Кривошеинъ:* «А я бы прибавилъ — и не желаемъ, потому что это противорѣчило бы національнымъ и хозяйственнымъ интересамъ русскаго народа». *И. Л. Горемыкинъ:* «Можно считать вопросъ исчерпаннымъ. Значитъ, Совѣтъ Министровъ уполномочиваетъ Министра Внутреннихъ Дѣлъ издать немедленно, на основаніи 158 статьи, циркуляръ, предоставляющій допущеніе евреевъ на время войны къ свободному жительству въ городскихъ поселеніяхъ, за исключеніемъ столицъ и мѣстностей, подвѣдомственныхъ Министру Двора и Военному. Возраженій нѣтъ». *С. Д. Сазоновъ:* «Не только нѣтъ, но я въ качествѣ Министра Иностранныхъ Дѣлъ привѣтствую принятое рѣшеніе. Оно мнѣ значительно облегчитъ переговоры съ союзниками, которые за послѣднее время были очень смущены оборотомъ еврейскаго вопроса въ Россіи и видѣли въ этомъ серіозную угрозу общимъ интересамъ. Я знаю изъ вѣрнаго источника, что всемогущій Леопольдъ Ротшильдъ и не идетъ дальше городовъ. Онъ отлично понимаетъ, что сейчасъ его единоплеменникамъ показываться въ русскую деревню небезопасно и что они могутъ тамъ натолкнуться на тѣ колья, на которые намекаетъ Членъ Государственной Думы г-нъ Макогонъ». *П. Л. Баркъ:* «Могу прибавить, что и французскіе Ротшильды далеки отъ требованія полнаго равноправія. Имъ необходимъ съ нашей стороны такой актъ, достаточно эффектный, который хотя бы на короткое время успокоилъ наиболѣе возбужденные умы среди заграничнаго еврейства и далъ бы возможность провести нужныя для насъ кредитныя операціи. Долженъ отмѣтить, что Ротшильды дѣйствительно искренно желаютъ помочь союзникамъ въ побѣдѣ надъ Германіей. Всѣмъ извѣстенъ фактъ, что ихъ домъ не воспользовался мораторіумомъ во Франціи, а это возложило на нихъ огромныя жертвы. Характерно, что Китчинеръ неоднократно повторялъ, что для успѣха войны однимъ изъ важныхъ условій является смягченіе режима для евреевъ въ Россіи. Я увѣренъ, что наше сегодняшнее постановленіе крайне благопріятно отразится на нашихъ финансахъ и облегчитъ задачу питанія войны деньгами». Въ заключеніе пренія коснулись вопроса о тѣхъ условіяхъ, выполненіе которыхъ слѣдуетъ потребовать отъ вліятельныхъ еврейскихъ круговъ въ связи съ принимаемою правительствомъ мѣрою. Въ политическомъ отношеніи требованія эти должны сводиться къ воздѣйствію на еврейскую массу въ смыслѣ успокоенія и прекращенія революціонной агитаціи, а также къ перемѣнѣ направленія зависимой отъ еврейскаго капитала печати. Что же касается финансовой стороны, то она нуждается въ технической разработкѣ подробностей, которую надлежитъ предоставить Министру Финансовъ съ участіемъ Государственнаго Контролера. Окончательно редакція предъявляемыхъ условій и самое веденіе переговоровъ передано совѣщанію во главѣ Предсѣдателя Совѣта Мини-

стровъ въ составѣ Министровъ Внутреннихъ Дѣлъ и Финансовъ. *Кн. Н. Б. Щербатовъ* замѣтилъ по этому поводу: «Я полагалъ бы, что официальной бесѣдѣ долженъ предшествовать частный разговоръ для подготовки умовъ. Такой разговоръ удобнѣе всего возложить на Министра Внутреннихъ Дѣлъ, такъ какъ евреи почитаютъ Министра Финансовъ, по свойству его должности, состоящимъ подъ ихъ давленіемъ». *И. Л. Горемыкинъ:* «Мы выяснимъ этотъ вопросъ въ нашемъ совѣщаніи. Итакъ Управляющій Дѣлами согласуетъ проектъ журнала съ сегодняшними сужденіями, затѣмъ мы этотъ журналъ подпишемъ, а тамъ посмотримъ, что будетъ. У меня во всякомъ случаѣ нѣтъ преувеличенныхъ надеждъ».

Предсѣдатель Совѣта Министровъ объявилъ, что Его Величество предоставилъ Кн. Юсупову окончательно сговориться по поводу его требованій относительно генералъ-губернаторскихъ полномочій съ Военнымъ Министромъ. *А. А. Поливановъ:* «Задача для Военнаго Министра, обремененнаго множествомъ срочныхъ дѣлъ, далеко не легкая». *А. В. Кривошеинъ:* «Можно быть увѣреннымъ, что Военный Министръ для пользы отечества вложитъ въ эти переговоры всю ту дипломатическую медлительность и запутанность, которая позволитъ длить ихъ до безконечности». *П. А. Харитоновъ:* «Честное слово, тошно становится отъ всей этой канители изъ-за личныхъ счетовъ».

Морской Министръ указалъ, что рабочіе Коломенскаго завода волнуются, обвиняя правленіе въ нежеланіи довести производительность предпріятія до полнаго напряженія и въ потворствѣ нѣмецкимъ интересамъ. Волненія принимаютъ опасный характеръ и могутъ вылиться въ насилія надъ персоналомъ. Военный Министръ пояснилъ, что положеніе на Коломенскомъ Заводѣ было обслѣдовано Главнымъ Интендантомъ, который лично ѣздилъ туда и выяснилъ вздорность предъявляемыхъ рабочими обвиненій. По мнѣнію ген. Шуваева, основанному на бесѣдахъ съ рабочими, весь конфликтъ есть ничто иное, какъ плодъ злонамѣреннаго подстрекательства. Между прочимъ, во время этихъ бесѣдъ ему было заявлено, что дѣлу будетъ во всякомъ случаѣ данъ ходъ и что съ такою цѣлью рабочіе собираются послать депутацію въ Ставку къ Великому Князю и въ Государственную Думу. *П. А. Харитоновъ:* «А къ правительству? Или это почитается излишнимъ. Нечего сказать, хорошенькій авторитетецъ у власти. Могилевская и Таврическая демагогія приноситъ свои плоды». *А. В. Кривошеинъ:* «Вопросъ очень серіозный. Пока существуетъ правительство, оно не можетъ допускать подобныхъ явленій. Такъ какъ Министръ Внутреннихъ Дѣлъ лишенъ власти въ столицѣ Имперіи, то надо категорически потребовать отъ подлежащихъ генераловъ принять всѣ мѣры къ воспрепятствованію какихъ бы то ни было рабочихъ депутацій и протестовъ по вопросамъ внутренняго порядка передъ законодательнымъ учрежденіемъ. Такіе вопросы не имѣютъ никакого отношенія къ компетенціи Думы. Иначе мы можемъ зайти такъ далеко, что и возврата не будетъ. Мнѣ кажется, слѣдовало бы предупредить Родзянко и указать ему на недопустимость пріема депутацій». *И. Л. Горемыкинъ:* «Предсѣдатель Государственной Думы находится въ такомъ возбужденномъ состояніи, что разговаривать съ нимъ безполезно. Надо, чтобы Министры Внутреннихъ Дѣлъ и Военный немедленно приняли всѣ необходимыя мѣры для прекращенія безобразія. Въ подобномъ случаѣ не слѣдуетъ останавливаться ни передъ какими средствами и показать примѣръ. Мы знаемъ, къ чему приводятъ мирныя депутаціи. Меня удивляетъ, чего смотритъ фабричная инспекція». *Кн. В. Н. Шаховской:* «Фабричная инспекція поставлена въ очень трудное положеніе, такъ какъ военныя начальства не желаютъ съ нею считаться и слушать ея совѣтовъ. Прибытіе инспекціи на заводъ разсматривается чуть ли не какъ вторженіе въ чужую компетенцію. Все это неблагопріятно отражается на авторитетѣ инспекціи въ глазахъ рабочей массы и лишаетъ чиновъ возможности плодотворно работать. Долженъ отмѣтить, что вообще сейчасъ на заводахъ настроенія напряжены до послѣдней степени. Рабочіе повсюду ищутъ измѣны, предатель-

ства, саботажа въ пользу нѣмцевъ и увлечены исканіемъ виновниковъ нашихъ неудачъ на фронтѣ. Въ этомъ отношеніи политика военныхъ властей, ихъ отношеніе къ инспекціи, а, главное, къ заводской администраціи отнюдь не способствуетъ успокоенію умовъ. На это слѣдовало бы обратить серіозное вниманіе». *Кн. Н. Б. Щербатовъ:* «Настроеніемъ рабочихъ пользуется революціонная агитація, старающаяся раздувать патріотическое негодованіе въ массахъ и толкать ихъ на путь требованія обнаруженія виновниковъ нехватки снарядовъ. Сейчасъ этотъ вопросъ самый модный и въ Думѣ, и въ общественныхъ организаціяхъ, и въ печати. На немъ удобно создать почву для безпорядковъ и рабочихъ выступленій: извольте-ка разгонять силою толпу, которая идетъ съ царскими портретами и національными флагами требовать искорененія нѣмецкой крамолы. Въ Москвѣ уже пришлось пережить подобный моментъ и мы знаемъ, къ чему это привело. Революціонныя и все болѣе поднимающія голову пораженческія организаціи отлично это учитываютъ и подогрѣваютъ подозрительность. Для нихъ важно, какими бы то ни было способами, вывести толпу на улицу. Затѣмъ стадо можно всегда повернуть въ любую сторону. Необходимо принять рѣшительныя мѣры, а то можетъ быть поздно. Военные случайные администраторы, не вѣдая, подбрасываютъ угольки въ огонь, расплачиваться же будетъ вся Россія. Я бы считалъ очень полезнымъ возстановленіе значенія фабричной инспекціи. У нея есть знанія и опытъ, которыми тыловые прапорщики далеко не обладаютъ». *И. Л. Горемыкинъ:* «Вопросъ настолько серіозный, что Министру Внутреннихъ Дѣлъ слѣдуетъ не откладывая сговориться съ Министромъ Торговли и принять всѣ нужныя мѣры. Если военное начальство будетъ мѣшать, то я попрошу Государя ихъ обуздать. Сплошное безобразіе у насъ творится».

Въ теченіе всего засѣданія генералъ Поливановъ принималъ мало участія въ обмѣнѣ мнѣній и большую часть сидѣлъ молча. Видимо было, что его что-то волнуетъ. Обычное у него подергиваніе головы и плеча проявлялось особенно сильно. Когда были исчерпаны всѣ вопросы и Предсѣдатель обратился къ нему съ просьбою сообщить Совѣту Министровъ о положеніи на театрѣ войны, *А. А. Поливановъ* съ едва сдерживаемымъ возбужденіемъ нарисовалъ въ краткихъ отрывистыхъ фразахъ еще болѣе, чѣмъ прежнія, печальную картину военнаго разгрома и разрухи. «Военныя условія — сказалъ онъ — и ухудшились, и усложнились. Въ слагающейся обстановкѣ на фронтѣ и въ армейскихъ тылахъ можно каждую минуту ждать непоправимой катастрофы. Армія уже не отступаетъ, а по просту бѣжитъ. Вѣра въ свои силы окончательно подорвана. Малѣйшій слухъ о непріятелѣ, появленіе незначительнаго нѣмецкаго разъѣзда вызываетъ панику и бѣгство цѣлыхъ полковъ. Пока спасаетъ отчасти отъ совершеннаго разгрома наша артиллерія, которая дѣйствительно на высотѣ и работаетъ съ полнымъ самоотверженіемъ. Но ея ряды рѣдѣютъ, снарядовъ почти нѣтъ, матеріальная часть износилась. Ставка окончательно потеряла голову. Противорѣчивые приказы, метаніе изъ стороны въ сторону, лихорадочная смѣна командировъ и повсемѣстный безпорядокъ сбиваютъ съ толку даже самыхъ стойкихъ людей. Психологія отступленія настолько глубоко проѣла весь организмъ Ставки, что внѣ пресловутаго заманиванія пространствомъ не видятъ и не ищутъ никакого исхода, никакой борьбы. Растерянность на верхахъ перестала быть секретомъ для арміи и еще больше деморализуетъ войска. Характерный примѣръ вліянія этой психологіи: Комендантъ Ковенской крѣпости генералъ Григорьевъ, устрашенный громомъ нѣмецкой тяжелой артиллеріи, столь поспѣшно оставилъ свой постъ и столь далеко передвинулся подъ защиту пространства, что его уже нѣсколько дней нигдѣ не могутъ обнаружить; сейчасъ жандармы разыскиваютъ его по тыламъ для доставленія въ полевой судъ, образованный по спеціальному приказанію Великаго Князя для суда надъ этимъ печальнымъ героемъ. Вообще, господа, хотѣлось бы быть оптимистомъ, но впереди перспективы рисуются самыя мрачныя. Какъ ни ужасно то, что происходитъ на фронтѣ, есть еще одно гораздо болѣе страшное событіе, которое угрожаетъ Россіи. Я сознательно на-

рушу служебную тайну и данное мною слово до времени молчать. Я обязанъ предупредить правительство, что сегодня утромъ на докладѣ Его Величество объявилъ мнѣ о принятомъ имъ рѣшеніи устранить Великаго Князя и лично вступить въ верховное командованіе арміей». Это сообщеніе Военнаго Министра вызвало въ Совѣтѣ сильнѣйшее волненіе. Всѣ заговорили сразу и поднялся такой перекрестный разговоръ, что невозможно было уловить отдѣльныхъ выступленій. Видно было, до какой степени большинство потрясено услышанною новостью, которая явилась послѣднимъ оглушительнымъ ударомъ, среди переживаемыхъ военныхъ несчастій и внутреннихъ осложненій. *А. А. Поливановъ:* «Зная подозрительность Государя и присущее ему упорство въ принятыхъ рѣшеніяхъ личнаго характера, я попытался съ величайшею осторожностью отговаривать, умолять хотя бы объ отсрочкѣ приведенія этого рѣшенія въ исполненіе. Я позволилъ себѣ подчеркнуть опасность вступленія Главы государства въ командованіе въ моментъ деморализаціи и упадка духа арміи, являющихся слѣдствіемъ постоянныхъ неудачъ и длительнаго отступленія. Я пояснилъ, что сейчасъ матеріальное снабженіе находится въ отчаянномъ состояніи и что проводимыя мѣры къ его пополненію скажутся только черезъ нѣкоторое время. Я не счелъ себя въ правѣ умолчать о возможныхъ послѣдствіяхъ во внутренней жизни страны, если личное предводительствованіе Царя войсками не измѣнитъ въ благопріятную сторону положенія на фронтѣ и не остановитъ продвиженія непріятеля внутрь страны; приэтомъ я доложилъ, что сейчасъ по состоянію нашихъ силъ нѣтъ надежды добиться хотя бы частныхъ успѣховъ, а тѣмъ болѣе трудно надѣяться на пріостановку побѣднаго шествія нѣмцевъ. Подумать жутко, какое впечатлѣніе призведетъ на страну, если Государю Императору пришлось бы отъ своего имени отдать приказъ объ эвакуаціи Петрограда или, не дай Богъ, Москвы. Его Величество внимательно прослушалъ меня и отвѣтилъ, что все это имъ взвѣшено, что онъ сознаетъ тяжесть момента и что тѣмъ не менѣе рѣшеніе его неизмѣнно». *Кн. Н. Б. Щербатовъ:* «До меня за послѣднее время доходили слухи объ интригахъ въ Царскомъ Селѣ противъ Великаго Князя и я подозрѣвалъ, что это можетъ кончиться вступленіемъ Государя въ верховное главнокомандованіе. Но я никакъ не думалъ, что этотъ ударъ разразится именно теперь, въ самый неблагопріятный моментъ для такого рѣшенія. Въ своихъ докладахъ я неоднократно обращалъ вниманіе Его Величества на ростъ революціонныхъ настроеній и предъявлялъ полученныя черезъ военную цензуру письма людей изъ различныхъ классовъ общества, до самыхъ близкихъ къ дворцовымъ сферамъ. Въ этихъ письмахъ ярко видно недовольство правительствомъ, порядками, тыловою разрухою, военными неудачами и т. д., причемъ во многомъ винятъ самого Государя. При такихъ условіяхъ принятіе Его Величествомъ непосредственнаго командованія войсками произведетъ крайне тяжелое впечатлѣніе и можетъ весьма усложнить внутреннее положеніе. Къ тому же Великій Князь Николай Николаевичъ, не смотря на все происходящее на фронтѣ, не потерялъ своей популярности и какъ въ арміи, такъ и въ широкихъ кругахъ населенія съ его именемъ связаны надежды на будущее. Нѣтъ, все говоритъ за то, что осуществленіе рѣшенія Государя безусловно недопустимо и что надо всѣми средствами ему противиться. Если Его Величество отправится на фронтъ, какъ можно будетъ обезпечить его охрану среди происходящаго тамъ столпотворенія. Черезъ гущу бѣженцевъ, по загроможденнымъ дорогамъ царскій автомобиль не будетъ въ состояніи быстро двигаться. Какъ оберегать Государя отъ тысячъ бродящихъ въ придорожныхъ лѣсахъ дезертировъ, голодныхъ, обозленныхъ людей. А Царская семья. Я не могу поручиться за безопасность Царскаго Села. Войскъ тамъ почти нѣтъ, полиція недостаточна. Кучка предпріимчивыхъ злоумышленниковъ можетъ проникнуть и ослабленный отъѣздомъ личной охраны Государя гарнизонъ окажется въ тяжеломъ положеніи. Возможность же подобныхъ попытокъ далеко не исключена при современныхъ подогрѣтыхъ настроеніяхъ и исканіяхъ виновниковъ переживаемыхъ несчастій. Простите, я выражаюсь хаотично,

но отъ сообщеннаго Военнымъ Министромъ извѣстія легко потерять всякое равновѣсіе». *И. Л. Горемыкинъ:* «Я долженъ подтвердить слова Военнаго Министра. Его Величество уже нѣсколько дней тому назадъ предупредилъ меня о принятомъ имъ рѣшеніи. Когда въ прошлыхъ засѣданіяхъ во время сужденій о взаимоотношеніяхъ между военными и гражданскими властями я предупреждалъ Васъ о необходимости съ чрезвычайною осторожностью касаться передъ Государемъ вопросовъ о Ставкѣ, я имѣлъ въ виду именно опасность ускоренія этого рѣшенія». *С. Д. Сазоновъ:* «Какъ же Вы могли скрыть отъ своихъ коллегъ по кабинету эту опасность? Вѣдь, дѣло затрагиваетъ такіе интересы, отъ которыхъ зависятъ судьбы Россіи. Если бы Вы сказали намъ откровенно, мы нашли бы, вѣроятно, способы противодѣйствовать рѣшенію Государя, которое я не могу назвать иначе, какъ пагубнымъ». *И. Л. Горемыкинъ:* «Я не считалъ для себя возможнымъ разглашать то, что Государь повелѣлъ мнѣ хранить въ тайнѣ. Если я сейчасъ говорю объ этомъ, то лишь потому, что Военный Министръ нашелъ возможнымъ нарушить эту тайну и предать ее огласкѣ безъ соизволенія Его Величества. Я человѣкъ старой школы, для меня Высочайшее повелѣніе законъ. Но разъ дѣло сдѣлано, его не воротишь. Долженъ сказать Совѣту Министровъ, что всѣ попытки отговорить Государя будутъ все равно безъ результатовъ. Его убѣжденіе сложилось уже давно. Онъ не разъ говорилъ мнѣ, что никогда онъ не проститъ себѣ, что во время японской войны онъ не всталъ во главѣ дѣйствующей арміи. По его словамъ, долгъ царскаго служенія повелѣваетъ Монарху быть въ моменты опасности вмѣстѣ съ войсками, дѣля и радость, и горе. Многіе изъ Васъ, господа, вѣроятно, не забыли тѣхъ событій. которыя готовились вслѣдъ за объявленіемъ настоящей войны, и какъ трудно было тогда переубѣдить Государя. Сейчасъ же, когда на фронтѣ почти катастрофа, Его Величество считаетъ священною обязанностью Русскаго Царя быть среди войскъ и съ ними либо побѣдить, либо погибнуть. При такихъ чисто мистическихъ настроеніяхъ Вы никакими доводами не уговорите Государя отказаться отъ задуманнаго имъ шага. Повторяю, въ данномъ рѣшеніи не играютъ никакой роли ни интриги, ни чьи либо вліянія. Оно подсказано сознаніемъ Царскаго долга передъ родиною и передъ измученною арміею. Я такъ же, какъ и Военный Министръ, прилагалъ всѣ усилія, чтобы удержать Его Величество отъ окончательнаго рѣшенія и просилъ его отложить до болѣе благопріятной обстановки. Я тоже нахожу принятіе Государемъ командованія весьма рискованнымъ шагомъ, могущимъ имѣть тяжелыя послѣдствія, но онъ, отлично понимая этотъ рискъ, тѣмъ не менѣе не хочетъ отказаться отъ своей мысли о царскомъ долгѣ. Остается склониться передъ волею нашего Царя и помочь ему». *С. Д. Сазоновъ:* «Да, но бываютъ обстоятельства, когда обязанность вѣрноподданнаго настаивать передъ Царемъ во имя общегосударственныхъ интересовъ. Помимо тѣхъ соображеній, которыя здѣсь уже были высказаны, надо еще учитывать и то, что увольненіе Великаго Князя произведетъ крайне неблагопріятное впечатлѣніе на нашихъ союзниковъ, которые въ него вѣрятъ. Кромѣ того, объединеніе въ лицѣ Монарха главнаго командованія усложнитъ и затруднитъ сношенія между союзными арміями и штабами. Нельзя скрывать и того, что за-границею мало вѣрятъ въ твердость характера Государя и боятся окружающихъ его вліяній. Вообще, все это настолько ужасно, что у меня какой то хаосъ въ головѣ дѣлается. Въ какую бездну толкается Россія». *А. В. Кривошеинъ:* «Я давно подозрѣвалъ возможность заявленія Государемъ желанія встать непосредственно во главѣ арміи — это вполнѣ соотвѣтствуетъ его душевному складу и мистическому пониманію своего царскаго призванія. Но, какъ и Министръ Внутреннихъ Дѣлъ, я былъ далекъ отъ мысли, что этотъ вопросъ можетъ выдвинуться именно въ настоящій абсолютно неподходящій моментъ и что облеченное до сихъ поръ Монаршимъ довѣріемъ правительство будетъ поставлено лицомъ къ лицу съ предрѣшеннымъ актомъ такой величайшей исторической важности. Я совершенно согласенъ съ тѣми своими сочленами по кабинету, которые говорятъ о немед-

ленной необходимости отговорить Государя. Ставятся ребромъ судьбы Россіи и всего міра. Надо протестовать, умолять, настаивать, просить, словомъ — использовать всѣ доступные намъ способы, чтобы удержать Его Величество отъ безповоротнаго шага. Мы должны объяснить, что ставится вопросъ о судьбѣ династіи, о самомъ тронѣ, наносится ударъ монархической идеѣ, въ которой и сила, и вся будущность Россіи. Народъ давно, уже со временъ Ходынки и японской кампаніи считаетъ Государя Царемъ несчастливымъ, незадачливымъ. Напротивъ, популярность Великаго Князя еще крѣпка и онъ является лозунгомъ, вокругъ котораго объединяются послѣднія надежды. Армія тоже, возмущаясь командирами и штабами, считаетъ Николая Николаевича своимъ истиннымъ вождемъ. И вдругъ — смѣна верховнаго главнокомандованія. Какое безотрадное впечатлѣніе и въ обществѣ, и въ народныхъ массахъ, и въ войскахъ. Я понимаю тѣхъ, кто говоритъ, что можно потерять равновѣсіе душевное. Нужно имѣть особенные нервы, чтобы выдерживать все происходящее. Россія переживала гораздо болѣе тяжкія эпохи, но никогда не было такой, когда все дѣлается къ тому, чтобы еще усложнить и запутать и безъ того безысходное положеніе». *Кн. Н. Б. Щербатовъ:* «Не можетъ быть сомнѣнія въ томъ, что рѣшеніе Государя будетъ истолковано, какъ результатъ вліянія пресловутаго Распутина. Революціонная и антиправительственная агитація не пропустятъ удобнаго случая. Объ этомъ вліяніи идутъ толки въ Государственной Думѣ и я боюсь, какъ бы отсюда не возникъ какой нибудь скандалъ. Не надо забывать, что Великій Князь пользуется благорасположеніемъ среди думцевъ за свое отношеніе къ общественнымъ организаціямъ и представителямъ». *П. А. Харитоновъ:* «У меня напрашивается сомнѣніе, какъ отнесется къ его устраненію самъ Великій Князь. Человѣкъ онъ нервный, впечатлительный, болѣзненно самолюбивый. Какъ ни позолоти пилюлю, а фактъ его увольненія въ моментъ, пока еще не кончился періодъ отступленія и сплошныхъ неудачъ на фронтѣ, будетъ равносиленъ признанію Верховнаго Главнокомандующаго не отвѣчающимъ своему назначенію, неспособнымъ бороться съ врагомъ. Въ Ставкѣ же, гдѣ много людей теряетъ все съ уходомъ Великаго Князя, несомнѣнно возможны попытки склонить Его Высочество на какіе нибудь рѣшительные шаги». *А. А. Поливановъ* — молча развелъ руками и пожалъ плечами. *А. В. Кривошеинъ:* «Я увѣренъ, что со стороны Великаго Князя не можетъ быть никакой опасности неповиновенія. Онъ глубокій патріотъ и никогда не рѣшится осложнять и безъ того критическое положеніе». *С. Д. Сазоновъ:* «Онъ не только патріотъ, но и джентльменъ. Соображенія Петра Алексѣевича должны быть совершенно исключены. И безъ того достаточно мотивовъ для доклада Государю о пагубности его шага, чтобы еще запугивать несуществующими опасностями и возбуждать давно уже недобрыя его чувства въ отношеніи Великаго Князя». *П. Л. Баркъ:* «Всецѣло присоединяюсь къ словамъ Сергѣя Дмитріевича Сазонова. Подобный аргументъ способенъ только разжечь пожаръ. Мнѣ думается, что слѣдовало бы обратить вниманіе Его Величества еще на то обстоятельство, что замѣна главнаго командованія при настоящихъ условіяхъ и возможныя отсюда внутреннія осложненія ухудшатъ нашъ кредитъ, и безъ того павшій до невѣроятной для великой державы степени. Царь во главѣ арміи идетъ въ послѣдній бой — это наша послѣдняя ставка. Но этотъ моментъ еще не наступилъ. Рискъ не во время почти всегда влечетъ за собою вредныя послѣдствія. Мы обязаны заявить наше мнѣніе Государю. Иначе насъ справедливо упрекнутъ, что мы не приняли всѣхъ доступныхъ мѣръ для предотвращенія несчастія». *Кн. Н. В. Шаховской:* «Мнѣ казалось бы, что Совѣту Министровъ слѣдовало бы просить о Высочайшей аудіенціи и умолять Государя Императора о пересмотрѣ принятаго имъ рѣшенія. Это и наша обязанность, и, скажу прямо, наше право». *И. Л. Горемыкинъ:* «Я противъ такого коллективнаго выступленія. Оно не только не принесетъ никакой пользы, но, напротивъ, повредитъ. Вы знаете характеръ Государя и какое впечатлѣніе на него производятъ подобныя демонстраціи. Къ тому же, повторяю, рѣшеніе его не-

поколебимо. Никакія вліянія тутъ ни при чемъ. Всѣ толки объ этомъ — вздоръ, съ которымъ правительству нечего считаться. Мы ничего не можемъ подѣлать. Государю и безъ того не легко, чтобы намъ еще его тревожить нашими протестами. Моя совѣсть, какъ Предсѣдателя Совѣта Министровъ, чиста — я все сдѣлалъ, чтобы удержать Государя. Я призываю Васъ, Господа, въ сознаніи назрѣвающихъ событій большой важности, преклониться передъ волею Его Императорскаго Величества, сплотиться вокругъ него въ тяжелую минуту и посвятить всѣ силы нашему Монарху». Призывъ И. Л. Горемыкина не произвелъ особаго впечатлѣнія, пройдя мало замѣченнымъ. Горячій обмѣнъ мнѣній продолжался въ духѣ необходимости во что бы то ни стало отговорить Государя. Такъ какъ Предсѣдатель категорически воспротивился предположенію о коллективной аудіенціи, остановились въ концѣ концовъ на слѣдующемъ. Во-первыхъ, уполномочить Военнаго Министра, отъ котораго впервые услышали о царскомъ намѣреніи, доложить Его Величеству мнѣніе Совѣта Министровъ и умолять или о пересмотрѣ принятаго рѣшенія, или хотя бы объ отсрочкѣ приведенія его въ исполненіе до наступленія болѣе благопріятныхъ обстоятельствъ. Во-вторыхъ, попытаться воздѣйствовать на настроенія Государя черезъ приближенныхъ къ нему лицъ; такимъ лицомъ намѣченъ въ первую очередь Дворцовый Комендантъ генералъ В. Н. Воейковъ, на котораго слѣдуетъ повлiять главнымъ образомъ въ духѣ высказанныхъ Министромъ Внутреннихъ Дѣлъ соображеній объ опасностяхъ съ точки зрѣнія обезпеченія охраны Его Величества и Императорской Семьи, а также о грозныхъ послѣдствіяхъ предпринимаемаго шага для будущности династіи. Переговоры съ В. Н. Воейковымъ поручены кн. Н. Б. Щербатову.

А. В. Кривошеинъ: «За послѣднее время мнѣ неоднократно приходилось слышать жалобы на невозможность чего либо добиться въ правительственныхъ учрежденіяхъ въ теченіе лѣтнихъ мѣсяцевъ. То праздникъ, то льготный день, то еще какой нибудь поводъ для бездѣлья и въ департаментахъ ни души. Заинтересованнымъ людямъ приходится по нѣсколько разъ ходить, чтобы уловить нужнаго чиновника. Это совершенно недопустимое явленіе На фронтѣ сотни тысячъ переносятъ невѣроятныя лишенія, ни днемъ, ни ночью не знаютъ покоя, а освобожденные для пользы дѣла отъ призыва въ войска г. г. чиновники празднуютъ и на Антона, и на Онуфрія и еще сверхъ того не то одинъ, не то два раза въ недѣлю предаются отдохновенію на лонѣ природы. Сейчасъ всѣ обязаны быть на своихъ мѣстахъ. Государство находится на порогѣ быть можетъ непоправимой катастрофы, и его служащіе не имѣютъ права предаваться ничегонедѣланію. Старшіе чины работаютъ по 24 часа въ сутки, а г. г. столоначальники прогуливаются въ Павловскѣ на музыкѣ. Надо покончить съ невѣроятно разросшимся количествомъ праздниковъ и льготныхъ дней. Совѣту Министровъ слѣдуетъ издать общее по всѣмъ вѣдомствамъ распоряженіе. Его всѣ поймутъ и одобрятъ. Отечество въ опасности и всѣ должны находиться непрерывно при порученномъ дѣлѣ. У русскаго народа и безъ того достаточно поводовъ къ неудовольствію, чтобы его еще раздражать зрѣлищемъ чиновничьяго отдохновенія». Предложеніе А. В. Кривошеина встрѣтило общее сочувствіе. Рѣшено сократить неприсутственные дни въ правительственныхъ учрежденіяхъ только до воскресеній и двунадесятыхъ праздниковъ съ тѣмъ, чтобы и въ эти послѣдніе въ учрежденіи всегда находилось достаточное число дежурныхъ чиновниковъ.

Когда засѣданіе кончилось, Члены Совѣта еще долго не расходились и стояли отдѣльными группами, ведя оживленные разговоры по поводу надвигающихся событій. Разъѣхались въ большомъ возбужденіи. У меня помѣчено: «Общее настроеніе — какъ Государь могъ принять безъ совѣщанія съ правительствомъ рѣшеніе, столь глубоко затрагивающее всю государственную жизнь и грозящее неисчислимыми послѣдствіями. Значитъ, къ Совѣту нѣтъ довѣрія».

ЗАСѢДАНІЕ 9 АВГУСТА 1915 ГОДА.

Запись очень неполная. Отмѣчено, что приходилось часто выходить изъ засѣданія по различнымъ порученіямъ. Занесены на бумагу лишь отрывочныя фразы и затѣмъ сдѣланъ общій обзоръ.

Морской Министръ порадовалъ сообщеніемъ объ удачныхъ дѣйствіяхъ нашего флота въ Рижскомъ заливѣ и о нанесеніи непріятелю чувствительныхъ потерь. Заливъ этотъ очищенъ отъ нѣмецкихъ судовъ и замыслы противъ Риги не удались.

Управляющимъ Дѣлами предъявленъ къ подписанію журналъ по еврейскому вопросу. *С. В. Рухловъ:* «Мое чувство и сознаніе протестуютъ, что военныя неудачи отзываются въ первую очередь льготами евреевъ. Русскіе люди несутъ невѣроятныя лишенія и страданія и на фронтѣ, и въ тылу, а еврейскіе банкиры покупаютъ своимъ сородичамъ право использовать бѣду Россіи для дальнѣйшей эксплоатаціи обезкровленнаго русскаго народа. У меня рука не поднимается поставить свое имя подъ этимъ журналомъ. Я категорически отказываюсь дать свою подпись, но рѣшенію Совѣта Министровъ подчиняюсь и разногласія не заявляю». Слова Министра Путей Сообщенія вызвали возраженія въ томъ смыслѣ, что въ данномъ вопросѣ приходится руководствоваться не чувствомъ, а непреложною необходимостью — что кредитъ нуженъ для продолженія войны, въ которой Россія больше заинтересована, чѣмъ въ частичномъ расширеніи черты осѣдлости и т. д. Съ своей стороны, С. В. Рухловъ высказалъ, что, оставаясь при своемъ рѣшеніи не подписывать журнала и никому не навязывая своего мнѣнія, онъ считаетъ, однако, нужнымъ отмѣтить весьма существенный пробѣлъ въ сужденіяхъ Совѣта Министровъ по настоящему дѣлу: «говорилось и о финансовыхъ, и объ экономическихъ, и о военныхъ, и объ общеполитическихъ соображеніяхъ въ пользу жеста по еврейскому вопросу, но не упоминалось объ опасности съ точки зрѣнія разсѣянія по всей Россіи источника революціонной заразы, каковымъ являются евреи; достаточно припомнить роль этого племени въ событіяхъ 1905 года, а въ отношеніи нашего времени Министру Внутреннихъ Дѣлъ, вѣроятно, извѣстно, какой процентъ іудеевъ приходится на лицъ, ведущихъ революціонную пропаганду и участвующихъ въ различныхъ подпольныхъ организаціяхъ». *Кн. Н. Б. Щербатовъ:* «Конечно, С. В. Рухловъ глубоко правъ въ своихъ указаніяхъ на разрушительное вліяніе еврейства. Но что же намъ остается дѣлать, когда ножъ приставленъ къ горлу. Если неоспорима зловредность евреевъ, то неоспорима и необходимость денегъ для веденія войны. А деньги въ еврейскихъ рукахъ». *А. В. Кривошеинъ:* «Я тоже привыкъ отождествлять русскую революцію съ евреями, но тѣмъ не менѣе журналъ о льготахъ этимъ самымъ евреямъ подписалъ, ибо сознаю неизбѣжность такого акта. Какъ я уже говорилъ въ Совѣтѣ Министровъ, нельзя одновременно вести войны и съ германцами, и съ евреями. Это непосильно даже для такой могучей страны, какъ Россія». *И. Л. Горемыкинъ:* «Вопросъ о допущеніи евреевъ въ города рѣшенъ Совѣтомъ Министровъ и одобренъ Его Величествомъ. Не будемъ возвращаться къ принципіальнымъ сужденіямъ. Министръ Путей Сообщенія не дѣлаетъ разногласія, а отказать ему въ правѣ не подписывать журналъ, я думаю, мы не можемъ».

По поводу изложеннаго эпизода слѣдуетъ отмѣтить, что въ послѣдующихъ засѣданіяхъ Совѣта Министровъ С. В. Рухловъ не присутствовалъ и его замѣщалъ Товарищъ Министра Путей Сообщенія П. Н. Думитрашко. Причиной отсутствія явилась болѣзнь, затѣмъ поѣздка по осмотру желѣзныхъ дорогъ и, наконецъ, продолжительный отпускъ для леченія на Кавказѣ, откуда С. В. Рухловъ возвратился къ концу Сентября или началу Октября, незадолго до замѣны его А. Ф. Треповымъ.

И. Л. Горемыкинъ объявилъ Совѣту Министровъ, что докладъ Военнаго Министра Его Величеству по поводу перемѣны верховнаго главнокомандованія не

повліялъ на рѣшеніе Государя, которое остается неизмѣннымъ. Въ настоящую минуту А. А. Поливановъ находится въ Ставкѣ, куда онъ посланъ Его Величествомъ съ личнымъ письмомъ Великому Князю и съ порученіемъ сговориться съ Его Высочествомъ о порядкѣ осуществленія сдачи командованія. Съ тѣмъ вмѣстѣ И. Л. Горемыкинъ сообщилъ, что Великому Князю предложено занять постъ Намѣстника Кавказскаго и Главнокомандующаго кавказскою арміей, и что графу Воронцову-Дашкову послано предупрежденіе о желательности подать немедленно въ отставку. Сообщеніе Предсѣдателя произвело въ Совѣтѣ Министровъ крайне тяжелое впечатлѣніе. Оно усугубилось еще послѣ разсказа Министра Внутреннихъ Дѣлъ о его неудачной попыткѣ заручиться содѣйствіемъ Дворцоваго Коменданта Воейкова, который не раздѣляетъ опасеній относительно возможности грозныхъ осложненій въ случаѣ вступленія Государя въ личное командованіе войсками и, напротивъ, высказываетъ увѣренность, что при сложившейся обстановкѣ отстраненіе Великаго Князя представляется совершенно необходимымъ и что лишь присутствіе Царя во главѣ арміи способно поднять упавшій духъ и вернуть русскому солдату вѣру въ побѣду. Указанія на трудность охраны Государя и Императорской семьи, на возможность угрозы для Царскаго Села, на рискъ для династіи въ случаѣ продолженія неуспѣховъ на фронтѣ и т. п. — все это было встрѣчено чуть ли не съ улыбкою и заявленіемъ, что вопросъ взвѣшенъ всесторонне, что мѣры принимаются, что опасенія преувеличены и т. д. Заканчивая свой докладъ и снова въ еще болѣе безотрадныхъ краскахъ обрисовавъ внутреннее положеніе въ странѣ, ростъ всеобщаго недовольства, распространеніе безпорядковъ, усиленную работу подпольныхъ организацій и абсолютную невозможность въ такой обстановкѣ отвѣчать за будущее, если Государь сдѣлаетъ «фатальный шагъ», *кн. Н. Б. Щербатовъ* воскликнулъ: «При такихъ условіяхъ я не могу нести отвѣтственность и быть Министромъ Внутреннихъ Дѣлъ». Въ дальнѣйшей бесѣдѣ нѣкоторыми изъ присутствовавшихъ высказывалось, что положеніе правительства становится чрезвычайно труднымъ и щекотливымъ. Съ его мнѣніемъ по вопросу колоссальной важности не только не считаютъ нужнымъ ознакомиться заранѣе, но, освѣдомившись о немъ, совершенно пренебрегаютъ, и ускоряютъ приведеніе въ исполненіе акта, который почитается Совѣтомъ Министровъ пагубнымъ во всѣхъ отношеніяхъ. Однако, Предсѣдатель не далъ развиться преніямъ и заявилъ, что фактъ совершился, что надо выждать возвращенія Военнаго Министра и готовиться къ событіямъ, чтобы быть на стражѣ и помочь Государю Императору.

Управляющій Дѣлами огласилъ письмо Предсѣдателя Центральнаго Военно-промышленнаго Комитета А. И. Гучкова на имя Предсѣдателя Совѣта Министровъ съ резолюціями этого Комитета относительно современнаго положенія, созданнаго войною, и необходимости измѣненія политическаго курса. *И. Л. Горемыкинъ:* «Письмо и по существу, и по тону столь неприлично, что я отвѣчать г-ну Гучкову не намѣренъ». *А. В. Кривошеинъ:* «Само собою разумѣется, что входить съ Гучковымъ въ переписку по вопросамъ, ничего общаго съ предметами его вѣдѣнія не имѣющими, правительству не вмѣстно. Но самый фактъ возможности подобнаго обращенія не лишенъ показательности для нашего времени и для той обстановки, которая складывается для дальнѣйшей правительственной работы». *С. Д. Сазоновъ:* «Какъ быть правительству, съ которымъ г. г. Гучковы и общественныя организаціи позволяютъ себѣ разговаривать такимъ тономъ. Повидимому, въ ихъ глазахъ правительство не имѣетъ никакого авторитета». *С. В. Рухловъ:* «Слѣдуетъ обратить вниманіе на то, что Гучковъ превращаетъ свой Комитетъ въ какое то второе правительство, дѣлаетъ изъ него сосредоточіе общественныхъ объединеній и привлекаетъ рабочихъ. Революціонный органъ образуется на глазахъ у государственной власти и даже не считаетъ нужнымъ скрывать своихъ вожделѣній. Нечего сказать, въ хорошія времена мы вступаемъ». *П. А. Харитоновъ:* «Оно понятно, ибо у страны нѣтъ довѣрія къ нынѣшнему правительству. Армія и населеніе надѣются не на насъ,

а на Государственную Думу и военно-промышленные комитеты». *Кн. Н. Б. Щербатовъ:* «Довѣрія къ правительству нѣтъ и у того, кто является источникомъ правительственной власти». *П. А. Харитоновъ:* «Вообще Совѣту Министровъ слѣдовало бы подумать о складывающемся для него положеніи». *И. Л. Горемыкинъ:* «Оставаясь въ предѣлахъ вопроса о письмѣ Гучкова, всѣ, кажется, согласны, что отвѣчать на него не слѣдуетъ». Возраженій не послѣдовало, но разговоръ продолжался въ томъ же духѣ сѣтованій на трудныя условія работы, на безсиліе бороться съ завѣдомо рискованными экспериментами и т. д. Резюмировать этотъ обмѣнъ мнѣній можно словами *С. Д. Сазонова:* «Правительство виситъ въ воздухѣ, не имѣя опоры ни снизу, ни сверху». Въ частности, бесѣда коснулась личности А. И. Гучкова, его авантюристической натуры, непомѣрнаго честолюбія, способности на любыя средства для достиженія цѣли, ненависти къ современному режиму и къ Государю Императору Николаю II и т. п. *А. А. Хвостовъ:* «Любопытно, что этого господина поддерживаютъ и кадеты, и болѣе лѣвые круги. Его считаютъ способнымъ въ случаѣ чего встать во главѣ баталіона и отправиться въ Царское Село. Очень печально, что эта личность снова всплыла на поверхностяхъ и фигурируетъ во главѣ Военно-промышленнаго Комитета, который можетъ превратиться въ опасное оружіе для политической игры. С. В. Рухловъ совершенно правъ, указывая на этотъ комитетъ, какъ на вѣроятный организаціонный центръ для извѣстной части общественныхъ силъ, не входящихъ въ Городской и Земскій Союзы».

Когда засѣданіе кончилось и всѣ разъѣхались, И. Л. Горемыкинъ сказалъ оставшемуся для доклада Управляющему Дѣлами И. Н. Ладыженскому: «Какая въ Совѣтѣ Министровъ кислятина».

Въ заключеніе записи у меня помѣчено: «Повидимому, въ Совѣтѣ Министровъ назрѣваетъ внутренній кризисъ. Большинство обижено принятіемъ рѣшенія о перемѣнѣ командованія и посылкою приказа Великому Князю помимо участія Совѣта въ обсужденіи этихъ актовъ. Иванъ Логгиновичъ твердъ въ своей позиціи, что сейчасъ не время протестовать, а надо помочь Царю въ критическую минуту».

ЗАСѢДАНІЕ 10 АВГУСТА 1915 ГОДА.

Снова запись отрывочная и преимущественно въ общихъ выраженіяхъ, а не поименная.

Въ началѣ засѣданія настроеніе болѣе спокойное. Въ концѣ опять коснулись положенія правительства и бесѣда приняла обостренный характеръ.

До свѣдѣнія Совѣта Министровъ дошло, что у Его Величества возникла мысль пока оставаться въ Петроградѣ, гдѣ и основать Ставку. Фактически всѣмъ будетъ верховодить генералъ Рузскій, у котораго прекрасныя отношенія съ генераломъ Алексѣевымъ. *А. В. Кривошеинъ:* «Такая комбинація болѣе успокоительна и вопросъ разрѣшается лучше, чѣмъ можно было ожидать. Во всякомъ случаѣ существеннымъ плюсомъ является устраненіе генерала Янушкевича и непосредственная близость Ставки къ правительству». *П. А. Харитоновъ:* «Несомнѣнно, много опасеній теперь отпадаетъ. Главное — это то, что обезпечивается объединеніе военной и гражданской власти». *Кн. Н. Б. Щербатовъ:* «Необходимо только возможно опредѣленнѣе выяснить основанія такого объединенія. Боюсь, какъ бы эта близость не привела къ обратнымъ результатамъ и не внесла бы еще большаго сумбура». *А. В. Кривошеинъ:* «Разъ перемѣна командованія предрѣшена безповоротно, то надо придумать такую форму, въ которой эта перемѣна была бы обставлена возможно мягче и понятнѣе. Мнѣ кажется, что слѣдовало бы просить Его Величество объявить свою Монаршую волю въ формѣ Всемилостивѣйшаго рескрипта на имя Великаго Князя Николая Николаевича. Въ этомъ рескриптѣ можно было бы изложить тѣ мысли, которыми Го-

сударь Императоръ руководствуется, вступая въ непосредственное командованіе арміею: призываетъ долгъ Царскаго служенія; не въ побѣдное время, а въ годину тяжкихъ невзгодъ Царь идетъ дѣлить опасности съ войсками; Царь готовъ погибнуть въ борьбѣ съ врагомъ, но отъ долга своего не отступитъ; Царь сознаетъ великую отвѣтственность за безопасность родины; Царь глубоко цѣнитъ ратный подвигъ Великаго Князя и ввѣряетъ ему кавказскій фронтъ и т. д. Конечно, я набросалъ лишь отрывочныя фразы. Все это надо обдумать и взвѣсить каждое слово. Но я думаю предлагаемая идея ясна». *И. Л. Горемыкинъ:* «Я нахожу предложеніе А. В. Кривошеина очень удачнымъ и думаю, что хорошо составленный рескриптъ поможетъ сгладить многіе углы». *П. А. Харитоновъ:* «Предъ лицомъ факта, передъ которымъ мы поставлены, идея А. В. Кривошеина особенно цѣнна. Въ рескриптѣ можно подчеркнуть, что Великій Князь устраняется не потому, что годовой періодъ войны закончился сплошными неудачами, а въ силу, во-первыхъ, долга царскаго служенія и, во-вторыхъ, соображеній общегосударственныхъ: положеніе сейчасъ настолько обострилось, что необходимо сосредоточеніе всей власти, всего государственнаго аппарата. Если умѣло написать рескриптъ, то Великому Князю его перемѣщеніе не будетъ столь обиднымъ и нежелательныя обостренія настроеній будутъ смягчены». Въ смыслѣ полнаго сочувствія высказались и всѣ остальные Члены Совѣта, причемъ, однако, не скрывались сомнѣнія, согласится ли Государь на такую форму въ виду крайняго недовольства Великимъ Княземъ и личнаго противъ него раздраженія. *С. Д. Сазоновъ:* «Мысль А. В. Кривошеина настолько мнѣ нравится, что я готовъ взять на себя, не скрою, тяжкую задачу переговорить о ней съ Его Величествомъ. Завтра утромъ я ѣду въ Царское Село съ всеподданнѣйшимъ докладомъ по моему вѣдомству и могу представить Государю Императору ходатайство Совѣта Министровъ относительно рескрипта Великому Князю». Предложеніе принято и Министру Иностранныхъ Дѣлъ даны соотвѣтственныя полномочія. *А. Д. Самаринъ:* «Къ глубокому моему сожалѣнію, я не присутствовалъ на послѣднихъ засѣданіяхъ Совѣта Министровъ, будучи въ отъѣздѣ въ Москву, лишился возможности высказаться по принципіальной сторонѣ вопроса о принятомъ Его Величествомъ рѣшеніи. Прошу позволенія сдѣлать это сейчасъ. Дай Богъ, чтобы я ошибся, но я жду отъ перемѣны верховнаго главнокомандованія грозныхъ послѣдствій. Повсюду въ Россіи настроенія до крайности напряжены. Пороху вездѣ много. Достаточно одной искры, чтобы вспыхнулъ пожаръ. По моему убѣжденію, смѣна Великаго Князя и вступленіе Государя Императора въ предводительство арміей явится уже не искрой, а цѣлой свѣчею, брошенною въ пороховой погребъ. Во всѣхъ слояхъ населенія, не исключая деревни, думскія рѣчи произвели страшное впечатлѣніе и глубоко повліяли на отношеніе къ власти. Революціонная агитація работаетъ, не покладая рукъ, стараясь всячески подорвать остатки вѣры въ коренные русскіе устои. И вдругъ въ такую минуту громомъ прокатится по всей Россіи вѣсть объ устраненіи единственнаго лица, съ которымъ связаны чаянія побѣды, о выступленіи на войну самого Царя, о которомъ въ народѣ сложилось съ первыхъ дней царствованія убѣжденіе, что его преслѣдуютъ несчастья во всѣхъ начинаніяхъ. Я хорошо знаю многія мѣстности Россіи и особенно близко знаю Москву и съ полнымъ сознаніемъ могу утверждать, что впечатлѣніе будетъ потрясающимъ, что вѣсть будетъ встрѣчена, какъ величайшее народное бѣдствіе. Если бы я присутствовалъ въ Совѣтѣ Министровъ при обсужденіи доклада А. А. Поливанова о смѣнѣ командованія, то я всѣми силами настаивалъ бы на томъ, чтобы правительство въ полномъ составѣ протестовало передъ Государемъ Императоромъ противъ этого ужаснаго шага. Теперь же мнѣ остается только горько сожалѣть, что этого не было сдѣлано, и при первомъ же свиданіи съ Его Величествомъ сочту своимъ долгомъ доложить то, что я сейчасъ высказалъ передъ Совѣтомъ Министровъ». *П. А. Харитоновъ:* «Все дѣло въ томъ, что рѣшеніе было принято тайкомъ отъ Совѣта Министровъ. Намъ была объявлена Монаршая воля съ указаніемъ, что она непреклонна и что

мы должны передъ нею склониться. Намъ ничего не оставалось, какъ просить ѣхавшаго съ всеподданнѣйшимъ докладомъ Военнаго Министра повергнуть къ стопамъ Его Императорскаго Величества мольбу Совѣта Министровъ. Въ отвѣтъ на это послѣдовала посылка письма Великому Князю съ предупрежденіемъ о предстоящемъ его назначеніи Намѣстникомъ Кавказскимъ. Что прикажете дѣлать правительству въ такихъ условіяхъ». *А. Д. Самаринъ:* «Надо было исчерпать всѣ средства убѣжденія, на колѣняхъ умолять Государя не губить свой Престолъ и Россію. Неужели же ближайшіе слуги Царя, имъ же самимъ облеченные довѣріемъ, не могли добиться, чтобы ихъ выслушали». *С. Д. Сазоновъ:* «Мы не менѣе горячо, чѣмъ Вы, Александръ Дмитріевичъ, желали отговорить Государя отъ пагубнаго рѣшенія, но въ Россіи даже отвѣтственные Министры не имѣютъ права голоса». *А. Д. Самаринъ:* «Если Членовъ Правительства не хотятъ даже выслушать, то какъ они могутъ нести свою службу и дѣлать Государево дѣло». *И. Л. Горемыкнъ:* «Наша бесѣда можетъ завести такъ далеко, что и выхода не будетъ. Государь Императоръ призналъ излишнимъ собирать Совѣтъ Министровъ по такому вопросу, который онъ считаетъ дѣломъ своей совѣсти и долгомъ царскаго служенія. Мы сдѣлали все, что намъ подсказало наше убѣжденіе. Но Монаршее повелѣніе воспослѣдовало и нашъ долгъ вѣрноподданныхъ склониться передъ волею нашего Царя и помочь ему».

Министръ Народнаго Просвѣщенія обратился къ Совѣту Министровъ за указаніями, не слѣдовало ли бы, въ виду продолжающагося наступленія непріятеля и угрозы Петрограду, приступить къ подготовкѣ эвакуаціи Публичной Библіотеки и подумать о судьбѣ петроградскихъ музеевъ. Рѣшено пока избѣжать какихъ либо общихъ мѣропріятій въ этой области, дабы не породить паники въ столицѣ. Однако, положеніе на фронтѣ столь тревожно, что надо предусматривать возможность всякихъ осложненій. При такихъ условіяхъ слѣдуетъ начать вывозку наиболѣе цѣнныхъ историческихъ реликвій и художественныхъ произведеній, по частнымъ распоряженіямъ подлежащихъ главныхъ начальниковъ вѣдомствъ. *П. А. Харитоновъ:* «Только одного бы не доставало, чтобы Петроградъ пришлось эвакуировать. Хорошій бы моментикъ получился для смѣны командованія. Столица подъ угрозой, Дума сорвалась съ цѣпи и кусаетъ всѣхъ направо и налѣво, повсюду волненія и безпорядки, Царь не довѣряетъ своимъ Министрамъ: неуявися, что будетъ». *И. Л. Горемыкинъ:* «Да, по теперешнимъ временамъ, когда повсюду видишь упадокъ вѣры и духа, тысячу разъ пріятнѣе отправиться въ окопы и тамъ погибнуть».

Послѣ разсмотрѣнія нѣкоторыхъ текущихъ, не имѣющихъ общаго интереса, вопросовъ засѣданіе было закрыто. Моя замѣтка о впечатлѣніи дня: «Температура повышается. Споры и возраженія принимаютъ необычайный для Совѣта Министровъ тонъ».

ЗАСѢДАНІЕ 11 АВГУСТА 1915 ГОДА.

«Сидѣли долго и говорили много. Затрагивали массу различныхъ вопросовъ, перебѣгая отъ одного къ другому и все время возвращаясь къ сѣтованіямъ, что у правительства нигдѣ нѣтъ опоры. Чувствуется растущее раздраженіе по поводу безсилія бороться съ накопляющимися со всѣхъ сторонъ осложненіями. Обмѣнъ мнѣній настолько нервенъ, что услѣдить трудно. Могъ записывать только наиболѣе яркія и интересныя выступленія. Генералъ Рузскій не производитъ очаровательнаго впечатлѣнія. Уклончивость и осторожность его отзывовъ какъ то не располагаетъ къ довѣрію».

Министръ Иностранныхъ Дѣлъ сообщилъ о результатахъ возложеннаго на него порученія. *С. Д. Сазоновъ:* «Сегодня утромъ мнѣ удалось доложить Государю Императору все то, что мы говорили во вчерашнемъ засѣданіи относительно идеи А. В. Кривошеина. Съ полною откровенностью я изложилъ передъ Его

Величествомъ глубокое сожалѣніе Совѣта Министровъ, что онъ не былъ привлеченъ для представленія своего заключенія по вопросу о верховномъ командованіи. Я сказалъ, что, по нашему убѣжденію, перемѣна въ этомъ вопросѣ можетъ имѣть грозныя послѣдствія при настоящей обстановкѣ. Отступленіе на фронтѣ продолжается, войскъ почти не остается, а имѣются лишь едва обученные мужики, взятые отъ сохи, оружія и снарядовъ не хватаетъ, деморализація повсюду растетъ. Внутреннее положеніе страны крайне напряженное. Подъ вліяніемъ нескончаемыхъ военныхъ неудачъ и отягощенія условій жизни, въ массахъ идетъ броженіе, прорывающееся въ безпорядкахъ. Революціонная агитація работаетъ во всю. Рѣчи съ думской каѳедры и обличенія въ печати отзываются на авторитетѣ власти и правительство начинаетъ чувствовать свою слабость передъ лицомъ надвигающихся событій и шаткость опоры въ странѣ. Увольненіе Великаго Князя Николая Николаевича явится огромнымъ осложненіемъ въ переживаемыхъ тяжелыхъ обстоятельствахъ. Его репутація какъ среди солдатъ, такъ и въ широкихъ кругахъ населенія очень велика: въ глазахъ народа — онъ Русскій Витязь, который за Русскую Землю борется съ поганымъ идолищемъ, и за него ежедневно въ самыхъ глухихъ уголкахъ служатся сотни молебновъ. На мои заявленія Государь сухо отвѣтилъ — «все это мнѣ извѣстно». Тогда я доложилъ, что Совѣтъ Министровъ полагалъ бы съ политической точки зрѣнія весьма желательнымъ, — смягчить эту перемѣну или, какъ я позволилъ себѣ сказать, подложить соломки въ видѣ Всемилостивѣйшаго рескрипта, въ которомъ была бы проведена мысль о необходимости объединенія военнаго и гражданскаго управленія, о заслугахъ Великаго Князя, о долгѣ Царскаго служенія и т. д. Его Величество отнесся къ этому предложенію вполнѣ сочувственно и воскликнулъ — «чудесная мысль, скорѣе за работу». Я добавилъ, что въ сознаніи исключительной важности такого акта Совѣтъ Министровъ ходатайствуетъ о предоставленіи ему повергнуть свой проектъ на высочайшее благовоззрѣніе. Государь согласился и указалъ — «только поскорѣе». Намъ дѣйствительно слѣдуетъ поспѣшить, чтобы Его Величеству не успѣли подсунуть какое нибудь бездушное канцелярское произведеніе». Сообщеніе С. Д. Сазонова встрѣчено въ Совѣтѣ Министровъ съ чувствомъ извѣстнаго удовлетворенія, такъ какъ участіе въ редакціи рескрипта открываетъ возможность до нѣкоторой степени сгладить углы и смягчить впечатлѣніе. Разработка проекта поручена А. В. Кривошеину. Съ своей стороны, А. Д. Самаринъ заявилъ, что онъ считаетъ составленіе проекта излишнимъ, что участіемъ въ этомъ дѣлѣ Совѣтъ Министровъ какъ бы даетъ свою санкцію смѣнѣ командованія и что единственный способъ дѣйствій — всячески отговаривать Государя Императора, пока еще не поздно, отъ вступленія въ личное предводительство арміей.

Во время засѣданія явился дежурный чиновникъ и доложилъ, что сейчасъ пріѣхавшій Предсѣдатель Государственной Думы М. В. Родзянко ожидаетъ А. В. Кривошеина для переговоровъ по важному дѣлу. *А. В. Кривошеинъ* вышелъ и, вернувшись черезъ нѣсколько минутъ, сообщилъ, что М. В. Родзянко обрушился на него съ укорами по поводу бездѣятельности правительства въ виду предстоящей отставки Великаго Князя и принятія на себя командованія Государемъ. «Я ему отвѣтилъ, что ему слѣдуетъ обратиться съ этимъ не къ Главноуправляющему Землеустройствомъ, а къ главѣ правительства, и Родзянко просилъ меня передать Вамъ, Иванъ Логгиновичъ, его просьбу выйти къ нему для бесѣды». *И. Л. Горемыкинъ* пошелъ въ пріемную. Минутъ черезъ десять онъ возвратился съ крайне недовольнымъ лицомъ и разсказалъ слѣдующее: «Г-нъ Предсѣдатель Государственной Думы совершенно забывается и беретъ на себя неподлежащую роль какого то суперъ-арбитра. Онъ мнѣ объявилъ, что, узнавъ о намѣреніи Государя Императора смѣстить Великаго Князя и самому стать верховнымъ главнокомандующимъ, онъ отправился въ Царское Село и заявилъ Его Величеству о недопустимости такой перемѣны. На слова Государя о безповоротности принятаго рѣшенія Родзянко будто-бы отвѣтилъ, что нѣтъ

безповоротныхъ рѣшеній, когда вопросъ идетъ о будущности Россіи и династіи, что Царь наша послѣдняя ставка, что армія положитъ оружіе, что въ странѣ неминуемъ взрывъ негодованія и т. п. Я думаю, что Его Императорское Величество отнесся къ Родзянкѣ не особенно благосклонно и вотъ онъ прибылъ сюда съ требованіемъ отъ правительства рѣшительныхъ дѣйствій противъ Царскаго рѣшенія, вплоть до угрозы коллективной отставки. Я ему сказалъ, что правительство дѣлаетъ въ данномъ вопросѣ все, что ему подсказываетъ совѣсть и сознаніе долга, и что въ подобныхъ совѣтахъ мы не нуждаемся. На это Родзянко рѣзко воскликнулъ — я начинаю вѣрить тѣмъ, кто говоритъ, что у Россіи нѣтъ правительства — и съ совершенно сумасшедшимъ видомъ бросился къ выходу, даже не прощаясь. Онъ настолько впалъ въ невмѣняемое состояніе, что когда швейцаръ подалъ ему забытую палку, онъ закричалъ — къ чорту палку — и вскочилъ въ экипажъ. Видно, что это человѣкъ исключительной благовоспитанности». Разсказъ И. Л. Горемыкина вызвалъ снова толки о смѣнѣ командованія, причемъ подчеркивалось, что, какъ выразился *А. Д. Самаринъ*, «Родзянко только первая ласточка» и что слѣдуетъ быть готовыми къ гораздо болѣе внушительнымъ и опаснымъ протестамъ. Однако, Предсѣдатель остановилъ развитіе преній, указавъ, что безполезно возвращаться къ вопросу, который зависитъ не отъ Совѣта Министровъ и что «не стоитъ тратить времени на такихъ полупомѣшанныхъ, какъ г-нъ Родзянко».

Бесѣда перешла на внутреннее положеніе въ странѣ, обостряющееся съ каждымъ днемъ, и на проявляемое Государственною Думою стремленіе занять, въ захватномъ порядкѣ, неподобающую законодательному учрежденію роль посредника между населеніемъ и правительственною властью. *А. В. Кривошеинъ:* «Мы неудержимо катимся по наклонной плоскости не только къ военной, но и къ внутренней катастрофѣ. Если нѣкоторые политическіе дѣятели не желаютъ правильно понять проявляемую правительствомъ мягкость и пользуются ею для агитаціонныхъ цѣлей, то надо поговорить съ ними на другомъ языкѣ. Всему есть предѣлъ. Люди зарываются и доводятъ свою дѣятельность до абсурда. Или намъ слѣдуетъ сознать свое безсиліе и отказаться отъ власти, или же мы должны показать, что правительство существуетъ и не допуститъ дѣйствій, грозящихъ государственной безопасности, изъ какого лагеря они бы ни исходили. Вы знаете, что графъ В. Н. Коковцевъ вообще держится въ сторонѣ и ни во что не вмѣшивается. Но и онъ не выдержалъ и, хотя я отнюдь не пользуюсь его симпатіями, счелъ нужнымъ позвонить мнѣ по телефону, чтобы обратить мое вниманіе, какъ члена правительства, на посѣщеніе думцами Путиловскаго завода и на разговоры съ рабочими. Даже конвентъ запрещалъ общеніе палаты съ чернью. А у насъ пока, слава Богу, еще нѣтъ революціи. Но если подобные факты будутъ продолжаться, то это время можетъ оказаться неожиданно близкимъ. Нельзя длить неопредѣленность и надо рѣшиться на путь дѣйствій въ ту или другую сторону». *Кн. Н. Б. Щербатовъ:* «Совѣту Министровъ извѣстно, что въ Москвѣ произошли манифестаціи, завершившіяся кровавымъ концомъ. Схватки были горячія, причемъ оказалось не мало пораненныхъ холоднымъ оружіемъ». *П. А. Харитоновъ:* «Не только извѣстно, но я передъ началомъ засѣданія предлагалъ нѣкоторымъ Членамъ Совѣта возбудить вопросъ объ отслуженіи благодарственнаго молебствія за то, что въ Москвѣ не было въ это время князя Юсупова. Воображаю, что онъ тамъ бы начудилъ и накуралесилъ и къ какимъ бы это привело результатамъ». *Кн. Н. Б. Щербатовъ:* «Гораздо болѣе серіозные безпорядки возникли въ Ивановѣ-Вознесенскѣ, гдѣ пришлось стрѣлять и моментъ былъ до крайности напряженный, такъ какъ не было увѣренности въ гарнизонѣ. Результатъ стрѣльбы — 16 убитыхъ и болѣе 30 раненыхъ. Возбужденіе далеко еще не улеглось и можно ждать отзвука въ другихъ заводскихъ районахъ». *Кн. В. Н. Шаховской:* «У меня свѣдѣнія отъ фабричныхъ инспекторовъ самыя тревожныя о настроеніяхъ среди рабочихъ. Какой нибудь искры достаточно, чтобы пожаръ разгорѣлся. Я очень опасаюсь запроса въ Думѣ по по-

воду Иванова-Вознесенска. Такой запросъ въ наше время, при повсемѣстно повышенныхъ чувствахъ, можетъ имѣть фатальное значеніе». *И. Л. Горемыкинъ:* «Правильно говоритъ А. В. Кривошеинъ, что нельзя топтаться на мѣстѣ. Я бы очень просилъ Министра Внутреннихъ Дѣлъ сообщить намъ, какія онъ принимаетъ мѣры, чтобы пресѣчь творящіяся повсюду безобразія. Обезпеченіе порядка и безопасности въ государствѣ составляетъ его главную задачу». *Кн. Н. Б. Щербатовъ:* «Министръ Внутреннихъ Дѣлъ принимаетъ всѣ тѣ мѣры, которыя ему повелѣваетъ долгъ и позволяютъ имѣющіяся въ его распоряженіи фактическія возможности. Я уже неоднократно обращалъ вниманіе Вашего Высокопревосходительства на ненормальное положеніе, въ которое поставленъ Министръ Внутреннихъ Дѣлъ, благодаря изъятію изъ его вѣдѣнія почти половины Европейской Россіи и повсемѣстному господству тыловыхъ прапорщиковъ съ деспотическими наклонностями и малыми познаніями въ поручаемыхъ имъ дѣлахъ. Я докладывалъ, что даже въ столицѣ Имперіи, въ Петроградѣ, дающемъ тонъ всей Россіи, Министръ Внутреннихъ Дѣлъ простой обыватель, могущій дѣйствовать лишь постолько, поскольку это не противорѣчитъ фантазіямъ военныхъ властей. Однако, до сихъ поръ вопросъ этотъ не пошелъ дальше обмѣна сочувственныхъ мнѣній и Министръ Внутреннихъ Дѣлъ, неся за все отвѣтственность, остается по прежнему со связанными руками. Еще вчера я заявлялъ, что при слагающейся коньюнктурѣ я не могу нести эту отвѣтственность и оставаться во главѣ своего вѣдомства. Въ ближайшій докладъ я скажу это Государю. Какъ Вы хотите, чтобы я боролся съ растущимъ революціоннымъ движеніемъ, когда мнѣ отказываютъ въ содѣйствіи войскъ, ссылаясь на ихъ ненадежность и на неувѣренность въ возможности заставить стрѣлять въ толпу. Съ одними городовыми не умиротворить всю Россію, особенно когда ряды полиціи рѣдѣютъ не по днямъ, а по часамъ, и населеніе ежедневно возбуждается думскими рѣчами, газетнымъ враньемъ, безостановочными пораженіями на фронтѣ и слухами о непорядкахъ въ тылу. Вѣдь, манифестація и безпорядки нарождаются изъ за самыхъ неожиданныхъ поводовъ. Въ Москвѣ они развились изъ патріотической радости по случаю газетнаго сообщенія о паденіи Дарданелъ и возвращеніи нашими войсками Ковны. Арестовали чрезмѣрно краснорѣчиваго оратора и пошла писать губернія. Въ Ивановѣ-Вознесенскѣ усадили подъ арестъ подстрекателей къ забастовкѣ и пошелъ дымъ коромысломъ. И сейчасъ невыносимо работать, а что будетъ, когда сдѣлается извѣстнымъ перемѣна командованія. Я тоже согласенъ съ мнѣніемъ, что надо дѣйствовать. Но какъ же дѣйствовать, когда ни съ какой стороны нѣтъ поддержки и когда не считаютъ нужнымъ даже выслушивать отвѣтственныхъ сотрудниковъ въ такихъ вопросахъ, которые могутъ сыграть роковую роль въ судьбахъ государства». *С. Д. Сазоновъ:* «Для всѣхъ очевидно, что причина всеобщаго недовольства въ странѣ кроется въ томъ, что правительство виситъ въ воздухѣ и никого не удовлетворяетъ». *Кн. Н. Б. Щербатовъ:* «Еще только два слова. Вотъ у меня въ портфелѣ нѣсколько телеграммъ отъ губернаторовъ. Сообщаютъ, что наплывъ бѣженцевъ и выселяемыхъ военными властями нѣмцевъ-колонистовъ и евреевъ все растетъ. Населеніе настолько возбуждено противъ этихъ пришельцевъ, что начинаетъ встрѣчать ихъ кольями. Уже было нѣсколько случаевъ тяжелыхъ пораненій и даже убійствъ. Губернаторы спрашиваютъ указаній и требуютъ помощи. Что же Министръ Внутреннихъ Дѣлъ можетъ въ данномъ случаѣ отвѣтить. Стихія сдвинута съ мѣста и движется, сокрушая все на своемъ пути. Какими пріемами управленія можно противостоять этой стихіи». *И. Л. Горемыкинъ:* «Вопросъ не объ общихъ явленіяхъ, созданныхъ военными неудачами. Важно не допускать безобразій въ крупныхъ центрахъ и на этомъ министерству внутреннихъ дѣлъ слѣдовало бы сосредоточить всѣ свои силы». *А. В. Кривошеинъ:* «Необходимо обратить вниманіе на чрезвычайно расплодившіеся сенсаціонные листки, которые питаютъ толпу всевозможными вздорными извѣстіями и, какъ это было въ Москвѣ, создаютъ поводы для народныхъ волненій. Мнѣ думается, что у

правительства еще осталось достаточно власти, чтобы прекратить этихъ даже не разбойниковъ, а просто хулигановъ печати». *И. Л. Горемыкинъ:* «Надѣюсь, что Министръ Внутреннихъ Дѣлъ приметъ въ этомъ отношеніи рѣшительныя мѣры. Нечего стѣсняться съ этою компаніей: газету закрыть, а издателей съ редакторами посадить куда слѣдуетъ для вразумленія. Если военное начальство будетъ строить препятствія, то я найду на нихъ управу. Надо съ этимъ покончить».

Въ засѣданіе прибылъ давно ожидавшійся генералъ Рузскій. Въ качествѣ Главнокомандующаго фронтомъ, охраняющаго Петроградъ, онъ защитникъ столицы противъ непріятеля и сосредоточіе всей гражданской и военной власти въ Петроградѣ. Хотя назначеніе его офиціально еще не состоялось, но фактически онъ уже вступилъ въ исполненіе обязанностей.

Предсѣдатель Совѣта обратился къ нему съ просьбою высказать свое мнѣніе о положеніи Петрограда съ точки зрѣнія военной и о томъ, не слѣдуетъ ли приступить къ подготовкѣ эвакуаціи. *Генералъ Рузскій* категорически заявилъ, что пока столицѣ никакой опасности захвата непріятелемъ не угрожаетъ. Положеніе на фронтѣ сейчасъ дѣйствительно очень тяжелое. Если даже предположить, что оно не улучшится и что продвиженіе нѣмцевъ не удастся пріостановить, то надо учитывать бездорожье, приближеніе осенней распутицы, неблагопріятныя условія мѣстности и т. п. Предположивъ, что нѣмцы будутъ двигаться тріумфальнымъ маршемъ съ музыкою и развернутыми знаменами, не встрѣчая съ нашей стороны никакого сопротивленія, надо все-таки думать, что на это имъ потребовалось бы не менѣе 5 недѣль. Между тѣмъ несомнѣнно, что бои нами будутъ даны и что они, хотя бы и при неблагопріятномъ исходѣ, задержатъ наступленіе на долгій срокъ. «Я вообще не думаю — замѣтилъ генералъ Рузскій — чтобы нѣмцы собирались идти на завоеваніе Петрограда. Правда, соблазнительно захватить столицу, но задача не легкая, а они народъ систематичный и не увлекающійся. У нихъ планы другіе. Весьма вѣроятенъ поворотъ на Бологое, чтобы разрѣзать Николаевскую ж. д. Тогда столица сама падетъ. Во всякомъ случаѣ, если Петрограду будетъ грозить малѣйшая опасность, Совѣтъ Министровъ будетъ предупрежденъ заблаговременно». Затѣмъ, относительно общаго положенія на театрѣ военныхъ дѣйствій и шансовъ на будущее отзывъ генерала Рузскаго резюмированъ у меня въ слѣдующихъ словахъ: «Современныя требованія военной техники для насъ непосильны. Во всякомъ случаѣ за нѣмцами намъ не угнаться. При этихъ условіяхъ, если судьбы войны должны разрѣшиться на нашемъ фронтѣ и если союзники не помогутъ намъ болѣе дѣятельнымъ образомъ, не слѣдуетъ строить себѣ особыхъ иллюзій. Едва ли насъ окончательно раздавятъ, но мы не сможемъ собственными силами раздавить нѣмцевъ. Думается, что мы еще долго сможемъ сопротивляться, если, конечно, не произойдетъ какихъ либо непоправимыхъ внутреннихъ событій». Относительно смѣны командованія генералъ Рузскій отозвался весьма уклончиво и даже двусмысленно: «Многое можно сказать и за, и противъ. Весь вопросъ сводится къ выбору начальника штаба верховнаго главнокомандующаго, такъ какъ, повидимому, генералъ Янушкевичъ не можетъ оставаться на этомъ посту Я считалъ бы, что наиболѣе подходящимъ при создающейся обстановкѣ былъ бы генералъ Эвертъ. Къ сожалѣнію, сейчасъ господствуютъ такія настроенія, что нельзя назначать человѣка съ иностранной фамиліей. Выборъ генерала Алексѣева удаченъ. Это человѣкъ съ огромнымъ опытомъ и исключительною работоспособностью, спокойный, независимый и упорный въ достиженіи поставленныхъ цѣлей». На разспросы о той роли, которую, по слухамъ, долженъ играть генералъ Рузскій въ руководствѣ военными операціями, отвѣтилъ полнымъ незнаніемъ и прибавилъ: «Я до сихъ поръ еще не утвержденъ въ должности. Нынѣшній составъ Ставки ко мнѣ не благоволитъ. Причина этого — мой отказъ продолжать командовать западнымъ фронтомъ, когда начался походъ на Карпаты, который я считалъ пагубнымъ для всего хода нашей кампаніи. Мои тог-

дашнія предсказанія, къ глубокому сожалѣнію, оправдались и этого мнѣ не могутъ простить». О взаимоотношеніяхъ между военными и гражданскими властями въ Петроградѣ генералъ Рузскій заявилъ, что онъ сознаетъ ненормальность существующаго положенія, что необходимо этотъ вопросъ урегулировать и что онъ займется имъ въ первую очередь. Нельзя не отмѣтить любопытный фактъ. На указанія Членовъ Совѣта Министровъ относительно желательности созыва военнаго совѣта подъ предсѣдательствомъ Государя Императора и съ участіемъ правительства, генералъ Рузскій сказалъ, что по его мнѣнію такой совѣтъ былъ бы несвоевременнымъ и могъ бы явиться поводомъ къ полной паникѣ, такъ какъ въ подобномъ торжественномъ собраніи и армія, и общество усмотрѣли бы, что дѣло безнадежно и что прибѣгаютъ къ послѣднимъ мѣрамъ для изысканія выхода. Въ заключеніе генералъ Рузскій коснулся положенія рабочихъ на петроградскихъ заводахъ, указавъ, что они несутъ крайне напряженный трудъ и испытываютъ на себѣ всю тяжесть дороговизны продуктовъ первой необходимости; между тѣмъ заводы не устанавливаютъ новыхъ расцѣнокъ заработной платы и рабочимъ приходится, чтобы избѣжать голода, прибѣгать къ сверхурочнымъ работамъ, окончательно ихъ изнуряющимъ; на этотъ вопросъ надо обратить самое серіозное вниманіе и принять быстрыя мѣры, такъ какъ возможны забастовки и сопутствующіе имъ безпорядки. «Тогда дѣло войны — замѣтилъ генералъ Рузскій — будетъ совсѣмъ безнадежнымъ». *Кн. Н. Б. Щербатовъ:* «Среди рабочихъ, какъ и вообще среди населенія ходятъ чудовищные слухи о взяточничествѣ при военныхъ заказахъ. Говорятъ о спекулянтахъ, о комиссіонерахъ, инженерахъ, чиновникахъ, будто бы поощряемыхъ въ ихъ аферахъ, ссылаясь приэтомъ на то, что яко-бы факты общеизвѣстны, но что тѣмъ не менѣе до сихъ поръ никто не былъ преданъ суду. Всѣ эти толки, конечно, въ значительной степени плодъ злонамѣренной агитаціи, но для успокоенія толпы все-таки было бы не лишнимъ принять какую нибудь демонстративную мѣру. Въ судебномъ порядкѣ сейчасъ дѣйствовать слишкомъ долго. Нельзя ли какую нибудь акулу изловить и съ трескомъ послать въ тартарары: въ Якутской губерніи самый упорный заговоритъ и скажетъ правду». Бесѣда продолжалась о внутреннемъ положеніи и трудностяхъ, которыя съ каждымъ днемъ осложняютъ работу власти. Разошлись, повидимому, не особенно удовлетворенными генераломъ Рузскимъ. А. В. Кривошеинъ заявилъ даже, что онъ «ожидалъ большаго».

ЗАСѢДАНІЕ 12 АВГУСТА 1915 ГОДА.

Военный Министръ вернулся изъ Могилева, куда онъ ѣздилъ съ собственноручнымъ письмомъ Государя Императора къ Великому Князю по поводу перемѣны верховнаго главнокомандованія.

А. А. Поливановъ: «Долженъ сознаться, что я отправлялся въ Ставку съ весьма смутными чувствами, отнюдь не будучи увѣренъ въ благополучномъ исходѣ моей миссіи. Къ счастью, мои опасенія не оправдались. Великій Князь, какъ я подозрѣваю по нѣкоторымъ признакамъ, уже былъ предупрежденъ объ ожидающейся перемѣнѣ, но не зналъ, въ какой формѣ она произойдетъ и, повидимому, боялся худшаго. Прочтя письмо, Его Высочество обрадовался и принялъ меня, какъ вѣстника милости необычайной. Ни о какой возможности сопротивленія или неповиновенія не можетъ быть и рѣчи. Великому Князю очень понравилась комбинація съ назначеніемъ его на Кавказъ, въ которомъ онъ видитъ вполнѣ почетный для себя выходъ. Но психозъ съ Янушкевичемъ не исцѣлился даже событіями послѣдняго времени. Послѣ первыхъ же словъ Его Высочество сказалъ: оставьте мнѣ Янушкевича; передайте Государю мою просьбу назначить его помощникомъ Намѣстника Кавказскаго и я надѣюсь, что просьба эта будетъ поддержана Совѣтомъ Министровъ. Къ этому вопросу Великій

Князь возвращался нѣсколько разъ въ теченіе нашей бесѣды и въ концѣ концовъ заявилъ, что онъ рѣшительно настаиваетъ, чтобы назначеніе Янушкевича предшествовало его назначенію въ Намѣстники. Еще болѣе удовлетворило и успокоило Великаго Князя мое сообщеніе, что Его Величество вступитъ въ командованіе не раньше двухъ съ половиною-трехъ недѣль, а можетъ быть и позже. Такъ Государь Императоръ повелѣлъ мнѣ сказать Его Высочеству при врученіи письма. Долженъ добавить, что Великій Князь произвелъ на меня впечатлѣніе человѣка окончательно изнервничавшагося и замученнаго. Не касаюсь нравственной стороны, но въ физическомъ отношеніи отъѣздъ изъ Ставки будетъ для него огромнымъ облегченіемъ. О результатахъ посѣщенія Могилева мною доложено Его Императорскому Величеству. Мнѣ выражена благодарность за удачное выполненіе порученія и повелѣно написать Великому Князю, что смѣна командованія откладывается впредь до выясненія положенія на фронтѣ и что пока все остается въ Ставкѣ по старому. Что касается назначенія генерала Янушкевича помощникомъ Намѣстника Кавказскаго, то на это Высочайшее соизволеніе послѣдовало. Вообще долженъ сказать, что послѣднее посѣщеніе Царскаго Села произвело на меня такое впечатлѣніе, что тамъ интересъ къ вопросу о личномъ предводительствѣ арміей значительно ослабѣлъ за время моего отсутствія. Явленіе во всякомъ случаѣ симптоматическое, если только подъ нимъ не скрывается чего либо еще болѣе неожиданнаго». *И. Л. Горемыкинъ:* «Изъ доклада Военнаго Министра выходитъ, что все устраивается къ лучшему и что многія изъ высказывавшихся въ Совѣтѣ Министровъ опасеній отпадаютъ. Слава Богу! Будемъ ждать, что и дальше все постепенно образуется». *П. А. Харитоновъ:* «Конечно, слава Богу, но въ перемѣну царскосельскихъ настроеній мнѣ что то не особенно вѣрится. Завтра легко можетъ быть принято совсѣмъ обратное рѣшеніе тому, которое повелѣно Военному Министру написать Великому Князю. Къ этому намъ не привыкать». *Кн. Н. Б. Щербатовъ:* «Надо бы воспользоваться благопріятными настроеніями, чтобы отвернуть вниманіе Его Величества въ другую сторону. Позвольте подѣлиться съ Вами одною мыслью, которую я слышалъ отъ Члена Государственной Думы Савича. Сущность ея въ слѣдующемъ. При настоящей обстановкѣ, когда центръ тяжести борьбы противъ врага перемѣщается съ фронта въ тылъ, т. е. подготовка оружія, снарядовъ и снаряженія, а также людскихъ кадровъ для пополненія огромныхъ потерь въ войскахъ, наиболѣе важною для обороны задачею является объединеніе работы по снабженію и привлеченіе къ ней всѣхъ живыхъ силъ страны. Вотъ эту задачу объединенія и долженъ бы пока взять активно въ свои руки Государь Императоръ. По мнѣнію Савича, такое выступленіе произвело бы отличное впечатлѣніе, ибо въ массахъ держится убѣжденіе, что корень нашихъ несчастій не на фронтѣ, а въ тылу. Одновременно Его Величество могъ бы заняться формированіемъ новой арміи, съ которой онъ въ удобный моментъ и выступилъ бы на поле брани». *П. А. Харитоновъ:* «Мысль-то не лишена внѣшней красоты, но по существу вызываетъ серіозныя сомнѣнія. Боюсь, какъ бы участіе Государя въ такомъ хозяйственномъ и во многихъ случаяхъ мелочномъ дѣлѣ, какъ снабженіе, не усложнило эту работу и не замедлило ея темпа. А кромѣ того едва ли удобно Русскому Царю становиться въ положеніе какого то верховнаго интенданта. Я бы предпочелъ ограничить проектъ Савича только второю частью — формированіемъ арміи для послѣдующаго похода. Можно было бы вызвать въ Петроградъ гвардію въ качествѣ ядра для формированій. Ея присутствіе въ столицѣ было бы не безполезнымъ при современныхъ настроеніяхъ». *А. А. Хвостовъ:* «Совершенно согласенъ съ П. А. Харитоновымъ. Недопустимо, чтобы Государь Императоръ принималъ на себя руководство хозяйственными дѣлами и становился объектомъ критики. Эти дѣла всегда такого характера, что различные толки по поводу нихъ неизбѣжны. И что же — имя Царя будетъ непосредственно связано съ этими толками. Подумайте только, какая пища для пропаганды и дискредитированія монархическаго принципа». *Кн. Н. Б. Щербатовъ:*

«Въ томъ или иномъ объемѣ, но мысль Савича даетъ возможность выиграть время. А сейчасъ каждый день дорогъ. Надо сказать, что довѣріе въ массахъ къ Великому Князю начало замѣтно падать. Сказывается вліяніе непрекращающихся военныхъ неудачъ, но главное — наплывъ бѣженцевъ, повсюду разносящихъ горе, стѣсненія и ухудшеніе условій жизни». *А. А. Поливановъ:* «Популярности Великаго Князя предстоитъ испытать большое испытаніе, когда сдѣлается извѣстнымъ оставленіе нами безъ боя Гродны и Брестъ-Литовска. Это вопросъ не только дней, но, кажется, часовъ». *Кн. Н. Б. Щербатовъ:* «Слѣдовательно, при нѣкоторой оттяжкѣ можетъ наступить такое положеніе, при которомъ вступленіе Государя въ верховное командованіе можетъ оказаться допустимымъ, если рѣшеніе Его Величества дѣйствительно останется неизмѣннымъ». *А. Д. Самаринъ:* «Категорически противъ этого заключенія протестую. Уйдетъ ли Великій Князь или нѣтъ, Государь Императоръ ни при какихъ обстоятельствахъ не долженъ становиться непосредственно во главѣ арміи, ибо онъ наше послѣднее слово, а въ глазахъ народа Царь несчастливый. Я настаиваю на томъ, что подобный актъ будетъ огромнымъ, если не смертельнымъ, для династіи и для Россіи рискомъ. Не отсрочекъ и оттяжекъ намъ надо искать, а всѣмъ вмѣстѣ идти къ Его Величеству и исчерпать всѣ средства къ убѣжденію въ необходимости отказаться разъ навсегда отъ рѣшенія быть верховнымъ главнокомандующимъ. Верховный Вождь народа не можетъ быть одновременно и подчиненнымъ военноначальникомъ». *С. Д. Сазоновъ:* «Я тоже продолжаю держаться того взгляда, что Государю ни въ какомъ случаѣ нельзя вступать въ командованіе. Но думаю, что сейчасъ, когда, по словамъ А. А. Поливанова, въ Царскомъ Селѣ температура упала, не слѣдуетъ ее подогрѣвать нашими представленіями и ходатайствами. Опасно вызывать упорство. Мы знаемъ, къ какимъ это иногда приводило результатамъ. Лучше принять пока тактику молчанія, дѣйствуя исподволь, косвенными путями. Такъ скорѣе можно добиться цѣли». *А. В. Кривошеинъ:* «Я нахожу, что дальше нельзя длить создавшуюся неопредѣленность хотя бы потому, что съ нею длится и г-нъ Янушкевичъ. Его присутствіе въ Ставкѣ опаснѣе нѣмецкихъ корпусовъ, особенно если онъ уже освѣдомленъ о грозящей ему судьбѣ. Тамъ безъ того давно царитъ полная растерянность. Между тѣмъ на войнѣ наступаютъ критическія минуты, отъ которыхъ зависятъ вопросы существованія Россіи. Кромѣ того зло въ значительной степени сдѣлано. Рѣшеніе Государя ни для кого не секретъ. Его всѣ обсуждаютъ, о немъ говорятъ чуть ли не на площадяхъ. Всѣ знаютъ, что это рѣшеніе вызываетъ возраженія и протесты. Дальнѣйшія задержки могутъ отразиться на престижѣ Монарха, отнять у Царскаго намѣренія то, что есть въ немъ идейнаго, красиваго. Надо безъ замедленій обо всемъ сговориться: или найти пріемлемый выходъ, или же покончить вопросъ о смѣнѣ командованія. Я не меньше другихъ боюсь этой перемѣны, но боюсь и пагубныхъ послѣдствій неопредѣленности положенія. Намъ слѣдовало бы снова просить Государя о созывѣ военнаго совѣта съ участіемъ правительства, для пересмотра плана войны и выработки вытекающихъ изъ такого пересмотра дѣйствій въ тылу и на фронтѣ. Наилучшимъ мѣстомъ для этого собранія была бы Ставка, причемъ присутствіе Великаго Князя безусловно необходимо. Его Величество обладаетъ такимъ исключительнымъ талантомъ обходиться съ людьми, даже завѣдомо ему несимпатичными, что онъ сумѣетъ произвести впечатлѣніе добрыхъ отношеній съ Великимъ Княземъ и тѣмъ положить предѣлъ толкамъ о личной неприязни. Затѣмъ, если намъ все таки суждено пройти черезъ смѣну командованія, фактъ этотъ послѣ военнаго совѣта явится какъ бы слѣдствіемъ совѣщанія Государя съ ближайшими сотрудниками и отвѣтственными военноначальниками. Такая постановка, несомнѣнно, смягчитъ остроту вопроса въ общественномъ сознаніи. По существу же военный совѣтъ неотложенъ. Не знаю, можетъ ли онъ имѣть значеніе со спеціально военной точки зрѣнія, но мысль о немъ носится въ воздухѣ. Мнѣ многіе Члены Государственнаго Совѣта и Государственной Думы, да и простые обыватели, съ

нескрываемою тревогою говорили о затягивающемся кризисѣ и о томъ, что сверху не видно никакихъ дѣйствій въ связи съ трагичнымъ положеніемъ и на фронтѣ и въ тылу». *С. Д. Сазоновъ:* «Созывъ военнаго совѣта необходимъ не только для удовлетворенія общественнаго мнѣнія, но и для успокоенія нашихъ союзниковъ. Создающійся у насъ кризисъ начинаетъ серіозно ихъ волновать. Мнѣ высказывали по этому поводу тревогу и французскій, и великобританскій представители». *П. А. Харитоновъ:* «Несомнѣнно, это было бы крайне важно. Населеніе увидитъ, что что-то дѣлаютъ, думаютъ, ищутъ. Разговоры и споры только раздражаютъ». *А. А. Поливановъ:* «Я неоднократно докладывалъ нашему Предсѣдателю и всему Совѣту Министровъ, что военный совѣтъ со всѣхъ точекъ зрѣнія является неотложнымъ. А если произойдетъ смѣна верховнаго главнокомандующаго, то я не понимаю, какъ можно обойтись въ дальнѣйшемъ веденіи войны безъ совѣщанія съ главными военными дѣятелями». *И. Л. Горемыкинъ:* «Я не возражаю, но думаю, что ничего изъ всего этого не выйдетъ. Государь Императоръ не вчера принялъ рѣшеніе стать лично во главѣ войскъ. Оно сложилось въ немъ давно, еще со временъ японской войны. То, что является результатомъ внутренняго чисто религіознаго сознанія и духовнаго долга Царскаго служенія, никакими уговорами не сломить. Но, повторяю, я не буду препятствовать новой попыткѣ». Въ концѣ концовъ Военному Министру поручено доложить Его Величеству усердное ходатайство Совѣта Министровъ о созывѣ въ Ставкѣ военнаго совѣта съ участіемъ Великаго Князя и правительства.

Однимъ изъ вопросовъ, подлежащихъ обсужденію въ Высочайшемъ присутствіи, намѣчено выясненіе положенія Петрограда и времени приступа къ подготовкѣ его эвакуаціи. Тревога въ столицѣ растетъ. Въ сберегательныхъ кассахъ наблюдается все увеличивающійся и даже принимающій опасные размѣры отливъ денегъ. Причина — тревога изъ за извѣстій съ фронта. Усиленная выборка вкладовъ происходитъ и въ Москвѣ, гдѣ опасаются безпорядковъ. Во избѣжаніе развитія волненій въ Москвѣ признано необходимымъ тянуть съ генералъ-губернаторствомъ кн. Юсупова и ни въ коемъ случаѣ не пускать его туда.

Послѣ разсмотрѣнія нѣсколькихъ вопросовъ текущаго значенія, засѣданіе кончилось. У меня написано: «Настроеніе бодрѣе. Говорили спокойнѣе, безъ нервности послѣднихъ дней. Не понимаю, чего добивается Поливановъ. Онъ всѣхъ науськиваетъ и противъ Великаго Князя, и противъ принятія командованія Государемъ, и противъ Ивана Логгиновича. Ужъ не своего ли друга любезнаго г. Гучкова онъ ладитъ въ спасители отечества».

ЗАСѢДАНІЕ 16 АВГУСТА 1915 ГОДА.

А. А. Поливановъ: «Мною получено отъ Его Императорскаго Высочества Верховнаго Главнокомандующаго письмо столь знаменательное и чреватое послѣдствіями, что я не могу не ознакомить съ нимъ Совѣтъ Министровъ. Великій Князь настойчиво проситъ меня ускорить его перемѣщеніе на Кавказъ. Причина этому та, что предстоящее его увольненіе стало извѣстно повсюду, что его авторитетъ въ войскахъ подорванъ и что онъ не считаетъ себя нравственно въ правѣ командовать арміей, которая черезъ короткое время должна уйти изъ подъ его руководства. Все это написано крайне нервно, сбивчиво и чувствуется постороннее вліяніе. Одновременно до меня доходятъ свѣдѣнія, что въ Ставкѣ съ каждымъ днемъ усиливается безпорядокъ, что никто ничего не хочетъ дѣлать, что никакихъ приказаній не отдается. Вообще получается впечатлѣніе положенія, могущаго быть опредѣленнымъ словомъ забастовка. Мнѣ прямо указываютъ, что такой образъ дѣйствій и самое письмо Великаго Князя есть ничто иное, какъ результатъ вліянія обиженнаго генерала Янушкевича. Въ концѣ концовъ, въ виду событій на фронтѣ, все это можетъ обернуться трагически. Необходимо принять экстренныя мѣры. Слава Богу, что Алексѣевъ не растерялся и дѣйству-

етъ, не считаясь съ разслабленными настроеніями въ Ставкѣ, такъ, какъ отъ него требуютъ обстоятельства. Надо, не откладывая, убрать Янушкевича на Кавказъ и послать на его мѣсто генерала Алексѣева. Если и Великій Князь сочтетъ нужнымъ тоже покинуть Ставку, въ которой ему не позволяютъ оставаться соображенія нравственнаго порядка, то вопросъ разрѣшится весьма удачно. Согласно закону, отсутствующаго верховнаго главнокомандующаго замѣщаетъ начальникъ его штаба. Алексѣевъ вступитъ въ должность и будетъ всѣмъ распоряжаться, пока не разрѣшится, будетъ ли Государь въ Ставкѣ или чаша сія минуетъ». *А. В. Кривошеинъ:* «Великолѣпная комбинація. Надо просить Военнаго Министра примѣнить всѣ его дипломатическіе таланты и провести его мысль подъ шумокъ у Государя. Поводъ для разговора съ Его Величествомъ – письмо Великаго Князя, которое приводитъ меня въ содроганіе. Я не ожидалъ такой недостойной выходки отъ Его Высочества. Какъ бы ни были тяжелы личныя переживанія, онъ не имѣетъ права бросать армію на произволъ судьбы. Мнѣ кажется, его нравственный долгъ не прекращать исполненіе своихъ обязанностей, а стоять на посту до конца». *А. Д. Самаринъ:* «Все происходящее и въ Ставкѣ, и повсемѣстно еще болѣе утверждаетъ меня въ убѣжденіи, что перемѣна командованія грозитъ величайшими непоправимыми послѣдствіями для всей страны. Боюсь стать скучнымъ и надоѣсть Совѣту Министровъ, но все-таки не устану повторять, что нашъ священный долгъ всѣмъ вмѣстѣ умолить Государя Императора отказаться отъ своего пагубнаго рѣшенія и оставить Великаго Князя во главѣ войскъ. Если Совѣтъ Министровъ не согласится пойти на это немедленно, т. е. сегодня или завтра, то я сочту своимъ нравственнымъ и вѣрноподданническимъ долгомъ протестовать лично. При настоящихъ обстоятельствахъ, когда каждая секунда дорога и невознаградима, я не могу признать правильной тактику выжиданія и затягиванія. Предъ лицомъ грозныхъ событій надо идти съ открытымъ забраломъ, говорить правду въ глаза. Между прочимъ, за послѣднее время усиленно возобновились толки о скрытыхъ вліяніяхъ, которыя будто-бы сыграли рѣшающую роль въ вопросѣ о командованіи. Я откровенно спрошу объ этомъ Государя и я имѣю на это право. Когда Его Величество предложилъ мнѣ принять постъ Оберъ-Прокурора Святѣйшаго Синода, я согласился лишь послѣ того, какъ Государь Императоръ лично сказалъ мнѣ, что всѣ эти росказни придуманы врагами престола. Но сейчасъ слухи становятся настолько упорными, что я буду напоминать о нашей тогдашней бесѣдѣ и, если положеніе дѣйствительно измѣнилось, просить объ увольненіи меня отъ должности. Готовъ до послѣдней капли крови служить своему законному Царю, но не...». *Кн. Н. Б. Щербатовъ:* «Я долженъ отмѣтить, что вызовъ Распутина въ Царское Село послѣдовалъ помимо Государя Императора и что во время принятія рѣшенія онъ отсутствовалъ». *А. Д. Самаринъ:* «Да, но во всякомъ случаѣ надо положить рѣшительными дѣйствіями предѣлъ распространенію толковъ, подрывающихъ монархическій принципъ гораздо сильнѣе, чѣмъ всякія революціонныя выступленія. Однако, въ данную минуту самое главное — это вопросъ о командованіи. Повторяю, если Совѣтъ Министровъ не считаетъ возможнымъ ко мнѣ присоединиться, то я отправляюсь одинъ къ Государю и заявлю, что уходъ Великаго Князя — начало гибели всего». *П. А. Харитоновъ:* «Теперь уже поздно. Все равно, если Государь пойдетъ на уступки, то Великій Князь не согласится оставаться въ Ставкѣ». *А. Д. Самаринъ:* «Я увѣренъ въ обратномъ. Великій Князь въ душѣ честный солдатъ и превыше всего любитъ родину. Во имя нея онъ останется, какъ бы лично ему это ни было тяжело». *Кн. Н. Б. Щербатовъ:* «Не увѣренъ въ этомъ. Нервы Великаго Князя окончательно измотаны». *А. А. Поливановъ:* «Судя по оглашенному мною письму, можно думать, что Его Высочество едва ли согласится» *И. Л. Горемыкинъ:* «Я неоднократно говорилъ, что рѣшеніе Государя безповоротно. Оно не вчера сложилось и исходитъ изъ внутренняго убѣжденія. Вмѣсто того, чтобы изматывать нашими ходатайствами нервы Государя, которому и безъ того страшно тяжело, нашъ долгъ сплотиться

вокругъ Царя и помогать ему. Что касается вопроса о вліяніяхъ, то это вторженіе въ сферу, намъ не подлежащую. Пусть каждый поступаетъ въ личныхъ вопросахъ, какъ ему угодно, но Совѣтъ Министровъ тутъ не при чемъ». *А. Д. Самаринъ:* «Нѣтъ, это вопросъ не личный, а всей Россіи и Монархіи. Само лицо, слухи о вліяніи котораго болѣзненно волнуютъ всѣхъ вѣрноподданныхъ, имѣетъ смѣлость открыто говорить, что оно убрало Великаго Князя. Къ такимъ выходкамъ мы не можемъ относиться безучастно». *И. Л. Горемыкинъ:* «Сейчасъ этотъ вопросъ мною не ставится на обсужденіе Совѣта Министровъ. Мы обсуждаемъ сообщенное Военнымъ Министромъ письмо верховнаго главнокомандующаго и я просилъ бы не отвлекаться въ сторону». *Кн. Н. Б. Щербатовъ:* «Несомнѣнно, что мысль о немедленномъ принятіи командованія значительно утеряла свою остроту и Государь, насколько до меня доходятъ слухи, считаетъ ея осуществленіе вопросомъ будущаго. Я знаю, что Его Величество отнесся симпатично къ идеѣ верховнаго объединенія снабженія и къ формированію новой арміи изъ кадровъ гвардіи. Если это такъ, то, значитъ, Государь останется въ Петроградѣ, а въ Ставкѣ будетъ полнымъ хозяиномъ Алексѣевъ. Практически это самое главное». *Кн. В. Н. Шаховской:* «Я съ самаго начала былъ противъ перемѣны командованія и вступленія Государя Императора въ личное предводительствованіе арміей. Но сейчасъ, мнѣ казалось бы уже поздно перерѣшать, ибо всѣ знаютъ о намѣреніи Его Величества и отказъ его отъ принятаго рѣшенія будетъ истолкованъ, какъ признакъ слабости воли и боязни. Все это можетъ весьма неблагопріятно отразиться на престижѣ Монарха. Засимъ, что касается роли генерала Алексѣева, то я полагаю, что его ни на одинъ часъ нельзя называть даже исполняющимъ должность верховнаго главнокомандующаго. Нельзя, при современныхъ настроеніяхъ, смѣнять Великаго Князя простымъ генераломъ. И въ арміи, и въ народѣ это можетъ вызвать опасное неудовольствіе». *А. В. Кривошеинъ:* «Категорически не согласенъ съ мнѣніемъ князя В. Н. Шаховского. Совершенно напротивъ. Съ Великимъ Княземъ, повидимому, уже кончено и къ его уходу начали привыкать. Да и популярность его, какъ здѣсь указывалось, значительно упала не только въ войскахъ, но и среди мирнаго населенія, возмущеннаго наплывомъ бѣженцевъ и безконечными наборами въ то время, когда повсюду гуляютъ сотни тысячъ бездѣльниковъ въ сѣрыхъ шинеляхъ. Назначеніе Алексѣева будетъ переходною, временною мѣрою, пока Государь будетъ занятъ въ тылу подготовкою новой арміи, съ которою Его Величество и выступитъ на поле битвы, когда наступитъ удобное время и соотвѣтствующая обстановка». *С. Д. Сазоновъ:* «Въ такомъ смыслѣ и слѣдовало бы довести до свѣдѣнія Государя взглядъ Совѣта Министровъ или хотя бы большинства его членовъ. Не отказъ, а отсрочка — вотъ формула. Пусть пока Алексѣевъ будетъ козломъ отпущенія за ошибки прошлаго и постарается ихъ исправить. Когда же онъ все подготовитъ и поставитъ на прочные рельсы, тогда, можетъ быть, наступитъ моментъ для выступленія Русскаго Царя». *П. А. Харитоновъ:* «Эхъ, кабы можно было бы надѣяться на это. Къ сожалѣнію опытъ учитъ насъ другому. Иной разъ казалось все хорошо обдумано и налажено, а результатъ получается самый непредвидѣнный». *А. В. Кривошеинъ:* «У насъ есть примѣръ въ исторіи, какъ поступали приближенные къ престолу люди въ прежнія времена, весьма похожія на наши. Когда наше отступленіе передъ Наполеономъ приняло черезчуръ поспѣшный и безнадежный характеръ, то Аракчеевъ, Шишковъ и Левашевъ потребовали отъѣзда Александра I изъ арміи и заявили: если бьютъ Барклая — Россія только огорчится, если же будутъ бить Императора Всероссійскаго, то Россія этого не вынесетъ. Пусть Алексѣевъ сыграетъ роль Барклая, а наша обязанность оберечь Русскаго Царя отъ недопустимаго для него положенія». Дальше у меня въ записи отмѣчено: «Бесѣда долго шла въ томъ же духѣ. Рѣшено, что Военный Министръ переговоритъ съ Государемъ и попытается склонить его на предоставленіе Алексѣеву выполнить благодарную задачу козлища отпущенія за Янушкевическіе грѣхи».

А. А. Поливановъ: «Государь Императоръ изъявилъ согласіе присутствовать на открытіи Особаго Совѣщанія по оборонѣ и на обращеніе къ собравшимся съ привѣтственнымъ словомъ. Текстъ этого обращенія Его Величество ожидаетъ отъ Совѣта Министровъ. Что касается важнаго вопроса о формѣ одежды, то Государь предупредилъ меня, что онъ будетъ въ орденахъ. Значитъ и намъ и вообще всѣмъ чинамъ офиціальнымъ надлежитъ возложить на себя россійскія и союзныхъ и нейтральныхъ странъ регаліи». *А. А. Хвостовъ:* «Что-то больно много чести всѣмъ сгоняемымъ туда разношерстнымъ господамъ». *П. А. Харитоновъ:* «Надо быть готовымъ, что, по уже бывшимъ примѣрамъ, выборные люди прибудутъ въ косовороткахъ и спинжакахъ. Такъ либеральнѣе. Мы будемъ сіять звѣздами, а они своими добродѣтелями». *А. Д. Самаринъ:* «Мнѣ думается, что эту встрѣчу надо бы обставить поинтимнѣе. Съ Особымъ Совѣщаніемъ у общественнаго мнѣнія связано много надеждъ. Нельзя ограничивать торжество однимъ Высочайшимъ выходомъ и привѣтствіемъ. Надо, чтобы Предсѣдатели Государственнаго Совѣта и Думы сказали Царю привѣтственное слово. Это особенно важно на тотъ случай, если Его Величество приметъ на себя активное руководство подготовкою обороны». *И. Л. Горемыкинъ:* «Но есть ли гарантія, что Родзянко не выскочитъ съ такими поученіями, которыя могутъ поставить Государя въ неловкое положеніе и породить осложненія. Отъ этого сумасшедшаго всего можно ждать». *А. Д. Самаринъ:* «Не думаю. Хотя, правда, Предсѣдатель Государственной Думы немного увлекается имъ самимъ себѣ придуманною ролью главнаго представителя народного представительства, но всетаки онъ человѣкъ благовоспитанный и преданный Монарху». *Кн. Н. Б. Щербатовъ:* «У него несомнѣнно манія величія». *А. В. Кривошеинъ:* «И притомъ въ весьма опасной стадіи развитія». По вопросу о выступленіи предсѣдателей законодательныхъ учрежденій рѣшено переговорить съ Министромъ Императорскаго Двора, а составленіе проекта Царскаго привѣтствія поручено А. В. Кривошеину.

Предсѣдатель Совѣта Министровъ предложилъ высказаться по поводу возникшаго въ Государственной Думѣ проекта созданія какого то съ неопредѣленными функціями постояннаго органа изъ членовъ Особыхъ Совѣщаній, являющихся выборными представителями отъ законодательныхъ учрежденій. *А. В. Кривошеинъ:* «Высказываюсь самымъ рѣшительнымъ образомъ противъ. Какой то не то конвентъ, не то комитетъ общественнаго спасенія. Подъ покровомъ патріотической тревоги хотятъ провести какое то второе правительство. Этотъ проектъ ничто иное, какъ наглый выпадъ противъ власти, желаніе создать лишній поводъ для ея дискредитированія, вопить о стѣсненіи самоотверженнаго общественнаго почина. Довольно такой игры, бѣлыми нитками шитой. Надо принять рѣшительныя мѣры противъ того, чтобы подобная новелла увидѣла свѣтъ. Сначала надо поговорить съ вліятельными депутатами. Если не убѣдятся они (что весьма вѣроятно), надо выступить въ Государственномъ Совѣтѣ и всѣмъ намъ голосовать противъ законопроекта. Если же и это не поможетъ, я считаю вопросъ настолько важнымъ, что слѣдуетъ ходатайствовать передъ Государемъ объ отказѣ въ Высочайшей санкціи. Нельзя же все время уступать—не будетъ предѣла претензіямъ. Люди теряютъ чувство мѣры, сознаніе разницы между допустимымъ и неприличнымъ. Дума зарывается, обращаетъ себя чуть ли не въ учредительное собраніе и хочетъ строить русское законодательство на игнорированіи исполнительной власти, волею Монарха призванной къ управленію государствомъ. Какой то психозъ, аберрація чувствъ всѣхъ охватываетъ. Надо или совсѣмъ сложить оружіе, или же твердо и внушительно указать, что есть граница для пожеланій, что власть существуетъ въ Россіи и не позволитъ трепать своего авторитета». *А. А. Хвостовъ:* «А. В. Кривошеинъ безусловно правъ, что пора дать острастку. Дѣйствительно проектъ подобной новеллы могъ зародиться только въ горячечно воспаленныхъ мозгахъ, если онъ не является грубымъ тактическимъ пріемомъ для вынужденія правительства на завѣдомый отказъ и для криковъ о

его обскурантизмѣ. Вопросъ настолько серіозный, что использованіе въ данномъ случаѣ Монаршаго вето вполнѣ оправдывается. Нельзя допускать образованія въ законодательномъ порядкѣ безотвѣтственной организаціи изъ безотвѣтственныхъ и прикрывающихся парламентскою неприкосновенностью людей». *П. А. Харитоновъ:* «Путь дѣйствій намѣченъ практичный и отвѣчающій случаю: во всѣхъ инстанціяхъ идти открыто противъ и, если окажется нужнымъ, открыто-же обратиться къ Его Императорскому Величеству. Фактъ возникновенія такого нелѣпаго проекта весьма характеренъ для нашего сумасшедшаго времени. Подумать только, до какого абсурда можетъ довести людей, въ обыденной жизни, кажется, разумныхъ, но дѣйствующихъ подъ вліяніемъ партійныхъ стремленій и узко-тактическихъ соображеній. Слѣдовало бы всѣхъ этихъ господъ посадить въ Совѣтъ Министровъ. Посмотрѣли бы они, на какой сковородѣ эти самые министры ежечасно поджариваются. Вѣроятно, у многихъ быстро отпали бы мечты о соблазнительныхъ портфеляхъ». *Кн. Н. Б. Щербатовъ:* «Да, надо показать когти. Многіе не понимаютъ разговора, если онъ не сопровождается многозначительнымъ жестомъ». *И. Л. Горемыкинъ:* «Я тоже присоединяюсь къ мнѣнію А. В. Кривошеина. Если никто не возражаетъ, то мы на этомъ и порѣшимъ».

Предсѣдатель Совѣта Министровъ обратился къ Военному Министру съ вопросомъ, въ какомъ положеніи находится разсмотрѣніе Государственною Думою законопроекта о призывѣ ратниковъ 2-го разряда. А. А. Поливанвъ отвѣтилъ, что пока вопросъ тянется въ комиссіи и конца все еще не видно. *А. В. Кривошеинъ:* «Это тоже тактическій пріемъ, чтобы отдалить перерывъ занятій. Намъ надо отвѣтить также тактическимъ пріемомъ: спросить Государственную Думу во всеуслышаніе, желаютъ ли г. г. народные представители защищаться противъ нѣмцевъ или же они считаютъ излишнимъ посылать арміи необходимыя пополненія Приэтомъ надо поставить минимальный срокъ для завершенія разработки закона. Если же наше требованіе не будетъ исполнено въ срокъ, то неизбѣжно придется Думу распустить, а ратниковъ провести манифестомъ». *И. Л. Горемыкинъ:* «Въ такомъ смыслѣ я и просилъ бы Военнаго Министра переговорить въ Думѣ и предупредить, что правительство категорически настаиваетъ».

А. А. Поливановъ предупредилъ, что въ Ставкѣ разрабатывается въ настоящее время вопросъ о расширеніи территоріи театра войны вглубь страны до линіи приблизительно Тверь—Тула. «Такимъ образомъ — замѣтилъ Военный Министръ — еще добрая толика Матушки-Россіи уходитъ изъ рукъ правительственной власти и поступаетъ въ безраздѣльное обладаніе рыжаго Данилова. Я указалъ, что эта мѣра создастъ съ точки зрѣнія интересовъ военнаго вѣдомства значительныя затрудненія въ дѣлѣ лежащей на немъ подготовки и обученія пополненій, и обратилъ вниманіе, что подобный вопросъ едва ли возможно разрѣшать безъ соглашенія съ правительствомъ. Мнѣ кажется, что Совѣту Министровъ слѣдовало бы вмѣшаться и протестовать. Что было скверно въ Германіи и Польшѣ, то подъ Тулою и Тверью будетъ народнымъ бѣдствіемъ». *Кн. Н. Б. Щербатовъ:* «Не только надо протестовать, но категорически заявить, что это недопустимо. Тылъ театра войны — картина возмутительныхъ безобразій, анархіи, произвола, безвластія. Нельзя отдавать центральныя губерніи на растерзаніе рыжаго Данилова съ его ордою тыловыхъ героевъ. Достаточно у насъ накопилось печальнаго опыта, чтобы сказать, что упраздненіе нормальной власти на руку революціи». *А. В. Кривошеинъ:* «Серіозно, людей охватываетъ какой то массовый психозъ, затменіе всѣхъ чувствъ и разума. Генералы въ Ставкѣ вмѣсто того, чтобы думать, какъ бы остановить наступленіе нѣмцевъ, заботятся объ устройствѣ себѣ въ тылу безопасныхъ мѣстечекъ. Они не способны или не желаютъ дать себѣ отчета, что кромѣ штабовъ и генераловъ съ прапорщиками существуетъ еще Россія, терпѣніе которой нельзя испытывать до конца. Страшно за будущее». *И. Л. Горемыкинъ,* обращаясь къ Военному Министру: «Вы имъ порѣшительнѣе напишите, что ихъ проектъ сплошной вздоръ и что Совѣтъ Ми-

нистровъ не допускаетъ возможности углублять военный тылъ, изымая его изъ вѣдѣнія гражданской власти. А я переговорю съ Государемъ Императоромъ и буду его просить образумить авторовъ этого проекта».

А. А. Поливановъ: «Есть еще одинъ болѣе пикантный проектецъ. На этотъ разъ онъ исходитъ не прямо изъ Ставки, а отъ генерала-адъютанта Иванова. Главнокомандующій южнымъ фронтомъ находитъ, что для побѣды надъ врагомъ необходимо эвакуировать въ принудительномъ порядкѣ прифронтовую полосу на 100 верстъ въ глубину страны». Пренія по этому поводу у меня не записаны поименно, а лишь въ слѣдующихъ общихъ словахъ: «Единодушно признается недопустимымъ. Съ военной точки зрѣнія — массовый наплывъ бѣженцевъ стѣсняетъ передвиженіе войскъ и ближній тылъ. Съ общегосударственной точки зрѣнія недопустимо поголовное выселеніе населенія съ уничтоженіемъ имущества и всеобщимъ разореніемъ. Къ тому же, производится грубо и съ насиліями, вплоть до убійства карательными отрядами землевладѣльцевъ, отказывающихся покинуть усадьбу. Сжиганіе построекъ и урожая крайне раздражаетъ и крестьяне даже вооружаются, чтобы охранять свое имущество отъ уничтоженія. Разрушаются фабрики и заводы съ запасами сырья и продуктовъ, къ вывозу которыхъ мѣръ никакихъ не принимается». *Кн. В. Н. Шаховской:* «Систематическое опустошеніе прифронтовыхъ мѣстностей юго-западнаго края заставляетъ думать, что командованіе не надѣется вернуть этотъ край въ обладаніе Россіи и хочетъ оставить непріятелю сплошную пустыню. Неужели же военное положеніе настолько безнадежно?» *А. А. Поливановъ:* «Штабы утеряли способность разсуждать и давать себѣ отчетъ въ дѣйствіяхъ. Всѣ живутъ въ какомъ то безуміи. Военноначальникъ до послѣдней минуты не имѣетъ права терять надежды. Отступленіе всегда должно разсматриваться, какъ временное. Искусный вождь, отступая, въ то же время готовится наступать. А у насъ дѣлается какъ разъ обратное». *А. В. Кривошеинъ:* «Прямо чудовищно все, что происходитъ. Какъ будто люди нарочно дѣлаютъ все, чтобы погубить Россію, затолкнуть ее въ бездну. Ни одинъ народъ не спасался собственнымъ разореніемъ». *Кн. Н. Б. Щербатовъ:* «Я прибавилъ бы — и нравственнымъ растлѣніемъ. Въ сумбурѣ отступающихъ обозовъ и воинскихъ частей вольныхъ и невольныхъ бѣженцевъ, гонимыхъ нагайками евреевъ, среди этой усталой, замученной, голодной толпы происходитъ какая то дикая вакханалія. Процвѣтаютъ пьянство, грабежи, развратъ. Въ поступающихъ ко мнѣ донесеніяхъ прямо говорится, что казаки и солдаты нарочно тянутъ за собою семьи бѣженцевъ, чтобы имѣть въ походѣ женщинъ, которыхъ они одариваютъ награбленными вещами, и предаются пріятному времяпрепровожденію. Кажется, идти дальше некуда. Если въ Ставкѣ не провалятъ проекта Иванова, то надо просить Государя вмѣшаться въ это безобразіе». Постановлено написать начальнику штаба верховнаго главнокомандующаго въ категорическомъ тонѣ, что Совѣтъ Министровъ считаетъ огульную эвакуацію и уничтоженіе имущества въ оставляемыхъ и предназначаемыхъ къ оставленію мѣстностяхъ совершенно недопустимымъ. *И. Л. Горемыкинъ:* «Письмо мы напишемъ съ Иванъ Николаевичемъ (Лодыженскій), а кромѣ того я обращу вниманіе Государя на это сплошное безобразіе. На фронтѣ совсѣмъ теряютъ голову».

Кн. Н. Б. Щербатовъ: «Ко мнѣ обратились польскіе представители съ жалобами по слѣдующему поводу. За сутки до выступленія нашей арміи изъ Варшавы, жандармы, по требованію военныхъ властей, арестовали массу народу — поляковъ и евреевъ — по подозрѣнію въ австрійской оріентаціи. Исключенія не были сдѣланы даже для малолѣтнихъ. Всѣ эти арестованные отправлены въ тылъ и заключены въ тюрьмы. Я провѣрилъ эти свѣдѣнія и они оказались вполнѣ вѣрными. Поляки возмущены, такъ какъ, повидимому, хватали безъ разбора, и просятъ о пересмотрѣ этого дѣла, которое далеко не соотвѣтствуетъ, по ихъ словамъ, духу выступленія Предсѣдателя Совѣта Министровъ въ день открытія Государственной Думы. Я просилъ бы указаній Совѣта Министровъ,

какъ быть въ данномъ случаѣ. Фактъ произошелъ на территоріи театра войны и Министръ Внутреннихъ Дѣлъ лишенъ тамъ права голоса». *С. Д. Сазоновъ:* «Прямо безумные люди тамъ распоряжаются. Вмѣсто того, чтобы оставлять за собою расположенное къ намъ населеніе, г. г. генералы принимаютъ всѣ мѣры, чтобы наши отступающія войска провожались проклятіями. Хорошую, нечего сказать, атмосферу создаютъ для разрѣшенія русско-польскихъ отношеній. Воззваніе верховнаго главнокомандующаго, заявленія правительства передъ законодательными учрежденіями, общее направленіе нашей примирительной политики въ польскомъ вопросѣ — все это, значитъ, обманъ, внѣшность, а дѣйствительность — это генеральскій произволъ. Воображаю, какое впечатлѣніе произведетъ на нашихъ союзниковъ, когда они узнаютъ, что младенцевъ сажаютъ въ тюрьмы за австрійскую оріентацію. Необходимо возможно скорѣе и безшумно покончить съ этимъ скандаломъ. Я доложу Его Величеству, что при такой обстановкѣ произвола военнаго начальства невозможно вести политику». Рѣшено выпустить немедленно малолѣтнихъ и тѣхъ арестованныхъ, противъ которыхъ не имѣется подавляющихъ уликъ, а о фактѣ довести до Высочайшаго свѣдѣнія.

И. Л. Горемыкинъ: «Я просилъ бы Совѣтъ Министровъ обсудить вопросъ о печати. Она чортъ знаетъ что такое начала себѣ позволять». *А. В. Кривошеинъ:* «На послѣднемъ всеподданнѣйшемъ докладѣ Государь Императоръ заговорилъ по этому вопросу и выражалъ неудовольствіе по поводу рѣзкаго тона газетъ и вмѣшательства ихъ въ неподлежащія сферы. Дѣйствительно, наша печать переходитъ всѣ границы не только дозволеннаго, но и простыхъ приличій. До сихъ поръ отличались только московскія газеты, а за послѣдніе дни и петроградскія будто съ цѣпи сорвались. Они заняли такую позицію, которая не только въ Монархіи — въ любой республиканской странѣ не была бы допущена, особенно въ военное время. Сплошная брань, голословное осужденіе, возбужденіе общественнаго мнѣнія противъ власти, распусканіе сенсаціонныхъ извѣстій — все это день за днемъ дѣйствуетъ на психику 180-милліоннаго неселенія. Вѣдь есть же у насъ законъ о военной цензурѣ, есть военные цензоры, тучи генераловъ и прапорщиковъ въ тыловыхъ канцеляріяхъ, есть у насъ, наконецъ, особый начальникъ главнаго управленія по дѣламъ печати. Чего же смотритъ весь этотъ ареопагъ. Надо принять рѣшительныя мѣры и подбодрить кого слѣдуетъ». *Кн. Н. Б. Щербатовъ:* «На театрѣ военныхъ дѣйствій цензура подчинена военнымъ властямъ. Министръ Внутреннихъ Дѣлъ и Начальникъ главнаго управленія по дѣламъ печати на этомъ театрѣ, какъ Совѣту Министровъ небезызвѣстно, лишь простые и къ тому же безгласные зрители. Гражданская предварительная цензура у насъ давно отмѣнена и у моего вѣдомства нѣтъ никакой возможности заблаговременно помѣшать выходу въ свѣтъ всей той наглой лжи и агитаціонныхъ статей, которыми полны наши газеты». *П. А. Харитоновъ:* «Если генералы, обладающіе неограниченными полномочіями и охотно ими пользующіеся въ другихъ случаяхъ, не желаютъ помочь Министерству Внутреннихъ Дѣлъ справиться съ разбойничествомъ печати, то смѣстить ихъ къ чорту и замѣнить другими, болѣе податливыми». *А. А. Хвостовъ:* «Особенно надо обратить вниманіе на статьи, которыми въ обществѣ возбуждаются неосновательныя надежды и ожиданія. Здѣсь вранье съ разсчетомъ — оповѣстить, а потомъ свалить на правительство или, еще хуже, на вліянія. Теперь всѣ кричатъ въ газетахъ о не-сегодня-завтра долженствующей послѣдовать всеобщей амнистіи и о возвращеніи въ Думу пяти депутатовъ, осужденныхъ за участіе въ заговорѣ противъ безопасности государства и въ пораженческой агитаціи. Эта мысль усиленно обсуждается въ рабочихъ кругахъ и можетъ послужить поводомъ къ опаснымъ осложненіямъ. Вѣдь, если сейчасъ не происходитъ вооруженныхъ выступленій рабочихъ, то исключительно потому, что у нихъ нѣтъ организаціи, а эти пять депутатовъ и были главными организаторами. Нельзя допускать въ газетахъ печатанія слуховъ въ завѣдомо агитаціонныхъ цѣляхъ». *А. А. Поливановъ:* «Здѣсь вотъ нападаютъ на военныхъ генераловъ, что они плохо приструниваютъ печать.

Но они люди военные и въ политическихъ тонкостяхъ не искушены. Они понимаютъ свою задачу такъ, какъ она всегда ставилась военной цензурѣ, т. е. не допускать опубликованія того, что можетъ принести пользу непріятельскому освѣдомленію». *А. В. Кривошеинъ:* «Возбужденіе общественной тревоги и распространеніе революціонныхъ настроеній въ государствѣ полезнѣе врагу всякихъ другихъ прегрѣшеній печати». *П. А. Харитоновъ:* «Если военные цензоры не способны въ этомъ разбираться, то приставить имъ гражданскихъ совѣтчиковъ и приказать ихъ слушаться». *А. А. Поливановъ:* «Совершенно правильно, Генералы не могутъ входить въ разборъ дозволеннаго и недозволеннаго съ точки зрѣнія смѣняющихся интересовъ внутренней политики; такъ надо ихъ подкрѣпить компетентными въ этихъ вопросахъ людьми». *П. А. Харитоновъ:* «Да, и строго приказать слѣдовать ихъ указаніямъ. Если же генералы не пожелаютъ подчиняться, ссылаясь на свою независимость отъ гражданской власти, то надо доложить Его Императорскому Величеству. Если Совѣтъ Министровъ безсиленъ, то все-таки есть же на г. г. цензурствующихъ генераловъ управа». *А. А. Хвостовъ:* «Имѣется и другой болѣе практическій способъ достиженія цѣли — просить Министра Финансовъ повнушительнѣе воздѣйствовать на банки, отъ которыхъ зависитъ огромное большинство русскихъ независимыхъ газетъ». *П. Л. Баркъ:* «Неоднократно говорилъ и постоянно напоминаю объ этомъ. Воздѣйствіе оказывается, но банкамъ трудно, у нихъ нѣтъ необходимыхъ органовъ, чтобы изо-дня-въ-день вліять на печать». *П. А. Харитоновъ:* «Есть еще гораздо болѣе близкій къ цѣли пріемъ — закрыть двѣ или три газеты сразу, чтобы одумались и почувствовали на собственномъ карманѣ». *П. Л. Баркъ:* «Мнѣ кажется, вся бѣда въ томъ, что при многовластіи неизбѣжно безвластіе. Этимъ и пользуется печать, стремленіе и домогательства которой ни для кого не секретъ. Прихлопнуть пару газетъ будетъ отрезвляющею демонстраціей». *П. А. Харитоновъ:* «И прихлопнуть надо газеты разныхъ направленій, слѣва и справа. Земщина и Русское Знамя вредятъ не меньше разныхъ Дней, Раннихъ Утръ и т. п. органовъ». *С. Д. Сазоновъ:* «Новое и Вечернее Время тоже хороши. Я ихъ считаю не менѣе вредными, чѣмъ разные листки, разсчитанные на сенсацію и на тиражъ». *П. Н. Харитоновъ:* «Эти обѣ газеты находятся подъ особымъ покровительствомъ, и у военной цензуры на нихъ рука не поднимается. Съ начала войны и до сихъ поръ Суворины неустанно кадятъ Ставкѣ и оттуда были даны указанія ихъ ни въ коемъ случаѣ не трогать». *Кн. Н. Б. Щербатовъ:* «Мысль П. А. Харитонова о томъ, чтобы сразу прикрыть нѣсколько особенно увлекающихся газетъ разныхъ направленій, весьма цѣлесообразна. Во-первыхъ, соблюдается равновѣсіе и безпристрастіе, а во-вторыхъ сначала ударъ въ морду, а потомъ дружеская бесѣда. Сейчасъ большинство людей въ такомъ настроеніи, что безъ краснорѣчиваго вступленія никакихъ убѣжденій не понимаютъ». *А. В. Кривошеинъ:* «Я бы считалъ наиболѣе правильнымъ одновременно подкрѣпить военную цензуру гражданскими чинами и предупредить газеты, что если они не измѣнятъ своего тона, то ихъ будутъ жестоко карать вплоть до закрытія». *И. Л. Горемыкинъ:* «Надо просить Министра Внутреннихъ Дѣлъ немедленно заняться этимъ вопросомъ по соглашенію съ военною властью и дѣйствительно ввести печать въ границы. Такъ продолжаться дальше не можетъ». *Кн. Н. Б. Щербатовъ:* «Хорошо, мы примемъ нужныя мѣры, а въ Думѣ поднимутъ протесты, запросы и скандалы. Что же тогда мы будемъ отвѣчать, разъ у насъ нѣтъ въ законѣ права устанавливать гражданскую цензуру». *И. Л. Горемыкинъ:* «Дѣло настолько серіозное, что можно будетъ предупредить, что вмѣшательство со стороны Думы въ данномъ случаѣ можетъ явиться поводомъ къ роспуску». *П. Л. Баркъ:* «Я думаю, что къ такой угрозѣ едва ли придется прибѣгать. Въ Думѣ отлично понимаютъ, что въ военное время разжиганіе политическихъ страстей и вожделѣній печатью недопустимо. Вездѣ за-границею, у нашихъ враговъ и союзниковъ — безразлично, даже въ республиканской Франціи, печать находится подъ строжайшимъ режимомъ и служитъ

орудіемъ для борьбы съ врагомъ. Если же тѣмъ не менѣе поднимутся толки, на нихъ всегда можно отвѣтить, что мѣры принимаются по требованію военныхъ властей въ интересахъ обезпеченія военной обороны страны». *И. Л. Горемыкинъ:* «Я не особенно раздѣляю оптимизмъ П. Л. Барка на счетъ благоразумія Думы. Во всякомъ случаѣ, посмотримъ, что будетъ».

Управляющій Дѣлами огласилъ сообщенную Министерствомъ Иностранныхъ Дѣлъ телеграмму нашего посланника въ Швейцаріи Бахерахта съ заявленіемъ о неотложной необходимости опроверженія распространяемыхъ въ нейтральныхъ странахъ германофильствующею печатью слуховъ о безнадежномъ экономическомъ положеніи Россіи и о томъ, что Россія находится наканунѣ полнаго банкротства. На этомъ мѣстѣ телеграммы А. В. Кривошеинъ перервалъ чтеніе и воскликнулъ: «что-же тутъ ложнаго — это чистая правда». П. Л. Баркъ взглянулъ на него не безъ укоризны, но промолчалъ.

У меня помѣчено въ заключеніе: «Опять нервничаютъ. Поливановъ во время бесѣды больше молчитъ съ видомъ оппозиціоннымъ. У Самарина видъ грустный, встревоженный. Игнатьевъ все время почему то воздерживается отъ участія въ общемъ обмѣнѣ мнѣній».

ЗАСѢДАНІЕ 18 АВГУСТА 1915 ГОДА.

Начну со своего заключенія: «Засѣданіе длительное. Масса вопросовъ. Нервность сильная. Перебѣгаютъ съ одного вопроса къ другому, обрывая сужденія и не сговариваясь о постановленіи. Много высказывалось интереснаго и характернаго. Не хватаетъ одному силъ записывать протокольно нѣсколько часовъ. Впрочемъ, я записываю только, чтобы, какъ говаривалъ В. Н. Коковцевъ, оставить слѣдъ въ исторіи. А удастся ли когда нибудь этой исторіей заняться? Если судить о положеніи дѣлъ по разговорамъ въ Совѣтѣ, то, вмѣсто писанія исторіи, скоро придется повисѣть на фонарѣ».

Кн. Н. Б. Щербатовъ: «Въ Москвѣ состоялось у Коновалова секретное совѣщаніе такъ называемыхъ прогрессивныхъ дѣятелей, т. е. по просту — кадетовъ и кадетствующихъ, для обсужденія современнаго положенія въ странѣ. Какъ до меня дошли свѣдѣнія, собравшимися единогласно признано необходимымъ использовать благопріятно складывающуюся обстановку для предъявленія требованія объ образованіи правительства, пользующагося довѣріемъ страны и полнотою власти. Настроеніе самое боевое подъ патріотическимъ флагомъ. Повидимому, данъ приказъ на мѣста выступать съ подобными же требованіями. Первою должна выступить Московская городская дума. Я послалъ телеграмму, чтобы московская администрація не допускала постановки этого вопроса на засѣданіи думы. Боюсь, что сдѣлаютъ это самочинно. Какъ тогда реагировать? Вообще коноваловскій съѣздъ весьма чреватъ событіями». Поговорили о тяжкомъ положеніи правительства, о началѣ рѣшительнаго штурма на власть, открыто проповѣдываемаго печатью, о грядущихъ острыхъ осложненіяхъ и т. д., но никакихъ мѣръ не намѣчено. Опять охватываетъ чувство безсилія передъ надвигающейся грозою.

Отчисленіе генерала Джунковскаго стало фактомъ. Впечатлѣніе въ обществѣ большое, такъ какъ распространился слухъ, что этотъ уходъ является слѣдствіемъ попытки бороться съ «вліяніями». *А. В. Кривошеинъ:* «Выходъ Джунковскаго изъ состава администраціи величайшій скандалъ не только для правительственной власти, но и выше. Онъ не имѣетъ нравственнаго права покидать свой постъ изъ за личныхъ неудовольствій. Неприлично военному чину, къ тому же имѣющему честь состоять въ Свитѣ Его Императорскаго Величества, уходить на покой во время войны и затруднительнаго положенія государства. Ссылка на матеріальныя обстоятельства притянута за волосы. Эти обстоятель-

ства всегда можно было бы устроить, но нельзя допускать себя до демонстрацій, пріобрѣтающихъ характеръ чуть ли не политическій. Если пользующіеся сочувствіемъ дѣятели будутъ бѣжать, то съ кѣмъ же останется правительство въ его нынѣшнемъ составѣ, Высочайшею волею назначенномъ. Я всегда считалъ Джунковскаго джентельменомъ и не ожидалъ съ его стороны подобной неприличной выходки». Попечаловались по этому поводу и закончили бесѣду на ироническихъ словахъ *П. А. Харитонова:* «Ничего не подѣлаете — такія чрезвычайныя времена-съ».

А. А. Поливановъ: «Могу доложить Совѣту Министровъ, что, наконецъ, подписаны Его Величествомъ указы о назначеніи генерала Янушкевича помощникомъ Намѣстника Кавказскаго и генерала Алексѣева на мѣсто начальника штаба Верховнаго Главнокомандующаго». Общіе возгласы — «слава Богу», «давно пора» и т. д. *П. А. Харитоновъ:* «На этомъ слѣдовало бы и покончить, а дальше видно будетъ». *А. Д. Самаринъ:* «Совершенно согласенъ съ пожеланіемъ. Надо просить объ этомъ Его Величество». *А. В. Кривошеинъ:* «Увольненіе Янушкевича — крупная побѣда на фронтѣ. Какъ говорятъ военные люди, мало побѣдить — надо побѣду умѣло использовать». *А. А. Поливановъ:* «Вопросъ о замѣщеніи Алексѣева на фронтѣ генераломъ Эвертомъ нѣсколько задерживается. Въ Ставкѣ затрудняются подыскать наименованіе среднему фронту. Сей важный споръ вертится на двухъ предположеніяхъ о наиболѣе отвѣчающемъ пользѣ дѣла названіяхъ — фронтъ западный или сѣверо-западный. Надо надѣяться, что генералъ Алексѣевъ, съ присущею ему находчивостью въ критическія минуты, найдетъ пріемлемый выходъ и разгорѣвшаяся въ Ставкѣ война прекратится». Сообщеніе и сарказмъ Военнаго Министра приняты Совѣтомъ Министровъ къ свѣдѣнію.

Въ засѣданіе явился приглашенный для участія въ обсужденіи вопроса о печати генералъ П. А. Фроловъ (не помню его должности въ то время — либо начальникъ петроградскаго военнаго округа, либо начальникъ чего-то на сѣверномъ фронтѣ, вѣдающій судьбами Петрограда). И. Л. Горемыкинъ обратилъ его вниманіе на неотложную необходимость положить предѣлъ разнузданности газетъ и не допускать опубликованія статей и свѣдѣній, сѣющихъ въ населеніи тревогу, колеблющихъ авторитетъ власти и т. п. *П. А. Фроловъ:* «Свистопляска въ печати началась со дня циркуляра генерала Звонникова объ освобожденіи военныхъ цензоровъ отъ просмотра печатныхъ произведеній въ отношеній гражданскомъ. Въ свою очередь этотъ циркуляръ основанъ на распоряженіи изъ Ставки. Въ эти дѣла я вмѣшиваться не имѣю права, ибо военно-цензурное управленіе мнѣ не подчинено, являясь центральнымъ, а не окружнымъ учрежденіемъ. Государь Императоръ приказалъ мнѣ принять мѣры въ порядкѣ моихъ военныхъ полномочій въ отношеніи Петроградскаго военнаго округа. Это я могу исполнить въ предѣлахъ принадлежащей мнѣ власти. Его Величество прямо мнѣ сказалъ: Богъ знаетъ, что теперь пишутъ въ газетахъ, надо ихъ хорошенько образумить, нельзя спокойно драться на позиціяхъ, когда каждый день это спокойствіе отравляется невѣроятными слухами о положеніи внутри. Значитъ, я такъ понимаю, что я палка, которая должна бить покрѣпче. Но ужъ если надо расправляться, то я хочу бить сознательно. Дѣло мнѣ новое — только вчера оно передано мнѣ въ руки. Соберу редакторовъ, поговорю съ ними по душамъ и попробую повліять на нихъ словесно, если же они не пойдутъ на встрѣчу уговорамъ, то прибѣгну къ надлежащимъ жестамъ вплоть до принудительнаго путешествія непокорныхъ въ далекія отъ столицы страны. Очень прошу помощи отъ Министерства Внутреннихъ Дѣлъ и указаній отъ Совѣта Министровъ, на что слѣдуетъ обратить въ первую очередь вниманіе. Затѣмъ, предстоитъ созваніе особаго совѣщанія подъ предсѣдательствомъ генерала Бѣляева, которое выработаетъ руководящія указанія военнымъ цензорамъ». *А. В. Кривошеинъ:* «Развѣ, кромѣ здраваго смысла, патріотизма и вдумчивости, какія либо письменныя указанія возможны въ такомъ дѣлѣ, какъ цензура въ во-

енное время. Никто изъ насъ не былъ цензоромъ, но мы понимаемъ, въ чемъ сущность недопустимаго въ разрушительной работѣ современной печати. Мнѣ кажется, что каждый военный человѣкъ долженъ понимать, что для успѣха войны особенно важенъ внутренній миръ». *П. А. Фроловъ:* «Да, но эти самые военные человѣки сражаются на фронтѣ, а намъ приходится работать преимущественно съ прапорщиками изъ адвокатовъ и другихъ либеральныхъ профессій. Огромное большинство изъ нихъ понимаетъ внутренній миръ по своему». *И. Л. Горемыкинъ:* «Во всякомъ случаѣ смыслъ сообщеннаго генераломъ Фроловымъ Высочайшаго повелѣнія не допускаетъ никакихъ сомнѣній. Печать во что бы то ни стало должна быть приведена въ порядокъ. Я Васъ, генералъ, очень прошу самымъ серіознымъ образомъ и безъ всякихъ комиссій заняться этимъ вопросомъ. А о Звонниковѣ я поговорю съ Его Величествомъ. Откуда еще этотъ генералъ взялся со своими дурацкими циркулярами. Это безобразіе».

Обезсиленіе деревни сплошными наборами или, какъ выразился А. В. Кривошеинъ, «реквизиціями населенія Россіи для пополненія бездѣльничающихъ въ тылу гарнизоновъ» усложнило вопросъ о рабочихъ рукахъ въ сельскомъ хозяйствѣ до такой степени, что съ уборкою урожая получается катастрофа. Особенно страдаетъ Дальній Востокъ, гдѣ хлѣбъ уродился великолѣпный, но остается въ полѣ. Вопросъ этотъ весьма озаботилъ Совѣтъ Министровъ, который, въ отступленіе отъ прежней практики, призналъ возможнымъ допустить пользованіе желтымъ трудомъ на полевыхъ работахъ. Распоряженіе объ этомъ предоставлено сдѣлать А. В. Кривошеину, который замѣтилъ, что онъ крайне неохотно идетъ на такую мѣру, но не видитъ другого выхода.

А. А. Поливановъ сообщилъ, что Государю Императору благоугодно было изъявить согласіе на обращеніе къ нему съ привѣтствіемъ предсѣдателей законодательныхъ палатъ при открытіи особаго совѣщенія по оборонѣ и снабженію, причемъ признана допустимою подача М. В. Родзянко докладной записки отъ имени представителей Государственной Думы. *А. А. Хвостовъ:* «Не жду я ничего хорошаго отъ этихъ выступленій передъ Царемъ. Только растревожатъ Государя какими нибудь дерзкими выходками». *И. Л. Горемыкинъ:* «Надо ихъ предупредить, что послѣдствія могутъ оказаться для нихъ весьма непріятными».

Предложенная А. В. Кривошеинымъ редакція Высочайшаго рескрипта на имя Великаго Князя Николая Николаевича по случаю смѣны верховнаго главнокомандованія одобрена Совѣтомъ Министровъ безъ возраженій. Рѣшено ходатайствовать объ обнародованіи этого рескрипта не въ Петрогредѣ, а на мѣстѣ, въ Царской Ставкѣ, въ моментъ вступленія Государя Императора въ непосредственное руководство военными дѣйствіями. *А. Д. Самаринъ:* «Одновременно съ такимъ ходатайствомъ Совѣта Министровъ, прошу доложить Его Величеству мое особое мнѣніе, что рескриптъ нигдѣ не долженъ быть ни распубликованъ, ни подписанъ. Мнѣ совѣсть не позволяетъ дать свою санкцію на актъ, губящій Россію и Монархію. Я не устану это повторять».

По порученію графа Фредерикса явился въ засѣданіе Совѣта Министровъ Помощникъ Министра Императорскаго Двора графъ М. Е. Нироdъ съ вопросомъ о своевременности эвакуаціи изъ Петрограда и окружающихъ дворцовъ различныхъ историческихъ и художественныхъ цѣнностей, а равно о выясненіи судьбы Эрмитажа. Осуществленіе этой эвакуаціи потребуетъ не менѣе трехъ недѣль и весьма крупныхъ расходовъ. Вывозъ, въ виду желѣзнодорожныхъ затрудненій, можно будетъ выполнить главнымъ образомъ по воднымъ путямъ до Нижняго Новгорода. Гр. М. Е. Нироdъ добавилъ, что Государь Императоръ отнесся къ мысли о приступѣ къ эвакуаціи принципіально отрицательно, но, не желая принимать на себя окончательнаго рѣшенія, повелѣлъ переговорить съ Предсѣдателемъ Совѣта Министровъ и Верховнымъ Главнокомандующимъ. И. Л. Горемыкинъ предложилъ Совѣту Министровъ высказаться по этому вопросу, напомнивъ, что по мнѣнію генерала Рузскаго Петрограду непосредственной опасности не угрожаетъ и что впереди есть достаточно времени для прове-

денія необходимыхъ для спасенія цѣнностей мѣръ постепенно, исподволь. *А. А. Поливановъ:* «О военной сторонѣ опасности Петрограду я судить не могу, такъ какъ о подобныхъ дѣлахъ Ставка не считаетъ нужнымъ освѣдомлять Военнаго Министра. Но есть одно обстоятельство, которое нельзя не учитывать, а именно возможность налета на столицу цеппелиновъ послѣ взятія нѣмцами Риги». *А. В. Кривошеинъ:* «Существуетъ опасеніе, что приступъ къ эвакуаціи цѣнностей изъ дворцовъ и Эрмитажа породитъ въ Петроградѣ панику, такъ какъ приготовленій все равно не скроешь. Я не совсѣмъ съ этимъ согласенъ. Мнѣ думается, что если вопросъ о сбереженіи отъ случайностей художественныхъ и историческихъ предметовъ будетъ обсуждаться и разрѣшаться не тайно, а открыто, то люди благоразумные будутъ это привѣтствовать. Что же касается присяжныхъ паникеровъ, то съ ними можно не считаться. Они изъ любой мухи готовы слона сдѣлать. Пускай себѣ пошумятъ и поволнуются дня три, а потомъ и успокоятся». *Кн. Н. Б. Щербатовъ:* «Паники и безъ того вездѣ болѣе, чѣмъ достаточно. Ее намѣренно поддерживаютъ въ обществѣ по соображеніямъ портфельно-политическимъ и по нѣмецкимъ проискамъ. Въ мутной водицѣ всегда легче рыбку ловить. Дошли до того, что разгрузку нѣкоторыхъ залъ Зимняго Дворца для размѣщенія лазарета связали съ увѣренностью въ неизбѣжности эвакуаціи. Оказывается, что раненые одна только ширма для прикрытія вывоза царскаго имущества. Не могу судить, насколько велика угроза Петрограду, но если будутъ приняты мѣры къ эвакуаціи, то это надо во всякомъ случаѣ сдѣлать открыто». *А. В. Кривошеинъ:* «Пусть страна и весь міръ знаютъ, что, если понадобится для успѣха борьбы, мы готовы пожертвовать и столицею Имперіи. Для объявленія объ этомъ — моментъ, пока врагъ еще далеко и непосредственно Петрограду не угрожаетъ. Подготовка эвакуаціи равносильна подтвержденію, что Россія будетъ воевать до конца, не взирая ни на что». *П. А. Харитоновъ:* «Демонстрація не безполезная при всеобщемъ упадкѣ духа». *Кн. Н. Б. Щербатовъ:* «Слѣдовало бы избавить Петроградъ не только отъ цѣнностей, но и отъ слабонервныхъ болтуновъ, шатающихся по ресторанамъ и смущающихъ общественное сознаніе». *А. А. Хвостовъ:* «Вотъ это было бы недурно. Мочи нѣтъ отъ сѣятелей паники и распространителей достовѣрныхъ извѣстій». *И. Л. Горемыкинъ:* «Этими господами Министру Внутреннихъ Дѣлъ надо бы заняться, независимо отъ эвакуаціи». *Гр. П. Н. Игнатьевъ:* «Кое-какія подготовительныя мѣры по важнѣйшимъ государственнымъ хранилищамъ уже принимаются и это стало извѣстно въ публикѣ». *И. Л. Горемыкинъ:* «Съ дворцами — вопросъ другой. Тутъ нужна величайшая осторожность. Нельзя ни на одну минуту допускать въ народѣ мысли, что будто Государь Императоръ заботится о безопасности своего личнаго достоянія, боится за него. Надо разъяснить, что сокровища императорскихъ дворцовъ и музеевъ не частная царская собственность, а достояніе всей націи». *А. В. Кривошеинъ:* «Глубоко вѣрное замѣчаніе. Надо внушить, что заботиться объ этомъ достояніи обязанность правительства. Слѣдовало бы сговориться о моментѣ приступа къ подготовкѣ съ генераломъ Рузскимъ и затѣмъ обратиться къ населенію съ правительственнымъ сообщеніемъ твердымъ по тону и разъясняющимъ вопросъ въ государственномъ размахѣ». *И. Л. Горемыкинъ:* «Съ Рузскимъ можно, конечно, поговорить, но рѣшать будетъ Совѣтъ Министровъ. Это вопросъ общегосударственный. Никто не знаетъ, что и какъ обернется». *Кн. В. Н. Шаховской:* «А какъ быть въ отношеніи важныхъ для обороны заводскихъ предпріятій. Этотъ вопросъ заслуживалъ бы обслѣдованія также весьма заблаговременно. Задача огромная». *Адмиралъ Русинъ* (замѣститель Морского Министра): «Въ петроградскомъ заводскомъ районѣ сосредоточенъ нервъ подготовки обороны. Если тронуть заводы, то ихъ производительность сразу упадетъ на 50 и болѣе процентовъ. Это совершенно недопустимо. Надо не къ эвакуаціи ихъ готовить, а наоборотъ — принять всѣ мѣры къ интенсивному ихъ использованію до конца». *А. В. Кривошеинъ:* «Сейчасъ, я думаю, намъ было бы трудно углубляться въ этотъ сложнѣйшій и обоюдоострый вопросъ.

Мы говоримъ не о немедленной эвакуаціи. Дастъ Богъ, фактически къ ней не придется прибѣгать. Мы говоримъ принципіально, намѣчаемъ формулу, что взятіе Петрограда непріятелемъ не есть конецъ войны. О практической же сторонѣ сговориться обязанность вѣдомствъ, заключенія которыхъ, если понадобится, лягутъ въ основу общаго плана эвакуаціи. Было бы верхомъ безпечности не обдумать всего заблаговременно». *И. Л. Горемыкинъ:* «Да, береженаго и Богъ бережетъ». Рѣшено запросить мнѣніе генерала Рузскаго и вернуться къ этому вопросу въ одномъ изъ ближайшихъ засѣданій.

А. Д. Самаринъ: «Святѣйшій Синодъ, какъ извѣстно Совѣту Министровъ, особымъ посланіемъ призвалъ православный народъ къ посту и молитвѣ по случаю постигшихъ родину бѣдствій. Казалось бы, православному правительству слѣдуетъ отозваться на этотъ призывъ закрытіемъ въ теченіе покоянныхъ дней всѣхъ увеселительныхъ мѣстъ». Общее сочувствіе: Министру Внутреннихъ Дѣлъ поручено принять необходимыя мѣры на 26, 27, 28 и 29 августа. *А. В. Кривошеинъ:* «Мнѣ кажется, вопросъ объ увеселеніяхъ пріобрѣтаетъ въ наше тяжелое время общее значеніе. Во Франціи и Англіи сдѣланы въ этомъ отношеніи рѣшительные шаги, да и само общественное мнѣніе не допускаетъ возможности кафе-шантанныхъ развлеченій. А у насъ кричатъ — все для войны, но отъ удовольствій и пьянаго времяпрепровожденія отказаться не желаютъ добровольно. Значитъ, надо вмѣшаться власти и прекратить безобразіе. Сотни тысячъ умираютъ на позиціяхъ и въ бѣженскихъ эшелонахъ, а акваріумы гремятъ музыкой и сіяютъ огнями». *Кн. Н. Б. Щербатовъ:* «Вопросъ не только принципіальный, но и практическій — безполезная трата электричества, когда, изъ за недостатка топлива, его не хватаетъ для заводовъ. А кромѣ того совершенно излишнее скопленіе народа и почва для болтовни». *А. В. Кривошеинъ:* «Безъ принудительныхъ мѣръ не обойтись. Вспоминаю анекдотъ о французскомъ судьѣ, который, когда разбиралось пикантное дѣло, предложилъ всѣмъ порядочнымъ дамамъ уйти изъ зала и былъ потрясенъ, увидѣвъ, что никто не вышелъ». *И. Л. Горемыкинъ:* «У насъ надо поступать иначе: порядочнымъ предложить уйти, а непорядочныхъ приказать вывести». *А. Д. Самаринъ:* «Всѣ эти торжествующіе кабаки производятъ въ народѣ крайне тяжелое впечатлѣніе. Мнѣ приходилось слышать самые рѣзкіе отзывы по адресу власти, которая не вмѣшивается и допускаетъ развратъ въ столицѣ». *П. А. Харитоновъ:* «Но съ другой стороны надо войти въ положеніе военныхъ, пріѣзжающихъ съ позицій. Хочется встряхнуть нервы и забыться отъ безконечнаго напряженія. Простительно молодежи и кутнуть, когда каждую минуту рискуешь своею жизнью». *А. В. Кривошеинъ:* «Да, но это соображеніе не можетъ измѣнить основной вопросъ о необходимости оздоровленія тыла и, особенно, столицы Имперіи, которая даетъ тонъ всей странѣ». *А. А. Хвостовъ:* «Надо установить извѣстный срокъ, въ теченіе котораго увеселительныя мѣста подлежатъ закрытію. Слѣдовало бы сократить и часы ресторановъ. Совершенно излишне, чтобы люди сидѣли тамъ до утра и получали запрещенные напитки. Два часа на обѣдъ, два на ужинъ и два на завтракъ вполнѣ достаточно». *И. Л. Горемыкинъ:* «Я тоже согласенъ чѣмъ меньше увеселеній, тѣмъ меньше безобразій. Но мысль А. А. Хвостова правильна, что надо сдѣлать все постепенно». Поручено Министру Внутреннихъ Дѣлъ сговориться съ военнымъ начальствомъ Петрограда объ изданіи обязательнаго постановленія.

Кн. Н. Б. Щербатовъ: «Вотъ мы заговорили о посланіи Св. Синода. Обратили ли г. г. Члены Совѣта Министровъ вниманіе на статью въ «Вечернемъ Времени» объ этомъ посланіи. Бориса Суворина мало бить за подобную выходку». *А. Д. Самаринъ:* «Статья возмутительная и возбуждаетъ справедливое негодованіе, что авторъ ея еще не потерпѣлъ примѣрнаго наказанія. Въ 1905 году даже самыя крайнія газетки не позволяли себѣ говорить подобнымъ тономъ». И. Л. Горемыкинъ, А. В. Кривошеинъ и А. П. Поливановъ въ одинъ голосъ заявили, что газета достойна немедленнаго закрытія. *П. А. Харитоновъ:* «Почтен-

ный Борисъ Суворинъ нѣсколько зарвался. Его избаловало положеніе безнаказаннаго фаворита Ставки. Теперь протекціи его конецъ...» *И. Л. Горемыкинъ:* «Этого сумасшедшаго полезно въ горячечную рубашку посадить. Онъ совсѣмъ не вѣдаетъ, что творитъ. Если пристукнуть «Вечернее Время», то это произведетъ отрезвляющее впечатлѣніе и на другія газеты. Подожмутъ руки и не посмѣютъ касаться такихъ вопросовъ, которые не могутъ служить темою для выходокъ и неприличныхъ статей». *Кн. Н. Б. Щербатовъ:* «Неудобно начинать съ Суворина. Въ обществѣ ходитъ слухъ о недовольствѣ правительства его непримиримостью въ вопросѣ о нѣмецкомъ засильѣ. Несомнѣнно, что закрытіе его газеты поспѣшатъ объяснить именно этимъ неудовольствіемъ». *И. Л. Горемыкинъ:* «Самое простое — пусть Министръ Внутреннихъ Дѣлъ позоветъ къ себѣ Бориса Суворина и хорошенько взмылитъ ему голову. Если же онъ будетъ продолжать безобразничать, то тогда можно будетъ услать его куда нибудь подальше. Вообще же Министерству Внутреннихъ Дѣлъ слѣдуетъ обратить особое вниманіе на печать, а то она, чортъ знаетъ, до чего доходитъ».

ЗАСѢДАНІЕ 19 АВГУСТА 1915 ГОДА.

Министръ Внутреннихъ Дѣлъ доложилъ о разростающемся въ Москвѣ общественномъ возбужденіи въ связи съ коноваловскимъ съѣздомъ. Непосредственный отзвукъ этого съѣзда — постановленіе Московской городской думы съ резолюціями объ облеченномъ довѣріемъ страны правительствѣ, о привѣтствіи Великому Князю Верховному Главнокомандующему, о Высочайшей аудіенціи представителямъ московскаго городского самоуправленія и т. д. Къ сожалѣнію докладъ кн. Щербатова у меня подробно не записанъ и резолюцій Московской думы нѣтъ подъ рукой. Въ концѣ отмѣчено: «Пренія носили исключительно горячій, даже рѣзкій характеръ. Говорили такъ скоро, перерывая другъ друга, что приходилось ловить налету. Не пренія, а перекрестный споръ».

И. Л. Горемыкинъ: «Сообщеніе Министра Внутреннихъ Дѣлъ заслуживаетъ серіознаго вниманія. Такъ называемые общественные дѣятели вступаютъ на такой путь дѣйствій, что имъ надо дать хорошій отпоръ». *Кн. Н. Б. Щербатовъ:* «Требованія Московской думы о Высочайшей аудіенціи недопустимы ни по формѣ, ни по существу. Нельзя вести съ Царемъ политическія бесѣды помимо правительства и законодательныхъ учрежденій. Необходимо принять немедленно мѣры самыя рѣшительныя въ ту или другую сторону. Такъ не можетъ продолжаться. Либо есть правительство, либо его нѣтъ. Третьяго выхода не вижу». *А. А. Хвостовъ:* «Имѣются законныя основанія для отмѣны постановленія Московской городской думы. Тѣмъ самымъ заявляемое ходатайство должно будетъ отпасть». *И. Л. Горемыкинъ:* «Это крайнее средство. Лучше избѣжать въ данномъ случаѣ формальнаго повода. Надо рѣшить по существу, желателенъ ли или нѣтъ при настоящихъ условіяхъ пріемъ Челнокова въ Царскомъ Селѣ для представленія московской резолюціи». *П. А. Харитоновъ:* «Вопросъ, во всѣхъ отношеніяхъ чреватый послѣдствіями. Не надо забывать, что москвичи говорятъ подъ флагомъ вѣрноподданническихъ чувствъ». *И. Л. Горемыкинъ:* «Вопросъ, конечно, щекотливый. Но я совершенно согласенъ съ Министромъ Внутреннихъ Дѣлъ, что черезъ голову правительства и законодательныхъ учрежденій нельзя вести съ Царемъ политическіе разговоры. Намъ надо поддержать Государя Императора въ трудную минуту и найти то рѣшеніе, которое облегчитъ его положеніе». *Кн. Н. Б. Щербатовъ:* «Можно предвидѣть, что за Москвой потянутся другіе города и Государя буквально завалятъ сотнями петицій». *И. Л. Горемыкинъ:* «Самое простое не отвѣчать всѣмъ этимъ болтунамъ и не обращать на нихъ вниманія, разъ они лѣзутъ въ сферу, имъ не подлежащую». *А. А. Поливановъ:* «Не могу согласиться съ предлагаемымъ Г. Пред-

сѣдателемъ Совѣта Министровъ упрощеннымъ рѣшеніемъ вопроса величайшей политической важности. Важно имѣть въ виду, что городское управленіе первопрестольной столицы на всю Россію заявляетъ о своемъ непоколебимомъ довѣріи Великому Князю Верховному Главнокомандующему, какъ вождю нашихъ армій противъ врага. На этотъ фактъ мы должны обратить вниманіе Его Величества и просить отложить свой отъѣздъ въ Ставку и смѣну командованія. Иначе впечатлѣніе этой перемѣны тотчасъ послѣ московской резолюціи произведетъ удручающее впечатлѣніе и будетъ истолковано, какъ нѣкоторый вызовъ. А засимъ, что такого недозволеннаго или революціоннаго можно усмотрѣть въ резолюціи. Правительство, опирающееся на довѣріе населенія, вѣдь это нормальный государственный порядокъ». *С. Д. Сазоновъ:* «Московскія событія еще больше убѣждаютъ меня въ необходимости во что бы то ни стало отложить вопросъ о командованіи. Надо, чтобы и Великій Князь, и Государь Императоръ никуда не двигались и все по внѣшности оставалось по старому. Тѣмъ временемъ Его Величество долженъ принять Челнокова какъ Московскаго Городского Голову, а не уполномоченнаго думы, и въ бесѣдѣ съ нимъ постараться смягчить остроту вопросовъ. Въ такой бесѣдѣ Государь могъ бы предложить Челнокову высказать все, что у него на душѣ по поводу переживаемаго времени, и, такъ сказать, игнорировать коллективное требованіе и самую резолюцію. Правильнѣе, не игнорировать, а обойти молчаніемъ». *А. Д. Самаринъ:* «Настроенія въ Москвѣ служатъ яркимъ и быстрымъ подтвержденіемъ тому, что я говорилъ въ Совѣтѣ Министровъ неоднократно. Перемѣна командованія — грозитъ самыми тяжкими послѣдствіями для нашей Родины. Постановленіе Московской городской думы, въ существѣ современныхъ повышенныхъ и обостренныхъ настроеній во всей Россіи, весьма умѣренное. Было бы ошибочно разсматривать его, какъ простой политическій выпадъ протиъ существующаго правительства. Оно подсказано тревогою за судьбы государства и выраженіе этой тревоги—подтвержденіе глубокаго довѣрія къ Великому Князю. Съ этимъ нельзя не считаться и просто отметать. Нельзя прибѣгать и къ рекомендуемой Министромъ Юстиціи мѣрѣ, т. е. къ отмѣнѣ постановленія думы. Это было бы, простите меня, слишкомъ грубо и неудобно тѣмъ болѣе, что въ постановленіи говорится о продолженіи войны до конца. На такое пожеланіе нельзя отвѣтить ни отмѣною его, ни молчаніемъ. Нельзя отказать и въ пріемѣ Московскаго Городского Головы — это было бы незаслуженною обидою Москвѣ, Первопрестольной столицѣ Имперіи. Съ первыхъ дней войны Москва неоднократно доказывала свой патріотизмъ и заслужила право высказать передъ Царемъ свою тревогу за будущее родины въ критическую минуту. Для меня вопросъ сводится не къ тому, нужно ли или нѣтъ принимать представителя Первопрестольной, а къ тому, какъ принять и что сказать ему во время пріема. Мнѣ кажется, что откладывать аудіенцію не слѣдуетъ и надо назначить ее возможно скорѣе, чтобы избѣжать лишнихъ толковъ и неудовольствій. Самый пріемъ долженъ быть особенно милостивымъ и благосклоннымъ. Въ теченіе бесѣды Его Величество могъ бы поблагодарить Москву за выраженныя чувства, высказать свое полное довѣріе къ искренности выраженныхъ пожеланій, заявить, что Царь понимаетъ необходимость довѣрія страны къ правительству, что этимъ вопросомъ онъ озабоченъ, что въ этомъ направленіи все дѣлалось и будетъ дѣлаться и т. д.». *И. Л. Горемыкинъ:* «Т. е. А. Д. Самаринъ предлагаетъ не мириться и не драться». *А. Д. Самаринъ:* «Формула эта не вполнѣ передаетъ оттѣнокъ моей мысли. Я бы прибавилъ еще одно слово — приласкать. А затѣмъ въ докладѣ Государю Императору я бы подчеркнулъ, что постановленіе Московской городской думы отнюдь не можетъ быть разсматриваемо, какъ дерзостно-революціонное, что нельзя отрицать необходимость для правительства довѣрія страны и что слова думы по адресу Великаго Князя служатъ лишнимъ подтвержденіемъ невозможности при настоящей обстановкѣ производить смѣну командованія». *П. А. Харитоновъ:* «Я считаю въ резолюціи Московской городской думы наиболѣе важнымъ

обращеніе къ Великому Князю именно въ настоящее время, когда рѣшеніе Государя ни для кого не секретъ. Значитъ, это обращеніе помѣщено нарочно, въ видѣ предупрежденія. Этого нельзя игнорировать. Москва за время войны стала средоточіемъ общественыхъ элементовъ и голосъ ея является отраженіемъ значительной части русскаго населенія. Мы должны объяснить это Его Величеству и, если еще не поздно, попытаться еще разъ отговорить его отъ немедленнаго осуществленія принятаго рѣшенія. Что касается аудіенціи, то, по моему мнѣнію, она необходима. Никогда не слѣдуетъ напрасно раздразнивать гусей». *А. В. Кривошеинъ:* «Докладъ Министра Внутреннихъ Дѣлъ глубоко меня взволновалъ. Онъ вполнѣ совпадаетъ съ полученными мною изъ Москвы частными свѣдѣніями. Настроеніе тамъ очень повышенное и можно ожидать такихъ послѣдствій, которыя безконечно осложнятъ внутреннее положеніе и могутъ создать обстановку, въ которой веденіе войны окажется безнадежнымъ. Во всякомъ случаѣ правительству слѣдуетъ всемѣрно избѣгать такихъ дѣйствій, которыя могли бы способствовать обостренію общественнаго раздраженія. Съ этой точки зрѣнія я нахожу, что пріемъ Московскаго Городского Головы совершенно неизбѣженъ и что его слѣдуетъ обставить такъ, какъ указываетъ А. Д. Самаринъ. Но не могу скрыть отъ Совѣта Министровъ, что, по моему, въ данномъ случаѣ вопросъ представляется гораздо болѣе широкимъ и принципіальнымъ. Несомнѣнно, что за Москвою потянутся и другіе города, земства, общественныя организаціи съ однородными пожеланіями и требованіями. Въ какомъ же положеніи окажемся мы, когда уже не одна печать и военно-промышенный комитетъ, но вся организованная русская общественность будутъ во всеуслышаніе требовать власти, облеченной довѣріемъ страны? Не касаюсь личныхъ переживаній, но съ точки зрѣнія интересовъ государственнаго управленія и организаціи обороны положеніе это совершенно невозможно. Все равно долго оно длиться не можетъ. Надо заранѣе найти выходъ и остановиться на твердомъ рѣшеніи, планѣ дѣйствій. Надо или реагировать съ силою и съ вѣрою въ свое могущество, въ возможность достиженія успѣха, или же вступить открыто на путь завоеванія для власти моральнаго довѣрія. По моему глубокому убѣжденію, мы ни къ тому, ни къ другому не способны. Выводъ отсюда ясенъ. Надо это откровенно сказать Государю, который не сознаетъ окружающей обстановки и не даетъ себѣ отчета, въ какомъ положеніи находится его правительство и, слѣдовательно, все дѣло государственнаго управленія. Мы должны открыть Монарху глаза на чрезвычайную остроту настоящей минуты, отъ того или иного разрѣшенія которой зависитъ многое въ судьбахъ нашей родины. Это нашъ священный долгъ въ историческое время, нами переживаемое. Мы должны сказать Его Величеству, что сложившіяся внутреннія условія (разбираться въ ихъ происхожденіи и причинахъ теперь поздно, да и безполезно), что эти условія допускаютъ только два рѣшенія: или сильная военная диктатура, если найдется подходящее лицо, или примиреніе съ общественностью. Нашъ кабинетъ общественнымъ ожиданіямъ не отвѣчаетъ и долженъ уступить мѣсто другому, которому страна могла бы повѣрить. Медлить, держаться серединки и выжиданія событій нельзя. Атмосфера съ каждымъ часомъ сгущается. Поводомъ къ росту нервности въ различныхъ кругахъ населенія является ставшее повсемѣстно извѣстнымъ рѣшеніе принять командованіе. Совершенно согласенъ, что рѣшеніе это, какъ выразился А. Д. Самаринъ, пагубное, что въ немъ скрывается огромный рискъ, результаты котораго даже приблизительно нельзя учесть и можно лишь предвидѣть, что они будутъ самыми тяжкими для Россіи и для успѣха войны. Не время рисковать, отталкивать отъ себя огромное большинство. Надо просить Его Величество собрать насъ и умолять его отказаться отъ смѣщенія Великаго Князя, кореннымъ образомъ измѣнивъ въ то же время характеръ внутренней политики. Я долго колебался раньше, чѣмъ окончательно придти къ такому выводу, но сейчасъ каждый день равенъ году и обстановка мѣняется съ голово-

кружительною быстротою Со всѣхъ сторонъ проходится слышать о самыхъ мрачныхъ ожиданіяхъ, если не будетъ сдѣлано рѣшительныхъ шаговъ къ успокоенію общественной тревоги. Объ этомъ говорятъ люди, преданность которыхъ Монарху не можетъ вызывать никакихъ сомнѣній. У меня былъ графъ Коковцевъ и настойчиво обращалъ вниманіе на то, что такъ дальше не можетъ продолжаться, что раздраженіе растетъ повсюду, что изъ Москвы идутъ зловѣщіе слухи. Нельзя же не считаться съ тѣмъ, что постановленіе о довѣріи Великому Князю было принято Московскою городскою думою единогласно. Даже Шмаковъ и его приверженцы голосовали за резолюцію. При такихъ условіяхъ было бы трудно квалифицировать ее, какъ революціонную. Не революція, а безконечный страхъ за будущее. Намъ нужно честно, безъ утайки и оговорокъ, объяснить Государю, что задуманный имъ шагъ, помимо всего прочаго, является величайшимъ рискомъ для династіи. Какъ вѣрноподданные слуги Русскаго Царя, съ которымъ связаны всѣ судьбы нашей родины, мы обязаны сказать, что увольненіе Великаго Князя недопустимо, что мы не отвѣчаемъ за порядокъ и безопасность въ странѣ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ несомнѣнно, что дѣло зашло слишкомъ далеко и что полный отказъ отъ принятаго рѣшенія отразился бы на авторитетѣ Монарха. Вполнѣ возможенъ компромиссъ: Царь принимаетъ на себя верховное главнокомандованіе и назначаетъ Великаго Князя своимъ помощникомъ. Передъ этимъ основнымъ вопросомъ все остальное мелочи, которыя устроятся, когда будетъ разрѣшенъ этотъ вопросъ. Надо сдѣлать это сразу. Долго играть съ огнемъ опасно. Мы должны быть передъ Государемъ Императоромъ тверды и настойчивы. Если понадобится, то мы должны не только просить, но и требовать. Пусть намъ Царь головы рубитъ, сошлетъ въ мѣста отдаленныя съ лишеніемъ званій, чиновъ и орденовъ (къ сожалѣнію, онъ этого не сдѣлаетъ), но въ случаѣ отказа на наши представленія мы должны во имя интересовъ родины заявить ему, что мы не въ состояніи больше служить ему по совѣсти». *Кн. В. Н. Шаховской:* «Формула А. В. Кривошеина исчерпываетъ вопросъ. Мы стоимъ на поворотѣ, отъ котораго зависитъ все дальнѣйшее теченіе событій. Нашъ долгъ быть твердыми передъ Царемъ въ сознаніи нашей правоты. Мы должны сказать Его Величеству, что пока общественныя пожеланія вообще и московскія въ частности еще остаются умѣренными и облекаются въ почтительныя формы. Раньше требованія бывали и болѣе крайними, и болѣе рѣзкими. Поэтому отметать все огуломъ было бы опасно. Нельзя не считаться съ тѣмъ фактомъ, что пораженія на фронтѣ создали революціонно-повышенное настроеніе въ странѣ. И разъ обостренію такихъ настроеній содѣйствуютъ слухи объ увольненіи Великаго Князя, то надо отъ этого отказаться, если не навсегда, то на время. Предлагаемый А. В. Кривошеинымъ компромиссъ разрѣшаетъ вопросъ вполнѣ безболѣзненно во всѣхъ отношеніяхъ». *А. А. Поливановъ:* «Здѣсь какъ то говорилось, что общественное сознаніе начинаетъ свыкаться съ мыслью объ отстраненіи Великаго Князя отъ верховнаго командованія. Можетъ быть это и такъ (хотя московская резолюція служитъ живымъ опроверженіемъ), но въ отношеніи фронта я могу удостовѣрить противоположное. Ко мнѣ сегодня утромъ явился пріѣхавшій съ позицій штабъ-офицеръ одного изъ видныхъ гвардейскихъ пѣхотныхъ полковъ и спросилъ, неужели Великаго Князя смѣняютъ. Я отвѣтилъ, что это возможно, но что смѣнитъ лицо гораздо болѣе высокое. Офицеръ низко мнѣ поклонился и молча вышелъ. По доходящимъ до военнаго вѣдомства слухамъ, въ окопахъ идутъ разговоры объ увольненіи Великаго Князя и солдаты высказываются въ томъ духѣ, что у нихъ хотятъ отнять послѣдняго заступника, который держитъ въ порядкѣ генераловъ и офицеровъ. При такихъ настроеніяхъ въ тылу и на фронтѣ увольненіе Великаго Князя и вступленіе Государя чревато всяческими событіями. Какъ меньшее изъ двухъ золъ, комбинація А. В. Кривошеина пріемлема». *С. Д. Сазоновъ:* «Мысль о такой комбинаціи носится въ воздухѣ и произведетъ успокаивающее впечатлѣніе». *А. Д. Самаринъ:* «Я тоже привѣтствую предложенную комбинацію. Для ея осу-

ществленія прекраснымъ моментомъ явится присутствіе Государя на открытіи особаго совѣщанія по оборонѣ. Его Императорское Величество могъ бы сказать собравшимся, что онъ ѣдетъ въ армію работать рука объ руку съ Великимъ Княземъ. Увѣренъ, что такое заявленіе всѣхъ бы обрадовало и сняло бы у многихъ тревогу съ души. Неужели же Совѣтъ Министровъ настолько безсиленъ и лишенъ авторитета въ глазахъ своего Монарха, что онъ не смогъ бы добиться принятія спасительнаго компромисса». *Гр. П. Н. Игнатьевъ:* «Я сочту своимъ долгомъ довести до свѣдѣнія Его Величества, что среди молодежи высшихъ учебныхъ заведеній идетъ броженіе на почвѣ симпатіи къ Великому Князю и признанія нежелательности его увольненія какъ вождя, единственно способнаго противостоять нѣмцамъ. Ректоръ Петроградскаго Университета обратился ко мнѣ съ просьбою отсрочить открытіе занятій, опасаясь, что со стороны студенческой массы возможны различныя выходки и протесты». *А. Д. Самаринъ:* «А какое впечатлѣніе произведетъ на вѣрующихъ, когда въ церквахъ перестанутъ поминать на ектеніяхъ Великаго Князя, о которомъ всѣ уже годъ молятся, какъ о Верховномъ Главнокомандующемъ. На эту подробность надо также обратить вниманіе Государя Императора». *И. Л. Горемыкинъ:* «Оставаясь при прежнемъ своемъ взглядѣ, что рѣшеніе Его Величества неизмѣнно и не можетъ быть поколеблено никакими убѣжденіями, я не стану препятствовать новой попыткѣ воздѣйствовать на Его Величество. Но долженъ сказать Совѣту Министровъ, что въ бесѣдѣ съ Государемъ надо всячески остерегаться говорить объ ореолѣ Великаго Князя, какъ вождя. Это не только не поможетъ, но, напротивъ, окончательно обостритъ вопросъ». *П. А. Харитоновъ:* «Казалось бы, достаточно и такихъ аргументовъ, какъ рискъ династіи и опасность революціоннаго движенія въ странѣ. Впрочемъ, мы живемъ въ такое время, когда небываемое бываетъ...». Въ концѣ концовъ согласились на необходимости ходатайствовать о немедленномъ собраніи Совѣта Министровъ подъ предсѣдательствомъ Государя Императора для обсужденія, въ соотвѣтствіи съ предложенною А. В. Кривошеинымъ формулою, слѣдующихъ вопросовъ: а) о порядкѣ приведенія въ исполненіе Высочайшей воли о верховномъ гланокомандованіи, б) объ эвакуаціи Петрограда и в) о внутренней политикѣ на будущее, т. е. политика твердая или же политика, идущая на встрѣчу общественнымъ пожеланіямъ. Выдвигая это послѣднее положеніе А. В. Кривошеинъ добавилъ: «Золотая серединка всѣхъ озлобляетъ».

Бесѣда снова коснулась Государственной Думы, которая все болѣе зарывается и своими рѣчами сѣетъ смуту и раздраженіе. Изъ учрежденія законодательнаго она гнетъ въ сторону превращенія себя чуть ли не въ учредительное собраніе. Такія стремленія идутъ въ прямой ущербъ ея законодательной работѣ и превращаютъ Государственную Думу въ агитаціонную трибуну. *А. В. Кривошеинъ:* «Ко мнѣ приходятъ Члены Думы разныхъ партій и говорятъ, что Дума исчерпала предметы своихъ занятій и что, благодаря этому, создается въ ней тревожное настроеніе. Безнадежность наладить отношенія съ правительствомъ, вопросъ о смѣнѣ командованія, свѣдѣнія съ мѣстъ въ связи съ наплывомъ бѣженцевъ, всеобщее недовольство, ожиданія въ населеніи помощи отъ Думы, агитація въ печати и т. п. все это въ совокупности можетъ подвинуть Думу на такія рѣшенія и дѣйствія, которыя тяжело отразятся на интересахъ обороны. Мнѣ прямо указывали, что рѣчи по запросамъ и резолюціи по нимъ могутъ принять открыто революціонный характеръ. Словоговореніе увлекаетъ и ему нѣтъ конца. Пора окончательно обдумать вопросъ о времени перерыва занятій. Помимо политическихъ соображеній, надо считаться и съ тѣмъ, что масса мѣропріятій, вызываемыхъ условіями войны, остается безъ разрѣшенія, такъ какъ правительство лишено возможности пользоваться 87-ою статьею. Но рѣшая вопросъ о Думѣ, надо одновременно рѣшить и вопросъ о дальнѣйшей политикѣ, о которомъ я уже говорилъ сегодня». *И. Л. Горемыкинъ:* «Мы остановились на томъ, что этотъ вопросъ будетъ поднятъ въ засѣданіи подъ Высочайшимъ предсѣдательствомъ. Тогда же мы поговоримъ и о Государственной Думѣ». *А. А. Полива-*

новъ: «Раньше, чѣмъ распускать Думу, необходимо черезъ нее провести законъ о мобилизаціи заводовъ. Эта мѣра безусловно срочно нужна для обороны. Но по своему существу она такова, что ввести ее въ дѣйствіе безъ санкціи законодательныхъ учрежденій едва ли возможно въ теперешнія смутныя времена. Во всякомъ случаѣ я не рѣшился бы въ столь щекотливомъ дѣлѣ прибѣгнуть къ 87-ой статьѣ». *П. А. Харитоновъ:* «А я предпочелъ бы именно этотъ путь, если вообще нельзя избѣжать такой чрезвычайной мѣры, какъ мобилизація заводовъ. Увѣренъ, что въ Думѣ она не имѣетъ шансовъ на благополучное прохожденіе. Вѣдь, здѣсь ставится вопросъ ни болѣе ни менѣе, какъ о личной принудительной повинности. Сама по себѣ, при господствующихъ въ Думѣ тенденціяхъ, подобная повинность явится поводомъ къ различнымъ нежелательнымъ рѣчамъ и агитаціоннымъ выступленіямъ. А тутъ еще примѣшивается рабочій вопросъ и пойдетъ пищать волынка. По современнымъ обстоятельствамъ было бы осторожнѣе, именно въ интересахъ обороны, отложить этотъ вопрсъ до болѣе спокойной обстановки и ни въ какомъ случаѣ не связывать его съ прекращеніемъ занятій законодательныхъ учрежденій». *И. Л. Горемыкинъ:* «Не будемъ останавливаться на подробностяхъ, пока не разрѣшенъ основной вопросъ. Посмотримъ, что намъ скажетъ Государь Императоръ, и тогда вернемся къ заявленію Военнаго Министра».

Управляющій Дѣлами огласилъ телеграмму изъ Ставки относительно подготовки эвакуаціи Кіева, признаваемой генераломъ-адъютантомъ Ивановымъ неизбѣжною. Необходимыя съ точки зрѣнія военныхъ интересовъ распоряженія отданы Главнокомандующимъ Южнымъ фронтомъ генералу Маврину. Ставка проситъ, чтобы надлежащія указанія были преподаны по гражданскимъ вѣдомствамъ. *П. А. Харитоновъ:* «Позвольте, въ чемъ дѣло. Значитъ, Кіеву угрожаетъ захватъ непріятелемъ? Или же снова мы имѣемъ дѣло съ проявленіемъ генеральской паники?» *А. А. Поливановъ:* «Я думаю, что Государственный Контролеръ правъ въ своемъ предположеніи. Планы и намѣренія Ставки мнѣ неизвѣстны, такъ какъ признается излишнимъ держать Военнаго Министра въ курсѣ событій, но, насколько мнѣ доступно разсуждать о военныхъ вопросахъ, я убѣжденъ, что Кіеву непосредственной опасности не грозитъ и разговоры о его эвакуаціи по меньшей мѣрѣ преждевременны». *П. А. Харитоновъ:* «Какъ же смѣетъ генералъ Ивановъ давать какія то распоряженія генералу Маврину и какъ Ставка ихъ не остановила, не сговорившись заранѣе съ Совѣтомъ Министровъ о вопросѣ такой колоссальной важности, какъ эвакуація Кіева. Чего добраго мы въ одинъ прекрасный день узнаемъ, что одинъ храбрый генералъ приказалъ другому генералу эвакуировать Петроградъ. Чортъ знаетъ, что у насъ творится. Нельзя же ради испуганной фантазіи будоражить цѣлый край. Кіевъ не Черновицы или какая нибудь галицiйская деревушка. Оставленіе Матери русскихъ городовъ отзовется по всей Россіи и можетъ вызвать такія послѣдствія, отъ которыхъ пострадаетъ не одинъ генералъ Ивановъ съ Мавринымъ. Злость беретъ отъ нашего безсилія передъ генеральскою отступательною храбростью. Надо покончить съ этою скоропалительностью или же упразднить правительство и передать его функціи какому нибудь не склонному къ задумчивости передъ государственными интересами военному чину. Я отказываюсь обсуждать возбужденный въ телеграммѣ вопросъ, пока намъ не будетъ извѣстно, что именно и на какихъ основаніяхъ Ивановъ приказалъ Маврину и какъ далеко они зашли въ своихъ распоряженіяхъ». *Кн. Н. Б. Щербатовъ:* «Вообще съ эвакуаціей продолжаетъ твориться что то невѣроятное. Военныя власти окончательно потеряли голову и здравый смыслъ. Какъ будто нарочно создается повсюду хаосъ и безпорядокъ. Вся мѣстная жизнь перевернута вверхъ дномъ. Необходимо же, наконецъ, принять какія нибудь мѣры къ упорядоченію отношеній между военными и гражданскими начальствами. Нельзя въ такомъ исключительно сложномъ дѣлѣ, какъ эвакуація, глубоко затрогивающемъ всю нашу жизнь, сосредоточивать всѣ распоряженія въ рукахъ военныхъ. Они совершенно не ос-

вѣдомлены въ положеніи внутреннихъ губерній, а между тѣмъ направляютъ волны бѣженцевъ по своему усмотрѣнію. По моему мнѣнію неизбѣжно центральное объединеніе эвакуаціи въ вѣдѣніи гражданской власти съ участіемъ военной лишь въ качествѣ экспертовъ». *А. В. Кривошеинъ:* «Да, дѣйствительно, невѣроятныя условія созданы у насъ отмежеваніемъ части Россіи подъ театръ военныхъ дѣйствій. Какая то опричнина и земщина. Во всякомъ случаѣ относительно Кіева надо самымъ энергичнымъ образомъ протестовать и не допускать рѣшенія этого вопроса безъ санкціи Совѣта Министровъ. Вѣдь, вопросъ идетъ о вѣковой русской святынѣ». *С. Д. Сазоновъ:* «Вся эта исторія глубоко меня возмущаетъ. Военный Министръ высказываетъ убѣжденіе, что Кіеву не грозитъ опасность, а г. г. растерявшіеся генералы хотятъ его эвакуировать, бросать на растерзаніе австрійцевъ. Могу себѣ представить, какое впечатлѣніе это произведетъ на нашихъ союзниковъ, когда они узнаютъ объ оставленіи Кіева, центра огромнаго хлѣбороднаго района». Послѣ долгаго обмѣна мнѣній въ духѣ приведенныхъ заявленій, рѣшено срочно запросить Ставку, какія распоряженія даны Ивановымъ Маврину, и просить воздержаться въ отношеніи эвакуаціи Кіева отъ какихъ либо окончательныхъ шаговъ безъ предварительнаго соглашенія съ Совѣтомъ Министровъ.

Послѣ одобренія представленнаго А. В. Кривошеинымъ проекта Высочайшаго обращенія при открытіи Особаго Совѣщанія по оборонѣ, весь конецъ засѣданія былъ посвященъ бесѣдѣ о требованіи союзниковъ отправить въ Америку русское золото для обезпеченія платежей по заказамъ и для кредитныхъ операцій. Бесѣда эта въ значительной степени носила техническій характеръ. Но отдѣльныя выступленія касались общаго вопроса объ отношеніяхъ къ намъ со стороны союзниковъ и заслуживаютъ быть отмѣченными для характеристики тогдашнихъ переживаній. *П. А. Харитоновъ:* «Значитъ, съ ножомъ къ горлу прижимаютъ насъ добрые союзники — или золото давай, или ни гроша не получишь. Дай Богъ имъ здоровья, но такъ приличные люди не поступаютъ». *А. В. Кривошеинъ:* «Надо откровенно сознаться, что въ отношеніи финансовомъ союзники къ намъ некорректны. Это мнѣніе становится все болѣе распространеннымъ, особенно съ той поры, какъ Государственной Думѣ правительствомъ были конфиденціально сообщены разъясненія по этому вопросу. Даже самъ Шингаревъ не одобряетъ поведеніе Лондона и Парижа. Они восхищаются нашими подвигами для спасенія союзныхъ фронтовъ цѣною нашихъ собственныхъ пораженій а въ деньгахъ прижимаютъ не хуже любого ростовщика. Милліоны жертвъ, которыя несетъ Россія отвлекая на себѣ нѣмецкіе удары, которые могли бы оказаться фатальными для союзниковъ, заслуживаютъ съ ихъ стороны болѣе благожелательнаго отношенія въ смыслѣ облегченія финансовыхъ тяготъ. Неужели нельзя воздѣйствовать на нихъ дипломатическимъ путемъ». *П. Л. Баркъ:* «Трудно добиться отъ нихъ реальныхъ результатовъ тѣмъ болѣе, что сейчасъ вопросъ идетъ о платежахъ въ Америкѣ, а не у союзниковъ, которые сами вывозятъ для этого золото». *А. В. Кривошеинъ:* «Хорошо, не буду спорить въ данномъ случаѣ, разъ дѣло касается Америки, въ войнѣ не участвующей и пользующейся удобною обстановкою нажиться на несчастіи Европы. Но, вѣдь, этой операціей не исчерпывается вопросъ о деньгахъ на продолженіе войны. Пусть г. г. союзники заранѣе подумаютъ и позаботятся объ оказаніи финансовой намъ поддержки, разъ они переносятъ на насъ все бремя военныхъ невзгодъ, а сами ведутъ себя на фронтѣ за насъ счетъ чрезмѣрно благоразумно». *С. Д. Сазоновъ:* «Ну и мы тоже благоразумно отступаемъ, когда наши неисчерпаемые резервы допускаютъ рискъ сраженія, даже не одного, а нѣсколькихъ. У французовъ же всѣ въ окопахъ, резервовъ у нихъ нѣтъ и рискъ для нихъ равносиленъ гибели». *Кн. В. Н. Шаховской:* «Насколько могу судить, мы, говоря просто, находимся подъ ультиматумомъ нашихъ союзниковъ». *П. Л. Баркъ:* «Если хотите примѣнить это слово, то я отвѣчу — да. Если мы откажемся вывезти золото, то мы ни гроша не получимъ въ Америкѣ и съ насъ за каждое ружье американцы будутъ

требовать платы золотомъ». *А. В. Кривошеинъ:* «Разъ вопросъ зашелъ такъ далеко, то приходится подчиниться, но я сказалъ бы — въ послѣдній разъ. Впредь надо твердо заявить союзникамъ: вы богаты золотомъ и бѣдны людьми, а мы бѣдны золотомъ и богаты людьми; если вы хотите пользоваться нашею силою, то дайте намъ пользоваться вашею, иначе не будетъ соблюдено равновѣсіе. Не слѣдуетъ забывать, что Отечественная война и вообще вся борьба съ Наполеономъ велась въ значительной степени на англійскія деньги. Графу Бенкендорфу слѣдовало бы напомнить объ этомъ въ Лондонѣ». *П. А. Харитоновъ:* «Конечно, и намъ нужно поприжать хорошенько союзниковъ. Долженъ только по чувству справедливости отмѣтить, что едва ли возможно отрицать заслуги Англіи въ отношеніи къ намъ — безъ ея флота Петроградъ давно бы не существовалъ». *И. Л. Горемыкинъ:* «Лучше не затрагивать щекотливый вопросъ объ отношеніяхъ съ союзниками. Практически это насъ ни къ чему не приведетъ. Надо окончательно выяснить, насколько вывозъ золота неизбѣженъ и насколько этотъ вывозъ отразится на нашемъ рублѣ». *Кн. В. Н. Шаховской:* «Я считаю вывозъ золота недопустимымъ, ибо это должно самымъ тяжелымъ образомъ отразиться на нашемъ денежномъ обращеніи». *П. Л. Баркъ:* «Стоимость рубля находится въ зависимости не отъ обезпечивающаго его золота, а отъ перегруженности страны бумажными знаками и, больше всего, отъ удачливости военныхъ дѣйствій Охрана золотого запаса при запретѣ свободнаго размѣна — фетишизмъ Нельзя ради отвлеченнаго принципа тормозить покупку шрапнелей и ружей. Если Совѣтъ Министровъ откажетъ въ согласіи на вывозъ золота, то я слагаю съ себя отвѣтственность за платежи въ сентябрѣ. Предвижу неизбѣжность катастрофы». *П. А. Харитоновъ:* «Несостоятельность Россіи по американскимъ платежамъ повлечетъ за собою такое паденіе курса, что рубль нашъ и 10 копѣекъ не будетъ стоить. Какъ ни печально, но въ данномъ вопросѣ приходится идти въ хвостѣ у англичанъ и французовъ». *А. В. Кривошеинъ:* «Я думаю, что вопросъ этотъ полезно провести черезъ Комитетъ Финансовъ при участіи финансовыхъ и общественныхъ дѣятелей. Надо застраховаться такимъ путемъ противъ законодательныхъ учрежденій, которыя могутъ поднять скандалъ и встревожить общественное мнѣніе. Опасенъ скандалъ и съ точки зрѣнія нашихъ отношеній съ союзниками». *П. А. Харитоновъ:* «Въ число свѣдущихъ лицъ попадетъ, несомнѣнно, и Шингаревъ съ его по меньшей мѣрѣ своеобразною оцѣнкою финансово-экономическихъ вопросовъ». *А. В. Кривошеинъ:* «Приходится мириться и съ присутствіемъ Шингарева. Человѣчество требуетъ прежде всего не знаній, а вывѣски».

ЗАСѢДАНІЕ 21 АВГУСТА 1915 ГОДА.

20 августа, въ 9 часовъ вечера, состоялось въ Царскомъ Селѣ засѣданіе Совѣта Министровъ подъ Высочайшимъ предсѣдательствомъ. На такихъ засѣданіяхъ ни Управляющій Дѣлами, ни его Помощникъ не присутствовали. Свѣдѣнія о происходившемъ въ Царскомъ Селѣ у меня, къ сожалѣнію, не записаны. Отмѣчены лишь слова И. Л. Горемыкина, сказанныя имъ на слѣдующій день И. Н. Лодыженскому: «Вчера ясно обнаружилось, что Государь Императоръ остается правымъ, а въ Совѣтѣ Министровъ происходитъ быстрый сдвигъ влѣво, внизъ по теченію». Заключеніе моей записи 21 Августа таково: «Судя по настроеніямъ, долгожданное собраніе у Царя не оправдало ожиданій большинства Совѣта. Въ преніяхъ о Челноковской телеграммѣ чувствуется сознаніе своего безсилія и безпомощности. Порядкомъ у всѣхъ нервы потрепаны, если говорятъ въ такомъ тонѣ. Что-то дѣло, и правда, къ всеразрѣшающему фонарю близится».

Повидимому, Его Величество поручилъ Совѣту Министровъ составить проектъ отвѣта на всеподданнѣйшую телеграмму Московскаго Городского Головы

Челнокова съ изложеніемъ резолюцій Московской Думы о довѣріи Великому Князю Николаю Николаевичу, о правительствѣ сильномъ и опирающемся на довѣріе общества и т. д. Предлагая заняться этимъ вопросомъ, *И. Л. Горемыкинъ* заявилъ: «По моему въ отвѣтъ на эту телеграмму можно ограничиться изъявленіемъ Высочайшей благодарности за вѣрноподданническія чувства». *С. Д. Сазоновъ:* «Нѣтъ, этого мало и будетъ звучать ироніей. Не въ вѣрноподданническихъ чувствахъ дѣло, а въ томъ, что телеграмма написана кровью болѣющихъ за родину людей. Самое правильное — исполнить пожеланія Московской Думы, по существу совершенно основательныя. Врядъ ли можно доказать, что правительство не должно быть сильнымъ и не должно опираться на довѣріе общества». *Кн. Н. Б. Щербатовъ:* «Слѣдуетъ предвидѣть, что вслѣдъ за Московскою телеграммою посыпятся сотни однородныхъ телеграммъ изъ всѣхъ городовъ и земствъ. Если смотрѣть на Московскія пожеланія, какъ на революціонныя, то придется закрывать не только Московскую Городскую Думу, но и мѣстныя общественныя организаціи. Вопросъ о характерѣ отвѣта Москвѣ имѣетъ важнѣйшее значеніе. Имъ предрѣшается направленіе внутренней политики. Одно изъ двухъ — надо либо молчать и игнорировать общественныя пожеланія, либо идти имъ открыто навстрѣчу. Полумѣръ я не вижу. Въ данномъ случаѣ нельзя отдѣлаться хотя бы самою милостивою благодарностью». *С. Д. Сазоновъ:* «Совершенно справедливо. Положеніе создается весьма серіозное. Нельзя ограничиться благодарностью, ибо вопросъ идетъ не о новогоднемъ поздравленіи, а о судьбахъ государства. Но нельзя прибѣгать и къ молчанію, ибо оно можетъ повлечь за собою крупныя послѣдствія. Москва не ребенокъ, съ которымъ можно обойти молчаніемъ щекотливый вопросъ». *Гр. П. Н. Игнатьевъ:* «Я тоже нахожу, что было бы неудобно отвѣтить отпискою. Едва ли допустимо при современныхъ настроеніяхъ, повсюду весьма повышенныхъ, давать поводъ къ заключеніямъ, будто Царь отрицаетъ необходимость для его правительства единенія съ страной. По моему мнѣнію, надо отвѣтить въ томъ смыслѣ, что Царь прекрасно понимаетъ и цѣнитъ руководящія московскимъ самоуправленіемъ патріотическія побужденія, что сердце Россіи чувствуетъ вѣрно, что Царь думаетъ и заботится о волнующихъ русскихъ людей вопросахъ организаціи власти и т. п. въ томъ же духѣ. Словомъ въ содержаніи отвѣта Москвѣ надо **„faire bonne mine au mauvais jeu“**. *А. А. Хвостовъ:* «Мнѣ кажется, что говорить въ отвѣтной телеграммѣ о правительствѣ преждевременно. Вѣдь, какъ всѣ помнятъ, Его Величество отложилъ этотъ вопросъ до соображенія въ связи съ тѣмъ докладомъ, который Совѣтъ Министровъ долженъ представить Государю относительно правительственной программы и тѣми вопросами, которые выдвигаются на очередь перемѣною командованія». *А. А. Поливановъ:* «Обстоятельства складываются настолько угрожающе, что отвѣтъ Москвѣ долженъ быть исчерпывающимъ. Въ этомъ отвѣтѣ Россія должна увидѣть, что ее ждетъ въ ближайшемъ будущемъ». *И. К. Григоровичъ:* «Я тоже такъ думаю. Въ критической обстановкѣ нельзя играть въ прятки, а надо дѣйствовать быстро и рѣшительно. Цѣлый мѣсяцъ мы топчемся на мѣстѣ. Такъ нельзя поступать во время войны, когда непріятель пробирается въ середину Россіи». *А. Д. Самаринъ:* «Надо что нибудь сказать Москвѣ въ отвѣтъ на ея болѣзненную тревогу о смѣнѣ командованія. Вчера Государь заявилъ намъ, что Великому Князю онъ вѣритъ, но его окружающимъ...» *С. Д. Сазоновъ:* «Да, но какой стилистъ сможетъ соединить довѣріе къ Великому Князю съ отчисленіемъ на Кавказъ. Такое д о в ѣ р і е производитъ потрясающее впечатлѣніе. Начнутъ говорить, что Царь у насъ вѣроломный. Лучше избѣжать касаться въ отвѣтѣ вопроса о Великомъ Князѣ». *П. Л. Баркъ:* «Я не совсѣмъ согласенъ съ опасеніями С. Д. Сазонова. Всѣ знаютъ, что перемѣщеніе Николая Николаевича на Кавказъ дѣло рѣшеное. Надо оттѣнить, что такое рѣшеніе порождено не личными мотивами, и подчеркнуть, что довѣріе Царя къ Великому Князю непоколебимо, что въ оцѣнкѣ его ратнаго подвига Царь не расходится съ страною. Затѣмъ надо поярче выразить, что Государь Импе-

раторъ съ полнымъ довѣріемъ относится къ Москвѣ, вѣритъ въ искренность ея тревоги, ждетъ полнаго единенія вѣрноподданныхъ въ тяжкую годину. Нельзя, по моему убѣжденію, оставить безъ отвѣта не только московскій, но всероссійскій вопль о твердой власти. Надо упомянуть въ телеграммѣ, что Государемъ Императоромъ преподаны указанія о направленіи правительственной дѣятельности въ согласіи съ общественными пожеланіями. Закончить можно Царскимъ призывомъ ко всѣмъ вѣрноподданнымъ исполнить свой долгъ до конца». *Кн. Н. Б. Щербатовъ:* «Напишемъ мы все это въ телеграммѣ Московской Городской Думѣ, а завтра же Государя завалятъ тысячами телеграммъ со всѣхъ концовъ Земли Русской». *А. Д. Самаринъ:* «Москва не какой нибудь конецъ Земли Русской, а Первопрестольная Столица, сердце Россіи, всегда въ эпохи бѣдствій народныхъ бившееся съ особою силою. Относительно другихъ телеграммъ можно будетъ поговорить потомъ, когда они получатся. Но Москву надо выдѣлить и ей отвѣтить по хорошему. Нельзя пренебрегать московскимъ купечествомъ — это сословіе историческое, именитое, къ голосу котораго прислушиваются далеко за предѣлами Москвы». *И. Л. Горемыкинъ:* «Если мы будемъ все время отвлекаться въ общіе вопросы, то мы никогда не кончимъ и Высочайшаго повелѣнія не выполнимъ. Мы должны представить Его Величеству какой нибудь отвѣтъ на московскую телеграмму». *С. Д. Сазоновъ:* «Не какой-нибудь отвѣтъ, а глубоко и всесторонне обдуманный. Надѣюсь, что Предсѣдатель не будетъ препятствовать Совѣту Министровъ такъ именно истолковать Монаршую волю и сознательно ее исполнить». *И. К. Григоровичъ:* «Мы знаемъ изъ вчерашняго заявленія Государя Императора, что, не смотря ни на что, онъ уѣзжаетъ въ Ставку принимать верховное главнокомандованіе. Совѣтъ Министровъ или, по крайней мѣрѣ, большинство его Членовъ считаютъ, что этотъ актъ значительно ухудшитъ и безъ того почти безнадежное внутреннее положеніе. Разъ наши вчерашніе уговоры и убѣжденія не подѣйствовали на Государя, то наша обязанность сдѣлать еще одну послѣднюю попытку — представить Его Императорскому Величеству письменный докладъ съ изложеніемъ нашего мнѣнія о перемѣнѣ командованія, объ опасности для династіи и т. д.». *И. Л. Горемыкинъ:* «Государь Императоръ вчера совершенно опредѣленно сказалъ, что онъ на дняхъ выѣзжаетъ въ Могилевъ и тамъ объявитъ свою волю. Какія же тутъ возможны письменные доклады. Недопустимо, чтобы Совѣтъ Министровъ тревожилъ Царя въ историческій часъ его жизни и напрасно волновалъ безконечно измученнаго человѣка. Не легко было Государю принять такое рѣшеніе, но разъ оно принято — онъ отъ него не отступитъ». *И. К. Григоровичъ:* «Я не считаю себя въ правѣ принять на себя отвѣтственность за это рѣшеніе и, какъ вѣрноподданный слуга своего Царя, обязанъ ему заявить: не дѣлайте безповоротнаго шага, не трогайте Великаго Князя, отсрочьте приведеніе въ исполненіе своего рѣшенія». *С. Д. Сазоновъ:* «Нашъ долгъ въ критическую минуту, въ которую хотятъ затянуть Россію, откровенно сказать Царю, что при слагающейся обстановкѣ мы не можемъ управлять страной, что мы безсильны служить по совѣсти, что мы вредны нашей родинѣ». *И. Л. Горемыкинъ:* «Т. е., говоря просто, Вы хотите предъявить своему Царю ультиматумъ». *С. Д. Сазоновъ:* «У насъ въ Россіи не бываетъ ультиматумовъ. Намъ доступны только вѣрноподданническія моленія. Не будемъ спорить о словахъ. Существо важнѣе въ наступающую страшную минуту. Дѣло не въ ультиматумахъ, а въ томъ, чтобы, пока еще не поздно, сдѣлать послѣднюю попытку открыть Царю глаза на всю глубину риска для Россіи, предупредить его о смертельной опасности и честно ему сказать, что правительство не можетъ отвѣчать своему назначенію, когда у него нѣтъ за собою довѣрія Государя». *Кн. Н. Б. Щербатовъ:* «Мысль Морского Министра безусловно правильна. Надо представить Его Величеству письменный докладъ и объяснить, что правительство, которое не имѣетъ за собою ни довѣрія носителя верховной власти, ни арміи, ни городовъ, ни земствъ, ни дворянъ, ни купцовъ, ни рабочихъ, — не можетъ не только работать, но и даже существовать. Это очевидный абсурдъ.

Мы, сидя здѣсь, являемся какими то донъ-кихотами». *Кн. В. Н. Шаховской:* «Весьма важный вопросъ въ редакціи доклада. Надо всячески избѣжать въ немъ такого оттѣнка, который навелъ бы на мысль о забастовкѣ. Государь Императоръ вчера произнесъ это слово». *С. Д. Сазоновъ:* «Оно не можетъ относиться къ Совѣту Министровъ. Подобныя подозрѣнія должны отъ насъ отпасть. Если мы говоримъ о невозможности продолжать службу, то лишь потому, что при настоящихъ условіяхъ, такъ вѣрно охарактеризованныхъ княземъ Щербатовымъ, наша работа не только безполезна, но прямо вредна. Я увѣренъ, что если бы П. А. Харитоновъ взялся написать журналъ Совѣта Министровъ, то онъ нашелъ бы нужныя выраженія для нашихъ мыслей». *П. А. Харитоновъ*: «У меня въ головѣ такой сумбуръ послѣ вчерашняго засѣданія въ Царскомъ Селѣ, что я и двухъ строчекъ связать не сумѣю. Гдѣ же тутъ журнальную дипломатію разводить. Дайте опомниться, придти въ себя». *И. Л. Горемыкинъ:* «Пока я Предсѣдатель, я не могу допустить представленія Его Императорскому Величеству отъ имени Совѣта Министровъ журнала съ содержаніемъ подобнаго рода». *С. Д. Сазоновъ:* «Тогда мы, т. е. большинство Совѣта Министровъ, оставляемъ за собою свободу дѣйствій въ доведеніи нашего мнѣнія до свѣдѣнія Государя Императора». *И. Л. Горемыкинъ:* «Въ Ваши частныя выступленія я не нахожу возможнымъ вмѣшиваться». *Гр. П. Н. Игнатьевъ:* «Я согласенъ съ тѣмъ, что освѣдомленіе Государя о нашемъ мнѣніи и притомъ въ письменной формѣ необходимо. Мы должны снять съ себя упрекъ въ томъ, что мы молчали въ минуту величайшей опасности для Россіи». *С. Д. Сазоновъ:* «Я никакъ не могу раздѣлить высказанную нашимъ Предсѣдателемъ вчера точку зрѣнія, что если Государю Императору благоугодно рисковать, то не намъ ему указывать». *А. Д. Самаринъ:* «Будемте говорить между собою вполнѣ откровенно. Время сейчасъ такое, что никакія недомолвки недопустимы. Вопросъ идетъ о грядущихъ судьбахъ Россіи и мы участники великой трагедіи. Намъ надо до конца объясниться. Вы, Иванъ Логгиновичъ, видимо не сочувствуете стремленіямъ многихъ Членовъ Совѣта Министровъ во что бы то ни стало отговорить, удержать Государя Императора отъ признаваемаго нами по чистой совѣсти пагубнымъ для Россіи и для династіи шага. Вчера въ Высочайшемъ присутствіи Вы сказали, что ходатайства, подобныя Московскому, продиктованы стремленіемъ создать оппозицію уходу Великаго Князя и тѣмъ обезпечить ему какое то особое положеніе. Кажется, я не ошибаюсь въ передачѣ Вашей мысли. Но, вѣдь, мы тоже ходатайствуемъ. Значитъ, мы въ Вашихъ глазахъ тоже оппозиція, тоже преслѣдуемъ какія то скрытыя цѣли. Я затрудняюсь вести дальнѣйшую бесѣду, пока этотъ коренной вопросъ не выяснится». *И. Л. Горемыкинъ:* «Я никогда не скрывалъ и не скрываю своего мнѣнія и охотно отвѣчу на откровенный вопросъ откровенностью. Многіе изъ присутствующихъ здѣсь удостовѣрятъ Вамъ, Александръ Дмитріевичъ, что въ первые же дни войны я рѣшительно возсталъ противъ намѣренія Государя вступить въ личное командованіе арміей. То же самое, какъ Совѣту Министровъ извѣстно, я сдѣлалъ и теперь, когда Его Величество предупредилъ меня о смѣнѣ Великаго Князя. Но Государю не угодно было согласиться съ моими доводами и съ доводами Совѣта Министровъ. Тогда я понялъ, что Высочайшая воля непреклонна, и счелъ себя обязаннымъ, преклонившись передъ нею, какъ неизбѣжнымъ, отдать всѣ свои силы на помощь моему Царю въ трудную минуту. Сейчасъ о принятомъ Его Величествомъ рѣшеніи знаютъ всѣ. Знаютъ и то, что это рѣшеніе безповоротно. Слѣдовательно, та агитація, которая идетъ вокругъ этого вопроса и связывается съ требованіемъ министерства общественнаго довѣрія, т. е. съ ограниченіемъ Царской власти, является ничѣмъ инымъ, какъ стремленіемъ лѣвыхъ круговъ использовать имя Великаго Князя для дискредитированія Государя Императора». *А. Д. Самаринъ:* «Въ Московской Городской Думѣ участвовали въ составленіи резолюціи о довѣріи Великому Князю не одни лѣвые, а всѣ гласные единодушно, до Шмакова включительно. Трудно считать эту Думу въ ея теперешнемъ составѣ явленіемъ лѣвымъ». *Кн. Н. Б.*

Щербатовъ: «Совершенно примыкаю къ взгляду А. Д. Самарина на Московскую Думу. Ея отношеніе къ Великому Князю есть отношеніе не отдѣльной партіи, а выраженіе смертельнаго страха всего русскаго общества передъ актомъ принятія Государемъ на себя верховнаго командованія и устраненіемъ того лица, которое (справедливо или нѣтъ — это вопросъ другой) считается единственно способнымъ противостоять нѣмецкому нашествію». *И. Л. Горемыкинъ:* «Не могу согласиться съ такой идеализаціей побужденій. По моему, чрезмѣрная вѣра въ Великаго Князя и весь этотъ шумъ вокругъ его имени есть ничто иное, какъ политическій выпадъ противъ Царя. Великій Князь служитъ средствомъ» *Кн. Н. Б. Щербатовъ:* «Такихъ найдется не болѣе 5 процентовъ». *С. Д. Сазоновъ:* «И лѣвые, и кадеты за свои шкуры дрожатъ. Они боятся революціоннаго взрыва и невозможности продолжать войну. Они боятся, что смѣна командованія вызоветъ этотъ взрывъ». *А. Д. Самаринъ:* «Значитъ, Вы, Иванъ Логгиновичъ, думаете, что протестующіе противъ увольненія Великаго Князя дѣлаютъ это ради корыстныхъ цѣлей. Нельзя же въ такихъ побужденіяхъ обвинить всю Россію. Протестуютъ всѣ, до большинства Членовъ Совѣта Министровъ включительно». *И. Л. Горемыкинъ:* «Я говорю не про всю Россію, которая не кричитъ, а дѣлаетъ свое дѣло. Я говорю про лѣвыхъ политиковъ, которые хотятъ создать затрудненія Монархіи и пользуются для этого переживаемымъ Россіею несчастіемъ. Самъ Министръ Внутреннихъ Дѣлъ говорилъ объ этомъ, докладывая намъ о коноваловскомъ съѣздѣ, и предупреждалъ, что выступленіе будетъ со стороны Московской Думы. Повторяю — имя Великаго Князя принято преднамѣренно въ качествѣ объединяющаго лозунга оппозиціи. Повѣрьте мнѣ, если Государь Императоръ отказался бы отъ своего рѣшенія и Великій Князь останется, то лѣвые устроятъ Николаю Николаевичу тріумфъ и торжественное чествованіе, какъ спасителю Россіи. Противъ кого—противъ Царя». *С. Д. Сазоновъ:* «Мы категорически оспариваемъ такое истолкованіе обществаннаго движенія. Оно не результатъ интриги, а крикъ самопомощи. Къ этому крику и мы должны присоединиться». *И. Л. Горемыкинъ:* «На Ваши просьбы Государь отвѣтилъ ясно и рѣшительно — ѣду въ Ставку. Вопросъ этими словами исчерпанъ». *С. Д. Сазоновъ:* «Очевидно, что мы съ Вами говоримъ на разныхъ языкахъ. У большинства изъ насъ вчера, послѣ засѣданія въ Царскомъ Селѣ, создалось тяжелое впечатлѣніе о значительномъ разладѣ между нами и Вами. Я считаю необходимымъ заявить объ этомъ вполнѣ откровенно. Мы радикально расходимся въ оцѣнкѣ современнаго положенія и средствъ борьбы съ надвигающейся грозою». *И. Л. Горемыкинъ:* «Усердно прошу Васъ всѣхъ доложить Государю Императору о моей непригодности и о необходимости замѣны меня болѣе подходящимъ къ требованіямъ современности человѣкомъ. Буду до глубины души благодаренъ за такую услугу». *Кн. Н. Б. Щербатовъ:* «Вопросъ о правительствѣ гораздо шире. Мы всѣ вмѣстѣ непригодны для управленія Россіей при слагающейся обстановкѣ. Тамъ, гдѣ должны пѣть басы, тенорами ихъ не замѣнить. И я, и многіе сочлены по Совѣту Министровъ опредѣленно сознаютъ, что невозможно работать, когда теченія свыше завѣдомо противорѣчатъ требованіямъ времени. Нужна либо диктатура, либо примирительная политика. Ни для того, ни для другого я, по крайней мѣрѣ, абсолютно не считаю себя пригоднымъ. Наша обязанность сказать Государю, что для спасенія государства отъ величайшихъ бѣдствій надо вступить на путь направо или налѣво. Внутреннее положеніе страны не допускаетъ сидѣнія между двухъ стульевъ». *С. Д. Сазоновъ:* «Безусловно согласенъ съ княземъ Щербатовымъ. Какъ Министръ Иностранныхъ Дѣлъ я долженъ предупредить Государя Императора, что я не въ состояніи вести внѣшнюю политику и сохранять цѣлость союза при внутренней неразберихѣ. Я обязанъ сказать, что союзъ этотъ для насъ драгоцѣненъ, ибо безъ него мы быстро погибнемъ и уже давно погибли бы. Я долженъ скзать, что надо для этого открыто вступить не путь той или иной политики и неуклонно по нему слѣдовать». *И. Л. Горемыкинъ:* «Скажите также Его Величеству, что для этого

надо убрать Горемыкина. Я неоднократно просилъ Государя Императора перенести отвѣтственность съ моихъ старыхъ на болѣе молодыя плечи. Еще вчера я повторилъ Государю, что поклонюсь низко тому, кто замѣнитъ меня на трудномъ посту. Но при нынѣшнемъ положеніи я самъ прошенія объ отставкѣ не подамъ и буду стоять около Царя, пока онъ самъ не признаетъ нужнымъ меня уволить». *С. Д. Сазоновъ:* «Вопросъ не въ рыцарствѣ, а въ сохраненіи своей нравственной личности передъ всею Россіей. Когда родина въ опасности, рыцарское отношеніе къ Монарху красиво, но и вредно для неизмѣримо болѣе широкихъ интересовъ. Мы не демонстрацію собираемся дѣлать Царю, а своимъ единодушнымъ заявленіемъ предостеречь его отъ фатальнаго шага. Мы говоримъ— интересы государства, самое его бытіе требуютъ перемѣны политики, которую должны проводить новые люди». *И. Л. Горемыкинъ:* «Я не препятствую Вашему отдѣльному выступленію. Доложите Его Величеству все, что Вамъ повелѣваетъ сознаніе и совѣсть. Въ моей совѣсти Государь Императоръ — Помазанникъ Божій, преемственный носитель верховной власти. Онъ олицетворяетъ собою Россію. Ему 47 лѣтъ, онъ царствуетъ и распоряжается судьбами русскаго народа не со вчерашняго дня. Когда воля такого человѣка проявилась и путь дѣйствій безповоротно принятъ, вѣрноподданные должны подчиняться, какія бы ни были послѣдствія. А тамъ дальше воля Божья. Такъ я думаю и въ такомъ сознаніи умру». *Кн. Н. Б. Щербатовъ:* «Ни одинъ военноначальникъ, ни одинъ командиръ корабля не пустятъ Императора въ завѣдомую опасность». *И. Л. Горемыкинъ:* «А если онъ, Верховный Вождь, прикажетъ?» *А. А. Поливановъ:* Капитанъ корабля все-таки не пуститъ, хотя бы пришлось примѣнить силу. Это предусмотрѣно закономъ. Извѣстенъ случай съ Императоромъ Николаемъ І-ымъ. Онъ подчинился, не смотря на свое умѣніе повелѣвать». *С. Д. Сазоновъ:* «Къ сожалѣнію, мы не имѣемъ ни полномочій, ни возможностей капитана корабля. Намъ остается только одно — твердо и опредѣленно заявить Его Императорскому Величеству: Вы себя и Россію ведете на гибель; намъ наша совѣсть, нашъ патріотическій долгъ не позволяютъ Вамъ помочь; подыщите себѣ другихъ сотрудниковъ, которые могутъ быть Вамъ болѣе полезны въ новой обстановкѣ». *А. А. Поливановъ:* «Завтра Государь Императоръ будетъ открывать и напутствовать Особое Совѣщаніе по оборонѣ. Всѣ ждутъ успокаивающаго слова. Всѣ сознаютъ, что залогъ успѣха надъ врагомъ и самая возможность побѣды лежатъ въ единеніи всѣхъ силъ страны, въ самоотверженной работѣ общественныхъ организацій и рабочихъ. Но какъ же достигнуть такого единенія, порыва, когда оромное большинство не сочувствуетъ ни перемѣнѣ командованія, ни направленію внутренней политики, ни призванному проводить эту политику правительству. Какъ люди будутъ работать, когда у нихъ нѣтъ вѣры и довѣрія къ руководителямъ. Надо попытаться еще разъ объяснить это Царю, убѣдить его, что спасти положеніе можетъ только примирительная къ обществу политика. Теперешнія шаткія плотины не способны предупредить катастрофу». *И. К. Григоровичъ:* «Не секретъ, что и армія намъ не довѣряетъ и ждетъ перемѣнъ». *Гр. П. Н. Игнатьевъ:* «Да и армія перестала быть арміей, а превратилась въ вооруженный народъ». *И. Л. Горемыкинъ:* «Сущность нашей бесѣды сводится къ тому, что моя точка зрѣнія архаическая и вредная для дѣла. Сдѣлайте величайшее одолженіе — убѣдите Его Императорское Величество, чтобы меня убрать. Но отъ своего пониманія долга служенія своему Царю - Помазаннику Божьему я отступить не могу. Поздно мнѣ на порогѣ могилы мѣнять свои убѣжденія». *А. Д. Самаринъ:* «Несомнѣнно, у насъ съ Вами коренное расхожденіе взглядовъ. Вы видите въ общемъ голосѣ страны одно желаніе создать оппозицію Государю Императору ради политическихъ достиженій, а мы считаемъ, что въ этомъ голосѣ проявляется здоровое, правильное чувство, навѣянное тревогою за родину, а не сторонними стремленіями. Мы вѣримъ этому чувству въ существѣ и находимъ справедливымъ, что правительство не можетъ быть полезнымъ своему Государю и родинѣ безъ довѣрія благоразумной массы общества». *Кн. Н. Б. Щербатовъ:* «И Сама-

ринъ, и я — бывшіе губернскіе предводители дворянства. До сихъ поръ никто не считалъ насъ лѣвыми и мы сами себя таковыми не считаемъ. Но мы оба никакъ нъ можемъ понять такого положенія въ государствѣ, чтобы Монархъ и его правительство находились въ радикальномъ разнорѣчіи со всею благоразумною (о революціонныхъ интригахъ говорить не стоитъ) общественностью — съ дворянами, купцами, городами, земствами и даже арміею. Если съ нашимъ мнѣніемъ не желаютъ наверху считаться, то нашъ долгъ уйти». *И. Л. Горемыкинъ:* «Когда Его Императорское Величество въ опасности, откуда бы она ни произошла, я не считаю себя нравственно въ правѣ заявлять ему — я не могу больше служить Государю. Полъ вѣка я такъ привыкъ понимать свой долгъ служенія Монарху и отъ этого правила не отступлю до конца». *Кн. Н. Б. Щербатовъ:* «А я не понимаю, какъ можно нести службу, если мои взгляды не отвѣчаютъ взглядамъ того, кто является источникомъ данной мнѣ власти. Какъ я могу обращать эту власть противъ тѣхъ, съ которыми я думаю одинаково». *С. Д. Сазоновъ:* «Государь Императоръ не Господь Богъ. Онъ можетъ ошибаться». *И. Л. Горемыкинъ:* «Хотя бы Царь и ошибался, но покидать его въ грозную минуту, усугублять тяжелое положеніе Престола я не могу». *Кн. Н. Б. Щербатовъ:* «Страна не вѣритъ, что Совѣтъ Министровъ, ближайшіе слуги Царя не въ силахъ противодѣйствовать пагубному шагу. Мы умоляли устно, попробуемъ въ послѣдній разъ умолять письменно. Будущій историкъ сниметъ съ насъ тѣ обвиненія, которыя сейчасъ сыпятся на насъ со всѣхъ сторонъ. А можетъ быть письменное изложеніе произведетъ на Государя большое впечатлѣніе, заставитъ его задуматься въ послѣднюю минуту». *И. Л. Горемыкинъ:* «Я не препятствую любой формѣ Вашего обращенія къ Государю. Но къ чему приведетъ Вашъ письменный докладъ? Государь не измѣнитъ своего рѣшенія и не согласится на отставку почти всего Совѣта Министровъ, повелитъ остаться всѣмъ на своихъ постахъ. Что же дальше?» *С. Д. Сазоновъ:* «А дальше то, что я буду неустанно повторять Царю—не могу управлять внѣшней политикой подъ угрозой внутренней революціи. Мы все-таки живемъ въ такое время, что если не съ мнѣніями, то съ людьми не могутъ не считаться, особенно когда эти люди министры и говорятъ о невозможности продолжать службу». *И. Л. Горемыкинъ:* «Моя совѣсть не допускаетъ такого образа дѣйствій. Не могу требовать увольненія въ минуту, когда всѣ должны сплотиться вокругъ Престола и защищать Государя отъ грозящей опасности. Добейтесь моей отставки и я скажу Вамъ глубокое спасибо. Какъ бы ни были слабы мои силы, я смогу служить своему Царю и частнымъ человѣкомъ». *А. Д. Самаринъ:* «Я тоже люблю своего Царя, глубоко преданъ Монархіи и доказалъ это всей своею дѣятельностью. Но если Царь идетъ во вредъ Россіи, то я не могу за нимъ покорно слѣдовать». *И. Л. Горемыкинъ:* «Въ переживаемое нами время требованіе отставки и неподчиненіе волѣ Царя я считаю актомъ непатріотичнымъ. Онъ будетъ на пользу не Россіи, а противникамъ Престола. Можетъ быть мой взглядъ архаиченъ, но измѣнить его я не могу и не нахожу нужнымъ. Замѣчу еще, что весь этотъ вопросъ о командованіи и какомъ то особенномъ правительствѣ раздутъ намѣренно. По моему убѣжденію, сейчасъ отказъ Государя отъ своего рѣшенія и оставленіе Великаго Князя въ Ставкѣ было бы гораздо болѣе чревато послѣдствіями, чѣмъ вступленіе Его Величества въ личное командованіе войсками». *А. Д. Самаринъ:* «Вотъ эта точка зрѣнія вчера, къ сожалѣнію, сквозила въ Вашихъ рѣчахъ передъ Его Величествомъ. Вы затронули болѣзненную струну въ отношеніи Государя къ Великому Князю — чувство соревнованія. Возможно, что Ваши слова и вызвали рѣзкое заявленіе, что онъ на дняхъ ѣдетъ въ Ставку». *С. Д. Сазоновъ:* «Я наблюдалъ за Государемъ и ясно видѣлъ по лицу, какъ онъ возбудился Вашими словами о тріумфѣ возвращающемуся къ верховному командованію Великому Князю и о томъ, что всѣ стоящіе за Великаго Князя тѣмъ самымъ становятся въ оппозицію Царю. Худшей услуги борьбѣ съ пагубнымъ рѣшеніемъ Государя Вы не могли оказать». *И. Л. Горемыкинъ:* «Доложите Его Величеству о моей непригодности и непониманіи государствен-

ныхъ интересовъ». *Кн. Н. Б. Щербатовъ:* «Мы идемъ дальше. Мы всѣхъ себя считаемъ непригодными, разъ цѣлыхъ три недѣли не можемъ сломить упорства Царя». *П. А. Харитоновъ:* «Для большинства Членовъ Совѣта Министровъ вопросъ стоитъ ясно: если воля Царя не отражается вредомъ для Россіи, то ей надо подчиняться; но если эта воля грозитъ Россіи тяжкими потрясеніями и бѣдствіями, то надо отказаться отъ ея исполненія и уйти. Мы служимъ не только Царю, но и Россіи». *И. Л. Горемыкинъ:* «Въ моемъ представленіи эти понятія нераздѣлимы. Здѣсь корень нашего разномыслія». *П. А. Харитоновъ:* Да, это корень. Въ отличіе отъ Вашего мнѣнія, мы полагаемъ, что подчиненіе должно быть не съ закрытыми глазами, что нельзя принимать участіе въ томъ, гдѣ мы видимъ начало гибели нашей родины». *С. Д. Сазоновъ:* «Я добавлю, что мы всѣмъ можемъ жертвовать Царю, но только не совѣстью». *А. Д. Самаринъ:* «Русскому Царю нужна служба сознательныхъ людей, а не рабское исполненіе приказаній. Царь можетъ насъ казнить, но сказать ему правду мы обязаны. Мы никогда не простили бы себѣ молчанія въ минуты, когда на карту ставятся судьбы нашей родины». *И. Л. Горемыкинъ:* «Наша бесѣда принимаетъ безысходный характеръ. Прошу моихъ словъ не переиначивать. Я не говорилъ о рабскомъ подчиненіи. Мое мнѣніе сводится къ тому, что воля Царя есть воля Россіи, что Царь и Россія нераздѣлимы, что этой волѣ мы обязаны подчинятьсяи и что русскому человѣку нельзя бросать своего Царя на перепутьи, какъ бы лично ни было трудно». *С. Д. Сазоновъ:* «Если развивать дальше Вашу мысль, то неизбѣжно заключеніе, что слова Царя столь же священны, какъ слова Евангелія. Не забывайте, что популярность Царя и его авторитетъ въ глазахъ народныхъ массъ значительно поколеблены. Трудно при современныхъ настроеніяхъ доказать совпаденіе воли Россіи и Царя. Видно какъ разъ обратное явленіе». *И. Л. Горемыкинъ:* «Въ моемъ пониманіи существа русской монархіи, воля Царя должна исполняться, какъ завѣты Евангелія». *С. Д. Сазоновъ:* «Тогда остается только одно — топиться. Я не хочу и не считаю нужнымъ этого. Свой долгъ я вижу не въ преклоненіи, а въ томъ, чтобы предостеречь Царя и удержать его на гибельномъ для моей родины пути. Заявленія отъ имени Совѣта Министровъ будутъ звучать гораздо авторитетнѣе. Поэтому я предпочитаю выступить не отдѣльно, а въ сотрудничествѣ съ единомышленниками». *А. А. Хвостовъ:* «Я все время бесѣды воздерживался отъ участія въ спорѣ о существѣ и объемѣ власти Монарха. Для меня этотъ вопросъ разрѣшенъ съ момента присяги. Предъявленіе Царю требованій объ отставкѣ я считаю для себя абсолютно недопустимымъ. Поэтому ни журнала, ни доклада, ни иной деклараціи я не подпишу. Возобновленіе разговора о правительствѣ преждевременно. Государь еще не сказалъ своего окончательнаго рѣшенія по этому вопросу. Онъ отложилъ его впредь до представленія нами программы политики. Наша обязанность немедленно эту программу выработать, дабы покончить съ неопредѣленностью положенія, которое только рождаетъ споры». *А. Д. Самаринъ:* «Въ нашей сегодняшней бесѣдѣ главныя линіи этой политики намѣчаются вполнѣ опредѣленно во мнѣніи большинства Членовъ Совѣта Министровъ. Мы считаемъ необходимымъ прислушаться къ единодушному голосу страны и избрать изъ общественныхъ пожеланій то, что пріемлемо въ существѣ и не нарушаетъ основъ бытія государства. Мы считаемъ, что передъ лицомъ грозящей родинѣ смертельной опасности нѣтъ ни лѣвыхъ, ни правыхъ, ни безразличныхъ и что всѣ объединены въ единомъ стремленіи спасти Россію отъ гибели. Отдѣльные интриганы и политиканствующіе кружки тонутъ въ общемъ патріотическомъ порывѣ. Мы считаемъ, что на этотъ порывъ надо отвѣтить не установленіемъ диктатуры, а благожелательствомъ». *А. А. Хвостовъ:* «Въ правильности такого анализа и заключеній я сомнѣваюсь. Конечно, нельзя отрицать наличія патріотическаго движенія и безкорыстной тревоги за Россію. Но, какъ всегда въ эпохи общественнаго подъема, къ этому движенію примазываются всякія темныя личности и пользуются моментомъ, чтобы ловить рыбку въ взбаломученной водѣ. Наиболѣе громко кричащіе прикрываются красивымъ плащемъ патріо-

тизма для достиженія своихъ партійныхъ стремленій, для ослабленія противящихся государственному перевороту во время войны силъ. Не знаю, извѣстенъ ли Совѣту Министровъ тотъ характерный фактъ, что наиболѣе рьяные патріоты и приверженцы общественныхъ домогательствъ обращались за активною поддержкою къ московскимъ рабочимъ, но потерпѣли неудачу, получивъ отвѣтъ, что заводы будутъ работать до достиженія окончательной побѣды. Подобныя обращенія являются актомъ не патріотическимъ, а уголовно наказуемымъ. Въ Петроградѣ положеніе среди рабочихъ гораздо хуже и здѣсь происки могутъ имѣть успѣхъ въ видѣ вооруженнаго выступленія, которое подготовляется, но еще, слава Богу, не созрѣло. Сомнѣваюсь я и по существу. По моему, политика уступокъ вообще неправильна, а въ военное время недопустима. Предъявляются требованія объ измѣненіи государственнаго строя не потому, что это измѣненіе необходимо для организаціи побѣды, а потому, что военныя неудачи ослабили положеніе власти и на нее можно дѣйствовать натискомъ, съ ножемъ къ горлу. Сегодня будутъ удовлетворены одни требованія, завтра заявятъ новыя, еще дальше идущія. Политика уступокъ нигдѣ въ мірѣ не приводила къ хорошему, а всегда влекла страну по наклонной плоскости. Если я вчера не высказалъ всѣхъ своихъ сомнѣній на засѣданіи передъ Государемъ, то лишь потому, что не считалъ себя правственно въ правѣ подрывать довѣріе къ заключеніямъ большинства своихъ сочленовъ по кабинету. Мои сомнѣнія идутъ въ согласность съ точкой зрѣнія Его Величества и моя искра могла бы зажечь пожаръ. Но въ нашемъ сегодняшнемъ собраніи я не считаю нужнымъ скрывать свои сомнѣнія». *А. Д. Самаринъ:* «Мы слышимъ только о Вашихъ сомнѣніяхъ, но прямого мнѣнія Вы, повидимому, еще не имѣете». *А. А. Хвостовъ:* «Я ищу выхода и сомнѣваюсь искренне, а потому и не могу присоединиться къ категорическимъ утвержденіямъ прочихъ Членовъ Совѣта Министровъ. Призывы, исходящіе отъ Гучкова, лѣвыхъ партій Государственной Думы, отъ коноваловскаго съѣзда и отъ руководимыхъ участниками этого съѣзда общественныхъ организацій, явно разсчитаны на государственный переворотъ. Въ условіяхъ войны такой переворотъ неизбѣжно повлечетъ за собою полное разстройство государственнаго управленія и гибель отечества. Поэтому я буду бороться противъ нихъ до послѣдняго издыханія. Пусть меня судитъ Царь, но моя совѣсть говорить мнѣ такъ». *С. Д. Сазоновъ:* «Вы откровенно говорите, что не вѣрите не только всему русскому обществу, но и волею Монарха призванной Государственной Думѣ. А Государственная Дума отвѣчаетъ, что она съ своей стороны не вѣритъ намъ. Какъ въ такихъ условіяхъ можетъ дѣйствовать государственный механизмъ. Такое положеніе невыносимо. Мы и считаемъ, что выходъ изъ него въ примиреніи, въ созданіи такого кабинета, въ которомъ не было бы лицъ, завѣдомо не довѣряющихъ законодательнымъ учрежденіямъ, и составъ котораго былъ бы способенъ бороться съ пагубными для Россіи теченіями не только снизу, но и свыше». *И. Л. Горемыкинъ:* «Въ десятый разъ повторяю — умолите Государя меня прогнать. Но, повѣрьте мнѣ, уступками Вы ничего не предупредите и ничего не достигнете. Совершенно очевидно, что всѣ партіи переворота пользуются военными неудачами для усиленія натиска на власть и для ограниченія Монаршей власти». *А. А. Хвостовъ:* «Что Вы ни давайте, все равно г. г. Чхеидзе и Керенскіе будутъ недовольны и не перестанутъ возбуждать общественное раздраженіе разными посулами». *С. Д. Сазоновъ:* «Какое намъ дѣло до желаній и понятій всѣхъ этихъ ничтожныхъ Керенскихъ, Чхеидзе и другихъ революціонеровъ. Не о нихъ мы заботимся, а о Россіи, которую толкаютъ въ объятія этихъ господъ».

На этомъ моя запись прерывается. Видно не хватило силъ, такъ какъ почеркъ послѣднихъ строкъ все болѣе неровный и трудно разбираемый*). Въ кон-

---

*) Всеподданнѣйшее письмо было послано за подписью всѣхъ Членовъ Совѣта, кромѣ А. А. Хвостова и, если не ошибаюсь, кн. В. Н. Шаховского; Воен-

цѣ вернулись къ Московской телеграммѣ и поручили А. Д. Самарину составить проектъ отвѣта. Набросанный имъ тутъ же, во время дальнѣйшей бесѣды, проектъ былъ одобренъ Совѣтомъ Министровъ и затѣмъ подписанъ Государемъ Императоромъ. Редакція его сохранилась у меня въ вырѣзкѣ изъ «Правительственнаго Вѣстника», въ которомъ напечатано слѣдующее: «На телеграмму московскаго городского головы съ извѣстными постановленіями думы городской голова имѣлъ счастіе получить отъ Государя Императора слѣдующій отвѣтъ — «Сердечно благодарю Московскую городскую думу за единодушно выраженныя мнѣ вѣрноподданическія чувства. Особенно цѣню ихъ въ настоящіе трудные для нашей родины дни. Вѣрю въ ихъ искренность и вполнѣ раздѣляю мысль, что теперь, когда всѣ силы должны быть направлены къ одной цѣли — одолѣнію врага, особенно необходимо единеніе Царя и Его Правительства съ народомъ».

ный и Морской Министры, хотя и не расписались въ виду того, что ихъ положеніе воинскихъ чиновъ не позволяло имъ участвовать въ коллективныхъ выступленіяхъ, довели до свѣдѣнія Его Величества о полномъ своемъ согласіи съ изложенными въ письмѣ соображеніями. Документъ этотъ не былъ предъявленъ И. Л. Горемыкину и помимо него врученъ Государю. Мнѣ лично не пришлось видѣть письма или его копіи и содержаніе его мнѣ неизвѣстно.

Примѣчаніе редакціи:

Текстъ коллективнаго письма министровъ.

«Всемилостивѣйшій Государь.

Не поставьте намъ въ вину наше смѣлое и откровенное обращеніе къ Вамъ. Поступить такъ насъ обязываетъ вѣрноподданническій долгъ, любовь къ Вамъ и Родинѣ и тревожное сознаніе грознаго значенія совершающихся нынѣ событій.

Вчера, въ засѣданіи Совѣта Министровъ, подъ Вашимъ личнымъ предсѣдательствомъ, мы повергли передъ Вами единодушную просьбу о томъ, чтобы Великій Князь Николай Николаевичъ не былъ отстраненъ отъ участія въ Верховномъ командованіи арміей. Но мы опасаемся, что Вашему Императорскому Величеству не угодно было склониться на мольбу нашу и, смѣемъ думать, всей вѣрной Вамъ Россіи.

Государь, еще разъ осмѣливаемся Вамъ высказать, что принятіе Вами такого рѣшенія грозитъ, по нашему крайнему разумѣнію, Россіи, Вамъ и династіи Вашей тяжелыми послѣдствіями.

На томъ же засѣданіи воочію сказалось коренное разномысліе между Предсѣдателемъ Совѣта Министровъ и нами въ оцѣнкѣ происходящихъ внутри страны событій и въ установленіи образа дѣйствій правительства. Такое положеніе, во всякое время недопустимое, въ настоящіе дни гибельно.

Находясь въ такихъ условіяхъ, мы теряемъ вѣру въ возможность съ сознаніемъ пользы служить Вамъ и Родинѣ.

Вашего Императорскаго Величества вѣрноподданные:

Петръ Харитоновъ — *Князь Н. Щербатовъ*
Александръ Кривошеинъ — *Александръ Самаринъ*
Сергѣй Сазоновъ — *Графъ Павелъ Игнатьевъ*
Петръ Баркъ — *Князь Всеволодъ Шаховской.*

21 августа 1915 г.»

Передъ закрытіемъ засѣданія, конецъ котораго былъ посвященъ разсмотрѣнію текущихъ вопросовъ, нынѣ утратившихъ общій интересъ, И. Л. Горемыкинъ предупредилъ, что въ ближайшіе дни образующимся среди Членовъ Государственнаго Совѣта и Государственной Думы блокомъ будетъ сообщена Совѣту Министровъ и, согласно Высочайшему повелѣнію, подлежитъ обсужденію программа этого объединенія.

Въ засѣданіи 21 августа, кромѣ С. В. Рухлова, не присутствовалъ А. В. Кривошеинъ.

ЗАСѢДАНІЕ 24 АВГУСТА 1915 ГОДА.

А. А. Поливановъ: «Мною получено изъ Ставки Сообщеніе, что Главнокомандующій южнымъ фронтомъ настаиваетъ на осуществленіи эвакуаціи Кіева. Мотивъ тотъ, что его арміи слишкомъ малочисленны для противодѣйствія непріятелю съ его огромнымъ преимуществомъ въ артиллеріи и снабженіи и съ подъемомъ духа на почвѣ повсемѣстныхъ успѣховъ. Кромѣ того, генералъ-адъютантъ Ивановъ находитъ, что для подготовки дальнѣйшей борьбы необходимо расширить тылъ, освободивъ его отъ лишнихъ элементовъ. Всѣ эти соображенія поддерживаются Ставкою». *Кн. Н. Б. Щербатовъ:* «Т. е. отъ насъ требуютъ новаго переселенія народовъ. Всѣ притыловыя мѣстности переполнены бѣженцами. Псковъ, Смоленскъ, Минскъ, Черниговъ, Полтава, не говоря уже объ уѣздныхъ городахъ и мѣстечкахъ, все это забито до чрезвычайности. Значитъ, для удобства отступающихъ передъ воодушевленнымъ непріятелемъ генераловъ, надо всю эту людскую волну, всю эту голодную и озлобленную саранчу, все-таки кое какъ уже успѣвшую осѣсть, срывать съ мѣста и гнать во внутреннія губерніи. Вотъ тутъ и извольте быть Министромъ Внутреннихъ Дѣлъ, поддерживать порядокъ и общественное спокойствіе. Государь на фронтѣ и первое послѣдствіе — оставленіе Матери русскихъ городовъ. Хорошее это произведетъ впечатлѣніе. Я категорически протестую противъ осуществленія плановъ генерала Иванова. Лучше погибнуть въ послѣднемъ бою, чѣмъ самимъ подписывать смертный приговоръ Россіи». *А. А. Поливановъ:* «По существу вполнѣ согласенъ съ княземъ Щербатовымъ. Но, возвращаясь къ Кіеву, долженъ сказать, что я весьма опасался бы оставлять этотъ вопросъ всецѣло въ рукахъ тыла арміи. Надо создать спеціальную компетентную и авторитетную коллегію, которой и поручить все дѣло подготовки Кіевской эвакуаціи. Въ ней главная роль должна принадлежать представителямъ вѣдомствъ». *А. В. Кривошеинъ:* «Какъ всегда при столкновеніи съ идущими съ фронта проектами, испытываю и въ данномъ случаѣ величайшее смущеніе. То одинъ генералъ придумаетъ, то другой, то третій, но общей идеи не видно. Не планомѣрная работа передъ лицомъ надвигающагося врага, а какое то случайное приспособленіе къ обстоятельствамъ. Мы дѣйствуемъ не какъ испытанные несчастьями люди, а вслѣпую. Страшно за отечество. Надо же, наконецъ, рѣшить планъ веденія войны, выработанный при участіи и совокупными силами военноначальниковъ. Надо умолить Его Императорское Величество пойти на эту элементарную мѣру, на созывъ военнаго совѣта, о которомъ въ теченіе 13 мѣсяцевъ не подумали или не желали подумать. Неужели же въ Ставкѣ и сейчасъ объ этомъ не думаютъ. Историкъ не повѣритъ, что Россія вела войну вслѣпую и пришла поэтому къ краю гибели, — что милліоны людей безсознательно приносились въ жертву самомнѣнію однихъ, преступности другихъ. То, что происходитъ въ Ставкѣ, сплошной позоръ и ужасъ». *А. А. Поливановъ:* «Я съ 11 іюля неустанно твержу Государю Императору о необходимости безотлагательнаго созыва военнаго совѣта. Вы знаете, какой на сіе послѣдовалъ отвѣтъ. Наканунѣ отъѣзда Его Величества я снова докладывалъ объ этомъ, подчеркивая необходимость выяснить организацію тыла, ибо, повидимому, нашимъ штабамъ становится тѣсно въ Россіи. Государь обѣщалъ подумать о военномъ совѣтѣ послѣ ближайшаго ознакомленія съ положе-

ніемъ дѣлъ на мѣстѣ. Надо просить Его Величество ускорить этотъ вопросъ въ виду новыхъ эвакуаціонныхъ требованій съ фронта. Не могу понять, почему такая элементарная вещь, какъ военный совѣтъ, вызываетъ столько замедленій и волокиты». *П. А. Харитоновъ:* «Хорошо было бы Государю лично посмотрѣть, что творится съ эвакуаціей. Одно сплошное безобразіе, ничѣмъ не оправдываемое. Урегулировать дѣло не трудно, если изъ рукъ скоропалительныхъ прапорщиковъ передать руководство имъ въ руки опытныхъ администраторовъ. По контрольному вѣдомству ко мнѣ со всѣхъ сторонъ идутъ вопли, что людей напрасно разоряютъ, что при нѣкоторой системѣ можно устранить массу ненужныхъ осложненій. Думаю, что то же самое говорятъ и по другимъ вѣдомствамъ. Изъ правительственныхъ чиновниковъ создаются кадры оппозиціи. Да и какъ оставаться спокойнымъ и законопослушнымъ, когда видишь, какъ безцѣльно разоряется твое имущество, когда изъ за глупости, а во многихъ случаяхъ и преступности, безчисленныхъ героевъ тыла плодится паника и ею создаются ничѣмъ не оправдываемыя страданія для людей». *А. В. Кривошеинъ:* «Государственный Контролеръ абсолютно правъ. Г. г. прапорщики роютъ могилу русской государственности и родятъ повсюду враговъ. Паника разводится не только въ Кіевѣ, но и въ Одессѣ. Тамъ происходятъ, какъ мнѣ разсказывали, неописуемыя сцены безтолковщины. Военнымъ легко — у нихъ стоятъ готовыми спеціальные поѣзда со всѣмъ ихъ скарбомъ, до канареекъ включительно. А каково гражданскимъ чинамъ и простому обывателю. Дѣйствительно на стѣну полѣзешь. Защитники со всѣми удобствами заблаговременно удираютъ передъ воображаемою опасностью, а мирныхъ людей бросаютъ на произволъ судьбы, на полное разореніе. Нашъ долгъ неустанно повторять Его Императорскому Величеству о необходимости созыва объединеннаго совѣта въ составѣ высшаго правительства и военноначальниковъ. Задача совѣта — выработка плана дальнѣйшаго веденія войны и установленіе строгаго порядка выполненія эвакуаціи. Пусть Ставка заблаговременно опредѣлитъ подлежащіе очищенію районы, а самое очищеніе должно осуществляться компетентными и отвѣтственными органами. Иначе мы никогда не выйдемъ изъ тупика». *П. А. Харитоновъ:* «Надо разъяснить Государю, что нельзя допускать безсмысленнаго разоренія людей». *А. В. Кривошеинъ:* «Согласенъ разориться на леченіе, если осудятъ компетентные доктора на консиліумѣ, но не согласенъ подчиняться приговору фельдшеровъ. Пусть знающіе и авторитетные вожди скажутъ, что Одессу надо бросить на произволъ судьбы для спасенія дѣла войны. Но когда это говорятъ спеціализировавшіеся на эвакуаціонныхъ маневрахъ спасатели отчества, то я буду кричать и возмущаться». *А. А. Поливановъ:* «По свѣдѣніямъ Ставки, непріятель собирается сдѣлать натискъ на Одессу черезъ Балту въ цѣляхъ угрозы Румыніи». *А. В. Кривошеинъ:* «И въ такую минуту движимый религіознымъ чувствомъ Государь Императоръ, на перекоръ страстнымъ моленіямъ почти всей Россіи, беретъ на себя верховное командованіе! Какой ужасъ! Какое ослѣпленіе!» *А. А. Нератовъ:* (замѣститель Министра Иностранныхъ Дѣлъ): «Любопытно, откуда у центральныхъ державъ столько войска». *А. А. Поливановъ:* «Дѣло не въ количествѣ войскъ, а въ умѣломъ ими руководительствѣ и въ военномъ искусствѣ. Относительно Кіева, значитъ, Совѣтъ Министровъ будетъ всеподданнѣйше молить сначала собрать военный совѣтъ и въ зависимости отъ рѣшенія выяснится вопросъ, есть ли необходимость бросать этотъ центръ». *А. В. Кривошеинъ:* «Я просилъ бы избрать болѣе отвѣчающую важности случая форму обращенія. Надо не молить, а вѣрноподданнически настаивать. Нельзя оставлять дѣло эвакуаціи въ зависимости отъ случайностей мѣстныхъ фронтовъ. Надо намѣтить линію и идти по общему плану, утвержденному послѣ совѣщанія съ отвѣтственными людьми. Невозможно же, господа, поднимать всю Россію и двигать ее по неизвѣстному назначенію и по никому неизвѣстнымъ соображеніямъ. Если такъ будетъ продолжаться, скоро только одна Сибирь для водворенія необлеченныхъ въ военный мундиръ россіянъ останется. Мы въ правѣ сказать нашему Государю, что Рос-

сія тысячу лѣтъ созидалась и строилась, а ее въ одинъ мигъ съ лица земли стираютъ разные храбрые воители, по невѣдомому приказанію дѣйствующіе. Безуміе». Въ итогѣ преній рѣшено послать Его Императорскому Величеству телеграмму слѣдующаго, тутъ же намѣченнаго, содержанія: эвакуація Кіева въ виду его огромнаго экономическаго и государственнаго значенія можетъ быть допущена только при крайней необходимости и не по приказу мѣстной военной власти въ лицѣ генерала Иванова, а согласно общему плану кампаніи, долженствующему быть выработаннымъ на военномъ совѣтѣ; самая эвакуація подлежащихъ очищенію мѣстностей должна производиться распоряженіемъ компетентной власти при участіи военныхъ представителей въ качествѣ лишь экспертовъ по военнымъ вопросамъ.

Гр. П. Н. Игнатьевъ: «Въ связи съ принятымъ рѣшеніемъ, какъ должно реагировать Министерство Народнаго Просвѣщенія на требованіе генерала Маврина о закрытіи всѣхъ Кіевскихъ учебныхъ заведеній и о вывозѣ ихъ до 10 Сентября». *А. Д. Самаринъ:* «Этотъ вопросъ относится и къ духовному вѣдомству. Митрополитъ Кіевскій пишетъ мнѣ, что отъ него требуютъ убрать всѣ духовныя училища до 15 Сентября». *П. А. Харитоновъ:* «Закрытіе школъ только способствуетъ паникѣ въ городѣ». *И. Л. Горемыкинъ:* «Никакого проку отъ занятій все равно не будетъ, когда вся жизнь взбудоражена. Полезнѣе убрать молодежь подальше отъ тыловой жизни». *А. Д. Самаринъ:* «Я считалъ бы наиболѣе правильнымъ закрыть школы, никуда не вывозя ихъ имущества. Не станутъ же нѣмцы истреблять ненужные имъ учебники и классныя приспособленія. Родителямъ же можно предложить озаботиться, если они пожелаютъ, вывозомъ своихъ дѣтей во внутреннія губерніи, гдѣ надо имъ обезпечить возможность продолжать образованіе». *А. В. Кривошеинъ:* «И притомъ прекратить всѣ отсрочки по воинской повинности для учащихся. Я совершенно примыкаю къ мнѣнію нашего Предсѣдателя, что отъ ученія въ современной обстановкѣ трудно ждать проку. Сейчасъ всѣмъ надо на фронтъ идти защищать родину. Это важнѣе всякихъ грамматикъ». *А. А. Поливановъ:* «Привѣтствую мысль А. В. Кривошеина о прекращеніи отсрочекъ. Арміи необходимъ приливъ культурныхъ силъ для ускоренной подготовки офицеровъ. Наши потери въ офицерскомъ составѣ колоссальны и ихъ надо во что бы то ни стало пополнить». Рѣшено возникшій вопросъ подвергнуть срочной разработкѣ при участіи заинтересованныхъ вѣдомствъ.

Кн. Н. Б. Щербатовъ: «Въ возглавляемомъ Гучковымъ Центральномъ военно-промышленномъ комитетѣ постановлено прибѣгнуть къ выборамъ въ заводскихъ районахъ для избранія представителей въ рабочую секцію. Съ формальной стороны это постановленіе основано на чрезмѣрно распространительномъ толкованіи положенія о комитетѣ. По существу же бороться противъ него при современныхъ настроеніяхъ весьма трудно. Все это дѣло ведется подъ патріотическимъ флагомъ и во имя интересовъ обороны. Какъ тутъ прикажете реагировать, да репрессивныя мѣры принимать» *Кн. В. Н. Шаховской:* «Опасаюсь, что рабочіе вожаки используютъ случай для развитія агитаціи подъ предлогомъ выборовъ. Ихъ отношеніе къ Гучковскому комитету отрицательное, но отъ созданія въ немъ рабочей ячейки они не откажутся. Слишкомъ соблазнительно подъ видомъ легальности образовать центръ для организаціи рабочихъ. Надо бы раскрыть Гучкову глаза, куда влечетъ его комитетъ и созданіе въ немъ рабочей секціи». *А. А. Хвостовъ:* «Гучковъ намъ все равно не повѣритъ. Но оставлять эту затѣю безъ вниманія нельзя. Для рабочихъ она открываетъ возможность восполнить тотъ недостатокъ организаціи, которая была разстроена арестомъ лѣвыхъ Членовъ Государственной Думы». *А. А. Поливановъ:* «Но нельзя же отрицать, что безъ содѣйствія рабочихъ никакая мобилизація промышленности не осуществима. Разъ это такъ, то было бы неосторожно возбуждать

рабочихъ отказомъ участвовать въ руководящемъ органѣ». Поручено Министрамъ Внутреннихъ Дѣлъ и Торговли обслѣдовать вопросъ во всей совокупности и доложить Совѣту Министровъ.

А. В. Кривошеинъ: «Къ 1 сентября вѣдомства должны внести въ Государственную Думу смѣты. Если мы это сдѣлаемъ, то отпадетъ возможность прекращенія занятій Думы. Надо этотъ вопросъ рѣшить сейчасъ же. Что намъ выгоднѣе съ политической точки зрѣнія, немедленный роспускъ или новая оттяжка. Практически въ данное время при сложившихся взаимоотношеніяхъ съ правительствомъ проведеніе законопроектовъ черезъ Думу безнадежно. Статья же 87 не примѣнима и, слѣдовательно, все стоитъ, когда теперь каждая минута дорога. Такое положеніе недопустимо. Засѣданія безъ законодательныхъ матеріаловъ превращаютъ Государственную Думу въ митингъ по злободневнымъ вопросамъ, а ея кафедру — въ трибуну для противоправительственной пропаганды. Мнѣ многіе депутаты, даже изъ лѣвыхъ круговъ, говорятъ, что Дума начинаетъ безудержно катиться по наклонной плоскости». *И. Л. Горемыкинъ:* «У меня лежатъ подписанные Его Величествомъ указы о перерывѣ занятій законодательныхъ учрежденій и мнѣ предоставлено проставить день роспуска. Прошу Совѣтъ Министровъ высказаться по поводу возбужденнаго А. В. Кривошеинымъ вопроса». *А. А. Хвостовъ:* «Долженъ предупредить, что, какъ мнѣ говорилъ М. В. Родзянко, среди депутатовъ пользуется большимъ успѣхомъ проектъ предъявленія Министру Юстиціи, въ случаѣ преждевременнаго роспуска Думы, демонстративнаго запроса о Григоріѣ Распутинѣ и его незакономѣрности. Какъ этотъ запросъ будетъ мотивированъ, трудно предугадать, но замазать имъ рта мы не въ состояніи и скандалъ получится небывалый. По словамъ Родзянки, единственный путь, чтобы предотвратить подобное выступленіе, это — возбужденіе Министромъ Юстиціи судебнаго дѣла противъ Распутина и заточеніе его подъ стражу. Я обслѣдовалъ вопросъ съ этой стороны и убѣдился, что никакихъ матеріаловъ для вмѣшательства судебной власти не имѣется». *И. Л. Горемыкинъ:* «Я увѣренъ, что все это Родзянко сочинилъ, чтобы насъ запугать. Никогда въ Думѣ не рѣшатся поднять такой вопросъ, зная, противъ чего онъ направленъ и къ какимъ приведетъ послѣдствіямъ. Во всякомъ случаѣ правительству нечего считаться съ подобными угрозами». *А. В. Кривошеинъ:* «Совершенно вѣрно. Главный мотивъ въ данную минуту — отсутствіе у Думы законодательнаго матеріала и, въ связи съ этимъ мотивомъ — слѣдуетъ ли вносить смѣты, которыя явятся именно этимъ матеріаломъ и, слѣдовательно, будутъ формальнымъ поводомъ для возраженій противъ закрытія сессіи». *Кн. В. Н. Шаховской:* «Разъ Дума сдѣлала все, для чего ее звали, то я не понимаю, чего же ждать. Надо опубликовать указъ до установленнаго закономъ срока для внесенія смѣтъ». *Кн. Н. Б. Щербатовъ:* «Нѣтъ, не всѣ еще наши законопроекты кончены. Имѣется представленіе объ особомъ совѣщаніи по бѣженцамъ, для котораго необходима санкція Думы, такъ какъ иначе мы останемся безъ выборныхъ представителей отъ законодательныхъ учрежденій. Присутствіе такихъ представителей безусловно необходимо, чтобы снять съ одного правительства всю отвѣтственность за ужасы бѣженства и раздѣлить ее съ Государственною Думою». *А. В. Кривошеинъ:* «Я думаю, что по этому вопросу можно съ ними сговориться и они его пропустятъ безъ задержекъ. Слишкомъ очевидна необходимость особаго совѣщанія съ участіемъ общественныхъ представителей». *П. А. Харитоновъ:* «Дума отучила насъ отъ оптимизма. Ею руководятъ не общіе интересы, а партійныя соображенія. Если узнаютъ, что роспускъ откладывается изъ за бѣженцевъ, то законъ будетъ затягиваться до тѣхъ поръ, пока это будетъ нужно въ точки зрѣнія политическихъ расчетовъ». *И. Л. Горемыкинъ:* «Дѣло не въ отдѣльныхъ законопроектахъ, а въ опредѣленіи срока прекращенія сессіи въ зависимости отъ общегосударственныхъ соображеній. Весьма важно рѣшить, когда лучше опубликовать указъ — до принятія Его Величествомъ верховнаго ко-

мандованія*), или же послѣ. Я склоняюсь ко второй комбинаціи». *А. В. Кривошеинъ:* «Боюсь, что это можетъ затянуть. По моему, прерывъ сессіи долженъ послѣдовать во всякомъ случаѣ до 1 сентября, т. е. до представленія смѣтъ. О днѣ же надо сговориться съ президіумомъ. Вообще сейчасъ внутренняя и внѣшняя обстановка такова, что разставаніе съ Думою слѣдуетъ обставить по хорошему, благопристойно, предупредивъ заранѣе, а не потихоньку, какъ снѣгъ на голову». *И. Л. Горемыкинъ:* «Готовъ переговорить съ Родзянко и Куломзинымъ. указавъ въ качествѣ мотива исчерпаніе всего того, для чего состоялся экстренный созывъ законодательныхъ учрежденій». *П. А. Харитоновъ:* «Словомъ, разговоръ долженъ имѣть характеръ не объявленія о принятомъ рѣшеніи, а совѣщанія. Можно быть заранѣе увѣреннымъ, что Родзянко встанетъ на дыбы и будетъ утверждать, что спасеніе Россіи только въ Думѣ». *И. Л. Горемыкинъ:* «Я знаю, что въ нѣкоторыхъ думскихъ кругахъ выражаются опасенія, что народное движеніе можетъ оказаться сильнѣе Думы и что отсутствіе ея только ускоритъ взрывъ. Тамъ вообще болтаютъ много всякаго вздора». *А. А. Хвостовъ:* «Мнѣ думается, что съ роспускомъ вообще нельзя медлить. Правильно или нѣтъ, но съ перемѣною верховнаго командованія связываются ожиданія взрыва безпорядковъ. Если они дѣйствительно возникнутъ, то тогда трудно будетъ прибѣгать къ роспуску и правительство окажется связаннымъ и по рукамъ, и по ногамъ. Осторожнѣе поэтому, чтобы принятіе Государемъ Императоромъ командованія послѣдовало послѣ прекращенія сессіи законодательныхъ учрежденій». *А. А. Поливановъ:* Я считаю, что во всякомъ случаѣ срокъ роспуска долженъ быть установленъ въ порядкѣ предварительныхъ и, какъ сказалъ А. В. Кривошеинъ, благопристойныхъ переговоровъ. Вести ихъ надо не съ однимъ Родзянкой, но и съ благожелательными думцами». *И. Л. Горемыкинъ:* «Кто они, эти благожелатели?» *А. А. Поливановъ:* «Развѣ Г. Предсѣдатель Совѣта Министровъ ранѣе не интересовался этимъ вопросомъ и не принималъ мѣръ къ его выясненію». *Кн. Н. Б. Щербатовъ:* «Я также полагалъ бы привлечь къ переговорамъ нѣсколькихъ думцевъ помимо Родзянки. Онъ ни въ коемъ случаѣ не можетъ быть признанъ моральнымъ представителемъ Думы. Наиболѣе правильнымъ было бы привлечь весь составъ президіума». *А. В. Кривошеинъ:* «Кого ни привлекайте, отвѣтъ будетъ неизбѣжно отрицательный. Даже балашовцы не рѣшатся открыто сказать, что пора Думу распускать. Это вопросъ верховной власти. Переговоры же имѣютъ лишь дипломатическое значеніе». *И. Л. Горемыкинъ:* «Прошу Совѣтъ Министровъ высказаться о срокѣ роспуска. Что же касается предварительныхъ переговоровъ, нѣкоторую пользу которыхъ я не отрицаю, я буду вести ихъ съ тѣми, кого сочту нужнымъ привлечь». *Гр. П. Н. Игнатьевъ:* «Затруднительно высказываться, пока не выяснятся результаты переговоровъ, да и вообще вся внутренняя обстановка къ моменту роспуска. Не исключена, напримѣръ, возможность, что Дума откажется подчиниться и будетъ продолжать засѣдать». *И. Л. Горемыкинъ:* «Это будетъ прямымъ сопротивленіемъ верховной власти. Тогда и разговоръ будетъ другой. Тогда придется не переговоры вести, а дѣйствовать». *Кн. Н. Б. Щербатовъ:* «Врядъ ли на прямое неподчиненіе думцы рѣшатся. Все таки огромное большинство ихъ трусы и за свою шкуру дрожитъ. Но бурныя сцены, призывы, протесты и т. п. митинговыя выступленія несомнѣнны. Если Императорскій Яхтъ-Клубъ на Морской улицѣ революціоненъ и требуетъ перемѣнъ, то отъ Государственной Думы можно ждать чего угодно и какой угодно истерики». *А. В. Кривошеинъ:* «Вопросъ о перемѣнѣ командованія чрезвычайно усложняетъ вопросъ. Опасно соединять два повода къ безпорядкамъ — эту перемѣну и роспускъ Думы. Первое особенно рискованно.

---

*) Любопытно, что актъ о таковомъ принятіи уже былъ подписанъ и объявленъ въ Ставкѣ еще наканунѣ, т. е. 23 августа, о чемъ, однако, Ставка не сочла нужнымъ протелеграфировать для свѣдѣнія Совѣта Министровъ.

Надо бы обратить вниманіе Его Величества на это совпаденіе и просить его отсрочить принятіе командованія до тѣхъ поръ, пока не уляжется впечатлѣніе отъ прекращенія Думы. Объ этомъ слѣдовало бы телеграфировать Государю Императору». *А. А. Хвостовъ:* «Г-нъ Милюковъ, какъ мнѣ передавали, откровенно хвастаетъ, что у него въ рукахъ всѣ нити и что въ день смѣны верховнаго командованія стоитъ ему только нажать кнопку, чтобы по всей Россіи начались безпорядки». *И. Л. Горемыкинъ:* «Милюковъ можетъ разсказывать какой ему угодно вздоръ и чепуху. Я настолько вѣрю въ русскій народъ и въ его патріотизмъ, что не допускаю и мысли, что онъ отвѣтитъ своему Царю безпорядками, да еще въ военное время. Если же начнутъ безобразничать отдѣльныя кучки интригановъ, то на нихъ хватитъ городовыхъ и считаться съ ними нечего». *А. Д. Самаринъ:* «Все это весьма гадательно. Большинство изъ насъ думаетъ иначе, чѣмъ Вы, Иванъ Логгиновичъ. Въ государственномъ дѣлѣ, а тѣмъ болѣе когда ставится на карту самое бытіе государства, обязанность правительства исчерпать всѣ средства для предупрежденія бѣды. Я думаю, что вопросъ о Думѣ сейчасъ имѣетъ исключительно острое значеніе и что его надо разрѣшить при непосредственномъ участіи Его Величества. По моему мнѣнію, слѣдуетъ просить Государя вызвать для этого Совѣтъ Министровъ и обсудить на засѣданіи въ Высочайшемъ присутствіи какъ срокъ роспуска, такъ и срокъ принятія командованія. Мотивъ для этой просьбы тотъ, на который указалъ А. В. Кривошеинъ, т. е. опасность совпаденія двухъ поводовъ къ возникновенію безпорядковъ». *И. Л. Горемыкинъ:* «Снова утруждать Государя вопросомъ, который имъ рѣшенъ окончательно, о чемъ онъ лично объявилъ Совѣту Министровъ, я считаю недопустимымъ. Не могу писать ему и объ опасности безпорядковъ и запугивать его напрасно, ибо не раздѣляю этихъ опасеній. Они раздуваются Милюковымъ и прочею компаніей въ цѣляхъ запугиванія». *Кн. Н. Б. Щербатовъ:* «Ожиданія безпорядковъ идутъ не только отъ Милюкова, а отъ охранной и жандармской полиціи. На почвѣ смѣны командованія и охраны Думы отъ покушеній бюрократіи развивается напряженная пропаганда во внутреннихъ гарнизонахъ и въ лазаретахъ. Въ моемъ вѣдомствѣ ежедневно получаются донесенія о томъ, что черезъ два-три дня послѣ роспуска Думы неминуемъ взрывъ повсемѣстныхъ безпорядковъ». *П. А. Харитоновъ:* «Не только Яхтъ-клубъ, но и объединенное дворянство протестуетъ и требуетъ перемѣнъ. Струковъ, котораго можно обвинять въ чемъ угодно, кромѣ либерализма, и тотъ отъ имени этого объединенія желаетъ, чтобы министры были изъ общества». *А. В. Кривошеинъ:* «Вѣроятно, сей государственный мужъ спуталъ понятія. Едва ли слово общество онъ понимаетъ въ томъ же смыслѣ, что и Московская Городская Дума. Любопытно, что съ его точки зрѣнія мы, значитъ, къ обществу не принадлежимъ». *И. Л. Горемыкинъ:* «Среди разныхъ резолюцій нельзя откидывать резолюцію и объединеннаго дворянства. А оно говоритъ, что рѣчи лѣвыхъ депутатовъ въ Государственной Думѣ и злоупотребленія печатнымъ словомъ создаютъ при всеобщемъ шатаніи умовъ смуту и плодятъ безпорядки».

Дальше запись у меня прерывается. Отмѣчено, что вопросъ о перерывѣ занятій законодательныхъ учрежденій рѣшено отложить до соображенія съ подлежащею разсмотрѣнію въ Совѣтѣ Министровъ программою образующагося въ Государственной Думѣ блока нѣсколькихъ партійныхъ группъ. *А. В. Кривошеинъ:* «Я все-таки повторяю, что нельзя дольше держаться серединки. Надо дѣйствовать въ ту или другую сторону. Если всего бояться, то все погибнетъ».

Министръ Внутреннихъ Дѣлъ сообщилъ, что извѣстная резолюція Московской Городской Думы пронеслась по всей Россіи и что теперь въ ближайшемъ времени надо ждать изъ всѣхъ городовъ однородныхъ постановленій. «Что дѣлать, какъ реагировать» — спрашиваетъ князь *Н. Б. Щербатовъ*. «По свѣдѣніямъ отъ губернаторовъ, полученнымъ мною за послѣдніе дни, городскія самоуправленія собираются слать къ Царю депутатовъ съ рецептами спасенія Россіи по утвержденному на коноваловскомъ съѣздѣ образцу. Подобныя постановле

нія не согласуются съ закономъ о городскихъ думахъ и ихъ можно опротестовать». Послѣ долгаго обсужденія, въ теченіе котораго еще больше проявилось расхожденіе въ Совѣтѣ Министровъ въ пониманіи и оцѣнкѣ внутренняго положенія страны, рѣшено отказаться отъ опротестованія, подобныхъ московской, резолюцій городовъ, а вопросъ о депутаціяхъ направлять въ общемъ порядкѣ черезъ Министра Императорскаго Двора.

И. Л. Горемыкинъ: «Мы неоднократно говорили о совершенно непозволительной дѣятельности повременной печати. Но все-таки безобразія не прекращаются. Считаю долгомъ напомнить Высочайшую резолюцію, относящуюся къ 1906 году, похожему на наше время. Его Величество указалъ тогда, что въ революціонное время нельзя руководствоваться въ отношеніи къ злоупотребленіямъ печати только закономъ и что нельзя допускать безнаказанное вливаніе въ народъ отравы. Я бы особенно просилъ Министра Внутреннихъ Дѣлъ обратить вниманіе на эти слова. Такъ или иначе вопросъ о печати долженъ быть сдвинутъ съ мертвой точки».

ЗАСѢДАНІЕ 26 АВГУСТА 1915 ГОДА.

И. Л. Горемыкинъ: «Сегодня намъ надо покончить съ вопросомъ о перерывѣ занятій законодательныхъ учрежденій. Вопросъ этотъ очень важный, сложный и весьма затянувшійся. Прошу Совѣтъ Министровъ сказать свое окончательное мнѣніе о днѣ роспуска. Уѣхавшій въ Москву А. В. Кривошеинъ заявилъ свое мнѣніе о необходимости и неотложности прекращенія сессіи. Какъ думаютъ остальные Члены Совѣта Министровъ». *А. А. Поливановъ:* «Вѣдь въ прошломъ засѣданіи было рѣшено предварительно переговорить съ Родзянко и благожелательными депутатами. Было бы весьма важно освѣдомиться о результатахъ такихъ переговоровъ. Иначе я затрудняюсь отвѣтить на поставленный вопросъ» *И. Л. Горемыкинъ:* «Никакихъ переговоровъ я еще не велъ. Считаю ихъ излишними до рѣшенія Совѣтомъ Министровъ вопроса о днѣ роспуска. Если заговорить съ Родзянко, то этотъ болтунъ сейчасъ же раззвонитъ на весь свѣтъ. Я съ нимъ побесѣдую послѣ того, какъ срокъ будетъ опредѣленно установленъ». *С. Д. Сазоновъ:* «У меня возникаютъ глубокія сомнѣнія по существу. Насколько въ данной обстановкѣ было бы съ государственной точки зрѣнія удобно прибѣгать къ роспуску Думы. Несомнѣнно, этотъ актъ повлечетъ за собою безпорядки не только среди тяготѣющихъ къ Думѣ общественныхъ учрежденій, союзовъ и организацій, но и среди рабочихъ. Хотя они связаны съ Думою не органически, а искусственно, но удобный случай для демонстрацій не будетъ упущенъ. Большинство Членовъ Государственной Думы само держится того взгляда, что по существу создавшагося положенія роспускъ нуженъ. Однако, ихъ удерживаютъ опасенія усиленія броженія на заводахъ и рѣзкихъ выступленій, могущихъ привести къ кровавымъ послѣдствіямъ. Какъ все это отразится на оборонѣ, на дальнѣйшемъ веденіи войны. Надо взвѣсить вопросъ всесторонне. Быть можетъ, придется признать, что митингующая Дума меньшее зло, чѣмъ рабочіе безпорядки въ отсутствіе Думы». *И. К. Григоровичъ:* «По моимъ свѣдѣніямъ, въ случаѣ роспуска Думы безпорядки неизбѣжны. Настроеніе рабочихъ очень скверное. Нѣмцы ведутъ усиленную пропаганду и заваливаютъ деньгами противоправительственныя организаціи. Сейчасъ особенно остро на Путиловскомъ заводѣ. Тамъ происходитъ итальянская забастовка — рабочіе стоятъ у станковъ, но ничего не дѣлаютъ, требуя 20 процентовъ прибавки. Само собою разумѣется, надо опасаться, что и требованія, и способъ дѣйствія измѣнятся, какъ только явится предлогъ для болѣе рѣшительныхъ выступленій. Я очень опасаюсь, что прекращеніе занятій Думы тяжело отразится на внутреннемъ положеніи въ Россіи». *А. А. Поливановъ:* «Нельзя игнорировать настро-

еній среди общественныхъ организацій и на заводахъ. Не забудьте, что вся подготовка обороны лежитъ на обществѣ и на рабочихъ. Если и тѣ, и другіе будутъ доведены до отчаянія, къ чему это приведетъ? Надо помнить и слова Государя Императора, сказанныя при открытіи Особаго Совѣщанія по оборонѣ, о томъ, что Царь расчитываетъ на всю страну. Послѣдствія роспуска Думы спутаютъ эти расчеты. Надо все это обдумать. Давно сказано, что семь разъ отмѣрь — одинъ разъ отрѣжь. Если роспускъ будетъ признанъ Совѣтомъ Министровъ все-таки необходимымъ, то надо сговориться о мотивахъ и о порядкѣ. Важно обставить этотъ актъ и съ внѣшней стороны такимъ образомъ, чтобы смягчить впечатлѣніе и устранить лишніе толки». *П. А. Харитоновъ:* «Постановка вопроса, предлагаемая Военнымъ Министромъ, мнѣ представляется правильною. Съ этой точки зрѣнія важно точно выяснить, прошли ли всѣ законопроекты, внесенные правительствомъ въ теченіе этой сессіи. Я говорю, конечно, о наиболѣе существенныхъ, какъ, напримѣръ, Особое Совѣщаніе о бѣженцахъ, подоходный налогъ и пр.». *И. Л. Горемыкинъ:* «Подоходный налогъ не есть мѣра, вызванная военными потребностями, и смѣло можетъ подождать до слѣдующей сессіи. Что касается Совѣщанія о бѣженцахъ, то этотъ вопросъ въ Думѣ затягиваютъ нарочно. Кромѣ того, если даже этотъ вопросъ пройдетъ, то все равно будутъ тянуть съ выборами представителей Думы въ это Совѣщаніе. Сказка про бѣлаго бычка. По существу этотъ законъ не имѣетъ существеннаго значенія, чтобы изъ за него останавливаться передъ мѣрою, вызываемою общегосударственными соображеніями». *Кн. Н. Б. Щербатовъ:* «Участіе представителей Государственной Думы въ Особомъ Совѣщаніи о бѣженцахъ страховка для правительства противъ одностороннихъ нападокъ въ этомъ остромъ дѣлѣ». *И. Л. Горемыкинъ:* «Какая тамъ страховка. Все равно будутъ взваливать всю отвѣтственность на правительство. Совѣщаніе по оборонѣ состоитъ изъ выборныхъ и обладаетъ неограниченными полномочіями, а все-таки за недостатки снабженія ругаютъ исключительно насъ». *С. Д. Сазоновъ:* «Я еще не кончилъ съ изложеніемъ своихъ сомнѣній. Наше желаніе ознакомиться съ программою блока стало всѣмъ извѣстнымъ. Выгодно ли распускать Думу, не поговоривъ съ ея большинствомъ о пріемлемости этой программы? Какое впечатлѣніе произведетъ подобный образъ дѣйствій? Сегодня одно рѣшеніе, завтра другое. Сегодня собираются благожелательно бесѣдовать, а завтра разгоняютъ безъ всякихъ разговоровъ». *И. Л. Горемыкинъ:* «Рѣчь идетъ не о разгонѣ, а о перерывѣ до Ноября». *С. Д. Сазоновъ:* «Дѣло не въ формѣ, а въ существѣ или, вѣрнѣе, въ политическомъ впечатлѣніи правительственнаго акта. Я лично высказываюсь за необходимость побесѣдовать съ представителями блока. Программа ихъ несомнѣнно съ запросомъ и расчитана чуть ли не на 15 лѣтъ. Надо ее подробно разсмотрѣть, обсудить, выбрать отвѣчающее условіямъ военнаго времени и по существу пріемлемое. Я увѣренъ, что можно будетъ сговориться, ибо въ программѣ много такого, противъ чего правительство не станетъ протестовать. А затѣмъ, сговорившись и обѣщавъ проведеніе въ жизнь обусловленнаго, можно будетъ и распустить. Люди разъѣдутся по домамъ съ сознаніемъ, что голосъ ихъ услышанъ и что правительство готово идти на встрѣчу справедливымъ пожеланіямъ. Было бы величайшею ошибкою отвергать все сразу и придавать такимъ образомъ роспуску характеръ насильственный. Это прежде всего отразится въ рабочихъ кварталахъ и осложнитъ внутреннее положеніе, безъ того почти безнадежное». *И. Л. Горемыкинъ:* «Все равно разговоры ни къ чему не приведутъ. Ставить рабочее движеніе въ связь съ роспускомъ Думы неправильно. Оно шло и будетъ идти независимо отъ бытія Государственной Думы. Вопросъ у рабочихъ вожаковъ въ недостаткѣ организаціи, разбитой арестомъ 5 Членовъ Думы. Я бы просилъ не отвлекаться отъ основного вопроса — опредѣленія срока окончанія сессіи». *С. Д. Сазоновъ:* «Я ищу этотъ срокъ путемъ оцѣнки совокупности обстановки политической. Какъ развивается рабочее движеніе въ исторической перспективѣ, къ дѣлу сейчасъ не относится. Передъ нами

практическій вопросъ, насколько роспускъ Думы въ настоящее время можетъ отразиться на фабрикахъ и заводахъ. Большинство Членовъ Совѣта Министровъ полагаетъ, что обостреніе настроеній среди рабочихъ явится прямымъ слѣдствіемъ такого акта и повліяетъ какъ на общее положеніе въ странѣ, такъ и на интересы обороны». *И. Л. Горемыкинъ:* «Не спорю, что роспускъ будетъ использованъ для агитаціи. Но и если Дума будетъ оставаться, то мы ничѣмъ не гарантированы противъ вспышекъ среди рабочихъ. Какъ только вожаки почувствуютъ силу и сорганизуются, они вызовутъ рабочихъ на выступленіе подъ любымъ предлогомъ, хотя бы посредствомъ провокаціи. Будемъ мы съ блокомъ или безъ него — для рабочаго движенія это безразлично. Съ этимъ движеніемъ можно справиться другими средствами и до сихъ поръ Министерство Внутреннихъ Дѣлъ справлялось». *С. Д. Сазоновъ:* «Я держусь иного мнѣнія и считаю, что въ дни величайшей войны отметать общественные элементы недопустимо, что надо единеніе всѣхъ слоевъ населенія. Впрочемъ, я говорю напрасно, такъ какъ, повидимому, вопросъ предрѣшенъ помимо насъ. Не понимаю только, зачѣмъ же собирать Совѣтъ Министровъ и тратить время на разговоры, которые завѣдомо ни къ чему не приведутъ». *И. Л. Горемыкинъ:* «Никто ничего не предрѣшалъ. Я началъ съ того, что просилъ Совѣтъ Министровъ высказаться. Наши сужденія будутъ полностью доложены Государю Императору, который и рѣшитъ, какъ слѣдуетъ поступить. Если Вамъ угодно связывать вопросъ о роспускѣ съ программою блока, то давайте ее обсуждать. Насколько я успѣлъ съ нею ознакомиться, въ программѣ не все подлежитъ отверженію, но часть домогательствъ совершенно непріемлема». *С. Д. Сазоновъ:* «Значитъ, судя по Вашимъ словамъ, не все въ пожеланіяхъ блока отвергается цѣликомъ и есть пункты для соглашенія». *И. Л. Горемыкинъ:* «Да, по программѣ, часть которой могла бы быть принята правительствомъ въ дальнѣйшей дѣятельности. Что же касается самого блока, то разговоры съ нимъ я считаю для правительства недопустимыми. Мы можемъ имѣть дѣло только съ законодательными учрежденіями, а не со случайнымъ объединеніемъ отдѣльныхъ ихъ представителей. Такая организація закономъ не предусмотрѣна». *С. Д. Сазоновъ:* «Тогда я совершенно отказываюсь понимать, къ чему сводится сегодняшняя наша бесѣда. Программу разсматривать можно, но разговаривать съ организаціею, эту программу выработавшею, нельзя. Съ отдѣльными членами блока говорить можно, а съ самимъ блокомъ недопустимо. Люди, болѣющіе душою за родину, ищутъ сплоченія наиболѣе дѣятельныхъ нереволюціонныхъ силъ страны, а ихъ объявляютъ незаконнымъ сборищемъ и игнорируютъ. Это опасная тактика и огромная политическая ошибка. Правительство не можетъ висѣть въ безвоздушномъ пространствѣ и опираться на одну полицію. Я буду это повторять до конца». *И. Л. Горемыкинъ:* «Блокъ созданъ для захвата власти. Онъ все равно развалится и всѣ его участники между собою переругаются». *С. Д. Сазоновъ:* «А я нахожу, что намъ нужно во имя общегосударственныхъ интересовъ, этотъ блокъ, по существу умѣренный, поддержать. Если онъ развалится, то получится гораздо болѣе лѣвый. Что тогда будетъ? Кому это выгодно ? Во всякомъ случаѣ не Россіи». *А. А. Поливановъ:* «И какъ это отразится на оборонѣ, на борьбѣ съ врагомъ, который внимательно слѣдитъ за нашими внутренними неурядицами и развапомъ». *С. Д. Сазоновъ:* «Опасно провоцировать лѣвыхъ, вызывать не парламентскіе способы борьбы. Я настаиваю на необходимости не отвергать огуломъ пожеланія блока и сговориться съ нимъ о пріемлемомъ для правительства. Зачѣмъ напрасно обострять отношенія, и безъ того достаточно острыя». *И. Л. Горемыкинъ:* «Я считаю самый блокъ, какъ организацію между двумя палатами, непріемлемымъ. Его плохо скрытая цѣль—ограниченіе Царской власти. Противъ этого я буду бороться до послѣднихъ силъ». *С. Д. Сазоновъ:* «На этотъ путь догадокъ намъ лучше не становиться. Иначе нашъ обмѣнъ мнѣній можетъ уклониться далеко въ сторону». *И. Л. Горемыкинъ:* «Я отвѣчаю лишь на вопросы и буду очень радъ, если мы вернемся къ тому единственному вопросу, который я поставилъ,—о днѣ роспуска Думы и Государствен-

наго Совѣта на осеннія вакаціи». *С. Д. Сазоновъ:* «Если Вы настаиваете, я готовъ обсуждать вопросъ съ конца. Роспускъ нуженъ, но для его осуществленія надо сговориться съ тою организаціею, которая представляетъ собою всю антиреволюціонную Думу». *Кн. Н. В. Шаховской:* «Мнѣ казалось, что вопросъ о роспускѣ нами уже рѣшенъ прошлый разъ принципіально, причемъ мы признали, что желательно осуществить его до 1 Сентября, т. е. до внесенія вѣдомствами смѣтъ. Остается, слѣдовательно, сговориться о днѣ. Его надо установить до бесѣды съ Родзянко и съ думцами, ибо нельзя открывать имъ заранѣе наши карты и дать возможность подготовиться къ нежелательнымъ выступленіямъ. Теперь скажу нѣсколько словъ по существу. И дальнѣйшее оставленіе Думы, и ея роспускъ при настоящихъ настроеніяхъ одинаково опасны. Дума не законодательствуетъ, а митингуетъ, возбуждая страну и волнуя рабочихъ Ея роспускъ можетъ оказаться толчкомъ для вспышки безпорядковъ, но можетъ и не оказаться. Изъ двухъ этихъ золъ я выбираю меньшее и высказываюсь за немедленный, хоть завтра, роспускъ. Но сдѣлать это надо по хорошему, поговорить съ представителями блока о программѣ, столковавшись о пріемлемомъ и т. д. Такимъ способомъ дѣйствій примирительнаго характера мы откроемъ выходъ самимъ думцамъ, которые жаждутъ роспуска, ибо чувствуютъ безнадежность своего положенія и боятся стать въ концѣ концовъ игрушкою въ рукахъ лѣвыхъ элементовъ». *Кн. Н. Б. Щербатовъ:* «Мое мнѣніе, что Думу надо теперь же распустить, какъ въ виду приближенія 1 Сентября—срока представленія смѣтъ, такъ и въ виду обостряющихся настроеній между Думою и правительствомъ или, проще сказать, разлада между этими двумя сторонами. Разладъ этотъ тяжело отражается на теченіи дѣлъ и раздражаетъ страну. Длить такое положеніе недопустимо. Но *важно* провести роспускъ по хорошему, безъ ссоръ и поводовъ къ скандалу. Прискорбно, что до сихъ поръ правительство не говорило съ блокомъ. Отрицать нельзя, его программа шита нитками и его легко развалить. Но я согласенъ съ мнѣніемъ, что это было бы невыгодно правительству, такъ какъ поставило бы его лицомъ къ лицу съ лѣвыми теченіями и бросило бы въ сторону этихъ теченій многихъ завѣдомо не революціонныхъ людей. Самая программа составлена несомнѣнно съ запросомъ въ расчетѣ поторговаться и узнать, на что пойдетъ правительство. Выясненіе этой стороны опредѣлитъ и самый дальнѣйшій составъ блока, имѣющій пока временный характеръ объединенія партійно разнородныхъ людей, вызваннаго опасеніями соціальной революціи, если настоящая неопредѣленность будетъ продолжаться. Наше молчаніе, игнорированіе блока можетъ отразиться весьма нежелательно на настроеніяхъ среди огромной части благоразумной Думы. Нельзя допускать, чтобы они разъѣхались обиженными невниманіемъ и обозленными, ибо это скажется на мѣстахъ, да и на фронтѣ, гдѣ не мало Членовъ Думы работаетъ въ различныхъ организаціяхъ. Словомъ, всѣ соображенія клонятъ къ тому, что передъ роспускомъ надо мирно и дружелюбно поговорить съ думцами. На эту необходимость обращали мое вниманіе многіе депутаты и самъ Родзянко, который, между прочимъ, больше всѣхъ обозленъ, что правительство не принимаетъ его въ серьезъ. Поговоривъ, согласившись по отдѣльнмъ пунктамъ программы, мы создадимъ сочувствующее намъ ядро хотя бы человѣкъ въ двѣсти и тогда можно будетъ безболѣзненно произвести операцію роспуска. Перерывъ сессіи законодательныхъ учрежденій надо будетъ посвятить на проведеніе по 87-ой статьѣ условленныхъ съ думцами законовъ и реформъ. Эта работа подниметъ кредитъ правительства въ странѣ, которая будетъ знать, что мы дѣйствуемъ по соглашенію съ думцами. Намъ станетъ легче управлять и осуществлять то, что требуется исключительными условіями войны». *И. Л. Горемыкинъ:* «Вы упускаете, что одно изъ основныхъ пожеланій блока—длительность сессіи». *Кн. Н. Б. Щербатовъ:* «Это только для вывѣски». *С. Д. Сазоновъ:* «Большинство Думы опредѣленно противъ длительной сессіи». *И. Л. Горемыкинъ:* «Да, но оно никогда въ этомъ публично не сознается». *С. Д. Сазоновъ:* «Но и не будетъ намъ мѣшать прервать сессію и, въ случаѣ надобности, насъ поддержитъ Для этого надо

предварительно поговорить и установить совмѣстно программу дѣятельности на время перерыва». *П. А. Харитоновъ:* «Я тоже стою за роспускъ, но съ оговорками, которыя только что были сдѣланы. Программу блока совмѣстно обсудить и непріемлемое вычеркнуть». *И. Л. Горемыкинъ:* «Придется три четверти вычеркивать». *Кн. Н. Б. Щербатовъ:* «Мы еще подробно не разсматривали программы и пока трудно сказать, что должно быть исключено. Во всякомъ случаѣ программа, даже въ урѣзанномъ видѣ, явится платформою для бесѣды и выясненія сочувствующихъ. Несогласные на компромиссъ уйдутъ, а мы сплотимъ ядро и будемъ идти рука объ руку». *А. А. Хвостовъ:* «Не очень то мнѣ вѣрится въ это, но противъ предварительныхъ переговоровъ возражать не буду». *И. Л. Горемыкинъ:* «Переговоры не должны связывать правительство. Никакихъ формальныхъ обязательствъ принимать нельзя. Не такое теперь время». *П. А. Харитоновъ:* «Объ этомъ сейчасъ нѣтъ и рѣчи. Вопросъ пока не въ соглашеніи, а въ освѣдомленіи. Программа является платформою частнаго объединенія и разговоръ объ ней ограничится частнымъ обмѣномъ мнѣній». *И. Л. Горемыкинъ:* «Разговоръ такого рода долженъ вестись черезъ главу правительства». *П. А. Харитоновъ:* «Совершенно вѣрно — разговоръ окончательный, а предварительную бесѣду осторожнѣе вести въ кругу отдѣльныхъ уполномоченныхъ лицъ». *И. Л. Горемыкинъ:* «Мы еще вернемся къ этой подробности. Теперь намъ надо разсмотрѣть программу блока въ полности и самимъ сговориться объ ней».

Въ приложеніи къ настоящей записи у меня сохранился тотъ экземпляръ программы, который обсуждался въ засѣданіи. Воспроизвожу его полностью. Это необходимо для пониманія дальнѣйшихъ преній.

«25 Августа 1915 года представители фракцій и группъ Государственной Думы и Государственнаго Совѣта подписали программу соглашенія образовавшагося прогрессивнаго блока, въ который вошли отъ Государственной Думы прогрессивные націоналисты, группа центра, земцы-октябристы, лѣвые октябристы, прогрессисты и к.-д. и отъ Государственнаго Совѣта группа академическая, центръ и условно группа безпартійнаго объединенія. Окончательный текстъ программы гласитъ:

«Нижеподписавшіеся представители партій и группъ Государственнаго Совѣта и Государственной Думы, исходя изъ увѣренности, что только сильная, твердая и дѣятельная власть можетъ привести отечество къ побѣдѣ и что такою можетъ быть лишь власть, опирающаяся на народное довѣріе и способная организовать активное сотрудничество всѣхъ гражданъ, пришли къ единогласному заключенію, что насущнѣйшая и важнѣйшая задача созданія такой власти не можетъ быть осуществлена безъ выполненія нижеслѣдующихъ условій:

«Созданіе объединеннаго правительства изъ лицъ, пользующихся довѣріемъ страны и согласившихся съ законодательными учрежденіями относительно выполненія въ ближайшій срокъ опредѣленной программы. Рѣшительное измѣненіе примѣнявшихся до сихъ поръ пріемовъ управленія, основывавшихся на недовѣріи къ общественной самодѣятельности, въ частности: а) строгое проведеніе начала законности въ управленіи, б) устраненіе двоевластія военной и гражданской власти въ вопросахъ, не имѣющихъ непосредственнаго отношенія къ веденію операцій военныхъ, в) обновленіе состава мѣстной администраціи, г) разумная и послѣдовательная политика, направленная на сохраненіе внутренняго мира и устраненіе розни между національностями и классами.

«Для осуществленія такой политики должны быть приняты слѣдующія мѣры какъ въ порядкѣ управленія, такъ и въ порядкѣ законодательства:

1. въ путяхъ МОНАРШАГО милосердія прекращеніе дѣлъ, возбужденныхъ по обвиненію въ чисто политическихъ и религіозныхъ преступленіяхъ, не отягченныхъ преступленіями обще-уголовнаго характера, освобожденіе отъ наказанія и возстановленіе въ правахъ, включая право участія въ выборахъ въ Государственную Думу, въ земскія и городскія учрежденія и т. д., лицъ, осужденныхъ за

тѣ же преступленія, и смягченіе участи остальныхъ осужденныхъ за политическія и религіозныя преступленія, за исключеніемъ шпіоновъ и предателей.

«2. возвращеніе высланныхъ въ административномъ порядкѣ за дѣла политическаго характера.

«3. полное и рѣшительное прекращеніе преслѣдованій за вѣру подъ какими бы то ни было предлогами и отмѣна циркуляровъ, послѣдовавшихъ въ ограниченіе и извращеніе смысла указа 17 Апрѣля 1905 года.

«4. разрѣшеніе русско-польскаго вопроса, а именно: отмѣна ограниченій въ правахъ поляковъ на пространствѣ всей Россіи, незамедлительная разработка и внесеніе въ законодательныя учрежденія законопроекта объ автономіи Царства Польскаго и одновременный пересмотръ узаконеній о польскомъ землевладѣніи.

«5. вступленіе на путь отмѣны ограниченій въ правахъ евреевъ, въ частности — дальнѣйшіе шаги къ отмѣнѣ черты осѣдлости, облегченіе доступа въ учебныя заведенія и отмѣна стѣсненій въ выборѣ профессіи; возстановленіе еврейской печати.

«6. примирительная политика въ финляндскомъ вопросѣ, въ частности — перемѣны въ составѣ администраціи и сената и прекращеніе преслѣдованій противъ должностныхъ лицъ.

«7. возстановленіе малорусской печати, немедленный пересмотръ дѣлъ жителей Галиціи, содержащихся подъ стражею и сосланныхъ, и освобожденіе тѣхъ изъ нихъ, которые подверглись преслѣдованію невинно.

«8. возстановленіе дѣятельности профессіональныхъ союзовъ и прекращеніе преслѣдованія представителей рабочихъ въ больничныхъ кассахъ по подозрѣнію въ принадлежности къ нелегализованной партіи; возстановленіе рабочей печати.

«9. соглашеніе правительства съ законодательными учрежденіями относительно скорѣйшаго проведенія:

а) всѣхъ законопроектовъ, имѣющихъ ближайшее отношеніе къ національной оборонѣ, снабженію арміи, обезпеченію раненыхъ, устройству участи бѣженцевъ и другимъ вопросамъ, непосредственно связаннымъ съ войной,

б) слѣдующей программы законодательныхъ работъ, направленныхъ къ организаціи страны для содѣйствія побѣдѣ и къ поддержанію внутренняго мира: уравненіе крестьянъ въ правахъ съ другими сословіями, введеніе волостного земства, измѣненіе земскаго положенія 1890 года, измѣненіе городового положенія 1892 года, введеніе земскихъ учрежденій на окраинахъ, какъ-то: въ Сибири, Архангельской губерніи, Донской области, на Кавказѣ и т. д., законопроекты о кооперативахъ, объ отдыхѣ торговыхъ служащихъ, объ улучшеніи положенія почтово-телеграфныхъ служащихъ, объ утвержденіи трезвости навсегда, о земскихъ и городскихъ съѣздахъ и союзахъ, объ уставѣ ревизіи, о введеніи мирового суда въ тѣхъ губерніяхъ, гдѣ введеніе его пріостановлено по финансовымъ соображеніямъ, и осуществленіе законодательныхъ мѣръ, въ которыхъ можетъ встрѣтиться надобность при выполненіи въ порядкѣ управленія намѣченной выше программы дѣятельности.

«Подписали: отъ прогрессивной группы націоналистовъ гр. В. А. Бобринскій, отъ фракціи центра В. Н. Львовъ, отъ фракціи земцевъ-октябристовъ И. И. Дмитрюковъ, отъ группы союза 17 Октября С. И. Шидловскій, отъ фракціи прогрессистовъ И. Н. Ефремовъ, отъ фракціи народной свободы П. Н. Милюковъ, отъ академической группы Государственнаго Совѣта Д. Д. Гриммъ и отъ группы Центра Государственнаго Совѣта бар. В. Меллеръ-Закомельскій».

И. Л. Горемыкинъ: «Начало программы сводится къ красивымъ словамъ, на которыя мы не будемъ терять времени». *А. А. Поливановъ:* «Въ этихъ красивыхъ словахъ кроется вся сущность пожеланій общественныхъ круговъ о правительствѣ. Можно ли такъ пренебрежительно проходить мимо нихъ». *И. Л. Горемыкинъ:* «Совѣту Министровъ недопустимо обсуждать требованія, сводящіеся къ ограниченію царской власти. Программа будетъ представлена Государю Им-

ператору и отъ Его Величества единственно зависитъ принять то или другое рѣшеніе. Прошу Совѣтъ Министровъ обратиться къ пунктамъ программы. Первый пунктъ имѣетъ въ виду широкую амнистію. Я нахожу, что въ военное время нельзя допускать заполненія тыла каторжниками, хотя бы и политическими. Только лишніе безпорядки и безобразія». *Кн. Н. Б. Щербатовъ*: «Собака зарыта въ требованіи возстановленія въ политическихъ правахъ. Главная забота о выборжцахъ и о пяти Членахъ Государственной Думы, обвиненныхъ весною. Относительно выборжцевъ я не сталъ бы спорить — за ними десятилѣтняя давность. Но Членовъ Думы амнистировать нельзя — они организующій центръ рабочаго движенія въ наиболѣе опасныхъ его проявленіяхъ». *А. А. Хвостовъ:* «Такимъ центромъ становится гучковскій военно-промышленный комитетъ». *Кн. Н. Б. Щербатовъ:* «Тѣмъ болѣе не надо его усиливать приливомъ уже искушенныхъ силъ. Я также высказался бы противъ общей амнистіи. Слѣдовало бы ограничиваться постепеннымъ образомъ дѣйствій. Было бы съ точки зрѣнія политическаго эффекта цѣлесообразнымъ выдѣлить въ первую очередь нѣсколько наиболѣе видныхъ господъ и широко ихъ польготить. Можно сговориться съ блокомъ въ томъ смыслѣ, чтобы имъ былъ составленъ списокъ подлежащихъ амнистіи, а мы его просмотримъ и будемъ постепенно осуществлять». *А. А. Хвостовъ:* «Разборка политическихъ дѣлъ идетъ въ Министерствѣ Юстиціи непрерывно. Съ тѣхъ поръ, какъ я вступилъ въ управленіе вѣдомствомъ, многія дѣла уже закончены въ порядкѣ Монаршаго милосердія и не мало джентельменовъ гуляетъ на свободѣ». *Кн. Н. Б. Щербатовъ:* «Да, это мнѣ извѣстно, но публика этого не знаетъ. Надо сдѣлать съ рекламой. Взять десятокъ—другой особенно излюбленныхъ освободителей и сразу выпустить ихъ на свѣтъ Божій съ пропечатаніемъ во всѣхъ газетахъ о Царской милости. Словомъ, то, что дѣлается сейчасъ келейно, надо сдѣлать во всеуслышаніе и ускореннымъ темпомъ. Конечно, окончательный выборъ долженъ зависѣть отъ правительства а отъ блока могутъ идти лишь пожеланія». На недопустимости общей амнистіи согласились всѣ, принявъ точку зрѣнія кн. Н. Б. Щербатова въ отношеніи выборжцевъ и дальнѣйшей тактики.

И. Л. Горемыкинъ: «Предложеніе Министра Внутреннихъ Дѣлъ примѣнимо и ко второму пункту программы. Не общая мѣра въ отношеніи административно высланныхъ, а пересмотръ отдѣльныхъ случаевъ». *С. Д. Сазоновъ:* «Тысячи человѣкъ сидятъ напрасно въ разныхъ отдаленныхъ мѣстахъ. Это позоръ. Всѣмъ извѣстно, что административный произволъ былъ системою предмѣстника князя Щербатова. Надо съ этимъ покончить и пересмотрѣть маклаковскія распоряженія». *П. А. Харитоновъ:* «Правительство уже вступило на этотъ путь, покончивъ дѣло Бурцева». *Кн. Н. Б. Щербатовъ:* «Можно найти сотни Бурцевыхъ и въ Россіи, и за границею». *С. Д. Сазоновъ:* «Найти и безъ колебаній облегчить ихъ положеніе. Надо снять съ насъ пятно ничѣмъ не оправдываемаго произвола».

И. Л. Горемыкинъ: Вѣротерпимость давно уже провозглашена». *С. Д. Сазоновъ:* «Теоретически, но не практически. Циркуляры у насъ сильнѣе манифестовъ». «*П. А. Харитоновъ:* «Особенно всѣхъ раздражаютъ циркуляры по католическому вопросу, которыми преслѣдуются цѣли борьбы съ поляками. Они даютъ поводъ къ развитію произвола и къ сплошнымъ безобразіямъ. Съ этимъ давно пора покончить». *И. Л. Горемыкинъ:* «Конечно, безобразій не мало. Но какъ прикажете быть, когда люди прикрываются религіозною неприкосновенностью для достиженія политическихъ цѣлей и дѣйствуютъ во вредъ русскимъ интересамъ». *С. Д. Сазоновъ:* «Для этого есть судъ». *Кн. Н. Б. Щербатовъ:* «Несомнѣнно, многое подлежитъ пересмотру и отмѣнѣ. Подготовительная работа уже ведется по моему вѣдомству. Однако, и въ данномъ вопросѣ едва ли возможна общая мѣра. Напримѣръ, какъ быть съ баптистами, среди которыхъ опредѣленно обнаруживаются нѣмецкія вліянія и симпатіи». Признано, что адми-

нистративныя распоряженія по дѣламъ вѣроисповѣданій подлежатъ пересмотру въ благожелательномъ смыслѣ при условіи огражденія интересовъ православія. *И. Л. Горемыкинъ:* «По польскому вопросу многое сдѣлано и дѣлается. Пожеланія программы совпадаютъ съ правительственнымъ заявленіемъ передъ Государственною Думою. Чего же еще хочетъ блокъ?» *П. А. Харитоновъ:* «Скрытая мысль — снять всѣ стѣсненія въ вопросахъ землевладѣнія въ ограждаемыхъ отъ польскаго проникновенія областяхъ. Мнѣ думается, что правительственная политика въ данномъ случаѣ не допускаетъ уступокъ». Къ заключенію Государственнаго Контролера присоединился единогласно весь Совѣтъ Министровъ.

И. Л. Горемыкинъ: «Долженъ предупредить Совѣтъ Министровъ, что Государь неоднократно повторялъ, что въ еврейскомъ вопросѣ онъ ничего на себя не возьметъ. Поэтому возможенъ только одинъ путь — черезъ Государственную Думу. Пускай, если это ей по плечу, она займется равноправіемъ. Не далеко она съ нимъ уѣдетъ». *Кн. Н. Б. Щербатовъ:* «Дума никогда не рѣшится поставить вопросъ объ еврейскомъ равноправіи. Кромѣ скандаловъ изъ этого ничего бы не вышло. Другое дѣло — устраненіе ненужныхъ, обходимыхъ и устарѣвшихъ стѣсненій. Этотъ способъ дѣйствій не слѣдовало бы намъ упускать изъ своихъ рукъ. Отмѣна черты осѣдлости въ отношеніи городовъ произвела свой эффектъ не только политическій, но и финансовый. Напримѣръ, возьмемъ еврейскую печать. Она несомнѣнно въ тысячу разъ менѣе вредна, чѣмъ рабочая. Еврейскія газеты доступны только евреямъ, а рабочія — всей массѣ населенія. Между тѣмъ Ставка боится тронуть рабочую печать, а еврейскую запретила полностью, до дѣтскихъ журналовъ включительно, подъ тѣмъ предлогомъ, что въ еврейскихъ газетахъ печатаются условныя объявленія въ интересахъ нѣмецкой развѣдки. Я высказываюсь за прекращеніе такихъ преслѣдованій. Пускай евреи, если имъ угодно, читаютъ новости на своемъ языкѣ и тратятъ деньги на свои изданія, а не на вліяніе на русскіе органы». *Гр. П. Н. Игнатьевъ:* «Въ отношеніи учебныхъ заведеній не встрѣчается препятствій идти по пути дальнѣйшихъ льготъ для евреевъ, особенно въ мѣстахъ ихъ скопленія. Этому вопросу въ нашихъ прогрессивныхъ кругахъ придаютъ принципіальное значеніе. Наше согласіе облегчить существующія стѣсненія произведетъ на блокъ благопріятное впечатлѣніе». *А. А. Хвостовъ:* «Я бы сказалъ то же самое и въ отношеніи адвокатской профессіи». Рѣшено вести бесѣду о программѣ блока по еврейскому вопросу въ смыслѣ согласія идти по пути постепеннаго пересмотра ограничительнаго законодательства и административныхъ распоряженій.

И. Л. Горемыкинъ: «По финляндскому вопросу Совѣтомъ Министровъ еще до думскихъ пожеланій даны Генералъ-губернатору указанія въ смыслѣ смягченія политики. Для Свинхувуда сдѣланы различныя облегченія». *П. А. Харитоновъ:* «Дѣло въ томъ, что самъ Францъ Александровичъ Зейнъ не пользуется горячими симпатіями въ общественныхъ кругахъ и въ Государственной Думѣ. Надо ждать пожеланій относительно замѣны его болѣе отвѣчающимъ современнымъ настроеніямъ человѣкомъ». *С. Д. Сазоновъ:* «Я не думаю, чтобы блокъ сталъ размѣниваться на такія мелочи. Едва ли съ ихъ стороны можно ждать личныхъ отводовъ». *А. А. Хвостовъ:* «Вѣроятнѣе всего, будетъ поднятъ вопросъ объ общеимперскомъ законодательствѣ по закону 17 Іюня». *И. Л. Горемыкинъ:* «Пока идетъ война, не время заниматься такими коренными вопросами. А послѣ войны — посмотримъ еще, что будетъ». Принципъ благожелательности въ финляндской политикѣ не встрѣтилъ возраженій, но принятіе обязательствъ немедленнаго пересмотра законодательства о Великомъ Княжествѣ Финляндскомъ признано нежелательнымъ, дабы не связывать правительство.

Возстановленіе малорусской печати признано допустимымъ, поскольку дѣло идетъ о не сепаратическихъ украйнофильскихъ органахъ. О галиційскихъ арестованныхъ указанія преподаны еще до возбужденія этого вопроса блокомъ.

И. Л. Горемыкинъ: «Какъ смотритъ Совѣтъ Министровъ на вопросъ о профессіональныхъ союзахъ и рабочей печати?» *Кн. В. Н. Шаховской:* «Съ точки

зрѣнія вѣдомства промышленности я всецѣло привѣтствую возстановленіе дѣятельности профессіональныхъ союзовъ, какъ легальныхъ организацій, находящихся подъ контролемъ административной власти. Относительно больничныхъ кассъ скажу, что расправа съ ними военныхъ властей и губернской администраціи является однимъ изъ главныхъ поводовъ недовольства и броженія среди рабочихъ. Надо бы въ этомъ отношеніи дать категорическія указанія». *А. А. Хвостовъ:* «Не секретъ, что больничныя кассы служатъ центромъ руководящей рабочимъ движеніемъ организаціи. Жалобы на преслѣдованія одно лишь лицемѣріе и демагогическій пріемъ. Флагъ гуманитарности не можетъ служить прикрытіемъ для противогосударственной работы и для подготовки соціальнаго переворота». *Кн. В. Н. Шаховской:* «Уклоненіе больничныхъ кассъ (надо замѣтить —сравнительно рѣдкое) отъ своего прямого назначенія слѣдствіе того, что закрыты профессіональные союзы. Открытіе послѣднихъ облегчитъ наблюденіе за рабочимъ движеніемъ. Проще бороться съ открытымъ врагомъ, чѣмъ съ под польемъ или конспиративною дѣятельностью больничныхъ кассъ». *А. А. Хвостовъ.* «Разрѣшеніе профессіональныхъ союзовъ дастъ рабочимъ вожакамъ возможность развить ихъ сѣть по всей Россіи. Услѣдить за ними будетъ труднѣе и администрація будетъ въ отношеніи къ нимъ связана». *П. А. Харитоновъ:* «Я бы все-таки высказался за допущеніе профессіональныхъ союзовъ. Это будетъ служить яркимъ фактомъ въ пользу смягченія правительственной политики и поворота ея въ сторону общественныхъ пожеланій. Мнѣ кажется, что надзоръ за открыто дѣйствующими союзами будетъ практически легче. Сейчасъ этотъ надзоръ осуществляется только охранкою, а послѣ легализаціи къ наблюденію будутъ привлечены также чины администраціи и фабричной инспекціи. Выходитъ прямой выигрышъ». *Кн. В. Н. Шаховской:* «Долженъ пояснить, что профессіональные союзы не воспрещены закономъ. Если они не функціонируютъ сейчасъ, то исключительно на основаніи запретовъ въ порядкѣ чрезвычайныхъ полномочій. Надо сказать, что въ большинствѣ случаевъ закрытіе производилось безъ достаточныхъ поводовъ развязными генералами и чрезмѣрно ретивыми губернаторами». *Кн. Н. Б. Щербатовъ:* «Нельзя отрицать, что въ отношеніи союзовъ господствуетъ полный произволъ на мѣстахъ. Генераламъ и губернаторамъ гораз до пріятнѣе закрывать непріятныя организаціи. чѣмъ съ ними возиться и за нихъ отвѣчать. Все закрыто, никакихъ собраній, никакихъ выступленій на легальной почвѣ и... на Шипкѣ все спокойно. Такое безобразіе въ развитіи системы офиціальнаго благополучія надо прекратить. Я считаю, что профессіональные союзы должны быть разрѣшены. Все дѣло сводится къ надзору, чтобы не допускать уклоненій, и преступныхъ подстрекателей арестовывать. Пусть администраторы на мѣстахъ потрудятся и побезпокоятся. Одному Министерству Внутреннихъ Дѣлъ провести такой лозунгъ немыслимо, такъ какъ наиболѣе крупные промышленные центры находятся внѣ его вѣдѣнія и зависятъ отъ военныхъ начальствъ. Въ этомъ же вопросѣ необходимо единообразіе практики». *П. А. Харитоновъ:* «Въ бесѣдѣ съ блокомъ лучше не углубляться въ подробности этого вопроса. Надо говорить сдержанно и благопріятно по существу». *С. Д. Сазоновъ:* «Т. е. обратно тому, какъ поступалъ Маклаковъ, который въ такихъ вопросахъ былъ и несдержаннымъ и неблагопріятнымъ». Признано возможнымъ допустить открытіе профессіональныхъ союзовъ, а разговоръ о программѣ блока вести въ намѣченномъ Государственнымъ Контролеромъ смыслѣ.

По поводу послѣдняго пункта программы Совѣтъ Министровъ нашелъ, что тамъ не имѣется чего либо непріемлемаго въ отношеніи принципіальномъ. Изъ перечисленныхъ законопроектовъ часть уже проведена, часть лежитъ въ Государственной Думѣ съ давнихъ поръ безъ движенія. Вновь намѣчаемые вопросы будутъ правительствомъ своевременно разработаны и направлены въ установленномъ порядкѣ. Возможно сговориться съ блокомъ, что наиболѣе спѣшныя дѣла будутъ разрѣшены Совѣтомъ Министровъ, за время перерыва законодательной сессіи, въ порядкѣ статьи 87 Основныхъ Государственныхъ Законовъ.

С. Д. Сазоновъ: «Благодарю за чтеніе. Теперь стало ясно, что между правительствомъ и блокомъ по практическимъ вопросамъ нѣтъ непримиримыхъ разногласій. По только что бывшему въ Совѣтѣ Министровъ обмѣну мнѣній можно видѣть, что пять шестыхъ программы блока могутъ быть включены въ программу правительства». *И. Л. Горемыкинъ:* «Съ такою формулировкою я не согласенъ. Правительство можетъ, если признаетъ это въ отдѣльныхъ случаяхъ полезнымъ, проводить въ жизнь то или иное мѣропріятіе, но принимать всю программу блока и связывать себѣ руки въ военное время недопустимо». *С. Д. Сазоновъ:* «Никто и не говоритъ, что надо связывать себѣ руки формальнымъ договоромъ. Вопросъ идетъ только о томъ, чтобы сговориться съ блокомъ и путемъ взаимныхъ уступокъ добиться взаимной поддержки». *И. Л. Горемыкинъ:* «Значитъ, съ блокомъ будетъ одна болтовня. И отъ этой болтовни будетъ зависѣть день роспуска Думы». *С. Д. Сазоновъ:* «Да, мы покажемъ, что правительство не питаетъ предубѣжденій, не отвергаетъ общественныя силы и разстается съ ними по добру, послѣ соглашенія». *И. Л. Горемыкинъ:* «Рано думать о соглашеніи, пока они не открыли свои карты. Пока допустима только бесѣда для освѣдомленія. Бесѣда не офиціальная, а частнаго характера». *И. К. Григоровичъ:* «Такую бесѣду надо поручить Министру Внутреннихъ Дѣлъ съ участіемъ нѣсколькихъ Членовъ Совѣта Министровъ». *С. Д. Сазоновъ:* «Результатъ бесѣды будетъ затѣмъ сообщенъ Предсѣдателю Совѣта Министровъ, который, если признаетъ нужнымъ, вступитъ въ личные переговоры». *А. А. Поливановъ:* «Вообще все это дѣло надо обставить по хорошему. Отъ впечатлѣній бесѣдъ будетъ зависѣть многое. Съ точки зрѣнія интересовъ обороны крайне важно содѣйствіе страны, которое будетъ обезпечено только при взаимномъ довѣріи и отказѣ отъ предубѣжденій. Его Императорское Величество соизволилъ обратить на это вниманіе, указавъ на необходимость дружной работы общественныхъ организацій. Надо съ представителями этихъ организацій, входящими въ блокъ, быть возможно благожелательнѣе и уступчивѣе». *Кн. Н. Б. Щербатовъ:* «Если бы намъ удалось привлечь на нашу сторону противъ г. г. Керенскихъ хотя бы двѣсти человѣкъ изъ блока, то сила получится большая, которая сыграетъ огромную политическую роль. Ради этого можно кое чѣмъ правительству и поступиться». *С. Д. Сазоновъ:* Если только обставить все прилично и дать лазейку, то кадеты первые пойдутъ на соглашеніе. Милюковъ — величайшій буржуй и больше всего боится соціальной революціи. Да и большинство кадетовъ дрожатъ за свои капиталы». *И. Л. Горемыкинъ:* «Тамъ еще посмотримъ, кто окажется правъ. Какъ же мы рѣшимъ о роспускѣ Думы? Рѣшеніе во всякомъ случаѣ должно предшествовать бесѣдѣ съ членами блока. Мы прошлый разъ говорили, что сессію надо прекратить до срока внесенія смѣтъ, т. е. до 1 Сентября, а у насъ сегодня уже 26 Августа». Всѣ Члены Совѣта Министровъ единогласно высказываются за скорѣйшій роспускъ и за осуществленіе бесѣды съ представителями блока, не откладывая. *П. А. Харитоновъ:* «Мнѣ бы казалось едва ли правильнымъ связывать вопросъ о роспускѣ съ 1-ымъ Сентября. Слишкомъ существенны интересы сговора съ членами блока, чтобы ставить въ зависимость отъ нѣсколькихъ дней. Можно ими пожертвовать для достиженія лучшихъ результатовъ Роспускъ съ сговоромъ и безъ сговора огромная разница». *А. А. Хвостовъ:* «Надо все-таки поспѣшить, чтобы предупредить запросъ о Распутинѣ, который зрѣетъ въ Думѣ». *И. Л. Горемыкинъ:* «Я тоже считаю, что роспускъ неотложенъ. Этого требуетъ политическая обстановка и необходимость 87 статьи для проведенія вызываемыхъ военными интересами дѣлъ. Во всякомъ случаѣ указъ слѣдуетъ опубликовать не позже субботы 31 Августа». *С. Д. Сазоновъ:* «А я согласенъ съ Государственнымъ Контролеромъ и нахожу, что день — другой повредить не можетъ Спѣшить надо, но предрѣшать нельзя». *А. А. Поливановъ:* «Примыкаю къ Министру Иностранныхъ Дѣлъ. Окончательный срокъ можно установить только послѣ переговоровъ съ блокомъ». *А. Д. Самаринъ:* «Прошу прощенія, я немного опоздалъ на засѣданіе и не слышалъ начала. Въ какомъ смыслѣ предполагается вести переговоры съ

блокомъ, т. е. будутъ ли даваться какія либо обѣщанія отъ имени правительства». *Кн. Н. Б. Щербатовъ:* Никакихъ обѣщаній пока. Весь вопросъ сводится къ освѣдомительному разговору и къ выясненію настроеній. Полученный такимъ образомъ матеріалъ явится предметомъ обсужденія въ Совѣтѣ Министровъ». *А. Д. Самаринъ:* «Какое же тогда значеніе будетъ имѣть такая бесѣда въ глазахъ блока? Будутъ говорить, что выступаютъ отдѣльные Министры, а не правительство, и что подобный частный починъ безплоденъ». *С. Д. Сазоновъ:* «Представители блока будутъ знать, что обмѣнъ мнѣній будетъ доложенъ Совѣту Министровъ, который и приметъ рѣшеніе сообразно съ обстоятельствами. Наконецъ, бесѣда необходима, чтобы согласиться о роспускѣ и обставить его мирно». *И. Л. Горемыкинъ:* «Согласятся они или нѣтъ, перерывъ сессіи все равно неизбѣженъ. Этого требуютъ государственные интересы». *А. Д. Самаринъ:* «Это прерогатива Монарха и гоняться за согласіемъ блока нечего». *А. А. Хвостовъ:* «Важно имъ проявить взглядъ правительства. Пусть всѣ знаютъ, что правительство не отрицаетъ необходимости нѣкоторыхъ измѣненій въ пріемахъ управленія и въ направленіи внутренней политики». *Кн. Н. Б. Щербатовъ:* «Самый фактъ встрѣчи и бесѣды создастъ въ общественномъ мнѣніи извѣстную атмосферу». *А. Д. Самаринъ:* «Все равно никто не повѣритъ. Общественное мнѣніе ждетъ другого». *А. А. Поливановъ:* «Бесѣда съ блокомъ поможетъ установить прграмму, на почвѣ которой возможно соглашеніе». *А. Д. Самаринъ:* «Слово соглашеніе не допустимо въ отношеніи къ такой пестрой компаніи, которая внутренне не слажена и большинство которой движимо низменными побужденіями захвата власти какою бы то ни было цѣною. Милюковъ, какою шкурою онъ ни прикрывайся, будетъ всегда въ моихъ глазахъ революціонеромъ, пока онъ не оправдается въ своихъ заграничныхъ выступленіяхъ». *С. Д. Сазоновъ:* «Что же тогда надо дѣлать по Вашему мнѣнію?» *А. Д. Самаринъ:* «Надо изъ состава блока прислушаться къ голосу благоразумныхъ и искренне болѣющихъ за родину людей. Такихъ людей не мало, если не больше, внѣ блока. Голоса эти должны дать матеріалъ для выработки правительственной программы, которую надо объявить въ Думѣ въ день объявленія роспуска». *А. А. Поливановъ:* «Но кто же эти люди, гдѣ ихъ выбирать? Въ блокѣ мы имѣемъ людей, облеченныхъ избраніемъ въ законодательныя учрежденія, и видныхъ политическихъ и общественныхъ дѣятелей». *А. Д. Самаринъ:* «Я возражаю противъ соглашенія, противъ связыванія себя обязательствами, а не противъ разговора съ блокомъ, но только освѣдомительнаго, не по порученію Совѣта Министровъ, а частно Въ Думѣ же должна быть объявлена не согласительная съ блокомъ программа, а взглядъ правительства на дальнѣйшія задачи дѣятельности. Я бы сказалъ такъ: все вниманіе правительства сосредоточено на интересахъ войны и ея потребностяхъ, которыя идутъ въ первую очередь, вообще же мы будемъ дѣйствовать и работать на такихъ то и такихъ то основаніяхъ». *С. Д. Сазоновъ:* «Вотъ этого-то мы сколько времени никакъ не можемъ придумать». *А. Д. Самаринъ:* «Чтобы придумать нѣчто реальное, надо выяснить измѣняющіяся съ теченіемъ событій настроенія въ странѣ и освѣдомиться въ истинныхъ пожеланіяхъ». *Кн. Н. Б. Щербатовъ:* «Да, это правильная формулировка. Но для веденія бесѣды съ блокомъ нужны руководящія указанія Совѣта Министровъ. Указанія не для объявленія представителямъ блока, а для уполномоченныхъ Совѣтомъ Министровъ вести эту бесѣду лицъ». *А. А. Хвостовъ:* «Я тоже не строю большихъ надеждъ на встрѣчу съ представителями блока, но думаю, что нельзя допускать созданія у нихъ убѣжденія, что правительство завѣдомо на нихъ плюетъ. Дѣлать нечего, приходится ихъ менажировать и дать понять, что ихъ мысли не отвергаются огуломъ. Я бы даже не встрѣтилъ препятствій говорить съ ними въ томъ смыслѣ, что объявленіе правительственной программы не отвергается въ принципѣ, но что сейчасъ нѣтъ времени ее составлять, такъ какъ необходимо прервать сессію законодательныхъ учрежденій для осуществленія мѣропріятій, по своей неотложности не допускающихъ нормальной ихъ санкціи». *И. Л. Го-*

ремыкинъ: «О пунктахъ программы блока мы уже сговорились и возвращаться къ нимъ не будемъ. Веденіе бесѣды съ представителями блока я прошу принять на себя Государственнаго Контролера, при участіи Министра Юстиціи, Министра Внутреннихъ Дѣлъ и Министра Торговли. Задача бесѣды — освѣдомленіе, созданіе атмосферы, чтобы не разойтись врагами, а пріятелями (въ это я не вѣрю). Никакого соглашенія теперь не можетъ быть. Если обстановка не помѣшаетъ, можно возобновить разговоры въ Ноябрѣ». *А. А. Поливановъ:* «Все-таки я просилъ бы сказать мнѣ окончательно, будетъ или нѣтъ декларація правительства передъ законодательными учрежденіями въ связи съ роспускомъ. Иными словами: собирается ли правительство заявить свои намѣренія передъ Государственною Думою или же ее отпустятъ отдыхать молчкомъ». *П. А. Харитоновъ:* «Предсѣдатель, повидимому, не желаетъ предрѣшать этотъ вопросъ и обсуждать его сегодня. Мнѣ тоже кажется, что цѣлесообразнѣе отложить этотъ вопросъ до выясненія результатовъ бесѣды съ блокомъ. Какъ ни трудна по теперешнему времени задача переговоровъ съ политическими и общественными дѣятелями, но я не считаю себя въ правѣ уклониться отъ предложенія Ивана Логгиновича». *А. Д. Самаринъ:* «Я не присутствовалъ въ началѣ и не могъ высказаться о деклараціи. Мнѣ думается, что такой актъ въ отношеніи Государственной Думы былъ бы желателенъ. Особенно это важно для успокоенія страны, которая съ большою нервностью относится къ правительству и его отношеніямъ съ Думою. Всѣ увидятъ, что разстаются по хорошему, съ привѣтственнымъ словомъ. Сущность же деклараціи, которая должна быть краткою, могла бы быть сведена къ слѣдующему: внесенные правительствомъ законопроекты, вызванные военными обстоятельствами, разрѣшены, а поэтому объявляется перерывъ сессіи, дабы дать депутатамъ возможность работать на мѣстахъ и на фронтѣ; въ настоящее время всѣ помыслы и силы должны быть сосредоточены на доведеніи войны до побѣднаго конца; передъ этою задачью все прочее отходитъ на второй планъ; затѣмъ можно сослаться на рѣчь Предсѣдателя Совѣта Министровъ при открытіи законодательныхъ учрежденій 19 Іюля, подтвердить ее и дополнить тѣмъ полезнымъ, что можетъ быть извлечено изъ голоса общественнаго мнѣнія. Такимъ образомъ была бы соблюдена преемственность въ правительственной политикѣ за послѣднее время и сдѣланъ вмѣстѣ съ тѣмъ шагъ на встрѣчу общественнымъ пожеланіямъ». *П. А. Харитоновъ:* «А затѣмъ эту декларацію надо повторить въ Государственномъ Совѣтѣ». *С. Д. Сазоновъ:* «Прекрасная мысль. Вполнѣ сочувствую такому выступленію и въ Думѣ, и въ Совѣтѣ». *А. А. Поливановъ:* «Само собою разумѣется, что молчкомъ распускать законодательныя учрежденія при современныхъ переживаніяхъ было бы неприлично». *Кн. В. Н. Шаховской:* «Тутъ есть одна опасность. Послѣ деклараціи откроются пренія, пойдетъ запись ораторовъ, пристрастная критика и различныя выходки по адресу правительства. Все это создастъ лишній шумъ и замедлитъ роспускъ». *С. Д. Сазоновъ:* «Можно заранѣе сговориться о недопущеніи преній. Родзянко прочтетъ указъ сейчасъ же послѣ рѣчи Предсѣдателя Совѣта Министровъ и дѣло кончено». *А. А. Хвостовъ:* «Президіумъ никогда не посмѣетъ пойти на такое средство». *С. Д. Сазоновъ:* «Ну, а если Родзянко откажетъ, то правительство въ правѣ выйти изъ засѣданія въ полномъ составѣ». *П. А. Харитоновъ:* «Ну, это ужъ будетъ не по хорошему. Вмѣсто примиренія окончательный разрывъ. Воображаю, чего только не наговорятъ послѣ нашего демонстративнаго выхода и какъ газеты зазвонятъ на весь честной міръ. Нѣтъ, лучше придумать что нибудь другое или даже отказаться отъ выступленія, если президіумъ не согласится не допустить преній». *И. Л. Горемыкинъ:* «Это вопросъ очень серіозный. Я подумаю. Пока не будемъ въ него углубляться. У насъ есть еще спѣшныя дѣла. Во всякомъ случаѣ я очень прошу П. А. Харитонова поспѣшить устройствомъ бесѣды съ представителями блока».

И. Л. Горемыкинъ: «Въ засѣданіе прибылъ генералъ Фроловъ, котораго я

пригласилъ для обсужденія вопроса о печати. Наши газеты совсѣмъ взбѣсились. Даже въ 1905 году они не позволяли себѣ такихъ безобразныхъ выходокъ, какъ теперь. Военная власть должна принять всѣ мѣры къ успокоенію печати. А Министерство Внутреннихъ Дѣлъ обязано помочь въ этомъ. Нельзя допускать теперешнихъ безобразій. Все направлено къ колебанію авторитета правительственной власти. Хотя бы взять ежедневныя сообщенія о новыхъ кабинетахъ съ общественными представителями и безъ нихъ. Среди правительственныхъ служащихъ полная растерянность и неувѣренность. На фронтѣ тоже получается впечатлѣніе вредное о томъ, что въ тылу нѣтъ устойчивости. Надо покончить съ газетнымъ враньемъ. Не время теперь для разнузданности печати Это не свобода слова, а чортъ знаетъ что такое». *С. Д. Сазоновъ:* «А вчерашнее сообщеніе о покушеніи на Великаго Князя Николая Николаевича. Подлѣйшій подвигъ подлѣйшаго репортера. Ко мнѣ по этому поводу обращались союзные представители. Никакого покушенія не было. Все это злостная выдумка для возбужденія общественной тревоги. Какъ военная цензура пропускаетъ подобныя извѣстія?» *И. Л. Горемыкинъ:* «Прошу генерала Фролова обратить вниманіе на этотъ фактъ и вообще болѣе рѣшительно приняться за газеты. Предупреждаю, что, если положеніе не измѣнится, Вы, генералъ, можете нажить большія непріятности». *П. А. Фроловъ:* «Не сомнѣваюсь въ непріятностяхъ и ихъ ожидаю». *И. Л. Горемыкинъ:* «А Вы не ожидайте и вычеркивайте побольше всю газетную ерунду». *П. А. Фроловъ:* «Я исполнитель. Директивы даются Ставкою и Центральнымъ Военно-Цензурнымъ Комитетомъ, который въ вѣдѣніи военнаго вѣдомства». *А. А. Поливановъ:* «Дѣло военнаго вѣдомства слѣдовать закону о военной цензурѣ, согласно которому воспрещенное къ оглашенію въ печати указано въ перечнѣ. Мы и обязаны руководствоваться перечнемъ, въ которомъ нѣтъ запрета печатать о новыхъ кабинетахъ съ участіемъ общественныхъ представителей. Военнымъ людямъ трудно разбираться въ тонкостяхъ желательнаго или нежелательнаго при смѣняющихся теченіяхъ въ государственной жизни. Военное вѣдомство должно быть внѣ политики. Это не его дѣло». *И. Л. Горемыкинъ:* «Политика въ условіяхъ настоящей войны не отдѣлима отъ военнаго дѣла. Сами военные говорятъ, что воюетъ не регулярная армія, а вооруженный народъ». *С. Д. Сазоновъ:* «Въ Германіи широко понимаютъ военную цензуру и не разгораживаютъ ее по вѣдомствамъ. Государственный интересъ общій для всѣхъ». *Кн. Н. Б. Щербатовъ:* «Замѣтка о покушеніи на Великаго Князя — результатъ печальнаго недосмотра. Но, при теперешнемъ ненормальномъ положеніи вопроса о цензурѣ, подобные вольные или невольные недосмотры неизбѣжны. Все дѣло не объединено и практика по районамъ пестра до безконечности. Въ однихъ мѣстахъ допускаютъ говорить чуть ли не объ однихъ отвлеченныхъ предметахъ и печатать только театральную хронику, а въ сосѣднемъ округѣ поощряется рабочая печать самаго невозможнаго направленія. Министерство Внутреннихъ Дѣлъ давно возбуждало вопросъ объ объединеніи военной цензуры въ Петроградѣ въ центральномъ органѣ, который розсылалъ бы повсемѣстно къ обязательному исполненію руководящія указанія, но генералъ Янушкевичъ усмотрѣлъ въ этомъ покушеніе на прерогативы Ставки и категорически отказалъ. Министерство Внутреннихъ Дѣлъ безсильно передъ усмотрѣніемъ Ставки. Можетъ быть Совѣтъ Министровъ добьется болѣе благопріятныхъ результатовъ». *А. А. Поливановъ:* «Этотъ вопросъ уже поднятъ въ военномъ вѣдомствѣ и будетъ обсуждаться въ спеціальной коммиссіи съ участіемъ представителей Министерства Внутреннихъ Дѣлъ». *И. Л. Горемыкинъ:* «Надо поспѣшить. Къ чему всѣ эти коммиссіи. Тутъ каждый часъ дорогъ». *Кн. Н. Б. Щербатовъ:* «Вотъ нашъ предсѣдатель нѣсколько разъ и сегодня, и раньше подчеркивалъ, что Министерство Внутреннихъ Дѣлъ какъ будто недостаточно энергично въ отношеніи печати. Но что же я могу подѣлать, когда въ Петроградѣ я только гость, а все зависитъ отъ военной власти. Эксцессы печати вызвали съ нашей стороны обращеніе въ

Ставку о необходимости въ интересахъ поддержанія внутренняго порядка указать военнымъ цензорамъ о болѣе распространительномъ пониманіи ихъ задачъ. Въ отвѣтъ на это послѣдовало изъ Ставки распоряженіе за подписью Янушкевича о томъ, что военная цензура не должна вмѣшиватся въ гражданскія дѣла. Это распоряженіе и послужило основаніемъ къ теперешней разнузданности. О Москвѣ, которая пока еще не входитъ въ театръ войны, долженъ тоже сказать, что мы безсильны. Предварительная цензура у насъ давно отмѣнена и мы не можемъ помѣшать выходу въ свѣтъ нежелательныхъ статей и извѣстій въ печати. У насъ только одинъ способъ — право кары и закрытія газетъ». *И. Л. Горемыкинъ:* «Вотъ Вы этимъ правомъ и пользуйтесь. Издатели не любятъ, когда ихъ карманъ страдаетъ, и подожмутъ хвосты. А относительно военной цензуры я поговорю съ Государемъ Императоромъ. Если соблюденію государственныхъ интересовъ мѣшаетъ законъ, то можно его измѣнить». *Кн. Н. Б. Щербатовъ:* «Наложеніе штрафовъ и закрытіе газетъ вызываетъ запросы и скандалы въ Государственной Думѣ, которые только содѣйствуютъ популяризаціи подвергнутыхъ преслѣдованію органовъ печати». *И. Л. Горемыкинъ:* «Вотъ Дума на дняхъ не будетъ Вамъ больше мѣшать» *Кн. Н. Б. Щербатовъ:* «Тогда можно будетъ справиться». *И. Л. Горемыкинъ:* «Надо немедленно обдумать и провести мѣры къ тому, чтобы подобныя явленія въ печати не повторялись. Прошу Министра Внутреннихъ Дѣлъ сговориться объ этомъ съ Военнымъ Министромъ и генераломъ Фроловымъ. Если нужно, я испрошу у Государя распоряженій по территоріи театра войны. Вообще надо дѣйствовать энергично. Пора отъ словъ перейти къ дѣйствіямъ. Его Величество крайне недоволенъ, что столько времени правительство не можетъ справиться съ газетною агитаціей. Это можетъ кончиться для Министерства Внутреннихъ Дѣлъ большими непріятностями. Обращаю вниманіе князя Н. Б. Щербатова на необходимость проявить власть въ отношеніи печати и, пока не будутъ изысканы другія мѣры, примѣнять денежныя взысканія А генерала Фролова я прошу сегодня же наложить штрафъ на газету, которая позволила себѣ напечатать завѣдомое вранье о покушеніи на Великаго Князя». *П. А. Фроловъ:* «Выясню, какая газета напечатала это извѣстіе первая, и оштрафую ее въ наивысшемъ размѣрѣ съ поясненіемъ повода, вызывающаго наложеніе кары». *С. Д. Сазоновъ:* «Эту ложь пустилъ Бориска Суворинъ въ его дрянномъ Вечернемъ Времени». *П. А. Фроловъ:* «Хлопнемъ тогда Бориску. Очевидно онъ сболтнулъ спьяна. Вѣдь, это его обычное состояніе». *И. Л. Горемыкинъ:* «Еще разъ призываю всѣ вѣдомства всячески бороться съ агитаціею печати. Въ этомъ случаѣ затронуты слишкомъ существенные интересы, чтобы останавливаться на формальностяхъ и на толкованіяхъ законовъ. Совершенно ясно, что военные цензора не могутъ оставаться равнодушными къ газетамъ, если они волнуютъ армію и создаютъ смуту въ странѣ. Если они не способны разобраться въ этомъ, то надо ихъ немедленно, безъ всякихъ коммиссій, пополнить гражданскими и дипломатическими чинами. Такую, какъ теперь у насъ, распущенность печати не допустятъ ни въ какой республикѣ». *А. А. Поливановъ:* «Не допустятъ по закону». *И. Л. Горемыкинъ:* «Когда будетъ нужно, то дополнятъ законъ или быстро издадутъ новый. Повторяю, медлить больше нельзя, надо дѣйствовать. Это нужно для войны и обороны. Кончится война — тогда посмотримъ, что будетъ».

По обсужденіи еще нѣсколькихъ вопросовъ, не представляющихъ нынѣ общаго интереса, засѣданіе было закрыто. У меня отмѣчено: «Поливановъ больше помалкиваетъ и изрѣдка кусается. Его рѣзкость въ отношеніи Ивана Логгиновича переходитъ границы приличія. Старикъ едва сдерживается при всей своей корректности. Непонятно, куда гнетъ и чего хочетъ Поливановъ. Завороженъ общественностью черезъ гучковскіе очки и въ ней только и видитъ спасеніе. Но зачѣмъ же тогда передъ началомъ засѣданія онъ иронически разсказывалъ о безконечномъ словоговореніи независимыхъ представителей въ

Особомъ Совѣщаніи по оборонѣ. Хоть и Военный Министръ, по личность загадочная, если не сказать—подозрительная. Охъ, Матушка Рассея, не легко тебѣ приходится».

ЗАСѢДАНІЕ 28 АВГУСТА 1915 ГОДА.

27 Августа у П. А. Харитонова состоялось собраніе съ участіемъ представителей прогрессивнаго блока. Среди послѣднихъ въ моей записи отмѣчены: Милюковъ, Дмитрюковъ, С. Шидловскій и Ефремовъ. Результаты этого собранія доложены Государственнымъ Контролеромъ слѣдующимъ образомъ:

П. А. Харитоновъ: «Съ первыхъ же словъ я предупредилъ собравшихся у меня лицъ, что наша встрѣча имѣетъ частный характеръ, что она никого ни къ чему не обязываетъ и что цѣль бесѣды исключительно информаціонная. Разговоръ шелъ по программѣ блока, въ порядкѣ послѣдовательности ея изложенія. Прежде всего коснулись пожеланія программы относительно правительства. На мой вопросъ, какимъ путемъ это пожеланіе можетъ быть осуществлено, ибо назначеніе министровъ является прерогативою Монарха, который въ этомъ отношеніи закономъ ничѣмъ не связанъ, всѣ отвѣтили, что вопросъ сводится къ призванію Его Императорскимъ Величествомъ пользующагося общественнымъ довѣріемъ лица, которому должно быть поручено составленіе кабинета по своему усмотрѣнію и установленію опредѣленныхъ взаимоотношеній съ Государственною Думою. По второму пожеланію — относительно пріемовъ управленія — было сказано, что оно находится въ органической связи съ первымъ. Затѣмъ по пунктамъ программы выяснилось слѣдующее. Амнистія намѣчается не общая, а частная, причемъ въ первую очередь имѣются въ виду выборжцы и лица, лишенныя избирательныхъ правъ. Болѣе широкія требованія предъявляются въ вопросѣ объ амнистіи для административно высланныхъ. Тутъ ясно видна презумпція, что эта высылка есть ничто иное, какъ проявленіе произвола, что всѣ дѣла подлежатъ ликвидаціи, поскольку не будетъ судебныхъ рѣшеній. Свобода вѣры понимается приблизительно такъ же, какъ мы говорили прошлый разъ. По польскому вопросу возникло предположеніе о частичномъ проведеніи автономіи по мѣрѣ очищенія польскихъ областей отъ непріятеля. На указаніе съ нашей стороны, что снятіе ограниченій въ отношеніи польскаго землевладѣнія равносильно завѣдомой опасности полонизаціи Западнаго края, послѣдовали отвѣты уклончивые: конечно, придется дѣйствовать не сразу, а въ извѣстной постепенности, въ зависимости отъ условій, и т. д.; надо сдѣлать жестъ, приступивъ къ пересмотру ограничительныхъ узаконеній, который, можетъ быть, и останется пока безъ реальныхъ результатовъ; любопытно, что даже Милюковъ не настаивалъ на этомъ вопросѣ и выражался съ большою дипломатическою осторожностью, т. е. попросту говоря — ни два, ни полтора. За то Милюковъ настоятельно высказывался о желательности уравнять польскихъ землевладѣльцевъ въ правахъ на ссуды изъ Дворянскаго Земельнаго Банка. Въ еврейскомъ вопросѣ тоже не замѣтно особой рѣшительности въ смыслѣ немедленнаго равноправія. Наши опасенія погромовъ въ сельскихъ мѣстностяхъ не опровергались. Сущность требованій — дальнѣйшіе шаги по пути смягченія режима для евреевъ, но не сразу, а постепенно. Для Финляндіи требуется благожелательное управленіе, существу котораго генералъ Зейнъ признается совершенно несоотвѣтствующимъ. Еще больше вызываетъ возраженій Боровитиновъ, директоръ генералъ-губернаторской канцеляріи, который, по словамъ нѣкоторыхъ изъ собесѣдниковъ, очень плохъ и безтактенъ; его вызывающій тонъ раздражаетъ финляндцевъ и порождаетъ неудовольствія даже въ Швеціи. Его увольненіе особенно неотложно. Что касается закона 17 Іюля, то на отмѣнѣ его не настаивали; только Милюковъ всталъ на точку зрѣнія соціаль-

демократической фракціи, которою выработанъ по этому поводу законопроектъ въ порядкѣ думской инціативы. Вопросъ объ арестованныхъ галичанахъ отпалъ въ виду уже принятыхъ правительствомъ мѣръ. Относительно печати пожеланія можно формулировать въ томъ смыслѣ, что немедленныя облегченія должны быть даны малорусской печати, но не украйно-фильской или, другими словами, мѣстнымъ газетамъ на мѣстномъ языкѣ, но не политическимъ органамъ сепаратистическаго направленія, поддерживаемаго австрійцами. По рабочему вопросу главнымъ образомъ выступалъ Дмитрюковъ. Непримиримыхъ различій съ общими основаніями, намѣченными Совѣтомъ Министровъ въ прошломъ засѣданіи, не замѣтно и соглашеніе, повидимому, можетъ быть достигнуто. Перечень законопроектовъ не вызвалъ особыхъ разговоровъ Насколько можно было уловить изъ туманныхъ намековъ, все дѣло сводится къ тому, что правительство должно взять на себя обязательство проводить въ Государственномъ Совѣтѣ одобренные Государственною Думою законы въ возможно болѣе неприкосновенномъ видѣ. Резюмируя наше общее впечатлѣніе отъ вчерашней бесѣды, можно было бы сказать такъ: блокъ силенъ, пока онъ объединенъ; нынѣшній его составъ искусственный и едва ли прочный; лежащее въ его основѣ соглашеніе является не принципіальнымъ, а вызвано соображеніями сегодняшняго дня; словомъ — организація временная; программа основана на компромиссахъ; можно предвидѣть, что въ дальнѣйшемъ требованія будутъ болѣе широкими и иного характера». *С. Д. Сазоновъ:* «А какое, по Вашему мнѣнію, впечатлѣнія вынесли думцы изъ этой бесѣды? Какъ Вы думаете, пойдутъ они на хотя бы временное соглашеніе съ правительствомъ». *П. А. Харитоновъ:* «Отношеніе ихъ къ намъ было въ высшей степени корректное и сдержанное. Довѣрія къ намъ, какъ официальнымъ лицамъ, не чувствовалось или во всякомъ случаѣ видимо не проявлялось. Несомнѣнно, однако, что ушли они до нѣкоторой степени удовлетворенными общимъ настроеніемъ бесѣды, безъ сознанія непримиримости противорѣчій и съ впечатлѣніемъ, что правительство во многомъ можетъ пойти навстрѣчу пожеланіямъ блока». *Кн. Н. Б. Щербатовъ:* «Любопытно отмѣтить, что во время бесѣды правительству ставилась въ укоръ келейность дѣйствій. Мы прощаемъ политическихъ, чистимъ администрацію, проводимъ различныя улучшенія, но все это проходитъ незамѣтно для огромнаго большинства страны. Словомъ, наши дѣйствія не производятъ политическаго эффекта». *С. Д. Сазоновъ:* «Значитъ, бесѣда имѣла полезное значеніе для освѣдомленія обѣихъ сторонъ и у представителей блока нѣтъ чувства безнадежности въ отношеніи правительства. Можно думать, что послѣ этого думцы разойдутся менѣе озлобленными и возбужденными. Это все-таки большой шагъ впередъ». *П. А. Харитоновъ:* «Боюсь утверждать въ такой категорической формѣ. Но, несомнѣнно, встрѣча прошла не безъ пользы и изъ нея можно кое-что извлечь для будущаго». *Кн. Н. Б. Щербатовъ:* «Я тоже думаю, что теперь можно надѣяться, что роспускъ пройдетъ болѣе гладко». *И. Л. Горемыкинъ:* «Разойдется ли Дума тихо или со скандаломъ — безразлично. Рабочіе безпорядки разовьются помимо, если вожаки готовы къ дѣйствіямъ. Но я увѣренъ, что все обойдется благополучно и что страхи преувеличенны». *С. Д. Сазоновъ:* «Вопросъ не въ готовности рабочихъ вожаковъ, а въ томъ, что въ законодательной палатѣ напряженность и озлобленность, во время не умиротворенныя, могутъ вызвать серіозные конфликты которые тяжко отразятся на странѣ и на веденіи войны». *И. Л. Горемыкинъ:* «Это все равно, пустяки Никого, кромѣ газетъ, Дума не интересуетъ и всѣмъ надоѣла своей болтовнею». *С. Д. Сазоновъ:* «А я категорически утверждаю, что мой вопросъ не все равно и не пустяки. Пока я состою въ Совѣтѣ Министровъ, я буду повторять, что безъ добрыхъ отношеній съ законодательными учрежденіями никакое правительство, какъ бы оно ни было самонадѣянно, не можетъ управлять страною и что то или иное настроеніе депутатовъ вліяетъ на общественную психологію. Обязанность мудрой власти предусмотрѣть грозныя послѣдствія и не дѣлать поспѣшныхъ шаговъ».

И. Л. Горемыкинъ: «Вопросы на обсужденіе Совѣта Министровъ ставлю я, въ качествѣ Предсѣдателя Совѣта. Я нахожу, что вопросъ о прекращеніи законодательной сессіи достаточно исчерпанъ по существу и что дальнѣйшія пренія излишни. Прошу г. г. Членовъ Совѣта Министровъ теперь высказаться окончательно, слѣдуетъ ли назначить перерывъ сессіи, когда и какъ его обставить». *С. Д. Сазоновъ:* «Я не могу высказаться, пока не узнаю, какія впечатлѣнія по этому вопросу вынесены тѣми моими коллегами, которыхъ Совѣтъ Министровъ уполномочилъ вести переговоры съ представителями блока». *И. Л. Горемыкинъ:* «Если участники бесѣды признаютъ возможнымъ дать какія нибудь свѣдѣнія, то я не встрѣчаю препятствій». *П. А. Харитоновъ:* «Насколько я могъ убѣдиться изъ отдѣльныхъ оговорокъ, блокъ и не думаетъ о возможности роспуска въ настоящее время, когда съ нимъ заговорили». *А. А. Хвостовъ:* «Я вынесъ такое же впечатлѣніе. Повидимому, они все-таки считаютъ, что почва для дальнѣйшихъ переговоровъ есть». *Кн. В. Н. Шаховской:* «Мое впечатлѣніе такое же. Представители блока поняли, что правительство не отвергаетъ цѣликомъ всей программы блока и что можно еще поторговаться». *С. Д. Сазоновъ:* «О пріемлемости всей программы не можетъ быть и рѣчи. Я увѣренъ, что такъ думаетъ и самъ магъ и волшебникъ Павелъ Николаевичъ Милюковъ». *П. А. Харитоновъ:* Еще два слова поясненія. Я сказалъ, что у представителей блока не чувствовалось къ намъ довѣрія. Мнѣ думается, что корень этого недовѣрія — отсутствіе увѣренности въ томъ, что правительство, несмотря на начатые переговоры, не отказалось отъ мысли о роспускѣ. Они не хотѣли ставить этого вопроса ребромъ, но онъ все время чувствовался у нихъ въ разговорѣ». *С. Д. Сазоновъ:* «Значитъ, изъ Вашихъ словъ можно заключить, что роспускъ въ данную минуту произведетъ тяжелое впечатлѣніе и люди уйдутъ еще болѣе озлобленные, не по хорошему». П. А. Харитоновъ отвѣчаетъ неопредѣленнымъ разведеніемъ рукъ. *И. Л. Горемыкинъ:* «Въ настоящей внутренней и внѣшней обстановкѣ не время ни мириться и ни драться. Надо дѣйствовать. Иначе все рухнетъ. Если блокъ будетъ придумывать новыя оттяжки и отказывается отвѣтить прямо, то и Богъ съ нимъ. Правительству нечего идти въ хвостѣ у блока. Ставлю на голосованіе вопросъ о роспускѣ и прошу Совѣтъ Министровъ рѣшить этотъ вопросъ. Ваше (обращаясь къ Министру Юстиціи) мнѣніе по этому предмету». *А. А. Хвостовъ:* «Чѣмъ скорѣе будетъ покончено съ этимъ затянувшимся вопросомъ, тѣмъ лучше. Вся жизнь остановилась. Сомнѣніе у меня возникаетъ лишь относительно Особаго Совѣщанія о бѣженцахъ. Законопроектъ этотъ вызванъ военными обстоятельствами и внесенъ правительствомъ. Его важно провести въ нормальномъ порядкѣ и дать возможность произвести выборы членовъ отъ законодательныхъ учрежденій. Если всю процедуру можно провести до вторника, то я высказался бы за отсрочку до этого дня». *П. А. Харитоновъ:* «Я тоже раздѣляю это мнѣніе. Нельзя допускать упрека въ нашу сторону, что правительство само вноситъ законопроекты, вызванные военными условіями, и само же не даетъ возможности ихъ пропустить». *А. А. Хвостовъ:* «Если же думцы станутъ нарочито его затягивать, то съ ними, значитъ, нельзя по хорошему разговаривать, а надо по просту ихъ гнать». *С. Д. Сазоновъ:* «Я тоже за роспускъ, но со всѣми тѣми оговорками, о которыхъ я повторяю съ самаго начала возникновенія этого вопроса». *А. А. Поливановъ:* «Я тоже за роспускъ, но прошу дать мнѣ возможность мотивировать. Конечный успѣхъ борьбы съ нѣмцами всецѣло зависитъ отъ средствъ обороны, отъ обильнаго снабженія нашихъ армій. Эту подготовительную задачу Его Императорское Величество считаетъ въ значительной степени зависящею отъ дружной и энергичной работы общественныхъ организацій. Произнесенныя Государемъ въ обращеніи къ Особому Совѣщанію по оборонѣ слова не оставляютъ сомнѣній и съ радостью приняты страною. Обязанность правительства содѣйствовать этой работѣ и не допускать такихъ дѣйствій, которыя могутъ повлечь за собою обостреніе неудовольствій въ общественныхъ кругахъ и выступленія рабочихъ. При такихъ

условіяхъ перерывъ сессіи долженъ быть осуществленъ въ такой формѣ, чтобы не сдѣлать Членовъ Государственной Думы открытыми врагами правительственной власти, ибо ихъ вліяніе среди общественныхъ организацій несомнѣнно велико. Я бы сказалъ, что не только въ тыловыхъ организаціяхъ, но и на фронтѣ. Въ оцѣнкѣ вопросовъ общеполитическаго значенія приходится въ наше время учитывать отзвукъ, который тѣ или иныя дѣйствія могутъ имѣть въ арміи. Не надо забывать, что сейчасъ армія далеко не та, которая выступила въ началѣ войны. Регулярныя войска сильно порѣдѣли и растворяются въ массѣ, какъ это теперь модно говорить, вооруженнаго народа, плохо обученнаго и не проникнутаго чувствомъ военной дисциплины. Въ частности, объ офицерствѣ, пополняемомъ ускоренными выпусками и прапорщиками изъ запаса, надо отмѣтить, что оно не чуждо политики и даже политиканства. Такимъ образомъ, вопросъ о роспускѣ не можетъ быть разрѣшенъ внѣ зависимости отъ предрѣшенія тѣхъ или иныхъ формъ этого акта. По существу у меня нѣтъ сомнѣній, что продленіе сессіи до безконечности безполезно и недопустимо и что роспускъ долженъ послѣдовать въ ближайшемъ времени. Установленіе окончательнаго дня надо связать съ прохожденіемъ законопроекта о бѣженцахъ и осуществленіемъ выборовъ въ бѣженское совѣщаніе представителей отъ законодательныхъ учрежденій, сговорившись по этому поводу съ президіумами Государственнаго Совѣта и Государственной Думы. Затѣмъ, на послѣднемъ засѣданіи, передъ оглашеніемъ Высочайшаго указа о перерывѣ занятій, Предсѣдателю Совѣта Министровъ слѣдовало бы выступить въ обѣихъ палатахъ съ правительственнымъ заявленіемъ въ благожелательномъ тонѣ и указать, что съ блокомъ нѣтъ непримиримыхъ разногласій. Заявленіе это должно быть краткимъ, причемъ въ немъ было бы полезно мотивировать самый роспускъ соображеніями не принципіальнаго, а практическаго свойства». *Кн. В. Н. Шаховской:* «У меня нѣтъ колебаній, что немедленный роспускъ необходимъ. Совершенно согласенъ съ Военнымъ Министромъ, что этому акту надо придать такую форму, которая устраняла бы излишнія обостренія между Думою и правительствомъ. Добавлю, что было бы ошибочно связывать вопросъ о роспускѣ съ возможностью рабочихъ безпорядковъ. Эти два вопроса другъ отъ друга независимы. Будетъ ли Дума или не будетъ, все равно не избѣжать рабочихъ волненій и безпорядковъ. Предлогъ будетъ всегда найденъ. У г. г. вожаковъ рабочей массы есть всегда возможность прибѣгнуть къ излюбленному подпольными организаціями средству — провокаціи съ переносомъ за нее отвѣтственности на правительственную власть». *Кн. Н. Б. Щербатовъ:* «Я присоединяюсь къ мнѣнію о необходимости ближайшаго роспуска, но при условіи предоставленія Думѣ возможности срочно закончить разсмотрѣніе законопроекта о бѣженцахъ и произвести выборы своихъ представителей въ совѣщаніе. Это совѣщаніе для Министерства Внутреннихъ Дѣлъ существенно необходимо. Вѣдь, на бѣженское дѣло приходится расходовать сотни милліоновъ и притомъ внѣ всякихъ формъ и правилъ. Все это явится поводомъ къ различнымъ нареканіямъ, противъ которыхъ страховкою будетъ присутствіе выборныхъ представителей отъ законодательныхъ учрежденій. Относительно прохожденія въ Думѣ законопроекта о совѣщаніи надо сговориться съ президіумомъ и партійными лидерами и совмѣстно съ ними установить срокъ оглашенія указа о перерывѣ сессіи. Что касается выступленія въ Думѣ правительства въ день закрытія, то я считалъ бы это въ высшей степени желательнымъ съ общеполитической точки зрѣнія. Слѣдуетъ имѣть въ виду, что за послѣднее время акціи Государственной Думы въ странѣ сильно пали и стоятъ не высоко. Но вмѣстѣ съ тѣмъ среди населенія вкоренилось убѣжденіе, что правительство стоитъ въ сторонѣ и ничего не хочетъ дѣлать, ссылаясь на военныя обстоятельства. Поэтому выступленіе передъ законодательными учрежденіями въ интересахъ самого правительства, которое такимъ путемъ оповѣститъ о своей работѣ и дальнѣйшихъ намѣреніяхъ. Это тѣмъ болѣе важно, что въ общемъ программа прогрессивнаго блока въ значи-

тельной степени пріемлема и только въ отдѣльныхъ вопросахъ расходится съ правительственною точкою зрѣнья. Услышавъ объ этомъ, многіе колеблющіеся перейдутъ на сторону примирительной позиціи». *Гр. П. Н. Игнатьевъ:* «Безконечная сессія, само собою разумѣется, невозможна и перерывъ занятій долженъ послѣдовать въ ближайшемъ времени. Но, какъ правильно сказалъ Военный Министръ, весь вопросъ сводится къ формѣ и обстановкѣ роспуска, т. е. пройдетъ ли этотъ актъ по хорошему или во враждебной атмосферѣ. Въ данное тревожное время такая атмосфера была бы весьма опасна. Она пока ла бы странѣ, что съ правительствомъ законодательныя учрежденія работать и сговориться не могутъ или, вѣрнѣе, правительство не можетъ сговориться съ Государственною Думою въ такой моментъ, когда всѣ силы и помыслы должны быть сосредоточены на интересахъ обороны. Если мы окончательно разойдемся съ 4-ю Думою, то этимъ смымъ подтвердится, что правительство и народоне представительство принципіально не совмѣстимы. Придется тогда въ близкомъ будущемъ назначать новые выборы, которые пройдутъ въ такой атмосферѣ, что съ 5-ю Думою уже не будетъ никакого сладу. Перспективы будущаго вызываютъ жуткое чувство и я рѣшительно высказываюсь за то, чтобы сейчасъ съ Думою было достигнуто соглашеніе и углы сглажены. Роспускъ долженъ явиться результатомъ сговора съ вліятельными думцами». *А. В. Кривошеинъ:* «Я готовъ примкнуть къ тому мнѣнію, которое такъ ярко выражено А. А. Поливановымъ. Но передо мною становится другой вопросъ. Какая возможна форма и сущность правительственнаго заявленія въ Думѣ для избѣжанія несомнѣнно существующаго конфликта между правительствомъ и общественнымъ мнѣніемъ. Что мы ни говори, что мы ни обѣщай, какъ ни заигрывай съ прогрессивнымъ блокомъ и общественностью — намъ все равно ни на грошъ не повѣрятъ. Вѣдь требованія Государственной Думы и всей страны сводятся къ вопросу не программы, а людей, которымъ ввѣряется власть. Поэтому мнѣ думается, что центръ нашихъ сужденій долженъ бы заключаться не въ исканіи того или другого дня для роспуска Государственной Думы, а въ постановкѣ принципіальнаго вопроса объ отношеніи Его Императорскаго Величества къ правительству настоящаго состава и къ требованіямъ страны объ исполнительной власти, облеченной общественнымъ довѣріемъ. Пускай Монархъ рѣшитъ, какъ ему угодно направить дальнѣйшую внутреннюю политику, по пути ли игнорированія такихъ пожеланій или же по пути примиренія, избравъ во второмъ случаѣ пользующееся общественными симпатіями лицо и возложивъ на него образованіе правительства. Безъ разрѣшенія этого кардинальнаго вопроса мы все равно съ мѣста не сдвинемся. Лично я высказываюсь за второй путь дѣйствій — избраніе Государемъ Императоромъ лица и порученіе ему составить кабинетъ, отвѣчающій чаяніямъ страны». *И. Л Горемыкинъ:* «Это другая постановка вопроса. Мы можемъ къ ней вернуться потомъ. Сейчасъ же я прошу А. В. Кривошеина сказать опредѣленно, за роспускъ ли онъ Думы или противъ». *А. В. Кривошеинъ:* «Я неоднократно высказался противъ длительной сессіи и этого мнѣнія не измѣняю. Но при современной обстановкѣ разрѣшеніе вопроса о роспускѣ должно исходить отъ Монарха по докладу того Совѣта Министровъ, которому Его Величество вручитъ власть въ зависимости отъ принятія рѣшенія о направленіи политики. Воля Государя Императора для насъ священна и будетъ нами исполнена». *И. Л. Горемыкинъ:* «Продолжаю голосованіе постановленнаго мною вопроса о роспускѣ. Чтобы не было недоразумѣній, повторяю, что мы говоримъ не о прекращеніи полномочій даннаго состава Думы, а лишь о перерывѣ сессіи до Ноября. Ваше (обращаясь къ Морскому Министру) мнѣніе». *И. К. Григоровичъ:* «Я за роспускъ послѣ проведенія закона о бѣженскомъ совѣщаніи». *П. Н. Думитрашко* (замѣститель Министра Путей Сообщенія): «Я также». *А. И. Николаенко* (замѣститель Министра Финансовъ): «Я тоже». *С. Д. Сазоновъ:* «Мнѣ кажется, что вновь формулированная А. В. Кривошеинымъ точка зрѣнія не можетъ быть оставлена Совѣтомъ Министровъ безъ обсужденія и должна быть доведена до

свѣдѣнія Его Величества. Лично я всецѣло къ ней примыкаю. Въ ней кристаллизованно то, вокругъ чего мы ходимъ уже много дней». *Гр. П. Н. Игнатьевъ:* «Я тоже присоединяюсь къ А. В. Кривошеину. Что мы ни обѣщай, намъ не повѣрятъ. Всѣ ждутъ перемѣны и опредѣленности политики». *П. А. Харитоновъ:* «Постановка вопроса, предложенная А. В. Кривошеинымъ, отвѣчаетъ вполнѣ современной политической обстановкѣ. Я совершенно согласенъ съ тѣмъ, что всѣ наши заявленія ничему не помогутъ. Надо рѣшить вопросъ о томъ или иномъ направленіи внутренней политики и избрать тѣхъ людей, которые будутъ въ силахъ ее проводить въ жизнь». *И. Л. Горемыкинъ:* «Слѣдовательно, вопросъ о роспускѣ Думы долженъ быть отложенъ до распредѣленія портфелей и ограниченія Монарха въ прерогативѣ избранія министровъ». *А. В. Кривошеинъ».* «Я готовъ согласиться на одновременность роспуска Думы и смѣны кабинета». *Кн. Н. Б. Щербатовъ:* «Дѣйствительно, пора перестать топтаться на одномъ мѣстѣ. Недовольство въ странѣ растетъ съ угрожающею быстротою. Всѣ ждутъ того или другого лозунга. Надо выяснить дальнѣйшую внутреннюю политику и призвать новыхъ людей. Нашъ долгъ просить Его Величество покончить съ неопредѣленностью и сказать рѣшающее слово». *И. Л. Горемыкинъ:* «Значитъ, по мнѣнію нѣкоторыхъ Членовъ Совѣта Министровъ, рѣшеніе вопроса надо перенести съ насъ на Государя Императора». *Кн. Н. Б. Щербатовъ:* «Да, вопросъ настолько важенъ и чреватъ послѣдствіями, что его можетъ разрѣшить только Монархъ». *Кн. В. Н. Шаховской:* «Выслушанныя соображенія убѣждаютъ меня, что въ вопросѣ о правительствѣ компромиссъ съ общественнымъ мнѣніемъ необходимъ. Иначе кризисъ можетъ затянуться и окончательно осложнить внутреннее положеніе. Поэтому, я тоже, согласно съ мнѣніемъ А. В. Кривошеина, высказываюсь за смѣну кабинета, но съ одновременнымъ роспускомъ Государственной Думы». *А. В. Кривошеинъ:* «Въ развитіе своей мысли я сказалъ бы такъ: мы, старые слуги Царя, беремъ на себя непріятную обязанность роспуска Думы и вмѣстѣ съ тѣмъ твердо заявляемъ Государю Императору, что общее внутреннее положеніе страны требуетъ перемѣны кабинета и политическаго курса. То или иное рѣшеніе Его Величествомъ основного вопроса предрѣшитъ и личный составъ будущаго правительства». *И. Л. Горемыкинъ:* «Кто же эти новые люди? Представители фракцій или чины администраціи? Вы предполагаете одновременно назвать Государю желательныхъ кандидатовъ изъ опредѣленнаго лагеря?», *А. В. Кривошеинъ:* «Никого я лично подсказывать не собираюсь. Составъ долженъ отвѣчать избранному Его Величествомъ политическому курсу. Пусть Государь Императоръ пригласитъ опредѣленное лицо и предоставитъ ему намѣтить своихъ будущихъ сотрудниковъ. Иная формула невозможна». *И. Л. Горемыкинъ:* «Значитъ, признается необходимымъ поставить Царю ультиматумъ—отставка Совѣта Министровъ и новое правительство». *С. Д. Сазоновъ:* «Его Императорскому Величеству мы не ставимъ и не собирались ставить ультиматума. Мы не крамольники, а такіе же вѣрноподданные своего Царя, какъ и Ваше Высокопревосходительство. Я очень прошу не упоминать такихъ словъ въ нашихъ сужденіяхъ». *И. Л. Горемыкинъ:* «Беру свои слова обратно. Сейчасъ не такое время, чтобы становиться на личную почву. Значитъ, въ концѣ концовъ, Совѣтъ Министровъ приходитъ къ заключенію, что Государственная Дума подлежитъ роспуску и, по выполненіи нами этой задачи, долженъ быть назначенъ новый кабинетъ, согласно съ пожеланіемъ прогрессивнаго блока». *Кн. Н. Б. Щербатовъ:* «Говоря о перемѣнѣ политики и новомъ кабинетѣ, я иду не въ поводу у Думы и блока, а слѣдую своему внутреннему убѣжденію, основанному на оцѣнкѣ общеполитическаго положенія. Перемѣну кабинета желаетъ вся страна и я къ ней примыкаю». *А. А. Поливановъ:* «Схема дѣйствій по моему вполнѣ правильная — Государственную Думу распустить распоряженіемъ существующаго кабинета и просить Государя Императора тотчасъ же послѣ этого призвать новыхъ правителей, отвѣчающихъ ожиданіямъ страны». *И. Л. Горемыкинъ:* «Отвѣтственность за роспускъ Думы принимаю

на себя безъ колебаній, будучи убѣжденъ, что эта мѣра необходима для успокоенія страны и для организаціи обороны. Но навязывать Государю Императору личностей, ему неугодныхъ, я не считаю для себя возможнымъ. Какъ я говорилъ раньше — можетъ быть мои взгляды и архаичны, но мнѣ поздно ихъ мѣнять». *Кн. Н. Б. Щербатовъ:* «Вопросъ не въ навязываніи Государю Императору тѣхъ или другихъ лицъ. Мы этого дѣлать не въ правѣ. Вопросъ стоитъ иначе: объединить кабинетъ на рулѣ вправо или влѣво, покончивъ съ теперешнею неопредѣленностью. Рѣшеніе этого вопроса всецѣло зависитъ отъ Монарха. Его воля избрать и направленіе руля и людей, которымъ онъ сочтетъ нужнымъ довѣрить этотъ руль» *И. Л. Горемыкинъ:* «Хорошо, мы все это доложимъ Его Величеству, а онъ не захочетъ мѣнять. Что же дальше?» *С. Д. Сазоновъ:* «Тогда каждый изъ насъ, исполнивъ свой долгъ въ качествѣ Члена Совѣта Министровъ, получитъ свободу дѣйствій и лично доложитъ Его Императорскому Величеству свой взглядъ на общее политическое положеніе и вытекающіе изъ этого взгляда выводы». *А. Д. Самаринъ* (прибывшій въ засѣданіе къ концу преній): «Удобно ли намъ сказать Государю Императору — мѣняйте правительство и назначайте новыхъ людей. Какой мотивъ для такого заявленія? Я бы затруднился подписаться подъ ссылкою на желаніе всей страны, ибо анкеты не было и никто истинныхъ стремленій не вѣдаетъ. Государственная же Дума не можетъ считаться выразительницею мнѣнія всей Россіи; въ ней самой выставляются весьма различныя и даже непримиримыя требованія о составѣ новаго кабинета, въ зависимости отъ партійныхъ соображеній и интересовъ. Если же смѣна правительства есть наше личное требованіе, то, по моему глубокому убѣжденію, мы не въ правѣ переносить на Государя Императора всю тяжесть выбора и тѣмъ отягощать и безъ того весьма трудное его положеніе въ минуты, когда наша обязанность всѣми силами ему помочь благополучно разрѣшить назрѣвшій кризисъ. Надо представить Его Величеству необходимыя съ нашей точки зрѣнія основанія программы политики въ соотвѣтствіи съ измѣнившимися условіями внутренней и внѣшней обстановки и одновременно доложить, что въ Совѣтѣ Министровъ настоящаго состава нѣтъ сплоченности и внутренняго единенія, особенно важныхъ предъ лицомъ развивающихся событій, и что поэтому мы ходатайствуемъ о созданіи, взамѣнъ насъ, другого правительства, которому было бы посильно эту программу провести въ жизнь. Если такое наше представленіе получитъ принципіальное одобреніе, то нашъ долгъ указать пріемлемое лицо, ибо общія фразы объ общественномъ довѣріи по существу ничего не значатъ и являются лишь пріемомъ пропаганды. Если же Государь Императоръ наше общее ходатайство отклонитъ, то каждому изъ насъ останется поступить такъ, какъ ему подскажетъ совѣсть и пониманіе долга вѣрноподданнаго своего Царя и слуги Россіи». *И. Л. Горемыкинъ:* «А какъ же Вы смотрите на роспускъ?» *А. Д. Самаринъ:* «Мнѣ думается, что эту операцію намъ слѣдуетъ принять на себя, чтобы облегчить Государя Императора и нашихъ будущихъ преемниковъ». Въ итогѣ, Совѣтъ Министровъ склонился къ точкѣ зрѣнія А. В. Кривошеина съ поправкою А. Д. Самарина, т. е. осуществить роспускъ Государственной Думы въ ближайшемъ времени (по хорошему, сговорившись съ президіумомъ и лидерами о проведеніи еще незаконченныхъ правительственныхъ законопроектовъ, обусловленныхъ потребностями военнаго времени) и представить Его Величеству ходатайство о смѣнѣ затѣмъ Совѣта Министровъ. *И. Л. Горемыкинъ:* «Всѣ сегодняшнія сужденія будутъ мною подробно доложены Государю Императору. Что Его Величеству угодно будетъ повелѣть, то и будетъ мною исполнено. Посмотримъ, что дальше будетъ».

И. Л. Горемыкинъ: «Пока Государь Императоръ насъ не смѣнилъ, намъ надо продолжать заниматься текущими дѣлами. До меня доходятъ слухи, что на предстоящихъ земскихъ собраніяхъ предполагается ставить на обсужденіе московскія резолюціи, по указкѣ коноваловскаго съѣзда. Какія на этотъ счетъ свѣдѣнія имѣются у Министра Внутреннихъ Дѣлъ». *Кн. Н. Б. Щербатовъ:* «Со-

вершенно вѣрно, въ большинствѣ земскихъ собраній надо ждать возникновенія этого вопроса въ духѣ Московской Городской Думы. Въ отношеніи городскихъ самоуправленій мы уже рѣшили не опротестовывать. Я считаю, что то же отношеніе должно быть и къ земствамъ, т. е. смотрѣть сквозь пальцы, но не отвѣчать». *И. Л. Горемыкинъ:* «Мѣры могутъ быть не только послѣдующія, но и предупредительныя. Въ распоряженіи Министерства Внутреннихъ Дѣлъ имѣются губернаторы, которые могли бы предупредить предсѣдателей собраній о нежелательности политическихъ выступленій». *Кн. Н. Б. Щербатовъ:* «Нельзя вводить разность практики въ отношеніи городского и земскаго самоуправленія по однородному случаю. Я считалъ бы едва ли правильнымъ оказывать въ данномъ случаѣ черезъ губернаторовъ какое либо давленіе на предводителей дворянства. Это могло бы поставить ихъ въ трудное положеніе и отозваться на ихъ престижѣ. Они люди весьма нужные въ мѣстной жизни и надо всячески ихъ поддерживать». *П. А. Харитоновъ:* «Мы рѣшили не опротестовать постановленій городскихъ думъ въ виду нервности страны. Это соображеніе, мнѣ кажется, остается въ силѣ до сихъ поръ и вполнѣ примѣнимо и къ земскимъ собраніямъ». *Кн. Н. Б. Щербатовъ:* «Въ такомъ смыслѣ я говорилъ и представителямъ блока, когда этотъ вопросъ возникъ во время нашей бесѣды. Они согласились, что положеніе весьма напряженное и что надо быть особенно осторожнымъ въ отношеніи органовъ самоуправленія. Они настаивали на необходимости не оставлять безъ отвѣта обращенія съ мѣстъ». *А. Д. Самаринъ:* «Надо желать возможно меньше политическихъ постановленій на мѣстахъ. Споры и разговоры о резолюціяхъ только содѣйствуютъ броженію въ глухихъ углахъ. Поэтому я бы считалъ полезнымъ довѣрительно указать предводителямъ дворянства на нежелательность съ точки зрѣнія поддержанія спокойствія въ странѣ во время войны допускать постановку политическихъ вопросовъ на земскихъ собраніяхъ». *И. Л. Горемыкинъ:* «Да, и я нахожу, что надо пояснить, что молчаніе правительства на всю эту болтовню не есть знакъ согласія. Министерству Внутреннихъ Дѣлъ вообще слѣдовало бы проявлять побольше энергіи». *А. В. Кривошеинъ:* «Я примыкаю къ словамъ А. Д. Самарина. Повтореніе одного и того же, да еще со стороны разныхъ Богомъ забытыхъ уголковъ, только плодитъ агитацію. Резолюція Московской Городской Думы достаточно ярка и опредѣленна, чтобы не повторять ее на тысячу ладовъ». *Кн. Н. Б. Щербатовъ:* «Хорошо, Министерство Внутреннихъ Дѣлъ проявитъ энергію, разошлетъ строгій циркуляръ, а онъ на слѣдующій же день попадетъ во всѣ газеты. Начнутся вопли о давленіи на мѣстное самоуправленіе и т. п. Въ концѣ концовъ резолюціи все таки будутъ и результатомъ циркуляра окажется только ихъ болѣе озлобленный тонъ». *И. Л. Горемыкинъ:* «Зачѣмъ писать, когда все можно сдѣлать словесно. Для этого еще достаточно времени до открытія собраній». *А. Д. Самаринъ:* «Конечно, надо позаботиться, чтобы указанія предводителямъ дворянства не попали въ печать». Рѣшено, что Министерство Внутреннихъ Дѣлъ окажетъ словесное воздѣйствіе на руководителей земскихъ собраній.

Опять бесѣда о положеніи печати. Военная власть ничего не хочетъ дѣлать. Настоянія правительства остаются безрезультатными. *А. В. Кривошеинъ:* «Вопросъ больной и требующій рѣшительныхъ лѣкарствъ. Масса статей въ газетахъ совершенно недопустимаго содержанія и тона. Страну революціонизируютъ на глазахъ у всѣхъ властей и никто не хочетъ вмѣшаться въ это возмутительное явленіе. Вѣдь мы находимся въ состояніи величайшей за всю міровую исторію войны. На картѣ — судьбы Россіи, а мы топчемся на мѣстѣ. И военная цензура, и Главное управленіе по дѣламъ печати очевидно въ ослѣпленіи. Неужели же у Совѣта Министровъ нѣтъ средствъ заставить эти подчиненныя учрежденія сознательно и добросовѣстно относиться къ своимъ обязанностямъ». *П. А. Харитоновъ:* «Вы, вѣдь, слышали, что Фроловъ въ прошлый разъ сослался на директивы изъ Ставки... Что тутъ прикажете подѣлать. Хотя Ставка и измѣнилась по составу, но духъ, повидимому, въ ней остался прежній».

А. А. Поливановъ: «Какъ я неоднократно имѣлъ честь докладывать Совѣту Министровъ, сущность вопроса въ томъ, что военная цензура, какъ и другія установленія Россійской Имперіи, должны руководствоваться закономъ, а въ законѣ о военной цензурѣ не предусмотрѣна цензура политическая». *Кн. Н. Б. Щербатовъ:* «Что можетъ подѣлать Главное управленіе по дѣламъ печати, когда всѣ наиболѣе крупные пункты, въ которыхъ выходятъ наиболѣе вліятельные и распространенные органы, находятся внѣ его досягаемости, будучи причислены къ территоріи театра войны или состоящими на военномъ положеніи. Въ этихъ запретныхъ областяхъ, въ томъ числѣ и въ Петроградѣ, наложеніе штрафовъ и закрытіе повременныхъ изданій находится внѣ власти Министра Внутреннихъ Дѣлъ». *А. В. Кривошеинъ:* «Не можетъ быть разграниченія властей въ вопросахъ пользы общегосударственной. А эта польза категорически требуетъ поддержанія спокойствія въ странѣ во имя интересовъ обороны и продолженія войны, отъ которой зависитъ самое бытіе Россіи. И для штатскихъ и для военныхъ чиновъ одинаково должно быть понятно, что теперешняя агитація печати не содѣйствуетъ успокоенію умовъ и сосредоточенію вниманія населенія на борьбѣ съ врагомъ. Газеты читаютъ всѣ, на каждомъ углу. Рѣзкая перемѣна въ направленіи печати за послѣднее время послѣ молчанія возбуждающе дѣйствуетъ на общество. Вотъ мы говорили объ опасности митингующей Государственной Думы. Но она собирается изрѣдка и рѣчи въ ней говорятся разныя. Газеты же изо-дня въ день внѣдряютъ въ сознаніе читателя тѣ или иныя, сообразно съ партійностью, мысли и настроенія. Необходимо отнестись къ вопросу о печати не вѣдомственно, а съ общегосударственной точки зрѣнія, и по общему соглашенію установить тотъ порядокъ и тѣ мѣры, которыя вызываются условіями переживаемаго исключительнаго времени. Отчего со стороны Начальника Главнаго управленія по дѣламъ печати не видно никакого почина. Онъ призванъ къ тому, чтобы въ этой области быть блюстителемъ общегосударственныхъ интересовъ». *С. Д. Сазоновъ:* «Это мѣсто сейчасъ пустое. Нынѣшній начальникъ Главнаго управленія обладаетъ многими добродѣтелями, кромѣ одной — соотвѣтствія своему назначенію». *Кн. Н. Б. Щербатовъ:* «Что можетъ подѣлать начальникъ Главнаго управленія, когда вершитель судебъ Петрограда генералъ Фроловъ никого, даже Совѣта Министровъ, не желаетъ слушать». *А. В. Кривошеинъ:* «Въ этомъ вся трагедія нашего времени, трагедія и наша, и всей Россіи, корень всеобщаго недовольства и раздраженія. Повсюду говорятъ объ объединеніи и объ единеніи съ народомъ, а гражданскіе и военные чины цѣлый годъ не могутъ между собою сговориться и работать сообща. Совѣтъ Министровъ обсуждаетъ, проситъ, высказываетъ пожеланія, предъявляетъ пожеланія, предъявляетъ требованія, а г. г. генералы плюютъ на всѣхъ насъ и ничего не желаютъ дѣлать. Такого Фролова надо въ 24 часа съ лица земли стереть, чтобы другіе Фроловы одумались и не губили бы Россію». *А. А. Поливановъ:* «Дайте реальныя указанія военной цензурѣ, какія въ печати губительныя тенденціи для Россіи». *А. В. Кривошеинъ:* «Какія могутъ быть указанія въ такомъ вопросѣ, гдѣ должно руководить патріотическое чувство и любовь къ страдающей родинѣ». *С. Д. Сазоновъ:* «Наши союзники въ ужасѣ отъ той разнузданности, которая царитъ въ русской печати. Въ этой разнузданности они видятъ весьма тревожные признаки для будущаго». *И. Л. Горемыкинъ:* «Я снова вынужденъ обратить самое серіозное вниманіе Министра Внутреннихъ Дѣлъ на неотложную необходимость принять по его вѣдомству самыя рѣшительныя мѣры къ прекращенію безобразій въ печати и сговориться съ подлежащими военными начальствами о совмѣстной въ этомъ отношеніи дѣятельности. На дняхъ я надѣюсь видѣть Его Императорское Величество и доложу ему о воздѣйствіи на Ставку. Испрошу у Государя категорическія указанія, чтобы покончить съ этимъ недопустимымъ явленіемъ».

Послѣ обсужденія еще нѣсколькихъ незначительныхъ вопросовъ разошлись въ очень нервномъ настроеніи. «Кризисъ сталъ ребромъ. Что-то впереди или,

какъ любитъ говоритъ Иванъ Логгиновичъ, посмотримъ, что будетъ дальше. Вотъ ужъ дѣйствительно попалъ я во времена историческія. Не могу сказать, чтобы было легко переживать, когда на глазахъ все колеблется и разлѣзается въ разныя стороны, а тутъ еще нѣмецъ претъ, ничѣмъ не смущаясь».

ЗАСѢДАНІЕ 2 СЕНТЯБРЯ 1915 ГОДА.

Предсѣдатель Совѣта Министровъ ѣздилъ въ Могилевъ, въ Царскую Ставку, съ докладомъ о времени перерыва занятій Государственной Думы и о дальнѣйшемъ направленіи политики. Утромъ въ день его отъѣзда, я высказалъ И. Л. Горемыкину; что въ не легкую минуту ему приходится отправляться къ Государю. Обычно скупой на слова, онъ на этотъ разъ отвѣтилъ, какъ у меня записано, слѣдующимъ образомъ: «Да, тяжело огорчать Государя разсказомъ о нашихъ несогласіяхъ и слабонервности Совѣта Министровъ. Его воля избрать тотъ или другой путь дѣйствій. Какое ни будетъ повелѣніе, я исполню во что бы то ни стало. Моя задача — отвести на себя отъ Царя нападки и неудовольствія. Пусть ругаютъ и обвиняютъ меня — я уже старъ и не долго мнѣ жить. Но пока я живъ, буду бороться за неприкосновенность Царской власти. Сила Россіи только въ Монархіи. Иначе такой кавардакъ получится, что все пропадетъ. Надо прежде всего довести войну до конца, а не реформами заниматься. Для этого будетъ время, когда прогонимъ нѣмцевъ».

Вернулся И. Л. Горемыкинъ изъ Ставки 1-го сентября съ Высочайшимъ повелѣніемъ отпустить Государственную Думу на осеннія вакаціи не позже 3 сентября и Совѣту Министровъ оставаться въ полномъ составѣ на своихъ мѣстахъ. Когда же позволитъ обстановка на фронтѣ, Его Величество лично призоветъ Совѣтъ Министровъ и все разберетъ.

Къ началу засѣданія Министры, повидимому, уже были освѣдомлены о привезенныхъ Предсѣдателемъ рѣшеніяхъ, что отзывалось на настроеніяхъ и на сужденіяхъ. Для характеристики послѣдующаго изложенія начну со своего послѣсловія: «Кризисъ вскрылся. Нервность страшная. Много приходилось мнѣ видѣть Совѣтъ въ неофиціальной обстановкѣ, но ничего подобнаго никогда въ засѣданіяхъ не происходило. Особенно волновался С. Д. Сазоновъ, дошедшій въ концѣ почти до истерическаго состоянія. Когда И. Л. Горемыкинъ, закрывъ засѣданіе, выходилъ изъ зала, Министръ Иностранныхъ Дѣлъ заявилъ — «я не хочу съ этимъ безумцемъ прощаться и подавать ему руку». Затѣмъ онъ пошелъ, шатаясь, къ выходу, такъ что я послѣдовалъ за нимъ, стараясь его поддержать на случай обморока. Сазоновъ ничего не замѣчалъ, имѣя видъ человѣка, не сознающаго окружающее. Въ передней онъ истерически воскликнулъ — „il est fou, ce vieillard" — и быстро выбѣжалъ изъ подъѣзда. Поливановъ обливался желчью и, кажется, готовъ былъ кусаться, держа себя въ отношеніи Предсѣдателя совершенно неприлично. У Кривошеина видъ безнадежно грустный и встревоженный. Игнатьевъ, какъ всегда въ трудныя минуты, съ ожесточеніемъ ерошилъ свою небогатую шевелюру. Застрѣльщикъ Харитоновъ почему то больше помалкивалъ. Бесѣда шла необычайно лихорадочно, перескакивая съ одного вопроса на другой и неуклонно возвращаясь къ роспуску и его послѣдствіямъ. Улавливать не только характерныя фразы, но въ нѣкоторыхъ случаяхъ и самую сущность преній было крайне трудно. Иногда бросалъ писать. Все таки не машина, а человѣкъ. Что же дальше? Паны дерутся, а у хлопцевъ чубы болятъ».

Запись начинается у меня со слѣдующаго: «А. В. Кривошеинъ и другіе поднимаютъ общій вопросъ о самоупраздненіи правительства со времени Особаго Совѣщанія по оборонѣ, всюду выдвигающаго общественныя организаціи;

вездѣ выступаютъ разные общественные и иные дѣятели и Земскій Союзъ во главѣ съ княземъ Львовымъ. Сей князь фактически чуть ли не предсѣдателемъ какого то особаго правительства дѣлается, на фронтѣ только о немъ и говорятъ, онъ спаситель положенія, онъ снабжаетъ армію, кормитъ голодныхъ, лечитъ больныхъ, устраиваетъ парикмахерскія для солдатъ, словомъ — является какимъ то вездѣсущимъ Мюръ и Мерелизомъ. Но кто его окружаетъ, кто его сотрудники, кто его агенты — это никому неизвѣстно. Вся его работа внѣ контроля, хотя ему сыплютъ сотни милліоновъ казенныхъ денегъ. Надо съ этимъ или покончить, или отдать ему въ руки всю власть. Безотвѣтственные распорядители отвѣтственными дѣлами и казенными деньгами недопустимы. Если нельзя отнимать у Союза захваченное имъ до сихъ поръ, то во всякомъ случаѣ не надо расширять его функціи дальше. Напримѣръ, Особое Совѣщаніе по оборонѣ предполагаетъ послать представителя Союза въ правительственный комитетъ въ Америкѣ по казеннымъ заказамъ. Это крайне нежелательно и придаетъ комитету какой то смѣшаный характеръ. Рѣшено просить Военнаго Министра въ качествѣ предсѣдателя Особаго Совѣщанія не утверждать подобнаго постановленія».

И. Л. Горемыкинъ: «Обратитесь къ вопросу объ эвакуаціи Кіева, на которой настаиваетъ генералъ Ивановъ и Ставка его поддерживаетъ. Долженъ сообщить Совѣту Министровъ, что ходатайство о созывѣ военнаго совѣта съ участіемъ правительства Его Величествомъ впредь до времени отклонено». *А. В. Кривошеинъ:* «Къ глубокому нашему прискорбію...». *И. Л. Горемыкинъ:* «Относительно осуществленія эвакуаціи указано на необходимость послать въ Кіевъ особо уполномоченное лицо и сосредоточить все дѣло въ его рукахъ». *А. А. Поливановъ:* «Разъ потребность бросить на произволъ судьбы Кіевъ признана Ставкою и подтверждена Его Императорскимъ Величествомъ Верховнымъ Главнокомандующимъ, то намъ простымъ смертнымъ разсуждать не приходится. Я думаю, что наиболѣе практичнымъ и наименѣе вредоноснымъ было бы возложить эту нелегкую задачу на коллегію изъ представителей вѣдомствъ подъ предсѣдательствомъ уполномоченнаго». *И. Л. Горемыкинъ:* «Называлось имя Сенатора Любимова, какъ человѣка энергичнаго и распорядительнаго». *А. А. Поливановъ:* «Къ сожалѣнію, онъ не мѣстный человѣкъ и не знаетъ обстановки. Кое-какія подготовительныя мѣры уже приняты въ Кіевѣ и желательно, чтобы уполномоченный былъ съ ними знакомъ». *Кн. Н. Б. Щербатовъ:* «Когда впервые заговорили о возможности эвакуаціи Кіева, я послалъ туда начальника Главнаго управленія по дѣламъ мѣстнаго хозяйства Анциферова. Онъ сообщаетъ, что, благодаря несоотвѣтственнымъ и противорѣчивымъ распоряженіямъ многочисленныхъ военныхъ начальствъ, въ городѣ царитъ паника, безтолочь и кавардакъ, которые грозятъ усложнить дѣло до невѣроятія. Ему лично удалось своими бесѣдами и дѣйствіями нѣсколько успокоить земскихъ дѣятелей, но все населеніе волнуется и готово бѣжать, куда глаза глядятъ. Необходимо тамъ все согласовать и сосредоточить въ рукахъ достаточно опытнаго и авторитетнаго мѣстнаго лица». *А. В. Кривошеинъ:* «У меня вся душа переворачивается при мысли, что Кіевъ — мать русскихъ городовъ обрекается на ужасы эвакуаціи. Но дѣлать нечего. Остается найти способы, чтобы смягчить послѣдствія зла. Я бы тоже предпочелъ, чтобы вѣдѣніе эвакуаціей было возложено на мѣстнаго человѣка при содѣйствіи представителей всѣхъ вѣдомствъ. Надо дать ему неограниченныя полномочія и заставить военныя начальства его слушать — иначе проку не будетъ». *А. А. Поливановъ:* «Я могъ бы предложить генерала Ходоровича. Хотя онъ и не идеальный распорядитель, но онъ давно знаетъ Кіевъ, у него есть опытъ и достаточный авторитетъ». Кандидатура эта признана пріемлемою. Рѣшено дать указанія въ томъ смыслѣ, что вывозить надо все поглубже въ Россію, въ зависимости отъ путей сообщенія. Относительно учебныхъ заведеній преподаны разъясненія, что надо заботиться объ ихъ имуществѣ наиболѣе цѣнномъ, а вопросъ о возобновленіи занятій на

новыхъ мѣстахъ оставлять открытымъ и разрѣшать въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ въ соотвѣтствіи съ мѣстною обстановкою. *И. Л. Горемыкинъ:* «Важенъ вопросъ о хранящихся въ Кіевѣ св. мощахъ. Государь Императоръ говорилъ мнѣ, что ихъ не слѣдовало бы вывозить, такъ какъ можно быть увѣреннымъ, что нѣмцы не рискнутъ ихъ тронуть, а если тронутъ — тѣмъ хуже для нѣмцевъ». *А. Д. Самаринъ:* «Долженъ предупредить, что, въ исполненіе распоряженія Св. Синода, къ вывозу мощей уже приступлено». *А. В. Кривошеинъ:* «Не понимаю, какъ можно это дѣлать — вѣдь это оскверненіе мощей». *А. Д. Самаринъ:* «Все обставлено надлежащимъ образомъ. Когда мы выѣзжаемъ, то беремъ съ собою самое дорогое. Покидая Кіевъ, нельзя оставлять тамъ то, что является святынею, которой русскій народъ вѣками поклоняется. Не могу повѣрить, чтобы Государь Императоръ высказался противъ вывоза мощей. Очевидно, вопросъ не былъ доложенъ ему во всей полнотѣ». *С. Д. Сазоновъ:* «Если мы бросимъ всѣ чтимыя мощи въ Кіевѣ, какое отрицательное впечатлѣніе это произведетъ на православный людъ. Лучше поступиться чѣмъ нибудь другимъ, но не святынею». *И. Л. Горемыкинъ:* «Развѣ практически можно вывезти всѣ мощи изъ пещеръ, гдѣ хранятся сотни останковъ». *А. В. Кривошеинъ:* «Есть опасность, что мощи, когда ихъ тронутъ съ мѣста, могутъ пропасть. Мнѣ представляется такой результатъ худшимъ, чѣмъ временное ихъ оставленіе въ рукахъ нѣмцевъ. Внѣшнее оскорбленіе святыню не осквернитъ». *А. Д. Самаринъ:* «Всѣ эти вопросы взвѣшены Св. Синодомъ, который призналъ предпочтительнымъ вывезти мощи. Вопросъ идетъ о наиболѣе чтимыхъ, а не обо всѣхъ. Пещеры не будутъ тронуты. Вообще какъ принципіальная сторона, такъ и практическая всесторонне разработана». *И. Л. Горемыкинъ:* «Въ такомъ случаѣ не будемъ останавливаться на этомъ вопросѣ — пусть вѣдомство првославнаго исповѣданія его разрѣшаетъ по своему и беретъ на себя отвѣтственность».

Кн. Н. Б. Щербатовъ: «Долженъ обратить вниманіе Совѣта Министровъ на грозное положеніе, создающееся благодаря перегруженности Александровской желѣзной дороги военными грузами. Смоленская и прилегающія губерніи изъ за отсутствія и невозможности подвоза остаются безъ продовольствія. Грозитъ голодъ. Между тѣмъ въ эти мѣстности продолжаютъ стекаться войска и усиливаютъ безъ того тяжелый кризисъ. Населеніе стонетъ. У него отнимаютъ послѣдніе запасы, расплачиваясь за нихъ какими то бонами. Губернаторы ничего не могутъ подѣлать, такъ какъ ихъ даже не считаютъ нужнымъ предупреждать о прибытіи войсковыхъ частей и военныхъ базъ. Сплошь и рядомъ бываютъ такіе случаи, что въ мѣстечко съ 3.000 жителей, напримѣръ, сразу нагнетается 11.000 солдатъ. Что тутъ дѣлать?» *А. В. Кривошеинъ:* «Принять рѣшительныя мѣры къ разгрузкѣ». *Кн. Н. Б. Щербатовъ:* «Я не могу отдать никакихъ распоряженій. Министръ Внутреннихъ Дѣлъ тамъ простой обыватель и наблюдатель нравовъ. А нравы дѣйствительно любопытные. Дорога забита, вездѣ образуются пробки, невозможно пропустить санитарные поѣзда а на главномъ пути одной изъ станцій сутками стоитъ поѣздъ одного изъ высшихъ генераловъ, именуемаго въ отличіе отъ другихъ — р ы ж и м ъ, который предается отдохновенію въ пріятной его сердцу компаніи. Конечно, всѣ это видятъ и знаютъ. Возмущеніе и раздраженіе всеобщее. Вотъ тутъ и поддерживай общественное спокойствіе». *А. В. Кривошеинъ:* «Лучше не останавливаться на безобразіяхъ тыловой жизни. Можно съ ума сойти отъ всего этого особенно при сознаніи полнаго своего безсилія бороться. Какое ужасное впечатлѣніе на мѣстахъ и какія послѣдствія. Всѣ знаютъ, что этотъ генералъ одинъ изъ ближайшихъ сотрудниковъ Ставки. А кто сейчасъ распоряжается Ставкою, кто у насъ Верховный Главнокомандующій! Страшно подумать, какіе отсюда напрашиваются выводы и у страждущаго обывателя, и у раненыхъ воиновъ, и у всей фронтовой массы. Фатальное время». *И. Л. Горемыкинъ* «Его Величество сейчасъ занятъ вопросами тыла и личнаго состава. Онъ зна

етъ всѣ недостатки организаціи. Съ помощью Алексѣева, который произвелъ на меня впечатлѣніе очень разумнаго человѣка, все понемногу устроится».

Управляющій Дѣлами оглашаетъ представленную начальникомъ гражданской канцеляріи начальника Штаба Верховнаго Главнокомандующаго княземъ Оболенскимъ справку о бѣженскомъ движеніи. *А. В. Кривошеинъ:* «Съ прискорбіемъ выслушалъ и содержанія оной не одобрилъ». *П. А. Харитоновъ:* «Эта справка совершенно неприлична по своей тенденціозности и свободному обращенію съ фактами. Если вѣрить автору, то все благополучно, все заранѣе предусмотрѣно, что военныя власти одна невинность, что движеніе стихійное, а не искусственно созданное и т. д. Лучше бы князь Оболенскій не брался за такіе вопросы, которые, очевидно, ему незнакомы». *А. А. Хвостовъ:* «Совѣтъ Министровъ неоднократно указывалъ на грозныя послѣдствія системы опустошенія оставляемыхъ нашею арміей мѣстностей. Людей гонятъ нагайками, такъ что о стихійности говорить трудно». *А. В. Кривошеинъ:* «Янушкевичъ въ бесѣдѣ по поводу бѣженцевъ прямо сказалъ мнѣ, что война идетъ огнемъ и мечемъ и что пусть страдаютъ тѣ, кто попадется на пути. Я понимаю, что фатальный для Россіи Янушкевичъ могъ такъ разсуждать, ибо таковъ ему данъ отъ Господа Бога кругозоръ. Но Алексѣевъ, судя по всему, человѣкъ другого склада, способный разбираться въ явленіяхъ съ болѣе широкой точки зрѣнія. Какъ же онъ не приметъ мѣръ, чтобы прекратить безобразіе. Неужели же Оболенскіе и другіе подобные сотрудники успѣли уже надѣть на него темные очки». *Кн. Н. Б. Щербатовъ:* «Обѣщанныхъ намъ перемѣнъ въ направленіи дѣятельности Ставки что то пока не чувствуется. Вездѣ старые люди, а съ ними и старыя пѣсни. Надо Совѣту Министровъ вмѣшаться и обратить вниманіе, кого надлежитъ, на необходимость отказаться, въ случаѣ дальнѣйшаго отступленія, отъ принудительной эвакуаціи мужского населенія изъ очищаемыхъ районовъ. За мужчинами тянутся женщины и дѣти со скарбомъ и скотомъ. Новые милліоны нагрянутъ внутрь Россіи голодать и опустошать. Если янушкевичевская стратегія будетъ продолжаться, то лучше оставлять населеніе непріятелю: пусть оно мретъ подъ пятой у нѣмцевъ, чѣмъ губить окончательно всю страну, безъ того стонущую отъ наплыва бѣженцевъ. Надо объяснить военнымъ, что густота населенія имѣетъ предѣлъ и что нельзя перенапрягать струну. Она можетъ лопнуть, а съ нею всѣ и гражданскія власти, и сама Россія». Въ такомъ же приблизительно тонѣ высказывались и другіе Члены Совѣта, кромѣ Поливанова, который рта не открылъ. Снова всталъ больной вопросъ о взаимоотношеніяхъ властей, опричнины и земщины. *И. Л. Горемыкинъ:* «Я бесѣдовалъ въ Ставкѣ о бѣженскомъ вопросѣ, но тамъ не хотятъ пока мѣнять взгляда. Его Величество обѣщалъ мнѣ лично заняться этимъ вопросомъ и пересмотрѣть его въ связи съ доложенною мною точкою зрѣнія Совѣта Министровъ».

Кн. В. Н. Шаховской: «На Путиловскомъ и Металлическомъ заводахъ возникли забастовки. Внѣшній поводъ — арестъ выборныхъ въ больничныхъ кассахъ. Движеніе сразу же приняло рѣзкій характеръ и осложнилось предъявленіемъ политическихъ требованій. Надо ждать дальнѣйшаго роста забастовочной волны, если теперь же не принять предупредительныхъ мѣръ. Особенно нежелательно трогать представителей въ больничныхъ кассахъ. На почвѣ этихъ арестовъ всегда легко поднять рабочихъ и создать конфликты, которые потомъ раздуваются въ цѣлое событіе». *А. А. Поливановъ:* «Мои мысли крайне мрачны о будущемъ, если не послѣдуетъ радикальныхъ перемѣнъ въ общемъ положеніи. Въ послѣднемъ засѣданіи Особаго Совѣщанія по оборонѣ большинствомъ общественныхъ представителей высказывалось убѣжденіе, что волненія на Путиловскомъ заводѣ, дающемъ тонъ рабочему движенію, являются началомъ всеобщей забастовки въ видѣ протеста противъ роспуска Государственной Думы. Всѣ ждутъ чрезвычайныхъ событій, которыя должны послѣдовать за роспускомъ». *И. Л. Горемыкинъ:* «Все это одно только запугиваніе. Ничего не будетъ». *Кн. Н. Б. Щербатовъ:* «У Департамента Полиціи далеко не столь успо-

коительныя свѣдѣнія, какъ у Вашего Высокопревосходительства. Показанія агентуры единогласно сводятся къ тому, что рабочее движеніе должно развиться въ угрожающихъ размѣрахъ для государственной безопасности. На этомъ основаніи Департаментъ Полиціи и потребовалъ отъ военныхъ властей производства нѣкоторыхъ арестовъ, въ томъ числѣ нѣкоего Судакова, очень опаснаго вожака, играющаго роль примирителя между меньшевиками и большевиками. Въ виду настоящаго положенія, я приказалъ его освободить и подтвердить необходимость особой осторожности въ отношеніи членовъ больничныхъ кассъ. Что касается причинъ рабочихъ волненій, дошедшихъ на Путиловскомъ заводѣ до столкновеній съ полиціей, то выставляется требованіе не распускать Государственную Думу, освободить арестованныхъ пятерыхъ депутатовъ лѣвой фракціи, увеличить заработную плату на 15 процентовъ и т. д. Все это, конечно, только предлоги, прикрывающіе истинную цѣль рабочихъ подпольныхъ руководителей — использовать неудачи на войнѣ и внутреннее обостреніе для попытки произвести соціальный переворотъ и захватить власть». *С. Д. Сазоновъ:* «Картина рисуется безотрадная. Съ одной стороны рабочіе безпорядки, принимающіе, повидимому, организованный характеръ, а съ другой — дошедшее до предѣла настроеніе въ Москвѣ среди сосредоточившихся тамъ общественныхъ круговъ. Говорятъ, что во имя доведенія войны до побѣднаго конца Члены Государственной Думы вмѣстѣ съ земскимъ и городскимъ съѣздами собираются провозгласить себя учредительнымъ собраніемъ. Вездѣ все кипитъ, волнуется, доходитъ до отчаянія, и въ такой грозной обстановкѣ послѣдуетъ роспускъ Государственной Думы. Куда же насъ и всю Россію ведутъ?» *И. Л. Горемыкинъ:* «Я имѣю Высочайшее повелѣніе закрыть Думу не позже четверга 3 Сентября, что мною и будетъ исполнено». *С. Д. Сазоновъ:* «Но, вѣдь, какъ всѣ помнятъ, Его Величество въ засѣданіи 20 Августа благосклонно выслушалъ наше ходатайство разрѣшить вопросъ о роспускѣ Думы по обсужденіи въ Совѣтѣ Министровъ и по докладѣ нашего заключенія. Значитъ, сейчасъ Государь отказался отъ такого взгляда. Намъ было бы важно знать, чѣмъ такая внезапная перемѣна вызвана». *И. Л. Горемыкинъ:* «Высочайшая воля, опредѣленно выраженная, не подлежитъ обсужденію Совѣта Министровъ. Прошу Министра Инстранныхъ Дѣлъ не ставить мнѣ подобныхъ вопросовъ». *С. Д. Сазоновъ:* «Мы не пантомима, а люди, несущіе отвѣтственность за управленіе Россіей. Если намъ будутъ закрывать ротъ по вопросамъ, отъ которыхъ зависятъ судьбы государства, то собранія Совѣта Министровъ вообще излишни». *И. Л. Горемыкинъ:* «Всѣ высказанныя въ Совѣтѣ Министровъ соображенія о роспускѣ Думы и о перемѣнѣ политики были полностью изложены мною Его Величеству. Я доложилъ ему разныя мнѣнія во всѣхъ подробностяхъ. На это послѣдовало повелѣніе Думу закрыть и всѣмъ Министрамъ оставаться на мѣстахъ. Какой же еще тутъ можетъ быть разговоръ». *А. А. Поливановъ:* «Весь вопросъ въ томъ, какъ Вы докладывали Государю наши мнѣнія». *С. Д. Сазоновъ:* «И что именно». *И. Л. Горемыкинъ:* «Я докладывалъ Его Императорскому Величеству такъ, какъ слѣдовало, и то, что было въ Совѣтѣ. Обращенія ко мнѣ въ такой формѣ съ запросами я считаю недопустимымъ». *С. Д. Сазоновъ:* «Но разъ наши вѣрноподданническія представленія отвергнуты, то можемъ же мы поинтересоваться, что побудило Его Величество на такое рѣзкое повелѣніе». *И. Л. Горемыкинъ:* «Обратитесь съ этимъ вопросомъ не ко мнѣ, а къ Государю Императору. Отвѣчать на подобные вопросы я не обязанъ и нахожу излишнимъ». *С. Д. Сазоновъ:* «Если я здѣсь не могу добиться отвѣта, то, конечно, я обращусь къ Государю». *А. В. Кривошеинъ:* «Нашъ Предсѣдатель освѣдомилъ Его Величество о всѣхъ нашихъ взглядахъ. Очевидно, наши мысли о происходящемъ и наше пониманіе положенія не раздѣляются Монархомъ. Онъ обѣщаетъ поговорить съ нами, когда минуетъ острое положеніе на фронтѣ. Намъ остается только ждать, ибо демонстраціи намъ невмѣстно дѣлать». *И. Л. Горемыкинъ:* «Я просилъ Государя освободить меня отъ предсѣдательствованія въ Совѣтѣ Ми-

нистровъ и замѣнить болѣе подходящимъ къ новымъ требованіямъ человѣкомъ. Но въ отвѣтъ Его Величество повелѣлъ мнѣ оставаться на посту и закрыть Думу. Это я исполню во что бы то ни стало». *А. В. Кривошеинъ:* «Само собою разумѣется, Высочайшее повелѣніе не можетъ ставиться на обсужденіе. Но я думаю, что мы не только въ правѣ, но это наша прямая обязанность предусматривать послѣдствія имѣющаго совершиться акта». *С. Д. Сазоновъ:* «Для всякаго русскаго человѣка ясно, что послѣдствія будутъ ужасными, что во весь ростъ встаетъ вопросъ о бытіи государства». *И. Л. Горемыкинъ:* «Его Величество смотритъ на этотъ вопросъ иначе. Ему были мною доложены высказывавшіяся въ Совѣтѣ Министровъ опасенія, но Государь своего мнѣнія не измѣнилъ. Что же намъ еще обсуждать. Теперь надо дѣйствовать, если начнутся какіе нибудь безпорядки».

Кн. Н. Б. Щербатовъ: «Съ точки зрѣнія дальнѣйшихъ дѣйствій я просилъ бы указаній Совѣта Министровъ относительно Московскихъ съѣздовъ. И губернаторъ, и градоначальникъ, и директоръ департамента полиціи сходятся въ оцѣнкѣ положенія въ Москвѣ, какъ очень серіознаго. Тамъ все бурлитъ, волнуется, раздражено, настроено ярко антиправительственно, ждетъ спасенія только въ радикальныхъ перемѣнахъ. Собрался весь цвѣтъ оппозиціонной интеллигенціи и требуетъ власти для доведенія войны до побѣды. Рабочіе и вообще все населеніе охвачены какимъ то безуміемъ и представляютъ собою готовый горючій матеріалъ. Взрывъ безпорядковъ возможенъ каждую минуту. Но у власти въ Москвѣ нѣтъ почти никакихъ силъ. Тамъ имѣется одинъ запасный баталіонъ въ 800 человѣкъ, изъ которыхъ можно располагать только половиною, такъ какъ 400 человѣкъ занято караулами въ Кремлѣ и другихъ мѣстахъ, затѣмъ — сотня казаковъ и, наконецъ, двѣ ополченскія дружины, размѣщенныя на окраинахъ. Все это далеко не надежный народъ и двинуть его противъ толпы будетъ трудно. Въ уѣздѣ войскъ совсѣмъ нѣтъ. Городская и уѣздная полиція по своей численности не соотвѣтствуетъ потребностямъ. Долженъ еще отмѣтить присутствіе въ Москвѣ около 30.000 выздоравливающихъ солдатъ — это буйная вольница, не признающая дисциплины, скандалящая, вступающая въ стычки съ городовыми (недавно одинъ былъ убитъ солдатами), отбивающая арестованныхъ и т. д. Несомнѣнно, что въ случаѣ безпорядковъ вся эта орда встанетъ на сторону толпы. Что же въ такихъ условіяхъ прикажете дѣлать Министру Внутреннихъ Дѣлъ, который ко всему еще не обладаетъ въ Москвѣ полнотою власти, такъ какъ тамъ распоряжаются военные. Какъ я могу бороться со съѣздами, несомнѣнно выходящими изъ рамокъ законности, но могущими въ любую минуту привлечь на свою сторону толпу и вызвать взрывъ. Формальныя основанія для вмѣшательства имѣются, но фактически, что мы можемъ сдѣлать? Вообще, не могу не повторить, что Земскій и Городской Союзы, которые ко времени моего вступленія въ управленіе Министерствомъ я засталъ уже въ полномъ расцвѣтѣ, являются колоссальной правительственной ошибкой. Нельзя было допускать подобныя организаціи безъ устава и опредѣленія границъ ихъ дѣятельности. Изъ благотворительнаго начинанія они превратились въ огромныя учрежденія съ самыми разнообразными функціями, во многихъ случаяхъ чисто государственнаго характера, и замѣняютъ собою правительственныя учрежденія. Все это дѣлается захватнымъ путемъ при покровительствѣ военныхъ властей, которыя, какъ, напримѣръ, рыжій Даниловъ, широко ими пользуются и даютъ имъ огромныя средства. О нихъ говорится даже въ законахъ послѣдняго времени, какъ объ официіальныхъ учрежденіяхъ, но ихъ личный составъ и внутренняя конструкція закономъ не предусмотрѣны и правительству неизвѣстны; въ дѣйствительности же они являются сосредоточіемъ, помимо уклоняющихся отъ фронта, оппозиціонныхъ элементовъ и разныхъ господъ съ политическимъ прошлымъ. Закрыть эти учрежденія въ настоящее время невозможно прежде всего потому, что они работаютъ на армію. Да и съ политической точки зрѣнія такая мѣра породила

бы крупныя осложненія. Слѣдовательно, приходится терпѣть ихъ, какъ фактъ. Несомнѣнно, что съѣздъ ихъ сведется къ политической демонстраціи, а можетъ быть и похуже. Пойдутъ горячія рѣчи, возбуждающія резолюціи и т. п. Если разсматривать ихъ съѣздъ, какъ собраніе по закону 4 Марта, а не какъ учрежденіе, то надо потребовать отъ ихъ возбужденія ходатайства о разрѣшеніи съѣзда и послать въ засѣданія представителей полиціи. Но я увѣренъ, что никакихъ разрѣшеній они отъ насъ просить не будутъ и поставятъ вопросъ о собраніи офиціально признаннаго закономъ учрежденія. На такомъ собраніи законъ не предусматриваетъ возможности присутствія полиціи. Какъ же быть?» *И. Л. Горемыкинъ:* Передъ моимъ отъѣздомъ въ Ставку Вы мнѣ сказали, что на съѣздъ будетъ послана полиція. Такъ, съ Вашихъ словъ, я и доложилъ Государю Императору, который это одобрилъ. Если Ваше заявленіе было неправильнымъ и Вы не имѣете права, то прошу Васъ довести объ этомъ до свѣдѣнія Его Величества». *Кн. Н. Б. Щербатовъ:* «Я сегодня же пошлю всеподданнѣйшій докладъ. Единственный путь дѣйствій — допустить съѣздъ въ закрытомъ помѣщеніи, въ четырехъ стѣнахъ, и установить строгое наблюденіе, чтобы не было общенія съ толпою. Если же будетъ попытка выйти на улицу, то не пускать и, въ случаѣ сопротивленія, принять всѣ мѣры, предусмотрѣнныя закономъ, вплоть до примѣненія силы. Вмѣстѣ съ тѣмъ надо установить политическую цензуру печати, чтобы сужденія и постановленія съѣздовъ не могли служить предметомъ для агитаціи въ газетахъ». *А. Д. Самаринъ:* «Мнѣ думается, что надо всячески избѣгать открытыхъ столкновеній съ съѣздами. Все таки не слѣдуетъ забывать, что Земскій и Городской союзы не самочинныя организаціи. Программа ихъ дѣятельности была въ Августѣ 1914 года одобрена Министерствомъ Внутреннихъ Дѣлъ и имѣла въ виду внутреннюю эвакуацію раненыхъ. Тогда въ составъ союзовъ входили только нарочито избранныя подлежащими собраніями лица. Князь Львовъ является представителемъ общеземской организаціи, у которой были собственныя средства въ размѣрѣ 900.000 рублей. То, что произошло потомъ, есть ничто иное, какъ фактическое, захватное расширеніе полномочій и задачъ, безъ санкціи правительственной власти. Наиболѣе правильнымъ въ отношеніи союзовъ было бы стоять на томъ, что рамки ихъ предусмотрѣны въ началѣ ихъ возникновенія и съ тѣхъ поръ офиціально не расширялись. Оставаясь въ предѣлахъ этихъ рамокъ, союзы могутъ допускать на свои собранія съ правомъ рѣшающаго голоса только полномочныхъ избранныхъ представителей земскаго и городского самоуправленія. Всѣ прочіе участники должны разсматриваться, какъ гости, публика или приглашенные, съ правомъ лишь совѣщательнаго голоса. Засѣданія должны быть закрытыми, безъ участія печати. Слѣдуетъ немедленно потребовать для контроля списокъ постоянныхъ полномочныхъ членовъ и, въ случаѣ обнаруженія лицъ неправомочныхъ, настоять на ихъ исключеніи изъ состава». *И. Л. Горемыкинъ:* «Такъ или иначе, но Министръ Внутреннихъ Дѣлъ обязанъ принять мѣры къ тому, чтобы союзы не ускользали отъ наблюденія и чтобы съѣзды ихъ не могли принять угрожающее государственному порядку теченіе». *А. А. Хвостовъ:* «Предложеніе А. Д. Самарина даетъ выходъ, такъ какъ, по закону, наличіе въ собраніи гостей даетъ право полицейскаго контроля». *А. Д. Самаринъ:* «При возникновеніи земскаго союза въ немъ принимало участіе сравнительно мало народа и люди все были извѣстные. Можно поставить на видъ князю Львову, что съѣздъ долженъ происходить на тѣхъ же основаніяхъ, какъ и первый, и сослаться приэтомъ на обстоятельства военнаго времени, не допускающія собраній съ неопредѣленнымъ составомъ». *П. А. Харитоновъ:* «А. Д. Самаринъ немного ошибается. Ни легализаціи союзовъ, ни одобренія ихъ программы правительствомъ не было. Въ чрезвычайной атмосферѣ первыхъ дней войны представители общеземской организаціи были приняты Государемъ, который пожелалъ успѣха въ работѣ по помощи раненымъ. Слѣдовательно, легализація была Высочайшая, а не по закону 4 Марта, который такимъ образомъ

къ данному случаю не примѣнимъ». *А. Д. Самаринъ:* «Но, вѣдь нельзя отрицать, что расширеніе задачъ союза послѣдовало не „de jure, a de facto". *П. А. Харитоновъ:* «Да, но у правительственной власти нѣтъ законныхъ основаній этому воспрепятствовать, разъ у союза не имѣется строго очерченной программы и статута, надлежаще оформленнаго и утвержденнаго. Это организація sui generis, возможная только въ обстановкѣ военнаго времени». *И. Л. Горемыкинъ:* «Въ Москвѣ дѣйствуетъ чрезвычайная охрана. Если нельзя ихъ убѣдить словами, то надо дѣйствовать. Полицію можно отправить въ засѣданія на основаніи чрезвычайнаго положенія. Это положеніе даетъ право принять любую мѣру для огражденія безопасности. Если же съѣзды начнутъ болтать лишнее, то можно ихъ и закрыть». *Кн. Н. Б. Щербатовъ:* «Но что же именно закрыть, разъ нѣтъ офиціально разрѣшеннаго съѣзда». *И. Л. Горемыкинъ:* «Дѣло не въ толкованіи законовъ, а въ огражденіи государственной безопасности. Собраніе людей на-лицо и грозитъ созданіемъ смуты. Дѣло власти прекратить безобразія. Законныя полномочія для этого — чрезвычайное положеніе объ охранѣ». *А. Д. Самаринъ:* «Посылка полиціи на такое собраніе неудобна. Это вызоветъ скандалъ и запросъ въ Государственной Думѣ». *И. Л. Горемыкинъ:* «Предупреждать общественные скандалы — обязанность власти. Запросы неосуществимы, такъ какъ Дума прекращаетъ занятія. На безобразія надо отвѣчать рѣшительными мѣрами, а не излишнею корректностью. Теперь не такое время, чтобы считаться съ частностями». *А. А. Хвостовъ:* «Если съѣздъ соберется безъ спеціальнаго разрѣшенія, то на немъ можетъ быть допущено присутствіе лишь полномочныхъ представителей. Въ такомъ смыслѣ и слѣдуетъ предъявить требованіе со всѣми вытекающими отсюда послѣдствіями». *Кн. Н. Б. Щербатовъ:* «Т. е. — если не подчинятся требованію о допущеніи только полномочныхъ представителей, то тогда съѣздъ закрыть. Не возражаю противъ такой постановки вопроса». *С. Д. Сазоновъ:* «Не жду я ничего хорошаго. И въ нормальныхъ условіяхъ трудно было бы все это такъ мирно провести, а каково теперь, когда все будетъ происходить на фонѣ роспуска Думы». *Кн. Н. Б. Щербатовъ:* «Этотъ роспускъ грозитъ еще однимъ новымъ съѣздомъ. Говорятъ, среди думцевъ существуетъ намѣреніе въ случаѣ роспуска ѣхать въ Москву и устроить тамъ второй Выборгъ. Какія мѣры и дѣйствія надо принять въ отношеніи подобнаго собранія?» *А. А. Хвостовъ:* «Никакихъ, если второй Выборгъ будетъ столь же успѣшенъ, какъ и первый». *С. Д. Сазоновъ:* «Ну, на этотъ счетъ нельзя строить себѣ иллюзій. Съѣздъ состоится теперь на пороховой бочкѣ». *Кн. Н. Б. Щербатовъ:* «Разъ толпа вышла на улицу и нарушаетъ общественное спокойствіе, составъ ея безразличенъ для власти. Тутъ способы дѣйствій извѣстны. Но какъ быть, если новые выборжцы останутся въ закрытомъ помѣщеніи и будутъ тамъ предаваться редакціи и обсужденію новаго выборгскаго воззванія. Что можетъ сдѣлать власть?» *И. Л. Горемыкинъ:* «Если они ограничатся болтовней, то пусть ихъ занимаются. Но если эта болтовня будетъ угрожать государственной безопасности, то ихъ надо разогнать». *Кн. Н. Б. Щербатовъ:* «А какъ же быть съ неприкосновенностью Членовъ Государственной Думы?» *И. Л. Горемыкинъ:* «Неприкосновенность не можетъ служить прикрытіемъ для преступныхъ дѣяній. Сначала ихъ должно разогнать, а затѣмъ можно будетъ поговорить о неприкосновенности. Вообще я обращаю вниманіе Министра Внутреннихъ Дѣлъ на необходимость дѣйствовать рѣшительно. Для формальныхъ сомнѣній сейчасъ не время. Надо во что бы то ни стало остановить движеніе, направленное противъ существующаго государственнаго порядка. Когда война кончится, тогда вопросъ другой».

А. В. Кривошеинъ: «Всѣ наши сегодняшнія сужденія съ полною опредѣленностью обнаруживаютъ, что за послѣднее время между Вами, Иванъ Логгиновичъ, и большинствомъ Совѣта Министровъ разница въ оцѣнкѣ положенія и во взглядахъ на направленіе политики еще болѣе углубилась. Вы докладывали объ этомъ различіи Государю Императору, но Его Величеству угодно было со-

гласиться не съ нашей точкой зрѣнія, а съ Вашей. Теперь Вы вступаете на путь дѣйствій, вытекающій изъ данныхъ Вамъ Высочайшихъ указаній, причемъ сотрудниками Вашими остаются по Высочайшему повелѣнію тѣ же лица, которыя возражали противъ цѣлесообразности намѣчавшейся Вами политики. Простите мнѣ одинъ вопросъ — какъ Вы рѣшаетесь дѣйствовать, когда представители исполнительной власти убѣждены въ необходимости иныхъ средствъ, когда весь правительственный механизмъ въ Вашихъ рукахъ оппозиціоненъ, когда и внѣшнія, и внутреннія событія становятся съ каждымъ днемъ все болѣе грозными». *И. Л. Горемыкинъ:* «Свой долгъ передъ Государемъ Императоромъ я исполню до конца, съ какими бы противодѣйствіями и несочувствіями мнѣ ни пришлось сталкиваться. Я все доложилъ Его Величеству и просилъ замѣнить меня болѣе современнымъ дѣятелемъ. Но Высочайшее повелѣніе послѣдовало, а оно въ моемъ пониманіи — законъ. Что будетъ дальше? — Государь Императоръ сказалъ, что онъ пріѣдетъ лично и все разберетъ». *С. Д. Сазоновъ:* «Да, но тогда будетъ уже поздно. Кровь завтра потечетъ по улицамъ и Россія окунется въ бездну. Зачѣмъ и почему! Это все ужасно! Во всякомъ случаѣ громко заявляю, что отвѣтственность за Ваши дѣйствія и за роспускъ Думы въ теперешней обстановкѣ я на себя не принимаю». *И. Л. Горемыкинъ:* «Отвѣтственность за свои дѣйствія я несу самъ и никого не прошу ее дѣлить со мною. Дума будетъ распущена въ назначенный день и нигдѣ никакой крови не потечетъ». *А. А. Поливановъ:* «Это вопросъ спорный. События покажутъ. Не будетъ ли мнѣ дозволено спросить, въ какихъ условіяхъ произойдетъ роспускъ, т. е. послѣдуетъ ли, какъ раньше говорили, какое либо правительственное заявленіе передъ законодательными учрежденіями». *И. Л. Горемыкинъ:* «Я ни въ Государственной Думѣ, ни въ Государственномъ Совѣтѣ не признаю нужнымъ быть и никакихъ заявленій произносить не намѣренъ. Это безплодно и несвоевременно». *А. А. Поливановъ:* «Значитъ, Вы идете на полный разрывъ съ Государственною Думою, если не считаете даже нужнымъ соблюсти въ отношеніи законодательныхъ учрежденій, волею Государя Императора призванныхъ къ государственной работѣ, хотя бы видимость уваженія». *П. А. Харитоновъ:* «До сихъ поръ никогда при перерывѣ сессіи правительство не являлось въ Думу». *А. А. Хвостовъ:* «Я не вижу основаній создавать новый прецедентъ». *С. Д. Сазоновъ:* «То, что дѣлалось раньше, не указъ. Теперь времена такія, которыхъ раньше не бывало: теперь вопросъ идетъ о судьбахъ Россіи». *И. Л. Горемыкинъ:* «Это заявленіе преувеличено и ничѣмъ не обосновано. Если Вамъ угодно присутствовать при закрытіи Думы, то поѣзжайте. Я не вижу къ этому препятствій». *С. Д. Сазоновъ:* «Ну, нѣтъ. Покорнѣйше благодарю за предложеніе. Я не хочу брать на себя участіе въ такомъ дѣлѣ, въ которомъ вижу начало гибели своей родины». *И. Л. Горемыкинъ:* Во всякомъ случаѣ роспускъ Думы состоится и я присутствовать въ Думѣ не буду. Вопросъ исчерпанъ. Высочайшее повелѣніе не можетъ быть критикуемо въ Совѣтѣ Министровъ. Объявляю засѣданіе закрытымъ». Послѣ этихъ словъ И. Л. Горемыкинъ всталъ и вышелъ изъ зала въ свой кабинетъ.

---

16 Сентября 1915 года состоялось въ Царской Ставкѣ засѣданіе Совѣта Министровъ въ Высочайшемъ присутствіи. У меня со словъ И. Л. Горемыкина записано: «Всѣ получили нахлобучку отъ Государя Императора за августовское письмо и за поведеніе во время августовскаго кризиса».

Изъ путевыхъ замѣтокъ бѣженца*).

Кн. Е. Н. Трубецкого

I. ПЕРЕѢЗДЪ НА УКРАЙНУ.

11-го сентября (ст. ст.) 1918 года я бѣжалъ изъ Москвы на Украйну, такъ какъ дальнѣйшее мое пребываніе въ Совдепіи представлялось не безопаснымъ. Съ тѣхъ поръ я провелъ время въ непрерывныхъ скитаніяхъ. Въ началѣ декабря я вынужденъ былъ бѣжать изъ Кіева, осажденнаго войсками Петлюры. Потомъ въ мартѣ 1919 года я долженъ былъ окончательно покинуть Одессу вслѣдствіе нашествія большевиковъ. Я наблюдалъ и Украйну, и Одессу, и юго-востокъ Россіи, въ особенности Екатеринодаръ.

Теперь пользуюсь свободнымъ временемъ, чтобы привести въ порядокъ мои впечатлѣнія и попытаться подвести итогъ важнѣйшему изъ того, чему свидѣтелемъ я былъ.

Все было поучительно и интересно въ моемъ путешествіи на Украйну, начиная съ вагона-теплушки, въ которомъ я доѣхалъ отъ

---

*) «Записки Бѣженца» были написаны моимъ покойнымъ отцомъ княземъ Евгеніемъ Николаевичемъ Трубецкимъ, лѣтомъ 1919 года, за нѣсколько мѣсяцевъ до его кончины.

Онѣ представляютъ изъ себя вторую совершенно самостоятельную часть «записокъ о второмъ смутномъ времени», въ которыхъ мой отецъ хотѣлъ описать то, что ему пришлось лично наблюдать со времени «Февральской революціи» 1917 года.

Первая часть записокъ, охватывавшая время отъ революціи до бѣгства автора изъ Москвы осенью 1918 года, пропала во время гражданской войны; вторая уцѣлѣвшая часть не была обработана моимъ отцомъ для печати, но издается нынѣ въ томъ видѣ, какъ онъ ее оставилъ, лишь съ нѣкоторыми самими незначительными пропусками.

Эта часть записокъ была написана во время самыхъ яркихъ успѣховъ Добровольческой арміи. Казалось, паденіе большевиковъ и освобожденіе Россіи — дѣло почти совершившееся. Это оптимистическое настроеніе всецѣло охватило моего отца и этимъ объясняются нѣкоторыя ошибки въ перспективѣ и оцѣнкѣ явленій того времени. Сами эти ошибки являются яркимъ изображеніемъ господствовавшихъ тогда настроеній и отнюдь не уменьшаютъ значенія конечныхъ выводовъ.

Кн. С. Трубецкой.

Парижъ, 15 апрѣля 1926 года.

Москвы до Брянска. Переѣздъ былъ не изъ легкихъ, такъ какъ теплушка была переполнена. Ноги и руки должны были замереть въ томъ положеніи, въ какое я попалъ въ Москвѣ; двигаться было почти невозможно. Ночью я почувствовалъ тяжесть, давившую мнѣ грудь; я попытался освободиться, но ворчливый женскій голосъ запротестовалъ: «какой вы непосѣда». Это дѣвица спала у меня на груди и извинялась тѣмъ, что «приняла меня за чемоданъ». А въ то же время ко мнѣ на плечо періодически падала голова спящаго юноши. Къ тому же въ вагонѣ у меня былъ припадокъ инфлуэнцы, длившійся нѣсколько часовъ съ порядочнымъ подъемомъ температуры. Все это было невесело, но непріятности дороги съ избыткомъ окупились. Прежде всего этой цѣной была достигнута полная безопасность.

Какъ я узналъ впослѣдствіи, въ нашемъ поѣздѣ въ классныхъ вагонахъ производились обыски. Въ одномъ купэ II класса большевики конфисковали тридцать съ лишнимъ тысячъ рублей. Меня могли бы арестовать. Теплушку же, какъ учрежденіе «демократическое», оставили въ покоѣ, даже билетовъ не спрашивали. Думаю, впрочемъ, что даже и при желаніи это было бы неосуществимо въ виду невозможности протискаться среди этой невѣроятной тѣсноты. Для контроля просто не оставалось мѣста.

Другое вознагражденіе за неудобство — тѣ разговоры, которые мнѣ пришлось слышать. Въ теплушкѣ упраздняется различіе между «буржуемъ» и «демократомъ». Тамъ всякій признается простонародіемъ за своего. Разговоры ведутся безъ всякаго стѣсненія. Поэтому для ознакомленія съ народнымъ настроеніемъ путешествія въ теплушкѣ чрезвычайно цѣнны.

Отъ Москвы до Брянска разговоры велись преимущественно на политическія темы. Ругали на всѣ лады большевиковъ. И что всего замѣчательнѣе, у нихъ не оказалось ни одного защитника. Былъ тутъ и матросъ, пользовавшійся большимъ успѣхомъ и очаровавшій всѣхъ дѣвицъ. Онъ присоединился къ обличителямъ большевиковъ. Его стали укорять: «вотъ, вы, матросы, этихъ мерзавцевъ посадили». Но онъ не смутился: «ну, что-жъ — мы ихъ посадили, мы же теперь должны ихъ скинуть. Мы думали — они путевые, а оказались жиды, да притомъ негодяи». —

Впослѣдствіи на Украйнѣ мнѣ довелось слышать иные разговоры. Тамъ иллюзіи не были изжиты и народъ ждалъ прихода большевиковъ какъ манны небесной. Съ разныхъ сторонъ мнѣ приходилось слышать отъ путешествующихъ о большевицкомъ настроеніи украйнской теплушки. Парадоксальное явленіе, которое прежде всего бросается въ глаза, заключается въ томъ, что обѣимъ воюющимъ сторонамъ въ теченіе извѣстнаго періода времени приходилось дѣйствовать среди атмосферы имъ враждебной. Большевики окружены народной ненавистью въ изжившей большевизмъ Совдепіи; добровольцамъ же долго приходилось дѣйствовать въ мѣстностяхъ, гдѣ большевикамъ сочувствовали значительныя группы населенія. Такъ было въ 1918 году на Украйнѣ и въ Одесскомъ районѣ.

Проночевавъ въ Брянскѣ на постояломъ дворѣ въ коечномъ номерѣ, гдѣ кромѣ меня и моего спутника помѣщалось четверо кресть-

янъ, я двинулся дальше въ пограничный пунктъ Унечу, откуда мнѣ предстояло совершить переѣздъ на лошадяхъ въ украинскій пограничный городъ Клинцы. Тутъ я сразу попалъ въ атмосферу спекуляціи на бѣженцахъ.

Все мѣстечко промышляло перевозомъ бѣженцевъ черезъ границу. Меня поразилъ тотъ фактъ, что промыселъ ведется совершенно открыто. На станціи желѣзной дороги къ пассажирамъ обращались крестьяне возчики съ предложеніемъ доставить въ Клинцы. Разговоры объ этомъ велись громко — большевики видимо не наблюдали. Я пошелъ отыскивать въ Унечѣ того еврея, который былъ мнѣ рекомендованъ, какъ главный организаторъ переѣздовъ. Но его въ Унечѣ не было: повидимому и онъ былъ вынужденъ бѣжать на Украйну, — за то оказалось, что перевозомъ промышляютъ другіе обыватели, — евреи и русскіе; было много частныхъ домовъ, превратившихся въ постоялые дворы. Хозяева брали съ постояльцевъ большія цѣны и рекомендовали возчиковъ, знавшихъ какъ провезти мимо большевиковъ. Мнѣ указывали одного спеціалиста, который устраивалъ переѣзды подъ охраной матросовъ, сопровождающихъ подводы.

Насъ собралось около одного такого постоялаго двора цѣлыхъ девять подводъ подъ водительствомъ проводника, знавшаго, гдѣ въ данную минуту стоятъ большевицкіе сторожевые посты и какъ ихъ объѣхать. Для крестьянъ этотъ промыселъ необыкновенно выгодный. За одинъ переѣздъ въ 40 верстъ они зарабатываютъ по 1000 рублей на подводу. Въ нашу подводу возчикъ набралъ четверыхъ пассажировъ, взявши по 250 рублей съ каждаго.

Большевиковъ мы дѣйствительно не встрѣтили и обыскамъ не подвергались. Это объясняется, какъ мнѣ кажется, не только познаніями нашего главнаго проводника, но и общимъ сочувствіемъ населенія. Думаю, впрочемъ, что сочувствіе относилось не столько къ бѣженцамъ, сколько къ выгодному промыслу своихъ односельчанъ — возчиковъ. Всякій встрѣчный крестьянинъ давалъ имъ указанія, — въ какой деревнѣ есть и въ какой нѣтъ солдатъ-большевиковъ. Расцѣнка этихъ показаній, впрочемъ, была неодинакова. Когда къ нашему обозу присталъ крестьянинъ, усердно убѣждавшій насъ съѣхать съ поля и углубиться въ лѣсъ, чтобы скрыться отъ большевицкихъ взоровъ, наши возчики его отогнали: по ихъ словамъ онъ хотѣлъ «навести насъ на комара», т. е. просто на просто на шайку разбойниковъ, которые промышляли бѣженцами нѣсколько иначе. По словамъ моего возчика въ данную минуту препятствіемъ къ промыслу служили неоконченныя полевыя работы: «когда работы окончатся, говорилъ онъ, мы по дорогамъ свою стражу поставимъ, которая будетъ насъ извѣщать о каждомъ движеніи большевиковъ».

Когда встрѣчный мужикъ возвѣстилъ, что «большевиковъ всѣхъ проѣхали, теперь германъ пошелъ» — всѣ лица вдругъ просіяли, такъ какъ путешествіе было далеко не безопасно. Намъ казалось, что большевикамъ трудно не замѣтить нашего большого поѣзда изъ девяти подводъ, скрипѣвшаго шагомъ и нагруженнаго богатою кладью, такъ какъ съ нами ѣхало имениток купеческое семейство изъ Москвы.

Къ тому же одинъ изъ попутчиковъ, — еврей, дрожавшій отъ страха, утѣшалъ насъ разсказами о томъ, какъ большевики въ Унечѣ его, сорокалѣтняго, заарестовали и заставили рыть окопы, да о томъ, какъ къ нему вторгались въ домъ грабители въ маскахъ, которые истязали его и его жену.

Въ странѣ, занятой «германомъ», было тоже чрезвычайно интересно; тутъ мнѣ пришлось наблюдать первые симптомы нравственнаго разложенія — передававшагося отъ насъ германской арміи.

Дѣло было къ вечеру. — «Когда увидите огонекъ въ лѣсу — предупреждалъ насъ встрѣчный мужикъ, — вы на него не ѣзжайте. Это германская сторожка будетъ. Тамъ васъ обыщутъ, да задержатъ; лучше, не доѣзжая до сторожки, сверните влѣво».

Такъ мы и собирались поступить. Увидавъ сторожку, мы попытались свернуть влѣво, но какъ разъ у перекрестка были остановлены криками «Halt»*) нѣмецкаго часового. Ѣхавшіе въ передней телѣгѣ хотѣли откупиться семьюдесятью пятью рублями, но нѣмецъ запротестовалъ. «Сосчитайте сами,—говорилъ онъ,—васъ девять подводъ, по 15 рублей съ каждой — стало быть съ васъ слѣдуетъ ровно сто тридцать пять рублей». Очевидно, это была установленная такса за право проѣзда; получивъ ее, нѣмецъ любезно указалъ намъ путь влѣво, въ объѣздъ сторожки, которую необходимо миновать, чтобы она не была обязана насъ обыскивать. Для меня несомнѣнно, что въ этомъ промыслѣ участвовалъ весь караулъ, въ томъ числѣ и господа офицеры. Мы свернули влѣво настолько близко отъ сторожки, что тамъ, конечно, не могли не слышать отчаяннаго скрипа нашихъ немазаныхъ колесъ.

Крестьяне-возчики наблюдали эту сцену съ довольнымъ выраженіемъ сочувствующихъ знатоковъ дѣла. «Надыть покормить германа», говорилъ одинъ, а степенный мужикъ, съ окладистой бородой, тутъ же наставительно замѣтилъ: «вы, баринъ, не смотрите на германа, — Россея ихъ образуетъ, всѣ выучатся воровать понемногу; вотъ какъ взятки ужъ берутъ». Впослѣдствіи меня поражалъ широкій масштабъ этого нѣмецкаго взяточничества. Все можно было купить у нѣмцевъ за деньги: право стоять не въ очередь въ хвостѣ у нѣмецкой комендантуры, пропускъ въ Кіевъ, разрѣшеніе выѣхать внутрь Украйны безъ сидѣнія въ карантинѣ, пропускъ на желѣзнодорожную платформу для посадки въ неурочное время въ вагонъ, даже **Entlausungs-certificat.** Стихійный характеръ приняло и воровство. Въ Кіевѣ пришлось снять зелеными плоды изъ моего фруктоваго сада, потому что нѣмцы лазили черезъ заборъ и воровали, а въ это время другіе нѣмцы стояли у забора и караулили. Отъ русскихъ офицеровъ, вернувшихся изъ Германіи, я узналъ, что низшее «русское образованіе», полученное нѣмцами, дало свои плоды и тамъ. Въ лучшихъ берлинскихъ гостиницахъ вывѣшены были объявленія, которыя приглашаютъ жильцовъ во избѣжаніе кражъ не выставлять въ корридорахъ для чистки платья и ботинокъ. Традиціи «нѣмецкой честности», какъ видно, основательно поколеблены.

---

*) Стой.

Въ Клинцахъ мнѣ пришлось провести цѣлыхъ три дня въ безплодныхъ поискахъ разрѣшенія на выѣздъ въ Кіевъ безъ карантина, потому что я сначала не зналъ, какъ упрощеннымъ способомъ добыть разрѣшеніе, а потомъ все-таки предпочелъ не прибѣгать къ этому способу, который не всегда удается.

За эти три дня пришлось познакомиться со всѣми прелестями бѣженской жизни. Пріѣхавъ въ Клинцы глубокой ночью, мы не могли найти помѣщенія для ночлега, такъ какъ всѣ постоялые дворы были заняты, а стучаться въ частныя квартиры мы не рѣшались. Пришлось ночевать въ свѣжую сентябрьскую ночь на открытомъ воздухѣ. Къ счастью встрѣтившійся съ нами германскій офицеръ принялъ въ насъ участіе: онъ предложилъ мнѣ и моему спутнику провести ночь на дворѣ нѣмецкой комендантуры, куда мы въѣхали съ подводой и расположились кое какъ на доскахъ. Не смотря на шубу къ утру стало такъ холодно, что спать я не могъ и сталъ ходить по двору, гдѣ провелъ остатокъ ночи въ разговорахъ съ нѣмецкими солдатами. Они распрашивали про большевиковъ и поражали трезвостью своихъ сужденій о Ленинѣ, котораго они считали «утопистомъ». О войнѣ они говорили безъ всякаго подъема, видимо уже утративъ вѣру въ побѣду. «Въ концѣ концовъ, Богъ вѣсть кто побѣдитъ. Возможно, что всѣ народы Европы работаютъ въ пользу желтыхъ». Таковъ былъ общій смыслъ ихъ сужденій задолго до перемирія.

Когда на другой день я понялъ, что придется еще переночевать въ Клинцахъ послѣ безсонной ночи на дворѣ, я сталъ усиленно искать ночлега, но всѣ поиски были безрезультатны. Тутъ выручила изъ бѣды счастливая случайность. Иду по улицѣ, вижу маленькій, чистенькій и уютный домикъ, одноэтажный, въ четыре окна по улицѣ, а на заваленкѣ сидитъ чья то добрая душа съ мужемъ и кучей дѣтей и голубыми глазами на меня смотритъ. Я почуялъ, что тутъ найду пріютъ и обратился къ доброй душѣ за совѣтомъ, какъ и гдѣ найти ночлегъ, разсказавъ о нашихъ скитаніяхъ. Мужъ «доброй души» сталъ отговариваться трудностью найти помѣщеніе. А она вдругъ строго на него посмотрѣла: «ты не знаешь гдѣ найти комнату, а вотъ я знаю, пожалуйте къ намъ переночевать, милости просимъ».

Мы вошли въ ослѣпительной чистоты «гостиную», которая была намъ отведена. Передняя стѣна вся сплошь до потолка была увѣшана иконами съ горящими передъ ними лампадками. Это было жилище почтеннаго старообрядческаго семейства. Все тамъ дышало благолѣпіемъ, честностью и добротою. Отношеніе къ намъ было въ высшей степени сердечное и ласковое. Тогда какъ въ другихъ мѣстахъ и насъ, и другихъ бѣженцевъ обдирали, какъ могли, здѣсь, наоборотъ, трудность при расчетѣ заключалась въ томъ, что хозяева, которые для насъ стѣснили себя какъ только могли, опасались взять съ насъ лишнее. Послѣ всего утомительнаго путешествія нѣсколькихъ дней — эти лампадки, образа, возня кучи дѣтей, да сочувствующія добрыя лица производили удивительно успокоительное впечатлѣніе. Среди всеобщаго разложенія, мерзости воровства, эксплоатаціи и всяческой нечистоты, вдругъ этотъ уголокъ старой Россіи, сохранившій Божій миръ и Божью благодать. И кажется, все будущее

Россіи зависитъ отъ того, много или мало въ ней уцѣлѣло такихъ невѣдомыхъ людямъ, но Богу вѣдомыхъ, уголковъ.

Это еще не былъ конецъ мытарствамъ. Рѣшившись ѣхать безъ нѣмецкаго пропуска, я нанялъ подводу, которая доставила меня на слѣдующую станцію, откуда пропускъ уже не требовался. А тамъ пришлось опять садиться въ теплушку въ единственный въ сутки и совершенно переполненный поѣздъ. Я не нашелъ мѣста даже на площадкѣ вагона. Пришлось висѣть въ дождь и вѣтеръ на нижней его ступенькѣ, какъ висѣли въ революціонные дни въ московскихъ трамваяхъ. Только когда рукамъ стало холодно и я боялся, что отъ усталости могу не удержаться на ступенькахъ, верхніе пассажиры сжалились и дали мнѣ мѣсто на площадкѣ.

Пріѣхавъ вдребезги усталый въ Гомель, я снова былъ возмущенъ эксплоатаціей. Извозчикъ взялъ тридцать рублей только за то, чтобы «рекомендовать» номеръ, находившійся почти около самаго вокзала. А за крошечный номеръ-клоповникъ, безъ бѣлья, содержатель еврей взялъ пятьдесятъ рублей. Такъ обижали бѣженцевъ на каждомъ шагу. Попадаясь всегда въ разставленныя для нихъ сѣти, словно мухи къ паукамъ, многіе изъ нихъ въ дорогѣ тратили все, что имѣли, и доѣзжали до мѣста буквально безъ гроша.

На другой день на пароходѣ изъ Гомеля въ Кіевъ я почувствовалъ сразу полный отдыхъ. Мягкая скамья, гдѣ я могъ разлечься, обильная мясная пища, которой я былъ лишенъ въ Совдепіи, масло, сахаръ вволю къ чаю и многое другое, отъ чего я отвыкъ въ теченіе долгихъ мѣсяцевъ, — все это вмѣстѣ взятое заставило забыть про усталость путешествія.

II. НА УКРАЙНѢ.

Отъ пребыванія на Украйнѣ у меня осталось впечатлѣніе тяжкаго сна. Точно вся та дѣйствительность, которую я наблюдалъ, была не подлинною былью, а калейдоскопической смѣною фантастическихъ видѣній, которыя быстро появлялись и столь же быстро улетучивались. Какихъ только народовъ я не видалъ въ южной Россіи: и нѣмцевъ, и австрійцевъ, и румынъ, и французовъ, и грековъ. Всѣ мелькали и исчезали какъ призраки. Призраками оказались и народы и всѣ тѣ государственныя образованія, которыя они насаждали; призрачною была самая государственная жизнь и не только наша русская, а государственная жизнь всѣхъ народовъ Европы. Но не призрачнымъ, реальнымъ былъ тотъ хаосъ, который грозитъ похитить всякую государственность въ мірѣ, а съ нею вмѣстѣ и все то, что доселѣ называлось «цивилизаціей». Не призрачно еще что то другое, высшее, сверхгосударственное, что предохраняетъ народы отъ полнаго и окончательнаго паденія.

Первое, что меня поразило на Украйнѣ, это неестественное кошмарное видѣніе германской государственности въ русской обстановкѣ. Порою бывало испытываешь впечатлѣніе, словно Украина стала уголкомъ Германіи. Всюду по дорогамъ нѣмецкіе столбы съ надпи-

сями, съ точнымъ обозначеніемъ направленій и разстояній — путь на вокзалъ, въ городъ, въ комендантуру, «10 минутъ ходьбы» и т. п. А въ городахъ, особенно въ Кіевѣ, — все полно германской культурой: и нѣмецкій театръ, и нѣмецкій книжный магазинъ, и нѣмецкій походный книжный магазинъ, и гастролирующіе нѣмецкіе актеры, да музыканты. Въ концертныхъ залахъ раздавались побѣдные звуки музыки Вагнера. На улицахъ нѣмецкій говоръ, множество нѣмокъ пріѣхавшихъ съ голодающей родины покушать хлѣба да сахара во вновь завоеванныхъ земляхъ. Носились тревожные слухи о томъ, что отнынѣ Крымъ станетъ нѣмецкимъ уголкомъ, потому что онъ нѣмцамъ разъ навсегда понравился и они рѣшили не отдавать его назадъ «русскимъ варварамъ».

Казалось, все это зданіе нѣмецкаго владычества построено такъ прочно, какъ умѣютъ только нѣмцы. Впечатлѣніе прочности производили и войска, когда они маршировали: маршировка, смѣна карауловъ, вообще военная обрядность у нѣмца носитъ характеръ священнодѣйствія. Но вдругъ какая то неуловимая черта вамъ выдавала, что все это не настоящее, неподлинное, что весь этотъ внушительный парадъ чѣмъ то глубоко извнутри подточенъ. Такое впечатлѣніе я испытывалъ, когда видѣлъ нѣмецкое взяточничество и воровство. Тотъ русскій мужикъ, который смѣялся въ бороду, глядя на эти сценки, видимо, радовался, что серьезный и солидный нѣмецъ вдругъ обрусѣлъ и сталъ совсѣмъ на него похожимъ. Такое впечатлѣніе приходится испытывать въ извѣстной опереткѣ, когда на сцену являются Ахилесъ, Аяксъ, Агамемнонъ, но вдругъ торжественные жесты классическихъ героевъ сбиваются на канканъ. Когда въ дни нѣмецкой революціи канканъ сталъ явнымъ и открытымъ, радость русскаго мужика перешла въ ликованіе. Я видѣлъ въ Кіевѣ безподобную картинку. Двое нѣмецкихъ солдатъ курили на часахъ. А надъ ними сіялъ съ улыбкой во весь ротъ бородачъ извозчикъ, бывшій русскій солдатъ: «господа, господа,—говорилъ онъ наставительнымъ тономъ, —какъ нехорошо, на часахъ курите; вотъ насъ бывало въ русской арміи за это разстрѣливали». А нѣмцы, словно понимавшіе, тоже смѣялись: пришла ихъ очередь смѣяться надъ порядкомъ и дисциплиной. Въ тѣ дни описанный Щедринымъ споръ мальчика въ штанахъ и мальчика безъ штановъ разрѣшился въ пользу послѣдняго. И испарилась какъ дымъ нѣмецкая «героическая мечта». Что осталось теперь отъ нѣмецкаго театра въ Кіевѣ, отъ нѣмецкой „Feldbuchhandlung“ и отъ нѣмецкаго Крыма. Германія въ Россіи была только призракомъ. Была трагическая минута, когда она казалась призракомъ даже у себя дома. «Поздравляю, вы возвращаетесь въ отечество», сказалъ одинъ знакомый кіевлянинъ нѣмецкому солдату послѣ революціи, а тотъ отвѣтилъ: **„es gibt ja kein Vaterland mehr, es bleibt nur Heimat“** **).

Были рядомъ съ этими другіе призраки русскаго происхожденія, тоже обреченные на быстрое и еще болѣе позорное исчезновеніе. Призракомъ изъ призраковъ была выдуманная ради нѣмцевъ, изо-

*) Походная книжная лавка.

**) Нѣтъ у насъ больше отечества, есть только родина.

брѣтенная озлобленными русскими интеллигентами украинская національность, о которой сами нѣмцы острили, что это народность безъ языка и безъ головы, и безъ рукъ. — Рядомъ съ надписями нѣмецкими были другія, еще болѣе оскорблявшія глазъ, написанныя на какомъ то странномъ языкѣ, непонятномъ мѣстному малорусскому населенію, — надписи на провинціальномъ галицкомъ нарѣчіи, выдававшемъ себя за «украйнское». Русскіе люди тщетно силились говорить на этомъ языкѣ, выдавая его за свой родной, безплодно пытались перевести на этотъ захолустный крестьянскій діалектъ сложныя понятія современной государственной жизни. При министрахъ состояли особые чиновники, которые переводили по украински офиціальные протоколы ихъ засѣданій. И министры не могли провѣрить этой работы, потому что не понимали своего «родного языка»... Это не мѣшало Скоропадскому и Лизогубу говорить рѣчи о томъ, какъ «двѣсти лѣтъ стонала Украйна подъ русскимъ игомъ». И эти рѣчи свидѣтельствовали о той, увы, непризрачной дѣйствительности, которая въ угоду нѣмцамъ создавала и поддерживала фикціи, о характерномъ для русскаго человѣка отсутствіи чувства собственнаго достоинства.

То была маленькая доморощенная мечта объ украинскомъ гетманскомъ величіи, которая примазалась къ великодержавной нѣмецкой мечтѣ о «срединной имперіи». Я видѣлъ яркія образныя выраженія этого провинціальнаго отраженія славы Вильгельма. Въ Кіевѣ, на углу Крещатика и Лютеранской, была фотографія, предательски обнажавшая тайныя пружины украинскаго политическаго міра. Пріѣхавъ въ Кіевъ въ концѣ сентября, я видѣлъ тамъ въ витринѣ разнообразные портреты гетмана. Одинъ съ перомъ въ рукѣ, поднятымъ надъ бумагой, съ вдохновеннымъ взглядомъ и морщиной на безсмысленномъ челѣ: это гетманъ въ тиши своего кабинета «творитъ жизнь», пытаясь придать тусклому взору выраженіе государственной мысли. На другомъ портретѣ стоитъ самъ Вильгельмъ, съ руками въ карманахъ, а передъ нимъ, какъ робкій молодой солдатъ передъ начальствомъ, тянется, держа руки по швамъ, тотъ же великій гетманъ Украйны. А на третьемъ — опять гетманъ, сіяющій и довольный между Гинденбургомъ и Людендорофмъ.

Прошло два мѣсяца, нѣмцы были разбиты. Послѣ заключенія перемирія гетманъ объявилъ «русскую оріентацію» и попытался задобрить союзниковъ. Тогда въ витринѣ фотографіи тоже произошла перемѣна оріентаціи. Исчезли и Вильгельмъ, и Гинденбургъ, и Людендорфъ, остался на время гетманъ наединѣ со своей государственной мыслью. А съ нимъ рядомъ — Пуанкарэ, Фошъ и другіе именитые французы съ надписью: «добро пожаловать». На этомъ я и разстался съ Кіевомъ. Хотѣлось мнѣ хоть однимъ глазкомъ заглянуть въ витрину фотографіи, посмотрѣть, кѣмъ изъ совдеповъ замѣненъ былъ гетманъ и какая мысль бродила на челѣ этихъ вновь пришедшихъ.

Было въ Кіевѣ и другое яркое символическое изображеніе гетманскаго режима — гетманскій дворецъ. Не всякому кіевлянину выпадало на долю счастье къ нему приближаться: для этого нужно было имѣть пропускъ отъ нѣмецкихъ властей; постоянный пропускъ

былъ снабженъ фотографической карточкой его обладателя. Снаружи дворецъ былъ окруженъ двумя цѣпями караульныхъ. Цѣлый прилегающій къ нему кварталъ былъ отгороженъ нѣмецкими заставами, которыя пропускали лишь по предъявленіи пропуска. Далѣе, самый дворецъ былъ окруженъ стражей изъ украинскихъ казаковъ и сѣчевиковъ. Публикѣ позволялось ходить лишь по противоположной сторонѣ улицы. Случайно мнѣ удалось проникнуть въ самую глубь дворца, въ его жилыя помѣщенія, куда я ходилъ навѣщать одного знакомаго — родственника гетмана. Къ величайшему моему удивленію я увидѣлъ тамъ еще третью цѣпь. Я проходилъ черезъ длинный коридоръ со множествомъ дверей и передъ каждой дверью стояли часовые съ винтовками — украйнцы въ перемежку съ нѣмцами. «Немного похоже на тюрьму», говоритъ мнѣ мой знакомый, «но ничего — не смущайтесь». Сходство было дѣйствительно жуткое. Сочетаніе двухъ національностей было подсказано недовѣріемъ: гетманъ видимо не полагался на своихъ и, безопасности ради, перемѣшалъ ихъ съ нѣмцами. Онъ имѣлъ на это основанія. Когда послѣ франко-германскаго перемирія осовдепившіеся нѣмцы отказались караулить гетманскій дворецъ и на Кіевъ сталъ двигаться Петлюра, среди украинской стражи дворца возникъ заговоръ, — попытка убить гетмана. Въ концѣ концовъ всѣ три желѣзныя цѣпи, окружавшія и ограждавшія верховнаго блюстителя Украйны, оказались призрачными. Какъ только нѣмцы перестали ему покровительствовать, онъ упалъ какъ зрѣлый плодъ и Украйна подпала подъ другую, тоже фиктивную власть Петлюры, которая черезъ нѣсколько недѣль была вынуждена уступить свое мѣсто власти большевиковъ.

Интересна та общественная атмосфера, которая дала жизнь призрачному гетманскому владычеству. Въ кругахъ, наиболѣе сочувствующихъ гетманской власти, господствовало настроеніе, которое можетъ быть точно охарактеризовано какъ интернаціонализмъ справа. Это были испуганные обыватели, которые чувствовали себя гораздо ближе къ нѣмецкому буржую, чѣмъ къ русской демократіи, и въ сущности вдохновлялись лозунгомъ: «буржуи всѣхъ странъ соединяйтесь». Я знаю лицъ, которыя откровенно въ этомъ признавались. Ихъ страхъ передъ революціей былъ куда сильнѣе ихъ русскаго національнаго чувства, а ихъ украинскій «націонализмъ» былъ лишь послѣдствіемъ упадка ихъ русскаго патріотизма. Этотъ интернаціонализмъ, переряженный въ синій жупанъ, былъ просто на просто ставкой на нѣмца и ничѣмъ другимъ. Если бы дѣло происходило въ другомъ мѣстѣ, гдѣ нѣмцамъ нужно было бы насаждать другія національности, тѣ же люди съ такой же легкостью признали бы себя грузинами, финляндцами или еще чѣмъ нибудь другимъ.

И въ Кіевѣ, и въ Одессѣ среди высокопоставленныхъ «бывшихъ людей» я часто наблюдалъ эту гнетущую атмосферу буржуазной деморализаціи. Эти люди драпировались красивымъ и съ виду соблазнительнымъ лозунгомъ «борьба противъ большевиковъ во что бы то ни стало» и при этомъ подразумѣвали, что она должна вестись какою угодно цѣною, если нужно, цѣной единой Россіи. Упадокъ духа, безграничное невѣріе въ Россію было тутъ преобладающимъ

настроеніемъ. Перепуганные и уставшіе они рѣшили, что Россія все равно погибла, каковы бы ни были усилія для ея возстановленія. Остается стало быть спасать порядокъ, жизнь и имущество. Если нужно, можно пожертвовать для этого Россіей, ставшей «Совдепіей». Отсюда сдѣлка съ нѣмцами, спасавшими порядокъ въ отдѣльныхъ русскихъ областяхъ цѣною расчлененія Россіи, да унизительный украинскій маскарадъ Скоропадскаго и Лизогуба.

Не малочисленные и безсильные «украйнцы» создали Украйну, а русскіе люди, цѣплявшіеся за нѣмцевъ, какъ утопающіе за соломинку. Эти несчастные, малодушно отрекавшіеся отъ родины, не чувствовали глубины этого мірового провала, куда вслѣдъ за Россіей должна была быть втянута Германія. Только послѣ перемирія, непосредственно передъ уходомъ германскихъ войскъ обнаружилось все невѣроятное легкомысліе этой ставки на нѣмцевъ. Когда началось наступленіе Петлюры на Кіевъ, оказалось, что для его защиты гетманъ располагаетъ двумя тысячами добровольцевъ при одномъ орудіи. Съ величайшимъ трудомъ удалось раздобыть у нѣмцевъ еще двѣнадцать орудій. А всего на украйнскую державу числилось не болѣе 15.000 «сѣчевиковъ», которые къ тому же перешли почти цѣликомъ на сторону Петлюры. Оно и не удивительно: маскарада ради Скоропадскій и его министры подбирали въ эти войска офицеровъ съ «украйнской оріентаціей»; въ угоду нѣмцамъ офицеры съ «русской оріентаціей» на службу не принимались. И вотъ въ тотъ день, когда въ угоду союзникамъ тотъ же Скоропадскій былъ вынужденъ высказаться за «единую и недѣлимую Россію», онъ былъ жестоко наказанъ собственными ставленниками. Онъ былъ побѣжденъ ничтожествомъ Петлюры, потому что самъ онъ оказался еще ничтожнѣе.

Въ минуту опасности обнаружилась безпредѣльная бездарность да нравственное убожество гетмана и его окружающихъ. Всѣ спрашивали, гдѣ же его войска, что дѣлало въ теченіе столькихъ мѣсяцевъ военное министерство. На засѣданіи совѣта государственнаго объединенія я слышалъ изъ устъ министра внутреннихъ дѣлъ И. А. Кистяковскаго, что военный министръ былъ явный измѣнникъ, что вмѣсто организаціи военныхъ силъ онъ занимался организаціей безчисленныхъ штабовъ, да переводомъ командныхъ возгласовъ съ русскаго на украйнскій языкъ. Это преступное бездѣйствіе оправдывалось «препятствіями со стороны нѣмцевъ». Но отъ одного изъ немногихъ порядочныхъ членовъ украйнскаго правительства я слышалъ опредѣленное заявленіе и по этому поводу: по его словамъ нѣмцы дѣйствительно вставляли палки въ колеса, но непреодолимыхъ препятствій все таки не дѣлали; армію было вполнѣ можно и должно набрать и обучить за этотъ срокъ.

Какъ бы то ни было, арміи въ нужную минуту не оказалось. Защита Кіева и гетмана была волею судебъ ввѣрена немногочисленнымъ добровольческимъ отрядамъ, по отношенію къ которымъ, къ тому же, Скоропадскій игралъ двусмысленную роль. Штабъ генерала гр. Келлера имѣлъ въ рукахъ положительныя доказательства, что черезъ головы арміи изъ гетманскаго дворца велись какіе то тайные переговоры съ Петлюрой. Была еще характерная для облика Скоропадскаго

подробность. Защитники Кіева терпѣли недостатокъ въ автомобиляхъ; а въ это время на дворѣ гетманскаго дворца бездѣйствовали три автомобиля, приготовленные на всякій случай на предметъ возможнаго бѣгства гетмана и его семьи. Въ эти критическія минуты его «государственная мысль» не поднималась выше заботъ о самосохраненіи.

Выросшая на почвѣ буржуазной деморализаціи, гетманская власть сама стала источникомъ деморализаціи. Когда гетманъ отстранилъ отъ командованія войсками генерала графа Келлера только потому, что этотъ прямой и честный человѣкъ былъ ему неудобенъ, когда разнеслась въ рядахъ вѣсть о тайныхъ переговорахъ Скоропадскаго съ Петлюрой, добровольцы стали задаваться вопросомъ, для кого и для чего они жертвуютъ жизнью — ради Россіи или ради гетмана, который, быть можетъ, ихъ предастъ. Иные говорили: да, стоитъ ли сражаться при такихъ условіяхъ. Было и начало заговора; среди офицеровъ была партія, которая требовала низверженія Скоропадскаго и передачи полноты власти графу Келлеру.

Возможно, что слухи были преувеличены. Въ чемъ заключались переговоры гетмана съ Петлюрой, мы не знаемъ и обвиненія въ «предательствѣ» остаются недоказанными. Но какое довѣріе могъ внушить человѣкъ, который сначала въ угоду нѣмцамъ заявлялъ, что Украйна двѣсти лѣтъ стонала подъ «русскимъ игомъ», а потомъ въ угоду французамъ вздумалъ выступить въ роли вождя въ борьбѣ за единую Россію. Неудивительно, что дѣло окончилось катастрофою. Рухнулъ украинскій маскарадъ русской буржуазіи: нѣмцы, предавшіе Кіевъ Петлюрѣ, наглядно показали, что значила ставка на нѣмцевъ.

Это предательство положило начало новому маскараду. Раньше въ синій жупанъ облекались «буржуи», теперь подъ именемъ «петлюровцевъ» и украинцевъ явились въ Кіевъ русскіе большевики. Одинъ знакомый мнѣ публицистъ, застигнутый въ Кіевѣ вторженіемъ бандъ Петлюры, былъ пораженъ чисто русскимъ говоромъ его солдатъ. На вопросъ: «какъ это васъ такъ скоро успѣли сформировать»,—солдатъ отвѣчалъ: «да мы давно сформированы». «Гдѣ?». — «Въ Курскѣ». — «А кто васъ формировалъ?» — «Да, Троцкій».

Французскій генеральный консулъ въ Одессѣ — Энно, — знавшій этотъ и многіе другіе аналогичные факты, показывалъ мнѣ свой рапортъ Пишону, гдѣ прямо говорилось, что не петлюровцы голова, а большевики хвостъ и что ближайшее будущее принадлежитъ большевикамъ, а не Петлюрѣ.

Такъ думалъ не одинъ Энно. Украинская маска петлюровскаго движенія обманула только немногихъ ограниченныхъ фанатиковъ украинства и въ томъ числѣ самого Петлюру. Народныя массы просто не понимали украинской вывѣски движенія и сочувствовали Петлюрѣ только потому, что онъ обѣщалъ сломить господство буржуазіи, наказать помѣщиковъ, съ помощью нѣмцевъ «обобравшихъ» крестьянъ, и отдать крестьянамъ землю. Въ послѣдніе дни гетмановщины крестьяне говорили: «мы всѣ за Петлюру, вотъ онъ придетъ и господъ лишитъ власти». А на вопросъ: «такъ, значитъ, вы хотите отдѣлить Украйну отъ Россіи», тѣ же люди отвѣчали: «ну, это вздоръ, долженъ

быть Петлюра, но должна быть и единая Россія». Успѣхамъ Петлюры способствовали и непониманіе народныхъ массъ и утомленіе междоусобіемъ, жажда мира во что бы то ни стало.

Помню типическую сценку на кіевскомъ рынкѣ на Бессарабкѣ. Я покупалъ сливочное масло и слышалъ кругомъ оханіе, да кряхтѣніе людей, жаловавшихся на цѣны, непомѣрно увеличившіяся во время блокады Кіева повстанцами. Вдругъ мужичекъ радостно возвѣстилъ: «да теперь цѣны скоро опять будутъ божескія. Развѣ не знаете, миръ заключенъ, миръ съ Петлюрой. Я самъ видѣлъ на Крещатикѣ огромный бѣлый флагъ, на которомъ объ этомъ написано». Я поинтересовался узнать, что это за бѣлый флагъ и пошелъ на указанное разсказчикомъ мѣсто. Дѣйствительно тамъ висѣлъ въ воздухѣ протянутый съ одной стороны Крещатика на другую гигантскій бѣлый флагъ съ надписью: «покупайте газету «Миръ». Это была чудовищная реклама о предстоящемъ выходѣ новой гетманской газеты.

III. ПОЛИТИКИ, ПОЛИТИКА И СВЕРХПОЛИТИЧЕСКОЕ.

Бываютъ такія болѣзни, въ особенности эпидемическія, противъ которыхъ никакіе рецепты не помогаютъ. Какъ тамъ ни лечи, болѣзнь возьметъ свое, пройдетъ весь положенный ей срокъ закономѣрнаго теченія. Въ этихъ случаяхъ попытки лечить людей обнаруживаютъ безсиліе врачей, а попытки лечить народы — столь же роковое безсиліе политиковъ.

Я думаю, что Украйна могла бы управляться умнѣе и искуснѣе, чѣмъ она въ дѣйствительности управлялась, что многія ошибки гетмана и его министровъ могли быть и не сдѣланы, но все таки конечный результатъ былъ бы по всей вѣроятности тотъ же. Украйна должна была *переболѣть большевизмомъ*. чтобы окончательно отъ него освободиться. Если бы, напримѣръ, гетманъ поменьше полагался на нѣмцевъ и постарался обзавестись собственной арміей, онъ могъ бы дольше бороться съ движеніемъ Петлюры и даже, пожалуй, справиться съ нимъ, но основной болѣзни — *большевизма* — онъ все таки не преодолѣлъ бы. При томъ настроеніи народныхъ массъ, какое господствовало на Украйнѣ въ 1918 году, всякое собранное тамъ войско было обречено на болѣе или менѣе быструю большевизацію. Если бы гетманское правительство вело то, что называется «разумной политикой», процессъ пошелъ бы въ затяжку но рано или поздно большевизмъ все таки взялъ бы верхъ. И, кто знаетъ, можетъ быть теперь, лѣтомъ 1919 года, когда сила большевиковъ въ Совдепіи надломлена, эта вспышка большевизма на Украйнѣ была бы еще опаснѣе для Россіи, потому что въ критическую минуту она дала бы въ руки Троцкаго и Ленина совершенно свѣжую, нетронутую разложеніемъ силу.

Безсиліе рецептовъ и политиковъ — вообще одно изъ самыхъ яркихъ моихъ наблюденій за зиму и весну 1918—1919 года. Въ такіе дни повторяется все тотъ же парадоксъ, который неизмѣнно сопровождаетъ всякія эпидемическія болѣзни. Всякій знаетъ, что корь или

оспу лечить нельзя. Но не лечить дорогого и близкаго человѣка нравственно невозможно. И вотъ вопреки очевидности больного корью лечатъ, изощряютъ умъ на изобрѣтеніи способовъ, которые не приводятъ къ цѣли.

Въ политикѣ бываетъ еще хуже. Когда боленъ народъ, попытки леченія составляютъ не только непреодолимую нравственную потребность лечащихъ; онѣ сплошь и рядомъ внушаются той наивной вѣрой въ рецепты, надъ которой уже давнымъ давно возвысилась медицина. Какихъ только рецептовъ не приходилось читать и слушать. Были правые, были лѣвые, были явно наивные, были и такіе, которые казались умными. Но въ концѣ концовъ всѣ были непригодны. Болѣзнь обманула всѣ расчеты, ниспровергла всю нашу обиходную рецептуру.

Кристально чистый графъ Келлеръ, исчезнувшій нынѣ типъ генерала добраго времени, говорилъ мнѣ недѣли за двѣ до своего трагическаго конца: «Вся суть въ томъ, что у насъ каждый берется не за свое дѣло, забывая о прямыхъ своихъ обязанностяхъ. Вотъ, хотя бы Деникинъ, мой прежній подчиненный. Я ему поставилъ вопросъ: скажите мнѣ, наконецъ, ваше превосходительство, кто вы и что вы такое». Онъ сконфузился и отвѣчалъ: «я монархистъ» и поспѣшно добавилъ: «я конституціонный монархистъ». «Ваше Превосходительство, сказалъ я ему, я думаю, что я не глупѣе васъ, но полагаю, что это не нашего съ вами ума дѣло. Мы военные должны стоять внѣ политики; для насъ должно быть только одно: воля Государя Императора и единая Россія. А о конституціи разсуждать намъ не приходится. Захочетъ Государь Императоръ, будетъ вамъ и конституція или хотя бы даже федерація, не захочетъ Его Величество, не будетъ ни того, ни другого. А мы съ вами должны исполнять его волю, а не политиканствовать». — «Графъ, замѣтилъ я моему собесѣднику, вѣдь это тоже политика, хотя политика правая и монархическая», но тотчасъ понялъ, что попытки убѣдить въ этомъ старика были совершенно безполезны. Онъ просто разводилъ руками и не понималъ, повторяя: «Государь Императоръ и Россія, да какая же это политика».

Позднѣе въ Одессѣ меня поразило сходство съ этими рѣчами бесѣдъ французскаго генерала д'Ансельма, столь же прямолинейнаго въ своихъ республиканскихъ убѣжденіяхъ:

„Nous autres militaires, nous ne nous mêlons pas de politique, nous sommes au dehors des parties, mais pourvu qu'on ne soit pas trop réactionnaire. Oh, ces diables de monarchistes dans l'armée des volontaires! Ils n'ont rien oublié et rien appris"*). Было совершенно такъ же безполезно убѣждать д'Ансельма, что ратуя за республику и за участіе соціалистическихъ именъ въ управленіи югомъ Россіи, онъ дѣлаетъ партійную политику. **De la politique ça, je vous demande bien pardon** и увѣрялъ, что республика внѣ партій.

Политическіе рецепты колебались между этими двумя противоположными полюсами. Были правые, которые говорили, что надо от-

---

*) Мы военные не вмѣшиваемся въ политику, мы внѣ партій. Однако, не слѣдуетъ быть слишкомъ реакціонными. Охъ, ужъ эти монархисты въ Добровольческой арміи. Они ничего не забыли и ничему не научились.

крыто объявить себя монархистами. По ихъ словамъ только монархическій лозунгъ въ состояніи удовлетворить разочаровавшіяся въ большевизмѣ народныя массы сѣвера и воодушевить монархически настроенную добровольческую армію. Были и доктринеры слѣва, которые полагали, что только рѣшительное исповѣданіе республики съ лѣвой соціальной программой можетъ отшатнуть отъ большевизма народныя массы, которыя больше всего на свѣтѣ боятся реакціи. Но были одинаково неправы какъ тѣ, такъ и другіе; провозглашать монархическій идеалъ въ неизжившей большевизма Украйнѣ было, конечно, безуміемъ. Но по той же причинѣ непригодны были лозунги лѣвые, республиканскіе, демократическіе и соціалистическіе: при наличности стихійнаго влеченія массъ къ большевизму — эти лозунги удовлетворить не могли: они оказывались всего только промежуточными ступенями, на которыхъ народное движеніе даже не задерживалось.

Такъ же несостоятельны были рецепты, исходившіе изъ «оріентацій» нѣмецкой или французской, потому что ни та, ни другая не могла совершить самого главнаго для спасенія России дѣла — исцѣлить южную Россію отъ заразившей ее и еще не изжитой ею болѣзни.

Когда я пріѣхалъ на Украйну — нѣмецкая оріентація доживала свои послѣдніе дни. Сторонники единой Россіи отъ нея отшатнулись въ виду обнаруженнаго нѣмцами безсилія и ихъ предательской политики въ Москвѣ. П. Н. Милюковъ, коего я засталъ въ Кіевѣ, въ то время отъ нея рѣшительно отказывался. Но у нѣмцевъ еще оставались приверженцы среди тѣхъ извѣрившихся въ Россію и деморализованныхъ русскихъ, которые связали свою судьбу съ мыслью объ Украйнѣ. Они приходили въ паническій ужасъ при мысли, что возможный уходъ нѣмцевъ тотчасъ сдѣлаетъ неизбѣжнымъ торжество большевизма на Украйнѣ. Я уже говорилъ о томъ, какъ пораженіе нѣмцевъ и ихъ уходъ опровергли эти возлагавшіяся на нихъ надежды.

Тогда всѣ надежды устремились въ сторону союзниковъ. А. В Кривошеинъ, высказывавшійся раньше за допустимость при наличіи извѣстныхъ условій «нѣмецкой оріентаціи», отправился вмѣстѣ съ П. Н. Милюковымъ для переговоровъ съ союзниками въ Яссы. Разговоръ мой съ А. В. передъ его отъѣздомъ изъ Кіева ясно показываетъ, до чего преувеличены были тогда надежды «государственно-мыслящихъ» русскихъ людей на англичанъ и французовъ. Я выразилъ надежду, что мы вернемся въ Москву къ осени 1919 г. «Нѣтъ, сказалъ мнѣ А. В., послѣ только что совершившихся событій, мы можемъ вернуться туда гораздо раньше, я думаю, примѣрно къ Рождеству». Если у государственно мыслящихъ были преувеличенныя надежды, то, наоборотъ, у большевицки настроенныхъ массъ явились преувеличенныя опасенія. Крестьяне, доселѣ дрожавшіе передъ нѣмцами, не на шутку испугались прихода «тѣхъ, что побѣдили нѣмца». По деревнямъ говорили: «плохо, братцы, будетъ, вотъ мы союзникамъ измѣнили, а они придутъ въ деревню, да спросятъ, кто въ семнадцатомъ году бѣжалъ съ фронта. Иванъ, да Сидоръ. Подать сюда Ивана да Сидора. Всѣхъ разыщутъ да разстрѣляютъ». И бывшіе солдаты на-

чали въ паникѣ массами выправлять себѣ по волостямъ фальшивыя свидѣтельства, гдѣ значилось: «уволены съ фронта по болѣзни». Какъ безконечно далеки мы были въ то время отъ мысли, что побѣда союзниковъ не ускоритъ, а наоборотъ задержитъ освобожденіе Россіи отъ большевиковъ. Союзники въ то время казались какимъ то всемогущимъ земнымъ божествомъ, которое можетъ карать и миловать и непремѣнно будетъ спасать.

Были, конечно, и скептики, которые сомнѣвались, указывая на «утомленіе» союзниковъ, но ихъ тотчасъ приводили къ молчанію. «Развѣ вы забыли угрозы англичанъ большевикамъ за тяжкое оскорбленіе англійскаго посольства въ Петроградѣ и за дерзкое убійство тамъ англійскаго офицера? Неужели вы думаете, что англичане могутъ проглотить такое наглое издѣвательство надъ Англіей? Возможно ли допустить, что англо-французы не понимаютъ международной опасности открытаго очага большевицкой заразы, который заразитъ весь міръ?» И политическая мысль продолжала работать въ расчетѣ на иноземную помощь.

Сколько было потрачено времени на безплодныя засѣданія изъ-за этого ошибочнаго расчета. Помнится, вся зима 1917—1918 года въ Москвѣ ушла на безплодные, безконечные споры объ оріентаціяхъ. Споры эти иногда переходили въ ссоры, инакомыслящіе заподазривались въ отсутствіи патріотизма. Въ Москвѣ двѣ близкія по духу организаціи «національный центръ» и «правый центръ» раскололись совершенно понапрасну, изъ-за того только, что послѣдній признавалъ допустимыми и желательными не какія либо соглашенія съ нѣмцами, а хотя бы переговоры съ ними съ цѣлью уяснить ихъ планы относительно Россіи, тогда какъ національный центръ считалъ всякія выясненія безусловно непозволительными. И послѣ того, какъ отношенія были совершенно понапрасну порваны, переговоры праваго центра съ нѣмцами не только не привели къ нѣмецкой оріентаціи, но лишній разъ убѣдительно доказали ея полную нежелательность въ виду недоброжелательнаго отношенія господствующаго въ Германіи направленія къ мысли о единой Россіи.

Потомъ на Украйнѣ, когда всѣ колебавшіеся и всѣ разочаровавшіеся перешли на сторону «союзнической оріентаціи», послѣдняя послужила темой для новыхъ столь же многочисленныхъ и безплодныхъ засѣданій. Безплодность ихъ происходила отъ того, что они покоились на двухъ ошибочныхъ предположеніяхъ: 1) что Россія не можетъ возродиться и освободиться отъ большевиковъ собственными силами и 2) что поэтому единственная надежда на спасеніе Россіи военная ей помощь, дѣятельное вмѣшательство державъ согласія въ русскія дѣла.

Изъ этихъ предположеній исходили всѣ тѣ общественныя группы, которыя мнѣ приходилось наблюдать въ Кіевѣ. Также и впослѣдствіи въ Одессѣ все строилось на предположеніи, что союзники окажутъ дѣятельную помощь. Все было направлено къ тому, чтобы во что бы то ни стало получить эту драгоцѣнную помощь, уладить отношенія между союзниками и добровольческой арміей, все время очень шероховатыя. Такъ какъ въ концѣ концовъ французы внезапно бро-

сили Одессу и Крымъ на произволъ судьбы, у меня осталось впечатлѣніе огромнаго усилія, потраченнаго совершенно даромъ.

А между тѣмъ сколько времени, сколько силъ было израсходовано. За эти двѣ зимы въ Москвѣ и на югѣ Россіи меня поражала болѣзненная страсть русскихъ общественныхъ дѣятелей къ засѣданіямъ. Бывали дни и недѣли, когда приходилось засѣдать по два, по три раза въ день и на это уходило все время, такъ что не было возможности заняться чѣмъ либо другимъ. Всегда уходя изъ засѣданія испытываешь гнетущее впечатлѣніе, что мы ни на шагъ не подвинулись впередъ. Получая новую повѣстку, бывало думаешь: «не пропустить ли, вѣдь не непремѣнно именно на этомъ засѣданіи спасутъ». И въ концѣ концовъ идешь изъ опасенія, какъ бы какое нибудь случайно составившееся большинство не постановило чего либо несуразнаго. Поразительная черта этихъ засѣданій въ томъ, что большая часть времени въ нихъ уходила на взаимную «информацію». Засимъ въ виду безысходности положенія послѣ томительной болтовни организація или вовсе не приходила къ опредѣленному рѣшенію или принимала такое рѣшеніе, которое только обнаруживало ея безсиліе: составить меморандумъ для отсылки въ Парижъ, послать депутацію къ французамъ или въ Екатеринодаръ. Меморандумъ посылался, но исчезалъ безслѣдно. Оставалось неизвѣстнымъ, прочтенъ онъ или не прочтенъ, кѣмъ слѣдуетъ, и даже полученъ ли онъ по назначенію. Отправлялась депутація, но она или не оказывала никакого дѣйствія на ходъ событій или оказывала слабое дѣйствіе, которое затѣмъ легко уничтожалось противоположными вліяніями.

Хроническая неудача общественной дѣятельности вызывала нервное настроеніе. Люди горячились, ссорились, обижались, обвиняли другъ друга въ неумѣніи, въ бездѣйствіи, въ политической бездарности, но на другой же день снова собирались и снова безъ конца разсуждали. Повидимому, эта черта свойственна безысходнымъ положеніямъ.

Братъ мой Григорій*) разсказывалъ мнѣ, что та же несчастная страсть къ засѣданіямъ поражала наблюдателей во время войны въ Сербіи, въ дни непосредственно предшествовавшіе ея эвакуаціи. Потребность засѣдать является въ такихъ случаяхъ у людей, которые не хотятъ или не могутъ отдать себѣ отчета въ неизбѣжности надвигающейся катастрофы или въ безысходности положенія. Они стараются обмануть себя надеждой, что общими усиліями какой то выходъ будетъ найденъ. Типическимъ примѣромъ такой психологіи является для меня М. В. Родзянко, зимою 1918—1919 года неуклонно повторявшій всякому встрѣчному и поперечному, что для спасенія Россіи требуется немедленный созывъ государственнаго совѣщанія изъ бывшихъ членовъ государственныхъ думъ. Несчастный, ему еще не осточертѣли совѣщанія и онъ продолжалъ въ нихъ вѣрить въ то время, когда было столько доказательствъ ихъ безплодности.

Потребность въ такомъ самообманѣ особенно сильна среди бѣженцевъ. Въ большихъ городахъ скопляется великое множество вы-

---

*) Кн. Гр. Ник. Трубецкой, бывшій русскій посланникъ въ Сербіи.

битыхъ изъ колеи общественныхъ и государственныхъ дѣятелей, которымъ рѣшительно нечего дѣлать. А между тѣмъ живутъ они въ гнетущей обстановкѣ, въ тѣснотѣ, безъ денегъ, многіе вдали отъ своихъ семействъ, въ тягостномъ сознаніи катастрофы, длящейся и развивающейся. Катастрофа напоминаетъ о себѣ каждый часъ, каждую минуту, на каждомъ шагу повседневной жизни. Дома водопроводъ зачастую не работаетъ, звонки не звонятъ, электричество періодически не свѣтится, на улицахъ трамваи не ходятъ, на рынкѣ цѣны непомѣрно растутъ, а съ сѣвера тревожныя или катастрофическія вѣсти о Россіи, объ участи близкихъ. При этомъ всѣ живутъ съ уложенными чемоданами въ непрекращающемся страхѣ новаго нашествія большевиковъ и въ приготовленіяхъ къ новому бѣгству. Какъ въ этой общей бѣдѣ не собраться и не обсудить, что дѣлать. И вотъ на этой почвѣ рождаются безчисленныя собранія и обсужденія, которыя готовятъ новыя разочарованія.

Помнится, въ Кіевѣ мы ежедневно нѣсколько разъ засѣдали почти въ одномъ и томъ же составѣ, но подъ разными наименованіями. То мы назывались «совѣщаніемъ членовъ законодательныхъ учрежденій», то «совѣщаніемъ городскихъ гласныхъ». Конечно, были варіанты; на каждомъ новомъ совѣщаніи не было однихъ дѣятелей, но за то являлись другіе, раньше не встрѣчавшіеся. Въ общемъ же лица до такой степени повторялись, что я иногда забывалъ, к т о м ы с е г о д н я, горожане, земцы, члены законодательныхъ учрежденій или еще кто нибудь. Въ этихъ случаяхъ бывало толкнешь сосѣда и спрашиваешь: «какъ мы сегодня называемся». Собирались кромѣ перечисленныхъ организацій еще промышленники, члены союза земельныхъ собственниковъ, члены церковнаго собора, сенаторы, банкиры, профессора. Всѣхъ организацій я даже не берусь вспомнить. Наконецъ, общественные дѣятели напали на счастливую, казалось, мысль, объединить всѣ эти организаціи русской буржуазіи въ одно цѣлое, составить изъ нихъ нѣчто вродѣ союза союзовъ. Такъ и было поступлено. Всѣ названныя и неназванныя буржуазныя организаціи составили вмѣстѣ единый «Совѣтъ Государственнаго Объединенія», куда были выбраны представители каждой изъ группъ. Совѣтъ въ свою очередь выбралъ Бюро съ предсѣдателемъ барономъ В. В. Меллеромъ-Закомельскимъ во главѣ. Въ совѣтъ вошли видные государственные и общественные дѣятели: А. В. Кривошеинъ, В. І. Гурко, С. Н. Масловъ, П. Н. Милюковъ, Ф. И. Родичевъ, П. И. Новгородцевъ, графы А. А. и В. А. Бобринскіе, С. Е. Крыжановскій и многіе другіе. Казалось, все обѣщало блестящую будущность этому представительному учрежденію, объединявшему всѣ собранныя въ Кіевѣ, а затѣмъ и въ Одессѣ вершины русской буржуазіи. При этомъ совѣтъ работалъ чрезвычайно много; не проходило дня безъ засѣданій его бюро, которое по мѣрѣ надобности созывало общее собраніе. И, однако, какъ членъ совѣта и бюро, я долженъ по совѣсти сказать, что результаты дѣятельности совѣта за зиму 1918—1919 года равны нулю.

Кто въ этомъ виноватъ? Многіе изъ насъ, къ сожалѣнію, искали виновниковъ, обвиняя то предсѣдателя, то бюро въ его цѣломъ. Напрасныя обвиненія: виноваты были рѣшительно всѣ. Предсѣдатель

и бюро строили всю свою дѣятельность на тѣхъ самыхъ ошибочныхъ предположеніяхъ, изъ которыхъ исходила въ то время вся антибольшевицкая часть русскаго общества. Когда началась дѣятельность совѣта, никто не вѣрилъ въ возможность спасенія Россіи ея собственными силами. Положеніе, что не можетъ быть спасенія безъ военнаго вмѣшательства союзниковъ, всѣмъ казалось аксіоматическимъ. И вотъ жизнь опровергла эту мнимую аксіому.

Казалось, Совѣтъ дебютировалъ блестяще: ясская конференція была по преимуществу дѣломъ его рукъ. Когда его делегаты П. Н. Милюковъ, А. В. Кривошеинъ, Шебеко, Гурко, баронъ Меллеръ-Закомельскій и другіе явились въ Яссы, оказалось, что союзники были далеки отъ намѣренія вмѣшиваться въ наши дѣла. Утомленные великой европейской войной, они не особенно заботились о Россіи, полагая, что ея спасеніе должно быть ея собственнымъ дѣломъ. Делегатамъ Совѣта государственнаго объединенія, національнаго центра и союза возрожденія пришлось потратить не мало усилій, чтобы сдвинуть англичанъ и французовъ съ этой точки зрѣнія. И однако это удалось, причемъ блестящія рѣчи нашихъ делегатовъ — Гурко и Милюкова сыграли большую роль въ этомъ дѣлѣ. Французскій дессантъ въ Одессѣ явился прямымъ послѣдствіемъ ясской конференціи. До конференціи онъ вовсе не имѣлся въ виду. Казалось, стало быть, что первый шагъ Совѣта государственнаго объединенія былъ большой заслугой передъ родиной. И однако послѣдующія событія показали, что заслуга была мнимой. Это обнаружилось, когда волею судебъ дѣятельность совѣта перенеслась изъ Кіева въ Одессу. Къ этой темѣ придется вернуться, когда дойдетъ очередь до одесскаго періода моихъ скитаній. Заканчивая этотъ отдѣлъ о пребываніи въ Кіевѣ, мнѣ хочется сказать два слова о томъ подлинномъ, не призрачномъ, что я тамъ наблюдалъ.

Это подлинное было только въ церкви и въ ея окруженіи. Блуждая въ дебряхъ политики, русскіе общественные дѣятели или постыдно забывали о Россіи, пріобрѣтая цѣною этого забвенія помощь нѣмцевъ, или же тщетно искали, но не находили пути къ ея возсозданію. Въ политикѣ мысль объ единой Россіи была только мечтою, въ минуты тяжкаго сомнѣнія могло казаться даже, что это мечта утопическая, неосуществимая. Наоборотъ, въ области сверхполической она была реальностью.

Утраченная въ міру единая Россія сохранилась въ церкви. Попытки привить къ ней украинство сразу и безнадежно провалились. Засѣдавшій въ Кіевѣ всеукраинскій соборъ рѣшительно и рѣзко высказался противъ автокефаліи, къ которой въ цѣляхъ украинизаціи стремилось гетманское правительство. Всего два - три члена собора — сторонники автокефаліи, пытались произносить рѣчи на украинскомъ нарѣчіи. Во время одной такой рѣчи крестьянинъ хохолъ спросилъ сосѣда - архимандрита, о чемъ говоритъ ораторъ, ибо онъ его не понималъ; а сосѣдъ оказался чистымъ великороссомъ, по происхожденію тамбовскимъ уроженцемъ. Соборъ вообще не понималъ ни слова, ни тѣмъ болѣе духа этихъ рѣчей. Онъ горячо стоялъ за единеніе со всей православной Россіей. Къ всероссійскому патріарху

онъ относился съ глубокимъ сочувствіемъ и сыновней почтительностью. Благодаря этому весь тотъ міръ призраковъ, которымъ жило государство, оказался совершенно чуждымъ церкви.

Бывало, слыша нѣмецкую рѣчь на улицахъ и читая раздражающія украинскія надписи — «поштова скринька» вмѣсто почтовый ящикъ или «спілка» вмѣсто союзъ, чувствуешь себя словно на чужбинѣ. На каждомъ шагу мучительныя напоминанія объ утратѣ родины, наглыя издѣвательства надъ русскимъ національнымъ чувствомъ. Приходишь въ церковь и сразу чувствуешь себя успокоеннымъ, удовлетвореннымъ. Церкви удалось сохранить въ полной неприкосновенности единый для всей православной Россіи богослужебный церковно-славянскій языкъ. Попытка ввести въ церковную службу уродливую украинскую «мову» успѣха не имѣла. Другое яркое напоминаніе о національномъ единствѣ — поминовеніе Тихона — патріарха московскаго и всея Руси во время литургіи. Чувствовалось, что это не буква, а жизнь. Въ украинскихъ храмахъ мы русскіе люди были у себя дома и это необычайно повышало ощущеніе нашей непосредственной близости къ церкви. Пріятно и новшество, котораго не было въ богослуженіи во времена дореволюціонныя. «Вѣрую» и «Отче нашъ» теперь исполняются въ храмахъ не однимъ клиромъ или хоромъ пѣвчихъ, а всѣмъ соборомъ молящихся. Въ этой новой бытовой подробности отразилось то оживленіе соборнаго начала, которое составляетъ характерную черту церковной жизни въ нашу смутную эпоху. Богослуженіе тѣмъ самымъ пріобрѣтаетъ недостававшую ему раньше жизненность. Именно въ минуты этого соборнаго пѣнія молящихся охватываетъ и поднимаетъ чувство ожившей въ церкви родины.

Въ такія эпохи, какъ наша, становится яснымъ, какую силу пріобрѣтаетъ въ церкви и черезъ церковь вѣра въ Россію. Мірское общество во всѣхъ слояхъ своихъ деморализовано; русскіе люди въ большинствѣ своемъ промѣняли родину на низкую корысть, забыли о ней ради классовыхъ интересовъ. А рядомъ съ этимъ въ церкви величайшій подвигъ безкорыстія и самоотверженія — героизмъ и мученичество. За оградой Кіево-Печерской лавры, на печерскомъ крѣпостномъ валу стоитъ крестъ, напоминающій о мученической кончинѣ митрополита Владиміра, убитаго большевиками на этомъ самомъ мѣстѣ. Въ теченіе нѣсколькихъ часовъ убійцы, явившіеся въ келью святителя, требовали отъ него, чтобы онъ освободилъ монаховъ отъ монастырскаго послушанія и преобразовалъ монастырь на началахъ коммунистическаго равенства. Но митрополитъ оказался непоколебимо твердымъ до конца и по долгу пастырской совѣсти отвѣчалъ на эти домогательства рѣшительнымъ отказомъ. Тогда его вывели за монастырскую ограду и разстрѣляли.

Тутъ передъ нами одинъ изъ самыхъ изумительныхъ парадоксовъ нашей дѣйствительности. Съ одной стороны въ жизни все носитъ подобіе смерти, все свидѣтельствуетъ объ общественномъ разложеніи и гніеніи, о смертельной болѣзни Россіи. Съ другой стороны крестъ на мѣстѣ кончины митрополита-мученика, да кресты на могилахъ безвременно погибшихъ офицеровъ-мучениковъ — яркія свидѣтельства о неумирающей жизни Россіи. Не все въ ней погибло. Есть

въ ней великія непобѣдимыя духовныя силы, есть люди неспособные капитулировать передъ зломъ и умирающіе за правду. Вотъ о чемъ намъ говорятъ эти кресты. Это духовныя точки опоры для нашей вѣры въ родину. Вспоминая этихъ дорогихъ отошедшихъ, проникаешься чувствомъ неизъяснимой бодрости. И становится очевиднымъ, что своею смертью эти люди сдѣлали для Россіи безконечно больше, чѣмъ можетъ сдѣлать для нея человѣкъ всею своею жизнью. Они пробудили ту вѣру, которая горы передвигаетъ и тѣмъ самымъ совершили то величайшее дѣло, отъ котораго зависитъ наше спасеніе. Чтобы спасти Россію, надо прежде всего повѣрить въ правду Божію и въ нее, какъ поборницу этой правды. Политика, искавшая спасенія Россіи не въ ней самой, а въ иноземной помощи, не спасала именно потому, что не вѣрила или недостаточно вѣрила.

IV. ПЕРЕѢЗДЪ ВЪ ОДЕССУ.

Возстаніе Петлюры вынудило насъ бѣженцевъ изъ Совдепіи ко второму бѣгству изъ Кіева. Одесса, какъ прибрежный городъ занятый французскими войсками, намѣчалась само собою не только какъ безопасное мѣстопребываніе, но и какъ новый центръ нашей дѣятельности. Пребываніе въ Одессѣ единственнаго дипломатическаго представителя союзныхъ державъ — французскаго генеральнаго консула Энно дѣлало именно ее наиболѣе удобнымъ мѣстомъ для сношеній съ союзниками. Во всѣхъ прочихъ центрахъ юга Россіи, не исключая и Екатеринодара, были лишь третьестепенные дипломатическіе агенты безъ достаточныхъ полномочій, къ тому же весьма плохо освѣдомленные о томъ, что творилось у нихъ дома и даже о намѣреніяхъ ихъ правительствъ. Россія вообще была заброшеннымъ союзниками угломъ. Они не позаботились даже объ установленіи съ нею правильныхъ телеграфныхъ и радіотелеграфныхъ сношеній. Радіотелеграммы были чрезвычайно скудны. Нерѣдко были и ложныя; притомъ сенсаціонныя радіотелеграммы, напримѣръ, сообщеніе о мнимомъ низверженіи Клемансо въ моментъ оставленія французами Одессы. Съ перваго же моего появленія въ Одессѣ я былъ пораженъ тѣмъ фактомъ, что консулъ Энно былъ вынужденъ посылать всѣ сколько нибудь пространныя, хотя иногда и весьма спѣшныя сообщенія, не телеграммами, а курьерами, которые отправлялись во Францію на миноносцахъ.

Мнѣ пришлось попасть въ Одессу одному изъ первыхъ. До меня изъ членовъ Совѣта государственнаго объединенія тамъ находились лишь члены ясской делегаціи съ барономъ Меллеромъ Закомельскимъ во главѣ. Я былъ командированъ туда изъ Кіева съ порученіемъ побудить французовъ къ скорѣйшей присылкѣ отряда для освобожденія Кіева отъ осаждающихъ его войскъ Петлюры.

Когда началось движеніе Петлюры, престижъ союзниковъ, какъ сказано, стоялъ необычайно высоко. Всѣ ждали ихъ выступленія и возмущались медленностью ихъ приготовленій. Мнѣ и моему спутнику А. С. Хрипунову было поручено довести до свѣдѣнія Энно, что

это промедленіе, кромѣ захвата Кіева, можетъ имѣть другія неисчислимыя послѣдствія: движеніе большевиковъ внутрь Украйны и захватъ большевиками несмѣтныхъ сокровищъ — запасовъ хлѣба, угля, сукна, оружія и т. п. Премьеръ министръ послѣдняго русскаго кабинета гетмана — С. Н. Гербель нѣсколько наивно признавался намъ въ томъ, что въ расчетѣ на будущее наступленіе союзныхъ и русскихъ войскъ «нарочно» оставилъ нетронутыми богатые хлѣбные запасы и сукно (въ Клинцахъ) на сѣверѣ Черниговской и Харьковской губерній, какъ разъ въ непосредственномъ сосѣдствѣ съ Совдепіей. Онъ побуждалъ насъ къ скорѣйшему отъѣзду. «Кіевъ можетъ продержаться еще восемь дней», говорилъ онъ, «за дальнѣйшее я не ручаюсь». И это не смотря на то, что и у Петлюры настоящихъ войскъ было мало. Хорошихъ солдатъ по офиціальнымъ свѣдѣніямъ было не болѣе трехъ тысячъ. Остальные были шайки грабителей изъ возставшихъ крестьянъ. Безопасность Кіева при этихъ условіяхъ зависѣла всецѣло отъ нѣмцевъ, которые играли во всѣхъ этихъ событіяхъ весьма двойственную роль. Съ одной стороны они провозгласили «нейтралитетъ» и невмѣшательство въ домашнія ссоры русскихъ съ украйнцами, съ другой — выходило сплошь да рядомъ, что этотъ нейтралитетъ служилъ на пользу украйнцевъ. Одинъ изъ немногихъ успѣховъ добровольцевъ былъ остановленъ нѣмецкими войсками, которыя объявили, что въ данномъ мѣстѣ нейтральная полоса, и потребовали прекращенія военныхъ дѣйствій какъ разъ въ важный моментъ преслѣдованія добровольцами дрогнувшихъ петлюровцевъ. Энно изъ Одессы оказывалъ давленіе на нѣмцевъ въ нашу пользу и благодаря этому они объявили, что не допустятъ уличныхъ боевъ въ Кіевѣ. Но въ общемъ нѣмцы были въ высшей степени ненадежны. Ихъ командованіе, сохранившее не смотря на революцію нѣкоторое вліяніе на солдатъ, явно симпатизировало петлюровцамъ. Оно, видимо, продолжало традиціонную политику нѣмецкой дипломатіи, стремившейся къ расчлененію Россіи.

При этихъ условіяхъ откладывать нашу поѣздку въ Одессу было дѣйствительно невозможно. Но затрудненіе заключалось въ томъ, что Кіевъ былъ обложенъ почти со всѣхъ сторонъ. Въ моментъ нашего отъѣзда былъ свободенъ только путь на Харьковъ. Туда насъ и направили, но съ предупрежденіемъ принять всѣ необходимыя мѣры предосторожности. «У васъ, конечно, есть фальшивые паспорта», заботливо внушалъ намъ напутствовавшій насъ министръ путей сообщенія и, подумавъ, добавилъ: «впрочемъ, кто же не знаетъ, что теперь нельзя путешествовать безъ фальшиваго паспорта». Это было мое послѣднее впечатлѣніе отъ украйнскаго правительства. Совѣтъ обзавестись фальшивымъ паспортомъ. Можно ли подыскать болѣе яркое изображеніе призрачности того государства, гдѣ министры вынуждены давать подобные совѣты. Министръ былъ правъ. Фальшивый паспортъ на имя Евгенія Николаевича Торленко съ моимъ портретомъ, припасенный еще въ Совдепіи, пригодился въ дорогѣ.

Переѣздъ до Харькова обошелся безъ какихъ либо осмотровъ, хотя близъ станціи Ромоданы Полтавской губерніи мы проѣзжали въ непосредственномъ сосѣдствѣ отъ поля сраженія, видѣли стояв-

шія недалеко другъ отъ друга петлюровскія и наши войска. Генералъ, занимавшій Ромоданы, спѣшившій съ эвакуаціей, не хотѣлъ насъ пропускать, говоря, что раньше онъ долженъ эвакуировать четыре поѣзда съ воинскимъ имуществомъ. Но на наше счастье съ нами ѣхало желѣзнодорожное начальство, а въ то же время изъ Кіева за движеніемъ нашего поѣзда слѣдилъ С. Н. Гербель. Желѣзнодорожники во время дали телеграмму въ Кіевъ и отвѣтной телеграммой оттуда насъ велѣли пропустить. Мы счастливо проскочили въ Харьковъ, откуда мы должны были искать путь къ морю и въ Одессу, куда иначе какъ моремъ проникнуть было нельзя.

Свѣдѣнія полученныя нами въ Харьковѣ были весьма безотрадны: путь на Севастополь оказался почти отрѣзаннымъ, такъ какъ близъ станціи Синельниково дѣйствовала разбойничья банда знаменитаго Махно, которая останавливала поѣзда и нещадно ихъ грабила. А путь на Новороссійскъ былъ перерѣзанъ другой бандой. Поѣзда, впрочемъ, ходили какъ въ томъ, такъ и въ другомъ направленіи. Въ виду важности даннаго намъ порученія ѣхать было все-таки необходимо. А ждать было немыслимо, какъ въ виду срочности порученія, такъ и въ виду событій назрѣвавшихъ въ Харьковѣ. Приходъ большевиковъ тамъ ожидался со дня на день. На желѣзнодорожномъ вокзалѣ прислуга, ожидавшая прихода большевиковъ, держала себя необыкновенно нахально и грубила пассажирамъ. Лакей, вообразившій, что я ѣду на сѣверъ, говорилъ мнѣ: «чего вы къ большевикамъ ѣдете, не стоитъ, они сами сюда придутъ».

Въ виду неизбѣжности поѣздки мы выбрали кратчайшій путь на Севастополь. Въ дорогѣ наши фальшивые паспорта провѣрялись петлюровцами. Мы ждали съ волненіемъ Махно и на всякій случай прикололи имѣвшіяся у насъ пачки «керенокъ» къ оконной занавѣскѣ съ задней стороны, обращенной къ окну. Предосторожность оказалась лишней. Махно, наканунѣ ограбившій поѣздъ, шедшій въ тѣ же часы, оставилъ насъ въ покоѣ. Онъ, видимо, обладалъ природой удава, который, только что проглотивъ добычу, на другой день ее перевариваетъ, а потому п о к а не нападаетъ.

По пріѣздѣ въ Севастополь насъ встрѣтили пассажиры съ предыдущаго поѣзда съ распросами: «ну что, ну что, какъ доѣхали» и разсказали, что ихъ обобрали до нитки, у нѣкоторыхъ отняли даже шапки. Синельниково мы проспали и только рано утромъ были разбужены выстрѣлами. «Ну, все пропало, грабятъ», раздался голосъ полусоннаго пассажира. Поѣздъ вскорѣ тронулся. Стрѣляли не грабители, а офицеры-добровольцы, которые остановили насъ для осмотра и провѣрки документовъ. Отъ одного изъ этихъ добровольцевъ я узналъ о томъ, какъ грабятъ поѣзда въ пути. «Какъ то разъ, началъ онъ, постучались мы въ запертое купэ перваго класса, но оттуда женскій голосъ отвѣчалъ: скорѣе застрѣлюсь, но не открою дверь. Что дѣлать? Мы обязаны осматривать, пришлось взломать купэ. И увидали мы тамъ совершенно раздѣтую женщину безъ вещей, безъ денегъ и безъ платья. Вотъ какъ очистили».

Въ Севастополѣ произошла первая наша встрѣча съ союзниками. Дипломатическихъ агентовъ, какъ сказано, тамъ не было. Но тамъ

находился небольшой англійскій дессантъ и стояла англійская эскадра съ адмираломъ Кольторномъ во главѣ. Мы рѣшили воспользоваться случаемъ, чтобы довести до свѣдѣнія союзниковъ объ ожидаемомъ паденіи Кіева и о необходимости помощи. Тутъ передъ нами въ первый разъ обрисовалась вся трагическая безысходность положенія.

Первое тяжелое впечатлѣніе произвели на насъ свои же, русскіе. Мы попытались устроить свиданіе съ англичанами черезъ мѣстныхъ властей. Должностное лицо, къ которому мы за этимъ обратились, заявило намъ, что теперь оно не у власти, такъ какъ вся власть переходитъ къ демократической думѣ: «вотъ, въ сосѣдней комнатѣ сидятъ ихъ представители, мы ихъ спросимъ». Чиновникъ, посланный съ вопросомъ къ «демократамъ», вернулся съ отвѣтомъ, что демократы сами спрашиваютъ, петлюровцы мы или гетманцы и вообще къ какой партіи мы принадлежимъ. Послѣ этого было рѣшено съ лѣвыми не связываться. Если бы они узнали о нашей партійности, отъ нихъ нельзя было бы ожидать ничего кромѣ пакостей. Мы рѣшили попытаться проникнуть къ англичанамъ безъ всякой мѣстной рекомендаціи. Это и удалось безъ труда.

Мы попали на англійскій броненосецъ. Но самъ адмиралъ въ это время былъ занятъ разговоромъ съ начальникомъ нѣмецкаго гарнизона, еще находившагося въ Севастополѣ. Поэтому вмѣсто адмирала насъ принялъ его начальникъ штааба. За всю жизнь я не помню офиціальнаго пріема болѣе холоднаго и непріятнаго. Англичанинъ не подалъ намъ руки и, выслушавъ наше сообщеніе, отвѣтилъ намъ, злобно смотря на насъ: «Мы кончили великую европейскую войну, а вы хотите вовлечь насъ въ войну, можетъ быть еще болѣе трудную. Нѣтъ, извините, о возрожденіи Россіи должны заботиться сами русскіе. Мы занимаемъ здѣсь портовые города, которые н а м ъ нужны. А Кіевъ и Харьковъ далеко. Позаботьтесь о нихъ сами». Въ сухомъ и холодномъ тонѣ, какимъ это говорилось, чувствовались непріязнь и безграничное презрѣніе къ Россіи. Къ тому же отъ нашего собесѣдника мы узнали поразившую насъ громомъ вѣсть о вступленіи въ Одессу войскъ Петлюры. Англичанинъ, видимо, тѣшился нашимъ отчаяніемъ. «Вы напрасно говорите, что они бандиты», замѣтилъ онъ. «По нашимъ свѣдѣніямъ, это прекрасно дисциплинированныя войска и въ Одессѣ господствуетъ порядокъ».

Мы поспѣшили откланяться. И когда мы очутились на берегу, встрѣчные нѣмецкіе офицеры показались намъ симпатичными по сравненію съ англичаниномъ.

Возникалъ вопросъ, стоитъ ли ѣхать дальше. Но жребій былъ брошенъ. Даже отчаявшись въ надеждѣ добиться помощи, мы должны были ѣхать въ Одессу, чтобы узнать отъ Энно о видахъ на будущее и соотвѣтственно съ этимъ предупредить нашихъ друзей и единомышленниковъ въ Кіевѣ о томъ, что ихъ ожидаетъ, и побудить ихъ къ отъѣзду, если это окажется нужнымъ. Пребываніе въ Одессѣ при наличіи тамъ петлюровцевъ было не безопасно. Но съ нами были наши фальшивые паспорта, которые на первое время послужили намъ защитою.

Отдохнувши благодрая пріятному морскому путешествію, мы очутились въ Одессѣ, гдѣ первоначально остановились и прописали наши фальшивые паспорта въ дрянной и грязной гостиницѣ третьяго разряда. Оттуда мы отправились непосредственно къ Энно, проживавшему въ Лондонской гостиницѣ, и получили совершенно иное впечатлѣніе, чѣмъ отъ разговора съ англичанами. Но все же мучительная тревога за будущее не была разсѣяна и этимъ свиданіемъ. Въ концѣ Екатерининской улицы, въ непосредственной близости отъ Лондонской гостиницы насъ остановили французскіе часовые и польскіе легіонеры. Оказалось, что мы подошли къ французской зонѣ, охватывавшей портъ и часть прибрежной полосы. Ненормальность положенія бросалась въ глаза. Во французской полосѣ кромѣ польскихъ легіонеровъ находился весь одесскій отрядъ добровольцевъ, за нѣсколько дней передъ тѣмъ сражавшійся съ петлюровцами на границахъ зоны. Обѣ враждующія арміи находились на разстояніи нѣсколькихъ шаговъ одна отъ другой. Когда нѣкоторые изъ добровольцевъ, пользуясь фактически установившимся перемиріемъ, отважились на прогулку за предѣлами зоны, петлюровцы срывали съ нихъ погоны. Было очевидно, что такъ долго продолжаться не можетъ. Положеніе было опаснымъ и сначала не намѣчалось опредѣленнаго выхода. А между тѣмъ уже самый фактъ вторженія бандъ Петлюры въ Одессу былъ тяжелымъ ударомъ престижу тѣхъ, что побѣдили нѣмцевъ. Мы, пріѣхавшіе искать защиты у непобѣдимой силы французской арміи, на границахъ зоны впервые испытали мучительное для насъ ощущеніе безсилія побѣдителей. И мы недоумѣвали, что это значитъ, какъ это понять. Какъ могли французы попасть въ столь грязную лужу, получить это неожиданное посрамленіе отъ ничтожнаго отряда, наполовину состоявшаго изъ разбойничьихъ бандъ, когда силъ небольшого французскаго дессанта и мощной артиллеріи французскихъ броненосцевъ, стоявшихъ въ порту, было вполнѣ достаточно, чтобы стереть съ лица земли самое воспоминаніе объ этой сволочи. Увы, то же впечатлѣніе рокового безсилія побѣдителей продолжалось до самаго конца моего пребыванія въ Одессѣ, а «недоумѣнные вопросы» кончились лишь въ ту минуту, когда я понялъ, что ставка на французовъ разъ навсегда и притомъ безнадежно провалилась.

Во французскую зону насъ пропустили сравнительно легко, а въ Лондонской гостиницѣ у моего спутника А. С. Хрипунова нашелся вліятельный пріятель Н. Н. Богдановичъ (впослѣдствіи помощникъ одесскаго градоначальника), который безъ труда тутъ же устроилъ намъ пріемъ у Энно. Послѣдній искренно обрадовался пріѣзду членовъ Совѣта государственнаго объединенія и немедленно предложилъ намъ переѣхать въ Лондонскую гостиницу, въ реквизированный французскими властями номеръ, подъ защиту французскаго оружія, что мы немедленно исполнили, прописавъ на этотъ разъ наши подлинные паспорта.

Оказалось, что пріѣздъ нашъ былъ какъ нельзя болѣе кстати. Энно, встрѣтившій насъ чрезвычайно привѣтливо, какъ искренній другъ Россіи, жаловался намъ на то, что въ эту критическую минуту онъ остался одинъ безъ русскихъ совѣтниковъ. Даже тѣ, кто былъ рань-

ше въ Одессѣ, послѣ втроженія петлюровцевъ поспѣшно уѣхали въ Крымъ. Мы тутъ же составили телеграммы въ Крымъ и Кіевъ—звать всѣхъ членовъ нашей организаціи въ Одессу. Энно выразилъ полное удовлетвореніе, просилъ насъ остаться съ нимъ въ эти тревожные дни и началъ съ нами откровенную, чрезвычайно волнующую бесѣду.

Съ первыхъ же словъ мы убѣдились, что имѣемъ дѣло съ человѣкомъ, который прекрасно знаетъ и тонко понимаетъ Россію, и при этомъ чрезвычайно ей преданъ и убѣжденъ, что возстановленіе единой и недѣлимой Россіи необходимо для безопасности Франціи въ будущемъ. Мы тотчасъ поняли, что весь тотъ освѣдомительный матеріалъ, который мы привезли съ собою въ Одессу, совершенно безполезенъ, такъ какъ Энно знаетъ не меньше, а гораздо больше насъ. Такъ мы хотѣли освѣдомить его о связи германцевъ съ петлюровцами. А онъ показалъ намъ цитаты изъ своего рапорта министру иностранныхъ дѣлъ Пишону, гдѣ говорилось, кто изъ петлюровцевъ, когда и сколько получилъ во время войны нѣмецкихъ и австрійскихъ денегъ. Всѣ характеристики отдѣльныхъ лицъ были совершенно точны. Онъ зналъ, кто изъ петлюровцевъ подкупленъ и кто честенъ. Отъ него не ускользнулъ ни тотъ фактъ, что Грушевскій продажный негодяй, ни тотъ, что Петлюра убѣжденный, но наивный фанатикъ. **C'est un esprit honnête dans le sens français du mot, me comprenez vous? - Vous voulez dire borné? пояснилъ я. C'est ça, nous nous comprenons *).**

Призрачность украинства была для него такъ же очевидна, какъ и для насъ. Онъ ясными словами говорилъ Пишону, что это, во первыхъ, большевицкій маскарадъ, который можетъ обманывать только наивныхъ, а во вторыхъ плодъ нѣмецкой интриги, попытка нѣмцевъ отыграться на Украйнѣ за проигрышъ войны. Я знаю, говорилъ онъ, если мы не возстановимъ единую Россію, всѣ наши побѣды сведутся къ нулю; нѣмцамъ нужно расчленить Россію, чтобы со временемъ имѣть возможность насъ раздавить.

Я слушалъ эти умныя рѣчи со смѣшанымъ чувствомъ. Мнѣ было и радостно, и страшно. Слава Богу, говорилъ я себѣ, у французовъ есть здѣсь представитель, ясно сознающій положеніе. Но вмѣстѣ съ тѣмъ я недоумѣвалъ, какъ это все дѣлается французами на югѣ Россіи какъ разъ вразрѣзъ съ этимъ яснымъ сознаніемъ спасительнаго для Россіи и Франціи пути. Вспоминались дошедшіе до насъ еще въ Кіевѣ тревожные слухи о непрочности положенія Энно.

Мысли, зарождавшіяся во мнѣ по этому поводу, приняли совершенно ясную конкретную форму, когда я прочелъ Энно французскій мемуаръ Совѣта государственнаго объединенія, написанный мною и одобренный Совѣтомъ, который поручилъ намъ настоять на отсылкѣ этого мемуара Пишону и Клемансо. Тамъ мы указывали на международную опасность большевизма въ виду его всемірно-завоевательныхъ стремленій. Мы доказывали ту простую, ясную для насъ истину, что программа большевизма, составляющая его сущность, война

---

*) Это честный умъ — во французскомъ смыслѣ этого слова. Вы меня понимаете? — Вы хотите сказать — ограниченный? — Именно такъ, мы понимаемъ другъ друга.

противъ буржуазіи всѣхъ странъ. «Коммунизмъ, говорилось въ мемуарѣ, существуетъ или вездѣ, или нигдѣ». Если русскій гражданинъ можетъ быть владѣльцемъ недвижимости и капиталовъ во Франціи или французъ можетъ владѣть капиталомъ или землей въ Россіи, это значитъ, что нѣтъ коммунизма ни въ Москвѣ, ни гдѣ бы то ни было. Для большевизма поэтому всемірное осуществленіе коммунизма — вопросъ жизни или смерти. И пока большевики у власти въ Москвѣ, всѣ средства русскаго казначейства будутъ затрачиваться на пропаганду съ единственной цѣлью всюду зажечь междоусобную войну, которая теперь происходитъ въ Россіи.

«Я съ удовольствіемъ пошлю вашъ мемуаръ съ первымъ же миноносцемъ въ Парижъ, сказалъ Энно, но только долженъ васъ предупредить: меня вамъ убѣждать незачѣмъ, такъ какъ я совершенно съ вами согласенъ, а убѣдите ли вы т ѣ х ъ тамъ въ Парижѣ — другой вопросъ. Какъ бы дѣло не ограничилось доставленіемъ имъ пріятнаго чтенія послѣ завтрака. Но вѣдь не о литературѣ же вы заботитесь». И онъ обѣщалъ не только послать мемуаръ, но и использовать его въ рапортѣ. Я ясно почувствовалъ, что «у нихъ тамъ въ Парижѣ» какія то глубокія внутреннія препятствія къ пониманію, быть можетъ, даже нежеланіе понимать, вслѣдствіе чего не только нашъ мемуаръ, не только Энно, но и самъ Клемансо, который несомнѣнно понимаетъ, рискуетъ остаться непонятымъ. И чѣмъ дальше я жилъ въ Одессѣ, тѣмъ яснѣе и яснѣе становилась для меня природа этихъ внутреннихъ препятствій.

Разговоръ перешелъ на мѣстныя одесскія впечатлѣнія и тутъ я испыталъ мучительное чувство стыда за своихъ соотечественниковъ. Энно разсказалъ намъ, какъ и почему была сдана Одесса. Оказалось, что ее было можно и должно защищать. Но одесскимъ отрядомъ Добровольческой арміи командовалъ недостойный и неспособный генералъ. Вмѣсто того, чтобы оказать сопротивленіе, онъ увелъ и укрылъ весь свой отрядъ на пароходѣ добровольческаго флота «Саратовъ» и городъ былъ сданъ. Когда Энно потребовалъ у этого полководца объясненій его дѣйствій, тотъ отвѣчалъ: «да, что же мнѣ оставалось дѣлать?». «Вы спрашиваете меня, что дѣлать» — отвѣчалъ Энно, «выполнить вашъ долгъ, генералъ» и не подалъ ему руки на прощаніе.

«Вы знаете, продолжалъ мой собесѣдникъ, я преданъ Россіи, я скоро вступлю въ родство съ ней (Энно въ то время былъ женихомъ патріотически настроенной русской еврейки), это моя вторая родина. Но этого эпизода постыдной сдачи Одессы я цѣликомъ французамъ не разсказываю. Если какой либо французскій генералъ встрѣтится съ этимъ русскимъ генераломъ, я вамъ ручаюсь, дѣло Россіи проиграно — **la cause de la Russie est perdue**".

Мнѣ было невѣроятно больно слушать этотъ разсказъ. Но слушая, я все таки недоумѣвалъ. Да, русскій генералъ велъ себя постыдно, но вѣдь вся его команда въ шестьсотъ человѣкъ легко умѣстилась на одномъ пароходѣ. Что же дѣлали въ то время двѣ тысячи французовъ, да тысяча польскихъ легіонеровъ имъ подчиненныхъ,

если цифра въ шестьсотъ добровольцевъ признавалась вполнѣ достаточной для защиты города?

Основательность этого моего недоумѣнія получила черезъ нѣсколько дней полное подтвержденіе. Энно видимо получилъ изъ Парижа то разрѣшеніе приступить къ рѣшительнымъ дѣйствіямъ, котораго онъ добивался. «Завтра не будетъ зоны въ Одессѣ, у насъ будетъ весь городъ, русскій городъ», сказалъ онъ мнѣ съ радостнымъ лицомъ.

Такъ и вышло. На другой день я былъ разбуженъ неистовой пальбой—ружейной и орудійной. Наши пушки палили у самой Лондонской гостиницы. Къ концу дня пальба стала удаляться и стихать, а на другой день она и вовсе прекратилась. Городъ былъ нашъ. Шестьсотъ добровольцевъ прогнали изъ Одессы три тысячи петлюровцевъ; въ ихъ рядахъ было лишь немного французскихъ офицеровъ. Раненъ былъ всего одинъ французъ на суднѣ орудійнымъ выстрѣломъ. За то добровольцы потеряли убитыми и ранеными треть своего состава — двѣсти человѣкъ. Честь добровольческой арміи была возстановлена благодаря смѣнѣ недостойнаго генерала энергичнымъ генераломъ Гришинымъ-Алмазовымъ. Французскій генералъ Борiусъ далъ лестный отзывъ о блестящемъ поведеніи доблестныхъ русскихъ офицеровъ. Но снова возникалъ вопросъ, о чемъ же раньше думали французы, почему они дали посадить себя въ калошу? Впослѣдствіи, когда я присмотрѣлся къ французскимъ солдатамъ, я понялъ, въ чемъ дѣло. Я видѣлъ солдата на часахъ, который приставилъ ружье къ караульной будкѣ и, скрестивши руки, около него прогуливался. Живо вспомнилось мнѣ замѣчаніе русскаго извозчика курящимъ нѣмецкимъ часовымъ: у насъ въ русской арміи бывало за это разстрѣливали. И я не могъ удержаться отъ мысли: побѣдители нѣмцевъ тоже чѣмъ то подточены. Они просто на-просто «отвоевали» и никакими силами въ мірѣ нельзя заставить ихъ послѣ міровой войны начать новую войну, хотя бы и маленькую. Ибо и маленькая война для каждаго можетъ окончиться смертью. А перемиріе было принято всѣми этими измученными и уставшими людьми, какъ безцѣнное обѣтованіе жизни. Кончилось царство смерти, теперь жизнь во что бы то ни стало и какой бы то ни было цѣной, хотя бы для этого пришлось пожертвовать престижемъ Франціи и кричать: да здравствуютъ большевики.

V. ПРЕБЫВАНІЕ ВЪ ОДЕССѢ. НАРОДНЫЯ И ОБЩЕСТВЕННЫЯ НАСТРОЕНІЯ.

Отъ пребыванія въ Одессѣ у меня осталось впечатлѣніе, быть можетъ, еще болѣе тягостное, чѣмъ отъ пребыванія на Украйнѣ. И русскіе способствовали этому не меньше, чѣмъ французы. Я чувствовалъ себя въ атмосферѣ общественнаго разложенія, въ странѣ обреченной большевизму. Было очевидно, что торжество его задерживается только внѣшней силой, только страхомъ. Поэтому ухода французовъ въ

Одессѣ боялись совершенно такъ же, какъ незадолго передъ тѣмъ — ухода нѣмцевъ въ Кіевѣ.

Всѣмъ намъ было прекрасно извѣстно, что городъ кишмя кишитъ большевиками, что въ немъ денно и нощно ведется большевицкая пропаганда какъ среди русскаго простонародья, такъ и среди французскихъ солдатъ. Доходили свѣдѣнія (потомъ по уходѣ французовъ подтвердившіяся), что весь городъ раздѣленъ большевиками на участки, что въ каждомъ участкѣ имѣется заранѣе намѣченный комиссаръ, что существуетъ уже, хотя пока на нелегальномъ положеніи, совѣтъ рабочихъ депутатовъ, который только ждетъ благопріятной минуты, чтобы объявиться и организовать возстаніе. Обыватели объ этомъ знали, полиція или не знала, или не хотѣла знать, или не умѣла выслѣдить.

Пропагандѣ способствовало то ненормальное положеніе, которое создалось благодаря пассивному образу дѣйствій французовъ. Городъ былъ окруженъ тѣснымъ кольцомъ петлюровской блокады, а французы противъ него долго ничего не предпринимали. Снабженіе предметами продовольствія было до крайности затруднено, а потому и цѣны стояли въ Одессѣ такія, какихъ я въ то время нигдѣ на югѣ Россіи не помню: фунтъ хлѣба иногда доходилъ до семи рублей и болѣе. Поэтому на базарахъ слышался народный ропотъ, который, разумѣется, муссировался большевиками. «Ѣсть нечего, хоть помирай»—говорили одни. «Надо умѣть доставать» — отвѣчали другіе, «всѣ припасы въ Лондонской гостиницѣ припрятаны, тамъ ихъ и доставайте». Этотъ кивокъ на Лондонскую гостиницу былъ направленъ не только въ сторону Энно, тамъ жили нѣкоторые видные представители власти, тамъ же былъ центръ дѣятельности Совѣта государственнаго объединенія. Многіе номера были заняты его членами, въ одномъ помѣщалась его канцелярія. Въ той же гостиницѣ происходили засѣданія совѣта и его бюро. Словомъ, Лондонская гостиница была центромъ франко-русскаго официальнаго міра и въ то же время центромъ дѣятельности наиболѣе могущественной буржуазной организаціи. При этомъ ресторанъ гостиницы, возбуждавшій зависть большевиковъ, всегда былъ переполненъ обѣдающими, не смотря на неимовѣрно дорогую цѣну — по сорока рублей за обѣдъ.

Большевизмъ поддерживался въ Одессѣ и чрезмѣрнымъ изобиліемъ уголовнаго элемента... Ни въ одномъ городѣ Россіи не было такого количества «налетовъ», т. е. разбойничьихъ нападеній днемъ и ночью, на улицахъ и въ домахъ. Выходить вечеромъ было опасно. Я не помню ни одного вечера безъ многихъ и частыхъ выстрѣловъ. Возвращаясь домой послѣ встрѣчи новаго года, одинъ мой знакомый насчиталъ свыше ста сорока выстрѣловъ. Любителей пограбить было въ Одессѣ исключительно много и всѣ они, разумѣется, съ великимъ нетерпѣніемъ ожидали прихода большевиковъ.

Не болѣе отрадное впечатлѣніе производили и образованные классы населенія. **Il parait qu'ici le patriotisme n'est que l'apanage des classes cultivées de la societé***), сказалъ мнѣ однажды Энно. Слова

*) Повидимому здѣсь патріотизмъ — свойство однихъ образованныхъ классовъ общества.

эти были не совсѣмъ справедливы только потому, что патріотизмъ въ Одессѣ являлся достояніемъ отнюдь не всего образованнаго класса, а только нѣкоторой его части. Нигдѣ въ Россіи я не наблюдалъ большей деморализаціи, чѣмъ въ Одессѣ.

Нѣкоторое объясненіе этого явленія заключается въ томъ, что Одесса скорѣе космополитическій, чѣмъ руссскій городъ; въ ней много грековъ и евреевъ. Я никогда не былъ іудофобомъ и не сочувствую современному стремленію изображать евреевъ, какъ единственныхъ или даже главныхъ виновниковъ гибели Россіи. Но съ другой стороны было бы странно ожидать, чтобы еврейская интеллигенція могла стать носительницей русскаго патріотизма. Бываютъ, конечно, блестящія исключенія изъ общаго правила: русская еврейка, г-жа Энно, какъ я уже сказалъ, пріятно поражала своимъ горячимъ русскимъ патріотизмомъ и въ этомъ смыслѣ несомнѣнно оказывала благотворное вліяніе на своего мужа. Изъ за нея онъ даже навлекъ на себя обвиненіе недоброжелателей изъ французовъ. О немъ говорили, что онъ, женатый на русской, ведетъ не французскую политику. Въ этомъ заключалась одна изъ причинъ послѣдующаго удаленія Энно изъ Одессы.

Но повторяю, это не правило, а исключеніе. Оно поражаетъ тѣмъ болѣе, что отсутствіе патріотизма въ Одессѣ вовсе не было особенностью однихъ евреевъ. Вспоминаю эпизодъ, ярко обрисовавшій для меня мѣстныя русскія лѣвыя настроенія. Я готовился къ поѣздкѣ въ Екатеринодаръ. Слухи объ этой поѣздкѣ какимъ то образомъ проникли въ печать. Вдругъ по этому поводу является ко мнѣ депутація изъ трехъ лицъ отъ одной изъ студенческихъ организацій. Всѣ три депутата несомнѣнно русскіе и по фамиліямъ, и по типамъ. Думаю, что русскіе были выбраны въ депутацію не безъ умысла. Депутаты объяснили, что въ университетѣ объявлена мобилизація и просили походатайствовать передъ генераломъ Деникинымъ, «чтобы мобилизація была не принудительная, а добровольная».

Завязался разговоръ. Я объяснилъ депутатамъ, что мобилизація по существу своему принудительная мѣра и что «добровольная мобилизація» вещь нигдѣ въ мірѣ не осуществимая. Изъ объясненій ихъ мнѣ стало ясно, что они просятъ въ сущности объ отмѣнѣ мобилизаціи и о замѣнѣ ея наборомъ добровольцевъ, но при этомъ нѣсколько конфузятся, а потому не рѣшаются называть вещи ихъ именами.

Я откровенно высказалъ имъ, что привыкъ понимать русскую молодежь, но ихъ просто не понимаю. «Вѣдь вы же несомнѣнно не большевики, сказалъ я, иначе бы вы ко мнѣ не обращались; почему вы не хотите принять участіе въ борьбѣ за Россію противъ большевиковъ?» – «Професоръ, отвѣчали они, мы не отказываемся отъ борьбы, но эта мобилизація классовая. Мобилизуются студенты, но не мобилизуются широкія демократическія массы населенія. Вотъ мы боимся попасть въ неловкое положеніе по отношенію къ этимъ массамъ». — «Но вѣдь вы, господа, прекрасно знаете, что эти массы въ Одессѣ насквозь большевицкія. Почему же вы ихъ конфузитесь и не рѣшаетесь отъ нихъ отдѣлиться? Я повторяю, что не понимаю васъ». Тутъ мои собесѣдники окончательно смутились, стали было оправдывать-

ся, но вскорѣ ушли. Меня такъ и обдало отъ этой бесѣды типическимъ интеллигентскимъ настроеніемъ. *Прежде всего демократія, потомъ уже Россія.* Еще хорошо, если ея очередь приходитъ хотя бы послѣ демократіи. Чаще встрѣчаются такіе типы, которые молятся на демократію и совершенно забываютъ о Россіи. Они *боятся* патріотизма, ко всякому патріотическому движенію и чувству они подходятъ съ вопросомъ: «а демократично ли оно», и при этомъ боязливо озираются налѣво. Въ этихъ слояхъ русскаго общества я чувствовалъ стихійную ненависть къ добровольческой арміи. Ненависть эта объясняется многими причинами, о которыхъ я въ свое время поговорю. Но изъ нихъ главная — убѣжденіе въ томъ, что добровольческая армія «не демократична» и «реакціонна».

Вообще вся интеллигенція въ Одессѣ производила на меня впечатлѣніе чего-то насквозь гнилого и мертвеннаго. Отсутствіе живой души и рабство передъ заученными казенными формулами современнаго демократизма, вотъ наиболѣе выдающаяся и типическая черта этихъ людей. Встрѣчалъ я среди нихъ и людей порядочныхъ, которые «хотѣли быть патріотами». Но именно безпомощность этого исканія путей къ патріотизму и производила наиболѣе тягостное впечатлѣніе. Они слышали звонъ, но не знали, гдѣ онъ, были не прочь «полюбить Россію», но не знали, какъ это дѣлается, и въ особенности, какъ можно совмѣстить эту любовь съ «демократизмомъ».

Какъ разъ въ Одессѣ мнѣ приходилось наблюдать этихъ людей на продолжительныхъ и частыхъ совѣщаніяхъ буржуазныхъ и соціалистическихъ организацій. Со стороны лѣвыхъ участвовали представители «Союза Возрожденія» и «Симферопольскаго объединенія земствъ и городовъ». Съ нашей стороны — представители Совѣта государственнаго объединенія и «Національнаго центра». Въ числѣ лѣвыхъ были эсеры, эсдеки — меньшевики и народные соціалисты. Съ нашей стороны были представители буржуазныхъ партій разныхъ оттѣнковъ — кадеты, бывшіе прогрессисты, октябристы и даже одинъ націоналистъ.

Интересенъ самый поводъ совѣщаній. Французы ставили непремѣннымъ условіемъ своей помощи соглашеніе буржуазныхъ и соціалистическихъ группъ. «Какъ мы можемъ помогать вамъ, говорили они, когда вы между собою не спѣлись». Требованіе это настойчиво повторялось еще въ 1917—1918 г. въ Москвѣ. Въ Одессѣ объ этомъ напоминалъ Энно, а нашимъ делегатамъ, ѣздившимъ въ Яссы къ генералу Бертело, говорили: **„il faut que vous ayez une blouse d'ouvrier dans votre gouvernement, — il vous faut des noms socialistes“*)**. Соціалистамъ повидимому тоже вмѣнялось въ обязанность объединиться съ бружуями. Собственно прямого ультиматума въ обращеніи къ намъ французовъ не было. Но мы прекрасно понимали, что требованіе объединенія русскихъ партій ставилось совершенно ультимативно по отношенію къ самимъ правительствамъ Франціи и Англіи. Имъ нужно было оправдывать свой образъ дѣй-

---

*) Нужно, чтобы въ Вашемъ правительствѣ была рабочая блуза, Вамъ нужны соціалистическія имена.

ствій передъ ихъ парламентами и отвѣчать на вопросъ, который ставился ребромъ: кому вы собственно хотите помочь, русской буржуазіи, русскимъ соціалистамъ или единой Россіи? Мысль о помощи русской буржуазіи возмущала всѣхъ соціалистовъ въ Англіи и Франціи. Мысль объ односторонней помощи русскимъ соціалистамъ не могла нравиться англійскимъ и французскимъ буржуазнымъ партіямъ. Отсюда обращенное къ намъ повелительное требованіе, чтобы мы образовали «единый демократическій фронтъ».

Было, къ сожалѣнію, слишкомъ много основаній думать, что передъ нами ставится задача неразрѣшимая. И, однако, для насъ была безусловно обязательна хотя бы даже безнадежная попытка ея разрѣшенія. Мы должны были имѣть возможность сказать союзникамъ, что съ нашей стороны сдѣлано все возможное, чтобы достигнуть соглашенія и что не мы виноваты въ томъ, что оно не могло состояться. Съ первыхъ же шаговъ я почувствовалъ, что между нами и лѣвыми есть пропасть, которая рѣшительно ничѣмъ не можетъ быть заполнена. Думаю, что то же чувствовали и лѣвые. Тѣмъ не менѣе совѣщанія продолжались, согласительныя формулы вырабатывались, потому что ни та, ни другая сторона не хотѣла быть виновницей разрыва. И основная причина этого безнадежнаго расхожденія — все та же: для насъ цѣлью, къ которой мы стремились, была единая Россія, для нихъ прежде всего «демократія» и единая Россія лишь «постольку-поскольку».

Главнымъ предметомъ спора былъ вопросъ о временномъ устройствѣ верховной власти впредь до окончанія войны. Лѣвые требовали директоріи изъ трехъ равноправныхъ членовъ — одного военнаго (за таковаго они готовы были признать главнокомандующаго вооруженными силами юга Россіи) и двухъ гражданскихъ. Напротивъ, первоначальная точка зрѣнія Совѣта государственнаго объединенія была чистая диктатура. Потомъ, чтобы не разрывать отношеній, представители Совѣта пошли на компромиссъ, который, впрочемъ, мало измѣнялъ дѣло. Они согласились на врученіе власти трехчленной коллегіи съ тѣмъ, чтобы военному ея члену были предоставлены, во первыхъ, право единоличнаго назначенія всѣхъ военныхъ должностныхъ лицъ, а во вторыхъ, исключительное право объявлять военное положеніе въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ это окажется нужнымъ. При этихъ условіяхъ фактически командующій добровольческой арміей могъ оставаться диктаторомъ во всѣхъ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ для военныхъ цѣлей онъ признаетъ это нужнымъ.

Лѣвые на это безусловно не согласились. Они потребовали, чтобы какъ объявленіе военнаго положенія, такъ и назначеніе всѣхъ корпусныхъ командировъ было предоставлено всѣмъ тремъ членамъ директоріи на равныхъ правахъ. Тутъ то и обнаружилась роковая двойственность ихъ точки зрѣнія, уничтожавшая всякую возможность соглашенія. Они какъ будто признавали добровольческую армію и въ принципѣ изъявили готовность оказать ей поддержку. Но въ то же время они обставляли эту поддержку такими условіями, которыя вносили бы въ армію неизбѣжное разложеніе. Предоставить штатскимъ

людямъ право назначать корпусныхъ командировъ — значило просто на просто допускать вторженіе политики въ военное дѣло.

Понятно, что на этомъ переговоры были прерваны. Принципъ директоріи, какъ его понимали лѣвые, достаточно показалъ свою несостоятельность въ Сибири. Тамъ директорія была въ концѣ концовъ арестована и свергнута именно потому, что она потворствовала преступной пропагандѣ въ арміи Чернова и его единомышленниковъ. Для людей, признающихъ и любящихъ родину «постольку-поскольку», такой образъ дѣйствій вполнѣ естественъ.

Была и комическая нотка въ демократическомъ пафосѣ этихъ людей. Они относились къ своему демократизму необыкновенно бережно, какъ къ хрупкому сосуду, который можетъ разбиться при сколько нибудь неосторожномъ обращеніи, и облекали свое служеніе демократіи въ необыкновенно торжественныя формы. Олицетвореніемъ этой торжественности являлся въ особенности бывшій городской голова Р., своей маленькой фигуркой, видимо, стремившійся походить на Шекспира и соотвѣтственно стригшій бороду и волосы. На самомъ дѣлѣ у него было карикатурное сходство съ тѣми бронзовыми статуэтками Шекспира, какія иногда украшаютъ чернильницы, за что мы, члены Совѣта государственнаго объединенія, прозвали его «шекспирчикомъ». Однажды во время перерыва «шекспирчикъ» сталъ мнѣ доказывать необходимость сохранить полномочія за демократическими думами, выбранными при участіи пришлыхъ солдатскихъ массъ На мое возраженіе, что дума, избранная такимъ способомъ, не можетъ считаться выразительницей воли населенія, онъ отвѣчалъ, что эти демократическія думы и земства—все таки фактъ, съ которымъ намъ придется считаться. «Но вѣдь и учредилка совершившійся фактъ, однако вы не настаиваете на сохраненіи ея полномочій», возразилъ я. Тутъ Р. вдругъ попытался вырости на аршинъ, принялъ величественный видъ и отчеканилъ: «извините, я членъ учредительнаго собранія и не могу допустить, чтобы его въ моемъ присутствіи называли учредилкой».

Хотѣлось вѣрить, что событія русской революціи кое чему научили этихъ людей. Напрасная мечта. Они уступали въ нѣкоторыхъ частностяхъ, напримѣръ, въ вопросѣ о вознагражденіи за принудительное отчужденіе земель, но сохраняли важнѣйшій свой недостатокъ—полное отсутствіе національнаго духа и государственнаго смысла. И это, не смотря на то, что они называли себя «государственно мыслящими соціалистами». При этомъ вскорѣ обнаружилось, что удѣльный вѣсъ всѣхъ этихъ группъ—эсеровъ, меньшевиковъ и народныхъ соціалистовъ равенъ нулю. Это были генералы безъ арміи, которые вполнѣ честно признавали, что «за ними массы не идутъ». Они годились только въ декорацію для французовъ. Но когда намъ стало ясно, что пріобрѣсти эту декорацію можно только цѣною допущенія разлагающихъ вліяній на армію, Совѣтъ сталъ думать только о томъ, на какомъ вопросѣ удобнѣе и выгоднѣе прервать переговоры его объ «общей платформѣ». Повидимому и лѣвые думали о томъ же самомъ. Они мечтали порвать съ нами на аграрномъ вопросѣ, чтобы изобразить насъ «буржуями и аграріями», неспособными поступиться ради

народа классовыми выгодами. А наша забота заключалась въ томъ, чтобы разоблачить ихъ отношеніе къ арміи. Въ концѣ концовъ вышло по нашему: поводъ къ разрыву былъ именно тотъ, котораго мы хотѣли.

Если «демократы» въ Одессѣ производили впечатлѣніе безнадежно больныхъ, то я не могу сказать, чтобы и «государственно мыслящіе» слои производили впечатлѣніе здоровья. Среди моихъ товарищей по Совѣту государственнаго объединенія я наблюдалъ людей патріотически настроенныхъ, которые искали во французской оріентаціи только спасенія Россіи, ибо были убѣждены въ полной невозможности для нея спастись собственными силами. Но патріотизмъ большинства собранной въ Одессѣ буржуазіи оставлялъ желать лучшаго.

Въ концѣ концовъ почти всѣ буржуазные общественные элементы, дѣйствовавшіе раньше въ Кіевѣ, послѣ вторженія въ Кіевъ Петлюры перекочевали въ Одессу. Перекочевали и люди, и организаціи. Они возобновили свои безконечныя и безплодныя засѣданія. Перенеслась вмѣстѣ съ ними къ сожалѣнію и царившая въ Кіевѣ атмосфера буржуазной деморализаціи. Была, впрочемъ, существенная разница между этими людьми и лѣвыми. Лѣвые просто не любили или не умѣли любить Россію. Въ «буржуяхъ» большею частью чувствовались люди, которые извѣрились или отчаялись въ Россіи, измалодушествовались и потому мечтали о пришествіи варяговъ въ какомъ бы то ни было видѣ; все равно въ какой военной формѣ, лишь бы варяги навели порядокъ. «Ахъ, кабы хоть англичане пришли и насъ поработили», говорили одни, «вѣдь лучше иноземное владычество, чѣмъ свой собственный большевизмъ», «намъ одно спасеніе — здоровый иностранный кулакъ», говорили другіе. И замѣчательно, что самыми пламенными сторонниками англо-французскаго кулака были вчерашніе поклонники нѣмецкой оріентаціи, тѣ самые, которые годомъ раньше мечтали: ахъ, кабы Вильгельмъ пришелъ! Это было неожиданное превращеніе гетмановщины. Характерно, что наиболѣе рьяными сторонниками французской оріентаціи въ Одессѣ явились «хлѣборобы», т. е. та самая организація, которая, какъ извѣстно, посадила въ Кіевѣ гетмана. Особенно часто слышались малодушные разговоры среди бывшихъ людей изъ крупныхъ помѣщиковъ и большихъ сановниковъ имперіи. Исторія повторяется. Въ дни «смутнаго времени» также находились бояре, которые полагали, что лучше Владиславу присягать, «чѣмъ отъ своихъ холоповъ поругану и биту быти». Интернаціонализмъ справа былъ и въ тѣ дни тотъ же, что теперь, но только тогда онъ находилъ себѣ убѣжище не въ нѣмецкой или французской, а въ польской оріентаціи.

Неудивительно, что малодушное настроеніе сказывалось особенно часто среди бѣженцевъ, людей особенно настрадавшихся и пріученныхъ къ мысли о ненадежности каждаго мѣстопребыванія. Съ каждой перемѣной мѣста количество ихъ увеличивалось. Въ Кіевѣ я засталъ часть «всего Петербурга» и часть «всей Москвы». Въ Одессу прибыли почти всѣ тѣ же лица плюсъ часть «всего Кіева». По мѣрѣ передвиженія на югъ увеличивалась тѣснота. Если въ Кіевѣ было

трудно найти комнату, то въ Одессѣ это было еще много труднѣе, и платили за комнату до трехсотъ и четырехсотъ рублей безъ отопленія. Я почти все время моего пребыванія въ Одессѣ жилъ въ одномъ небольшомъ номерѣ Лондонской гостиницы съ А. С. Хрипуновымъ и намъ многіе завидовали. Дороговизна была такая, что за одинъ ночлегъ и ѣду приходилось тратить до 60 рублей въ сутки, обѣдая въ столовыхъ третьяго разряда и замѣняя ужинъ колбасой да хлѣбомъ. Тѣ же, кто, какъ я, жилъ въ Лондонской гостиницѣ, тратили на одну ѣду да кофе сто или болѣе рублей. А при этомъ большинство бѣженцевъ было безъ денегъ.

Имѣя достаточный литературный заработокъ, я не терпѣлъ нужды, но имѣлъ денегъ, что называется, въ обрѣзъ. Поэтому я съ не малымъ удивленіемъ спрашивалъ себя, откуда же добываютъ средства всѣ остальные, то огромное большинство, которое не зарабатываетъ. А вѣдь живутъ люди при этомъ не хуже, а лучше меня. Есть и такіе, что ни въ чемъ себѣ не отказываютъ, платятъ за завтракъ тридцать, за обѣдъ сорокъ рублей, да еще требуютъ вина и даже шампанскаго. Огромный ресторанъ Лондонской гостиницы, гдѣ я не позволялъ себѣ обѣдать, былъ всегда переполненъ этими людьми, бывшими землевладѣльцами и богачами. Они просто не были въ состояніи сократить свои привычки и жили мечтой о «здоровенномъ кулакѣ», который вернетъ имъ ихъ имѣнія, жили изо-дня въ день, стараясь не приподымать завѣсу будущаго.

Мнѣ становилось жутко на нихъ глядя. Вѣдь въ лучшемъ случаѣ они запутываются въ долги за ростовщическіе проценты. Доходили темные слухи о сомнительныхъ спекуляціяхъ, къ которымъ, бывало, стараешься не прислушиваться, боясь повѣрить клеветѣ. Разсказывали про человѣка съ именемъ, зарабатывавшаго большія деньги въ качествѣ маркера въ какой то билліардной. Въ Кіевѣ множество бывшихъ офицеровъ служили въ ресторанѣ и подавали блюда нѣмцамъ. Были случаи, когда офицеры добровольцы попадались среди «налетчиковъ». Все это вмѣстѣ взятое производило кошмарное впечатлѣніе. Проходя черезъ ресторанъ Лондонской гостиницы, куда я порой заходилъ, разыскивая знакомыхъ, бывало, рисуешь себѣ этихъ обѣдающихъ въ видѣ толпы нищихъ въ будущемъ и невольно думаешь о томъ, сколько изъ нихъ окончатъ самоубійствомъ. А потомъ идешь на «засѣданіе», гдѣ развертываются все новыя и новыя стадіи «французской оріентаціи».

Боже мой, какой кошмаръ эта французская оріентація. Въ нее поневолѣ загоняются люди, искренно и пламенно любящіе свою родину, тѣ, которые по совѣсти не могутъ себѣ представить, какъ она возродится собственными силами. Въ нее съ ликованіемъ устремляются лѣвые, для которыхъ побѣда союзниковъ—торжество всеміpной демократіи. Къ ней же примазываются совсѣмъ не демократическія мечты о «здоровенномъ кулакѣ» и о возвращеніи благосостоянія. Словомъ, въ этой оріентаціи оказываются сосѣдями и попутчиками люди, которые не переносятъ другъ друга. Для тѣхъ, кто любитъ Россію, это становится въ концѣ концовъ нравственно невозможнымъ. Для

здороваго національнаго чувства интернаціоналисты слѣва и справа одинаково невыносимы.

Есть еще одинъ невыносимый для русскаго чувства элементъ — мѣстныя центробѣжныя теченія, которыя тоже какъ то пристроились къ французской оріентаціи, надѣясь съ ея помощью сдѣлать карьеру за счетъ Россіи. Петлюровцы съ самаго начала стали дѣлать попытки, притомъ не безуспѣшныя, втянуть французовъ въ орбиту украинской политики. Но кромѣ этихъ сепаратистовъ чистой воды были въ Одессѣ и федералисты, мечтавшіе при помощи французовъ создать въ одесскомъ районѣ полунезависимую государственную единицу съ самостоятельнымъ правительствомъ во главѣ. Съ этой мечтой связывались и интересы мѣстныхъ финансовыхъ тузовъ, расчитывавшихъ благодаря своей денежной силѣ вліять на мѣстное правительство и съ его помощью обдѣлывать свои дѣла. Были и просто мѣстные честолюбцы, которые мечтали попасть въ министры.

Трудно повѣрить, сколько маленькихъ честолюбій пробудилъ федеративный строй, временно фактически осуществившійся въ Кубани, на Дону и въ Крыму. Казалось бы, трудно себѣ представить человѣка, который сіяетъ отъ счастья, что онъ попалъ въ какіе нибудь крымскіе министры. Между тѣмъ такіе были. А въ Одессѣ мы видѣли людей, которые завидовали участи этихъ министровъ и мечтали попасть въ ихъ положеніе. Такіе честолюбцы увивались около французскихъ властей, надѣясь при ихъ помощи поставить и провести свою кандидатуру на будущіе министерскіе портфели. Такіе типы проникли, къ сожалѣнію, и въ среду нашего Совѣта государственнаго объединенія. Оставаясь въ немъ въ меньшинствѣ, они принесли однако его дѣятельности не мало вреда, ибо вносили въ его жизнь противорѣчащій его сущности элементъ федерализма и мѣстной интриги.

VI. ФРАНЦУЗЫ ВЪ ОДЕССѢ.

Центромъ тяготѣнія всѣхъ только что охарактеризованныхъ общественныхъ элементовъ, за исключеніемъ большевицки настроенныхъ массъ, были, какъ сказано, французы. Я наблюдалъ въ Одессѣ французскихъ солдатъ, офицеровъ, командующаго войсками генерала д'Ансельма, да консула Энно и въ общемъ вынесъ впечатлѣніе чего то по существу двойственнаго, противорѣчиваго.

Тутъ было желаніе помочь Россіи и въ то же время полное нежеланіе приносить для этого какія бы то ни было жертвы. Противорѣчивы были прежде всего газетныя сообщенія о намѣреніяхъ французскихъ властей. Однимъ и тѣмъ же министрамъ приписывались программныя заявленія о необходимости «борьбы до конца» противъ большевизма и въ то же время лозунгъ «ни капли французской крови». Хотѣлось вѣрить, что корень этого противорѣчія — невѣрныя газетныя сообщенія. Но та же двойственность поражала и въ разговорахъ тѣхъ французовъ, съ которыми приходилось сталкиваться въ Одессѣ.

Помню банкетъ, данный одесситами въ честь союзниковъ. На разныхъ концахъ залы я слышалъ говоръ французскихъ офицеровъ.

«Ну да, конечно, мы вамъ поможемъ возстановить порядокъ и освободиться отъ большевиковъ». Я подсѣлъ къ столу, гдѣ говорились такія рѣчи и началъ усердно подливать въ бокалъ офицеру-моряку. Когда вино развязало ему языкъ, онъ договорилъ свою мысль до конца. «Ну, да, конечно, мы вамъ поможемъ, но сражаться за васъ мы не будемъ, это уже дѣло самихъ русскихъ». И разговоръ сразу перешелъ на нѣмцевъ. Тутъ я испыталъ тяжелое впечатлѣніе; мой собесѣдникъ захлебывался отъ злобы. «Вы не знаете, говорилъ онъ, что мы съ ними сдѣлали и что мы съ ними еще сдѣлаемъ. Пусть подохнутъ съ голода мерзавцы, мы ихъ будемъ морить, мы сдѣлаемъ такъ, чтобы они никогда не встали. Мы у нихъ отняли сельско-хозяйственныя машины, флотъ, локомотивы. Посмотримъ, какъ они будутъ питаться. Того ли они заслужили». Въ общемъ разговоры, которые я слышалъ, оставили во мнѣ впечатлѣніе, что французы въ гостяхъ у русскихъ стараются быть любезными и говорятъ безъ внутренняго убѣжденія пустыя фразы о помощи намъ, въ которыя сами не вѣрятъ, но въ душѣ у нихъ нѣтъ мѣста для Россіи. Жажда отдыха и мысль о мести нѣмцамъ—вотъ и все, чѣмъ они живутъ въ данную минуту. Солдаты—тѣ были еще откровеннѣе: «Чортъ съ ней, съ Россіей, говорили они, на кой чортъ насъ привели сюда и какое намъ дѣло до большевиковъ. Эхъ, кабы большевики пришли въ Одессу, тогда насъ бы поскорѣе отсюда убрали. Да здравствуютъ большевики, мы ихъ не боимся, потому что мы сами рабочіе». Таково общее содержаніе французскаго солдатскаго говора, который приходилось слышать русскимъ на улицахъ. Благодаря нежеланію французовъ драться большевицкая пропаганда находила среди нихъ благодарную почву. И большевики не теряли времени, они составляли и распространяли прокламаціи массами. Меня всегда поражали умѣніе и неутомимая энергія большевицкой пропаганды. Въ то же время наша пропаганда сводилась къ нулю частью благодаря косности буржуазныхъ организацій, частью благодаря препятствіямъ, какія онѣ встрѣчали въ дѣлѣ печатанія своихъ брошюръ. Въ январѣ 1919 года по порученію Совѣта государственнаго объединенія я составилъ въ нѣсколько дней брошюру „Les bolcheviks et le bolchevisme“ *) для французскихъ солдатъ и сдалъ въ печать, а самъ уѣхалъ въ командировку въ Екатеринодаръ. Когда спустя двѣ недѣли я вернулся оттуда, рукопись еще не была набрана, такъ какъ лицо, которому было поручено это дѣло, таскало ее въ карманѣ. Потомъ цѣлыхъ полтора мѣсяца тянули наборъ несчастныхъ тринадцати страничекъ. Въ концѣ концовъ брошюра была напечатана и начала распространяться лишь въ мартѣ 1919 года, всего за нѣсколько дней до сдачи Одессы большевикамъ. Кромѣ косности и равнодушія своихъ тутъ повліяла и обструкція со стороны типографіи, которая очевидно умышленно задерживала выходъ брошюры. Произведенія большевицкія въ то же самое время умножались чрезвычайно быстро.

Настроеніе войскъ отражалось на дѣйствіяхъ властей. Энно часто и убѣдительно писалъ въ Парижъ, требуя энергичнаго вмѣшательства въ русскія дѣла. Его русскіе друзья, въ томъ числѣ и нѣко-

*) «Большевики и большевизмъ».

торые члены Совѣта государственнаго объединенія, читали его донесенія. И тѣмъ не менѣе французскія войска въ теченіе двухъ мѣсяцевъ почти не прибывали и продолжающаяся блокада Петлюры чрезмѣрно вздувала цѣны на предметы первой необходимости. Положеніе становилось критическимъ, недовольство въ населеніи росло и авторитетъ французовъ благодаря ихъ бездѣйствію падалъ все ниже и ниже. «Побѣдители нѣмцевъ» производили впечатлѣніе полнаго безсилія. Донесенія Энно видимо не встрѣчали сочувствія въ Парижѣ. Въ концѣ концовъ онъ утратилъ всякое вліяніе. Въ Одессу прибылъ генералъ д'Ансельмъ со своимъ начальникомъ штаба Фреденбергомъ и съ этой минуты значеніе Энно было сведено на нѣтъ. Руководящая роль въ политикѣ перешла къ высшему военному командованію. Поведеніе генерала д'Ансельма и его помощника было болѣе чѣмъ странно. Генералъ систематически отказывался принимать депутаціи отъ русскихъ политическихъ организацій, отговариваясь тѣмъ, что онъ солдатъ и не вмѣшивается въ политику. Но въ то же время онъ тотчасъ по прибытіи въ Одессу принялъ мѣстнаго начальника украинскихъ войскъ — генерала Грекова и началъ съ «петлюровцами» весьма двусмысленные переговоры. Переговоры эти съ врагами единой Россіи не могли не смутить русскихъ общественныхъ дѣятелей. Ихъ смущеніе раздѣлялъ Энно, который пожималъ плечами и намекалъ на то, что новые руководители ничего не понимаютъ въ политикѣ. Президіумъ Совѣта Государственнаго Объединенія пытался вступать въ объясненія съ генераломъ д'Ансельмомъ, который произвелъ на насъ впечатлѣніе человѣка невѣжественнаго и неумнаго. Въ нашихъ словахъ онъ не понималъ самаго главнаго: мы ставили ему на видъ, что всякіе разговоры съ Петлюрой и его сторонниками нарушаютъ верховенство добровольческой арміи, единственной представительницы р у с с к о й государственной власти на югѣ Россіи. А онъ неизмѣнно отвѣчалъ: «я солдатъ, въ политику не вмѣшиваюсь и стою внѣ партій, а потому долженъ разговаривать со всѣми. Еслибы рѣчь шла о Екатеринодарѣ, я обращался бы къ генералу Деникину, который является хозяиномъ въ Екатеринодарѣ. Но на Украйнѣ хозяинъ Петлюра: поэтому я долженъ обращаться къ Петлюрѣ». Смущеніе наше усиливалось тѣмъ, что начальникъ штаба д'Ансельма и главный вдохновитель его политики — полковникъ Фреденбергъ былъ человѣкъ несомнѣнно умный. А его роль была болѣе, чѣмъ двусмысленна: покровительство украйнцамъ сочеталось у него съ явно враждебнымъ отношеніемъ къ добровольческой арміи. Отъ представителей послѣдней, въ частности отъ одного изъ министровъ, я опредѣленно слышалъ, что по даннымъ контръ-развѣдки, Фреденбергъ подкупленъ украйнцами. Впослѣдствіи, когда Одесса была брошена французами, распространились слухи, будто д'Ансельмъ и Фреденбергъ получили за это милліоны отъ большевиковъ. Своеобразное объясненіе всей этой политики далъ генералъ Бертело, пріѣзжавшій на двое сутокъ въ Одессу. «Вы просто на просто большія дѣти», говорилъ онъ предсѣдателю нашего совѣта—барону В. В. Меллеръ-Закомельскому: «сами же вы просили меня заступиться за офицеровъ-добровольцевъ, взятыхъ въ плѣнъ петлюровцами. Скажите, какъ же я могъ бы это сдѣ-

лать иначе, чѣмъ путемъ переговоровъ. Вѣдь войскъ у меня почти нѣтъ, да и тѣ, которые есть налицо, ненадежны. Знайте, это не тѣ, которые побѣдили нѣмцевъ». О своихъ войскахъ Бертело говорилъ вообще съ величайшей откровенностью. По его словамъ, лучшіе войска въ теченіе всей войны оставались во Франціи. На салоникскій фронтъ давались только отбросы. И вотъ эти то люди, плохо дисциплинированные и чрезвычайно доступные большевистской пропагандѣ, были по окончаніи войны переброшены въ Одессу. «Судите сами, что мнѣ съ ними дѣлать. Къ апрѣлю ожидается прибытіе внушительной цифры колоніальныхъ (цвѣтныхъ) войскъ. Прибудутъ французскіе добровольцы. Тѣ и другіе безусловно надежны, съ ними можно будетъ предпринять рѣшительныя дѣйствія; но до ихъ появленія надо во что бы то ни стало тянуть время и избѣгать сраженій. Могу васъ завѣрить самымъ рѣшительнымъ образомъ, что я сторонникъ единой Россіи и не признаю самостійной Украйны. Но силою вещей я до поры до времени вынужденъ разговаривать съ самостійниками». Таковъ былъ общій смыслъ всѣхъ объясненій Бертело.

Положеніе французовъ было трагикомическое: побѣдители нѣмцевъ очутились въ Одессѣ въ положеніи осажденныхъ и все таки не смѣли проливать ни капли французской крови. А въ то же время голодъ вынуждалъ расширить зону французской оккупаціи. Волей неволей приходилось «изворачиваться». Въ концѣ концовъ зона была расширена безо всякаго сопротивленія: французы заняли Николаевъ, Херсонъ, Раздѣльную и рядъ другихъ пунктовъ. Очевидно, что между ними и петлюровцами состоялось на этотъ предметъ какое-то соглашеніе.

Достигнуть его было не трудно, потому что сами петлюровцы находились въ отчаянномъ положеніи. Въ бесѣдѣ съ Энно, ихъ генералъ Грековъ признавался откровенно, что изъ трехъ тысячъ его солдатъ, расположенныхъ по близости отъ Одессы, не болѣе 20% надежны, остальные «бандиты». Петлюровцы повсемѣстно разлагались, а въ то же время на нихъ насѣдали большевики. Немудрено, что они шли на всѣ условія, лишь бы заручиться добрымъ расположеніемъ французовъ.

Въ концѣ концовъ въ Одессѣ получилось невѣроятно нелѣпое положеніе. Обреченное на гибель «украйнское» движеніе Петлюры хваталось за французовъ, какъ за послѣдній якорь спасенія. А въ то же время французское командованіе, вѣрное своему девизу, «ни капли французской крови», расчитывало сражаться противъ большевиковъ украйнскими войсками Петлюры. Вмѣстѣ съ тѣмъ создавались совершенно невозможныя отношенія между французскимъ командованіемъ и добровольческой арміей. Петлюровцы, съ которыми французы вели переговоры, были ея отъявленными врагами. Въ Кіевѣ вся борьба добровольцевъ противъ Петлюры велась въ расчетѣ на помощь французовъ, причемъ надежда на прибытіе этой помощи поддерживалась французскими властями. Взятіе Одессы добровольцами состоялось въ силу прямого приказанія французскаго командованія. При этомъ петлюровцы обращались съ плѣнными добровольцами съ варварской

жестокостью: многихъ добровольческихъ офицеровъ они разстрѣляли, въ томъ числѣ доблестнаго генерала графа Келлера, а нѣкоторыхъ даже пытали. Поэтому соглашеніе французовъ съ петлюровцами не могло не произвести на добровольческую армію самаго тяжелаго впечатлѣнія. Невольно возникалъ вопросъ, что это — наивность, легкомысліе, или сознательная измѣна Россіи. На всѣ вопросы по этому поводу французское командованіе неизмѣнно отвѣчало: «потерпите, намъ нужно протянуть время до полученія подкрѣпленій».

И подкрѣпленія начали прибывать. Появились не только цвѣтныя (колоніальныя) французскія войска: въ февралѣ и мартѣ стали прибывать въ Одессу греки: ихъ было тамъ высажено до двухъ дивизій. Въ концѣ концовъ, въ Одессѣ и ея окрестностяхъ скопилось свыше пятидесяти тысячъ союзныхъ греческихъ и французскихъ войскъ. Этого было болѣе, чѣмъ достаточно, чтобы предпринять энергичное наступленіе противъ слабыхъ большевистскихъ силъ, двигавшихся на Одессу. Вмѣсто того произошло какъ разъ обратное. Французы, единственно благодаря нежеланію сражаться, были вытѣснены большевиками изъ Николаева и Херсона. А при деревнѣ Березовкѣ на ихъ долю выпало неслыханное посрамленіе: двѣ тысячи французовъ съ танками были обращены въ паническое бѣгство нѣсколькими сотнями большевиковъ; пять танковъ остались въ рукахъ непріятеля. Въ довершеніе посрамленія горсти добровольцевъ удалось отогнать большевиковъ и привести въ негодность танки; вывезти ихъ оказалось невозможнымъ и въ концѣ концовъ они такъ и остались за большевиками. «Что вы хотите дѣлать, — произошла паника», — говорилъ потомъ объ этомъ постыдномъ дѣлѣ д'Ансельмъ. «Знаете ли вы откуда вамъ ожидать возрожденія Россіи», объяснялъ онъ одному изъ членовъ Совѣта Государственнаго Объединенія — «отъ большевистскихъ войскъ; да, не удивляйтесь, отъ большевистскихъ войскъ! О, это настоящія наполеоновскія войска, безстрашныя въ бою; представьте себѣ, они лѣзутъ на танки и умираютъ». А мы прекрасно знали, что эти «наполеоновскія войска» на двѣ трети состоятъ изъ сволочи, что добровольцы неизмѣнно бьютъ ихъ, когда находятся съ ними въ численномъ отношеніи одного противъ трехъ. Греческія войска, которыя въ общемъ производили прекрасное впечатлѣніе, были возмущены поведеніемъ французовъ. Офицеры-греки заявляли, что была полная возможность защитить Херсонъ и Николаевъ, и что они не отдали бы этихъ городовъ большевикамъ, еслибы не прямое приказаніе французскаго командованія.

Все загадочное въ поведеніи французовъ становится яснымъ для того, кто видѣлъ и наблюдалъ французскія войска въ Одессѣ. Профессоръ П. И. Новгородцевъ, садившійся на пароходъ въ моментъ эвакуаціи французами Одессы, сообщалъ мнѣ, что французскіе солдаты, которые садились одновременно съ нимъ на транспортъ, бросали винтовки въ воду. Въ тѣ же дни среди самихъ начальствующихъ лицъ слышались явно большевистскія рѣчи. Хорошо знакомый мнѣ русскій бѣженецъ — человѣкъ безусловно правдивый, разсказывалъ мнѣ свой разговоръ съ французскимъ военнымъ врачемъ въ моментъ эвакуаціи. «Вамъ не нравится большевизмъ, — говорилъ ему врачъ,

большевизмъ несомнѣнно выражаетъ волю большинства; да будетъ же воля народа!»

Одни ли одесскія войска французовъ были въ такомъ плачевномъ состояніи? Конечно, нѣтъ. Члены Совѣта Государственнаго Объединенія, Шебеко и Гурко, пріѣхавшіе въ Одессу изъ Парижа, — одинъ въ началѣ, другой въ концѣ марта, сообщали намъ, что, по единодушному отзыву всѣхъ наблюдавшихъ французскія войска въ самой Франціи, ихъ воодушевленіе сейчасъ же по заключеніи перемирія смѣнилось полной прострацiей и упадкомъ духа. Нѣтъ той силы въ мірѣ, которая могла бы заставить эти войска возобновить военныя дѣйствія: они утратили всякую боевую способность; возникали даже сомнѣнія въ возможности заставить ихъ воевать съ нѣмцами въ томъ случаѣ, если конференціи не удастся заключить миръ. Въ этомъ главная причина того, что, несмотря на побѣду и разоруженіе нѣмцевъ, германская опасность все еще считается неустраненною.

Дальнѣйшее развитіе событій понятно, несмотря на кажущуюся ихъ парадоксальность. И Шебеко, и Гурко засвидѣтельствовали намъ, что во Франціи въ концѣ зимы произошелъ полный переворотъ общественнаго мнѣнія въ нашу пользу. Страхъ передъ будущимъ возрожденіемъ Германіи заставляетъ французовъ мечтать о возстановленіи единой, великой и могущественной Россіи. Другіе союзники не внушаютъ довѣрія французскимъ государственнымъ дѣятелямъ: они убѣждены, что англичане и американцы вскорѣ уйдутъ, оставивъ Францію лицомъ къ лицу съ Германіей. При этихъ условіяхъ возрожденіе Россіи для французовъ — вопросъ жизни и смерти. Бросить Россію на произволъ судьбы для французовъ значитъ самимъ наложить на себя руки.

И, однако, вопреки предсказаніямъ Шебеко и Гурко, самоубійство совершилось. Попытка французовъ помочь Россіи — закончилась позорнымъ бѣгствомъ ихъ изъ Одессы. Они отдали на съѣденіе большевикамъ тысячи людей, которые были привлечены въ Одессу исключительно ихъ обѣщаніемъ покровительства; они обнажили флангъ добровольческой арміи, поставивъ ее тѣмъ самымъ въ критическое положеніе.

Какъ и почему это случилось? Возможно, что въ слухахъ о взяткахъ было нѣчто истинное. Возможно, что въ Парижѣ оказали нѣкоторое вліяніе агитація и въ особенности подкупы большевиковъ. Но было бы въ высшей степени поверхностно объяснять одними взятками и подкупами событія, столь роковыя для Франціи. Если въ данномъ случаѣ она поступилась своимъ жизненнымъ интересомъ, — ясно, что это вынуждалось необходимостью. Оставаться въ Одессѣ и въ Крыму послѣ бѣгства французскихъ войскъ въ Николаевѣ и Березовкѣ — было для нихъ просто невозможно. Попытка бороться противъ большевиковъ могла бы привести къ роковому концу: французскіе солдаты, вслѣдствіе пропаганды и нежеланія драться, могли бы сами въ свою очередь перейти на сторону большевиковъ. Въ минуту, когда ихъ эвакуировали, они были уже не защитниками, а скорѣе источникомъ внутренней опасности для Одессы.

Многіе задавались вопросами, почему, удаляясь изъ Одессы, французы не оставили тамъ грековъ и добровольцевъ? Вопросъ этотъ ставился въ особенности греками, которые были въ высшей степени недовольны одесскими событіями. Я уже говорилъ о томъ, что греческое командованіе было полно найлучшихъ намѣреній по отношенію къ намъ. Греческіе офицеры часто говорили о томъ, сколь многимъ ихъ родина обязана Россіи. Можно догадываться, что цѣною этой вооруженной помощи Греція хотѣла заручиться въ будущемъ поддержкой Россіи противъ своего всегдашняго соперника — Болгаріи. Помощь эта въ данную минуту могла оказаться весьма существенною: соединенныхъ силъ грековъ и добровольцевъ было вполнѣ достаточно, чтобы положить конецъ всякимъ попыткамъ большевиковъ завладѣть Одессою. Но оставлять въ Одессѣ грековъ и уходить оттуда самимъ — для французовъ значило бы обнажать свой національный позоръ. Этимъ бы они показали, что оставленіе Одессы вызывается не общими для всѣхъ союзниковъ соображеніями мудрости, а состояніемъ однихъ французскихъ войскъ. Нечего удивляться тому, что французы на это не рѣшились.

Такъ или иначе французы намъ измѣнили. Но всего замѣчательнѣе, что въ конечномъ счетѣ эта измѣна оказалась катастрофой для Франціи, а не для Россіи.

VII. РУССКАЯ ОРІЕНТАЦІЯ.

Тутъ мы имѣемъ дѣло съ своего рода историческимъ чудомъ. Послѣ пораженія Германіи французская оріентація казалась послѣдней ставкой Россіи, единственной ея надеждой на спасеніе. А между тѣмъ именно въ тотъ день, когда эта надежда рухнула, спасеніе оказалось близкимъ и доступнымъ. Оно явилось вопреки всѣмъ соображеніямъ разсудка именно тамъ, гдѣ его не ждали. Нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ возстановленіе Россіи ея собственными средствами представлялось изъ всѣхъ выходовъ самымъ невѣроятнымъ, немыслимымъ; между тѣмъ оно то и оказалось единственно возможнымъ.

Ошибка сторонниковъ иностранныхъ оріентацій была естественна. Съ одной стороны распавшаяся на части Россія дѣйствительно казалась мертвымъ тѣломъ: въ особенности на Украйнѣ и въ Одессѣ почти все, что мы видѣли, производило впечатлѣніе мертваго, а не живого; зловѣщіе признаки тлѣнія замѣчались во всѣхъ общественныхъ слояхъ — въ народныхъ массахъ, въ соціалистическихъ партіяхъ и въ буржуазіи. Порою казалось, что во всемъ этомъ общественномъ тѣлѣ, которое мы наблюдали, нѣтъ ни одной живой ткани: все гніетъ и разрушается. А рядомъ съ этимъ, какъ не повѣрить въ непобѣдимую мощь европейскихъ и тѣхъ американскихъ армій, которыя сокрушили Германію!

Разсужденіе сторонниковъ союзнической оріентаціи казалось неопровержимымъ и однако оно было опровергнуто жизнью. Событія и на этотъ разъ доказали полную несостоятельность всѣхъ матеріалистическихъ расчетовъ.

Сторонники союзнической оріентаціи слишкомъ вѣрили въ матеріальную мощь тѣхъ иностранныхъ армій, которыя они звали на помощь. Напрасная мечта: во-первыхъ, если-бы Россія дѣйствительно была мертвымъ тѣломъ, какъ это казалось многимъ, никакая вещественная сила извнѣ не могла бы сдѣлать мертвое живымъ... Во-вторыхъ, на примѣрѣ французомъ мы могли бы лишній разъ убѣдиться, что сила и слабость армій зависитъ прежде всего отъ причинъ духовныхъ. Тѣ французскія войска, которыя бѣжали передъ большевистскими бандами, представляли собой не живую силу, такъ же какъ русская армія въ дни революціи: это было тѣло безъ духа.

Наконецъ, въ третьихъ, самая важная ошибка сторонниковъ союзнической оріентаціи заключалась въ томъ, что они видѣли въ Россіи только мертвое и не замѣчали живого. А между тѣмъ живое сказалось въ движеніи Колчака и, быть можетъ, еще болѣе въ ошеломляющихъ успѣхахъ добровольческой арміи. Откуда взялись эти живыя силы, когда рѣшительно всѣ слои русскаго общества казались насквозь гнилыми. Единственно вѣрный отвѣтъ на этотъ вопросъ въ наши дни можетъ показаться невразумительнымъ: нашъ матеріалистическій вѣкъ вѣритъ только въ значеніе количества и въ силу массъ, между тѣмъ, бываютъ эпохи въ исторіи, когда народы спасаются подвигомъ немногихъ личностей, — тѣхъ «семи праведниковъ», которыхъ не оказалось въ наличности въ дни гибели Содома. Такъ бываетъ всегда въ дни упадка духа народнаго. Когда они наступаютъ, — все кажется мертвымъ, все погружается въ какой-то летаргическій сонъ: тогда біеніе пульса народнаго чувствуется уже не въ массахъ, а только въ отдѣльныхъ героическихъ личностяхъ. Но доколѣ есть такія личности, есть и та живая сила, которая воскрешаетъ народы. Эти немногіе избранные — та малая закваска, которая квасить все тѣсто.

Я не преувеличиваю. Была эпоха въ исторіи, когда казалось, наступила гибель Франціи: она жила въ одной только Жаннѣ д'Аркъ; но и этого оказалось достаточнымъ для спасенія націи. Явилась та сила, которая горы передвигаетъ. Она повѣрила и заставила другихъ повѣрить: вокругъ нея собрался тотъ героическій кругъ, который спасъ Францію. Въ исторіи Россіи такіе случаи повторялись не разъ. Въ четырнадцатомъ вѣкѣ все трепетало передъ татарами, все лежало ницъ, — никто не думалъ о сопротивленіи. Но Россія, казавшаяся мертвою, жила въ св. Сергіи и вотъ изъ его келіи раздался тотъ дерзновенный призывъ, который вдохнулъ мужество въ войска Дмитрія Донского: «иди смѣло на безбожниковъ и побѣдишь». Позднѣе, въ дни смутнаго времени кто были носители русскаго народнаго самосознанія и народной жизни? Гермогенъ, Козьма Мининъ, Князь Пожарскій и обчелся. Въ такіе времена все то, что еще заслуживаетъ названіе «народа», сводится къ немногимъ героическимъ личностямъ и къ ихъ окруженію. Все то, что остается внѣ этого героическаго круга — не народъ, а сбродъ. Но героическій кругъ имѣетъ способность безпредѣльно расширяться, онъ таитъ въ себѣ ту силу воодушевленія, которая въ концѣ концовъ заражаетъ массы. Безкорыстное воодушевленіе создаетъ первоначальное, основное ядро возрождающейся жизни народа. Потомъ, когда подвигомъ самоотверженія

и вѣры ядро это становится силой, къ нему примыкаютъ и матеріальные интересы... — Искатели выгодъ всегда идутъ за силой, но первоначальный источникъ силы народной — не выгода, а подвигъ вѣры, дерзновеніе и самоотверженіе.

Въ дни упадка народнаго всякій думаетъ о себѣ, всѣ ищутъ только собственнаго спасенія и эгоистической выгоды, всѣ забываютъ о цѣломъ и малодушествуютъ. Въ такія времена народы спасаются не хитроумными политическими комбинаціями, не холоднымъ расчетомъ государственной мудрости, а единственно самоотверженіемъ тѣхъ немногихъ, которые отдаютъ себя въ жертву за свой народъ. Оно и понятно: началомъ разложенія общественнаго всегда и вездѣ служитъ корысть, — забвеніе народнаго цѣлаго ради выгодъ личныхъ и классовыхъ. Есть только одна сила въ мірѣ, которая можетъ побѣдить это настроеніе: это жертва, высшій подвигъ безкорыстія. Спасеніе народа всецѣло зависитъ отъ того, найдутся ли въ его средѣ люди способные ее принести.

Слава Богу, въ современной намъ Россіи такіе люди нашлись. За все время моихъ странствованій по Россіи у меня была въ особенности одна точка опоры, которая спасала меня отъ отчаянія. Въ минуты тяжкихъ сомнѣній и унынія мнѣ вспоминался заточенный въ Москвѣ патріархъ Тихонъ, и мысль о немъ давала душѣ какое то неизъяснимое успокоеніе и легкость духа: достовѣрность спасенія Россіи—вотъ что чувствовалось мнѣ въ эти минуты. Чувство это являлось само собою, интуитивно, мгновенно, упреждая мысли. Потомъ я размышлялъ, стараясь понять въ чемъ дѣло. Мнѣ вспоминались слова святителя, когда его предупреждали объ опасности, грозившей его жизни: «умереть, ну, такъ что же такое, я на это готовъ хоть сейчасъ; вотъ если мучить начнутъ, это непріятно, но и на это придется пойти» и мысль о смерти ни на минуту не нарушала его настроенія, всегда свѣтлаго и радостнаго. Изъ частныхъ бесѣдъ съ патріархомъ я неизмѣнно выносилъ впечатлѣніе, что онъ обрекъ себя въ жертву за Россію. Притомъ онъ былъ неизмѣнно свѣтелъ и спокоенъ и всѣмъ обликомъ своимъ напоминалъ слова апостола: всегда радуйтесь (I Өесс. X 16).

Въ этихъ двухъ чертахъ — готовности отдать себя въ жертву и свѣтлой радости, съ какой это дѣлалось, была полная внутренняя побѣда надъ большевизмомъ: побѣда не индивидуальная, не личная только, а общая, народная, ибо патріархъ — яркій выразитель могучаго русскаго религіознаго движенія — «плоть отъ плоти и кость отъ кости» собора его избравшаго. Эта рѣшимость положить душу за православный народъ есть высшее выраженіе духовной жизни всей русской церкви, ея молитвъ и ея настроенія. Патріархъ не одинъ несетъ на себѣ тяжкій крестъ за Россію. Есть много другихъ извѣстныхъ и неизвѣстныхъ подвижниковъ уже принявшихъ за нее вѣнецъ мученическій. И въ этомъ достовѣрность спасенія православной Россіи. Всѣ попытки большевиковъ пошатнуть русскую церковь, разорвать ея духовное единство, привели только къ ея возрожденію и укрѣпленію.

Этимъ, однако, разрѣшаются далеко не всѣ мучительные вопросы и сомнѣнія. Спасеніе церкви и государства не одно и то же. Духовное спасеніе народа можетъ повлечь за собою возрожденіе его государственности, но оно можетъ совершиться и черезъ полное крушеніе мірского порядка. Который изъ этихъ двухъ путей сужденъ Россіи? Есть ли у насъ основаніе надѣяться на спасеніе русскаго государства?

Для этого недостаточно одного возрожденія церкви: нужно кромѣ того еще и вѣяніе духа жизни въ мірской сферѣ. Въ былыя времена, въ дни великихъ бурь и потрясеній разрушенное мірское строеніе Россіи возстановлялось подвигомъ монаха и воина. Такъ было въ дни Куликовской, такъ же было и въ дни первой великой смуты. Есть въ современной Россіи продолжатели святого Сергія и патріарха Гермогена. Найдутся ли въ ней преемники Дмитрія Донского и Минина?

Отвѣтъ дается за насъ событіями. Завоеванъ Сѣверный Кавказъ, освобождено Войско Донское. Въ минуту, когда я пишу эти строки, большевики на югѣ разбиты на голову; добровольческая армія подступаетъ къ Царицыну и его взятіе — вопросъ немногихъ дней. Какъ и почему это совершилось? Не политическіе расчеты, а духовный подъемъ сподвижниковъ и продолжателей Корнилова, Маркова и Алексѣева совершилъ это великое дѣло. Годъ тому назадъ среди нашего россійскаго Содома нашлось три тысячи праведниковъ, которые рѣшили положить душу за Россію и предприняли безумный, казалось, походъ противъ десятковъ тысячъ большевиковъ. И вотъ вокругъ этого небольшого ядра героевъ собрались теперь силы, которыхъ оказалось достаточно, чтобы разгромить одну за другой рядъ могущественныхъ большевицкихъ армій.

Совершилось то, что казалось невозможнымъ. Помнится, годъ слишкомъ тому назадъ, когда до Москвы донеслась вѣсть объ уходѣ изъ Ростова на Кубань трехъ тысячъ добровольцевъ, ихъ дѣло считалось безнадежно проиграннымъ; они казались обреченными на неизбѣжную гибель, Но случилось безпримѣрное, неслыханное въ исторіи. У нихъ не было оружія, имъ приходилось сражаться противъ прекрасно вооруженнаго врага. И вотъ они почти голыми руками отняли у него оружіе, артиллерію, снаряды, броневики, бронированные поѣзда, вооружились сами и вооружили многія другія тысячи, которыя за ними послѣдовали, когда имъ улыбнулось военное счастье; это была побѣда духа надъ матеріей, одна изъ самыхъ чудесныхъ побѣдъ, какія когда либо были одержаны.

Въ этой борьбѣ обнаружилось, до какой степени невозможно построить общество на зыбкой почвѣ экономическихъ интересовъ. Большевицкій коммунизмъ несомнѣнно находится въ полномъ противорѣчіи съ экономическими интересами казаковъ кубанскихъ и донскихъ. Большевики могли только уменьшить, а отнюдь не увеличить ихъ богатые земельные надѣлы. И однако, тѣ и другіе прошли черезъ большевизмъ. Часть донскихъ казаковъ все время вела по отношенію къ нему двойственную политику: они то возставали противъ большевиковъ, то снова переходили на ихъ сторону, измѣняя своимъ

Это вполнѣ понятно: человѣкъ, который руководствуется въ своихъ дѣйствіяхъ одними интересами, всегда можетъ быть чѣмъ нибудь купленъ, а потому ненадеженъ для общаго дѣла. Во первыхъ, людямъ свойственны ошибки въ расчетѣ, въ особенности темныя массы не всегда ясно понимаютъ, гдѣ ихъ интересы. Въ частности казаки, прельщенные посулами демагоговъ, не сразу поняли, что большевики будутъ за ихъ счетъ надѣлять иногороднее населеніе, и расчитывали съ ихъ помощью обдѣлать свои дѣла. Во вторыхъ, какъ бы человѣкъ ни дорожилъ своими экономическими интересами, жизнь все таки ему дороже. Этимъ объясняется тотъ фактъ, что въ дни междоусобныхъ войнъ люди нерѣдко становятся на сторону сильнѣйшаго, хотя бы его торжество и противорѣчило ихъ экономическимъ выгодамъ: корысть въ данномъ случаѣ побѣждается страхомъ. Всѣмъ понятно поведеніе казаковъ въ дни смутнаго времени. Ихъ симпатіи мѣнялись въ зависимости отъ перемѣнъ военнаго счастія: они рѣшительно стали на сторону Минина и Пожарскаго лишь въ тотъ день, когда имъ стало ясно, что побѣда склоняется въ пользу нижегородскаго ополченія. То же мы видимъ и теперь. Вѣдь были же люди среди донцовъ, которые становились то на сторону добровольческой арміи, то на сторону большевиковъ, въ зависимости отъ того, какъ въ каждую данную минуту они учитывали свою выгоду и силу обоихъ противниковъ.

Всякая сила, разъ она существуетъ, привлекаетъ на свою сторону великое множество интересовъ, но въ соціальныхъ отношеніяхъ интересъ никогда не бываетъ первоисточникомъ общественной силы. Такимъ первоисточникомъ являются всегда безкорыстныя побужденія. Чтобы національное единство было крѣпкимъ, необходимо, чтобы было ядро людей, готовыхъ жертвовать всѣмъ для родины и не задающихся вопросомъ, выгодно или невыгодно быть патріотомъ. Къ счастью для Россіи вокругъ Алексѣева, Корнилова и Маркова собралось такое ядро; и когда оно стало силою, оно привлекло на свою сторону всѣхъ заинтересованныхъ въ низверженіи большевицкаго ига, въ особенности мелкихъ собственниковъ, казаковъ, крестьянъ, изстрадавшихся подъ большевицкимъ владычествомъ и насильственно-мобилизованныхъ красноармейцевъ. Въ дни побѣдъ добровольческой арміи на Сѣверномъ Кавказѣ и позднѣе — въ царицынскомъ направленіи, наблюдалось поучительное явленіе, ярко освѣщающее роль интереса въ междоусобныхъ войнахъ. Въ обоихъ случаяхъ въ началѣ военныхъ дѣйствій численный перевѣсъ былъ на сторонѣ большевиковъ. Но подъ вліяніемъ первыхъ успѣховъ добровольцевъ къ нимъ перебѣгали массами красноармейцы и тотчасъ становились въ строй. Въ обоихъ случаяхъ преслѣдующая армія увеличивалась за счетъ побѣжденнаго на десятки тысячъ. Этимъ наглядно объясняется тотъ фактъ, что три тысячи добровольцевъ могли разростись въ могущественную армію. Я не отрицаю огромнаго значенія экономическаго интереса въ междоусобныхъ войнахъ, но въ послѣдней, высшей инстанціи міромъ правятъ не интересы, а идеи.

VIII. ДОБРОВОЛЬЧЕСКАЯ АРМІЯ.

Къ сожалѣнію, мнѣ не пришлось наблюдать добровольческую армію въ первый героическій періодъ ея существованія, т. е. въ тѣ дни, когда она была только небольшимъ отрядомъ и совершала наиболѣе трудный свой подвигъ. Я познакомился съ ней въ то время, когда она уже разрослась въ настоящую армію — зимою 1918—1919 года. Разростаясь, она утратила свою первоначальную цѣльность. Она была уже не горстью героевъ, а сравнительно многочисленнымъ, а потому и смѣшанымъ тѣломъ. Въ нее вступали уже не только по призванію, но и ради того, чтобы получить хоть скудныя средства къ существованію. Въ сущности она уже перестала быть «добровольческой» арміей потому, что она комплектовалась не путемъ вербовки, а посредствомъ набора.

Словомъ, изъ начинанія героическаго она превращалась въ большую государственную организацію. Этотъ переходъ совершался далеко не во всемъ удачно. Она должна была такъ или иначе вступить въ компромиссъ съ разнообразными общественными интересами, которые она пыталась привлечь на свою сторону. Въ ея составъ вошли всевозможные общественные элементы, а потому въ ней такъ или иначе отразились всякіе недостатки и даже пороки современной русской дѣйствительности второго смутнаго времени. Неудивительно, что въ общемъ она производила пестрое впечатлѣніе, въ однихъ отношеніяхъ хорошее, а въ другихъ — среднее, въ третьихъ — плохое.

Когда вмѣсто вербовки добровольцевъ или же параллельно съ вербовкою она стала прибѣгать къ набору, оказалась масса уклоняющихся отъ воинской повинности. Благодаря разстройству государственнаго аппарата уклоняться было сравнительно легко. А изъ попавшихъ на военную службу далеко не всѣ попадали на фронтъ. Съ этой цѣлью многіе околачивались около штабовъ; въ тылу арміи изобрѣтались всякія фиктивныя должности съ цѣлью избавить офицеровъ отъ службы на фронтѣ. Въ Кіевѣ, напр., при двухъ тысячахъ воюющихъ противъ Петлюры насчитывалось свыше двухъ десятковъ организацій, занимавшихся вербовкою, и въ каждой организаціи работали офицеры. Къ удивленію моему по пріѣздѣ въ Екатеринодаръ я узналъ, что «околачивающіеся около штабовъ» существуютъ и тамъ.

Но это былъ еще наименьшій изъ всѣхъ недостатковъ. Какъ сказано, меня поражала та ненависть, которая окружала добровольческую армію во всѣхъ мѣстахъ, гдѣ приходилось ее наблюдать: въ Кіевѣ, въ Одессѣ, въ Крыму, въ Новороссійскѣ, въ Екатеринодарѣ. Не скажу, чтобы ненависть была всеобщей: у добровольческой арміи были пламенные сторонники, но въ общемъ она была непопулярной. И значительная часть вины падаетъ на добровольческую армію. Нечего удивляться тому, что ее ненавидѣли лѣвые, которые считали ее организаціей «контрреволюціонной». У нея было много недоброжелателей изъ буржуазныхъ и въ особенности зажиточныхъ слоевъ населенія. Тутъ уже приходится, что называется, дѣлить «грѣхъ пополамъ».

Конечно, въ упрекахъ, которые дѣлались этими людьми добровольцамъ, была черная неблагодарность, было забвенiе подлинныхъ великихъ заслугъ. Въ общемъ всегда тяжело слушать ожесточенные нападки людей, ничего не дѣлающихъ, для Россiи противъ тѣхъ, которые за нее умираютъ и дѣйствительно спасаютъ ее своимъ подвигомъ. Но еще тяжеле бываетъ убѣждаться, что многiе изъ этихъ упрековъ обоснованы.

Въ Одессѣ мнѣ много приходилось слышать про дикiй разгулъ добровольцевъ, про ихъ картежъ, кутежи, да пьяныя оргiи. Ихъ начальникъ генералъ Гришинъ-Алмазовъ признавалъ во многомъ справедливость этихъ упрековъ и заявлялъ, что для подавленiя безчинствъ требуются энергическiя и строгiя мѣры вплоть до разстрѣловъ. Собственно эти безчинства въ военное время всегда составляли и составляютъ темную сторону военной жизни въ тылу армiи. Героизмъ проявляется на фронтѣ. А въ тылу находятся частью укрывающiеся, частью отдыхающiе отъ военныхъ трудовъ и опасностей. Эти послѣднiе вознаграждаютъ себя разгуломъ въ тылу за перенесенныя на фронтѣ лишенiя. Опять таки мы имѣемъ здѣсь явленiе сопровождающее рѣшительно всѣ войны: едва ли можно судить за это слишкомъ строго. Къ сожалѣнiю съ этимъ разгуломъ сочетается иногда и отталкивающiй оттѣнокъ высокомѣрiя по отношенiю ко всѣмъ недобровольцамъ. Помню сценку на пароходѣ, шедшемъ изъ Новороссiйска въ Одессу. Въ виду переполненiя парохода приходилось обѣдать и ужинать въ двѣ очереди. И вотъ на моихъ глазахъ группа офицеровъ, не попавшая въ первую очередь къ ужину и уже подгулявшая, шумѣла и волновалась. «Къ чорту штатскихъ, кричалъ одинъ изъ нихъ, вышвырнуть ихъ всѣхъ вонъ и посадить на ихъ мѣсто офицеровъ». Къ счастью на этотъ разъ предложенiе буяна сочувствiя не встрѣтило, но съ разныхъ сторонъ приходилось слышать, что иногда кончается менѣе благополучно: «ведутъ себя какъ большевики, прогоняютъ пассажировъ изъ вагоновъ, съ плацкартныхъ дивановъ и садятся на ихъ мѣста». Провѣрить правдивость этого утвержденiя я не могъ. Но, повидимому, нѣтъ дыма безъ огня. Ужъ больно часто приходилось слышать, что добровольцы «ведутъ себя, какъ большевики, словно весь мiръ только для нихъ и существуетъ»... Были у меня и другiя наблюденiя по части разгула. На томъ же пароходѣ отъ Новороссiйска до Одессы шла въ теченiе почти трехъ сутокъ азартная карточная игра; она продолжалась цѣлую ночь уже по прибытiи въ Одессу. Одинъ изъ трехъ офицеровъ добровольцевъ, ѣхавшихъ со мною въ моей каютѣ, принималъ въ ней весьма оживленное участiе. Въ послѣднюю ночь онъ совсѣмъ не ложился и вернулся къ намъ въ каюту лишь въ восемь часовъ утра. Притворно весело посвистывая и видимо храбрясь, онъ разсказалъ намъ, что ему не повезло въ эту ночь: «продулся, спустилъ полторы тысячи». Я былъ испуганъ этой развязностью, такъ какъ зналъ, что въ это время офицеры получали ничтожное вознагражденiе: 250 — 300 рублей, т. е. гроши при тогдашнихъ цѣнахъ. «Какъ бы онъ не застрѣлился», выразилъ я мое смущенiе, когда онъ вышелъ. Но прочiе попутчики офицеры только разсмѣялись: «какъ, чтобы этотъ застрѣлился, да у него за па-

зухой по меньшей мѣрѣ полтора десятка тысячъ рублей. Вѣдь онъ прямо съ фронта. Бои, какъ знаете, были успѣшные, а онъ командовалъ самостоятельной частью; сколько же онъ съ мертвыхъ большевиковъ-то набралъ».

Этотъ небольшой разговоръ вдругъ разомъ освѣтилъ мнѣ всю оборотную сторону медали. Ничтожные, нищенскіе оклады при естественной наклонности молодыхъ офицеровъ къ разгулу. Какъ не понять весь ужасъ тѣхъ искушеній, которыя создаются на этой почвѣ. Тутъ есть величайшая ошибка командованія добровольческой арміи. Какъ разъ передъ описанной сценкой на пароходѣ мнѣ и другому депутату совѣта государственнаго объединенія, С. И. Маслову, пришлось докладывать генералу Деникину о необходимости повышенія окладовъ офицерамъ. Мы указывали на случаи въ Одессѣ, когда среди налетчиковъ попадались офицеры-добровольцы. Но Деникинъ въ этомъ случаѣ проявилъ непонятное упорство, обнаружившее неумѣніе перейти отъ героическаго масштаба къ государственному. Въ дни героическаго періода добровольческая армія располагала грошами. И Деникинъ, рѣдкой честности человѣкъ, былъ помѣшанъ на бережливости. Впослѣдствіи, когда деньги стали печататься въ Ростовѣ, онъ все еще совершенно не считался съ тѣми средствами, какія давалъ ему печатный станокъ. «Да откуда же я возьму средствъ для такого колоссальнаго бюджета», волновался онъ. Въ видѣ компромисса онъ соглашался на нѣкоторыя прибавки на дороговизну — различныя для различныхъ мѣстъ, но по тону бесѣды было не трудно предвидѣть (что и случилось въ дѣйствительности), что прибавки будутъ недостаточны и заставятъ себя долго ждать. «Нѣтъ, извините», сказалъ онъ въ заключеніе, «денегъ съ нихъ довольно, что мнѣ ихъ баловать. Вотъ съ мертвыхъ большевиковъ брать — это ихнее законное право, пускай себѣ берутъ». И Деникинъ вдругъ какъ то странно улыбнулся.

Я даже не сразу понялъ, до того я былъ далекъ въ то время отъ предположеній, которыя оказались дѣйствительностью. Помнится, обираніе непріятельскихъ труповъ на войнѣ въ былое время всегда считалось мародерствомъ и строго преслѣдовалось. Но война гражданская научила другому. Въ дни героическаго своего періода добровольческая армія и въ самомъ дѣлѣ не имѣла другихъ средствъ существованія, кромѣ военной добычи. Она все получала отъ большевиковъ и оружіе, и припасы, и деньги, даже одежду. Обираніе труповъ, до раздѣванія включительно, было необходимостью и поневолѣ вошло въ норму, такъ какъ иначе добровольцы остались бы не только безъ хлѣба, но и безъ сапогъ, и безъ платья. Но къ сожалѣнію этотъ естественный для героическаго періода добровольческой арміи обычай перешелъ въ ея государственный періодъ. Тутъ неумѣніе добровольческаго командованія приспособиться къ новымъ условіямъ сказалось въ полной силѣ. Въ тѣ дни, когда добровольческая армія располагала печатнымъ станкомъ, фабриковавшимъ донскія деньги, обычай этотъ могъ и долженъ былъ бы быть выведенъ, конечно, при непремѣнномъ условіи повышенія окладовъ. Правда, печатный станокъ не поспѣвалъ за разроставшимися потребностями. Ощущался хроническій недостатокъ въ денежныхъ знакахъ. Но почему же добровольческое командо-

ваніе и его правительственный органъ—«особое совѣщаніе» не позаботились о пріобрѣтеніи новыхъ станковъ? Вѣдь помимо всего прочаго, печатаніе кредитокъ въ возможно большемъ числѣ было мощнымъ оружіемъ въ борьбѣ противъ большевиковъ, которые этимъ путемъ добывали свои главныя и основныя денежныя средства. Тутъ была какая то непонятная косность, непростительная въ особенности потому, что она служила источникомъ деморализаціи. Обираніе труповъ большевиковъ пріобрѣло характеръ своеобразнаго спорта. Мнѣ приходилось слышать отъ добровольцевъ, что дни, непосредственно слѣдующіе за срокомъ полученія жалованія красноармейцами, были любимыми днями аттакъ добровольческой арміи. Война становилась чѣмъ то вродѣ охоты за пушнымъ звѣремъ*).

Было на этой войнѣ и худшее, чѣмъ обираніе труповъ. Въ Одессѣ и въ Крыму мнѣ приходилось слышать частыя жалобы на грабежи, въ которыхъ принимали участіе не только казаки, но и цѣлыя добровольческія части. Въ Одессѣ хлѣборобы именно этимъ объясняли свое недовѣріе и недовольство добровольческой арміей: въ ихъ средѣ говорили о форменномъ разграбленіи цѣлой помѣщичьей усадьбы добровольцами. Изъ Крыма доносились, такія же вѣсти. Къ сожалѣнію, они подтверждались разсказами многихъ офицеровъ добровольцевъ. Вотъ что мнѣ пришлось слышать отъ нихъ по этому поводу.

Независимо отъ того, что до весны 1919 года оклады добровольцамъ выдавались нищенскіе (крупное увеличеніе послѣдовало лишь ве апрѣлѣ 1919 года), выдача во многихъ частяхъ запаздывала такъ, что приходилось сидѣть по три-четыре мѣсяца безъ гроша. При этомъ интендантство не было налажено и казенный столъ періодически отсутствовалъ: безъ денегъ сидѣли не только отдѣльные офицеры, но и цѣлыя части, такъ что покупать съѣстные припасы было не на что. «Не умирать же намъ съ голоду», говорили офицеры, «вотъ мы и посылаемъ солдатъ реквизнуть въ сосѣднемъ складѣ свинью либо барана; платить было нечѣмъ, а выдавать реквизиціонныя квитанціи было нельзя, такъ какъ реквизировать офиціально можно было только черезъ особыя реквизиціонныя комиссіи. Гдѣ ее искать эту комиссію, когда она далеко, а ѣсть нечего». Трудно себѣ представить, до чего можетъ довести «необходимость» въ дни междоусобной войны и всеобщаго стихійнаго безпорядка. Къ тому же и соблазнъ великъ. «Реквизиціей» свиньи или барана во время голодовокъ довольствовались лишь сравнительно скромные. По словамъ офицеровъ добровольцевъ, были цѣлыя части, очень доблестныя и отважныя въ бою, но усвоившія себѣ форменные грабительскіе пріемы. Онѣ «реквизировали» все, что попало, бѣлье, обувь, драгоцѣнности и даже деньги.

«Совершенные большевики», говорили о добровольцахъ ихъ обвинители. А это было несправедливо по отношенію къ добровольческой арміи въ ея цѣломъ, но по отношенію къ отдѣльнымъ лицамъ и

*) Строки эти были уже написаны, когда я услышалъ интересную бесѣду въ вагонѣ. Генералъ горячился и доказывалъ невозможность аннулировать платежную силу керенокъ. «Помилуйте, —говорилъ онъ, —вѣдь этакъ мы уничтожимъ всю лихость аттакъ, сколькіе живутъ надеждой снять керенки съ трупа».

частямъ въ этой характеристикѣ была большая доля правды. Неудивительно, что въ добровольческой арміи сложился двойственный типъ героя и въ то же время грабителя, сильно напоминающаго средневѣковье. Средневѣковый воинъ совмѣщалъ въ себѣ тѣ же качества — разбойника и рыцаря. Такіе типы неизбѣжно зарождаются и развиваются на почвѣ хроническаго междоусобія. Въ исторіи добровольческой арміи они сыграли видную роль. Судя по доходящимъ со всѣхъ сторонъ добровольческимъ разсказамъ, таковъ повидимому, и знаменитый генералъ X, одно имя котораго наводитъ паническій ужасъ на большевиковъ. Съ одной стороны, благодаря совершенно исключительной отвагѣ и лихости онъ сталъ легендарнымъ героемъ, а съ другой стороны, добровольцы говорятъ о немъ, что онъ «возами вывозилъ съ фронта награбленное имущество», что онъ даже увлекаетъ подчиненные ему войска на подвиги разрѣшеніемъ грабить, не дѣлая строгаго различія между врагами и мирнымъ населеніемъ. «Совершенно нельзя себѣ представить X-ва въ условіяхъ мирнаго времени», говорили мнѣ, «въ мирное время это будетъ уголовный типъ, онъ несомнѣнно кончитъ судомъ и каторгой, но для войны съ большевиками ему цѣны нѣтъ».

Есть и другая опять таки средневѣковая черта, которая на почвѣ междоусобія заражаетъ не только большевиковъ, но и добровольцевъ, — это жестокость. Въ этомъ отношеніи война междоусобная много превосходила всякія другія войны. Большевики не берутъ въ плѣнъ офицеровъ, а добровольцы стали брать въ плѣнъ сравнительно недавно, когда выяснилось, что этимъ способомъ можно побудить къ сдачѣ массу насильственно мобилизованныхъ. — «Коммунисты», взятые въ плѣнъ, «сейчасъ разстрѣливаются». Съ обѣихъ сторонъ есть спеціалисты и любители этого дѣла. Мнѣ называли имена двухъ выдающихся въ этомъ отношеніи типовъ — дѣвицы большевички и офицера-добровольца. Большевичка медленно разстрѣливала офицеровъ изъ монте-кристо, пулька за пулькой, а офицеръ добpоволецъ, разстрѣливавшій сотни, иногда до разстрѣла пилъ чай со своей жертвой. Въ основѣ этого спорта — жажда мести: несчастный мстилъ большевикамъ, которые на его глазахъ надругались надъ его невѣстой.

Такіе типы, разумѣется, составляютъ исключеніе, но въ общемъ какія опустошенія производитъ междоусобная война въ человѣческой душѣ! Сколько молодыхъ людей, выбитыхъ изъ колеи, бросившихъ ученіе, утратившихъ всякую способность къ какимъ либо мирнымъ занятіямъ; ихъ привлекала со школьной скамьи на службу жажда подвиговъ. Многіе изъ нихъ и въ самомъ дѣлѣ горятъ священнымъ огнемъ и готовы отдать душу за Россію. Но возвращеніе къ условіямъ мирной жизни и въ особенности къ ученію рисуется имъ въ видѣ тяжкаго кошмара: мало того, оно для нихъ просто невозможно!

Указанные недостатки и пороки объясняютъ рядъ отрицательныхъ сужденій о добровольческой арміи и рядъ разочарованій въ ея собственной средѣ. Отъ чистыхъ и горѣвшихъ священнымъ огнемъ молодыхъ офицеровъ мнѣ приходилось слышать, что добровольческая

армія недостойна и неспособна побѣдить. Люди, наблюдавшіе ее со стороны, приходили въ ужасъ отъ «деморализаціи» и «разложенія»; они говорили, что заслуги ея всѣ въ прошломъ, что она пережила себя. А между тѣмъ, событія блистательно опровергли всѣ эти толки. Какъ и почему это случилось?

Мнѣ кажется, что въ добровольческой арміи надо различать ея середину, которая по существу здорова, и ея периферію, гдѣ имѣются всякіе болѣзненные наросты. Помнится, Деникинъ какъ-то разъ выразился при мнѣ о своихъ войскахъ — «у меня дисциплина, хоть и не такая, какая была въ доброе старое время, но все таки дисциплина: умирать не отказываются». Я не сразу понялъ, чѣмъ же дисциплина другая, чѣмъ въ прежней арміи, но офицеръ-доброволецъ отвѣтилъ на мое неудомѣніе: «не такая, потому что грабятъ, а сражаются великолѣпно». Надо понять, что это контрасты, которые совмѣщаются въ человѣческой душѣ: не только умираютъ, не только жертвуютъ собою, но пламенѣютъ, безкорыстно любятъ Россію, а въ то же время даютъ волю рукамъ и даже аппетитамъ. Въ ихъ воодушевленіи тайна ихъ побѣдъ надъ большевистской арміей, гдѣ только страхъ, корысть, да аппетиты, но нѣтъ любви, нѣтъ самаго главнаго — души. И думая о добровольческой арміи, невольно вспоминается изреченіе: прощаются тебѣ грѣхи твои многіе за то, что ты возлюбила многое. Кто изъ двухъ лучше. Тѣ ли неповинные въ грабежахъ, но душою холодные и черствые люди, которые строго судятъ добровольческую армію, а сами и пальцемъ не пошевельнутъ, чтобы помочь Россіи, или тѣ, которые за нее совершаютъ сверхчеловѣческіе подвиги и умираютъ, но рядомъ съ возвышеннымъ и свѣтлымъ порывомъ переживаютъ и минуты тяжкаго паденія. Съ точки зрѣнія человѣческой, объ этомъ можно судить различно, но Божій судъ всегда предпочитаетъ того, кто горячъ, тому, кто только тепелъ. Вспомнимъ слова Апокалипсиса объ ангелѣ Лаодокійской церкви: знаю дѣла твои, ты не холоденъ, не горячъ; о, если бы ты былъ холоденъ, или горячъ! Но поелику ты тепелъ, а не горячъ и не холоденъ, то извергну тебя изъ устъ моихъ. (Апок. III. 15, 16).

Спасаютъ Россію во всякомъ случаѣ тѣ, которые за нее подвизаются, а не тѣ, которые ихъ осуждаютъ. Не мертвые дѣлаютъ исторію, а живые — тѣ, въ коихъ чувствуется біеніе національнаго пульса, а живая душа человѣка никогда не слагается изъ однихъ добродѣтелей. —

IX. ПОЛИТИЧЕСКАЯ АТМОСФЕРА И ПОЛИТИКА ДОБРОВОЛЬЧЕСКОЙ АРМІИ.

Чтобы понять добровольческую армію, ея успѣхи, недостатки и ея судьбу, — надо приглядѣться къ окружающей ее соціальной и политической атмосферѣ. Мнѣ пришлось наблюдать эту атмосферу дважды — въ январѣ и въ мартѣ 1919 года. Оба раза я былъ коман-

дированъ въ Екатеринодаръ Совѣтомъ Государственнаго Объединенія, причемъ въ первый разъ пробылъ тамъ всего нѣсколько дней, а во второй разъ провелъ больше мѣсяца, такъ какъ вслѣдствіе эвакуаціи Одессы французами, вернуться туда мнѣ уже не пришлось.

Было много ненормальнаго и болѣзненнаго въ томъ, что приходилось наблюдать въ Екатеринодарѣ; но по сравненію съ Одессою тамъ царила атмосфера относительнаго здоровья. Двѣ черты мѣстной жизни въ особенности бросались въ глаза пріѣхавшему изъ Одессы, — изобиліе съѣстныхъ припасовъ на рынкѣ и болѣе правыя политическія настроенія. Какъ ни парадоксальнымъ это можетъ показаться съ перваго взгляда, оба эти явленія тѣсно между собою связаны.

За все время моего странствованія по югу Россіи я наблюдалъ такое изобиліе только въ двухъ мѣстахъ — въ Екатеринодарѣ и въ Ставрополѣ. Мнѣ приходилось ѣсть тамъ и поросенка, и гуся, и индѣйку; словомъ, такія блюда, которыя во всѣхъ прочихъ мѣстахъ составляли давно забытую роскошь. На каждомъ шагу въ Екатеринодарѣ — съѣстная лавка, либо гастрономическій магазинъ, на рынкѣ безпредѣльное количество рыбы и горы чуднаго хлѣба такой бѣлизны, которая напоминаетъ былыя дореволюціонныя времена. Изобилію соотвѣтствуютъ и цѣны. Булка бѣлаго хлѣба, стоящая въ Одессѣ семь рублей, въ Екатеринодарѣ продавалась въ январѣ за рубль двадцать копѣекъ. Самый дешевый обѣдъ, какой я ѣлъ въ Одессѣ, стоилъ тринадцать рублей, — за обѣдъ такого же качества я платилъ въ Екатеринодарѣ пять рублей. А за двѣнадцать рублей можно получить тамъ то, что въ Одессѣ стоитъ двадцать и болѣе.

Надо отдать себѣ ясный отчетъ въ соціальномъ значеніи этого изобилія. Въ Екатеринодарѣ, въ отличіе отъ Одессы, царитъ атмосфера мелкой буржуазной культуры. И гусятина, и поросятина, и дивный бѣлый хлѣбъ, — все это продукты мелко-крестьянскаго казачьяго хозяйства, которое заваливаетъ рынокъ своими избытками. Это богатое крестьянство — природный врагъ большевизма, отъ котораго оно можетъ ждать только ограбленія. Неудивительно, что увлеченіе большевиками среди кубанскихъ казаковъ было болѣе, чѣмъ гдѣ либо, кратковременнымъ: оно было основано на недоразумѣніи: понявъ свою ошибку, казаки возненавидѣли большевиковъ и стали прекрасно противъ нихъ сражаться. Есть на Кубани у большевиковъ друзья — это пришлое иногороднее населеніе, которое мечтаетъ о надѣленіи землею и о всякихъ выгодахъ за счетъ казаковъ. Это соперничество двухъ группъ мѣстнаго населенія усиливаетъ отвращеніе казаковъ къ большевикамъ и къ большевизму.

Тотъ фактъ, что въ подобныхъ же условіяхъ находится и казачество терское, въ высокой степени способствовалъ успѣхамъ добровольческой арміи на сѣверномъ Кавказѣ. Насильственно мобилизованные большевиками терскіе казаки легко переходили на сторону добровольцевъ и дрались съ ожесточеніемъ за освобожденіе своей области. Этимъ объясняется огромное разростаніе добровольческой арміи во время преслѣдованія красноармейцевъ послѣ побѣдъ на сѣверномъ Кавказѣ, о чемъ я уже имѣлъ случай говорить. — Союзъ доб-

ровольческой арміи съ казачествомъ представляетъ собою вообще естественный симбіозъ между идеей и интересомъ. Идейнаго воодушевленія у казаковъ чрезвычайно мало; они думаютъ преимущественно о своихъ выгодахъ. — Поэтому у нихъ мѣстный интересъ преобладаетъ надъ общимъ: отсюда ихъ ненадежность для общаго дѣла. Они охотно сражаются за свои домашніе очаги, но много менѣе охотно выходятъ за предѣлы своей области — проливать кровь за единую Россію. Въ концѣ концовъ добровольцамъ удалось увлечь казачество на Царицынъ, главнымъ образомъ потому, что горькій опытъ убѣдилъ казаковъ въ опасности, угрожающей ихъ областямъ отъ сосѣдства съ непобѣжденными большевиками. Другимъ стимуломъ была, конечно, перспектива грабежа, открывшаяся благодаря побѣдамъ. Тутъ мы имѣемъ, повидимому, черту общую всѣмъ казакамъ, — кубанскимъ, донскимъ и терскимъ. Понятно, насколько этимъ подчеркивается заслуга добровольческой арміи передъ Россіей. Построить единую Россію на зыбкой почвѣ казачьихъ и вообще мѣстныхъ интересовъ было бы совершенно невозможно. Ведя борьбу противъ большевиковъ, добровольцы должны были въ то же время преодолѣвать мѣстныя сепаратическія теченія среди собственныхъ своихъ союзниковъ. Легко себѣ представить ту силу воодушевленія и ту степень стойкости, которая потребовалась, чтобы справиться съ этой неимовѣрно трудной задачей. Вѣдь измѣна донскихъ казаковъ не разъ ставила добровольческую армію на край гибели. А въ то же время узко понятый мѣстный патріотизмъ автономныхъ казачьихъ управленій втыкалъ ей палки въ колеса, гдѣ только могъ. Нужно было немало трудовъ и усилій, чтобы вырвать у богатыхъ кубанцевъ необходимое для добровольческой арміи продовольствіе: кубанцы вообще крайне неохотно выпускаютъ какіе либо съѣстные припасы изъ своихъ предѣловъ; шкурно-желудочными интересами опредѣляется вся дѣятельность кубанской рады. А между тѣмъ для побѣды надъ большевиками подвозъ хлѣба въ завоеванныя мѣстности не менѣе важенъ, чѣмъ военные успѣхи!

На почвѣ борьбы съ сепаратизмомъ между добровольцами и казаками происходятъ безпрерывныя столкновенія, но борьба между общими всероссійскими политическими партіями—тутъ не при чемъ. Собственно л ѣ в ы я настроенія въ казачествѣ не имѣютъ глубокихъ корней. Соціальные инстинкты у казаковъ по существу буржуазные. Лѣвые въ собственномъ смыслѣ, соціалисты, какъ таковые—въ кубанской области есть, какъ и вездѣ, но они лишены реальнаго значенія.

Отсюда яркій контрастъ въ политической атмосферѣ между Екатеринодаромъ и Одессой. Въ Одессѣ—странѣ, обреченной большевизму, вся политическая и общественная жизнь неудержимо сама скатывалась влѣво словно по наклонной плоскости. Влѣво толкалъ страхъ накопляющагося революціоннаго настроенія, готоваго перейти въ открытое революціонное движеніе. Радикалы всѣхъ видовъ и типовъ повторяли всегдашнюю ошибку революціонныхъ временъ: они хотѣли задобрить массы уступками; многіе сторонники добровольческой арміи надѣялись посулами, да уступками создать болѣе благопріятное настроеніе въ ея пользу, а между тѣмъ уступчивость

только усиливала настроенія большевистскія. Въ томъ же направленіи, какъ мы видѣли, подталкивали и французы. Неудивительно, что при этихъ условіяхъ самые умѣренные даже люди стихійно лѣвѣли. Изо дня на день я наблюдалъ это полѣвѣніе въ наиболѣе консервативныхъ элементахъ Совѣта Государственнаго Объединенія. Тутъ дѣйствовалъ гипноэъ мѣстной соціальной среды.

Наоборотъ, въ Екатеринодарѣ замѣчалась столь же естественная тенденція къ поправѣнію. Генералъ А. М. Драгомировъ въ бесѣдѣ со мною и С. Н. Масловымъ въ январѣ жаловался на «кадетское засилье» въ Екатеринодарѣ, «но знаете ли», продолжалъ онъ, «они неудержимо правѣютъ: во многихъ отношеніяхъ даже мы лѣвѣе ихъ». То же впечатлѣніе я испыталъ непосредственно при встрѣчѣ съ этими самыми кадетами въ Екатеринодарѣ. Въ Одессѣ меня поражалъ тотъ фактъ, что даже такіе сравнительно правые люди, какъ А. С. Хрипуновъ, въ общемъ типъ октябриста, и націоналистъ графъ В. А. Бобринскій отступили отъ начала диктатуры въ чистомъ видѣ и шли на компромиссъ съ директоріей. А въ то же время въ Екатеринодарѣ такіе опредѣленные кадеты, какъ В. А. Степановъ, рѣшительно заявляли, что впредь до окончанія междоусобной войны — единственной носительницей государственнаго верховенства должна быть диктаторская власть командующаго арміей. Лѣвый кадетъ Н. И. Астровъ, человѣкъ всегда стоявшій неизмѣримо лѣвѣе меня, при встрѣчѣ со мной выражалъ изумленіе. — «Дайте посмотрѣть на васъ, Евгеній Николаевичъ! Какъ! Вы тамъ въ Одессѣ ведете переговоры съ лѣвыми, а мы-то здѣсь съ ними даже не встрѣчаемся». Астровъ, видимо, былъ смущенъ: онъ смотрѣлъ на меня съ чувствомъ зависти и не безъ угрызенія совѣсти. Ему было какъ будто неловко отъ своего поправѣнія, и, глядя на меня, онъ спрашивалъ себя, не слѣдуетъ ли и имъ здѣсь начать разговоры съ лѣвыми, чтобы не оказаться «отсталыми». Но для этихъ разговоровъ въ Екатеринодарѣ не представлялось ни случая, ни повода, ни въ особенности надобности. Тамъ не было французовъ, да и гипнозъ общественной среды оказывалъ діаметрально противоположное вліяніе. Я поспѣшилъ завѣрить Астрова въ томъ, что ихъ положеніе представляется завиднымъ по сравненію съ нашимъ и высказать убѣжденіе въ чисто временномъ демократическомъ значеніи нашихъ переговоровъ съ лѣвыми.

Въ Январѣ 1919 года была и другая причина, способствовавшая этому общему поправѣнію въ юго-восточной Россіи. Это извѣстія изъ Сибири отъ Колчака, которыя доставлялись пріѣзжавшими оттуда офицерами. Прежде всего эти посланные выяснили причины крушенія директоріи и переворота, выдвинувшаго адмирала Колчака. Изъ ихъ разсказовъ всѣмъ стало яснымъ, что директорія оказывала на армію разлагающее вліяніе, такъ какъ она допускала пропаганду Чернова и Ко. противъ офицеровъ среди солдатъ. Покончить съ директоріей оказалось необходимымъ, чтобы сохранить дисциплину и боеспособность арміи. Выяснилось, что Колчаку удалось сформировать мощную и хорошо дисциплинированную армію не только безъ всякаго содѣйствія со стороны соціалистическихъ элементовъ, но вопреки ихъ противодѣйствію. Какъ это могло ему удаться?

Объясняется это въ общемъ такъ же, какъ и зимніе успѣхи добровольцевъ на сѣверномъ Кавказѣ. Армія Колчака формировалась въ благопріятной для этого дѣла общественной средѣ. Ея главный контингентъ — сибирское крестьянство, богато надѣленное землею и никогда не видавшее хозяйствъ помѣщичьихъ. Благодаря почти полному отсутствію крупнаго землевладѣнія въ Сибири, тамъ нѣтъ и того соціальнаго антагонизма, который въ Европейской Россіи служилъ главнѣйшей опорой для большевистской пропаганды. Большевикамъ нечѣмъ прельстить сибирское крестьянство: по своимъ соціальнымъ инстинктамъ оно не менѣе, а можетъ быть, и болѣе консервативно, чѣмъ казачество. Поэтому нечего удивляться, что все дѣло Колчака совершалось въ атмосферѣ праваго, а не лѣваго гипноза. Повидимому, этотъ гипнозъ подѣйствовалъ и на тѣхъ соціалистовъ, которые сочли возможнымъ остаться въ составѣ его правительства послѣ провозглашенія его диктатуры. Объ этихъ соціалистахъ офицеры, пріѣхавшіе изъ Сибири, говорили, что они «ручные, домашніе», совершенно непохожіе на тѣхъ, что у насъ называются соціалистами. И дѣйствительно, наши прирученію не поддавались. Примирить ихъ съ диктатурой оказалось безусловно невозможнымъ!

Въ итогѣ уже первая поѣздка въ Екатеринодаръ оказалась для меня настоящимъ откровеніемъ. До тѣхъ поръ въ Кіевѣ и въ Одессѣ я наблюдалъ почти исключительно явленія общественнаго разложенія и смерти. Все, что я видѣлъ, оказалось роковымъ образомъ обреченнымъ большевизму. И вдругъ въ Екатеринодарѣ мнѣ бросилось въ глаза діаметрально противоположное и я ясно увидалъ, откуда придетъ спасеніе для Россіи.

Оказалось, что незанятая большевиками Россія раздѣлена на двѣ части какимъ то своеобразнымъ политическимъ меридіаномъ, проходящимъ гдѣ-то посреди области Войска Донского. Къ западу отъ этого меридіана все заражено революціонной атмосферой, все неудержимо лѣвѣетъ, все скатывается къ большевизму, словно по наклонной плоскости. Наоборотъ — къ востоку — противоположная наклонная плоскость: — тамъ все прогрессивно правѣетъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и здоровѣетъ. Противоположности общественной среды соотвѣтствуетъ и противоположная картина военныхъ дѣйствій. Къ западу отъ меридіана — ошеломляющіе успѣхи большевиковъ, которые почти безъ сопротивленія завладѣли Украйной и навели паническій ужасъ на французовъ въ Одессѣ. А къ востоку — столь же ошеломляющіе успѣхи добровольческой арміи — зимній разгромъ большевиковъ на сѣверномъ Кавказѣ, а потомъ весенній ихъ разгромъ на Дону и движеніе къ Царицыну! Повидимому, политическій меридіанъ, о которомъ я говорю, дѣлитъ на двѣ части не только Россію, но весь міръ. Къ западу отъ него всѣ народы Европы, истерзанные, измученные войною и такъ или иначе революціонизированные ею. Въ частности французскія и одесскія лѣвыя настроенія несомнѣнно составляютъ одно цѣлое. Союзники наши увлекаютъ насъ на наклонную плоскость, ведущую къ крайней лѣвой, потому что они сами несомнѣнно катятся туда же. Отсюда то взаимное непониманіе французовъ и добровольческой арміи, которое мнѣ приходилось наблюдать въ теченіе цѣлой

зимы. Непониманіе это было несомнѣнно одной изъ причинъ одесской катастрофы, независимо отъ того, что французы были до послѣдней степени раздражены противъ добровольческой арміи, они ее несомнѣнно недооцѣнили и въ той же мѣрѣ переоцѣнили большевиковъ. Не отдавая себѣ отчета въ различіи соціальной атмосферы на востокѣ и на западѣ Россіи, они были убѣждены въ томъ, что большевизму такъ или иначе обречена вся Россія. Въ дни зимнихъ нашихъ неудачъ на Дону генералъ д'Ансельмъ и полковникъ Фреденбергъ говорили, что занятіе Новочеркасска и Ростова большевиками — вопросъ какихъ-нибудь трехъ-четырехъ дней. Едва ли они ушли бы изъ Одессы такъ поспѣшно и въ особенности едва ли ихъ уходъ сопровождался бы тѣми тяжкими оскорбленіями добровольческой арміи, о которыхъ будетъ разсказано въ дальнѣйшемъ, если-бы они не были убѣждены въ неизбѣжности и близости ея окончательной гибели. Поразительно, до какой степени дѣйствительность обманула ихъ предвидѣнія. Наиболѣе блестящіе успѣхи добровольцевъ развернулись вскорѣ послѣ ухода французовъ, т. е. именно въ тотъ моментъ, когда послѣдніе ждали ихъ конца.

Взаимныя отношенія добровольческой арміи и французовъ вообще — одна изъ самыхъ поучительныхъ и интересныхъ страницъ исторіи нашего второго смутнаго времени. Они въ высшей степени типичны для обоихъ противоположныхъ полюсовъ по обѣ стороны политическаго меридіана.

Характерно, что въ то самое время, когда добровольческіе генералы въ Екатеринодарѣ подчинялись «кадетскому» засилію, эти самые генералы слыли въ Одессѣ за величайшихъ реакціонеровъ. Oh, ces volontaires, ils n'ont rien appris et rien oublié*) —волновался генералъ д'Ансельмъ; съ своей стороны, лѣвые и лѣвѣющіе русскіе поддерживали французское командованіе въ этомъ убѣжденіи.

На самомъ дѣлѣ политика Деникина и его сотрудниковъ въ Одессѣ была не реакціонною, а просто неумѣлою. Они обнаружили съ одной стороны полное незнаніе и непониманіе запутанныхъ мѣстныхъ отношеній, а съ другой стороны неспособность отрѣшиться отъ старинныхъ способовъ управленія, совершенно неприспособленныхъ къ новымъ условіямъ жизни.

Съ самаго начала французской оккупаціи, Одесса разсматривалась и французами, и русскими сторонниками единой Россіи какъ городъ русскій, а не украинскій. Поэтому право добровольческой арміи такъ или иначе участвовать въ управленіи Одессой и одесскимъ райономъ признавалось всѣми, кромѣ украинцевъ и большевиковъ. Командующій мѣстными добровольческими войсками генералъ былъ въ то же время и главою гражданскаго управленія. Когда я пріѣхалъ въ Одессу, въ этой должности состоялъ молодой генералъ-майоръ А. Н. Гришинъ-Алмазовъ. Съ другой стороны, въ военное время все управленіе, какъ гражданское, такъ и военное, низбѣжно подчиняется высшей военной власти данной мѣстности, а таковою было въ данное

---

*) Ахъ ужъ эти добровольцы: они ничему не научились и ничего не забыли!

время несомнѣнно французское командованіе. Отношенія при этихъ условіяхъ не могли не быть чрезвычайно трудными: съ одной стороны было необходимо сохранить въ Одессѣ верховенство добровольческой арміи; съ другой стороны — ея мѣстный представитель въ Одессѣ долженъ былъ такъ или иначе подчиняться требованіямъ французскаго военнаго командованія. Въ этихъ сложныхъ взаимныхъ отношеніяхъ съ самаго начала таилась возможность конфликта между двумя верховенствами.

Отношенія обострились, въ особенности благодаря тому, что генералъ Деникинъ упорно держался старыхъ способовъ управленія, т. е. стремился всѣмъ управлять изъ Екатеринодара, какъ въ былые времена вся Россія управлялась изъ Петербурга, и не рѣшался давать своему же собственному представителю на мѣстѣ достаточныхъ полномочій. Благодаря этому, конфликтъ сталъ неизбѣжнымъ.

Уже въ декабрѣ 1918 года отношенія стали невозможными и Совѣту Государственнаго Объединенія стало очевиднымъ, что назрѣваетъ конфликтъ въ самой острой формѣ. Генералъ Деникинъ оставилъ за собою главнѣйшія функціи гражданскаго управленія въ Одессѣ и ея районѣ. Его представитель въ Одессѣ былъ стѣсненъ въ возможности производить экстренные расходы и для каждаго сколько нибудь значительнаго экстреннаго расхода долженъ былъ испрашивать разрѣшенія изъ Екатеринодара. То же разрѣшеніе требовалось для ввоза въ Одессу и для вывоза изъ нея какихъ-бы то ни было продуктовъ и для передвиженія какихъ-бы то ни было морскихъ судовъ изъ одесской гавани. Чтобы понять то тяжелое положеніе, въ какое ставились этими требованіями мѣстныя власти и французское командованіе, надо принять во вниманіе необычайныя трудности сношеній между Одессой и Екатеринодаромъ. Телеграфныя сношенія по прямому проводу были рѣдки и неправильны, вслѣдствіе постоянно повторяющейся порчи провода. Радіотелеграфныя сношенія были почти невозможны, такъ какъ радіотелеграфъ воспроизводилъ всю сложную путаницу радіотелеграммъ со всего свѣта, въ которой трудно было отличить своихъ отъ чужихъ. Корреспонденція поддерживалась исключительно пароходными сношеніями. Но въ виду хроническаго недостатка угля и ненадежности «товарищей»-грузчиковъ, рейсы были тоже весьма рѣдки и неправильны. По росписанію, пароходы должны были отправляться и прибывать въ опредѣленные дни два раза въ недѣлю. На самомъ дѣлѣ никогда нельзя было предвидѣть дня и часа, когда пароходъ тронется въ путь. Помню, какъ въ Новороссійскѣ я три дня ждалъ парохода, а на четвертый отплылъ и вернулся опять въ портъ. Сначала угля не было, потомъ грузчики отказались грузить уголь, потомъ «капитанъ куда-то ушелъ», потомъ пароходъ отправился, но вернулся для перегрузки, потому что погруженнымъ оказался уголь такого качества, съ которымъ мы дѣлали два узла въ часъ... При такихъ способахъ сношеній, задача управленія Одессой изъ Екатеринодара становилась просто на просто невозможной. Неотложные вопросы, съ которыми обращались одесскія власти въ Екатеринодаръ, оставались недѣлями безъ разрѣшенія, дѣла не двигались, назрѣвали многочисленныя опасности.

«Войдите въ мое положеніе», говорилъ командированнымъ въ Екатеринодаръ членамъ Совѣта Государственнаго Объединенія генералъ Гришинъ-Алмазовъ, — «вдругъ ко мнѣ приходятъ грузчики изъ порта, которымъ мы должны большую сумму, и предъявляютъ ультиматумъ: или уплата въ трехдневный срокъ, или забастовка, полная остановка всякаго пароходнаго движенія и, стало быть, голодъ въ Одессѣ, куда множество продуктовъ подвозится моремъ. Или другой случай. По закону прежняго гетманскаго правительства всѣ чиновники къ празднику получаютъ опредѣленную сумму наградныхъ. Разрѣшеніе выдать такой же процентъ наградныхъ офицерамъ-добровольцамъ было безусловно необходимо; какъ не дать имъ того, что дается всякому чиновнику, но къ празднику это разрѣшеніе еще не было получено въ Одессѣ. Я рѣшился выдать на свой рискъ и страхъ и получилъ за это строгій выговоръ изъ Екатеринодара. Хоть выходить въ отставку. Скажите Деникину, если мнѣ не довѣряютъ, — пусть назначаютъ другого, — если мнѣ вѣрятъ, пусть оставятъ меня. Но буду ли я, будетъ ли другой, все равно—это лицо должно обладать тѣми полномочіями, безъ коихъ управлять немыслимо».

Легко себѣ представить, въ какое положеніе были поставлены такими способами управленія французы въ Одессѣ. Отношенія обострялись тѣмъ, что и ихъ требованія тоже не были умѣренны. Между тѣмъ какъ добровольческое командованіе не вступало на путь необходимой децентрализаціи, французы хотѣли быть полными хозяевами въ Одессѣ. Депутаты нашего Совѣта, ѣздившіе въ Яссы къ Бертело еще до пріѣзда въ Одессу генерала д'Ансельма, привезли намъ французскій проектъ будущаго управленія Одессой, совершенно не считавшійся съ требованіями представителя добровольческой арміи. Французы предполагали просто на просто поручить все управленіе Одессой и Одесскимъ райономъ совѣту изъ русскихъ общественныхъ дѣятелей при французскомъ командованіи. Они даже спрашивали нашихъ депутатовъ, кого имъ назначить въ этотъ совѣтъ, совершенно не задаваясь вопросомъ, нужно ли имъ или не нужно входить объ этомъ въ переговоры съ добровольческой арміей. Эти французскіе проекты встрѣчали поддержку со стороны тѣхъ мѣстныхъ федералистическихъ и автономическихъ теченій, о которыхъ я уже говорилъ.

Съ пріѣздомъ въ Одессу д'Ансельма и его штаба, теченія эти чрезвычайно усилились. Положеніе французскаго командованія и въ самомъ дѣлѣ было чрезвычайно труднымъ. Одесса оставалась безъ нефти и керосина. Французы пытались послать за этими продуктами пароходъ въ Батумъ, но команда отвѣчала рѣшительнымъ отказомъ выйти изъ порта безъ разрѣшенія изъ Екатеринодара, такъ какъ въ противномъ случаѣ — ей угрожалъ разстрѣлъ. Д'Ансельмъ жаловался намъ, членамъ Совѣта Государственнаго Объединенія, что изъ за этихъ порядковъ Одессѣ угрожаетъ серьезная опасность со стороны большевиковъ: онъ лишенъ возможности послать въ Салоники за дессантомъ, который тамъ уже готовъ къ отплытію, потому что Екатеринодаръ упорно отмалчивается на предложеніе — отпустить

пароходы. По словамъ Фреденберга, дѣло будто бы доходило до того, что добровольческое командованіе воспрещало въ Николаевѣ продавать французамъ съѣстные припасы. Рѣзкое столкновеніе произошло и изъ-за попытки французовъ сформировать новыя части, такъ называемыя «смѣшаныя бригады» изъ русскихъ подъ начальствомъ французскихъ офицеровъ.

Мотивы къ образованію этихъ бригадъ были двоякіе. Во-первыхъ, французы, не желавшіе сами сражаться, хотѣли имѣть въ своемъ полномъ распоряженіи русскія части, которыя можно было бы посылать въ бой. Во-вторыхъ, образованія смѣшаныхъ частей жаждали многіе мѣстные люди, особенно хлѣборобы, которые не довѣряли добровольческой арміи изъ-за производимыхъ нѣкоторыми ея частями грабежей, и поэтому мечтали ввѣрить охрану своей безопасности другимъ частямъ подъ контролемъ французовъ.

По весьма понятнымъ причинамъ добровольческая армія не могла дать своего согласія на образованіе такихъ частей. Еслибы рядомъ съ добровольческими частями возникли другія, неподчиненныя добровольческому командованію, иначе поставленныя въ отношеніи вознагражденія и дисциплины, это не могло бы не отозваться на управленіи самой добровольческой арміей: офицеры, недовольные добровольческими порядками, стремились бы переходить къ французамъ; добровольческое командованіе было бы вынуждено дѣлать въ своихъ частяхъ тѣ же прибавки содержанія и допускать тѣ же послабленія дисциплины, какія заблагоразсудятся допустить французскому командованію. Иначе говоря, при этихъ условіяхъ генералъ Деникинъ не былъ бы хозяиномъ у себя дома. Рѣчь шла о сохраненіи единства командованія русской арміи, что исключало возможность какихъ либо уступокъ. Отказъ былъ естественenъ, но безо всякой надобности онъ былъ сдѣланъ въ необычайно рѣзкой и оскорбительной для французской арміи формѣ. Генералъ Деникинъ не счелъ даже нужнымъ вступать по этому поводу въ объясненія съ французами: онъ просто на просто прислалъ въ Одессу генералу Санникову для опубликованія приказъ, коимъ объявлялось, что всякій русскій офицеръ, который вступитъ въ «смѣшаныя бригады», будетъ за это преданъ военно-полевому суду.

Д'Ансельмъ, съ которымъ мнѣ приходилось объясняться по этому поводу, говорилъ о явномъ оскорбленіи французской арміи. Оно и неудивительно: въ дни міровой войны, еще при существованіи Императорскаго правительства вступленіе русскихъ во французскую армію не только разрѣшалось, но считалось за честь: а тутъ вдругъ безъ всякихъ причинъ оно было признано за тяжкое преступленіе: „Comment voulez-vous travailler aver ce Deniquine, qui ne fait que nous péter dans les jambes“*) волновался д'Ансельмъ. „Il nous reste a plier nos bagages et nous en aller“ **).

---

*) Какъ вы хотите работать съ этимъ Деникинымъ, который только втыкаетъ палки въ колеса!

**) Остается уложить наши пожитки и уходить.

Получилось положеніе необычайно острое: слушая французовъ, можно было подумать, что добровольческое командованіе дѣлаетъ рядъ нелѣпыхъ и возмутительныхъ выходокъ по отношенію къ французской арміи. Изъ словъ представителей добровольческой арміи вытекало какъ разъ обратное, — что нелѣпости и возмутительные поступки исходятъ отъ французовъ. Одни и тѣ же факты получали при этомъ съ двухъ сторонъ діаметрально-противоположныя объясненія. Такъ, по поводу требованія французовъ, чтобы пароходами въ Одессѣ завѣдывали мѣстныя власти, Деникинъ замѣчалъ, что пароходы — общее достояніе всего государства, въ которомъ заинтересована не одна Одесса, а все побережье Чернаго моря. Свое недовѣріе къ мѣстнымъ людямъ онъ объяснялъ между прочимъ тѣмъ, что мѣстные дѣльцы изъ одесситовъ уже успѣли зафрахтовать часть пароходовъ французамъ, которые угнали ихъ въ Средиземное море для своихъ собственныхъ надобностей. По словамъ добровольческихъ властей французы, вслѣдствіе острой нужды въ тоннажѣ, вступили на путь мародерства: они присваиваютъ себѣ и наши, и турецкіе пароходы, вообще все, что плохо лежитъ, а мѣстные дѣльцы имъ въ этомъ потворствуютъ. Фактъ воспрещенія продавать французамъ съѣстные припасы отрицался добровольцами; вмѣстѣ съ тѣмъ они указывали, что французы рѣшительно воспретили добровольческимъ отрядамъ пребываніе въ Херсонѣ и Николаевѣ.

Во всѣхъ этихъ заявленіяхъ съ обѣихъ сторонъ было великое множество недоразумѣній: чувствовалось, что непосредственное личное объясненіе между Деникинымъ и Бертело могло бы устранить значительную ихъ часть. Но свиданіе роковымъ образомъ не могло состояться: Бертело побуждалъ Деникина пріѣхать въ Констанцу для переговоровъ еще въ декабрѣ 1918 года, но на бѣду, вскорѣ послѣ этого предложенія началось опасное для добровольческой арміи время неудачъ на Дону, вслѣдствіе разложенія и измѣны нѣкоторыхъ донскихъ частей. Деникинъ не могъ уѣхать въ столь критическую для его арміи минуту. Потомъ, когда Деникинъ предлагалъ выѣхать, свиданіе не могло состояться, по причинамъ, зависящимъ отъ Бертело. А между тѣмъ, не назначеніе свиданія истолковывалось французами, какъ доказательство упорнаго нежеланія сдѣлать какіе-либо шаги навстрѣчу французскому командованію. Въ особенности д'Ансельмъ не хотѣлъ слышать никакихъ резоновъ, онъ доказывалъ мнѣ и барону Меллеръ-Закомельскому, что генералъ Деникинъ во всякое время могъ выѣхать, поручивъ вмѣсто себя командованіе одному изъ талантливыхъ своихъ помощниковъ.

Положеніе осложнялось личными особенностями характера Деникина; человѣкъ необычайно прямолинейный и честный, онъ не только былъ чуждъ какой-бы то ни было дипломатіи, онъ не чувствовалъ въ ней надобности. «Я солдатъ, высказываю прямо то, что думаю, къ чему эти дипломатическія ухищренія», говаривалъ онъ. Отъ одного виднаго дипломата я слышалъ, что этой своей чертой верховный главнокомандующій причинялъ дипломатіи не мало затрудненій. Французамъ и англичанамъ онъ высказывалъ, нисколько не стѣсняясь, «простымъ языкомъ», все, что онъ думалъ... Англичанамъ

онъ однажды въ упоръ поставилъ вопросъ, въ какомъ качествѣ они пришли на Кавказъ; — въ качествѣ ли друзей, или враговъ! Прибывши въ январѣ 1919 года въ Екатеринодаръ, я былъ пораженъ распубликованной въ газетахъ телеграммой Деникина генералу Бертело, отъ котораго онъ требовалъ, чтобы тотъ заступился за взятыхъ въ плѣнъ арміей Петлюры добровольцевъ. Телеграмма заканчивалась словами: — «напоминаю вамъ о вашемъ долгѣ, генералъ». — Такой тонъ считается рѣзкимъ въ обращеніи начальника къ подчиненному и надо удивляться, что Бертело имъ не былъ оскорбленъ». **„Oh, Berthelot est bon enfant"** *), замѣтилъ мнѣ по этому поводу Энно.

Всѣ старанія Совѣта Государственнаго Объединенія были направлены къ тому, чтобы такъ или иначе уладить эти невозможныя отношенія, но попытки наши въ этомъ направленіи были совершенно безуспѣшны. Помимо указанныхъ причинъ, этому препятствовалъ рядъ мѣстныхъ русскихъ вліяній въ Одессѣ и въ Екатеринодарѣ. Въ Одессѣ подливали масло въ огонь русскіе федералисты, а въ Екатеринодарѣ обостряла отношенія мѣстная бюрократія, которая подъ громкимъ именемъ «верховныхъ правъ добровольческой арміи» ревниво отстаивала собственныя прерогативы и съ этой точки зрѣнія по поводу каждаго проекта децентрализаціи управленія кричала «о расчлененіи Россіи» и чуть ли не объ измѣнѣ. Эти «ревнители прерогативъ центральной власти», сплошнымъ кольцомъ окружавшіе генерала Деникина, составляли какъ бы маленькій дворикъ, коего главная забота заключалась въ томъ, чтобы не подпускать къ главнокомандующему никакихъ постороннихъ вліяній. Они систематически «начиняли» генерала противъ всѣхъ тѣхъ, кто казался имъ опасными соперниками. Все это были кадеты средней величины, люди съ весьма ограниченнымъ политическимъ кругозоромъ, начиненные узкими и партійно-кадетскими формулами и неимѣвшіе ни малѣйшаго понятія объ управленіи. Въ качествѣ «кадетовъ» они стояли за формулы демократическія, упорно проводя «четырехвостку» для земскихъ и городскихъ выборовъ; а въ качествѣ кадетъ «поправѣвшихъ», они проводили въ жизнь свою программу черезъ диктатуру генерала Деникина. «Какъ ни страннымъ это можетъ показаться», говорилъ мнѣ и С. Н. Маслову генералъ А. М. Драгомировъ, — «у насъ собственно демократическая диктатура». Въ политикѣ эта «демократическая диктатура» оказалась созданіемъ весьма неуклюжимъ и неповоротливымъ. По отношенію къ Одессѣ и французамъ, во всякомъ случаѣ, она выказала только отрицательныя стороны. Мнѣ пришлось въ этомъ убѣдиться съ перваго же знакомства съ генераломъ Деникинымъ. —

Въ январѣ 1919 года я былъ командированъ вмѣстѣ съ С. Н. Масловымъ въ Екатеринодаръ съ весьма опредѣленнымъ порученіемъ отъ Совѣта Государственнаго Объединенія. Мы должны были выяснить генералу Деникину всю ненормальность отношеній, сложившихся въ Одессѣ между французами и добровольческими властями. Намъ было вмѣнено въ обязанность предупредить его, что дальнѣйшее раз-

---

*) О, Бертело добродушенъ!

витіе такихъ отношеній должно неминуемо привести къ уходу французовъ изъ Одессы, либо къ захвату ими полноты власти на правахъ оккупаціи. Докладъ нашъ заканчивался практическимъ выводомъ. Если генералъ Деникинъ хочетъ продолжать прежнюю линію политики, то онъ долженъ пойти и на оккупацію, какъ на неизбѣжное ея послѣдствіе. Наоборотъ, если онъ хочетъ сохранить власть въ Одессѣ за собою, онъ долженъ вступить на путь децентрализаціи. Отвергая всякую мысль о какомъ-либо федеративномъ устройствѣ управленія, Совѣтъ Государственнаго Объединенія настаивалъ единственно на назначеніи въ Одессу генералъ-губернатора съ широкими полномочіями, съ правомъ рѣшенія на мѣстѣ ряда важныхъ денежныхъ вопросовъ. Мы должны были при этомъ указать и указали на безусловную невозможность разрѣшать въ Екатеринодарѣ всѣ сколько-нибудь серьезные вопросы, касающіеся Одесскаго района.

Генералъ Деникинъ, принявшій насъ въ присутствіи главнѣйшихъ своихъ помощниковъ, генераловъ — Драгомирова, Лукомскаго и Романовскаго, отнесся къ намъ чрезвычайно сурово. Его отвѣты намъ производили впечатлѣніе форменнаго разноса. Съ первыхъ же словъ стало очевидно, что онъ насъ не только не понимаетъ, но даже и не слушаетъ. Мы настаивали на усиленіи полномочій представителя добровольческой арміи въ Одессѣ, а онъ обвинялъ насъ чуть ли не въ стремленіи къ расчлененію Россіи... Мы старательно отмежевывались отъ федералистовъ, а онъ приписывалъ намъ опредѣленно федералистическіе замыслы. Мы предостерегали его противъ возможности французской оккупаціи, а онъ сказалъ намъ не то въ полушуточной формѣ, не то въ серьезъ, что если мы будемъ содѣйствовать французской оккупаціи, онъ признаетъ насъ измѣнниками и поступитъ съ нами соотвѣтственно.

Мы долго недоумѣвали, что собственно сей сонъ означаетъ, но вдругъ Деникинъ назвалъ намъ имя, которое все намъ разъяснило. «Я зналъ о вашихъ намѣреніяхъ еще до вашего пріѣзда изъ сообщенія по прямому проводу инженера Демченко». Тутъ только мы поняли, что мы были жертвой двойной махинаціи. Нашему отъѣзду въ Екатеринодаръ предшествовали долгіе дебаты въ Совѣтѣ Государственнаго Объединенія, во время которыхъ между прочимъ обсуждался и былъ отвергнутъ всѣми голосами противъ одного федералистическій проектъ управленія Одессой, составленный присяжнымъ повѣреннымъ Маргуліесомъ. Не будучи никѣмъ уполномоченъ и не предупредивши насъ, Маргуліесъ съ его единомышленникомъ Демченко составили депешу въ Екатеринодаръ, въ которой изложили весь свой федералистичскій проектъ, какъ требованіе Совѣта Государственнаго Объединенія; «для подробнаго разъясненія этого постановленія», значилось въ депешѣ, «выѣзжаютъ князь Е. Н. Трубецкой и С. Н. Масловъ». Понятно, что эта депеша вызвала въ Екатеринодарѣ цѣлую бурю негодованія, а «дворикъ» воспользовался случаемъ, чтобы подорвать къ намъ довѣріе и начинить генерала Деникина противъ Совѣта Государственнаго Объединенія.

«Мы знали, что противъ васъ готовится буря и хотѣли васъ предупредить; отчего же вы къ намъ не зашли раньше», спрашивали

меня потомъ члены «дворика». А для меня было ясно, что буря была для нихъ пріятнымъ и занимательнымъ зрѣлищемъ.

Во время первой аудіенціи мы такъ и не были поняты; для этого потребовалась другая. Въ промежуткѣ между обѣими генералъ А. М. Драгомировъ — человѣкъ весьма неглупый, объяснилъ Деникину, что онъ понапрасну насъ обидѣлъ, смѣшавъ насъ съ нашими противниками-федералистами. Деникинъ былъ очень сконфуженъ и при второмъ пріемѣ, видимо, старался загладить впечатлѣніе первой встрѣчи, но онъ не находилъ словъ и старался выказать доброе къ намъ расположеніе улыбками и интонаціями голоса: «да нѣтъ же, ну какъ же, неужели вы меня такъ поняли, да нѣтъ, это у меня манера такая солдатская!»

Въ общемъ для насъ стало сразу очевиднымъ, что какъ правитель — временный носитель верховной власти, Деникинъ — не на высотѣ положенія. Передъ нами былъ несомнѣнно чудный человѣкъ и, по всей вѣроятности, прекрасный полководецъ, но съ политическимъ кругозоромъ средняго дивизіоннаго генерала. Такъ его расцѣнивали и въ Екатеринодарѣ.

Сложныя политическія задачи, а въ частности одесскій и французскій Гордіевы узлы, оказались Деникину не по плечу. Въ концѣ концовъ онъ обѣщалъ намъ назначить въ Одессу генерала съ широкими полномочіями и назначилъ генерала А. С. Санникова, который и выѣхалъ изъ Екатеринодара вмѣстѣ съ нами. Но по пріѣздѣ въ Одессу оказалось, что вновь назначенный генералъ располагаетъ не большими полномочіями, чѣмъ его предшественникъ. Вмѣсто того, чтобы рѣшать самостоятельно дѣла на мѣстѣ, онъ по каждому сколько-нибудь серьезному вопросу сносился съ Екатеринодаромъ и ждалъ оттуда указаній. Къ тому же назначеніе Санникова безъ соглашенія и сговора съ Бертело было само по себѣ большой безтактностью. Оказалось, что какъ разъ между Бертело и Санниковымъ были еще во время войны какія-то непріятныя столкновенія и нелады на румынскомъ фронтѣ. Неудивительно, что тотчасъ послѣ назначенія Санникова, Бертело довелъ до свѣдѣнія Деникина рѣшительное требованіе, чтобы представитель добровольческой арміи въ Одессѣ былъ назначенъ по соглашенію между французскимъ и русскимъ командованіемъ.

До исполненія этого требованія не дошло; не дошло и до свиданія двухъ генераловъ. Въ одинъ прекрасный день Бертело былъ отстраненъ отъ завѣдыванія дѣлами одесскаго района и вмѣсто него пріѣхалъ въ Одессу командующій французскими войсками на Востокѣ генералъ Франше д'Эспере — человѣкъ рѣшительный и рѣзкій. Онъ произвелъ въ Одессѣ тотъ переворотъ, который мы предсказывали, назначилъ безъ всякихъ предварительныхъ сношеній съ добровольческой арміей особый совѣтъ при французскомъ командованіи изъ русскихъ общественныхъ дѣятелей для управленія дѣлами одесскаго района. Добровольческія власти были имъ просто на просто устранены, притомъ въ самой безцеремонной и вызывающей по отношенію къ добровольческой арміи формѣ. Онъ просто на просто отослалъ генерала Санникова и Гришина-Алмазина въ Екатерино-

даръ при письмѣ на имя верховнаго главнокомандующаго. Въ письмѣ было коротко и ясно сказано, что означенные генералы отсылаются въ полное распоряженіе генерала Деникина. Всего нѣсколькими днями позже французы бросили Одессу, а затѣмъ и Крымъ.

Казалось, для добровольческой арміи настали катастрофическіе дни. — «Тяжело на фронтѣ», говорилъ намъ генералъ Деникинъ. «Прутъ со всѣхъ сторонъ несмѣтныя полчища большевиковъ, мои полки истекаютъ кровью, а пополнять ихъ нечѣмъ». Но на нашъ вопросъ*), не повліяла ли на ухудшеніе положенія измѣна французовъ, онъ, къ удивленію нашему, отвѣчалъ: «ну, нѣтъ, нисколько; вѣдь они же все равно ничего не дѣлали и даже не отвлекали на себя сколько-нибудь значительныхъ силъ большевиковъ, я полагаю, что ихъ уходъ на насъ совершенно не отзовется».

Слова эти блистательно оправдались. Послѣ трудныхъ дней, которые закончились прорывомъ большевиковъ на Торговую и достигли апогея на Святой, наступилъ внезапный и крупный переломъ военнаго счастья въ нашу пользу. Ударъ по большевикамъ въ Царицынскомъ направленіи, уничтоженіе нѣсколькихъ большевистскихъ армій, взятіе Изюма, Харькова, Бѣлгорода, наконецъ — полное разложеніе большевистскихъ войскъ и всеобщее пламя возстанія у нихъ въ тылу — все это доказываетъ, что теперь конецъ уже близко. Гибель большевиковъ и полное крушеніе большевизма — вопросъ немногихъ мѣсяцевъ, а можетъ быть, и недѣль.

Какъ это ни странно, мы впервые ясно увидѣли берегъ почти непосредственно вслѣдъ за измѣною французовъ, — тотчасъ по окончательномъ крушеніи союзнической оріентаціи. Уже въ самые дни одесской катастрофы получались извѣстія объ ошеломляющихъ успѣхахъ Колчака; потомъ начались еще болѣе ошеломляющіе успѣхи добровольческой арміи.

Разумѣется, между уходомъ французовъ и этими успѣхами нѣтъ причинной связи. Есть, однако, знаменательное совпаденіе. Почти въ тотъ день, когда мы окончательно утратили надежду на иноземную помощь, событія ясно доказали, что собственныхъ нашихъ силъ совершенно достаточно для низверженія большевиковъ. Случилось это настолько неожиданно для всѣхъ, что русскіе люди не сразу повѣрили своему счастью. Бѣженцы, хлынувшіе на юго-востокъ Россіи изъ покинутыхъ французами областей, первоначально принесли съ собою оттуда атмосферу деморализаціи и паники. Они не вѣрили въ прочность новаго убѣжища и готовились къ новому бѣгству въ Сибирь къ Колчаку. «Типическая Вандея», говорили нѣкоторые изъ нихъ о добровольческой арміи и многіе заранѣе мирились съ участью Вандеи. Иные, впрочемъ, еще ждали спасенія отъ Колчака; но поразительно, что почти никто не надѣялся на добровольческую армію; даже оптимисты говорили, что ей «въ лучшемъ случаѣ удастся только достоять до прихода Колчака». И это неудивительно: видимость была настолько обманчива, что въ средѣ самыхъ добровольцевъ нахо-

*) Я былъ у него въ составѣ депутаціи отъ Совѣта Государственнаго Объединенія съ барономъ Меллеромъ-Закомельскимъ.

дилось не мало стойкихъ, мужественныхъ и доблестныхъ офицеровъ, которые также не вѣрили. «Она не способна побѣдить», говорили они о добровольческой арміи и въ доказательство указывали на ея малочисленность, на плохое управленіе, на полную административную неумѣлость и организаторскую неспособность ея вождей. И точно, организаторскихъ способностей добровольческіе вожди не выказали, въ политикѣ они не поднимались выше уровня посредственности, а ихъ гражданская администрація оказалась изъ рукъ вонъ плохою.

Была въ нихъ иная сила, которая побѣждала: въ тѣ дни, когда мудрые политики малодушествовали, приходили въ отчаяніе и возлагали всѣ свои надежды на постороннюю помощь, — эти «неумные» наперекоръ разсудку вѣрили въ Россію, вопреки здравому смыслу формировали они добровольческіе полки изъ десятковъ храбрыхъ офицеровъ, въ то время, когда большевистскія полчища насчитывали десятки и сотни тысячъ. Ихъ высшій подвигъ — ледяной походъ — могъ казаться и казался актомъ крайняго безумія. Но именно это священное безуміе и было нужно для того, чтобы спасти Россію. Понятно почему именно этимъ и только этимъ можно было сломить силу большевиковъ: чтобы побѣдить большевистскій интернаціонализмъ, нужно было противопоставить ему пламенное, мощное и настойчивое утвержденіе России. Для этого требовалась не столько сила ума, сколько сила вѣры, цѣльность характера и крѣпость нравственаго закала.

Бесѣдуя съ Деникинымъ, я всякій разъ поражался неясностью его мыслей и недальновидностью его плановъ. Помню, какъ онъ смутилъ меня и С. Н. Маслова еще въ Январѣ 1919 года. Мы доказывали ему, насколько опасенъ для добровольческой арміи путь на сѣверъ черезъ Украйну, еще не изжившую большевистскихъ настроеній, и совѣтовали идти черезъ Царицынъ — въ тѣ великорусскія губерніи, гдѣ большевики стали ненавистны населенію. А онъ развивалъ свой планъ идти широкимъ фронтомъ съ юга на сѣверъ «отъ Волги до германской границы». Я былъ прямо ошеломленъ этимъ проектомъ, который казался мнѣ явно наивнымъ. Но рядомъ съ этимъ въ главнокомандующемъ чувствовалась иная не умственная сила — кристальная чистота и ясность нравственнаго облика. Вспоминалось изреченіе С. М. Лукомской: «по общему отзыву его товарищей, Деникинъ — это краса рода человѣческаго». Помню впечатлѣніе одного изъ членовъ Совѣта Государственнаго Объединенія А. М. Масленникова, который ѣздилъ въ Екатеринодаръ со мною и барономъ Меллеромъ-Закомельскимъ въ мартѣ. На этотъ разъ намъ опять не повезло: нашему появленію у Деникина снова предшествовалъ цѣлый коробъ лживыхъ о насъ сообщеній и Деникинъ высказывалъ свое полное недовольство нашей дѣятельностью. Тѣмъ не менѣе одинъ изъ моихъ сотоварищей по окончаніи разговора, сказалъ, что Деникинъ произвелъ на него обаятельное впечатлѣніе: «и странное дѣло, чѣмъ больше онъ насъ ругалъ, тѣмъ больше онъ мнѣ нравился, — чудный долженъ быть человѣкъ. Вотъ такому бы быть главою государства; ну, конечно, съ тѣмъ, чтобы при немъ состоялъ премьеръ-мининстръ, хоть сукинъ сынъ, да умный».

Размышляя о событіяхъ, которыя развернулись на нашихъ глазахъ, легко понять огромное значеніе этихъ выдающихся нравственныхъ качествъ главнокомандующаго. Чтобы побѣдить большевизмъ, нужно было, главнымъ образомъ, его изжить. Это одна изъ тѣхъ массовыхъ болѣзней, которыя преодолѣваются временемъ и непоколебимымъ упорствомъ. Большевизмъ съ самаго начала таилъ въ себѣ зародыши смертоносной болѣзни, но надо было дать этой болѣзни развиться: необходимо было впредь до окончательнаго его развитія сохранить всю силу сопротивленія добровольческой арміи. Въ этомъ и заключается безсмертная заслуга Деникина и его сподвижниковъ. Они истекали кровью, но не колебались и достояли до конца. Не мудрость политиковъ рѣшила судьбу Россіи, а подвигъ вѣры и безстрашія. Деникинъ явилъ при этомъ высшій подвигъ безкорыстія. Онъ принесъ въ жертву родинѣ свое личное честолюбіе и заявилъ о своемъ подчиненіи верховному правителю Колчаку какъ разъ въ тотъ моментъ, когда Колчака постигли временныя неудачи, а въ то же время добровольческая армія находилась на высотѣ военнаго счастья. Самоотверженіемъ великаго гражданина достигнуто было единство какъ разъ въ тотъ моментъ, когда Россія всего больше въ немъ нуждалась. Легко себѣ представить, какимъ тормазомъ въ дѣлѣ объединенія Россіи могло бы оказаться соперничество д в у х ъ главнокомандующихъ и д в у х ъ верховныхъ правителей! Честь и слава Деникину за то, что этого не случилось!

Благодаря безпримѣрному подвигу горсти героическихъ личностей, стало возможнымъ то чудо, которое совершается на нашихъ глазахъ. С п а с е н і е Р о с с і и с о б с т в е н н ы м и с и л а м и! Чувствую, что здѣсь я встрѣчу возраженіе: вѣдь Россія пользуется широкою помощью А н г л і и, которая снабжаетъ добровольческую армію всѣмъ необходимымъ, — артиллеріей, танками, снарядами, одеждой, вообще боевыми припасами всякаго рода. Что могла бы сдѣлать добровольческая армія одна безъ этого содѣйствія.

Я не стану отрицать, что матеріальная помощь Англіи имѣетъ весьма существенное значеніе, но эта помощь имѣетъ свою поучительную исторію, о которой я могу разсказать кое-что, какъ свидѣтель-очевидецъ. Могу удостовѣрить, что содѣйствіе Англіи досталось Россіи не даромъ: какъ и многое другое о н а з а в о е в а н а п о д в и г а м и е я с ы н о в ъ. — Въ январѣ, когда я впервые пріѣхалъ въ Екатеринодаръ, помощь Англіи была меньше нуля: она представляла собою отрицательную величину. — До того времени прибылъ изъ Англіи въ Новороссійскъ всего только одинъ транспортъ съ бракованными вещами, съ гнилыми сапогами и совершенно негоднымъ къ употребленію платьемъ. Добровольческая армія категорически отказалась принять эти гнилушки.

Когда я пріѣхалъ въ Новороссійскъ во второй разъ, — я засталъ тамъ первые англійскіе транспорты съ танками и артиллеріей. Потомъ боевой матеріалъ сталъ прибывать изъ Англіи въ такомъ изобиліи, что добровольческая армія не поспѣвала его разгружать. Англичане жаловались на медленность разгрузки и спрашивали, не пріостановить ли имъ доставку снаряженія, въ виду неспособности добровольческой

арміи принимать его въ такомъ количествѣ! Очевидно, что весною 1919 года произошелъ какой-то переломъ въ отношеніи Англіи къ намъ; онъ отразился не въ одной доставкѣ грузовъ. По свидѣтельству генерала Эрдели, который въ апрѣлѣ 1919 года вернулся въ Екатеринодаръ изъ оккупированнаго англичанами Закавказья и дѣлалъ докладъ о своемъ пребываніи тамъ, въ отношеніи англичанъ къ русскимъ какъ разъ весною 1919 года произошелъ полный переломъ. До того оно было въ высшей степени холоднымъ, высокомѣрнымъ и презрительнымъ. Но вдругъ оно сдѣлалось въ высшей степени предупредительнымъ, внимательнымъ и любезнымъ. Та же рѣзкая перемѣна тона наблюдалась и въ Екатеринодарѣ. Говоря объ уходѣ французовъ изъ Одессы, англичане съ удивленіемъ пожимали плечами и всячески старались подчеркнуть, что они считаютъ поведеніе Франціи прискорбной и непонятной ошибкой. Намъ это казалось тѣмъ болѣе удивительнымъ, что всѣ информаціи, какія получались изъ Лондона и Парижа, свидѣтельствовали о найлучшемъ расположеніи къ Россіи французовъ и о холодности къ намъ англичанъ.

Вскорѣ, однако, мы поняли въ чемъ дѣло. Отъ русскихъ, служившихъ въ англійской миссіи, мы узнали, что англичане смущены успѣхами Колчака и не на шутку встревожены тѣмъ, что Колчакъ ничѣмъ имъ не обязанъ. Они опасаются, какъ бы адмиралъ Колчакъ, по достиженіи имъ полной побѣды надъ большевиками, не вступилъ въ дружескія отношенія съ нѣмцами.

Очевидно, что теперь, какъ и прежде, англичане руководствуются въ своихъ отношеніяхъ къ Россіи не сентиментальными соображеніями и не симпатіями, а холоднымъ прозаическимъ расчетомъ. Какъ солидная торговая фирма, Англія съ самаго начала прикидывала и соображала, стоитъ или не стоитъ ей ставить ставку на Россію. Пока Россія казалась англичанамъ мертвымъ тѣломъ, они относились къ намъ холодно и презрительно, какъ тотъ начальникъ штаба англійскаго адмирала, съ которымъ я въ декабрѣ 1918 года бесѣдовалъ въ Севастополѣ. Наоборотъ, когда начались успѣхи Колчака, англичане, раньше французовъ сообразившіе, что Россія — живая сила, расцѣнили добровольческую армію, какъ выгодное предпріятіе, и стали затрачивать на нее капиталы.

Такимъ образомъ, самая помощь Англіи представляетъ собою яркое свидѣтельство въ пользу русской оріентаціи. Англичане бездѣйствовали, покуда мы искали спасенія въ союзнической оріентаціи, и стали намъ помогать, когда событія доказали, что они сами могутъ оріентироваться на Россію. Таковъ вообще принципъ существующихъ международныхъ отношеній; всякій оріентируется на сильнаго, слабый окруженъ всеобщимъ равнодушіемъ и презрѣніемъ.

Помощь Англіи досталась намъ, когда мы уже стали сильны: ей предшествовалъ долгій періодъ, когда въ роли «интендантства» при добровольческой арміи являлись большевики. Изъ чего же создалась та русская сила, которая сначала превратила красную армію въ «интендантство», а потомъ завоевала Россіи помощь англичанъ? Ея

происхожденіе — одно изъ самыхъ изумительныхъ чудесъ, какія совершались въ исторіи.

Передъ нами несомнѣнный случай творенія изъ ничего. И въ этомъ чудѣ выразилась великая побѣда духа. Судьба русской арміи— рядъ яркихъ свидѣтельствъ объ этой побѣдѣ. Когда въ 1917 году она стала тыломъ безъ духа, распалась связь ея частей, она превратилась въ ничто въ нѣсколько мѣсяцевъ. Когда нѣсколькими мѣсяцами позже въ горсти русскихъ воиновъ возгорѣлся духъ жизни, мертвое тѣло воскресло, русская военная мощь возродилась изъ ничтожества. Нужны ли другія доказательства того, что вѣра и горы передвигаетъ!

ЗАКЛЮЧЕНІЕ.

На этомъ я заканчиваю воспоминанія о моихъ скитаніяхъ. Чувствуется, что главныя наблюденія уже сдѣланы: ясенъ общій смыслъ видѣннаго. Думаю, что дальнѣйшія событія могутъ обогатить эти замѣтки многими новыми интересными подробностями, но едва ли внесутъ существенныя измѣненія въ выводы, здѣсь сдѣланные.

Теперь, послѣ взятія Харькова и Царицына, освобожденіе Россіи — вопросъ времени. И тѣмъ не менѣе мы не можемъ смотрѣть вполнѣ спокойно на будущее. Есть мучительные вопросы и сомнѣнія, которые пока еще остаются безъ разрѣшенія. Гибель большевизма еще не есть конецъ тяжкой болѣзни. Есть, къ сожалѣнію, много основаній опасаться, что ея исцѣленіе вообще не будетъ полнымъ. Большевизмъ — болѣзнь, во многомъ напоминающая бѣшенство. Бѣшеная собака не перестаетъ быть опасной отъ того, что она умираетъ. Напротивъ, нѣтъ ничего страшнѣе укуса умирающаго звѣря. Для Россіи эта опасность теперь величайшая изъ всѣхъ. На нашихъ глазахъ бѣшеная собака издыхаетъ. Но такъ или иначе, всѣ мы ею укушены: всѣ мы, борющіеся съ большевизмомъ, въ большей или меньшей степени испытываемъ на себѣ дѣйствіе его яда.

Ходячее обвиненіе добровольцевъ въ томъ, что они стали похожи на большевиковъ, — несправедливо лишь постольку, поскольку оно огульно. Не всѣ, но къ сожалѣнію, весьма многіе восприняли страшный образъ звѣриный. Одни ли добровольцы? Междоусобная война вообще наложила печать на нравы. Не только на фронтѣ, въ тылу точно также совершается оргія грабежа. Воровство и взяточничество гражданскихъ властей достигли того предѣла, какого они никогда не достигали, даже въ худшія времена самодержавія. Отъ людей, близко знакомыхъ съ гражданской администраціей добровольческой арміи, приходится слышать, что теперь почти ни на кого нельзя положиться. Эпидемія воровства заразила почти всѣхъ, даже тѣхъ, кто доселѣ считались честнѣйшими.

А насколько при этомъ возросла жестокость, въ этомъ каждый изъ насъ можетъ убѣдиться путемъ внутренняго самонаблюденія. Несомнѣнно, что въ будущемъ государственная необходимость предпишетъ весьма суровыя мѣры для подавленія большевизма. Но прежде

русскому человѣку несвойственно было радоваться жестокимъ казнямъ. А теперь безпощадная расправа съ большевиками стала мечтою всякаго русскаго обывателя. И къ сожалѣнію, чувство мести тутъ говоритъ громче и сильнѣе, чѣмъ сознаніе государственной необходимости. Потоки крови, которые прольются послѣ возстановленія порядка, безъ сомнѣнія превысятъ мѣру. Будущіе побѣдители будутъ соперничать въ жестокости съ большевистскими чрезвычайками, а можетъ быть, и превзойдутъ ихъ. Я часто спрашиваю себя, что будетъ въ Москвѣ въ тотъ день, когда тамъ гдѣ-нибудь на площади будутъ всенародно повѣшены такіе корифеи большевизма, какъ Троцкій, Ленинъ, Петерсъ и другіе. Многіе ли откажутся отъ соблазна «посмотрѣть» на этотъ финалъ большевизма. Глазѣть будутъ несомнѣнно десятки, а можетъ быть, и сотни тысячъ народа. А вѣдь раньше подобныя зрѣлища внушали у насъ почти всеобщее отвращеніе. Негодованіе симулировали даже тѣ, кто его на самомъ дѣлѣ не чувствовалъ. Теперь другое: иногда приходится слышать о томъ, какъ взятыхъ въ плѣнъ комиссаровъ сначала «угощаютъ шомполами», а потомъ вѣшаютъ; но ставшее привычнымъ безобразіе почти ни въ комъ не вызываетъ ужаса и даже интереса. «Публичность» казни раньше возмущала насъ, когда она была возстановлена большевиками. А теперь примѣръ ихъ не только вызываетъ подражаніе, — онъ вошелъ у насъ въ обычай. Въ Кисловодскѣ на видномъ мѣстѣ, на холмѣ надъ городомъ стоятъ двѣ висѣлицы; мнѣ показывали ихъ маленькія дѣти и при этомъ называли лицъ, которыя видѣли повѣшенныхъ; саму висѣлицу дѣти, смѣясь, называли «качелями». Бывали случаи, когда особо видныхъ большевиковъ умышленно долго держали на этихъ висѣлицахъ. Обыкновенно, такія мѣры оправдываются тѣмъ, что у большевиковъ нужно «учиться пріемамъ твердой власти». Подъ этимъ предлогомъ большевики мало по малу становятся нашими учителями варварства и жестокости.

Самая опасная черта современности заключается въ томъ, что кодексъ междоусобной войны, привитый намъ большевиками, сталъ обычнымъ: его усвоили не только взрослые, но и дѣти. Расшатанность всѣхъ нравственныхъ правилъ, разнузданное своеволіе, привычки къ хищенію и жестокость — таково ядовитое наслѣдіе смутной эпохи, которое оставитъ свои слѣды въ душѣ народной на многіе годы. Черты большевистскаго типа сохранятся въ русскихъ администраторахъ, военныхъ и общественныхъ дѣятеляхъ изъ черносотенцевъ, даже въ то время, когда о большевикахъ въ собственномъ смыслѣ мы забудемъ и думать.

Едва ли современная Россія окажется исключеніемъ изъ общаго правила: чѣмъ звѣрообразнѣе революція, тѣмъ болѣе звѣрообразна и реакція, которая является ей на смѣну. Сейчасъ намъ трудно даже измѣрить всю степень опасности, которая отсюда вытекаетъ, потому что пробудившійся въ насъ звѣриный инстинктъ пока до извѣстной степени уравновѣшивается и сдерживается тѣмъ духовнымъ подъемомъ, который зародился въ борьбѣ противъ большевизма. Такой духовный подъемъ является въ эпохи великихъ страданій народныхъ, но по минованіи бѣды нерѣдко угасаетъ. Примѣръ древняго Изра-

иля, который вспоминалъ о Богѣ лишь въ годины великихъ испытаній и тотчасъ же забывалъ о немъ, какъ только возвращалось благополучіе — остается классическимъ и для современной Россіи. Есть, къ сожалѣнію, слишкомъ много основаній опасаться, что возвращеніе благополучія будетъ имѣть тѣ же послѣдствія и у насъ. Тогда исполнится (въ который разъ!) предсказаніе Апокалипсиса о звѣрѣ, смертельно раненомъ въ голову и о второмъ звѣрѣ, который заставитъ всю землю и живущихъ на ней поклоняться первому звѣрю, у котораго смертельная рана исцѣлена. (Апокал. XIII, 12).

Имѣющій уши слышать, да слышитъ! Большевизмъ теперь несомнѣнно смертельно раненъ въ голову, но нарождается другой звѣрь, тоже страшный и жестокій, который можетъ исцѣлить эту рану и вызвать въ будущемъ новое поклоненіе большевизму.

Уже послѣ первой революціи русская реакція обнаружила свои звѣриныя черты; трудно предположить, чтобы онѣ не возродились въ ближайшемъ будущемъ, послѣ побѣды надъ большевизмомъ. Мы уже теперь чувствуемъ нарождающуюся мощную волну будущихъ погромовъ. Среди нашихъ крайнихъ правыхъ принято отождествлять звѣриное царство антихриста съ жидомасонствомъ. Напрасная иллюзія — жидомасоны не болѣе, какъ частное проявленіе звѣринаго царства; ему не въ меньшей степени служатъ и тѣ, кто избиваетъ и грабятъ жидовъ. Надо помнить пророческое предостереженіе Апокалипсиса: жидомасонство, безъ сомнѣнія, причастно дѣяніямъ и судьбамъ того перваго звѣря, нынѣ раненаго въ голову, противъ котораго мы теперь боремся. Но не слѣдуетъ забывать, что есть звѣрь съ двумя рогами, подобными агнчимъ (Апок. XIII, 11), который заставитъ людей поклониться первому. «Подражаніе агнцу» заставляетъ думать, что этотъ второй звѣрь не имѣетъ ничего общаго съ открытыми врагами Христа; его «рога подобные агнчимъ» напоминаютъ скорѣе о тѣхъ, кто носятъ обманчивую личину православія, но вмѣстѣ съ тѣмъ говорятъ, какъ драконъ» (Апок. XII, 11). Что этотъ второй звѣрь воскреситъ былую популярность большевизма, въ этомъ не можетъ быть сомнѣнія для всякаго знающаго его повадки. Исторія взаимныхъ отношеній двухъ звѣрей повторяется изъ эпохи въ эпоху. Первый звѣрь былъ несомнѣнно раненъ уже въ дни первой русской революціи, но его воскресили дѣянія второго звѣря: ни для кого не тайна, что вторая революція была подготовлена тѣми казнокрадами, измѣнниками, предателями, которые купно съ лжепророкомъ прельстили царя обманчивой личиной православія и подъ предлогомъ религіознаго служенія творили дѣла дракона. Если мы не послушаемся пророческихъ предостереженій Св. Писанія, то же повторится съ нами въ будущемъ. Громилы, лжеправославные, лжепатріоты, а съ ними и новые лжепророки подготовятъ новый и болѣе страшный, чѣмъ теперь, взрывъ большевизма. И этотъ взрывъ созрѣетъ какъ разъ къ тому времени, когда надвинется намѣчающаяся уже теперь гроза съ востока. Тогда, какъ и теперь, военныя бури родятъ революціонныя смуты. И поколѣнія, не изжившія большевизма, не будутъ застрахованы противъ его соблазновъ.

Но, скажутъ мнѣ, зачѣмъ пріурочивать апокалиптическія предсказанія къ специфически русскимъ событіямъ? Я могу на это отвѣтить коротко: наши русскія событія лишь частное проявленіе міровыхъ началъ. Міровую величину представляетъ собой какъ жидомасонство, у насъ въ Россіи наиболѣе ярко воплотившееся въ большевизмѣ, такъ и та реакція, которая всюду вызывается жидомасонствомъ и всюду принимаетъ болѣе или менѣе звѣриный обликъ, хотя и облекается у различныхъ національностей въ различныя формы.

Разумѣется, и первый, и второй звѣрь не имѣютъ роковой непреодолимой силы. Пока это могущественныя тенденціи всемірной исторіи, противъ которыхъ можно и должно бороться.

Я не только отъ души желаю, чтобы не исполнились сдѣланныя здѣсь мрачныя предсказанія возможнаго будущаго, я отъ души на это надѣюсь. Тѣмъ болѣе, я считаю себя обязаннымъ напомнить о пророческихъ предостереженіяхъ откровенія: Блюдите убо, какъ опасно ходите.

Кисловодскъ, 22 іюня 1919 года.

Воспоминанія донского офицера

о служебной поѣздкѣ въ Германію осенью 1918 года.

К. Г. Сережникова.

I

НОВОЧЕРКАССКЪ И КІЕВЪ.

Настроеніе, нѣсколько праздничное,—несмотря на близость большевиковъ, наличіе фронта и сомнительность положенія Дона, — которое я встрѣтилъ въ іюнѣ 1918 года въ Новочеркасскѣ, не вызывало во мнѣ сочувствія и не заражало меня. Опредѣленно чувствовалось, что всѣ эти люди, отчасти продѣлавшіе очень трудные походы («Ледяной» — Корниловскій и «Степной» — ген. Попова), отчасти просто прибывшіе изъ донской глуши или освобожденные отъ необходимости скрываться въ самомъ городѣ, наконецъ, свободно вздохнули, рады солнцу, возможности носить погоны, кокарды, ордена и лампасы, посѣщать знакомыхъ, рестораны и ухаживать. На верхахъ Красновской организаціи, только что имъ построенной, немедленно послѣ избранія его «Кругомъ Спасенія Дона», стояли люди или узко мѣстные, губернскаго, но не государственнаго размаха, или его бывшіе однополчане и сослуживцы, генералы и офицеры казачьихъ гвардейскихъ полковъ, въ лучшемъ случаѣ привезшіе изъ столицы нѣкоторый свѣтскій лоскъ, въ худшемъ — основательное знакомство съ петербургскими кабаками. Немногіе пріѣзжіе петербуржцы и москвичи, вошедшіе въ новую донскую организацію и занявшіе болѣе или менѣе видные посты, не принадлежали къ выдающимся бѣглецамъ на югъ. Послѣдніе опредѣленно тяготѣли къ Екатеринодару и Добровольческой Арміи. На Дону осѣдали собственно только тѣ, которые имѣли здѣсь какія либо старыя связи, подлежавшія теперь обновленію...

Но всѣ, конечно, были полны жгучей ненависти къ большевикамъ. Насколько помню, Новочеркасское общество какъ то даже не отдавало себѣ отчета, что начиналась или, вѣрнѣе, уже началась гражданская война. Это слово не произносилось. Оно появилось

позднѣе и стало ходкимъ лишь за предѣлами Россіи, послѣ Крымской эвакуаціи. Потому ли, что оно могло навести на опасную мысль о возможности обсуждать событія и съ противоположной стороны или просто потому, что людямъ мало свойственно подводить что либо сильно ихъ захватившее подъ общее понятіе — процессъ, всегда умѣряющій страсти и будящій мысль, — не берусь судить. Но въ то лѣто въ Новочеркасскѣ «защищали свободу родного Дона», давали должный отпоръ «кучкѣ насильниковъ и грабителей», иногда даже «сражались за честь и достоинство Россіи», — но не вели гражданской войны.

Такихъ настроеній я раздѣлять не могъ. Я чувствовалъ себя чужимъ въ этой атмосферѣ. Меня не покидало острое ощущеніе дисгармоніи между совокупностью происходящаго въ Россіи и Новочеркасскими тенденціями и дѣлами, столь опредѣленно окрашенными идеологіей одного сословія, офицерства, — обиженнаго и гонимаго, оскорбленнаго и деклассированнаго, преслѣдуемаго и истребляемаго, готоваго жестоко мстить, — быть можетъ, какъ разъ лучшихъ представителей его, но именно поэтому безнадежно - никогда не умѣвшихъ и не желавшихъ видѣть никакой иной Россіи, кромѣ офиціальной, склонныхъ объяснять все происшедшее только тѣмъ, что «не сумѣли во время удержать».

Правда, среди казачьихъ верховъ все это нѣсколько умѣрялось спеціально казачьими тенденціями, оттѣнкомъ, всегда живымъ, извѣстнаго сепаратизма, извѣстной враждебности къ бюрократическому Петербургу, извѣстнаго стремленія указывать, какъ на опору, да и фактически опираться на широкую казачью массу. Однако, въ глазахъ человѣка, привыкшаго разсматривать событія съ общерусской точки зрѣнія, въ этомъ не могло быть ничего существенно новаго для оцѣнки тенденцій Новочеркасска, прежде всего сословныхъ. Вѣдь та волна казачьихъ возстаній противъ большевиковъ, которая дала возможность казачьимъ верхамъ воспользоваться ею и возглавить ее, прежде всего также объяснялась стремленіемъ рядового казака защитить свои сословные интресы землевладѣльца, привиллегированнаго какъ по отношенію къ неказачьему населенію Донской области, т. наз. «иногороднимъ», такъ и по отношенію къ крестьянамъ сосѣднихъ губерній, отъ волны «чернаго предѣла», докатившейся до Дона.

Лѣтомъ 1918 года все это, естественно, въ моемъ сознаніи не принимало столь отчетливой формы, но стремленіе осмыслить происходившее шло именно въ этомъ направленіи, быть можетъ, тоже нѣсколько одностороннемъ. Меньше всего я самъ былъ склоненъ привѣтствовать успѣхи большевиковъ. Но переродиться въ кадроваго офицера, думать и чувствовать, какъ онъ, или превратиться въ настоящаго казака и вѣрить, что Донская область важнѣе всей Россіи, — а были и такіе голоса, — я тоже не могъ.

Съ моимъ другомъ, нынѣ покойнымъ художникомъ В. (впослѣдствіи звѣрски разстрѣлянъ большевиками), мы часто обсуждали наше очень изолированное положеніе на Дону. Мы оба были петербуржцами, попавшими на Донъ не въ качествѣ бѣжавшихъ отъ боль-

шевиковъ буржуевъ, а еще до революціи, вслѣдствіе необходимости отбыть военную службу въ казачьихъ частяхъ. О томъ, чтобы выписаться изъ казачьяго сословія, къ которому мы принадлежали по рожденію, мы своевременно не позаботились, относясь къ своему «казачеству», какъ къ смѣшному пережитку, не предполагая, что ему въ близкомъ будущемъ предстоитъ властно вмѣшаться въ нашу жизнь. Хлопотать о разрѣшеніи служить въ регулярной части во время войны — мнѣ предстояло бы заняться этимъ осенью 1915 года — было долго и сложно (требовалось чуть ли не Высочайшее соизволеніе), я чувствовалъ себя очень утомленнымъ послѣ университетскихъ экзаменовъ, и рѣшилъ пойти въ сторону наименьшаго сопротивленія. Нѣсколько позднѣй также поступилъ мой другъ. Лѣтомъ 1918 года мы снова встрѣтились, и на этотъ разъ въ Новочеркасскѣ. Кромѣ попытокъ оцѣнить общее положеніе и перемѣны, происшедшія за годъ, мы были заняты рѣшеніемъ вопроса, непосредственно насъ затрагивавшаго. Мы находились въ особомъ государствѣ («государственномъ образованіи», какъ стали выражаться нѣсколько позднѣй) въ качествѣ его полноправныхъ и даже привиллегированныхъ гражданъ («казаковъ», не «иногороднихъ» или бѣженцевъ), соотвѣтственно обязанныхъ нести и всѣ повинности, въ томъ числѣ воинскую, ибо наша новая родина вела войну. Съ моимъ другомъ дѣло обошлось довольно просто. Его, юнкера сотни Николаевскаго Кавалерійскаго училища, въ Новочеркасскѣ не признали годнымъ къ военной службѣ и онъ легко поступилъ дѣлопроизводителемъ (по вольному найму) въ одно изъ учрежденій въ Новочеркасскѣ. Мнѣ, казачьему офицеру, произведенному въ хорунжіе еще Высочайшимъ приказомъ, прибывшему изъ глухой станицы въ Новочеркасскъ для регистраціи въ Войсковомъ Штабѣ, согласно одного изъ первыхъ приказовъ Краснова, предстояло быть командированнымъ въ самомъ непродолжительномъ времени въ одну изъ фронтовыхъ казачьихъ частей (ведшихъ бои, насколько помню, подъ Царицыномъ).

* * *

Хорошо я поступилъ или плохо, — объ этомъ пусть судятъ другіе. Но съ помощью нѣкоторыхъ связей, не безъ усилій и не безъ перебоевъ въ ходѣ дѣла, я вскорѣ добился отмѣны распоряженія Войскового Штаба и, вмѣсто того, чтобы ѣхать на Царицынскій фронтъ, былъ прикомандированъ къ Отдѣлу Иностранныхъ Дѣлъ, а примѣрно черезъ мѣсяцъ выѣхалъ въ Германію съ порученіемъ по вопросу объ обмѣнѣ военноплѣнными.

Отдѣлъ Иностранныхъ Дѣлъ Всевеликаго Войска Донского, одинъ изъ его отдѣловъ, или, какъ поясняли въ частномъ разговорѣ, Министерствъ Донской республики, былъ учрежденіемъ довольно своеобразнымъ. Въ то время, какъ другіе отдѣлы, Внутреннихъ Дѣлъ, Народнаго Просвѣщенія, Финансовъ и даже Коневодства и Ремонтированія, впослѣдствіи вызывавшій не мало улыбокъ (донцовъ спрашивали: «скажите, а министра овцеводства у васъ нѣтъ?») уже имѣли почву подъ ногами въ видѣ соотвѣтствующихъ органовъ министерствъ прежней Россіи (или, по крайней мѣрѣ, ихъ мѣстныхъ учреж-

деній), Отдѣлу Иностранныхъ Дѣлъ приходилось строиться заново. И постройка эта, естественно, производилась подъ вліяніемъ потребностей минуты. При этомъ дѣла «высокой дипломатіи», — вплоть до пресловутаго письма Императору Вильгельму II, — велъ самъ Атаманъ Красновъ. Отдѣлъ Иностранныхъ Дѣлъ занимался вопросами второстепенной важности. «Всевеликое Войско Донское» имѣло въ то время Атамановъ Зимовыхъ станицъ (т. е., поясняли въ скобкахъ, полномочныхъ посланниковъ) при гетманѣ Скоропадскомъ, при Кубанскомъ Правительствѣ, въ Крыму (относительно послѣдняго не помню точно, былъ ли онъ уже лѣтомъ 1918 года; возможно, что онъ былъ назначенъ нѣсколько позднѣе) и представителя въ Ростовѣ н./Д., при германскомъ штабѣ. Впослѣдствіи, послѣ ухода нѣмцевъ, паденія Скоропадскаго и сосредоточенія всѣхъ дѣлъ съ представителями союзныхъ державъ въ соотвѣтствующихъ учрежденіяхъ Главнаго Командованія, донской Отдѣлъ Иностранныхъ Дѣлъ занимался только двумя видами дѣлъ: перепиской съ консулами и вице-консулами въ Ростовѣ, почему то тамъ пребывавшими и занимавшимися главнымъ образомъ спекуляціей, и перепиской съ своими представителями, уцѣлѣвшими (на Кубани) или вновь учрежденными (на Терекѣ и... при Ставкѣ Главнокомандующаго). Послѣдній курьезъ былъ впрочемъ, въ концѣ концовъ, уже наканунѣ эвакуаціи устраненъ передачей представительства при Ставкѣ въ вѣдѣніе Войскового Штаба. Содержаніе переписки съ консулами исчерпывалось постоянными треніями и дрязгами по поводу немилосердно реквизируемыхъ у иностранныхъ подданныхъ, и, кажется, даже у самихъ консуловъ автомобилей и квартиръ. Содержаніе второй у меня плохо осталось въ памяти. Кажется, это были дѣла военнаго порядка преимущественно, снабженія, товарообмѣна. Помню также смутно привѣтственныя рѣчи, произносившіяся въ засѣданіяхъ Кубанской Рады отъ имени Дона представителемъ на Кубани по разнымъ поводамъ, текстъ которыхъ препровождался имъ въ Отдѣлъ дополнительно. Лучше всего остались въ памяти постоянныя жалобы на задержки въ уплатѣ жалованья, недостаточность окладовъ въ связи съ растущей инфляціей и дороговизной и просьбы о пересмотрѣ штатовъ. Штаты всегда пересматривались. Это былъ одинъ изъ незатихавшихъ вопросовъ. Что же касается иностранныхъ представителей въ Новочеркасскѣ, то, кромѣ сначала германскихъ офицеровъ, а потомъ французскихъ и англійскихъ (съ ними отдѣлъ почти не соприкасался) у меня остался въ памяти только украйнскій консулъ М-о (правительства Скоропадскаго), добродушный и медлительный, часто посѣщавшій Отдѣлъ Иностранныхъ Дѣлъ въ длиннополомъ сюртукѣ съ университетскимъ значкомъ. Послѣ паденія Скоропадскаго онъ продолжалъ считать себя консуломъ и выдавать украинскіе паспорта, чѣмъ навлекъ на себя гнѣвъ Ставки Главнокомандующаго (ибо лица, получившія такіе паспорта, считали себя какъ бы иностранцами, свободными отъ мобилизацій, производимыхъ Главнокомандующимъ). Это обстоятельство вызвало длинную переписку съ нимъ и переговоры. Конецъ былъ тихій и мирный: экс-консулъ поступилъ на службу въ Донской Отдѣлъ Внутреннихъ дѣлъ.

О томъ, насколько всѣ эти дѣла заслуживали названіе иностранныхъ, никто особенно не безпокоился. Служащіе канцеляріи отдѣла часто называли его между собой «Отдѣломъ весьма странныхъ Дѣлъ», но были въ общемъ довольны службой, необременительной канцелярской работой и ничтожными, но все же нѣсколько повышенными сравнительно съ другими учрежденіями окладами. Къ тому же канцелярія Отдѣла долгое время помѣщалась въ Атаманскомъ дворцѣ. А это было даже «шикарно».

Вся эта идиллія, впрочемъ, расцвѣла позднѣе. Лѣтомъ 1918 г. отдѣлъ сохранялъ еще нѣкоторый признакъ иностранности въ виду присутствія нѣмцевъ и необходимости имѣть съ ними дѣла. Однимъ изъ такихъ дѣлъ былъ обмѣнъ военноплѣнными. Съ нимъ мнѣ и пришлось познакомиться на первыхъ порахъ.

* * *

Соглашеніе между Домомъ и германскимъ командованіемъ относительно обмѣна военноплѣнными было заключено очень просто. Нѣмцы по понятнымъ причинамъ торопились собрать своихъ людей, столь необходимыхъ имъ, и съ полной готовностью шли навстрѣчу желанію Донского Атамана вернуть на Донъ казаковъ, находившихся въ германскихъ концентраціонныхъ лагеряхъ. Обмѣнъ долженъ былъ производиться на равныхъ основаніяхъ. Одинъ нѣмецъ на одного русскаго, но, въ то время, какъ нѣмцы не дѣлали никакой разницы между уроженцами отдѣльныхъ частей Германіи, со стороны Донского Атамана, также нуждавшагося прежде всего въ бойцахъ, т. е. казакахъ, была внесена оговорка о возвращеніи въ первую очередь донскихъ казаковъ, затѣмъ казаковъ другихъ войскъ, послѣ нихъ коренныхъ жителей Дона не-казаковъ, и лишь по исчерпаніи послѣднихъ всѣхъ остальныхъ русскихъ.

Никакого письменнаго договора не существовало. Какъ мнѣ впослѣдствіи, въ Кіевѣ, съ большимъ удовлетвореніемъ разсказывалъ германскій капитанъ фонъ Л., заключившій соглашеніе съ германской стороны, оно было дѣломъ нѣсколькихъ минутъ и основывалось только на честномъ словѣ, данномъ взаимно двумя офицерами, русскимъ и германскимъ, т. е. Атаманомъ Красновымъ и имъ, фонъ Л-омъ. На Дону же условія соглашенія были просто объявлены въ приказѣ по Войску.

Однако, именно оговорка, внесенная Атаманомъ, привела на первыхъ же порахъ къ затрудненіямъ въ этомъ дѣлѣ. Съ Дона шли эшелоны съ подлинными нѣмцами, но на Донъ прибывали казаки очень сомнительные, нерѣдко крестьяне Тульской или Рязанской губ. Въ отвѣтъ на жалобы и протесты нѣмцы не безъ основанія указывали, что на мѣстахъ германскіе коменданты лагерей военноплѣнныхъ часто не въ силахъ разобраться среди вполнѣ понятнаго возбужденія, поднимающагося при вѣсти о возвращеніи. Всѣ хотятъ на родину и готовы вернуться подъ любымъ флагомъ. Услышавъ о томъ, что берутъ сначала казаковъ, всѣ стремятся стать казаками и заявляютъ, что они до тѣхъ поръ скрывали свою принадлежность къ этому сословію. Тѣмъ не менѣе, нѣмцы готовы были итти навстрѣчу и

просили прислать компетентное лицо, могущее разобраться въ сомнительныхъ случаяхъ и помочь лагернымъ комендантурамъ.

Такъ случилось, что я, надѣясь хоть на время уйти отъ нашей русской домашней распри, на дѣлѣ до извѣстной степени повезъ ея соръ изъ избы. Но понялъ я это позднѣе, уже въ Германіи. Въ то время ожиданіе новыхъ впечатлѣній, которыя мнѣ сулила эта поѣздка, очень содѣйствовало моему вполнѣ искреннему желанію возможно точнѣй выполнить возложенное на меня порученіе.

* *
*

Я выѣхалъ изъ Новочеркасска 15-го сентября стараго стиля, снабженный соотвѣтствующими удостовѣреніями, какъ отъ своего начальства, такъ и отъ германскаго штаба въ Ростовѣ, и дня черезъ два прибылъ въ Кіевъ. Въ Кіевѣ временъ нѣмцевъ и гетмана Скоропадскаго мнѣ пришлось провести около трехъ недѣль въ ожиданіи разрѣшенія на въѣздъ отъ германскаго военнаго министерства. Вслѣдствіе крайняго переполненія города — всѣ значительныя гостиницы были реквизированы для различныхъ германскихъ учрежденій — и трудности найти помѣщеніе гдѣ бы то ни было, даже въ офицерскихъ общежитіяхъ, я помѣстился временно въ вагонѣ, находившемся въ распоряженіи Атамана Зимовой станицы на Украйнѣ (т. е. донского представителя), генерала Ч. Этотъ вагонъ (какъ сейчасъ помню, вагонъ - микстъ № 126) стоялъ на запасномъ пути противъ городского подъѣзда деревяннаго временнаго вокзала. На этомъ подъѣздѣ красовалась надпись: «Отхід потягів», т. е. отправленіе поѣздовъ. Эти два слова такъ и остались единственными, сохранившимися у меня въ памяти изъ всего богатства тщательно вводимаго новаго украйнскаго языка. Въ Кіевѣ всѣ отлично понимали по-русски и не было никакой надобности обременять свою память.

Германскіе офицеры въ Кіевѣ явно отдыхали. Дѣловой день у нихъ начинался только въ 10 часовъ утра, т. е. съ точки зрѣнія нѣмецкихъ обычаевъ и привычекъ очень поздно. Раньше этого времени ни одинъ ординарецъ не рѣшался докладывать, ссылаясь на то, что « die Herren » либо еще спятъ, либо только пьютъ утренній кофе. Сами офицеры производили впчатлѣніе нѣсколько вялыхъ, заспанныхъ, только что напитавшихся послѣ долгой голодовки людей.

На первыхъ же порахъ въ моемъ дѣлѣ произошла нѣкоторая задержка. Капитана фонъ-Л., заключившаго соглашеніе о военноплѣнныхъ, въ Кіевѣ по какимъ то причинамъ не было. Замѣнявшій его маіоръ М. былъ въ отпуску, и меня просили подождать возвращенія перваго, какъ единственнаго человѣка, хорошо знакомаго съ моимъ дѣломъ. Дня черезъ три, когда я снова посѣтилъ гостиницу Кане, въ которой помѣщалось соотвѣтствующее германское учрежденіе (не помню названія), мнѣ сообщили, что капитанъ фонъ-Л., будучи въ Германіи, заболѣлъ и въ ближайшее время въ Кіевѣ не ожидается. Я просилъ поэтому его замѣстителя (не помню фамиліи) взять на себя запросить Берлинъ о разрѣшеніи на мой въѣздъ, полагая, что тамъ не могутъ не быть освѣдомленными о цѣли моей поѣздки. Это было

мнѣ обѣщано, и недѣли черезъ двѣ я получилъ это разрѣшеніе. Свободное время, которымъ я располагалъ съ избыткомъ въ ожиданіи разрѣшенія, я старался использовать, присматриваясь къ тому, что привезли съ собой нѣмцы. Впрочемъ, меня интересовала главнымъ образомъ просвѣтительная и освѣдомительная работа, которая слѣдовала за ихъ войсками. Въ Кіевъ доставлялись газеты и журналы, на одной изъ улицъ, выходившихъ на Крещатикъ, былъ даже книжный магазинъ. Во всѣхъ германскихъ учрежденіяхъ были развѣшаны плакаты, рекламировавшіе Украйну, въ цифрахъ и таблицахъ говорившіе о ея доходности. Былъ изданъ на нѣмецкомъ языкѣ небольшой путеводитель по Кіеву, очевидно для солдатъ, въ краткой, доступной формѣ разсказывавшій о его достопримѣчательностяхъ. Для просвѣщенія германскихъ офицеровъ въ области русской исторіи былъ командированъ въ Кіевъ профессоръ одного изъ германскихъ университетовъ, спеціалистъ по восточно-европейской исторіи.

Послѣ вторичнаго телеграфнаго запроса изъ Кіева мое долгожданное разрѣшеніе прибыло, и я могъ готовиться къ отъѣзду. Тогда началось хожденіе по разнымъ германскимъ учрежденіямъ за соотвѣтствующими документами. Но это уже было просто. Изъ одного въ другое меня сопровождалъ ординарецъ, который, приходя со мной къ мѣсту назначенія, немедленно, внѣ всякихъ очередей, проходилъ къ нужному столу, передавалъ бумаги и докладывалъ словесно. Мнѣ оставалось только подтвердить сказанное и получить соотвѣтствующее удостовѣреніе (**Ausweis, Passierschein, Personalausweis** и т. п.). Эти ординарцы оставляли прекрасное впечатлѣніе. Спокойно, дѣловито, безъ всякой суеты, но не теряя ни минуты времени, они шли, поясняли, открывали запретныя двери, предварительно постучавъ, пропускали впередъ и, отчетливо щелкнувъ каблуками передъ офицеромъ, докладывали суть дѣла въ простыхъ короткихъ словахъ. Это были не наши солдаты. Это были совсѣмъ, совсѣмъ другіе люди. Съ однимъ изъ нихъ я разговорился по дорогѣ. Онъ сообщилъ мнѣ, что онъ въ Россіи уже около 3 лѣтъ, что онъ былъ въ плѣну, работалъ въ Полтавской губ. и что ему жилось хорошо. („**Ich hab' es gut gehabt**"). Это было тоже просто и ясно.

* *
*

9-го октября стараго стиля я получилъ наконецъ возможность выѣхать въ Германію. Консульская виза на моемъ паспортѣ гласила: „**Dienstreise**" и пропускъ мнѣ былъ данъ только до пограничнаго мѣстечка Скальміерцице (**Skalmiercyze** или въ передѣлкѣ на нѣмецкій ладъ **Skalmierschütz**), въ 8 километр. отъ Калиша, гдѣ я долженъ былъ въ огромномъ концентраціонномъ лагерѣ военноплѣнныхъ начать порученное мнѣ дѣло. На Кіевскомъ вокзалѣ, благодаря содѣйствію коменданта, я получилъ мѣсто въ нѣмецкомъ офицерскомъ вагонѣ и, когда ординарецъ, открывъ дверь одного изъ наиболѣе свободныхъ купэ, произнесъ: „**Mit Genehmigung der Bahnhofkommandantur — ein Ukraine - Offizier!**", пропуская меня, я сразу очутился въ обществѣ нѣмецкихъ офицеровъ. Ихъ было четыре. Всѣ отвѣти-

ли на мое военное привѣтствіе. Одинъ изъ нихъ подвинулся, чтобы дать мнѣ мѣсто, но разговоръ между ними сразу замолкъ.

Какъ онъ начался снова, уже при моемъ участіи, я не помню. Кажется, я кому то изъ спутниковъ предложилъ спички или помогъ передвинуть чемоданъ. Сначала разговоръ не клеился и ограничивался общими фразами о дороговизнѣ жизни въ Кіевѣ. Затѣмъ—это было уже во время хода поѣзда — одинъ изъ нѣмцевъ, какъ бы желая положить предѣлъ этимъ пустякамъ, мечтательно и нѣсколько восторженно произнесъ: **„Schön so etwas Krieg... Aufmarsch im Westen... Champagner...“** Эти слова мнѣ показлись неискренними, какъ бы пущенными для развѣдки, и я поспѣшилъ возразить, что ничего хорошаго въ войнѣ не нахожу и что шампанское, которое онъ пилъ во Франціи во время наступленія, едва ли было лучше того, которое онъ могъ получить въ мирное время въ любомъ нѣмецкомъ ресторанѣ. Мои слова были приняты, какъ я могъ замѣтить тотчасъ же, весьма сочувственно. Какъ выяснилось изъ дальнѣйшаго разговора, мои спутники не были кадровыми германскими офицерами, а лишь скромными «резервными лейтенантами». Разговоръ на общеполитическія темы начался самъ собой легко и непринужденно. Тотъ моментъ, который я среди своего Кіевскаго досуга предвидѣлъ и который я представлялъ себѣ однимъ изъ трудныхъ и сложныхъ, прошелъ легко и совершенно безболѣзненно. Дѣйствительность еще разъ обманула ожиданія, всегда односторонне-громоздкія.

Это было время, когда катастрофическое положеніе на западномъ фронтѣ уже вполнѣ опредѣлилось, время канцлерства принца Макса Баденскаго. Хорошо помню первую страницу **Simplicissimus'a,** который я видѣлъ за нѣсколько дней до отъѣзда изъ Кіева. Широкая спина Гинденбурга, склонившагося надъ картой, а за нимъ толпа бюргеровъ съ перепуганными лицами. Внизу слова Гинденбурга: **„Wir haben die Verantwortung und die Zuversicht“.** Умѣренныя газеты еще дѣлали попытки успокоить и увѣрить, что все благополучно. «Форвертсъ» уже дѣлалъ всѣ выводы и требовалъ отреченія Императора.

— **„Ja, Sie haben aber doch furchtbares erlebt!“** — говорилъ мнѣ часа черезъ два послѣ отхода поѣзда тотъ самый лейтенантъ запаса, который началъ разговоръ, — «этого у насъ никогда не будетъ, у насъ никогда гнѣвъ не обрушится на всю массу офицерства».

— «Наша дипломатія, — вотъ виновникъ войны, наша дипломатія никуда не годилась», — добавлялъ не совсѣмъ кстати военный летчикъ, сидѣвшій противъ меня.

Мнѣ лично всегда было легко и пріятно говорить съ нѣмцами За рѣдкими исключеніями они честно стремятся понять собесѣдника и честно взвѣшиваютъ его аргументы.

Часовъ въ 11 мы устроились на ночь. Утомленный послѣдними днями въ Кіевѣ, я крѣпко заснулъ полулежа.

На слѣдующій день поѣздъ безъ опозданія прибылъ въ Голобы откуда начиналась нѣмецкая, узкая колея и гдѣ была поэтому пересадка. Смутно помню унылую картину подъ осеннимъ небомъ, однообразные деревянные бараки, недодѣланную платформу, около которой остановился поѣздъ, печальныя фигуры нашихъ военноплѣн-

ныхъ, привезенныхъ сюда на работу, необычайно медленно тащившихъ какія то доски...

Черезъ часъ, съ другой стороны платформы подошелъ нѣмецкій поѣздъ, настоящій нѣмецкій D—Zug. Тѣ же вагоны, та же чистота, тотъ же ресторанъ. Ожидавшая публика, среди которой было много мѣстныхъ жителей, не спѣша, безъ шума, безъ давки входила въ вагоны; всѣмъ хватило мѣста; всѣ, очевидно, заранѣе были въ этомъ увѣрены. Послѣ нашей русской вокзальной горячки это мнѣ показалось настоящимъ блаженствомъ. Случайно я оказался снова съ тѣми же спутниками. Разговоръ продолжался, то замолкая, то разгораясь съ новой силой, но ничего существенно новаго мнѣ не далъ. Одно было несомнѣнно. Въ Германіи опредѣленно ждали революціи, опредѣленно разгоралось недовольство, если не соціальными порядками, то соціальными традиціями, въ силу которыхъ такая, напримѣръ, важнѣйшая государственная работа, какъ дипломатическая, была въ рукахъ одной замкнутой касты.

Нашъ разговоръ былъ прерванъ самымъ неожиданнымъ образомъ. На одной изъ промежуточныхъ станцій въ наше купэ вошелъ высокаго роста оберъ-лейтенантъ. Появленіе новаго лица, естественно прервало разговоръ и вотъ, когда онъ, занявъ единственное свободное въ отдѣленіи мѣсто, щелкнулъ небольшимъ серебрянымъ «цигареттенэтюи» и закурилъ папиросу, я попытался, обращаясь къ своему собесѣднику, докончить прерванную мысль. Но онъ такъ выразительно указалъ мнѣ глазами на только что вошедшаго, что я сразу замолкъ и сталъ наблюдать. Это былъ офицеръ совершенно иного типа. Онъ былъ элегантно одѣтъ, гораздо лучше моихъ прежнихъ спутниковъ, въ чертахъ его лица невольно чувствовалась порода, въ манерахъ много претензіи и позы. Позднѣе онъ самъ заговорилъ. Онъ говорилъ нехотя, свысока и исключительно о погодѣ въ разныхъ мѣстахъ, гдѣ ему приходилось бывать съ полкомъ, и въ разное время года. Мои спутники отвѣчали ему почтительно. На меня онъ не обращалъ никакого вниманія, какъ будто меня не существовало, какъ будто шестое мѣсто въ купэ было пусто.

Вечеромъ въ Варшавѣ у меня была новая пересадка. Ждать поѣзда пришлось около 5 часовъ. Я провелъ ихъ въ устроенномъ на нѣмецкій ладъ съ нѣмецкой прислугой ресторанѣ I-го и II-го класса, въ послѣдній разъ поужинавъ (до возвращенія изъ Германіи) съ хлѣбомъ, поданнымъ безпрепятственно, безъ предъявленія хлѣбныхъ карточекъ. Около 4—5 часовъ утра мнѣ съ трудомъ удалось найти мѣсто въ офицерскомъ вагонѣ переполненнаго до отказа Urlauber-Zug'a съ которымъ я прибылъ 2-го октября (ст. ст.) въ Скальміерцице. Отойдя немного отъ Калиша, поѣздъ почему то замедлилъ ходъ и остановился чуть ли не среди поля. И вотъ внезапно съ обѣихъ сторонъ поѣзда появляются торговки съѣстнымъ, главнымъ образомъ хлѣбами,—женщины и дѣти,—и все населеніе поѣзда наперерывъ спѣшитъ сдѣлать послѣднее пополненіе увозимыхъ на родину запасовъ продовольствія Послѣдній привѣтъ Россіи, хотя и давно занятой нѣмцами! Черезъ нѣсколько минутъ поѣздъ остановился у

платформы съ длиннымъ кирпичнымъ зданіемъ. Я былъ въ Германіи.

II

ГЕРМАНІЯ ПОСЛѢДНИХЪ НЕДѢЛЬ ДО ПЕРЕВОРОТА.

Въ дни моей юности, до войны, я бывалъ въ Германіи нѣсколько разъ, и не одно превосходно проведенное лѣто у меня было связано съ ней. Но я не имѣлъ никакого опыта въ веденіи какихъ бы то ни было офиціальныхъ переговоровъ ни съ нѣмцами, ни съ иностранцами вообще, а такіе переговоры связаны съ особенностями, свойственными только имъ, которые послѣ только что пережитой войны тѣмъ рѣзче должны были сказаться, поскольку всякая, даже самая ничтожная миссія международнаго характера неизбѣжно связана съ чрезвычайно напрягающимъ нервы сознаніемъ представительства своей національности, — если не своего государства. Я былъ увѣренъ, что путь къ какимъ бы то ни было достиженіямъ въ этой области для русскаго лежитъ черезъ возможно полное усвоеніе западно-европейскихъ формъ, что успѣшное рѣшеніе всякой задачи этого порядка въ значительной степени зависитъ отъ умѣнья русскаго уполномоченнаго пользоваться ихъ-же, западнымъ методомъ общенія, споровъ и борьбы, но я даже не ставилъ себѣ вопроса, насколько я самъ усвоилъ эти формы и методы вообще и насколько я сумѣю ихъ использовать въ данномъ случаѣ. Еще менѣе я былъ склоненъ подвергать критикѣ свою увѣренность въ неизмѣнной непогрѣшимости этого пути. Во всѣхъ сомнительныхъ и трудныхъ для меня почему либо случаяхъ я поступалъ довольно безотчетно и непосредственно, такъ, какъ мнѣ подсказывалъ внутренній голосъ. Конечно, я дѣлалъ при этомъ не мало ошибокъ. Смѣю думать, однако, что всѣ онѣ не принесли никакого вреда ни одному русскому военноплѣнному и что если кто нибудь отъ нихъ страдалъ, то только я самъ, вспоминая о нихъ впослѣдствіи.

* * *

Заявивъ о себѣ коменданту станціи, я отправился, по указанію послѣдняго, въ комендантуру лагеря, которая находилась въ самомъ мѣстечкѣ Скальміерцице. Тамъ мнѣ сказали, что коменданту будетъ доложено, но что я, вѣроятно, не раньше вечера буду поставленъ въ извѣстность о его распоряженіи относительно пропуска моего въ лагерь, такъ какъ необходимо, чтобы прибылъ офицеръ, говорящій по-русски, который долженъ будетъ присутствовать при моихъ разговорахъ съ русскими военноплѣнными. Цѣлый день у меня былъ такимъ образомъ свободенъ, и я позаботился прежде всего о томъ, чтобы найти пристанище. Это было, какъ и прежде въ Германіи, очень просто. Тотъ же чиновникъ комендантуры направилъ меня въ одну изъ двухъ гостиницъ Скальміерцице, предупредивъ предварительно хозяйку по телефону, и я немедленно получилъ просторную комнату. Заполнивъ опросный листъ (для „Anmeldung“, ибо, пояс-

нила хозяйка, „die Polizei ist streng“) я могъ подумать и объ обѣдѣ. Онъ былъ очень простъ: „Ein Essen, ein Bier“. Никакого выбора. Безъ хлѣба. Хлѣбъ только по предъявленіи хлѣбныхъ марокъ («Brotmarken»). Часовъ въ 8 вечера въ мою дверь постучали. Вошелъ небольшого роста нѣмецкій солдатъ, очень молодой, съ интеллигентнымъ лицомъ. Отчетливо вытянувшись, онъ доложилъ, что, по распоряженію «графа» (комендантъ лагеря имѣлъ этотъ титулъ), завтра утромъ въ 8 часовъ сюда будетъ поданъ экипажъ, который меня доставитъ въ лагерь. Повидимому, меня и мою миссію переоцѣнивали. Но какъ бы то ни было, я поблагодарилъ и просилъ передать, что буду готовъ.

Зная нѣмецкую точность, я на слѣдующее утро въ 7½ час. сошелъ внизъ, въ столовую и заказалъ завтракъ. Онъ состоялъ изъ 2—3 чашекъ какого то суррогатнаго кофе, безъ молока, безъ хлѣба и сахара, съ нѣсколькими чайными ложками полусладкаго варенья, поданнаго на особомъ блюдцѣ довольно торжественно. Въ столовой было еще пусто. Только въ одномъ углу сидѣлъ германскій офицеръ за такимъ же, примѣрно, завтракомъ, какой получилъ и я. Войдя, я его издали привѣтствовалъ, какъ подобаетъ военнымъ людямъ, и сѣлъ за другой столикъ. Послѣ завтрака я провѣрилъ часы. Было безъ 5 минутъ 8, потомъ безъ 3, безъ 2, безъ 1 минуты. Я началъ радоваться въ душѣ: хоть на минуту-другую, а опоздаютъ. Но мое злорадство было немедленно наказано. Въ тотъ самый моментъ, когда я, слѣдя за стрѣлкой, готовъ былъ констатировать опозданіе, раздался легкій шумъ на улицѣ и передъ подъѣздомъ гостиницы остановилась коляска, запряженная парой лошадей, управляемыхъ солдатомъ. Изъ нея вышелъ пожилой, довольно полный офицеръ. Онъ прибылъ съ точностью не до минуты, а до секунды, т. е. до ужаса точно, до отчаянія точно... Немедленно сидѣвшій въ столовой офицеръ всталъ и, проходя мимо меня, на довольно чистомъ русскомъ языкѣ, пригласилъ меня отправиться съ нимъ. Какъ оказалось, за мной пріѣхалъ самъ комендантъ, полковникъ и графъ. Все это явно не соотвѣтствовало ни моему чину, ни важности моего порученія, было мнѣ непонятно и нѣсколько волновало. Впослѣдствіи мнѣ стало ясно, что комендантуры лагерей на мѣстахъ, будучи естественно очень смутно освѣдомлены о положеніи дѣлъ въ Россіи, несмотря на распоряженія и разъясненія изъ военнаго министерства, а, можетъ быть, какъ разъ вслѣдствіе ихъ, не такъ легко готовы были повѣрить, что моя задача исчерпывается «вылавливаніемъ» казаковъ. Имъ въ сущности было мало понятно, почему однимъ русскимъ военноплѣннымъ, ничѣмъ, казалось бы, не отличающимся отъ другихъ, оказывается предпочтеніе, не на основаніи такихъ общепонятныхъ признаковъ, какъ давность пребыванія въ плѣну, раненія, семейное положеніе или чинъ, а на основаніи такого безразличнаго съ ихъ точки зрѣнія признака, какъ происхожденіе изъ опредѣленной мѣстности Россіи. Слово казакъ, повидимому, давно, а, можетъ быть, и вообще не производило того впечатлѣнія, которое нерѣдко пытались изображать въ нашихъ газетахъ, особенно въ началѣ войны. Естественно поэтому, что мое прибытіе сопоставляли съ такими, напримѣръ, вы-

сокими посѣщеніями, какъ г-жи Самсоновой, о горячемъ патріотизмѣ которой отзывались съ большой похвалой, предлагали мнѣ пробовать пищу военноплѣнныхъ, заводили рѣчь о томъ, что теперь къ нашимъ военноплѣннымъ отношеніе настолько хорошее, что имъ собственно живется лучше, чѣмъ бѣднымъ нѣмцамъ и т. п. Послѣднее мнѣ приходилось слышать и отъ начальства лагерей, и отъ военныхъ, и отъ случайныхъ собесѣдниковъ, и даже отъ чиновника „Deutsche Bank“ въ Берлинѣ, мѣнявшаго мнѣ 1000 рублевую «керенку» на германскія марки. Насколько это было вѣрно, не берусь судить. Наши военноплѣнные говорили, конечно, обратное.

По дорогѣ я доложилъ коменданту еще разъ, уже непосредственно, въ чемъ заключается мое дѣло, и узналъ отъ него, что партія въ 120 казаковъ, недавно прибывшихъ изъ внутреннихъ лагерей Германіи, уже составлена и должна быть отправлена въ теченіе ближайшихъ дней на Донъ. Мнѣ предстояло провѣрить этихъ казаковъ съ точки зрѣнія ихъ подлинности въ присутствіи коменданта и офицера, говорившаго по-русски, капитана Л., ѣхавшаго съ нами. Это было очень просто, такъ какъ люди не знали, для чего производится опросъ и, слѣдовательно, не имѣли основанія лгать; но торжественность, которой это простое дѣло обставлялось, меня нѣсколько смущала. Мы проѣхали проволочныя загражденія и оставили экипажъ; казаки были построены черезъ нѣсколько минутъ, и путемъ личнаго опроса я выяснилъ, что среди нихъ только 12 человѣкъ солдатъ, хотя и уроженцевъ Дона, но не природныхъ казаковъ, а такъ наз. иногороднихъ. По смыслу моей инструкціи я долженъ былъ настаивать передъ начальствомъ лагеря о замѣнѣ этихъ 12 человѣкъ, измученныхъ, истосковавшихся и уже готовыхъ къ отъѣзду на родину, казаками, которыхъ еще не было въ Скальміерцице. Но слишкомъ явно нелѣпой была бы подобная настойчивость, которая задержала бы отправку всего эшелона еще на неопредѣленное время, слишкомъ жестокой по отношенію къ этимъ 12, «оставляемымъ» въ самый послѣдній моментъ, слишкомъ большой технической помѣхой въ дѣлѣ отправки на родину вообще, чтобы я могъ не согласиться тотчасъ же съ доводами нѣмцевъ. Я никогда не умѣлъ и не умѣю бороться противъ логики, даже въ своихъ собственныхъ интересахъ, даже по приказанію начальства. Я ограничился указаніемъ, что, оставаясь въ Скальміерцице и занимаясь провѣркой уже готовыхъ къ отправкѣ составовъ эшелоновъ, я, очевидно, каждый разъ буду стоять передъ уже совершившимся фактомъ и лишенъ буду возможности вообще что либо сдѣлать съ точки зрѣнія смысла моего порученія. Мнѣ отвѣтили, что объ этомъ подумаютъ. Затѣмъ мы прошли къ офицерскому бараку. Того, что я пережилъ, подходя вмѣстѣ съ германскимъ начальствомъ къ выстроившимся въ одну шеренгу на подобіе нижнихъ чиновъ русскимъ офицерамъ съ генералъ-маіоромъ (кстати, донскимъ) на правомъ флангѣ, я никогда не забуду... Но трудно передать эту странную и мучительную смѣсь чувства обиды за Россію и сознанія своего въ данную минуту положенія к а к ъ - б ы на сторонѣ нѣмцевъ... Потомъ я немедленно представился генералу, сообщилъ ему, что по соглашенію съ нѣмцами атамана Краснова, гене-

ралы должны быть отправлены въ первую очередь, что онъ, собственно уже долженъ бы былъ быть на Дону (тоже самое я повторилъ коменданту и капитану Л.), былъ въ офицерскомъ баракѣ, говорилъ съ офицерами, читалъ имъ приказъ по Войску атамана. Капитанъ Л. имѣлъ деликатность оставить насъ и не присутствовать при нашемъ разговорѣ. Само собой понятно, предпочтеніе казакамъ, которое я привезъ, вызвало цѣлую бурю среди офицеровъ не-казаковъ, которыхъ было большинство... Что я могъ сдѣлать?.. Только одно: **laisser passer, laisser faire** такъ, какъ было налажено нѣмцами. Затѣмъ я опять говорилъ съ комендантомъ на перекресткѣ чистенькихъ, усыпанныхъ пескомъ дорогъ расположенія лагеря. Его тонъ сталъ менѣе офиціальнымъ. Онъ сказалъ нѣсколько любезныхъ словъ, поговорилъ о тяжеломъ положеніи Германіи и простился. Мы съ капитаномъ Л. вернулись пѣшкомъ въ Скальміерцице... Таковъ былъ мой дебютъ, оставившій не мало горькаго осадка.

Вечеромъ того же дня, въ столовой гостиницы въ то время, когда я сидѣлъ за «одной ѣдой и однимъ пивомъ», уже не безъ удовольствія поглощая первую, состоявшую главнымъ образомъ изъ капусты, ко мнѣ подошелъ столь отчетливо рапортовавшій наканунѣ ординарецъ и попросилъ разрѣшенія сѣсть за мой столъ. Мы немедленно разговорились. Это былъ почти юноша, со среднимъ образованіемъ, тяжело раненый на Западномъ Германскомъ фронтѣ въ 15 или 16 году, и нынѣ исполняющій какую то канцелярскую работу въ комендантурѣ. Въ этотъ вечеръ я впервые почувствовалъ, съ какимъ ожиданіемъ и какою вѣрою нѣкоторая часть Германіи смотритъ на Востокъ (не на юго-востокъ, а на сѣверо-востокъ), какъ она ждетъ новаго избавительнаго слова оттуда и какъ она жаждетъ мира...

Черезъ два дня комендантура увѣдомила меня, что согласно телеграммы изъ Берлина меня просятъ прибыть туда въ **Unterkunfts-Kriegsdepartement** Военнаго Министерства для переговоровъ. На слѣдующій день утромъ я долженъ былъ выѣхать и по дорогѣ встрѣтиться съ капитаномъ Л. Послѣдняго однако не случилось. Вслѣдствіе разсѣянности я во время пересадки въ Острово попалъ не на тотъ поѣздъ и поѣхалъ въ Берлинъ инымъ путемъ. Замѣтивъ ошибку, я тотчасъ же заявилъ объ этомъ коменданту одной изъ узловыхъ станцій (кажется, это была Лисса), но возстановить потерянное согласованіе уже не оказалось возможнымъ и я съ его согласія просто отправился дальше кратчайшимъ путемъ. Только въ Саганѣ, уже около 12 часовъ ночи я попалъ на прямой поѣздъ на Берлинъ. Такъ какъ я проѣхалъ въ формѣ и при оружіи, я естественно возбуждалъ любопытство многочисленныхъ спутниковъ. Сначала они присматривались, потомъ, найдя какой нибудь ничтожный поводъ, пытались заговорить. Я старался быть возможно любезнѣй, говорилъ много и охотно. Черезъ ½ часа разговоръ обыкновенно шелъ уже оживленный. О пораженіи Германіи, тяжеломъ положеніи населенія и близости переворота говорили совершенно откровенно и, какъ я могъ замѣтить, чѣмъ ближе къ Берлину, тѣмъ легче и свободнѣй. Отношеніе ко мнѣ, которое я невольно сразу чувствовалъ, со стороны моихъ спутни-

ковъ, уже тогда, а еще болѣе впослѣдствіи, было собственно двоякое. Либо преобладала еще неизжитая вражда къ Россіи—такіе собесѣдники были мало разговорчивы, вставляли только короткія замѣчанія или вопросы, въ которыхъ чувствовались холодъ, враждебность, обида за свою родину. Среди собесѣдниковъ этой группы преобладали женщины. Либо — не было и тѣни вражды къ Россіи одна жажда мира, ожиданіе «свѣта съ Востока». Изъ такихъ собесѣдниковъ у меня особенно остался въ памяти одинъ сельскій хозяинъ, просившій меня взять его съ собой въ Россію, и одна дама, послѣ долгаго молчанія рѣшившаяся обратиться съ вопросомъ: „Herr Rittmeister, was sind eigentlich Bolschewiken?" — Bolschewiken sind die radikalsten Sozialdemokraten, gnädige Frau", — пояснилъ я довольно неопредѣленно. Вопросъ былъ заданъ съ такой великолѣпной непосредственностью, что мнѣ не хочется пройти мимо, не указавъ на него. — Дорожная усталость взяла свое и я заснулъ среди разговора. Меня разбудилъ рѣзкій свѣтъ въ глаза. Поѣздъ стоялъ на одномъ изъ вокзаловъ Берлинской городской жел. дороги. Утренній холодокъ, легкая дрожь отъ недоспанной ночи, въ сѣромъ разсвѣтѣ знакомые силуэты собора, музеевъ... Наконецъ, вокзалъ Фридрихштрассе. Откуда это странное волненіе? Неужели это тотъ самый Берлинъ?

Ровно въ 10 часовъ утра того же дня, — это было 16 (29) октября, — я явился въ департаментъ Военнаго Министерства, какъ и было условлено еще въ Скальміерцице. Меня принялъ капитанъ фонъ Ш. чрезвычайно любезно и предупредительно. Онъ предложилъ немедленно устроить небольшое собесѣдованіе по моему дѣлу. Вскорѣ прибылъ и капитанъ Л., съ которымъ мы встрѣтились такимъ образомъ на сутки позже, а также еще два или три офицера департамента. О провѣркѣ всѣхъ русскихъ военноплѣнныхъ во всѣхъ внутреннихъ лагеряхъ Германіи путемъ личнаго опроса, естественно, не могло быть и рѣчи. Оставалось только одно: просмотръ на мѣстахъ, въ комендантурахъ карточныхъ каталоговъ и опросъ только въ тѣхъ случаяхъ, которые возбудили бы сомнѣнія, какъ симуляціей «казачества», такъ и обратнаго. Но и эта работа представлялась чрезвычайно громоздкой: лагерей было много, они были разбросаны по всей Германіи, подчинены непосредственно командованію отдѣльныхъ корпусовъ («замѣстительному», „des stellvertretenden Kommandos"), карточные каталоги безконечны. Министерство готово было итти навстрѣчу, какъ могло. Мнѣ предложили начать объѣздъ съ лагерей, расположенныхъ въ предѣлахъ III армейскаго корпуса, ближайшихъ къ Берлину, обѣщали предупредить комендантовъ, дать мнѣ спутника офицера, свободный проѣздъ по желѣзнымъ дорогамъ и вообще всякую необходимую и возможную помощь. Капитанъ Л., говорившій по-русски, долженъ былъ вернуться къ мѣсту своей службы въ тотъ же день. Въ дальнѣйшемъ такую мѣру признали излишней и меня сопровождали, смѣняя другъ друга, различные офицеры, по русски не говорившіе. Не буду описывать подробно своей работы въ тѣхъ 5 лагеряхъ (Коттбусъ, Губенъ, Кроссенъ, Франкфуртъ н. О., Бранденбургъ), въ котороыхъ я успѣлъ побы-

вать. Вездѣ было примѣрно одно и тоже: отличный порядокъ и освѣдомленность и... полная безнадежность найти какіе либо слѣды «казачества» въ безконечномъ однообразіи мелькавшихъ карточекъ. Въ лучшемъ случаѣ я нашелъ 4—5 казаковъ, въ двухъ лагеряхъ я не могъ обнаружить ни одного. Въ слѣдующую группу лагерей (гвардейскаго корпуса) я уже не попалъ. Событія въ Германіи помѣшали дальнѣйшему осуществленію плана и, тщетно прождавъ еще нѣкоторое время, я уѣхалъ обратно, получивъ отъ департамента Министерства письмо на Донъ, въ которомъ оно, ссылаясь на измѣнившіяся обстоятельства, сообщало о невозможности въ будущемъ составлять и отправлять спеціально казачьи эшелоны военноплѣнныхъ. Не въ этомъ, думается мнѣ, интересъ и цѣнность моихъ воспоминаній, — если онѣ вообще имѣютъ какой либо интересъ и какую либо цѣнность, — а именно въ томъ, что въ мою задачу собственно не входило, что я видѣлъ и слышалъ попутно, между прочимъ во время своихъ поѣздокъ. Смѣю думать, что я былъ однимъ изъ первыхъ русскихъ, посѣтившихъ Германію послѣ войны. Быть можетъ, кое что изъ того, что я могъ наблюдать, и заслуживаетъ сохраненія болѣе прочнаго, чѣмъ это возможно въ моей памяти.

* * *

«Стало тихо у насъ въ Берлинѣ, не правда-ли?» — спрашивалъ меня на прощанье капитанъ фонъ Ш. Тишина на улицахъ города въ эти дни дѣйствительно, могла бы поразить всякаго, кто бывалъ здѣсь раньше. Но не тишина сама по себѣ останавливала мое вниманіе. Вездѣ чувствовалась какая то мрачная готовность, увѣренность, что сдѣлано все, что только было возможно, что всякій нѣмецъ на своемъ посту претерпѣлъ до конца. **„Wir sind geschlagen, — das muss gesagt werden“. „Nun ist es aus!“ „Nun geht es los!“.** Подобныя фразы мнѣ часто приходилось слышать и въ ресторанахъ, и на улицахъ. Нужно было только немного прислушаться, чтобы уловить ихъ за прежними военными формулами, которыя еще сохранялись, все болѣе и болѣе пустѣя и переживая себя.

И другое было замѣтно всюду, на каждомъ шагу: острая нужда въ самомъ необходимомъ, особенно въ продовольствіи. Также чисты были «винные рестораны» **(Weinrestaurants),** также прямо стояли и ходили кельнеры во фракахъ, подавая за столами, накрытыми бѣлыми скатертями изъ тонкой шуршащей бумаги обѣды изъ 4-хъ блюдъ за 12 марокъ (ок. 12 рублей по курсу) и выше. Но для того, чтобы получить **„eine Scheibe Brot“** (50 граммъ), надо было дать хлѣбную марку; если въ меню входило мясное, говяжье блюдо, нужно было за него отдать соотвѣтствующее количество мясныхъ марокъ. Рыба отпускалась свободно, но порціи были малы, и она въ меню часто замѣнялась жареными устрицами съ капустой или чѣмъ нибудь подобнымъ. Изъ мясныхъ же блюдъ, отпускавшихся безъ марокъ особенно въ ходу были заяцъ, кроликъ и голубь. Сравнительно легко можно было получить безъ марокъ 2—3 вареныхъ картофеля къ мясному блюду, за небольшую прибавку къ чаевымъ прислугѣ. Подпольная торговля, впрочемъ, несомнѣнно существовала.

Въ одномъ изъ хорошихъ ресторановъ Берлина «оберъ» предложилъ мнѣ однажды вмѣсто кролика говяжье блюдо, которое потомъ, въ счетъ вошло подъ именемъ тортелетокъ и за которое я уплатилъ 9 марокъ, но не предъявивъ мясныхъ марокъ. Внѣ Берлина со мной также бывали подобные случаи. Такая же картина была и въ пивныхъ ресторанахъ (Bierrestaurant). Но въ нихъ преобладали кельнерши, чего я прежде въ Берлинѣ не наблюдалъ, не улыбающіяся и развязныя, какъ когда то въ Мюнхенѣ, а сосредоточенныя и серьезныя. Въ Берлинѣ вообще перестали улыбаться. Только ночныя женщины, забѣгая впередъ и внезапно обгоняя на пустынныхъ улицахъ въ глухой часъ ночи, пытались изобразить легкую и веселую жизнь. Ихъ улыбки производили жуткое впечатлѣніе среди тишины и гулкихъ шаговъ рѣдкихъ прохожихъ.

Яицъ и молока не было видно совсѣмъ. Въ самыхъ лучшихъ кафе на Унтеръ-денъ-Линденъ къ суррогатному кофе давали, правда, примѣрно двѣ чайныхъ ложки молока, но такого жидкаго и такого блѣднаго, что оно «кофе» не окрашивало. Это было „fein“. Процвѣталъ сахаринъ, но особой любовью не пользовался. Пока я ѣздилъ по лагерямъ, дѣло моего собственнаго пропитанія было легко. Меня приглашали всюду въ офицерскія казино (собранія), гдѣ было и дешево, и гораздо сытнѣе. Въ Берлинѣ мнѣ вскорѣ пришлось искать пропитанія внѣ ресторановъ. И въ эти дни я отправлялся въ гастрономическій магазинъ Кемпинскаго на Фридрихштрассе, гдѣ все таки могъ получить ¼ кило „Jägerwurst“ и столько же импортированнаго изъ Польши „Honnigkuchen“, чего то пряникообразнаго, но состоявшаго хоть на половину изъ настоящей муки.

Не лучше было и съ одеждой, и съ обувью. У Вертгейма мнѣ могли предложить безъ „Bezugschein'a“ только Gummimantel или шубу. Gummimantel стоилъ 350 марокъ, шуба 1½ тысячи марокъ. Я остановился на первомъ. Онъ былъ мнѣ необходимъ для штатскаго костюма, которымъ я скоро сталъ пользоваться, отправляясь не по дѣламъ службы. Ни одного воротничка, ни одного носового платка нельзя было купить безъ разрѣшенія. Свободна была только продажа шелковаго бѣлья, очень дорогого. Еще хуже дѣло обстояло съ обувью. Тутъ соблюдалась какая то сложная очередь съ выдачей «бецугшейновъ». Рекламировались, правда «эрзацы» по 35 марокъ пара, но пріобрѣсти такихъ ботинокъ я не рѣшился и не могу судить поэтому объ ихъ достоинствахъ.

* * *

Зато вина и вообще спиртныхъ напитковъ было сколько угодно. Ими усердно угощали въ офицерскихъ собраніяхъ. Не мало пили и сами нѣмецкіе офицеры. Несмотря на большую ихъ выдержку въ этомъ дѣлѣ, которой я не могу не отмѣтить, нѣкоторые все таки распускались подъ вліяніемъ вина и говорили лишнее, чего мнѣ, гостю и недавнему врагу, конечно, слышать не слѣдовало бы, какъ бы оно ни было незначительно по содержанію (взаимныя сплетни). Я имѣлъ возможность наблюдать ихъ во время всѣхъ этихъ завтраковъ, объ-

довъ и ужиновъ (двухъ, къ сожалѣнію, съ добавленіемъ слишкомъ обильнаго количества вина и коньяку) внѣ служебныхъ дѣлъ.

Особенно мнѣ памятенъ вечеръ въ Коттбусѣ, начавшійся въ одномъ изъ ресторановъ города, и продолжавшійся послѣ его закрытія вслѣдствіе приближенія полицейскаго часа въ частной квартирѣ г-на Э., богатаго мѣстнаго текстильнаго фабриканта. Въ тотъ вечеръ было выпито очень много, и необходимость соблюдать въ этомъ дѣлѣ военную дисциплину, какъ и всегда въ такихъ случаяхъ, была мнѣ тяжела. Къ любезному фабриканту мы прибыли вмѣстѣ съ хозяиномъ уже поздно, часовъ въ 11 вечера, послѣ многихъ рюмокъ вина. Тѣмъ не менѣе, насъ встрѣтила его дочь, какъ хозяйка, чтобы сказать нѣсколько любезныхъ словъ и затѣмъ оставить мужскую компанію въ столовой за новыми бутылками вина и коньяку, высокихъ качествъ которыхъ я уже не могъ оцѣнить вслѣдствіе притупленности вкуса отъ предыдущихъ. Вечеръ прошелъ вполнѣ дружественно и непринужденно. Больше всего говорилъ хозяинъ, упоминалъ о завѣтѣ Бисмарка не вести войны съ Россіей и о многомъ другомъ подобномъ и подходящемъ къ случаю. Офицеры увѣряли меня, что какъ Германія, такъ и Россія никогда не смогутъ просуществовать безъ царя („ohne Kaiser"), а въ заключеніе, когда мы уже собирались откланяться, что-то часа въ 2 ночи, любезный хозяинъ указалъ на четверостишіе, выжженое на деревѣ и висѣвшее у него въ прекрасно обставленной столовой:

„Wenn über eine dumme Sache
Nun einmal Gras gewachsen ist, —
Kommt sicher ein Kamel gelaufen,
Das alles wieder 'runter frisst".

каковое и было безъ всякихъ затрудненій (по пьяному дѣлу) принято за формулу вѣчнаго мира между Россіей и Германіей... И только мимолетный взглядъ дочери фабриканта, котораго я не могъ не уловить, несмотря на выпитое вино, мелькнувшій и потухшій, какой то холодокъ, нѣмой укоръ представителю воевавшей съ ея родиной страны прочно остался у меня въ памяти: въ красотѣ этого непосредственнаго порыва во всякомъ случаѣ нельзя было сомнѣваться.

Упомяну еще объ обѣдѣ въ офицерскомъ собраніи лагеря Кроссенъ. Несмотря на большой тактъ и выдержку сопровождавшаго меня оберъ-лейтенанта Кл., которыхъ я не могъ не оцѣнить, атмосфера за этимъ торжественнымъ овальнымъ столомъ была въ высокой степени напряженная. Здѣсь война въ душахъ людей не была изжита нисколько, разговоръ шелъ съ большими перебоями и съ трудомъ поддерживался. Я чувствовалъ, что всѣ глаза слѣдятъ остро и внимательно за каждымъ моимъ движеніемъ, взвѣшиваютъ всесторонне каждое мое слово, a priori взявъ подъ подозрѣніе его искренность. Но я твердо рѣшилъ не пугаться и не сдаваться и вести свою линію до конца, стараясь обходить слишкомъ рискованныя мѣста, какъ будто нарочно выдвигавшіяся въ разговорѣ хозяевами. Къ сожалѣнію, подробностей разговора въ моей памяти не сохрани-

лось, такъ какъ самый обѣдъ къ моему большому облегченію продолжался ровно столько, сколько нужно было для принятія пищи, и вина было выпито очень мало. Едва окончивъ обѣдъ, мы съ оберълейтн. Кл. просили разрѣшенія встать, поблагодарили, простились съ хозяевами и, расчитавшись уже по дорогѣ въ переднюю съ ординарцемъ за обѣдъ, отправились на вокзалъ, такъ какъ спѣшили на поѣздъ и каждая минута была дорога. По пути на вокзалъ мой спутникъ слегка неодобрительно отозвался объ этой «слишкомъ офиціальной» обстановкѣ, при которой прошелъ обѣдъ...

Но изъ всѣхъ германскихъ генераловъ и офицеровъ, которымъ мнѣ приходилось представляться, съ которыми я сидѣлъ за однимъ столомъ въ собраніяхъ или просто разговаривалъ, наибольшее впечатлѣніе производили на меня не молодежь, обыкновенно состоявшая не изъ кадровыхъ офицероввъ, а пожилыя морщинистыя лица, часто бритыя, генераловъ и штабъ-офицеровъ. Нѣкоторыя изъ нихъ такъ живо напоминали мнѣ портреты и памятники стараго Мольтке, что казались, несмотря на все индивидуальное несходство чертъ лица, живыми воплощеніями его духа...

* * *

25 октября (7 ноября) я снова прибылъ въ Берлинъ, былъ въ Военномъ Министерствѣ и докладывалъ о мало утѣшительныхъ результатахъ моей поѣздки по лагерямъ III армейскаго корпуса. Однако, представлялось желательнымъ посѣтить еще по крайней мѣрѣ лагери гвардейскаго корпуса (Деберицъ и др.), такъ какъ у меня были свѣдѣнія отъ русскихъ военноплѣнныхъ въ Скальміерцице, что въ этихъ лагеряхъ не мало казаковъ. На слѣдующій день я долженъ былъ выѣхать вмѣстѣ съ офицеромъ изъ Деберица, который ожидался утромъ и съ которымъ я долженъ былъ встрѣтиться въ отелѣ. У меня былъ свободный вечеръ, и я рѣшилъ побывать въ оперѣ, въ тотъ вечеръ еще Королевской, на «Саломеѣ» Рихарда Штрауса, которая въ Россіи никогда не ставилась вслѣдствіе запрета духовной цензуры. Впечатлѣнія отъ музыки, игры артистовъ и постановки превзошли мои ожиданія и останутся для меня навсегда однимъ изъ лучшихъ театральныхъ воспоминаній.

III.

«9 НОЯБРЯ» И ОБРАТНЫЙ ПУТЬ.

Будучи въ Германіи, я старался слѣдить за политическими событіями и по возможности ежедневно покупалъ и читалъ нѣмецкія газеты. Этотъ матеріалъ я привезъ съ собой въ Новочеркасскъ и хранилъ его. Впослѣдствіи, во время эвакуаціи и путешествія, отчасти на подводахъ, отчасти пѣшкомъ, по Кубани мнѣ его пришлось бросить. Думаю, однако, что жалѣть о его пропажѣ не приходится: событія тѣхъ дней извѣстны хорошо; пытаться излагать ихъ на осно-

ваніи этого, конечно, совершенно недостаточнаго матеріала было бы и отступленіемъ отъ моей прямой задачи, и просто излишнимъ.

Свѣдѣнія объ образованіи совѣтовъ рабочихъ и солдатъ („Arbeiter- u. Soldatenräte“) упорно не сходили со столбцовъ газетъ, такъ же, какъ и вопросъ объ отреченіи Императора. Но мнѣ все же не вѣрилось въ близость и возможность «большевистскаго» переворота въ Германіи, тѣмъ болѣе, что большевистское «посольство» на Унтеръ-денъ-Линденъ какъ разъ незадолго передъ тѣмъ было выслано изъ Германіи послѣ того, какъ обнаружилось, что «дипломатическіе курьеры» его просто занимаются доставкой агитаціонной литературы. 26 октября (8 ноября) мнѣ пришлось убѣдиться, что и Берлинъ, остававшійся до той поры какъ то въ сторонѣ отъ начинавшихся въ портовыхъ городахъ и на югѣ, въ Баваріи, волненій, будетъ неминуемо ими захваченъ.

Въ этотъ день я долженъ былъ выѣхать въ Деберицъ и другіе лагери, подчиненные инспекціи гвардейскаго корпуса, вмѣстѣ съ офицеромъ, съ которымъ я долженъ былъ встрѣтиться утромъ въ вестибюлѣ гостиницы. Однако, въ назначенный часъ и въ условленномъ мѣстѣ его не оказалось. Прождавъ минутъ 15, я сталъ наводить справки. Оказалось, что поѣздъ изъ Деберица въ то утро не пришелъ. Я отправился въ инспекцію гвардейскаго корпуса (Neustädtische Kirchstraße 16) и тамъ меня просили, ссылаясь на желѣзно-дорожные и общіе непорядки, подождать нѣсколько дней въ Берлинѣ, пока выяснится положеніе и жизнь войдетъ въ свою колею.

27 октября (9 ноября) я вышелъ утромъ изъ гостиницы и дошелъ до Фридрихштрассе, на углу которой мнѣ пришлось повернуть обратно, такъ какъ по ней шла стрѣльба. Перспектива получить пулю здѣсь, въ Берлинѣ, мнѣ не улыбалась и я рѣшилъ не проявлять особеннаго любопытства. Вечеромъ, въ ресторанѣ, я видѣлъ германскихъ офицеровъ безъ погонъ и кокардъ. Замѣтно было «въ воздухѣ» извѣстное возбужденіе, но какъ мало все это было похоже на такіе же дни въ Россіи!

Мнѣ часто приходилось слышать отъ нѣмцевъ фразу: „Der Russe ist hitzig“. Она произносилась на всѣ лады, съ любезной улыбкой и съ оттѣнкомъ легкаго пренебреженія и даже раздраженія. Я слышалъ ее такъ часто, что она осталась въ моемъ сознаніи въ видѣ какой то формулы, въ которой кристаллизовались наблюденія нѣмцевъ надъ русскими и ихъ характеромъ, сдѣланные во время войны. Не подлежитъ сомнѣнію, что въ ней отмѣчалось свойство, рѣзко поразившее нѣмцевъ, то, которымъ они сами не обладали.

Общее оживленіе на улицахъ, замѣтное особенно послѣ тишины и подавленности предшествовавшихъ дней, толпы народа, осматривавшія карнизы и орнаменты на зданіяхъ центральныхъ улицъ Берлина, побитые пулями, солдаты, разъѣзжавшіе на грузовикахъ съ красными флагами, — во всемъ этомъ не чувствовалось никакой истерики. Нѣмцы и въ эти дни какъ-то не теряли спокойствія и самообладанія. «Происходитъ неизбѣжное, оно должно произойти», — такъ я невольно переводилъ настроеніе толпы. Даже солдаты съ красными флагами кричали и привѣтствовали толпы прохожихъ какъ

будто нехотя, какъ будто исполняя обязанность, смыслъ которой имъ неясенъ или цѣль сомнительна. Не было ничего «разухабистаго», дошедшаго «до точки» въ уличныхъ сценахъ. Все происходило, какъ будто съ оговоркой о «приличіи» и чувствѣ мѣры.

Мнѣ пришлось видѣть однажды вечеромъ, какъ солдаты старались посадить въ автомобиль «товарища», такого же солдата, какъ они, всѣми силами отбивавшагося отъ нихъ. Въ толпѣ любопытныхъ на противоположномъ троттуарѣ, гдѣ я остановился на нѣкоторое время, говорили, что этому солдату угрожаетъ разстрѣлъ, будто бы, за какой то провокаціонный выстрѣлъ. Не берусь утверждать, что это было именно такъ, но въ голосѣ арестовываемаго слышалось, дѣйствительно, смертельное отчаяніе. Онъ все время кричалъ, повторяя одну и ту же фразу: „Helft mir doch, helft mir, Kameraden" и ему удавалось нѣкоторое время отбиваться отъ хватавшихъ его и подталкивавшихъ рукъ. Но даже такая сцена проходила сравнительно спокойно, сосредоточенно, не по-русски, безъ всякаго вмѣшательства постороннихъ, безъ всякихъ криковъ со стороны арестовавшихъ. Они только дѣйствовали и, въ концѣ концовъ, успѣшно. Борьба шла не между революціей и контръ-революціей, а между эксцессомъ и порядкомъ. Такое толкованіе этого единичнаго случая у меня невольно связалось съ воспоминаніемъ о немъ, такъ какъ всѣ послѣдующія наблюденія его укрѣпили и подтвердили.

* * *

Дни неопредѣленности прошли очень скоро. 30 октября (12 ноября) были уже открыты банки, черезъ день или два открылась биржа. 2 (15) ноября я снова былъ въ департаментѣ Военнаго Министерства и встрѣтилъ своихъ старыхъ знакомыхъ на прежнихъ мѣстахъ. Единственная внѣшняя перемѣна, которая сразу замѣчалась, состояла въ томъ, что офицеры приходили на службу въ штатскомъ и уже здѣсь замѣняли верхнюю часть костюма (пиджаки) военнымъ кителемъ, остававшимся разстегнутымъ, примѣрно, какъ это было принято въ Германіи до войны хотя бы у почтовыхъ чиновниковъ. Но настроеніе было приподнятое. Самъ капитанъ фонъ Ш. собирался ѣхать куда то въ западную часть Германіи по служебнымъ дѣламъ въ связи съ начавшейся демобилизаціей. Я засталъ его въ оживленномъ разговорѣ съ пожилымъ полковникомъ, комендантомъ лагеря въ Шнейдемюлѣ, прибывшимъ вмѣстѣ съ лейтенантомъ, съ жалобой на эксцессы и просьбой указаній. Онъ сообщалъ о случаяхъ неповиновенія нѣмецкихъ солдатъ, объ оскорбленіяхъ, которымъ съ ихъ стороны подверглись старые унтеръ-офицеры, объ ослабленіи порядка и дисциплины среди военноплѣнныхъ въ связи съ этимъ, въ частности же о томъ, что русскіе военноплѣнные, объявленные нѣкоторой частью нѣмецкихъ солдатъ «русскими товарищами», просто готовы отправиться группами и по одиночкѣ на свой страхъ и рискъ на родину. Послѣднее, по его словамъ, грозило большими бѣдами. Лишенные продовольствія, продовольственныхъ марокъ, и обычно и денегъ, они неминуемо должны будутъ начать грабить еще на германской территоріи. А въ этомъ случаѣ, разумѣется, будутъ просто разстрѣ-

ляны менѣе революціонными «нѣмецкими товарищами» гдѣ нибудь въ другомъ мѣстѣ. Мое появленіе въ кабинетѣ капитана фонъ-Ш. было поэтому принято, какъ весьма своевременное. Меня очень просили поѣхать вмѣстѣ съ комендантомъ въ Шнейдемюль и постараться «уговорить» русскихъ плѣнныхъ сохранять спокойствіе и порядокъ до момента, уже близкаго, организованной отправки на родину.

— «Можетъ быть, Вы найдете въ Шнейдемюлѣ и казаковъ», — прибавилъ капитанъ фонъ-Ш. Но въ общемъ онъ выразилъ сомнѣніе въ томъ, чтобы удалось что либо сдѣлать для дальнѣйшаго успѣха моего дѣла. Желѣзно-дорожное сообщеніе транзитомъ черезъ Польшу уже не было возможно, такъ какъ поляки разобрали пути у своихъ границъ съ обѣихъ сторонъ и не пропускали никакихъ поѣздовъ въ Германію и изъ Германіи; очень велики были осложненія въ связи съ перемиріемъ въ самой Германіи; соотвѣтствующія военныя учрежденія перегружены дѣлами первостепенной важности и срочности, и т. д. Попутно разговоръ постоянно затрагивалъ условія перемирія:

— «5.000 паровозовъ! n-ое количество вагоновъ!» и т. п. Это произносилось съ мрачной и горькой усмѣшкой.

Какъ бы то ни было, я немедленно далъ свое согласіе отправиться съ полковникомъ и его офицеромъ въ Шнейдемюль, хотя и чувствовалъ всю безнадежность этого предпріятія, полную невозможность повліять какимъ бы то ни было образомъ на настроеніе русскихъ военноплѣнныхъ и сыграть роль сдерживающаго начала. О часѣ отъѣзда меня должны были предупредить по телефону

Вечеромъ за мной зашелъ лейтенантъ Шр., пріѣхавшій съ комендантомъ. Мы должны были выѣхать немедленно и къ утру быть въ Шнейдемюлѣ. Однако, поѣзда, шедшіе на востокъ, были настолько переполнены разъѣзжавшимися по домамъ солдатами, что полковникъ предпочелъ отложить отъѣздъ до утра съ тѣмъ, чтобы съ вечера перебраться къ вокзалу отправленія (Bhf. Zoologischer Garten) и обезпечить себѣ такимъ образомъ мѣсто въ вагонѣ. Мы немедленно перешли на другую платформу и сѣли въ вагонъ перваго подошедшаго поѣзда городской жел. дороги. Была суббота. Вагонъ былъ полонъ. Нѣкоторымъ пассажирамъ, въ томъ числѣ и намъ, пришлось стоять. Среди возвращавшейся субботней Берлинской публики царило большое оживленіе. Было нѣсколько, если не пьяныхъ, то сильно выпившихъ (даже женщинъ), которые громко смѣялись, шутили и вели себя непринужденно. Все это проходило въ общемъ въ формахъ довольно приличныхъ. Но тѣмъ не менѣе полковникъ отворачивался и краснѣлъ всякій разъ, когда до его слуха доходила какая нибудь грубоватая шутка или новый взрывъ смѣха. Замѣтно было, что онъ съ трудомъ воздерживается отъ того, чтобы не вмѣшаться и не навести порядка. „Diese trunkene Gesellschaft in der Berliner Stadtbahn am Abend!..“ ворчалъ онъ, идя съ нами уже по улицѣ, послѣ того, какъ мы прибыли. Мы рѣшили переночевать въ первой попавшейся гостиницѣ, по близости, чтобы завтра попасть возможно раньше на вокзалъ. На улицахъ было пусто. Какъ то особенно пу-

сто. Дома стояли темные и мрачные. Ни въ одномъ изъ нихъ не было признака гостиницы. Мы прошли 2—3 квартала въ безплодныхъ поискахъ. Тогда лейтенантъ Шр., вспомнивъ что-то, повелъ насъ на другую сторону и позвонилъ у одного изъ подъѣздовъ. Тамъ былъ, во второмъ этажѣ небольшой пансіонъ, гдѣ мы и устроились на ночь въ двухъ очень чистыхъ комнатахъ. Одна изъ нихъ была предоставлена полковнику, въ другой помѣстились мы съ лейтен. Шр.

Двѣ большія мягкія и теплыя деревянныя кровати стояли рядомъ, какъ всегда въ нѣмецкихъ комнатахъ. Было тихо и темно, но я тщетно поворачивался съ одного бока на другой въ своей кровати, ближайшей къ окнамъ, изъ которыхъ глядѣло что то жуткое и тревожное, тщетно пытался не думать и заснуть.

— **Können Sie schlafen?** — услышалъ я голосъ своего сосѣда.

— **Nein!**

— **Ich auch nicht!**

Послѣ этого вступленія у насъ началось что-то не совсѣмъ нѣмецкое: ночной разговоръ въ темнотѣ, въ постеляхъ, шедшій съ какой-то непонятной страстностью и напряженіемъ. Я забылъ, что говорю съ нѣмцемъ, такъ мало похожимъ на насъ, мнѣ казалось, что національныхъ перегородокъ болѣе не существуетъ. Разговоръ все время вертѣлся около событій въ Германіи, попутно задѣвая и Россію. Мой собесѣдникъ пытался мнѣ на примѣрахъ выяснить рухнувшій, по его мнѣнію безвозвратно, соціальный строй Германіи, обращая особенное вниманіе на корпоративный духъ отдѣльныхъ вліятельныхъ группъ. Вообще, какъ это ни странно, за все время моего короткаго пребыванія въ «революціонной» Германіи я не слышалъ разговоровъ на темы собственно политическія. Мнѣ, напримѣръ, ни разу не приходилось слышать и намека на недовольство хотя бы избирательнымъ закономъ (даже прусскимъ!) или административными порядками. Весь интересъ сосредоточивался, повидимому, на соціальныхъ и экономическихъ вопросахъ. Такое впечатлѣніе, по крайней мѣрѣ, вынесъ я. На этотъ разъ я слушалъ своего собесѣдника съ напряженнымъ вниманіемъ, часто переспрашивая, прося поясненій. Тема была въ высокой степени интересная, хотя подходъ къ ней скорѣй обывательскій, житейскій, чѣмъ научный. Онъ между прочимъ указалъ мнѣ на тотъ фактъ, что ни одинъ интеллигентный нѣмецъ, отбывшій положенный срокъ военной службы нижнимъ чиномъ и сдавшій всѣ испытанія, не могъ быть произведенъ въ лейтенанты запаса, если собраніе лейтенантовъ запаса его округа выскажется противъ этого. Нѣчто подобное у насъ существовало только въ гвардіи, и то, кажется, не очень послѣдовательно. Но вопросъ о томъ, благо это или зло, такъ и остался открытымъ въ нашемъ разговорѣ. Мой собесѣдникъ утверждалъ, что со всѣмъ этимъ теперь посчитаются, что предстоитъ пересмотръ этого порядка, что отъ него врядъ ли многое уцѣлѣетъ. Но онъ былъ увѣренъ, что соціализмъ, въ особенности, русскій аспектъ его, большевизмъ, въ Германіи побѣды не отпразднуетъ. Онъ считалъ, что изъ всего населенія Германіи, примѣрно, только одна седьмая часть могла бы оказать ему прочную поддержку. Къ сожалѣнію, подробности этого очень интереснаго раз-

говора не были мной своевременно записаны и сейчасъ я затруднился бы передать ихъ, не рискуя впасть въ большія неточности.

Когда и какъ мы заснули, я уже не помню. Но ночного возбужденія не разогналъ даже сонъ, вдобавокъ недостаточно продолжительный. Утромъ послѣ поспѣшнаго завтрака, за которымъ я даже получилъ къ «кофе» eine Scheibe Brot, несмотря на то, что мои хлѣбныя марки давно были израсходованы, мы немедленно отправились на вокзалъ. Пути до Шнейдемюля было часовъ 6—7. И было бы, конечно, пріятнѣе ѣхать сидя. Однако, ни отсрочка нашего путешествія, ни посадка на вокзалѣ отправленія не смогли содѣйствовать этому комфорту. Очень скоро мы уступили наши мѣста подошедшимъ дамамъ и простояли почти всю дорогу. Лейтен. Шр. былъ попрежнему очень разговорчивъ, но злободневныхъ темъ мы уже не затрагивали, за исключеніемъ, кажется, нѣсколькихъ шпилекъ по адресу поляковъ, отпущенныхъ моими спутниками. Полковникъ даже, не совсѣмъ кстати, процитировалъ извѣстную шутку на латинскомъ языкѣ:

„Nos, Poloni, non curamus quantitatem syllabarum".

Во время этого разговора мнѣ пришлось услышать замѣчаніе, сдѣланное лейтен. Шр., совершенно для меня неожиданное, которое потомъ не разъ заставляло меня задумываться. Онъ сказалъ мнѣ, что изъ всѣхъ русскихъ офицеровъ, которыхъ ему приходилось встрѣчать, самые воспитанные и образованные, по его мнѣнію, казачьи офицеры. Какъ извѣстно всякому, соприкасавшемуся съ нашимъ, русскимъ офицерствомъ, это какъ разъ наоборотъ... Еслибы это былъ просто грубый и плоскій комплиментъ, онъ, конечно, не заслуживалъ бы упоминанія. Но эти слова были сказаны настолько непосредственно и искренне, что я не имѣю права считать ихъ таковымъ. А если они были искренни, то они означали только одно: я все время невольно и безсознательно обманывалъ собою относительно тѣхъ, представителемъ которыхъ и образчикомъ я долженъ былъ являться передъ нѣмцами...

Потомъ, гораздо позднѣе, читая воспоминанія нашихъ выдающихся дѣятелей въ области иностранной политики или пропаганды русской культуры за границей, я увидѣлъ, что и имъ приходилось — mutatis mutandis — сталкиваться съ этимъ вопросомъ. Въ концѣ концовъ верхи нашей бюрократіи и интеллигенціи, «вывозившіе» насъ въ Европу и Америку, просто нисколько не были похожи на нашу среднюю интеллигенцію, особенно провинціальную. Простой и ясный вопросъ, обращенный къ нимъ всюду внѣ родины, высказанный или невысказанный, — все равно, неизбѣжно всегда долженъ былъ стоять передъ ними: «Похожи Вы на Вашихъ соотечественниковъ?»

Можно отвѣтить: «Да» — продолжать обманывать уже сознательно. Можно отвѣтить: «Нѣтъ» и предостеречь отъ поспѣшныхъ обобщеній. Но въ первомъ случаѣ ложь не дастъ покоя, хотя бы потому, что она ежечасно можетъ обнаружиться. Во второмъ случаѣ неизбѣжны долгія и все таки безрезультатныя разъясненія, обезпе-

чено задумчивое недоумѣніе и недовѣріе къ русскому «представителю», своихъ соотечественниковъ не представляющему.

Есть, конечно, еще третій выходъ, довольно широко использованный большевиками: посылать за границу людей, которые смѣло могутъ отвѣтить: «да», не рискуя погрѣшить противъ правды. Но... такимъ представителямъ этого вопроса въ Европѣ не предложатъ...

Впрочемъ, мой случай былъ маленькій и частный. Я отвѣтилъ, что это не совсѣмъ такъ, что въ настоящее время вслѣдствіе войны составъ нашего офицерства, какъ регулярнаго, такъ и казачьяго, очень разнообразенъ, что теперь вообще трудно провести такое сравненіе даже русскому, что впечатлѣнія моего собесѣдника, вѣроятно, простая случайность.

Вечеромъ, въ Шнейдемюлѣ, я былъ въ комендантурѣ лагеря, чтобы узнать о порядкѣ слѣдующаго дня. Этотъ вечеръ тоже останется мнѣ памятнымъ. На слѣдующій день ожидалось прибытіе представителя совѣта рабочихъ и солдатъ (не помню, какого именно и откуда), вызваннаго или посланнаго для той же цѣли, ради какой пріѣхалъ я. Въ канцеляріи, получивъ необходимыя свѣдѣнія, я нѣсколько задержался въ разговорѣ съ лейтен. Шр., и вотъ, вокругъ насъ стали останавливаться и собираться служащіе писаря, чиновники и ординарцы. Дисциплина явно была уже не та. Ихъ было не много, но все же я чувствовалъ себя среди слушателей, настроенныхъ внимательно и доброжелательно. Не буду клеветать на себя. Я не проповѣдывалъ ни большевизма, ни соціализма. Но и ярко «бѣлымъ» то, что я говорилъ, назвать было нельзя. Помню, что я кончилъ, ссылаясь на авторитетъ Вернера Зомбарта, пожеланіемъ, чтобы вновь наступилъ въ исторіи Европы періодъ подобный 18-му вѣку, когда люди будутъ переживать и чувствовать національныя особенности и различія не такъ остро, не такъ интенсивно, а, стало быть, и окажутся менѣе склонными къ національной ненависти. Я говорилъ, кажется, искренне, хотя въ близость такого періода не вѣрилъ и не вѣрю.

На слѣдующее утро мы отправились въ лагерь. Насъ было четверо въ экипажѣ: Комендантъ, въ полной военной формѣ, представитель совѣта рабочихъ и солдатъ, лейтен. Шр. и я. Представитель совѣта былъ небольшого роста человѣкъ, очень просто, но чисто одѣтый, въ темномъ пальто и мягкой шляпѣ, аккуратно выбритый, скромный и нѣсколько застѣнчивый. Онъ велъ себя, какъ вполнѣ воспитанный нѣмецъ и, еслибы я не былъ предупрежденъ, я ни за что не сказалъ бы, что это и есть представитель революціонной демократіи, — такъ мирно и почтительно онъ говорилъ съ комендантомъ, такъ, видимо, искренне онъ хотѣлъ помочь поддержанію порядка въ лагерѣ. Съ большимъ удовлетвореніемъ полковникъ сообщилъ намъ, что наиболѣе прискорбные случаи нарушенія дисциплины нѣмецкими солдатами уже ликвидированы: виновные сами убѣдились въ плохихъ результатахъ своего образа дѣйствія и обѣщали впредь подчиняться начальству.

По дорогѣ мы остановились и вышли изъ экипажа. Навстрѣчу намъ по шоссе шла партія русскихъ военноплѣнныхъ, направлявшаяся на вокзалъ для погрузки и отправки на родину (кажется, на сѣ-

веръ, „über Ober-Ost", какъ говорили нѣмцы: тамъ было еще жел.-дорожное сообщеніе съ Россіей). Мрачно и угрюмо шли наши плѣнные. Большинство проходило, не обращая никакого вниманія на привѣтствіе коменданта. Немногіе отвѣчали ему кивкомъ головы, а среди послѣднихъ только на 2—3 лицахъ я могъ замѣтить тѣнь улыбки.

Въ самомъ лагерѣ уже не было «старорежимной» дисциплины и строгости. Наши плѣнные не строились. Они просто окружили насъ. По просьбѣ коменданта я повторилъ имъ по-русски, и предупредивъ, что я русскій, всѣ аргументы въ пользу сохраненія повиновенія и порядка ради общаго и прежде всего ихъ собственнаго блага. Меня окружили тѣснымъ кольцомъ. Слышались возгласы протеста и ропотъ. Но все это не переходило извѣстныхъ границъ. Я чувствовалъ, конечно, что все сказанное ихъ нисколько не убѣдило, но въ общемъ вынесъ впечатлѣніе, что ничего страшнаго здѣсь не было. Вѣроятно, отправка партіи, которую мы встрѣтили по дорогѣ, уже внесла извѣстное успокоеніе. Такъ какъ объясняться со всѣми сразу не было никакой возможности, представитель совѣта рабочихъ и солдатъ предложилъ для подробнаго обсужденія собрать выборныхъ отъ военноплѣнныхъ, каковые, оказывается, уже существовали, въ одномъ изъ лагерныхъ помѣщеній. На этомъ и было рѣшено. Толпа разошлась. Тогда ко мнѣ подошелъ русскій врачъ О., военноплѣнный. Представившись, онъ началъ говорить чрезвычайно возбужденно и многословно, ежеминутно отвлекаясь въ сторону и теряя основную нить изложенія, о различныхъ недостаткахъ лагерной жизни, главнымъ образомъ о плохомъ питаніи и плохомъ состояніи медицинской помоши. Все это онъ просилъ «поставить на видъ» коменданту, «потребовать» отъ него перемѣнъ къ лучшему и т. д. Я его предупредилъ, что такого рода выступленія совершенно не входятъ въ мою задачу, но что я готовъ быть полезнымъ и передать его пожеланія и жалобы. Ему, впрочемъ, такъ и не удалось высказаться до конца, такъ какъ всѣхъ насъ пригласили въ помѣщеніе, гдѣ уже собрались выборные.

Представитель рабочихъ и солдатъ началъ свою рѣчь: „Kameraden"... Но какъ мало онъ былъ похожъ на революціоннаго оратора. Онъ говорилъ, какъ пасторъ, опустивъ глаза и сложивъ руки. Онъ старался убѣдить, увѣрить, что война и тяжелыя условія жизни въ плѣну были дѣломъ прежняго, нынѣ не существующаго правительства, что новое правительство хочетъ мира, смотритъ на русскихъ, какъ на «товарищей», всѣми силами будетъ способствовать скорѣйшей отправкѣ ихъ на родину, что это вѣдь и въ интересахъ Германіи и т. д., и т. д. Затѣмъ слѣдовали «но»: тяжелыя условія въ самой Германіи, острота продовольственнаго вопроса, призывъ къ терпѣнію и порядку. Все это я долженъ былъ переводить во время перерывовъ, которые для этого дѣлалъ ораторъ. Не скажу, что это было легко. Не скажу, что я удовлетворительно справился съ своей задачей. Несмотря на полное напряженіе вниманія и памяти, несмотря на все желаніе не упустить ничего, я нерѣдко чувствовалъ, что либо импровизирую, либо упускаю не мало мыслей оратора, или оттѣнковъ. Въ

этомъ дѣлѣ нуженъ большой опытъ, котораго у меня не было. Послѣ рѣчи представителя совѣта рабочихъ и солдатъ комендантъ пригласилъ высказаться желающихъ изъ выборныхъ. Мнѣ предстояло теперь обратное испытаніе. Не помню, говорилъ ли кто нибудь еще. Но до сихъ поръ вижу фигуру врача О., опирающагося одной рукой о столъ и стремительно бросающаго одну жалобу за другой:

— Скажите то-то, скажите то-то, скажите, что санитарное состояніе возмутительно, скажите, что медицинскій персоналъ никуда не годится, скажите, что это неучи, а не врачи, скажите, что...

Въ такомъ стилѣ онъ говорилъ, все болѣе и болѣе приходя въ возбужденіе. Переводить все это въ точности было немыслимо. Въ такихъ выраженіяхъ нигдѣ и никогда никакихъ переговоровъ вести нельзя. Правильно я поступилъ или нѣтъ, пусть и объ этомъ судятъ другіе, но конечно, я значительно смягчилъ всѣ рѣзкости. Обо многомъ мнѣ казалось совершенно безполезнымъ передавать коменданту (напримѣръ объ улучшеніи продовольствія).

— Сказать все это я могу, но будетъ ли отъ этого толкъ? — перебивалъ я не разъ.

— Все равно, скажите.

И я говорилъ. Отвѣтъ былъ на все, конечно, одинъ и тотъ же. Мы готовы итти навстрѣчу Вашимъ желаніямъ, войны между Германіей и Россіей уже нѣтъ. Но Германія сама въ такомъ тяжеломъ положеніи. Условія перемирія, продовольственный вопросъ и т. д.

Возвращаясь съ комендантомъ въ городъ, я чувствовалъ, что ни представитель совѣта рабочихъ и солдатъ, ни я его не удовлетворили нисколько. «T...ja! das ist...» произносилъ онъ иногда, ни къ кому не обращаясь. Мы простились довольно сухо въ канцеляріи, гдѣ онъ приказалъ изготовить мнѣ безплатный военный билетъ до Берлина. Лейтнантъ Шр. старался внести ноту примиренія. Онъ просилъ имѣть въ виду, что полковникъ старый офицеръ, который никакъ не можетъ помириться съ новыми порядками, что необходимо это имѣть въ виду, что нельзя за это его осуждать.

Черезъ часъ я выѣхалъ обратно. Поѣздъ шелъ почти пустымъ. Противъ меня въ купэ 2-го класса сидѣла пожилая и молчаливая дама. Вагонъ не отапливался и я исправно мерзъ въ своемъ нисколько не грѣвшемъ Gummimantel'ѣ. И на душѣ было холодно и пусто. Вечеромъ 4 (17) ноября я снова прибылъ въ Берлинъ.

* * *

5 (18) ноября я узналъ въ департаментѣ Военнаго Министерства, что при теперешнемъ положеніи не приходится и думать объ особой отправкѣ на родину казаковъ. Замѣнявшій капитана фонъ-Ш. лейтнантъ К. былъ какъ будто инымъ человѣкомъ. Онъ старался быть какъ можно проще и уютнѣе, усаживалъ на широкій диванъ, предлагалъ папиросы, принималъ беззаботный видъ je m'en fiche'иста, ужасался предстоявшей мнѣ дорогѣ.

— Ну какъ Вы поѣдете, — говорилъ онъ, — подумайте: Польша... на Украйнѣ тоже безпорядки, что будетъ съ гетманомъ, неизвѣстно. Не лучше ли Вамъ пока переждать, остаться въ Берлинѣ?

Все это мнѣ не особенно нравилось. Предложеніе остаться въ Берлинѣ? Но въ качествѣ чего? Не послѣдуетъ ли чего добраго еще предложеніе поступить на германскую службу? Впрочемъ, эта мысль только мелькнула у меня въ головѣ. Я надѣюсь, что она была результатомъ излишней подозрительности. Я отвѣтилъ такъ сухо, какъ могъ, что во всякомъ случаѣ, несмотря на всѣ затрудненія по дорогѣ, во что бы то ни стало долженъ добраться до Новочеркасска, чтобы доложить своему начальству о результатахъ поѣздки.

— Не поѣдете ли Вы въ такомъ случаѣ черезъ **Ober - Ost?** Это будетъ удобнѣе. Тамъ у насъ еще есть сообщеніе.

— Я надѣюсь, что поляки меня пропустятъ, — возразилъ я и просилъ дать мнѣ **Ausweis** въ Кіевъ, а также увѣдомленіе департамента на имя Донского Отдѣла Иностранныхъ Дѣлъ о невозможности въ будущемъ формировать и отправлять казачьи эшелоны.

Это мнѣ было обѣщано на слѣдующій день. Однако, безупречность германскихъ военныхъ канцелярій послѣ переворота все-таки начала нѣсколько хромать. Ни 6 (19), ни въ теченіе слѣдующихъ двухъ дней мнѣ не удалось получить необходимыхъ бумагъ. А адресъ **Passzentrale** мнѣ былъ въ Министерствѣ даже указанъ старый, по которому я не нашелъ этого учрежденія. И только 9 (22) ноября всѣ формальности были кончены.

* * *

6 (19) ноября, день молитвы и покаянія (**Bet- u. Busstag**) всегда проходилъ въ Берлинѣ тихо и сосредоточенно. На этотъ разъ этотъ день былъ совсѣмъ особеннымъ, такъ какъ были назначены похороны жертвъ революціи.

Послѣ утреннихъ дѣлъ я отправился къ 12 часамъ въ **Opernhaus** гдѣ при большомъ стеченіи очень скромно, даже бѣдно одѣтой публики былъ отлично исполненъ «**Deutsches Requiem**» Брамса. Когда я вышелъ на улицу, голова шествія была уже гдѣ то далеко впереди, а по Унтеръ-денъ-Линденъ тянулись безконечные ряды представителей всевозможныхъ рабочихъ и профессіональныхъ союзовъ и корпорацій со своими флагами и знаменами. На троттуарахъ стояла публика. Изрѣдка кто нибудь изъ прохожихъ, отчаявшись дождаться конца шествія, переходилъ улицу между рядами. Сосредоточенно и молчаливо шли представители. Многіе были въ сюртукахъ, бѣлыхъ галстухахъ и цилиндрахъ. И казалось, что этотъ потокъ германской революціонной демократіи, — такой лютеранской и нѣмецкой, — неисчерпаемъ. Я тоже не могъ дождаться «хвоста» колонны, и, «прорѣзавъ» ряды какого то союза переплетчиковъ или металлистовъ, не помню, — спѣшно вернулся въ гостиницу, чтобы не опоздать къ обѣду. Это шествіе — послѣднее яркое воспоминаніе, которое я увезъ изъ Берлина. Черезъ три дня я его покинулъ окончательно и 10 (23) ноября утромъ снова былъ въ Скальміерцице.

* * *

Невеселъ былъ мой обратный путь. Невеселъ и... тяжелъ. Сообщеніе, поддерживавшееся нѣмцами въ Польшѣ и на Украйнѣ, было на-

рушено. Въ послѣдней оно возвращалось быстрыми шагами къ общероссійскому состоянію. Вездѣ были пересадки, вездѣ нужно было ждать, какъ то проводить ночь, искать пристанища. Между тѣмъ, чѣмъ дальше я двигался на востокъ, тѣмъ дороже становились комнаты, тѣмъ труднѣе было вообще найти какое либо помѣщеніе. Въ Кіевѣ цѣны были уже бѣшеныя...

Изъ Скальміерцице я выѣхалъ на подводѣ, которая должна была, пройдя 8 километровъ, доставить своихъ пассажировъ, преимущественно мѣстныхъ евреевъ, въ Калишъ. Мы спокойно проѣхали мимо германскаго унтеръ-офицера, стоявшаго на возвышеніи какой то постройки около шоссе и очевидно изображавшаго границу. Въ отвѣтъ на вопросительный жестъ возницы онъ только махнулъ рукой, не пожелавъ насъ провѣрять и осматривать. Никогда не забуду того... восторга — другого слова не подберу — съ которымъ я съѣлъ въ буфетѣ Калишскаго вокзала въ сухомятку три французскихъ булки, одну за другой, безъ передышки. Но дальнѣйшее уже было гораздо хуже. Поѣзда на Варшаву все не было. Никто не могъ толкомъ сказать, когда онъ будетъ. На вокзалѣ негдѣ было даже сѣсть. Вездѣ дуло. Было холодно. Пришлось перебираться въ городъ, искать гостиницу, возиться съ размѣномъ денегъ (дѣло происходило поздно вечеромъ). На слѣдующій день я все таки попалъ на Варшавскій поѣздъ. Онъ состоялъ, увы, изъ неотапливаемыхъ теплушекъ. Я жестоко мерзъ всю дорогу. Въ Варшавѣ послѣ нѣкоторыхъ колебаній, я рѣшилъ ѣхать на Луковъ, чтобы оттуда на подводѣ перебраться до Межерѣчья (28 верстъ), а затѣмъ дальше черезъ Голобы на Украйну.

Въ Луковѣ, на станціи нашлись и попутчики: старая еврейка, еврей-комерсантъ и еще нѣсколько ихъ единоплеменниковъ. Мы наняли подводу вскладчину и двинулись въ путь. Уже вечерѣло, когда мы на опушкѣ лѣса услышали громкій окрикъ: „Halt“. Возница придержалъ лошадей.

— Wer da?

Тутъ всѣ мои евреи запѣли хоромъ, каждый свое, такъ что въ общемъ при всемъ желаніи ничего нельзя было разобрать.

— Schon gut. Alles Juden? — раздался снова голосъ. Евреи, повидимому, подозрѣній не возбуждали. Нѣмцы остерегались только поляковъ... Въ отвѣтъ я громко крикнулъ въ темноту:

— **Nein! Unter den Juden ist ein russischer Offizier aus dem Dongebiet. Er kommt aus Berlin und geht nach Kiew. Ausweis vom Kriegsministerium.**

— **Kommen Sie näher,** — услышалъ я въ отвѣтъ, — **„ich bin ein deutscher Offizier“.**

— Двигай, — толкнулъ я въ спину возницу. Я замерзалъ въ Gummimantel'ѣ и жаждалъ добраться скорѣе. Къ подводѣ быстро подошелъ германскій офицеръ съ солдатомъ. Я досталъ свой Ausweis. При свѣтѣ немедленно гаснувшихъ спичекъ, которыми я пытался освѣтить текстъ своего документа (у нѣмцевъ почему то не оказалось ни фонаря, ни спичекъ), нѣмецкій офицеръ врядъ ли смогъ про-

читать все, что было сказано обо мнѣ и моей поѣздкѣ. Но бланкъ, печать и подпись его, повидимому, вполнѣ удовлетворили.

— **Stimmt. Danke. Sie können fahren!** — кивнулъ онъ.

Въ Межерѣчьѣ мои спутники устроили меня въ какомъ то «своемъ» постояломъ дворѣ, гдѣ мнѣ дали поужинать, устроили довольно удобное логовище на 6 стульяхъ, а на утро даже размѣняли нѣсколько керенокъ, безъ чего я не могъ бы купить жел.-дорожнаго билета до Голобы. Впрочемъ, въ Брестѣ мнѣ пришлось еще разъ ночевать, согласованіе поѣздовъ оставляло желать лучшаго.

* *
*

Полная неопредѣленность настроенія царила въ ободранномъ вагонѣ второго класса, въ которомъ я надѣялся добраться отъ ст. Голобы до Кіева. Я былъ въ штатскомъ, но къ моему чемодану была пристегнута ремнями шашка, которую не хотѣлось бросать. На нее очень подозрительно косились спутники, и особенно часто проходившій кондукторъ. Впрочемъ, въ другомъ чемоданѣ было все мое военное платье, и въ случаѣ провѣрки или обыска все это выдало бы меня немедленно, нисколько не хуже, чѣмъ мои документы. Разговоры въ вагонѣ были самые паническіе: о петлюровцахъ, о рѣзнѣ офицеровъ, объ остановкахъ поѣздовъ и ограбленіяхъ и т. п. Но такъ какъ я ничего опредѣленнаго о положеніи на Украйнѣ не зналъ, то я рѣшилъ не тревожиться и не распускать своихъ нервовъ. Поѣздъ шелъ невѣроятно медленно и, дѣйствительно, часто и надолго останавливался среди поля безъ всякихъ видимыхъ основаній. Однако, никакихъ ни «грабежей», ни «провѣрокъ» не происходило, и 16 (29) ноября, поздно вечеромъ я благополучно добрался до Кіева.

Въ Кіевѣ я провелъ три дня, былъ снова у нѣмцевъ, и, на этотъ разъ засталъ капитана фонъ-Л., заключившаго соглашеніе съ Дономъ. Но онъ только подтвердилъ то, что я уже везъ изъ Берлина.

— **Ach, die ganze Welt ist verrückt geworden!** — сказалъ онъ мнѣ на дорогу.

Дальнѣйшее путешествіе было уже настоящей пыткой. Поѣзда были переполнены. Когда они дойдутъ и дойдутъ ли вообще, никто не зналъ. Я продѣлалъ весь путь до Ростова въ теплушкахъ, биткомъ набитыхъ грязнымъ и вшивымъ людомъ и ихъ скарбомъ, слѣдуя черезъ Харьковъ—Полтаву—Никитовку, исправно ожидая на каждомъ изъ этихъ вокзаловъ чуть ли не сутки поѣзда, который неизвѣстно когда отойдетъ. Спать лежа не пришлось уже ни одного часа, и когда я, наконецъ, 23 ноября (6 декабря), часовъ въ 5 вечера, съ «поѣздомъ - молніей» прибылъ изъ Ростова въ Новочеркасскъ, я чувствовалъ себя измученнымъ и усталымъ до послѣднихъ предѣловъ.

Въ самомъ Новочеркасскѣ результатами моей поѣздки уже никто особенно не интересовался. Дѣла на противобольшевистскомъ фронтѣ были плохи и настроеніе было пасмурное.

Кубанское дѣйство*).

К. Н. Соколова.

Отдавая въ печать въ 1921 году свою книгу «Правленіе ген. Деникина», я счелъ себя вынужденнымъ опустить цѣлую главу X, содержавшую въ себѣ разсказъ о событіяхъ, которыя разыгрались на Кубани въ октябрѣ - ноябрѣ 1919 года. Въ то время въ эмиграціи возобновился нашъ извѣчный споръ о взаимоотношеніяхъ между Главнымъ Командованіемъ и казачьими властями; ген. Врангель велъ трудные переговоры съ атаманами и правительствами казачьихъ областей. Въ такой моментъ было бы безотвѣтственно бередить недавнія раны откровеннымъ разсказомъ о кубанскомъ кризисѣ. Но съ тѣхъ поръ прошло 5 лѣтъ, и кризисъ этотъ нѣсколько разъ трактовался въ печати. Въ книгѣ В. Фонъ-Дрейера «Крестный путь во имя родины» ему посвящена IV глава. Бывшій кубанскій атаманъ А. П. Филимоновъ напечаталъ въ «Архивѣ Русской Революціи» (т. V) сопровождаемую документами статью подъ названіемъ «Разгромъ Кубанской Рады». Наконецъ, въ № 1 «Голоса Минувшаго на чужой сторонѣ» за 1926 г. появилась статья извѣстнаго кубанскаго политическаго дѣятеля Д. Е. Скобцова: «Драма Кубани». Общимъ недостаткомъ всѣхъ этихъ повѣствованій нужно признать то, что авторы ихъ начинаютъ свой разсказъ прямо съ 25-го октября. А между тѣмъ этой датѣ предшествовалъ подготовительный періодъ, не зная котораго, нельзя правильно судить и о томъ, что за нимъ послѣдовало. Подробности этого періода были доподлинно извѣстны только ограниченному числу лицъ, изъ которыхъ двухъ — И. П. Романовскаго и В. Л. Покровскаго уже нѣтъ въ живыхъ. При такихъ условіяхъ мнѣ кажется своевременнымъ напечатать главу моей книги, недопущенную мной самимъ къ опубликованію въ 1921 году.

Текстъ ея воспризводится мною здѣсь согласно первоначальной записи, безъ какихъ-либо позднѣйшихъ дополненій или поправокъ. Онъ представляетъ собой, какъ и вся моя книга, разсказъ, ведомый

*) Ненапечатанная глава изъ книги «Правленіе ген. Деникина» (изъ воспоминаній). Софія 1921 г.

въ первомъ лицѣ, безъ всякихъ претензій на научную историчность и документальность. Всесторонне-объективное освѣщеніе Кубанскаго кризиса остается дѣломъ будущаго, когда смогутъ быть использованы неопубликованные до сихъ поръ документы и показанія участниковъ и свидѣтелей. Въ 1922 году, въ Бѣлградѣ генералъ Врангель ознакомилъ меня съ частью своихъ записокъ, относящейся къ Кубанскимъ событіямъ. Мнѣ извѣстно, что много цѣнныхъ документовъ имѣлось въ обширномъ архивѣ В. Л. Покровскаго, который былъ вывезенъ покойнымъ генераломъ за границу. И, наконецъ, въ одномъ изъ ближайшихъ томовъ «Очерковъ Русской Смуты», вѣроятно, скажетъ свое вѣское слово по дѣлу и самъ бывшій Главнокомандующій Вооруженными Силами на Югѣ Россіи, генералъ Деникинъ.

К. С.

Софія, апрѣль 1926 г.

Глава десятая.

КУБАНСКОЕ ДѢЙСТВО.

Пока Ставка Главнокомандующаго и Особое Совѣщаніе при немъ оставались въ Екатеринодарѣ, неустроенность нашихъ отношеній съ Кубанью ощущалась болѣзненно, но не имѣла катастрофическаго характера. Центробѣжныя стремленія кубанскихъ самостійниковъ-черноморцевъ находили себѣ естественный противовѣсъ въ моральномъ авторитетѣ и фактическомъ вліяніи Добровольческаго Центра, и плохо слаженная машина Добровольческо-Кубанскаго военно-политическаго сотрудничества все же работала, хотя и съ перебоями и толчками.

Съ переводомъ Ставки и Правительства въ Таганрогъ и Ростовъ положеніе рѣзко измѣнилось къ худшему. Особаго достаточно внушительнаго Представительства Главнаго Командованія въ Екатеринодарѣ организовано не было и, если не считать второстепенныхъ военныхъ начальствъ, въ качествѣ единственнаго постояннаго учрежденія Главнаго Командованія, въ Краѣ функціонировало мѣстное отдѣленіе Отдѣла Пропаганды. Руководимое энергичнымъ полковникомъ У., отдѣленіе развивало энергичную дѣятельность и, несмотря на систематическую обструкцію краевыхъ властей, глубоко проникало въ толщу краевой жизни. Но у него были свои спеціальныя информаціонныя задачи, и возмѣстить отсутствіе необходимаго полномочнаго представительства Главнокомандующаго оно, очевидно, не могло. Между тѣмъ, оставшись въ своемъ тѣсномъ Кубанскомъ Кругу, встрѣчая все слабѣвшее сопротивленіе со стороны своихъ политическихъ противниковъ — «линейцевъ», «черноморцы» почувствовали себя хозяевами положенія и широко расправили крылья. Росту ихъ политическаго вліянія помогали своеобразныя особенности кубанскаго парламентаризма, обрекавшія Войскового Атамана на роль слабаго и безличнаго фигуранта, и дѣлавшія краевой «кабинетъ» игрушкой въ рукахъ большинства законодательной Рады. Опаснѣе всего

было то, что создавшаяся въ Екатеринодарѣ нездоровая обстановка игры въ самостійную державность пагубно отражалась на фронтѣ. Прикрывавшая одно изъ важнѣйшихъ направленій Кавказская армія генерала Врангеля состояла почти цѣликомъ изъ кубанцевъ и базировалась на Кубань, откуда и должна была получать пополненія и продовольствіе. Съ осени и пополненія, и снабженіе поступали съ Кубани на Царицынскій фронтъ въ недостаточномъ количествѣ; когда же пополненія приходили, они оказывались въ значительной степени затронутыми самостійнической пропагандой. Понятно, что все это не могло не безпокоить: и Ставку, и Командованіе Кавказской арміи, и, наконецъ, тѣхъ кубанцевъ, которымъ казачья самобытность не мѣшала чувствовать себя добрыми русскими патріотами.

Во второй половинѣ сентября къ намъ—въ Ростовъ—пріѣхалъ одинъ Членъ Краевой Рады полковникъ N, имѣвшій на Кубани большія политическія и родственныя связи и сыгравшій замѣтную роль при послѣднихъ атаманскихъ выборахъ. Хотя я все еще не вступалъ въ должность, онъ посѣтилъ меня и, давая понять, что выражаетъ мнѣніе серьезныхъ линейскихъ круговъ, началъ горько сѣтовать на насъ за то, что мы не ведемъ настоящей политической работы на Кубани. Тутъ же онъ предложилъ свои услуги по организаціи широко развѣтвленной политической агентуры, которая должна была, по его мнѣнію, состоять исключительно изъ кубанскихъ элементовъ и дѣлать исключительно кубанскую политику, однако, въ направленіи желательномъ для Главнаго Командованія, борясь съ черноморцами и содѣйствуя линейцамъ. Въ планъ кампаніи входила подготовка роспуска и перевыборовъ Краевой Рады, а конечной цѣлью являлась конституціонная реформа — въ смыслѣ усиленія Атаманской власти и созданія устойчиваго правительства путемъ упраздненія Законодательной Рады, которая постепенно превратилась въ неприступную цитадель самостійничества. Отъ насъ N ждалъ моральной поддержки и, конечно, матерьяльныхъ средствъ.

Несмотря на то, что осуществленіе проэкта полковника N должно было вызвать, какъ водится въ такихъ случаяхъ, довольно крупные, по нашимъ понятіямъ, расходы — помнится, рѣчь шла объ ассигнованіи до 600.000 рублей — предложеніе показалось мнѣ заманчивымъ. Дѣйствительно, помимо спеціальной информаціонной сѣти Отдѣла Пропаганды, политическая агентура Главнаго Командованія на Кубани отличалась всѣми признаками кустарности и, такъ сказать, «экспромптности». Поэтому, обсудивъ съ полковникомъ N въ общихъ чертахъ планъ его организаціи и поставивъ ему непремѣннымъ условіемъ установленіе и поддержаніе полной связи съ полковникомъ У., я направилъ его къ моему помощнику Б. А. Энгельгардту, который въ то время управлялъ Отдѣломъ и былъ правомоченъ принять окончательное рѣшеніе. Полковникъ Энгельгардтъ, ввиду серьезности дѣла и размѣровъ ассигнованія, доложилъ обо всемъ генералу Лукомскому. Предсѣдатель Особаго Совѣщанія, съ своей стороны, одобрилъ наши предположенія. Изъ секретныхъ суммъ полковнику N былъ незамедлительно выданъ значительный авансъ, и онъ въ наилучшемъ настроеніи уѣхалъ въ Екатеринодаръ «ставить» свою агентуру.

Вскорѣ, однако, событія на Кубани приняли совсѣмъ новый оборотъ, и на практикѣ испытать планы N намъ такъ и не довелось.

* * *

Въ среду, 9 октября, меня вызвали къ телефону и отъ имени генерала Лукомскаго передали, что Главнокомандующій желаетъ меня видѣть по спѣшному дѣлу и ждетъ меня въ кабинетѣ Предсѣдателя Особаго Совѣщанія. Я тотчасъ же отправился въ домъ Бурцева, гдѣ и былъ принятъ генераломъ Деникинымъ въ присутствіи генерала Лукомскаго. Первыя слова, съ которыми обратился ко мнѣ Главнокомандующій, запечатлѣлись въ моей памяти съ фотографической точностью.

— «То, о чемъ я буду Вамъ сейчасъ говорить», сказалъ генералъ Деникинъ, «не подлежитъ ни обсужденію, ни разглашенію, а только исполненію».

Дальше Главнокомандующій пояснилъ, что Командованіе Кавказской арміи доложило ему о назрѣвшей необходимости рѣшительныхъ мѣръ противъ забывшагося въ своемъ политиканствѣ Екатеринодара. Кубанскіе самостійники окончательно потеряли голову и все смѣлѣе подкапываются подъ фронтъ, дискредитируя общія цѣли борьбы и сѣя рознь между казачествомъ и Командованіемъ. При этомъ они пользуются выгодными для нихъ формами кубанскаго парламентаризма, и потому рѣшительный ударъ по нимъ предполагаетъ не только личныя перемѣны, но и конституціонную реформу. Надо, сохраняя демократическую основу кубанскаго краевого строя, найти способы сдѣлать атаманскую власть сильной и независимой, какъ сумѣли же это сдѣлать на Дону для генерала Краснова. Генералы Врангель и Покровскій берутся провести такую реформу черезъ Краевую Раду, на меня же, какъ на управляющаго Отдѣломъ законовъ, возлагается задача составить примѣрную схему тѣхъ измѣненій въ кубанской конституціи, которыя отвѣчали бы потребностямъ чрезвычайнаго времени и видамъ Главнаго Командованія. Генералъ Деникинъ нѣсколько разъ подчеркивалъ, что онъ по прежнему не смѣшиваетъ съ политиканствующими самостійниками здоровыхъ элементовъ кубанскаго казачества. Поэтому дѣло шло бы не о подавленіи казачьей самобытности и не о лишеніи казачества его исконныхъ свободъ, а о созданіи такой организаціи краевой власти, которая гармонировала бы съ суровой обстановкой вооруженной борьбы и дала бы возможность этимъ здоровымъ элементамъ развернуть всю свою казачью мощь.

— «О подробностяхъ Вамъ надо будетъ уговориться съ Командующимъ Кавказской Арміей, — закончилъ генералъ Деникинъ. Генералъ Врангель здѣсь на вокзалѣ, въ своемъ поѣздѣ. Проще всего будетъ, если я приглашу его сюда для общей бесѣды».

* * *

Не прошло и четверти часа, какъ адъютантъ генерала Лукомскаго доложилъ о прибытіи Командующаго Кавказской Арміей и, въ кабинетъ быстрыми, большими шагами вошелъ очень высокій сухоща-

вый военный въ черкескѣ съ генералъ-лейтенантскими погонами и офицерскимъ Георгіемъ четвертой степени. Генералъ Врангель опустился въ кресло у письменнаго стола противъ генерала Деникина, и было любопытно наблюдать рядомъ этихъ двухъ героевъ бѣлой борьбы: одного невысокаго, полнаго, съ круглымъ благодушнымъ лицомъ, медлительной рѣчью и милой, застѣнчивой улыбкой и другого — стройнаго и подтянутаго, скораго въ движеніяхъ и словахъ, подчеркиваемыхъ рѣзкой жестикуляціей и выразительной мимикой. Кратко, ясно и опредѣленно генералъ Врангель изложилъ намъ свой планъ. Онъ былъ очень простъ, этотъ планъ. Къ началу засѣданій Краевой Рады, открытіе которой должно было состояться въ двадцатыхъ числахъ октября, генералъ Врангель прибываетъ въ Екатеринодаръ, гдѣ уже находится генералъ Покровскій, имѣя въ своемъ распоряженіи заблаговременно переброшенныя туда «на отдыхъ» съ фронта вѣрныя части. Въ качествѣ Командующаго Кавказской Арміей генералъ Врангель является въ Раду и поднимается на трибуну. Онъ произноситъ рѣчь, въ которой указываетъ на тяжелое положеніе арміи, забытой политиканствуюшимъ тыломъ, и отъ имени фронта настаиваетъ на необходимости пересмотра краевой конституціи. Немедленно послѣ его рѣчи группа членовъ Рады вноситъ соотвѣтствующее, заранѣе разработанное предложеніе. Если оно принимается Радой, генералъ Врангель прощается, выходитъ къ войскамъ, принимаетъ парадъ и въ тотъ же день, приказавъ воинскимъ частямъ грузиться для возвращенія на фронтъ, самъ также отбываетъ въ Царицынъ. Ну, а если Рада категорически отвергаетъ конституціонную реформу, тогда генералъ Врангель тоже выходитъ къ войскамъ и объясняетъ имъ, въ чемъ дѣло...

Впрочемъ, самъ Командующій Кавказской Арміей былъ совершенно увѣренъ, что къ крайнимъ мѣрамъ прибѣгать не придется и что все сойдетъ мирно и гладко. Въ этомъ его убѣждали имѣвшіяся у него положительныя свѣдѣнія, что оппозиція въ Радѣ очень тяготится искусственно поддерживаемымъ засиліемъ «черноморцевъ» и охотно поможетъ безболѣзненному проведенію конституціонной реформы.

Я обѣщалъ генералу Врангелю въ теченіе дня обдумать схему желательныхъ измѣненій въ кубанской конституціи, и мы условились встрѣтиться вечеромъ, у него въ поѣздѣ, чтобы передъ его отъѣздомъ на фронтъ еще разъ обсудить предстоявшее ему трудное и деликатное дѣло.

* * *

Вечеромъ я ушелъ изъ Особаго Совѣщанія, засѣдавшаго, какъ всегда, въ среду подъ предсѣдательствомъ Главнокомандующаго, и отправился на свиданіе съ генераломъ Врангелемъ. У меня съ собой былъ экземпляръ временнаго положенія объ управленіи Кубанскимъ Краемъ и мы совмѣстно просмотрѣли его статью за статьей, отмѣчая статьи, подлежавшія измѣненію или отмѣнѣ. Во время этой работы генералъ Врангель имѣлъ случай нѣсколько разъ высказывать свое мнѣніе по отдѣльнымъ вопросамъ, бывшимъ спорными между Ку-

банью и Главнымъ Командованіемъ. Меня поразила при этомъ довольно большая гибкость взглядовъ генерала Врангеля: отстаивая самое главное и основное, онъ обнаруживалъ готовность въ подробностяхъ, нерѣдко существенныхъ, считаться съ желаніями кубанцевъ и дѣлать имъ уступки. Было рѣшено, что къ двадцатому октября я приготовлю текстъ желательныхъ съ точки зрѣнія Главнаго Командованія поправокъ къ кубанской конституціи и что тогда ко мнѣ прибудетъ отъ генерала Врангеля вѣрный человѣкъ, который освѣдомитъ меня о дальнѣйшихъ намѣреніяхъ Командующаго и которому я передамъ заготовленные документы. О какихъ-либо личныхъ перемѣнахъ на Кубани особой рѣчи не было. Выяснилось только, что генералъ Филимоновъ едва ли удержитъ въ рукахъ атаманскую булаву, и что на его мѣсто расчитываетъ быть избраннымъ генералъ Покровскій.

* * *

Въ ближайшіе затѣмъ дни я безъ особаго труда набросалъ, считаясь съ указаніями Главнокомандующаго и пожеланіями генерала Врангеля, программу необходимыхъ перемѣнъ въ хорошо мнѣ знакомомъ положеніи объ управленіи Кубанскимъ Краемъ. Главная цѣль, которой должна была служить конституціонная реформа, состояла въ устраненіи неустойчивости Краевого Правительства. Для этого нужно было отказаться отъ традиціонной формы парламентарнаго режима, и упразднивъ политическую зависимость Правительства отъ Рады, сдѣлать его отвѣтственнымъ единственно передъ Войсковымъ Атаманомъ. Но разъ при этомъ отнюдь не имѣлось въ виду созданіе неограниченнаго атаманскаго самодержавія, то необходимо было провозгласить отвѣтственность самого атамана передъ Краевой Радой, какъ высшимъ органомъ Краевой власти, и въ то же время для воспрепятствованія превращенія Рады въ нѣкій всемогущій перманентно засѣдающій конвентъ, вооружить Атамана правомъ ея роспуска. Для упрощенія Краевого политическаго механизма и сведенія къ желательному въ военное время минимуму работы представительныхъ учрежденій, оставалось упразднить Законодательную Раду и постановить, что Краевая Рада имѣетъ нормально одну сессію въ годъ. По привычкѣ юриста мыслить отчетливыми формулами, я изложилъ намѣчаемыя перемѣны въ кубанской конституціи въ видѣ готоваго законопроэкта въ двухъ варіантахъ. Первый постановлялъ, что въ отмѣну и измѣненіе соотвѣтствующихъ статей временнаго положенія, впредь до окончанія вооруженной борьбы съ большевиками, Кубанскій Край управляется на нижеслѣдующихъ основаніяхъ: слѣдовали нѣсколько статей, устанавливавшихъ новый «атаманскій» режимъ. Второй варіантъ представлялъ собой опытъ конституціонной кодификаціи, т. е. состоялъ изъ текста временнаго положенія съ нанесенннными на него измѣненіями и дополненіями.

Кончивъ эту работу, я съѣздилъ въ Таганрогъ, доложилъ свои схемы Главнокомандующему и попросилъ его разрѣшенія вручить ихъ вѣстнику, ожидаемому мною отъ генерала Врангеля.

— «Этого будетъ недостаточно»,— сказалъ генералъ Деникинъ, «поѣзжайте сами и непремѣнно повидайтесь лично съ генераломъ Врангелемъ передъ его выступленіемъ въ Екатеринодарѣ. Вы хорошо знаете, что генералы въ конституціонныхъ вопросахъ часто дѣлаютъ промахи».

Тогда я попросилъ генерала Деникина командировать меня для осмотра подвѣдомственныхъ мнѣ учрежденій въ Царицынѣ, Новороссійскѣ и Кисловодскѣ. Я имѣлъ основаніе расчитывать въ одномъ изъ пунктовъ или на путяхъ къ нимъ встрѣтиться съ генераломъ Врангелемъ передъ его прибытіемъ въ Екатеринодаръ.

Вскорѣ же ко мнѣ прибылъ обѣщанный генераломъ Врангелемъ вѣстникъ, въ образѣ исполнявшаго при немъ должность генерала для порученій, полковника А. Полковникъ А. передалъ мнѣ письмо отъ генерала Врангеля. Въ письмѣ сообщалось, что въ двадцатыхъ числахъ генералъ Врангель собирается проѣхать въ Пятигорскъ и Кисловодскъ для совѣщанія съ генераломъ Эрдели, а затѣмъ посѣтить Екатеринодаръ. Приготовленные мною документы генералъ Врангель просилъ передать его посланцу. На словахъ полковникъ А. добавилъ, что въ ближайшіе дни два кубанскихъ полка будутъ переброшены съ фронта въ Екатеринодаръ, что одновременно въ Екатеринодаръ долженъ прибыть черезъ Новороссійскъ генералъ Покровскій изъ Крыма, и что самъ онъ по приказанію генерала Врангеля отправляется туда же. Тогда я рѣшилъ ѣхать прежде всего въ Новороссійскъ и оттуда въ Царицынъ и предложилъ полковнику А. довезти его до Екатеринодара.

Нашъ отъѣздъ былъ назначенъ на субботу 19 октября.

* * *

Мы выѣхали изъ Ростова въ субботу съ вечернимъ Новороссійскимъ поѣздомъ, въ вагонѣ, который я выхлопоталъ себѣ у В. П. Юрченко, дрянномъ, ободранномъ вагонѣ II-го класса. Въ Екатеринодарѣ ушелъ полковникъ А., унося съ собой пакетъ съ обоими моими конституціонными проэктами, а я поѣхалъ дальше въ сопровожденіи своего секретаря. Въ Новороссійскѣ мы навели прежде всего справки о генералѣ Покровскомъ; оказалось, что онъ еще не проѣзжалъ изъ Крыма, и его вагонъ стоялъ на запасномъ пути. Посмотрѣвъ работу учрежденій Отдѣла Пропаганды, я повернулъ обратно, распорядившись въ Тихорѣцкой отцѣпить мой вагонъ отъ ростовскаго поѣзда. Первоначально я собирался прямо изъ Новороссійска ѣхать на Царицынъ. Но такъ какъ до открытія Краевой Рады оставалось всего 3 дня и день отъѣзда генерала Врангеля изъ Царицына не былъ мнѣ точно извѣстенъ, то была опасность опоздать и уже не застать его на мѣстѣ. Поэтому я остановился на Тихорѣцкой и снесся съ Царицынымъ по телеграфу. Оттуда отвѣтили, что генералъ Врангель выѣдетъ черезъ нѣсколько дней въ Екатеринодаръ, Пятигорскъ и Кисловодскъ. Сообщая объ этомъ, начальникъ штаба генералъ Шатиловъ предлагалъ, въ случаѣ моего желанія, доставить мой вагонъ въ Царицынъ экстреннымъ паровозомъ. Однако, совѣщаніе со станціонными авторитетами обнаружило, что старенькія оси

моего вагона не выдержали бы такой экстренной доставки. Въ результатѣ мнѣ ничего другого не оставалось какъ дожидаться проѣзда генерала Врангеля на Тихорѣцкой. Вагонъ мой отвели на запасный путь и я прожилъ въ немъ цѣлую недѣлю.

Тихорѣцкая — это большой узловой пунктъ, гдѣ линія Новороссійскъ—Царицынъ скрещивается съ главной магистралью Владикавказской желѣзной дороги. Такой пунктъ всегда даетъ обильный матеріалъ для поучительныхъ наблюденій.

Больше всего и всего непріятнѣе поразилъ меня запущенный видъ Тихорѣцкаго вокзала.

Періодически онъ буквально заваливался человѣческими тѣлами —отпускными казаками, слѣдовавшими на побывку съ фронта домой и являвшими въ общемъ видъ достаточно разнузданный. Зрѣлище это напоминало знакомыя картины 1917—18 гг., когда по всей Россіи стихійно передвигались полчища дезертировъ и мѣшечниковъ. Такія же безотрадныя воспоминанія пробуждало и созерцаніе большинства поѣздовъ дальняго слѣдованія. Почти каждый изъ нихъ подходилъ къ станціи набитый до отказа, и выдержавъ новую атаку со стороны чаявшихъ движенія воды пассажировъ, отходилъ дальше, буквально облѣпленный людьми. Мало того, что, конечно, всѣ крыши вагоновъ были полны народу, иногда путешественники стояли плотной стѣной вокругъ туловища паровоза. Присматриваясь по нѣсколько разъ въ день къ этимъ живымъ иллюстраціямъ состоянія нашего транспорта, я невольно задумывался надъ тѣмъ, какое значеніе можетъ имѣть наша устная и печатная пропаганда рядомъ съ этими доказательствами нашего неумѣнія «наладить жизнь» въ тылу, и дать населенію то, что называется «хорошимъ управленіемъ».

Впрочемъ, одинъ разъ — это было въ праздникъ — нашъ вокзалъ преобразился, перроны и пути подметали и станціонное начальство нарядилось въ чистыя форменныя одежды.

— «Ужъ не ѣдетъ ли генералъ Врангель», подумалъ я, замѣтивъ суету на вокзалѣ, и послалъ секретаря справиться. Оказалось, что слѣдуетъ экстренный поѣздъ изъ Ростова, направляясь на Кавказскую. Дѣйствительно, вскорѣ къ станціи подлетѣлъ поѣздъ въ составѣ паровоза и одного салонъ-вагона, посвисталъ и понесся дальше. На вокзалѣ говорили, что это нѣсколько высшихъ нашихъ генераловъ выѣзжало на охоту.

* * *

Прошли мимо насъ эшелоны двухъ «вѣрныхъ» полковъ, перебрасываемыхъ съ фронта въ Екатеринодаръ «на отдыхъ». Проѣхалъ пассажирскимъ поѣздомъ туда же командиръ второго Кубанскаго корпуса генералъ Науменко. Казачьи эшелоны произвели неблагопріятное впечатлѣніе. Казаки все время горланили разухабистыя пѣсни, а одинъ изъ эшелоновъ, отходя отъ станціи, обострѣлялъ ее безпорядочнымъ огнемъ изъ винтовокъ.

* * *

26 октября, въ субботу, прибѣжалъ ко мнѣ начальникъ мѣстнаго пункта Отдѣла Пропаганды. Онъ доложилъ о полученной имъ сенсаціонной телеграммѣ и о вышедшемъ изъ-за нея столкновеніи съ казачьимъ начальствомъ. Телеграмма была отъ Прессъ-бюро и передавала текстъ приказа генерала Деникина отъ 25 октября Атаманамъ казачьихъ войскъ, Командующимъ арміями и Главноначальствующимъ. Генералъ Деникинъ сообщалъ, что лѣтомъ этого года делегаты Кубанскаго правительства Бычъ, Калабуховъ, Намитоковъ и Савицкій подписали въ Парижѣ съ представителями меджелиса горскихъ народностей союзный договоръ, которымъ кубанскія войсковыя части отдавались въ распоряженіе горскаго правительства и тѣмъ обрекалось на гибель терское войско; усматривая въ этомъ дѣяніи измѣну, генералъ Деникинъ приказывалъ, въ случаѣ появленія упомянутыхъ четырехъ лицъ на территоріи Вооруженныхъ Силъ Юга Россіи, арестовать ихъ и предать военно-полевому суду. По установившемуся порядку телеграмма была выставлена въ витринѣ пункта, и вотъ мѣстный атаманъ разгнѣвался и потребовалъ ея удаленія, угрожая въ противномъ случаѣ разбить витрину. Онъ доказывлаъ, что телеграмма подложная, и кричалъ, что не потерпитъ такого публичнаго поклепа на казачество. Я подробно распросилъ начальника пункта, допускаетъ ли онъ въ самомъ дѣлѣ возможность какой-нибудь мистификаціи, но онъ предъявилъ мнѣ подлинную телеграмму, устранявшую всякія сомнѣнія.

Признаюсь, я былъ смущенъ сообщеннымъ мнѣ извѣстіемъ. Мнѣ казалось очевиднымъ, что приказъ отъ 25-го октября опрокидывалъ весь планъ кубанской конституціонной реформы. Разъ въ числѣ адресатовъ телеграммы Главнокомандующаго былъ и Командующій Кавказской арміей, передъ генераломъ Врангелемъ возникла новая еще болѣе отвѣтственная задача — арестовать и предать суду члена Рады Калабухова, о возвращеніи котораго въ Екатеринодаръ сообщалось въ газетахъ. Все это было настолько ясно, что я рѣшилъ, что телеграммѣ Главнокомандующаго предшествовали особыя сношенія съ генераломъ Врангелемъ и что въ результатѣ ихъ планъ, намѣченный 9 октября, оставленъ и вмѣсто него принятъ какой-то другой, мнѣ неизвѣстный. Съ тѣмъ большимъ нетерпѣніемъ сталъ я дожидаться проѣзда генерала Врангеля.

Ждать пришлось недолго. Въ понедѣльникъ 28-го октября станція Тихорѣцкая съ утра чистилась и принаряживалась, а послѣ обѣда къ дебаркадеру подошелъ внушительный поѣздъ Командующаго Кавказской арміей.

По дорогѣ въ Екатеринодаръ мы имѣли возможность обсудить съ генераломъ Врангелемъ, какъ выражаются газетные хроникеры, «создавшееся положеніе».

Генералъ Врангель былъ тоже очень пораженъ телеграммой отъ 25-го октября. Она застигла его врасплохъ, какъ разъ наканунѣ отъѣзда. Конечно, она шла въ разрѣзъ съ прежними его планами и создавала въ Екатеринодарѣ совершенно новую обстановку. Вѣдь, не

можетъ же онъ, Командующій арміей, получившій отъ своего Главнокомандующаго приказъ арестовать и предать суду четырехъ измѣнниковъ, выступать съ привѣтственной рѣчью передъ собраніемъ, въ которомъ присутствуетъ одинъ изъ этихъ измѣнниковъ. Съ другой стороны, какъ онъ можетъ исполнить приказъ Главнокомандующаго въ отношеніи Калабухова, разъ Екатеринодаръ не входитъ въ его армейскій районъ и ни въ какой мѣрѣ ему не подчиненъ.

Поэтому вотъ что онъ придумалъ. Надо, чтобы Главнокомандующій включилъ Кубань въ тыловой районъ Кавказской арміи. Командующимъ тылового района будетъ назначенъ генералъ Покровскій. Онъ, Врангель, предпишетъ генералу Покровскому привести въ исполненіе приказъ Главнокомандующаго. И только послѣ того, какъ это будетъ сдѣлано, для него откроется возможность выступить въ Радѣ и настоять на проведеніи реформы конституціи.

Не знаю почему — вслѣдствіе ли телеграммы отъ 25-го октября, или подъ впечатлѣніемъ своихъ наблюденій на фронтѣ, но генералъ Врангель говорилъ о конституціонной реформѣ на Кубани безъ прежняго бодраго спокойствія. Онъ даже замѣтилъ, что и въ случаѣ полной удачи онъ лишь на короткое время вернется въ Царицынъ и будетъ просить затѣмъ объ освобожденіи его отъ должности Командующаго арміей. Онъ считалъ, что чѣмъ бы ни кончилась екатеринодарская драма, онъ лично уже не будетъ пользоваться былымъ обаяніемъ въ глазахъ казачества. И еще одну мысль настойчиво подчеркивалъ генералъ Врангель. «Я», говорилъ онъ, «подведу Кубань подъ высокую руку Главнаго Командованія, но пусть оно само не повторитъ своей ошибки и не разожметъ снова пальцы».

— «Когда будете въ Ставкѣ, скажите тамъ, чтобы они обдумали проэктъ объединенія Кубани, Терека и Ставріи подъ властью какого-либо полномочнаго представителя Главнокомандующаго».

Въ бесѣдѣ, естественно, были затронуты и нѣкоторыя общія темы. Генералъ Врангель очень критически отзывался о стратегіи Штаба Главнокомандующаго, приводящей къ непосильному для южныхъ армій растягиванію линіи фронта. Не слѣдовало увлекаться и поспѣшнымъ движеніемъ на Москву. Со всѣхъ точекъ зрѣнія благоразумнѣе было бы остановиться передъ зимой на заранѣе выбранныхъ рубежахъ и спокойно заняться укрѣпленіемъ фронта и организаціей тыла. Нашей правительственной системы генералъ Врангель не касался, но онъ выражалъ сожалѣніе, что по какимъ-то непонятнымъ причинамъ остаются неиспользованными талантъ и опытъ такого государственнаго дѣятеля, какъ А. В. Кривошеинъ.

Въ Екатеринодарѣ, куда мы прибыли вечеромъ, никакой встрѣчи Командующему арміей не было, а просто въ вагонъ генерала Врангеля вошли генералы Покровскій и Науменко, полковникъ А. и еще какой-то неизвѣстный мнѣ кубанскій генералъ, повидимому, являвшійся Командующему по личному своему дѣлу. Генералъ Покровскій доложилъ генералу Врангелю екатеринодарскую обстановку. Распоряженіе Главнокомандующаго о включеніи Кубани въ тыловой районъ арміи еще не получено. Между тѣмъ въ политическихъ кругахъ царитъ страшное возбужденіе. Правительство и Рада засѣда-

ютъ и протестуютъ. Бѣдный А. П. Филимоновъ изнемогаетъ въ борьбѣ на два фронта, съ одной стороны убѣждая Главнокомандующаго не нарушать прерогативъ Кубани, съ другой удерживая Раду отъ непоправимыхъ шаговъ. Изъ совѣщанія генераловъ, котораго я былъ молчаливымъ слушателемъ, для меня выяснилось, что помимо ареста члена Рады Калабухова генералу Покровскому ставилась еще задача положить конецъ дѣятельности «самостійниковъ» путемъ удаленія изъ Рады главныхъ смутьяновъ, численность которыхъ опредѣлялась различно — отъ 10 до 40 человѣкъ. И то, и другое — арестъ Калабухова и устраненіе группы «самостійниковъ» генералъ Покровскій принималъ на себя съ тѣмъ, чтобы возможно меньше вмѣшивать въ дѣло Главное Командованіе и генерала Врангеля. Этотъ храбрый, рѣшительный и суровый человѣкъ охотно былъ готовъ одинъ нести весь одіумъ самой болѣзненной части Кубанской операціи и предоставить своему начальнику «чистую работу» проведенія конституціонной реформы.

Генералъ Врангель, напротивъ, настаивалъ, чтобы все было сдѣлано въ строгомъ порядкѣ, чтобы каждый несъ свою долю отвѣтственности за свои дѣйствія и распоряженія. Между прочимъ, онъ спросилъ генерала Науменко, не согласился бы ли тотъ выставить свою кандидатуру въ атаманы на мѣсто «обреченнаго» генерала Филимонова. Генералъ Науменко отвѣтилъ отрицательно, прибавивъ, что онъ считаетъ политику Главнокомандующаго въ кубанскомъ вопросѣ ошибочной, а нѣкоторыя изъ претензій кубанцевъ совершенно основательными. Въ концѣ концовъ было признано, что генералу Врангелю пока дѣлать въ Екатеринодарѣ нечего и что онъ поѣдетъ черезъ Пятигорскъ и Кисловодскъ и вмѣшается въ ходъ событій позднѣе, въ зависимости отъ указаній Главнокомандующаго и донесеній генерала Покровскаго.

При прощаніи я въ свою очередь задалъ генералу Науменко вопросъ, считаетъ ли онъ неизбѣжнымъ принятіе крайнихъ мѣръ. Популярный кубанскій генералъ, не колеблясь, отвѣтилъ, что это совершенно неизбѣжно и что «стукнуть» необходимо. Генералъ Покровскій обратился со своей стороны ко мнѣ съ личной просьбой. Въ виду возможнаго избранія его Войсковымъ атаманомъ онъ просилъ меня на всякій случай составить проэктъ обращенія его правительства къ населенію края и двухъ приказовъ — Кубанскому казачьему войску и Кубанцамъ, сражающимся на фронтѣ; въ правительственномъ обращеніи особое вниманіе должно было быть, по мнѣнію генерала, удѣлено вопросамъ экономической политики и поднятію производительныхъ силъ Края. Кромѣ того, генералъ Покровскій предложилъ мнѣ остаться въ Екатеринодарѣ, гдѣ будто бы я могъ бы быть полезенъ ему, а затѣмъ и генералу Врангелю. Принципіально согласившись исполнить первую просьбу, я рѣшительно отказался исполнить вторую. Я сослался на то, что не уполномоченъ на это Главнокомандующимъ и что по личному моему разумѣнію было бы совершенно недопустимо присутствіе въ Екатеринодарѣ въ критическіе для Кубани дни члена Особаго Совѣщанія, да еще съ такой заостренной въ казачьихъ вопросахъ репутаціей, какъ моя.

* * *

— «Ну, какъ же все это Вамъ нравится», спросилъ меня генералъ Врангель, когда мы остались одни и поѣздъ двинулся на Кавказскую.

Я откровенно отвѣтилъ, что все это мнѣ совершенно не нравится и что я серьезно опасаюсь, какъ бы, благодаря получающейся нескладицѣ, Екатеринодарское предпріятіе не кончилось большой и неловкой неудачей для Главнаго Командованія. Генералъ Врангель былъ явно недоволенъ результатами екатеринодарскаго свиданія съ генералами Покровскимъ и Науменко. Онъ нѣсколько разъ выражалъ сожалѣніе, что не будетъ имѣть возможности ранѣе, чѣмъ приступитъ къ рѣшительнымъ дѣйствіямъ, повидаться съ Главнокомандующимъ, чтобы подробно доложить ему о положеніи дѣла и получить окончательныя указанія. У меня впереди была еще недѣля свободнаго времени и въ Пятигорскѣ меня ничто не удерживало. Поэтому я предложилъ генералу Врангелю съѣздить въ Ростовъ къ генералу Деникину для подробнаго устнаго доклада. Генералу Врангелю въ этотъ моментъ рисовались какъ возможные три варіанта дальнѣйшаго его поведенія: или онъ уѣзжаетъ на фронтъ, предоставляя генералу Покровскому дѣйствовать въ Екатеринодарѣ, или онъ уѣзжаетъ на фронтъ, предварительно запретивъ генералу Покровскому предпринимать какія-бы то ни было насильственныя мѣры, или, наконецъ, онъ, дѣйствуя по командѣ, приказываетъ генералу Покровскому исполнить приказъ Главнокомандующаго отъ 25-го октября, а также пресѣчь агитацію «самостійниковъ» путемъ устраненія изъ Рады и преданія суду намѣченныхъ 10 человѣкъ. Въ зависимости отъ того, какой варіантъ одобритъ генералъ Деникинъ, генералъ Врангель будетъ ждать одной изъ трехъ телеграммъ изъ Ставки. Въ первомъ случаѣ ему должно быть просто приказано отбыть на фронтъ въ виду невозможности при создавшихся условіяхъ пріѣзда его въ Екатеринодаръ; во второмъ: приказаніе объ отбытіи на фронтъ должно было сопровождаться другимъ — о недопущеніи какихъ-либо эксцессовъ въ Екатеринодарѣ. Наконецъ, въ третьемъ случаѣ — нужно было приказать ему исполнить приказъ отъ 25-го октября и принять мѣры къ прекращенію въ Екатеринодарѣ злонамѣренной агитаціи. Генералъ Врангель имѣлъ въ виду закрѣпить эти свои пожеланія въ письмѣ на имя Помощника Главнокомандующаго Предсѣдателя Особаго Совѣщанія генерала Лукомскаго. Я же обязался безпристрастно освѣтить всѣ три варіанта, но не скрылъ, что, если Главнокомандующій поинтересуется узнать мое личное мнѣніе, то я выскажусь въ пользу третьяго варіанта.

На другой день въ Пятигорскѣ была торжественная встрѣча, а потомъ парадный обѣдъ у генерала Эрдели. Не досидѣвъ до конца обѣда, я отправился на вокзалъ съ письмомъ генерала Врангеля къ генералу Лукомскому въ карманѣ. Я надѣялся быть въ Ростовѣ въ среду подъ вечеръ, но генерала Деникина въ городѣ не было: въ связи съ слухами о готовящихся покушеніяхъ генералъ Деникинъ сталъ мѣнять дни своихъ поѣздокъ въ Ростовъ и какъ разъ на этой недѣлѣ Особое Совѣщаніе въ среду не засѣдало. Выслушавъ краткое мое со-

общеніе и ознакомившись съ письмомъ генерала Врангеля, генералъ Лукомскій также склонился къ третьему варіанту, о чемъ и сдѣлалъ помѣтку на самомъ письмѣ. Было уже поздно. Послѣдній пассажирскій поѣздъ въ Таганрогъ давно отошелъ. Генералъ Лукомскій распорядился, чтобы меня доставили въ Ставку экстреннымъ поѣздомъ и въ 11-томъ часу вечера я прибылъ въ домъ, занимаемый Главнокомандующимъ.

* * *

Въ кабинетѣ генерала Деникина я былъ встрѣченъ съ нескрываемой ироніей. —

«Вотъ таковы наши «переворотчики», сказалъ улыбаясь начальникъ штаба, сами заварятъ кашу, а потомъ бьютъ отбой».

И генералъ Романовскій протянулъ мнѣ телеграмму, только что полученную отъ генерала Врангеля. Генералъ Врангель просилъ въ ней Главнокомандующаго не принимать окончательнаго рѣшенія до выслушанія моего доклада и прибавлялъ, что получилъ въ свое распоряженіе данныя, позволяющія расчитывать на мирное улаженіе конфликта. Я отвѣтилъ, что хотя подобно генералу Лукомскому лично считаю неизбѣжнымъ рѣшительныя мѣры въ смыслѣ третьяго изъ предложенныхъ генераломъ Врангелемъ варіантовъ, тѣмъ не менѣе мнѣ понятны сомнѣнія, испытываемыя «переворотчиками». Я сослался при этомъ на настроеніе фронта, на сложную обстановку въ Екатеринодарѣ и на малую надежность переброшенныхъ туда частей. Особо я отмѣтилъ противорѣчіе приказовъ отъ 25-го октября первоначально принятому плану. Тутъ генералъ Деникинъ прервалъ меня замѣчаніемъ, что ему тоже понятно недовольство генерала Врангеля этимъ приказомъ, который устраняетъ всякую возможность отступленія. Не встрѣтило сочувствія Главнокомандующаго и предположеніе генерала Врангеля о созданіи особаго представительства Главнаго Командованія для объединенія Кубани, Терека и Ставріи. Генералъ Деникинъ замѣтилъ только, что, вѣроятно, генералъ баронъ Врангель уже видитъ себя въ роли Намѣстника Сѣвернаго Кавказа.

Подводя итогъ моему докладу и послѣдовавшей за нимъ бесѣдѣ, генералъ Деникинъ сказалъ, что, если генералъ баронъ Врангель желаетъ имѣть бумажку съ подписью его, Главнокомандующаго, то онъ охотно такую бумажку дастъ. Тутъ же онъ поручилъ генералу Романовскому соединиться прямымъ проводомъ съ Кисловодскомъ и передать генералу Врангелю составленную имъ телеграмму. Текстъ телеграммы точно отвѣчалъ третьему варіанту.

Я пробылъ въ кабинетѣ генерала Деникина, пока шли сношенія съ Кисловодскомъ, почти до утра. За это время генералъ Деникинъ ознакомилъ меня съ содержаніемъ рѣчи, съ которой онъ долженъ былъ выступить въ слѣдующій четвергъ на Большомъ Войсковомъ Кругѣ въ Новочеркасскѣ; рѣчь, какъ всегда у генерала Деникина, отличалась большой убѣдительностью и задушевностью. Я доложилъ Главнокомандующему проэктъ обширнаго политическаго циркуляра

по Вѣдомству Пропаганды, который собирался издать при вступленіи своемъ въ должность. Генералъ Деникинъ сдѣлалъ нѣсколько очень ядовитыхъ замѣчаній къ этой моей попыткѣ систематически изложить главныя основы добровольческой политики. Наконецъ, уполномочивъ меня составить для генерала Покровскаго нужные ему документы, генералъ Деникинъ пожелалъ мнѣ счастливаго пути въ Кисловодскъ.

*

Краткое мое пребываніе въ Кисловодскѣ оказалось въ сущности безпредметнымъ. Генералъ Врангель былъ очень занятъ, — его съ утра и до вечера осаждали всевозможные дѣятели и представители организацій до скаутовъ включительно. При свиданіи онъ сказалъ, что надежда на мирное разрѣшеніе кризиса появилась у него въ связи съ пріѣздомъ къ нему генерала Науменко, который на извѣстныхъ условіяхъ соглашался выставить свою кандидатуру въ атаманы. Но телеграмма, полученная имъ отъ Главнокомандующаго, положила конецъ колебаніямъ. Онъ послалъ уже инструкціи въ Екатеринодаръ генералу Покровскому, который долженъ былъ со дня на день выступить. По полученіи отъ него донесенія объ исполненіи приказа Главнокомандующаго генералъ Врангель собирался пріѣхать въ Екатеринодаръ выступить въ Радѣ и вести переговоры съ лидерами «линейской» группы о конституціонной реформѣ на основѣ моихъ проэктовъ.

Такимъ образомъ, миссія моя была закончена и въ субботу, 2-го ноября я возвратился въ Ростовъ.

* *

Въ дальнѣйшемъ событія на Кубани развивались внѣ поля моего непосредственнаго зрѣнія. Я слѣдилъ за ними по сообщеніямъ нашей екатеринодарской информаціи. Къ тому же они болѣе или менѣе общеизвѣстны.

Между полученіемъ генераломъ Покровскимъ инструкцій отъ генерала Врангеля и началомъ активныхъ дѣйствій прошло нѣсколько дней. Наши правительственные круги ставили даже въ упрекъ генералу Покровскому такое промедленіе. Но, повидимому, оно вызывалось особенностями обстановки, сложившейся въ Екатеринодарѣ и требовавшей большой осторожности и тщательной подготовки. Не переставая протестовать противъ нарушенія Кубанскаго суверенитета, екатеринодарскія власти спѣшили въ то же время уничтожить самый поводъ къ конфликту. Краевое правительство постановило считать парижскій договоръ дружбы аннулированнымъ, а подписавшихъ его делегатовъ превысившими свои права и лишило делегацію Быча полномочій. Членъ делегаціи Калабуховъ въ своихъ объясненіяхъ передъ Радой пытался придать невинный характеръ поступку делегатовъ, доказывая, что то, что они подписали, было собственно не договоромъ, а только проэктомъ договора.

Если память мнѣ не измѣняетъ, генералъ Покровскій предъявилъ Радѣ ультимативное требованіе о выдачѣ ему для ареста 11 членовъ

Рады. Вечеромъ 5-го ноября ультиматумъ былъ переданъ черезъ Войскового Атамана и срокъ его истекалъ 6-го ноября въ 12 часовъ дня. На другой день съ утра генералъ Покровскій велъ въ атаманскомъ дворцѣ съ лидерами «линейской» группы переговоры, относительно содержанія которыхъ существуетъ нѣсколько противорѣчивыхъ версій. Во всякомъ случаѣ переговоры эти, вѣроятно, не дали результатовъ, такъ какъ около 12 часовъ генералъ Покровскій сѣлъ на коня и подъѣхалъ къ городскому театру, въ которомъ засѣдала Рада, предварительно занявъ войсками прилегающія къ ней улицы и входы. На новое требованіе генерала Покровскаго въ теченіе 5 минутъ 11 членамъ Рады сдаться, послѣдовала капитуляція. Намѣченные члены Рады были одинъ за другимъ арестованы офицерами генерала Покровскаго и доставлены сначала въ атаманскій дворецъ, а оттуда въ домъ Фотіади, гдѣ раньше жилъ генералъ Деникинъ, а теперь квартировалъ Командующій войсками. Въ ночь на 7-ое ноября членъ Рады Калабуховъ былъ казненъ по приговору военно-полевого суда «за измѣну Россіи и кубанскому казачеству», какъ значилось на дощечкѣ, прикрѣпленной на груди у казненнаго. Такая же участь могла угрожать и остальнымъ арестованнымъ членамъ Рады. Но генералъ Деникинъ по ходатайству спеціальной делегаціи Краевой Рады замѣнилъ преданіе военно-полевому суду высылкой за границу.

Наконецъ, 7-го ноября въ Екатеринодаръ прибылъ генералъ Врангель, который и приступилъ къ осуществленію намѣченнаго 9-го октября плана только при условіяхъ неизмѣримо болѣе невыгодныхъ и тягостныхъ. Командующій Кавказской арміей произнесъ свою рѣчь въ Краевой Радѣ, а затѣмъ пригласилъ къ себѣ представителей отъ оппозиціи на совѣщаніе по поводу конституціонной реформы. Члены Рады забраковали нашъ проэктъ и вмѣсто него предложили свой собственный, который и былъ проведенъ черезъ Раду въ спѣшномъ порядкѣ. Согласно ему Законодательная Рада, правда, упразднялась, однако всѣ ея функціи переходили къ Краевой Радѣ, передъ которой становилось отвѣтственнымъ правительство. Для усиленія власти Войскового Атамана было сдѣлано немного... Атаманъ долженъ былъ впредь избираться не Краевой Радой, а спеціальной коллегіей — Атаманской Радой; кромѣ того, онъ получалъ, какъ и въ моемъ проэктѣ, право роспуска Краевой Рады. Такъ кубанскій парламентаризмъ еще разъ торжествовалъ побѣду, сохраняя за Войсковымъ Атаманомъ роль политически безличнаго президента парламентарской республики.

Примѣрно 10-го ноября Кубань съ ея обновленной конституціей была предоставлена самой себѣ. Замѣститель предсѣдателя Рады И. Л. Макаренко, входившій въ число лицъ, предназначенныхъ къ аресту, скрылся. Вмѣсто него былъ избранъ Д. Е. Скобцовъ, и президіумъ Рады получилъ отъ самостійниковъ презрительную кличку «президіумъ генерала Покровскаго». Генералъ Филимоновъ окончательно ушелъ въ отставку. Какъ и слѣдовало ожидать, кандидатура генерала Покровскаго не нашла ни съ чьей стороны серьезной поддержки. Атаманомъ сталъ генералъ Н. М. Успенскій, всегда благоже-

лательно относившійся къ Добровольчеству. Предсѣдателемъ краевого правительства былъ опять назначенъ Ф. С. Сушковъ; формированіе кабинета очень затянулось, въ частности благодаря непремѣнному желанію самого атамана видѣть въ должности управляющаго вѣдомствомъ внутреннихъ дѣлъ одного популярного кубанскаго генерала, правильно или неправильно слывшаго недоброжелателемъ Главнаго Командованія.

* * *

Въ печати и въ обществѣ ноябрьскія событія встрѣтили, естественно, различную оцѣнку: суровое осужденіе слѣва и единодушное одобреніе поддерживавшихъ Главное Командованіе элементовъ. Въ общемъ можно сказать, что, какъ это всегда бываетъ со всякимъ сильнымъ и удачнымъ «жестомъ», даже только кажущимся сильнымъ и удачнымъ, одобреніе безусловно преобладало. На дѣлѣ къ несчастью Главное Командованіе рѣшительно и безнадежно запоздало со своей попыткой разрубить кубанскій узелъ. Цѣлый годъ ядъ самостійничества безпрепятственно отравлялъ и разрушалъ здоровый по существу организмъ кубанскаго казачества. И то, что могло годъ или полгода назадъ послужить во спасеніе обще-русскаго дѣла и самой Кубани, послужило лишь новымъ матеріаломъ для бѣшеной агитаціи самостійныхъ враговъ національнаго освободительнаго движенія.

Post scriptum. Какъ явствуетъ изъ моего разсказа, Д. Е. Скобцовъ совершенно правильно приписываетъ конституціонный проэктъ, переданный генераломъ Врангелемъ на разсмотрѣніе группы членовъ Рады, «проф. С—ву, творцу всяческой хитрой механики при Главномъ Командованіи» (статья «Драма Кубани», «Голосъ Минувшаго на чужой сторонѣ» № 1, стр. 256). Но едва ли онъ правъ, когда упрекаетъ авторовъ проэкта въ томъ, что ими предлагалось «вмѣсто неустойчиваго правительства создать неустойчиваго атамана» (Г. М. стр. 255). Вѣдь пойти дальше и въ цѣляхъ созданія «устойчивости» войскового атамана вовсе устранить его отвѣтственность передъ Краевой Радой, не значило ли бы это вводить на Кубани диктатуру, столь ненавистную кубанскимъ дѣятелямъ обоихъ лагерей? Зато при конституціонной реформѣ, проведенной самими кубанцами по соглашенію съ генераломъ Врангелемъ, неустойчивое правительство, очевидно, такъ и оставалось неустойчивымъ, разъ сохранялось въ силѣ начало его парламентарной зависимости отъ Рады, хотя бы и не Законодательной, а Краевой.

Признавая, что исправленіе кубанской конституціи являлось «назрѣвшей задачей», Д. Е. Скобцовъ возражаетъ противъ «посторонняго нажима», который могъ лишь принести большой вредъ, «ибо придавалъ естественному пересмотру конституціи характеръ вынужденности». (Г. М. стр. 255). Что «посторонній нажимъ» въ такого рода дѣлахъ является дѣйствіемъ рискованнымъ и обоюдоострымъ,

это ясно само собой. Отлично сознавали это и дѣятели Главнаго Командованія, которые — вѣроятно, потому такъ и запоздали со своимъ «нажимомъ». И, если кубанскіе дѣятели ждали до ноября 1919 года съ осуществленіемъ своей «назрѣвшей задачи», то не слѣдуетъ ли отсюда, что доля отвѣтственности за «нажимъ», на который вовсе не съ легкимъ сердцемъ рѣшилось Главное Командованіе, ложится и на нихъ? Къ тому же, за годъ передъ тѣмъ введя въ Краевую Раду представителей Главнаго Командованія и допустивъ пересмотръ въ согласительной съ нимъ комиссіи принятыхъ уже Радой основъ Кубанской конституціи, сами кубанцы засвидѣтельствовали, что политическій строй Кубани не былъ для Главнаго Командованія совсѣмъ «постороннимъ» дѣломъ.

Наконецъ, характеризуя своихъ политическихъ противниковъ «черноморцевъ», Д. Е. Скобцовъ старается придать ихъ идеологіи и тактикѣ возможно безобидный видъ. Онъ даже утверждаетъ, что этихъ идейныхъ, а частью и личныхъ «друзей» Петлюры, окрестила кубанскими самостійниками только «не разбирающаяся въ подробностяхъ политическая улица» (Г. М. стр. 114). А дальше онъ, упоминая о появленіи въ тылу добровольцевъ двухъ повстанческихъ фронтовъ — петлюровскаго и горскаго и о томъ, что на обоихъ этихъ фронтахъ дѣйствовали кубанскія части, добавляетъ:

— «Для кубанскаго правящаго большинства создавалось неестественное положеніе: душить собственными руками дѣло, которому оно не могло не сочувствовать и которому оно готово было даже помогать». (Г. М. стр. 226).

Трудно было бы лучше и убѣдительнѣе объяснить, почему Главное Командованіе видѣло въ кубанскихъ самостійникахъ - черноморцахъ враговъ и предателей дѣла освобожденія и возсозданія Великой Россіи.

К. С.

Красная Армія на Южномъ фронтѣ
въ 1918—1920 гг.

(по документамъ и секретнымъ приказамъ, захваченнымъ въ бояхъ 1-ымъ Корпусомъ Добровольческой Арміи *)

М. Критскаго

Въ Январѣ 1919 года красная армія на Кавказѣ была окончательно разгромлена. Горстью бѣлыхъ были разбиты, по собственному выраженію Троцкаго, «полчища красныхъ». Большая часть командного состава комиссаровъ на автомобиляхъ умчалась въ Грузію по Военно-Грузинской дорогѣ, меньшинство проскочило на дорогу изъ Св. Креста въ Астрахань. Красноармейцы разбѣгались, сдавались и тысячами умирали отъ тифа.

Вскорѣ послѣ разгрома красныхъ І-ая дивизія Добровольцевъ была переброшена въ Каменноугольный раіонъ. Въ Маѣ — къ началу наступленія Добровольцевъ — І-ая дивизія была развернута въ І-й Армейскій Корпусъ, въ составъ коего вошли Корниловскій, Марковскій, Дроздовскій и Самурскій пѣхотные полки, а также Алексѣевскій конный полкъ. Командиромъ Корпуса былъ назначенъ Генералъ Кутеповъ.

Противъ І-го Корпуса — ядра всей Добровольческой Арміи Генерала Деникина — въ 1919 и 1920 гг. дѣйствовала вся XIII армія красныхъ, правый флангъ VIII и лѣвый XIV арміи. Въ среднемъ противъ І-го Корпуса было всегда сосредоточено до 35.000 штыковъ, отъ 2.000 до 4.000 сабель, 100—150 орудій, до 10 бронепоѣздовъ и столько же броневыхъ автомобилей, но бывали бои, какъ напримѣръ передъ взятіемъ Добровольцами Курска, когда противъ І-го Корпуса было брошено одновременно 79 пѣхотныхъ и кавалерійскихъ полковъ съ 9 бронепоѣздами.

Не смотря на большое количество забираемыхъ въ плѣнъ красноармейцевъ и матеріальной части, не смотря на большія потери красныхъ убитыми и ранеными, тѣмъ не менѣе численность совѣтскихъ войскъ противъ І-го Корпуса почти всегда оставалась неизмѣнной въ виду производимой большевиками усиленной мобилизаціи и въ виду частаго подвоза войскъ съ тыла и съ другихъ фронтовъ. Такъ за время подхода къ Харькову въ теченіе 1½ — 2 мѣсяцевъ І-мъ Корпусомъ по произведенному подсчету было разбито до ста отдѣльныхъ боевыхъ единицъ, входившихъ въ составъ армій, дѣйствовавшихъ противъ І-го Корпуса. За боевую единицу въ этомъ подсчетѣ былъ принятъ — полкъ, отрядъ, бронепоѣздъ. Нѣкоторые полки насчитывали до 2.500 штыковъ.

---

*) Во всѣхъ документахъ новая орѳографія замѣнена старой.

Весною 1919 года I-й Корпусъ перешелъ въ наступленіе и къ 12 Іюня весь Донецкій бассейнъ и гор. Харьковъ были очищены отъ совѣтскихъ войскъ. Этотъ ударъ произвелъ на красноармейцевъ ошеломляющее впечатлѣніе. Совѣтскія войска начали разваливаться. По словамъ плѣнныхъ — «у насъ въ полкахъ только и разговору, что о салѣ для пятокъ». Многіе дезертировали, остающіеся старались всячески уклониться отъ строя. 28 Мая былъ даже изданъ такой довольно безграмотный приказъ:

> «всѣмъ командирамъ слѣдить и предупреждать всѣхъ товарищей, если будутъ изъ нихъ у кого съ цѣлью засыпаны табакомъ, золой и т. п. глаза, то послѣдніе подлежатъ самымъ строгимъ наказаніямъ въ виду того, что подобныя явленія стали въ данное время почти обычаемъ».

Мало того, нѣкоторыя части стали открыто выступать противъ совѣтской власти. Въ этомъ отношеніи очень характерно слѣдующее телеграфное донесеніе Командира I-ой отдѣльной Украинской бригады:

> «Командармъ 13. — 29 Мая 1919 года доношу, что проходящей частью I-й бригады 9-й дивизіи, во главѣ съ Командиромъ и Комиссаромъ бригады, на ст. Яма былъ произведенъ разгромъ эшелона I-й Отд. Укр. бригады. Уничтожены секретные документы, карты, вся оперативная переписка, портреты вождей революціи порваны. Разоружены весь штабъ, учебная и комендантская команды ввѣренной мнѣ бригады. Разграблены всѣ вещи, такъ что намъ нельзя перемѣнить одежды и бѣлья. Старшина комендантской команды Дюдюкъ и помощникъ Начштаба Бабенко избиты прикладами и находятся въ безнадежномъ состояніи. Разграблено два вагона съ хлѣбомъ, въ виду чего завтра бригада останется безъ продовольствія. Весь этотъ погромъ сопровождался возгласами — бей жидовъ и коммунистовъ. Уведено нѣсколько верховыхъ лошадей. Особенно отличалась кавалерія бригады, состоящая изъ полковыхъ конныхъ развѣдчиковъ. Кромѣ того этой же бригадой въ ночь съ 28 на 29 Мая разграбленъ городъ Бахмутъ. Пущенный для прекращенія безобразія въ Бахмутѣ броневикъ «Гроза» былъ обстрѣленъ, а ночью на рельсы при возвращеніи его съ позиціи были положены шпалы съ цѣлью произвести крушеніе. Прошу Вашихъ срочныхъ распоряженій для самаго безпощаднаго подавленія бандитовъ, т. к. извѣстія о сдѣланномъ подѣйствовали подавляющимъ и разлагающимъ образомъ на части ввѣренной мнѣ бригады, которыя, стоя на позиціи, остались безъ продовольствія. Нр. 1015, Комбриг I отд. укр. (подпись не разборчива). Политкомъ *Трояновъ*».

Съ этого времени все вниманіе краснаго командованія обращается на Южный фронтъ. «Нашъ Южный фронтъ переживаетъ сейчасъ тяжелый кризисъ» — пишетъ Троцкій въ своемъ приказѣ № 105 отъ 5 Іюня 1919 года. «Серьезность положенія требуетъ безотлагательнаго принятія самыхъ драконовскихъ мѣръ» — отдаетъ позднѣе приказъ Особоуполномоченный Революціоннымъ Военнымъ Совѣтомъ XIII арміи Быкъ.

Захваченные въ бояхъ I-мъ Корпусомъ секретные приказы и документы довольно подробно рисуютъ состояніе красной арміи на Южномъ фронтѣ въ 1918—1920 гг., а также выясняютъ тѣ главныя мѣры, кторыя были приняты краснымъ командованіемъ для поднятія боеспособности своей арміи.

Эти мѣропріятія были организаціоннаго, воспитательнаго, репрессивнаго и поощрительнаго характера.

Въ ихъ выработкѣ принимали участіе военные спеціалисты — генералы и офицеры Генеральнаго Штаба, приглашенные Троцкимъ на совѣтскую службу. Съ ихъ помощью были выяснены главнѣйшія причины военныхъ неуспѣховъ и немедленно приступлено къ ихъ устраненію. Красную армію рѣшили создавать по принципамъ военной науки въ преломленіи большевистскаго міропониманія.

Насколько успѣшно была выполнена эта задача — даютъ отвѣтъ нижеприводимые документы, которые, конечно, исчерпывающаго значенія имѣть не могутъ.

I. МѢРОПРІЯТІЯ ОРГАНИЗАЦІОННАГО ХАРАКТЕРА.

1) ПРИНЦИПЪ ЕДИНАГО КОМАНДОВАНІЯ.

Прежде всего приказомъ № 43 отъ 5—X 1918 года на Южномъ фронтѣ былъ проведенъ принципъ единаго командованія. Троцкій — народный комиссаръ по военнымъ и морскимъ дѣламъ и въ то же время предсѣдатель революціоннаго военнаго совѣта республики — этотъ приказъ начинаетъ такъ:

«Именемъ совѣта народныхъ комиссаровъ привѣтствую красныя войска Южнаго фронта».

Затѣмъ, отдавъ дань геройству этихъ войскъ и отмѣтивъ, что не смотря на большія жертвы и потери, ихъ борьба не дала желательныхъ результатовъ, Троцкій указываетъ:

«но главная причина вашихъ прошлыхъ неуспѣховъ въ томъ, что отдѣльные отряды (бригады, дивизіи) дѣйствовали въ разбродъ, безъ связи, безъ обшаго командованія, наступали и отступали по собственному усмотрѣнію. Бывало даже не разъ, что командиры отдѣльныхъ отрядовъ не выполняли боевыхъ приказовъ, шедшихъ сверху. Этотъ пагубный, преступный образъ дѣйствій будетъ отнынѣ уничтоженъ съ корнемъ Во главѣ всѣхъ армій Южнаго фронта поставленъ Революціонный Военный Совѣтъ... Всѣ приказы и распоряженія совѣта подлежатъ безусловному и немедленному исполненію. Командиры и комиссары, которые осмѣлятся нарушить дисциплину, будутъ независимо отъ ихъ прежнихъ заслугъ немедленно преданы суду Революціоннаго Военнаго Трибунала Южнаго фронта».

Первый составъ военнаго совѣта былъ таковъ: Командующій фронтомъ П. П. Сытинъ, народный комиссаръ А. Г. Шляпниковъ, членъ рев. воен. сов. А. К. Мѣхоношинъ и бывшій членъ коллегіи народнаго комиссаріата по военнымъ дѣламъ П. Лазимиръ. Командующій Сытинъ рекомендуется въ приказѣ, какъ —

«опытный боевой начальникъ, на дѣлѣ доказавшій свою вѣрность рабочей и крестьянской революціи, а товарищи Шляпниковъ, Мѣхоношинъ и Лазимиръ — старые испытанные борцы за дѣло рабочаго народа».

Свой приказъ Троцкій кончаетъ въ стилѣ стараго полководца:

«Солдаты Южнаго фронта, для васъ пробилъ часъ рѣшительныхъ дѣйствій. Бѣлогвардейскія банды должны быть раздавлены. Тѣснѣе сомкнитесь въ ряды. Совѣтская республика ждетъ вашихъ подвиговъ и вознаградитъ васъ по заслугамъ. Впередъ къ побѣдѣ!»

Въ силу этого приказа всѣ самостоятельные многочисленные отряды, дѣйствовавшіе на Южномъ фронтѣ, постепенно стали расформироватся и вливаться въ полки. Полки получали опредѣленную нумерацію, сводились въ бригады трехъ-полкового состава, три бригады въ дивизію. Дивизіи непосредственно подчинялись Командующему арміей. Въ подчиненіи командира пѣхотнаго полка были отряды кавалеріи и нѣсколько батарей, такъ что пѣхотный полкъ представлялъ изъ себя единицу изъ трехъ родовъ оружія. Полковые комитеты были уничтожены, всѣ боевыя распоряженія исходили отъ командира полка за подписью комиссара, за которымъ была оставлена карательная власть и роль охранника совѣтской власти.

2) МОБИЛИЗАЦІЯ.

Желаніе создать свою армію на добровольческихъ началахъ большевиками было брошено еще во время чехо-словацкаго наступленія. Было приступлено къ принудительнымъ наборамъ.

Вначалѣ въ полки на фронтѣ вливалось мужское населеніе отъ 18 до 40 лѣтъ всей прифронтовой полосы въ 50 верстъ шириной. Изъ приказа по Обоянскому военному комиссаріату видно, что необходимость такой мобилизаціи Главнокомандующій Вацетисъ объяснялъ тѣмъ, что будто бы въ оставляемыхъ красными мѣстностяхъ Добровольческая Армія мобилизуетъ все населеніе, ставитъ его на

принудительныя работы и укомплектовываетъ имъ свою Армію. Поголовная мобилизація прифронтовой полосы красными производилась съ помощью карательныхъ отрядовъ и своею безпощадностью вызывала у населенія сильное озлобленіе. Желательныхъ результатовъ эта мобилизація не давала — при продвиженіи Добровольцевъ мобилизованные разбѣгались по домамъ, а при болѣе устойчивомъ положеніи давали большой процентъ перебѣжчиковъ. Такая своеобразная мобилизація въ концѣ 1919 г. была большевиками брошена, и на Южный фронтъ стали присылать мобилизованныхъ преимущественно сѣверныхъ губерній.

При подходѣ Добровольцевъ къ городамъ штабъ XIII арміи отдавалъ приказы мобилизовывать на окопныя работы не только мужчинъ, но и «женщинъ безъ опредѣленныхъ занятій до 60 лѣтъ и дѣтей отъ 10 лѣтъ».

Во всѣхъ городахъ періодически производилась также мобилизація коммунистовъ для отсылки ихъ на фронтъ. Съ ихъ помощью особоуполномоченнымъ XIII арміи Быкомъ было приказано —

> «всѣмъ политкомамъ образовать вокругъ себя ядро выдержанныхъ товарищей красноармейцевъ, съ которыми управлять и при помощи которыхъ держать всю часть въ своихъ рукахъ».

Средствами для такого управленія были сыскъ и терроръ — ими хотѣли вдохнуть доблесть въ совѣтскія войска.

3) ИНТЕРНАЦІОНАЛЬНЫЕ ПОЛКИ И ПОЛКИ ИЗЪ ИНОРОДЦЕВЪ.

Мобилизуя противъ Вооруженныхъ Силъ Юга Россіи почти все мужское населеніе Совдепіи и создавая огромное количество дивизій, красное командованіе тѣмъ не менѣе учитывало неустойчивость своихъ войскъ и прибѣгло къ организаціи наемныхъ войскъ изъ инородцевъ и плѣнныхъ, оставшихся въ Россіи послѣ міровой войны. Изъ мадьяръ, венгровъ и т. д. создавались интернаціональные полки или отряды, которые вкраплялись въ совѣтскія дивизіи. Были созданы и отдѣльныя латышскія и эстонскія дивизіи, сыгравшія большую роль на Южномъ фронтѣ. Ихъ хорошо одѣвали, кормили и вначалѣ платили имъ жалованье золотомъ. Эти части были въ привилегированномъ положеніи и образовывали изъ себя какъ бы совѣтскую гвардію. По показаніямъ плѣнныхъ совѣтская власть считала ихъ своимъ оплотомъ. Взятый въ плѣнъ бывшій Генералъ Станкевичъ предупреждалъ, что съ латышской дивизіей придется серьезно считаться. И дѣйствительно, латыши отличались большой боеспособностью и даже принимали штыковой бой. Насколько они были убѣжденными коммунистами — судить трудно, но ихъ міросозерцаніе нѣсколько освѣщается однимъ документомъ одного и того же содержанія, находимымъ у многихъ плѣнныхъ и убитыхъ латышей. Это была переписанная, обязательно собственноручно, на латышскомъ языкѣ «грамота» съ правилами чисто христіанской жизни, со священными словами и таинственными буквами, служащими талисманомъ отъ насильственной смерти. Правила требуютъ пребыванія въ страхѣ Божіемъ, хожденія въ церковь, покаянія, молитвы и прощенія грѣховъ ближнимъ подъ страхомъ небесной кары моромъ, голодомъ, междуусобной бранью и вѣчнымъ мученіемъ. Священныя слова — это Христосъ, Варфоломей, Себастьянъ, Іисусъ, Марія, Іосифъ — слова, будто бы найденныя въ 157 году на Гробѣ Господнемъ и обладающія чудодѣйственной силою. Знаки, спасающіе отъ насильственной смерти — это:

В + Д + I + ooК + I + К + В + Д + I + vI + ; — ихъ сила такова, что

> «кто хочетъ вѣрить этому, тотъ пусть напишетъ упомянутые знаки на ножѣ и пусть колетъ имъ скотину — онъ не сможетъ ранить ее».

Съ такими христіанскими заповѣдями и средневѣковыми заклинаніями, зашитыми въ ладонку, утверждались латышами въ казацкихъ степяхъ идеи всемірнаго интернаціонала во время русской гражданской войны.

Много плѣнныхъ австрійцевъ, мадьяръ и венгровъ большевики вывезли изъ Туркестана, обѣщая отправить ихъ на родину. Привезя плѣнныхъ въ Европейскую Россію, дальнѣйшую отправку ставили въ зависимость отъ ихъ согласія

поступить на службу въ совѣтскія войска. Плѣннымъ, выѣхавшимъ изъ знакомыхъ мѣстъ и находившимся въ полной зависимости отъ большевиковъ, ничего не оставалось, какъ соглашаться. А нѣкоторые отряды плѣнныхъ, которые отказывались воевать, сажали въ вагоны, обѣщая везти на Западъ, и все-таки везли на Югъ, гдѣ ихъ насильно ставили въ строй.

Въ такомъ же безвыходномъ положеніи были и китайцы, привезенные въ міровую войну на окопныя работы. Во время революціи брошенные подрядчиками и Временнымъ Правительствомъ на произволъ судьбы, не получивъ расчета, озлобленные невозможностью вернуться на родину, китайцы охотно поступали въ красныя войска. Полки Сумской крѣпостной бригады состояли почти изъ однихъ китайцевъ.

Были попытки у большевиковъ формировать отряды изъ евреевъ. Такой отрядъ былъ во 2-мъ Интернаціональномъ Полтавскомъ полку. Въ полку было пять ротъ по 150—170 штыковъ. Одна рота состояла изъ мадьяръ, другая изъ румынъ, третья изъ полтавскихъ повстанцевъ, остальныя изъ евреевъ.

> «Послѣ боевъ 20—25 іюня 1919 г., по показаніямъ перебѣжчика, мадьяры и румыны были перебиты, а евреи стали систематически заболѣвать и удирать въ тылъ».

Такъ же недолговѣчны были и чисто еврейскіе полки. Большинство евреевъ было или въ карательныхъ отрядахъ для ловли дезертировъ, или же занимали въ штабахъ административныя должности. Напримѣръ, членами рев. воен. совѣта XIII арміи были Коссіоръ, Пятаковъ и Пляштъ — всѣ евреи. Большинство комиссаровъ въ полкахъ тоже.

Въ наиболѣе тяжелые моменты для красной арміи на фронтъ бросались отряды изъ курсантовъ, т. е. красныхъ юнкеровъ. Такихъ юнкерскихъ школъ совѣтская власть открыла большое число. Выпущенные красные офицеры у красноармейцевъ авторитетомъ не пользовались — это былъ ихъ общій голосъ.

Совѣтскихъ частей изъ нѣмцевъ военно-плѣнныхъ на фронтѣ І-го Корпуса не было. Были только указанія, что въ Іюлѣ 1919 г. въ раіонѣ Полтавы появились роты Спартаковцевъ. Это были, вѣроятно, нѣмцы добровольцы изъ убѣжденныхъ коммунистовъ, т. к. всѣхъ военно-плѣнныхъ нѣмцевъ большевики безпрепятственно отпускали на родину. Германія же, по словамъ бѣжавшихъ оттуда, отпускала русскихъ плѣнныхъ только уроженцевъ Совдепіи, всѣхъ же изъ мѣстностей, занятыхъ Добровольцами, задерживала. Не смотря на отсутствіе нѣмцевъ на фронтѣ, тѣмъ не менѣе вліяніе ихъ на красный Генеральный Штабъ безусловно было. Оно началось сразу послѣ Брестъ-Литовскаго мира. Надо думать, что всѣ фактическія данныя по этому поводу въ свое время съ несомнѣнностью будетъ установлены.

4) КАВАЛЕРІЯ.

Послѣ рейда Генерала Мамонтова по тыламъ красныхъ — совѣтскимъ командованіемъ было обращено усиленное вниманіе на формированіе конницы. Всѣ конскіе заводы были національзированы, кромѣ того каждый уѣздъ въ Совдепіи долженъ былъ выставить опредѣленное количество всадниковъ на коняхъ, вполнѣ вооруженныхъ и одѣтыхъ. Были мобилизованы башкиры и другіе степные инородцы. Такимъ образомъ была создана сильная кавалерія на прекрасныхъ лошадяхъ. Составъ кавалеристовъ въ большинствѣ случаевъ былъ изъ добровольцевъ и коммунистовъ.

II. ВОСПИТАТЕЛЬНЫЯ МѢРЫ.

1) ПРОПАГАНДА.

а) Въ совѣтскихъ войскахъ.

Поставивъ себѣ цѣлью въ короткій срокъ создать трехъ-милліонную армію, красное командованіе стремилось сплотить ее главнымъ образомъ пропагандой — путемъ массоваго гипноза. Для этого при арміяхъ были образованы политическіе отдѣлы, завѣдывающіе агитаціей. Не только арміи, но часто и дивизіи

имѣли свои типографіи и выпускали въ огромномъ количествѣ плакаты, воззванія и газеты.

Плакаты были самаго разнообразнаго содержанія. На однихъ изображалась мощь красной арміи, гдѣ непрерывной лентой тянутся съ красными знаменами полки, броневики, орудія. Надъ ними рѣютъ аэропланы. Со всѣхъ сторонъ спѣшатъ присоединиться новые бойцы. На этихъ плакатахъ написано: «Да здравствуетъ 3-хъ милліонная армія». Въ другомъ мѣстѣ эта же армія вся въ красныхъ рубахахъ взбирается на неприступныя высоты, откуда восходитъ пятиконечная красная звѣзда, испускающая лучи, и подпись гласитъ — «Для красной арміи нѣтъ преградъ». На другихъ плакатахъ красноармеецъ съ безумнымъ взглядомъ призываетъ гражданъ сдавать оружіе, которое нужно на фронтѣ, или же всадникъ весь въ черномъ, на ворономъ конѣ, съ красной звѣздой на шлемѣ и въ лучахъ восходящаго солнца — зоветъ казаковъ, крестьянъ и рабочихъ стать въ ряды красной совѣтской конницы —

> «въ этотъ историческій и рѣшительный бой трудящихся за совѣты съ вѣковыми угнетателями — помѣщиками, генералами и фабрикантами».

Соотвѣтствующими картинками, со стихами или съ прозой, рисовалась вся безотрадная жизнь солдата царскаго режима, и какъ Цари съ попами и капиталистами издѣвались надъ народомъ. Но —

> «Царю вкатили вѣчный колъ... и конченъ, конченъ произволъ».
>
> «Когда же трудящійся прокололъ штыкомъ капиталистово пузо поганое, и капиталистъ подохъ — взошло на небѣ солнце красное, вздохнула свободно земля — по новому жить собирается», —

здѣсь нарисованъ лежащій навзничь толстый «капиталистъ», изъ его живота идетъ клубами дымъ, рядомъ стоитъ торжествующій красноармеецъ съ винтовкой, а съ неба на эту картину смотритъ смѣющееся солнце. Другой рисунокъ убѣждаетъ, что —

> «какъ ни старается теперь капиталистъ, а ужъ не позволитъ ему трудящійся себѣ на шею сѣсть, потомъ и кровью его пользоваться, больше ужъ такъ никогда не будетъ».

Въ большомъ количествѣ среди красноармейцевъ распространялись картины, на которыхъ были нарисованы Генералъ Деникинъ или Адмиралъ Колчакъ, а сзади нихъ лежатъ горы труповъ красноармейцевъ, частью повѣшенныхъ, частью разстрѣленныхъ.

Всячески высмѣивались дезертиры. «Бѣгунцы», судя по плакату и пояснительнымъ стихамъ, только сыновья міроѣдовъ. Дезертира по дорогѣ до дому изо всѣхъ деревень бабы гонятъ метлами и не даютъ пріюта. Но и у отца міроѣда «бѣгунца» находятъ красноармейцы и вытаскиваютъ къ отвѣту.

Для поднятія духа печатались съ лубочными картинками «фронтовыя частушки». Изъ нихъ наиболѣе характерныя слѣдующія:

1. Вотъ веселыя, живыя
Вамъ частушки фронтовыя.
Ой, дуди, моя дуда,
Подходи, народъ, сюда!

2. До чего народъ доводитъ,
Что буржуй съ ума ужъ сходитъ,
Потому сойдешь съ ума,
Ежли треснула сума!

3. Получилъ Колчакъ по рожѣ
И Деникинъ проситъ тоже,
Рожа, правда, широка,
Такъ и проситъ кулака!

4. Вотъ-те выродокъ злодѣйскій!
Знай кулакъ красноармейскій!
Какъ онъ сядетъ промежъ глазъ,
Не попросишь въ другой разъ!

5. Эхъ, калина, эхъ, малина!
Какъ Деникинъ-то скотина,
Ай люли, люли, люли,
Лѣзетъ сволочь въ короли!

6. Рожу сморщивши брезгливо,
Говоритъ король визгливо:
«Вотъ тебѣ, народъ честной,
Манифестъ въ рукѣ десной!»

7. «Смертъ смутьянамъ-коммунистамъ,
А вся власть — капиталистамъ!»
Вотъ какой, народъ честной,
Манифестъ въ рукѣ десной!

8. Въ лѣвой ручкѣ — получай-ка!
Крестъ, казенка и нагайка —
Вмѣсто воли и земли!
Вотъ кто лѣзетъ въ короли.

9\. Съ нимъ дворянскіе валеты
Золотые эполеты,
Свора цѣлая властей,
Принимай, народъ, гостей!

10\. Ой, вы гости, злые гости,
Изломаемъ мы вамъ кости,
И ко всѣмъ чертямъ пошлемъ.
Вмѣстѣ съ вашимъ королемъ.

11\. Не гляди, король, героемъ:
Двойкой мы тебя покроемъ,
Нашъ ударъ-то навѣрной:
Бьемъ мы двойкой козырной!

12\. Ленинъ съ Троцкимъ — наша двойка,
Вотъ попробуй-ка, покрой-ка!
Нашей двойки нечѣмъ крыть!
Гдѣ жъ твоя, Деникинъ, прыть?

Всѣ воззванія, издаваемыя политическими отдѣлами армій, насыщены беззастѣнчивой ложью. Такъ въ обращеніи къ рабочимъ пишется:

«Стой, товарищъ! Ты кто? Рабочій? Почему же ты здѣсь, почему не на фронтѣ? Помни! Деникинъ по головѣ тебя не погладитъ. Онъ вытянетъ изъ тебя всѣ жилы, онъ одѣнетъ на тебя цѣпи во много разъ тяжелѣй, чѣмъ были въ эпоху Царя Николая, а не то просто будешь висѣть на фонарномъ столбѣ. Развѣ ты забылъ слова «перваго бѣлогвардейца» Деникина: «сколько въ городѣ есть фонарныхъ столбовъ, столько будетъ повѣшено рабочихъ». Знай, что Деникинъ не лжетъ. Будь увѣренъ — онъ исполнитъ свое «обѣщаніе», если только ему удастся занять Харьковъ».

Въ обращеніи къ молодежи увѣряется, что —

«развитіе спорта достигло небывалой въ Россіи высоты... Намѣченъ грандіозный планъ физическаго воспитанія гражданъ. Въ Россіи осуществляются на дѣлѣ смѣлыя мечты о перерожденіи человѣчества. О воспитаніи гармонически развитого человѣчества. Вы не участвуете въ этомъ радостномъ творчествѣ? Вы даже препятствуете ему, защищая карманные интересы аристократовъ и эксплоататоровъ. Стыдно русской молодежи съ такимъ революціоннымъ прошлымъ защищать грабителей трудового народа. Идите къ намъ! Молодость коротка! Ее вы у насъ проведете въ творчествѣ надъ воплощеніемъ въ жизни демократическихъ идеаловъ античнаго міра». — Изданіе полит. отд. XIII арміи.

На фронтѣ періодически устраивались недѣли и дни совѣтской пропаганды, во время которыхъ объяснялось населенію прифронтовой полосы и красноармейцамъ, что сдѣлала совѣтская власть, какія цѣли она преслѣдуетъ въ будущемъ, каково настоящее положеніе совѣтской Россіи и на ея фронтахъ. Соціалистическія идеи расшифровывались, всѣ лозунги провозглашались языкомъ, понятнымъ для массъ. Тяжелое противорѣчіе съ дѣйствительностью объяснялось виной всѣхъ казачьихъ и добровольческихъ войскъ, которыя отрѣзываютъ совѣтскую Россію отъ угля, хлѣба, керосина и т. д. Призывъ къ усиленному продолженію войны бросался массамъ, какъ кличъ за углемъ и хлѣбомъ.

Злой ироніей, особенно въ настоящее время, служитъ изданіе политическаго отдѣла XIII арміи ко дню совѣтской пропаганды — «Что сдѣлала совѣтская власть» —

«Подсчитать, пишется въ воззваніи, всего невозможно, и мы это сдѣлаемъ вкратцѣ. Совѣтская власть пробудила у народовъ всего міра стремленіе къ трудовому и мирному содружеству. Это стремленіе разовьется и непремѣнно сокрушитъ власть насилія и угнетенія одного народа надъ другимъ. Совѣтская власть сумѣла создать единый для всѣхъ народный судъ. Народный судъ примѣняетъ въ широкихъ размѣрахъ условное осужденіе, т. е. до наказанія даетъ исправиться. Совѣтская власть создала единую трудовую безплатную обязательную для всѣхъ школу. Совѣтская власть широко открыла двери всѣхъ университетовъ, куда раньше бѣдному люду доступа не было. Въ новой школѣ учатся не ерундѣ, а дѣлу. Совѣтская власть дала возможность всему населенію страны пользоваться театрами, музеями, кинематографами, народными домами. Она открыла для всѣхъ дворцы богачей и спрятанныя въ нихъ сокровища искусства. Совѣтская власть издала для народа книги лучшихъ писателей, она издала горы книгъ, листковъ и газетъ. Для народнаго всеобщаго просвѣщенія она сдѣлала за короткое время

больше, чѣмъ Романовская династія за 300 лѣтъ. Совѣтская власть освободила Церковь отъ насилія со стороны государства. Религія при совѣтской власти вполнѣ свободна. Совѣтская власть передала фабрики и заводы въ руки государства — въ руки самихъ трудящихся. Она развила союзы и коммуны. Она установила контроль надъ производительностью труда, сломивъ саботажъ со стороны бывшихъ слугъ буржуазіи. Въ области труда совѣтской властью предпринятъ цѣлый рядъ мѣръ къ сближенію науки съ трудомъ. Наука поможетъ человѣчеству избавиться отъ тяжелаго непріятнаго и грязнаго труда. Она сдѣлаетъ трудъ болѣе производительнымъ и пріятнымъ. Совѣтская власть передала землю трудящимся, она облегчаетъ бѣднякамъ ихъ долю, даетъ возможность пользоваться землей и машинами сообща. Она всячески поддерживаетъ крестьянское хозяйство, и если въ этой области еще не все сдѣлано, то тому причиной служитъ осада Россіи буржуазіей. Отобьется отъ этой осады и у крестьянъ будетъ все. Совѣтская власть заботится о продовольствіи и снабженіи населенія. Для дѣтей введено безплатное питаніе, для взрослыхъ открываются многочисленныя столовыя. Продовольствіе распредѣляется справедливо. Если его не хватаетъ, то въ этомъ вина не совѣтской власти, а разбойничье нападеніе на Россію буржуазіи, захватившей наши богатыя окраины. Въ этихъ богатыхъ и плодородныхъ окраинахъ живутъ хорошо только богачи, а простой народъ страдаетъ и голодаетъ хуже нашего. Только одна совѣтская власть можетъ накормить и одѣть всѣхъ по справедливости. Совѣтская власть искореняетъ спекуляцію. Спекуляція у насъ сокращается, а у Деникина и Колчака она разростается. Банки изъ гнѣздъ спекуляціи у насъ сдѣлались орудіемъ простого расчета. Совѣтская власть отказалась отъ платежей по Николаевскимъ долгамъ — эти платежи Россія не вынесла бы, они превратили бы ее въ страну рабовъ. Совѣтская власть отдала хорошіе дома буржуевъ подъ жилье для тружениковъ. Она устранила вопіющую несправедливость, когда одинъ дармоѣдъ жилъ въ десяти комнатахъ, а десять тружениковъ задыхались въ одной. Совѣтская власть установила охрану труда, восьмичасовой рабочій день, она установила обезпеченіе инвалидовъ и жертвъ войны. Народная власть заботится о народномъ здоровьѣ. Она задалась цѣлью при помощи здравоохраненія, гимнастики и спортивныхъ игръ сдѣлать людей сильными, бодрыми и здоровыми Власть тружениковъ сдѣлала уже многое, но то, что она должна еще сдѣлать, неизмѣримо велико. Совѣтская власть навсегда уничтожитъ войну и угнетеніе человѣка человѣкомъ. Тогда онъ построитъ новый міръ — міръ счастливаго труда и человѣческаго совершенства. Совѣтская власть это сдѣлать можетъ, т. к. ея силы неисчерпаемы. Совѣтская власть — это сила всего трудового человѣчества. Эта сила стремится къ добру и справедливости для всѣхъ, а потому она несокрушима».

Всѣ насилія, чинимыя красной арміей надъ мирнымъ населеніемъ, всѣ грабежи и мародерство — полит. отд. военнаго совѣта Южнаго фронта приписываетъ переодѣтымъ бѣлогвардейцамъ. Въ воззваніи — «не бывать мародерамъ въ Красной Арміи» — говорится:

«только подлые агенты буржуазіи, Деникинскіе посланцы, прошмыгнувшіе въ наши ряды провокаторы творятъ Каиново дѣло, чинятъ насиліе надъ мирнымъ населеніемъ. Вѣдь ихъ расчетъ очень простъ. Стоитъ одному мародеру забраться въ избу къ безоружному крестьянину, самочинно увести коня, обобрать клѣть, кладовую, погребъ — и вся деревня станетъ винить огуломъ всю воинскую часть. На убыль пойдетъ дружелюбная, братская помощь всей деревни по снабженію этой части продовольствіемъ. Стоитъ только повториться въ деревнѣ случаю грабежа, кулаки все наглѣе станутъ направлять противъ красноармейцевъ мирныхъ поселянъ. Вся деревня, того и гляди, станетъ подкладывать намъ палки въ колеса и тѣмъ самымъ замедлять побѣдный путь. Вотъ чего добиваются наши враги. Всякій понимаетъ какой непоправимый вредъ приноситъ нашему дѣлу грабитель, прикрывающійся почетнымъ званіемъ красноармейца... Не дадимъ пощады пробравшимся въ наши ряды предателямъ. Смерть Деникинскимъ агентамъ. Смерть сообщникамъ буржуазіи».

Такого же мнѣнія придерживается и революціонный военный совѣтъ I-й конной арміи. За подписью Ворошилова и Буденнаго 10 Января 1920 г. былъ изданъ такой приказъ № 3 —

«Честь и слава вамъ, красные герои! Революціонный совѣтъ Конарміи отъ лица совѣтской республики приноситъ глубокую благодарность героямъ красной кавалеріи. Вмѣстѣ съ тѣмъ Реввоенсовѣтъ не можетъ не обратить вниманія на печальные факты, имѣвшіе мѣсто 9-го Января въ Ростовѣ и отчасти въ Нахичевани по занятіи нами этихъ городовъ. Темные элементы, примазавшіеся къ нашей арміи, быстро объединились съ уголовными преступниками и переодѣтыми офицерами и совершили рядъ гнусныхъ разгромовъ лавокъ и винныхъ погребовъ. Мы знаемъ, что Деникинъ не останавливается ни передъ чѣмъ, чтобы обезславить и разложить нашу желѣзную армію, которая побѣдоносно и безостановочно прошла путь отъ Воронежа до Ростова. Пойманные хулиганы, спаивавшіе несознательныхъ красноармейцевъ, при допросѣ оказались переодѣтыми офицерами изъ арміи Деникина. Врагами рабочихъ и крестьянъ прилагаются всѣ усилія, чтобы погубить нашу армію, ея солидарность и мощь. Этого не будетъ... Командиры и комиссары должны приложить всѣ усилія къ немедленному устраненію указанныхъ явленій, не останавливаясь передъ разстрѣломъ всѣхъ лицъ, захваченныхъ на мѣстѣ преступленія, хотя бы эти лица и были въ формѣ красноармейца... Прочь съ дороги всѣ пособники Деникина, грабежами и темными дѣлами поддерживающіе черное дѣло бѣлыхъ генераловъ».

Но гораздо проще и искреннѣе смотритъ на грабежи красноармейцевъ президіумъ коммунистической ячейки 19-го полка 4-й кавалерійской дивизіи той же арміи Буденнаго. На пишущей машинкѣ президіумомъ было отпечатано такое воззваніе:

«Товарищи, мы въ настоящее время подходимъ къ гнѣздамъ контръ-революціи Въ настоящій моментъ всѣхъ родовъ кровопійцы и посягатели на нашу молодую революцію мечутся съ угла въ уголъ, не находя себѣ мѣста наши враги. Мы какъ защитники революціи имѣемъ каждый изъ насъ въ виду то, что тамъ есть рабочіе - пролетаріатъ, который насъ ждать не дождетъ, какъ освободителей отъ ига капитала, они желаютъ увидѣть порядокъ красной арміи и совѣтской власти. Какъ вамъ, товарищи, извѣстно, что ростовскій и другихъ узловъ пролетаріатъ не пользовался совѣтской властью, онъ только увидѣлъ на самое малое время. Мы, товарищи, свидѣтели этому, что послѣ переворота октябрьской революціи въ скоромъ времени насталъ кровавый Вильгельмъ, послѣ Вильгельма насѣла на нихъ династія Краснова и Деникина. Товарищи, мы являемся, какъ освободителями, и наша задача, какъ можно энергичнѣй взять самихъ въ руки и удерживать товарищей болѣе слабыхъ къ грабежу, насилію и пьянству. Хмѣльныхъ напитковъ ни одной капли въ ротъ. Въ трезвомъ видѣ все счастье трудового народа. Въ пьяномъ видѣ слезы и печаль принесемъ своимъ товарищамъ въ занимаемыхъ нами мѣстностяхъ. Въ трезвомъ видѣ мы покажемъ пролетаріату свое освобожденіе, радость угнетеннымъ, свои законы и строительство новой жизни. Урокъ прошедшаго, что мы сдѣлали — насъ встрѣчали какъ освободителей съ хлѣбомъ-солью, но мы въ пьяномъ видѣ дѣлали насиліе, грабежъ, что на почвѣ сего у насъ въ тылу за наши дѣланныя разныя незаконныя продѣлки возставали противъ насъ. Такъ, товарищи, дадимъ честное слово больше этого не повторится, дабы не сдѣлать въ тылу опять себѣ враговъ».

А насколько вообще страдало населеніе отъ совѣтскихъ войскъ, видно изъ слѣдующей секретной телеграммы Троцкаго, телеграммы, такъ сказать, для внутренняго употребленія:

«Жалобы на безчинства эшелоновъ и злоупотребленія военныхъ властей не прекращаются. Считаю безусловно необходимымъ положить конецъ безчинствамъ и насиліямъ со стороны недисциплинированныхъ частей. На станціяхъ нерѣдко не хватаетъ силы для обузданія насильниковъ. Необходимо наказывать виновныхъ на мѣстѣ ихъ прибытія, т. е. въ штабахъ собственныхъ армій. Ни одно безчинство не должно быть оставлено безнака-

заннымъ. Отвѣтственность возлагается на Реввоенсовѣты армій. 29/IX пр 4 Предревоенсовѣт Троцкій».

Само собой разумѣется, никто изъ потерпѣвшихъ не отважился ѣхать на фронтъ и искать управы на проходившія части и на неизвѣстныхъ красноармейцевъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ красноармейцы развращались своимъ начальствомъ. При наступленіи особенно на города, ихъ подбадривали обѣщаніемъ отдать буржуевъ на разграбленіе —

«На Харьковъ часто наступали отрды съ большимъ количествомъ подводъ въ предвидѣніи богатой добычи». Разв. сводка Шт. I Корп. I/VII 19 г. № 03388.

А въ отбиваемыхъ обозахъ красной арміи находили какіе угодно запасы и самое разнообразное имущество.

б) Пропаганда большевиковъ среди Добровольцевъ.

Усиленную пропаганду вели большевики и среди Добровольцевъ. Попавшимъ въ плѣнъ коммунистамъ вмѣнялось въ обязанность поступать въ Добровольческую Армію и вести агитацію. Кромѣ того въ огромномъ количествѣ распространялись воззванія ко всѣмъ казакамъ, солдатамъ и офицерамъ Деникинской Арміи. Всѣ они пропитаны обычной ложью, а кромѣ того лестью, натравливаніемъ однихъ противъ другихъ, руганью и т. п. Былъ выработанъ свой особый стиль для казаковъ, для солдатъ и для офицеровъ. Для всѣхъ ихъ порознь плелись сѣти.

Казакамъ, возставшимъ противъ совѣтской власти, объяснили, что они подняли возстаніе «противъ рабоче-крестьянской Россіи» только потому, что —

«на Донъ, на Кубань, въ Сибирь и другія мѣста сбѣжались всѣ помѣщики, у которыхъ отобраны крестьянами ихъ имѣнія. Туда же сбѣжались всякіе буржуи: фабриканты, заводчики, капиталисты, крупные домовладѣльцы, бывшіе царскіе генералы, полицейскіе и жандармы и начали объединяться для борьбы за свою прежнюю привольную, бездѣльную жизнь. Но ихъ собственныхъ силъ было имъ мало. Имъ нужно было подбить народъ на свою сторону и они стали на всѣ лады лгать на совѣтскую власть, какъ умѣютъ лгать только образованные пройдохи, прожженные мошенники, и ложью, и обманомъ подбили казаковъ себѣ на помощь... Бывшіе царскіе слуги опять хотятъ повернуть казачество на возстановленіе самодержавія и сдѣлать казаковъ душителями рабочихъ и крестьянъ — вѣдь такъ всегда дѣлало и Царское Правительство, старавшееся превратить вольное казачество въ полицейскихъ усмирителей и душителей народа».

Казаковъ убѣждали главнымъ образомъ въ томъ, что —

«земель вашихъ совѣтская власть не тронетъ, напротивъ, трудовому казачеству она предоставляетъ тѣ земли, которыя будутъ отобраны у помѣщиковъ и кулаковъ. Наряду съ казаками будутъ надѣлены землей и казачки. Никого изъ васъ, казаки, совѣтская власть насильно не потащитъ въ коммуну. Знайте — коммуна есть дѣло добровольческаго согласія... Никакого оскорбленія церквей и религіозныхъ обычаевъ совѣтская власть не допуститъ и не потерпитъ... Недостойныхъ представителей власти, позволявшихъ злоупотребленія по отношенію къ трудовому казачеству, совѣтская власть будетъ безпощадно карать». — Изд. полит. отд. VIII арміи.

Бѣлыхъ солдатъ называли обманутыми, обездоленными братьями, которыхъ силою заставили стать въ ряды бѣлыхъ бандъ и нагайками гонять въ бой со своими братьями — рабочими и крестьянами. «Гонятъ, какъ барановъ на вѣрную смерть». Бѣлогвардейцы считаютъ солдатъ «пушечнымъ мясомъ». На позиціи имъ говорятъ «братцы», а въ тылу господа отовсюду гонятъ, какъ «паршивую собаку». Въ глазахъ офицеровъ и генераловъ — солдаты «сѣрая скотина»,

19*

годная только страдать и умирать «за дармоѣдовъ, толстобрюхихъ фабрикантовъ и помѣщиковъ бѣлоручекъ, которые привыкли пить, жить и ѣздить на мужичьемъ горбу» — изд. пол. отд. XIII арміи.

«Всѣ солдаты, вырвавшіеся изъ лапъ золотопогонниковъ - угнетателей, на своей шкурѣ испытали, что означаетъ власть Генерала Деникина, капиталиста Колокольцова, черносотенца-помѣщика Шульгина, управляющаго царскимъ банкомъ Шипова и прочихъ вѣрныхъ холоповъ кроваваго Царя Николая Романова. Эти несчастные, побывавъ въ лапахъ Деникина, убѣжали къ намъ, спасаясь отъ царскаго режима, плетки, шомпола и униженія солдатъ». — Приказъ по войскамъ XIII арміи 24/VII 1919 г. № 206.

Въ противоположность «золотопогонникамъ и жиропузамъ» комиссары и вожди красной арміи сидѣли при Царѣ по тюрьмамъ и на каторгѣ за то, что «шли со словами правды къ народу», а всѣ разсказы объ ужасахъ въ совѣтской Россіи, по словамъ воззваній, — «наглая ложь генераловъ и построчныхъ псовъ Деникинскихъ листковъ».

Всѣ воззванія кончались призывами —

«Порывайте ряды бѣлогвардейскихъ бандъ. Порывайте вашъ союзъ съ генералами, помѣщиками и фабрикантами. Сговаривайтесь и переходите на сторону красныхъ войскъ. Долой палачей трудящихся! Смерть всѣмъ офицерамъ и генераламъ! Убивайте предателей!»

Сразу другой тонъ берется въ воззваніяхъ къ офицерамъ. Въ нихъ идетъ рѣчь про Великую Россію, про дисциплину, затрагиваются патріотическія чувства. Даже слово «Вы» пишется съ большой буквы. А натравливать офицеровъ остается только противъ генераловъ.

Одно воззваніе начинается тѣмъ, что красная армія вѣритъ, что для офицеровъ насталъ часъ отрезвленія —

«Кого Вы убиваете, спрашиваетъ воззваніе, — Великую трудовую Россію. Она отбивается и отъ нѣмцевъ, англичанъ, французовъ и отъ собственныхъ хищниковъ, которыхъ Вы по несчастному недоразумѣнію поддерживаете. Ваши господа — Штабные генералы презираютъ Васъ. Вспомните, какъ Васъ называли прапорами и обращались съ Вами. Они не позволяютъ Вамъ даже посѣщать тѣ кафэ и шашлычныя, которыя Вамъ нравятся. Въ погонѣ за властью и роскошью прежняго существованія Вы не замѣчаете, что даже въ Вашей Арміи Вы потеряли и то, и другое. Большинство изъ Васъ — рядовые, меньшинство пользуется лишь крохами власти, оставленными Вамъ Вашими генералами. Вмѣсто роскоши и безпечнаго существованія Вамъ доступенъ лишь безумный кутежъ людей, отчаявшихся въ своемъ положеніи, и безконечныя трудности безнадежной войны. Ваша жизнь потеряла для Васъ самихъ всякую цѣну».

Часто сообщалось, что —

«Міровая революція пришла и ничто уже не сможетъ спасти старый порядокъ». — «Союзники приперты къ стѣнкѣ. Миръ съ нѣмцами ничего имъ не принесъ, кромѣ революціи. Ихъ арміи расходятся домой и поднимаютъ тамъ возстанія, а ихъ рабочіе берутся за оружіе и заступаются за насъ. Даже маленькую совѣтскую Венгрію имъ нечѣмъ задушить. Вамъ они только сбываютъ «по случаю» оставшійся у нихъ послѣ войны военный хламъ — благо онъ имъ теперь ни на чорта не нуженъ — и хотятъ за него Вашими же руками загрести жаръ — обобрать Россію, разграбить нетронутыя, неразработанныя народныя богатства, содрать всѣ шкуры съ русскихъ спинъ, недодранныя ими съ нѣмецкихъ реберъ. Ваши Іуды Генералы, распродающіе, не спросясь народа, его богатства, прозакладавшіе за 30 серебренниковъ союзникамъ Россію, называютъ это «помощью». Не продавайте же вмѣстѣ съ ними нашей родины иностранному капиталу. Вашей надувшейся лягушкѣ — бунтовщику Деникину скоро придетъ конецъ». — Изд. пол. отд. XIII арміи.

Въ совѣтской Россіи, увѣряли воззванія, офицеры могутъ получить —

> «трудъ, отвѣчающій ихъ здоровью, матеріальную обезпеченность, возможность учиться, совершенствоваться — это вмѣсто прежней постылой офицерской жизни въ пограничномъ городкѣ, прежняго цуканья со стороны старшихъ, вынужденнаго пьянства, грязнаго разврата, картъ, матеріальной необезпеченности и постояннаго риска войны».

Всѣмъ офицерамъ предлагается —

> «найти въ себѣ мужество сознать свою роковую ошибку и честно перейти въ ряды трудящагося народа. Вамъ лгутъ о жестокостяхъ большевиковъ, не бойтесь разстрѣловъ. Офицеры Бѣлой Арміи, Вы имѣли печальное мужество отдать свою шпагу вѣковымъ врагамъ трудового народа, найдите въ себѣ мужество отдать ее трудящемуся народу». Изд. XIII арміи.

Разбрасывались спеціальные пропуски для офицеровъ перебѣжчиковъ, въ которыхъ гарантировалась личная безопасность и неприкосновенность и давалось обѣщаніе, что перебѣжчики будутъ использованы въ глубокомъ тылу для мирной работы, ибо всѣ спеціалисты нужны «для строительства Великой Россіи», а Совѣтская власть, «какъ всѣмъ извѣстно, высоко цѣнитъ всякій интеллигентскій трудъ».

Въ очень большомъ количествѣ распространялись разныя письма къ офицерамъ Арміи Генерала Деникина въ томъ числѣ одно письмо за подписью 137 офицеровъ бывшей Императорской Арміи, получившихъ въ красной XIII арміи командныя должности. Въ этомъ письмѣ прежде всего предупреждалось, что никого изъ перебѣжчиковъ офицеровъ не разстрѣливаютъ, а всѣ изъявившіе желаніе служить въ красной арміи встрѣчаютъ къ себѣ самое внимательное отношеніе и никакихъ униженій и оскорбленій не испытываютъ —

> «Въ противоположность прежней арміи въ красной арміи не разспрашиваютъ, кто Ваши родители, а спрашиваютъ только о двухъ вещахъ, честный ли Вы человѣкъ и что Вы умѣете... Дисциплина въ войскахъ вводится образцовая... Матеріально Вы обезпечены такъ, какъ можно быть обезпеченнымъ. Наше матеріальное положеніе лучше, чѣмъ офицеровъ Бѣлой Арміи... Служба не является тягостной, съ комиссарами работа идетъ рука объ руку, и мы счастливы тѣмъ, что не служимъ ни германскому, ни англо-франко-американскому имперіализму».

Какъ собирались подписи подъ этимъ письмомъ, видно изъ приказа, разосланнаго всѣмъ политкомамъ, врачамъ госпиталей, учрежденіямъ и заведеніямъ, подвѣдомственныхъ народному комиссаріату по военнымъ дѣламъ Курской губерніи. За подписью военнаго комиссара Мазурова въ этомъ приказѣ выражалась увѣренность —

> «что такое точно отношеніе къ этому письму встрѣтится и со стороны всѣхъ, или по крайней мѣрѣ большинства бывшихъ офицеровъ, нынѣ служащихъ во ввѣренномъ Вамъ учрежденіи, и они присоединятъ свои подписи къ подписямъ бывшихъ офицеровъ».

Вмѣстѣ съ тѣмъ предлагалось —

> «о принятомъ рѣшеніи, независимо отъ его характера, увѣдомить Агитпросвѣтъ Курскаго Губвоенкома»

Дѣятельная пропаганда велась и въ тылу Арміи Генерала Деникина. Установлено, что большевики передъ своимъ уходомъ изъ городовъ сажали въ тюрьмы своихъ агитаторовъ подъ видомъ контръ-революціонеровъ, которыхъ Добровольцы выпускали, ничего не подозрѣвая.

Всѣ свѣдѣнія о томъ, какія мѣстности въ тылу Добровольцевъ наиболѣе склонны къ большевизму, концентрировались въ красныхъ штабахъ. Въ эти мѣстности стягивались агитаторы и послѣ извѣстнаго періода разрабатывался

опредѣленный планъ наступленія, въ которомъ учитывалось настроеніе жителей. Передъ началомъ своего наступленія подъ Орломъ, по заявленію Главнокомандующаго Каменева, на Южный фронтъ въ тылъ Добровольцамъ было отправлено три тысячи агитаторовъ.

2) ОПЕРАТИВНЫЯ ДОНЕСЕНІЯ.

Изъ воспитательныхъ мѣръ, предпринятыхъ въ красной арміи по отношенію къ командному составу, особенно интересенъ поднятый Троцкимъ вопросъ объ оперативныхъ донесеніяхъ. Подписанный Троцкимъ секретный приказъ № 105 отъ 5/VI 1919 г. настолько характеренъ для состоянія красной арміи въ этомъ году, что приводимъ его цѣликомъ:

«Нашъ Южный фронтъ переживаетъ сейчасъ тяжелый кризисъ. Нѣтъ сомнѣнія, что кризисъ этотъ будетъ преодолѣнъ, и въ результатѣ его мы выйдемъ окрѣпшими, какъ выходили изъ предшествовавшихъ кризисовъ. Нужно только ясно и отчетливо оцѣнить причины неудачъ и принять мѣры къ ихъ радикальному устраненію.

Одной изъ важнѣйшихъ причинъ нашихъ неудачъ является совершенно недопустимое, во многихъ случаяхъ преступное отношеніе отвѣтственныхъ работниковъ Арміи, какъ командировъ, такъ и комиссаровъ, къ вопросу объ оперативныхъ донесеніяхъ. Оперативныя донесенія должны давать ясную и отчетливую картину военныхъ дѣйствій каждой части, ея силы и слабости въ бою, ея жертвъ, ея фактическихъ неудачъ и дѣйствительныхъ неуспѣховъ, потерь и трофеевъ. Чтобы достигнуть этого, необходимы величайшая добросовѣстность и строгая критическая провѣрка всѣхъ сообщеній. Ничего подобнаго въ большинствѣ случаевъ нѣтъ. Оперативныя донесенія пишутся по недостойному революціонной арміи шаблону, цѣль котораго является скрыть и замаскировать свои неудачи и преувеличить свои успѣхи. Когда наши части занимаютъ какую-либо мѣстность, то — если вѣрить донесеніямъ — не иначе, какъ съ жестокимъ боемъ. Между тѣмъ бой сплошь да рядомъ выражается въ безцѣльной и безрезультатной стрѣльбѣ, т. е. въ расходованіи патроновъ и снарядовъ. Такія донесенія никогда не даютъ возможности судить о томъ, сохраняютъ ли наступающія части контактъ съ отступающимъ непріятелемъ, преслѣдуютъ ли его дѣйствительно, или же на почтительной дистанціи занимаютъ уже очищенную непріятелемъ мѣстность. А вѣдь это крайне важно. Слабая сторона нашихъ войскъ, или вѣрнѣе ихъ командованія и комиссаровъ состоитъ въ томъ, что при отступленіи врага не развивается необходимой энергіи въ преслѣдованіи, дезорганизаціи, уничтоженіи отступающаго. Командиры и комиссары очень часто удовлетворяются тѣмъ, что занимаютъ безъ боя очищенную мѣстность. Въ оперативныхъ донесеніяхъ этотъ фактъ затушевывается пышными фразами занятій селъ и городовъ съ боемъ, при чемъ никогда не указывается число жертвъ съ той и другой стороны. Когда наши части отступаютъ, то — если слѣдить по тѣмъ же донесеніямъ—не иначе, опять таки, какъ съ боемъ. Между тѣмъ нерѣдко подъ этими фразами скрывается печальный фактъ паническаго оставленія позиціи крупными частями при видѣ отдѣльныхъ «разъѣздовъ» и даже подъ вліяніемъ паники и провокаторскихъ слуховъ о приближеніи непріятеля. — «Отступаютъ съ боемъ» — означаетъ нерѣдко — отступаютъ, стрѣляя по всѣмъ направленіямъ для того, чтобы заглушить собственную панику, т. е. безсмысленно расходуя патроны. Нерѣдко въ донесеніяхъ попадается фраза о томъ, что въ столкновеніяхъ съ превосходными силами непріятеля полки потеряли половину или четверть своего состава. Въ большинствѣ случаевъ это означаетъ, что полкъ разбѣжался. Оперативное донесеніе умалчиваетъ о томъ, сколько убито и сколько пропало безъ вѣсти. Разумѣется, такія данныя не всегда можно привести съ точностью. Но можно дать хотя бы приблизительную картину потерь, — для этого нужно только стремиться выяснить истину. Этого стремленія часто нѣтъ на лицо, наоборотъ, у насъ не мало такихъ господъ, которые считаютъ своей задачей написать донесеніе такъ, чтобы скрыть отъ всякой инстанціи позоръ безсмысленнаго отступленія передъ слабѣйшимъ против-

никомъ. Хвастовство относительно колоссальныхъ, неисчислимыхъ трофеевъ широко въ ходу, а нерѣдко на повѣркѣ оказывается, что подъ трофеями, будто бы отбитыми у врага, надо понимать орудія безъ замковъ, испорченные пулеметы, поломанныя телѣги, которыя непріятель сознательно покинулъ при своевременной эвакуаціи. Точныхъ свѣдѣній о такъ называемыхъ трофеяхъ почти нельзя получить. Еще хуже обстоитъ дѣло съ потерями матеріальной части. Такіе факты замалчиваются всегда и обнаруживаются лишь впослѣдствіи, когда начальнику снабженія приходится требовать новое имущество для пополненія убыли. Каковы результаты такого образа дѣйствій? Результатъ этотъ нельзя назвать иначе, какъ гибельнымъ. У команднаго и комиссарскаго состава вырабатывается психологія оффиціальнаго благополучія, т. е. забота о томъ, чтобы все было шито — крыто. Эта презрѣнная психологія чиновниковъ, а не революціонныхъ воиновъ, которые должны самой жестокой правдѣ глядѣть смѣло въ глаза. Командиры и комиссары, которые видятъ недочеты и слабости своей части и открыто ихъ признаютъ, непремѣнно примутъ мѣры къ устраненію этихъ слабыхъ сторонъ. Командиры и комиссары, которые скрываютъ дезертирство, паническое отступленіе, какъ секретную болѣзнь, вгоняютъ эту болѣзнь внутрь и разлагаютъ части окончательно. Вмѣстѣ съ тѣмъ ложныя донесенія вводятъ въ заблужденіе высшія инстанціи. Въ штабѣ дивизіи не знаютъ, что произошло въ дѣйствительности на участкѣ полка. Штабъ арміи получаетъ фальшивыя оперативныя свѣдѣнія изъ дивизіи, въ штабѣ фронта не знаютъ точно, что дѣлается въ арміяхъ. Такимъ образомъ командованіе бродитъ въ потемкахъ. Когда наступаетъ часъ боевого испытанія, ложная картина благополучія разсыпается въ прахъ, и фронтъ переживаетъ тягчайшій кризисъ. Великій революціонеръ Фердинандъ Лассаль сказалъ нѣкогда, что всякое революціонное дѣйствіе требуетъ прежде всего сказать то, что есть, т. е. выяснить правду. Этого же требуетъ всякое военное дѣйствіе. Полная правдивость и точность въ донесеніяхъ есть долгъ каждаго воина. Этого должны мы добиться нынѣ во что бы то ни стало. Приказываю Реввоенсовѣту Южнаго фронта немедленно принять мѣры строжайшей провѣрки всѣхъ донесеній и суровой расправы надъ всѣми фальшивомонетчиками, которые занимаются преступными поддѣлками, вмѣсто честныхъ донесеній. Нужно научить и заставить командировъ и комиссаровъ называть бой-боемъ, панику-паникой, подвигъ-подвигомъ, трусость-трусостью. Указывать со всей возможной точностью дѣйствительное число жертвъ, т. е. убитыхъ и раненыхъ, число сдавшихся въ плѣнъ, панически разбѣжавшихся и дополнительно доносить: вернулись ли они, или не вернулись. Если командиръ пишетъ зря о превосходныхъ силахъ противника, комиссаръ не смѣетъ подписывать такого донесенія, а если подпишетъ — подъ судъ обоихъ. Если пѣхотный полкъ покинулъ позиціи, завидѣвъ казачій разъѣздъ, такъ и пиши: тысяча стрѣлковъ постыдно бѣжали передъ 30 казаками. Если была ожесточенная перестрѣлка, то пиши: была ли стрѣльба дѣйствительно по непріятелю, или пальба по небесамъ. Если часть сдала противнику обозъ, пулеметы, орудія, признавайся открыто въ позорѣ. Если часть захватила у непріятеля военное имущество, то не хвастай, не преувеличивай, а говори, сколько захватили, въ какомъ состояніи и при какихъ условіяхъ. Нужно безпощадно изгнать изъ оперативныхъ донесеній похвальбу, вертлявую уклончивость и прямую ложь. Изгнаніе это произвести двумя путями: съ одной стороны шельмовать и клеймить бахваловъ, хвастуновъ и лжецовъ. Имъ не мѣсто въ рядахъ революціонной арміи, тѣмъ болѣе на командныхъ и комиссарскихъ постахъ. Настоящій приказъ долженъ быть черезъ Реввоенсовѣты армій врученъ подъ личную расписку комиссарамъ и командирамъ до командировъ и комиссаровъ отдѣльной части включительно, эти послѣдніе должны въ своей части собрать подчиненный имъ командный составъ одновременно или группой (въ зависимости отъ обстановки), прочитать имъ и разъяснить настоящій приказъ. Отвѣтственность за строжайшее проведеніе въ жизнь изложенныхъ въ настоящемъ приказѣ началъ—возлагается на Реввоенсовѣты армій. Предсѣдатель Революціоннаго Совѣта Республики Л. Троцкій».

3) ТАКТИЧЕСКІЯ УКАЗАНІЯ АРМІЯМЪ ЮЖНАГО ФРОНТА.

Изъ другихъ воспитательныхъ мѣръ, предпринятыхъ по отношенію красного командного состава, заслуживаютъ вниманія — «секретныя тактическія указанія арміямъ Южфронта», составленныя бывшимъ офицеромъ Генеральнаго Штаба и по приказу Главкома Каменева и Наштареввоенсовѣта Лебедева (№ 4542 — оп.), проведенныя въ жизнь въ началѣ Октября 1919 года въ самомъ срочномъ и настойчивомъ порядкѣ.

Въ этихъ указаніяхъ разбираются примѣнявшіеся до сихъ поръ краснымъ командованіемъ способы рѣшеній стратегическихъ и тактическихъ задачъ. Авторъ указаній приходитъ къ заключенію, что —

> «долгій опытъ минувшей окопной войны, воспринятый и приложенный къ совершенно другимъ условіямъ борьбы и обстановки, привелъ военныхъ начальниковъ арміи къ шаблонному рѣшенію этихъ задачъ на театрахъ войны и на полѣ сраженія.
>
> Силы растягиваются по фронту, не считаясь съ его протяженіемъ, преслѣдуя единственно цѣль, чтобы не было свободныхъ промежутковъ, никѣмъ не занятыхъ и необезпеченныхъ, куда не могъ бы безнаказанно проникнуть противникъ. Чѣмъ больше протяженія имѣютъ фронты, тѣмъ тоньше получается линія войскъ ихъ занимающихъ. Резервовъ почти не существуетъ. Такъ рѣшались командованіемъ задачи во всѣхъ случаяхъ—при наступленіи и оборонѣ».

Указанія считаютъ, что —

> «распредѣлить равномѣрно силы по фронту, это значитъ вездѣ и всюду быть равно слабымъ. Факты на лицо. Противникъ рветъ наше расположеніе при оборонѣ въ любомъ мѣстѣ легко и свободно. Его конница съ ничтожной артиллеріей прорывается глубоко къ намъ въ тылъ, гдѣ хочетъ, а мы не въ силахъ что-либо предпринять, такъ какъ резервовъ нѣтъ, а растянутыя части не успѣваютъ быть собранными для маневра.
>
> При наступленіи для массированія силъ, для сосредоточенія усилій — не хватаетъ войскъ. На обезпеченіе операціи справа и слѣва расходуется большая часть силъ; не хватаетъ смѣлости ослабить силы или не имѣть ихъ вовсе на второстепенныхъ участкахъ для нанесенія удара въ избранномъ направленіи. Какія же послѣдствія всего этого? — численно болѣе слабый противникъ бьетъ и бьетъ больно.
>
> Красная армія теряетъ вѣру въ свою силу, въ своихъ начальниковъ, быстро таетъ, деморализуется. Причины разложенія отдѣльныхъ частей и даже цѣлыхъ армій нужно искать прежде всего здѣсь. Съ этимъ невѣжествомъ, затягивающимъ время для побѣды надо рѣшительно покончить. Отказаться разъ навсегда отъ кордонной системы, отъ равномѣрнаго распредѣленія войскъ по фронту, отъ вытягиванія ихъ въ нитку. Отказаться отъ системы управленія войсками при помощи исключительно телефона и телеграфа съ дальнихъ разстояній. Штабамъ бригадъ и дивизій располагаться въ такой близости, чтобы оказывать личное воздѣйствіе на ходъ боя».

Разбирая обстановку гражданской войны, авторъ приходитъ къ выводамъ, что современный бой требуетъ выполненія слѣдующихъ условій —

> «1. Сосредоточенія силъ и усилій (дробленіе силъ должно кончаться на бригадѣ).
> 2. Развитія быстраго маневра для нанесенія рѣшительнаго удара.
> 3. Подвижности войскъ.
> 4. Прочной связи начальниковъ съ войсковыми частями (близости ихъ расположенія къ войскамъ).
> 5. Широкаго примѣненія инженернаго искусства на пассивныхъ участкахъ (самоокапыванія).
> 6. Неослабнаго охраненія и дѣятельной развѣдки во всѣхъ случаяхъ.
> 7. Примѣненія уступнаго порядка и
> 8. Примѣненія охватовъ и обходовъ».
>
> «Выполненіе этихъ условій, по словамъ автора указаній, во всѣхъ случаяхъ вполнѣ гарантируетъ успѣхъ».

Какъ было уже сказано, эти указанія были разосланы въ началѣ Октября. Они сыграли извѣстную роль въ операціи красныхъ подъ Орломъ, послѣ которой начался отходъ Добровольцевъ.

Операція эта произошла такимъ образомъ:

За нѣсколько дней до начала этой операціи, приказомъ Штаба Арміи съ фронта І-го Корпуса, не смотря на всѣ протесты Командира Корпуса Генерала Кутепова, были сняты шесть полковъ частью для отправки ихъ на внутренній фронтъ противъ Махно, а частью для защиты Кіева; для того же была взята бригада Терской дивизіи у Корпуса Генерала Шкуро — сосѣда І-го Корпуса справа, одинъ или два полка у 5-го кавалерійскаго Корпуса — сосѣда слѣва.

Вслѣдствіе ослабленія сосѣдей 1-му Корпусу пришлось выдѣлить большую часть своихъ силъ на фланги, защищая ихъ отъ насѣдавшаго противника. Фронтъ Корпуса, по одной прямой линіи до 300 верстъ, увеличился еще болѣе. Корпусъ силою вещей совершенно лишился возможности маневрировать и сосредотачивать ударныя группы.

Это произошло въ тотъ моментъ, когда красное командованіе приступило къ выполненію своей операціи, важность которой видна изъ слѣдующаго приказа революціоннаго военнаго совѣта республики, переданнаго въ XII армію:

> «Сообщается для немедленнаго точнаго и неуклоннаго исполненія приказъ Реввоенсовѣта Республики отъ 2/X 1919 г. Передаю по прямому проводу. — У васъ дѣлается чортъ знаетъ что. Штабъ дивизій оторвался отъ частей, ѣздитъ въ Дутовскомъ вагонѣ. Части плывутъ безъ руля и вѣтрилъ. Вмѣсто дѣйствительныхъ мѣръ приведенія дивизій въ порядокъ — истерика насчетъ разложенія частей. Пополненія вы даже не потрудились взять въ свои руки, не удивляюсь, что предоставленные самимъ себѣ солдаты разбѣжались. Надо понять, что красноармейцы люди, а не кучки пѣшекъ. Безобразіе на Ливенскомъ направленіи грозитъ не только арміи, но и фронту, о чемъ сегодня говорилъ Командюж. Ваши отговорки о малочисленности дивизіи безсмысленны. Подсчитайте число штыковъ у васъ и у противника, вы увидите перевѣсъ на вашей сторонѣ. Категорически требуемъ со всей безпощадностью внѣдрить въ головы командировъ и комиссаровъ ихъ отвѣтственность за дѣйствія частей. Приказываю командировъ и комиссаровъ полковъ, батальоновъ, ротъ, эскадроновъ, батарей и отдѣльныхъ командъ за отступленіе безъ приказа предавать суду Трибунала, разстрѣливать, или же безъ суда разстрѣливать на мѣстѣ. Вы должны добиться, потребовавъ этого отъ подчиненныхъ вамъ командировъ и комиссаровъ, чтобы войска и часть легла цѣликомъ, но не отступала, пока ей не прикажутъ. Объясните всѣмъ, что сейчасъ происходитъ операція, отъ которой зависитъ исходъ борьбы съ бѣлыми. Безсмысленныя отступленія на второстепенныхъ направленіяхъ могутъ сорвать эту операцію. Такимъ безсмысленнымъ и преступнымъ отступленіемъ является оставленіе Ливенъ. Такая обстановка ставитъ въ безвыходное положеніе 42-ую дивизію.
>
> Реввоенсовѣтъ не принимаетъ никакихъ отговорокъ. Ваши и бѣлые штыки подсчитаны, перевѣсъ у васъ, нужно только потребовать отъ командировъ и комиссаровъ исполненія своего долга передъ республикой. Довольно миндальничать. По порученіл Реввоенсовѣта, членъ Реввоенсовѣта Пятаковъ.
>
> Слушаю. — Быкъ».

Операція заключалась въ томъ, что согласно сдѣланнаго впослѣдствіи доклада въ Центральномъ Исполнительномъ Комитетѣ Главнокомандующимъ Каменевымъ, имъ для спасенія положенія было брошено на Южный фронтъ за счетъ другихъ 75 тыс. штыковъ, 18 тыс. сабель, до 300 орудій и 3 тыс. агитаторовъ. Изъ этого числа подъ Карачевымъ, т. е. на лѣвый флангъ 1-го Корпуса, была высажена свѣжая Латышская дивизія — девять полковъ — всего 8—10 тысячъ штыковъ и 3 тысячи сабель, въ лобъ Корпуса была брошена Эстонская дивизія такого же состава, а въ стыкѣ Добровольческой и Донской Армій, т. е. за правымъ флангомъ 1-го Корпуса, была сосредоточена вся кавалерія Буденнаго.

Краснымъ командованіемъ было рѣшено во что бы то ни стало уничтожить Кутеповскій Корпусъ — ядро всѣхъ вооруженныхъ силъ Юга Россіи. Всѣ переброшенныя части съ прежними дѣйствовавшими дивизіями, отдохнувшими и пополненными, перешли въ наступленіе, охватывая Корпусъ со всѣхъ сторонъ. Тончайшая нитка Добровольческаго фронта стала рваться ежеминутно, кавалерія противника или въ тылу Корпуса, или бьетъ фланговымъ ударомъ. 1-ый Корпусъ сталъ отходить.

III. РЕПРЕССИВНЫЯ МѢРЫ.

1) ТЕРРОРЪ КЪ КОМАНДНОМУ СОСТАВУ.

Коммунисты, захвативъ въ свои руки власть съ помощью разнузданныхъ матросовъ и солдатъ, окончательно разложили Императорскую Армію введеніемъ въ нее выборнаго начала на командныя должности. Когда же большевики стали сами создавать свою 3-хъ милліонную армію, то они очень быстро отказались отъ этихъ демагогическихъ лозунговъ. Въ армію стала вводиться не только дисциплина болѣе суровая, чѣмъ была, но и сталъ примѣняться самый безпощадный терроръ, какъ къ командному составу, такъ и къ красноармейцамъ. Не смотря на всѣ завѣренія бывшихъ офицеровъ, что служба въ красной арміи не тягостна, на самомъ дѣлѣ изъ приводимыхъ ниже секретныхъ приказовъ видно, какой цѣной коммунисты добивались отъ своихъ войскъ вѣрности Р. С. Ф. С. Р.

Прежде всего терроръ былъ направленъ на командный составъ.

Еще 5/X 1918 г. Главнкомандующій Вацетисъ издалъ такой приказъ № 41:

«Замѣчены предательскіе перебѣги лицъ команднаго состава въ лагерь непріятеля. Этому чудовищному преступленію долженъ быть положенъ конецъ. Всякій перебѣжчикъ знаетъ, что онъ предаетъ русскихъ рабочихъ и крестьянъ на растерзаніе англо-французскимъ и японо-американскимъ палачамъ.

Въ тотъ моментъ, когда уже разгорѣлась революція въ другихъ странахъ, мы должны особенно высоко держать наше знамя и тѣснѣй смыкать свои ряды — ряды передовыхъ бойцовъ за свободу. А потому пусть каждый знаетъ, что онъ предаетъ одновременно и свою семью, отца, мать, сестеръ, братьевъ, жену и дѣтей.

Приказываемъ всѣмъ штабамъ всѣхъ армій республики и окружнымъ комиссарамъ представить по телеграфу въ Москву члену революціоннаго военнаго совѣта республики Аралову списки всѣхъ перебѣжавшихъ во вражескій станъ лицъ команднаго состава со всѣми имѣющимися необходимыми свѣдѣніями объ ихъ семейномъ положеніи. Члену Реввоенсовѣта товарищу Аралову принять по соглашенію съ соотвѣтствующими учрежденіями мѣры по задержанію семействъ предателей и о выработанныхъ мѣрахъ сообщить революціонному военному совѣту для всеобщаго объявленія».

На основаніи этого приказа Начальниками Штабовъ военныхъ Округовъ весьма срочно и совершенно секретно во всѣ части былъ разосланъ слѣдующій приказъ:

«По приказанію Предсѣдателя Революціоннаго Совѣта Республики товарища Троцкаго требуется установленіе семейнаго положенія команднаго состава бывшихъ офицеровъ и чиновниковъ и сохраненіе на отвѣтственныхъ постахъ только тѣхъ изъ нихъ, семьи которыхъ находятся въ предѣлахъ совѣтской Россіи, и сообщеніе каждому подъ личную расписку — его измѣна и предательство повлечетъ арестъ семьи его и что, слѣдовательно, онъ беретъ на себя, такимъ образомъ, отвѣтственность за судьбу своей семьи.

Во исполненіе сего приказанія прошу немедленно отобрать требуемыя расписки отъ бывшихъ офицеровъ и чиновниковъ по прилагаемой формѣ, и доставить съ нарочнымъ въ Штабъ Округа. На всѣхъ вновь назначенныхъ

лицъ и переведенныхъ изъ другихъ частей надо доставлять немедленно дополнительные списки въ трехъ экземплярахъ. Необходимо имѣть въ виду, что вся отвѣтственность за неисполненіе приказанія Предсѣдателя Реввоенсовѣта Республики всецѣло падаетъ на начальниковъ соотвѣтствующихъ управленій, учрежденій, заведеній и частей войскъ красной арміи и въ случаѣ немедленной неприсылки какой-либо частью или управленіемъ списковъ, о виновныхъ будетъ докладываться для привлеченія за неисполненіе приказа по законамъ военнаго времени. Всѣ начальники обязываются всегда имѣть адреса своихъ подчиненныхъ бывшихъ офицеровъ и чиновниковъ и ихъ семей.

Въ случаѣ измѣны или предательства со стороны кого-либо изъ этихъ подчиненныхъ, должны быть немедленно приняты мѣры къ аресту членовъ его семьи, для чего безотлагательно необходимо телеграфировать въ Отдѣлъ военнаго контроля (Москву) съ указаніемъ должности, сообщая въ Штабъ Округа и ближайшему органу военнаго контроля.

Приложеніе: форма.

Помощникъ Начальника Штаба по Административной части Новиковъ».

Вышеприведенный документъ былъ разосланъ Начальникомъ Штаба Орловскаго Военнаго Округа 28 Декабря 1918 года за № 1908/492 секр.

Обезопасивъ себя такимъ образомъ отъ измѣны командного состава, Троцкій отдаетъ секретный приказъ № 130, въ которомъ говорится:

«Необходимо прежде всего подтянуть командный составъ. Командиры частей привыкли безнаказанно нарушать боевые приказы и ссылаться въ свое оправданіе на желаніе или нежеланіе своихъ частей. Кое-какіе командиры на боевые приказы отвѣчаютъ: «моя часть не пойдетъ... моя часть устала и не выступитъ... моимъ солдатамъ не выдали во время жалованья или теплаго бѣлья, они не выступятъ, пока не получатъ своего». Командиръ, который способенъ дать такіе отвѣты — либо глупецъ, либо преступникъ...

Красные солдаты будутъ безусловно подчиняться командному составу, если послѣдній будетъ считать своимъ долгомъ добиваться исполненія приказовъ, какой угодно цѣной.

Командиръ, у котораго нѣтъ увѣренности въ себѣ и нѣтъ готовности заставить повиноваться боевому приказу, неспособенъ вести за собой солдатъ и долженъ быть переведенъ въ рядовые своего собственнаго полка. Необходимо разъ навсегда установить какъ незыблемое правило, что каждый офицеръ отвѣчаетъ за свою часть и всякія попытки спрятаться за спину части должны караться самымъ суровымъ образомъ...»

Подтягиваніе командного состава возлагается въ этомъ приказѣ на комиссаровъ —

«Комиссары должны помнить, пишетъ Троцкій, что они отвѣчаютъ за духъ частей и за добросовѣстность работы командного состава. Комиссаръ долженъ во время боя, особенно въ критическую минуту, держать подъ своимъ наблюденіемъ низшій командный составъ... Паника, смятеніе, дезертирство, развалъ ложатся главной своей отвѣтственностью на командный составъ, а стало быть, и на комиссаровъ. Каждый комиссаръ долженъ послѣ всякаго несчастья съ его частью отдать себѣ ясный отчетъ о томъ, на комъ лежитъ главная вина, донести о негодныхъ командирахъ, и въ случаѣ необходимости, арестовать на мѣстѣ явныхъ шкурниковъ, которые не прочь въ мирной обстановкѣ носить званіе командира, а въ бою прячутся за спину своей части и толкаютъ ее къ отступленію въ безопасное мѣсто.

Долгъ комиссара добиваться черезъ революціонный трибуналъ разстрѣла такихъ негодяевъ, нужно желѣзной рукой заставить командировъ, а черезъ нихъ и всѣхъ солдатъ понять, что армія существуетъ не для забавы и не для мирнаго препровожденія времени...»

А въ приказѣ Особоуполномоченнаго Реввоенсовѣтомъ XIII арміи Быка уже говорится прямо:

«По приказу Реввоенсовѣта — командировъ тѣхъ частей, которыя будутъ отступать безъ приказа немедленно предавать суду Трибунала, кото-

рому безпощадно разстрѣливать виновныхъ... Части могутъ и должны погибнуть всѣ, но не уходить, и это должны понять командиры и комиссары и знать, что дороги назадъ нѣтъ, что позади ихъ ждетъ позорная смерть, впереди безусловная побѣда, такъ какъ противникъ наступаетъ малыми силами, обезсиленъ и дѣйствуетъ только нахальствомъ. Политработниковъ предупредить, что никакія ссылки на обходъ, усталость и т. д. не будутъ приниматься во вниманіе».

Послѣ каждаго пораженія и отступленія терроръ въ красной арміи становится безпощаднѣе. 26/IX 1919 года былъ отданъ такой приказъ войскамъ XIII арміи:

«Революціонный военный совѣтъ XIII арміи приказываетъ всѣмъ командирамъ, комиссарамъ и красноармейцамъ прекратить отступленіе и кровью своей смыть тотъ позоръ, который чернымъ пятномъ палъ на нихъ со времени сдачи Курска и дальнѣйшаго отступленія на Сѣверъ... Каленымъ желѣзомъ надо выжечь изъ тѣла красной арміи язву шкурничества и подлой трусости... Революціонный военный совѣтъ XIII арміи приказываетъ: 1) послать въ районъ Курской группы революціонный военно-полевой трибуналъ подъ предсѣдательствомъ тов. Буздалина. 2) Трибуналу безпощадно расправиться со всѣми шкурниками, предателями, бѣглецами, какую бы они должность ни занимали. Командиръ, комиссаръ и красноармеецъ, потерявшіе воинскую честь свою, должны быть одинаково сурово наказаны твердой рукой революціоннаго правосудія... Врагъ слабѣе васъ. Васъ больше... Командующій войсками XIII арміи Геккеръ. Члены Реввоенсовѣта арміи Пятаковъ, Кассіоръ».

И, наконецъ, судя по приказу реввоенсовѣта республики отъ 2/X 1919 года, приведенному выше, было разрѣшено командировъ частей за самовольное отступленіе «безъ суда разстрѣливать на мѣстѣ».

2) ТЕРРОРЪ КЪ КРАСНОАРМЕЙЦАМЪ.

Такой же, если не болѣе, безпощадный терроръ примѣнялся въ рабоче-крестьянской арміи и къ самимъ красноармейцамъ.

Прежде всего большевики очень быстро забыли свои призывы къ митингамъ во время Германской войны. Уже 18/X 1918 года былъ изданъ по этому поводу приказъ арміямъ Южнаго фронта № 15 за подписью Сытина:

«§ 4. Объявляется для руководства и неуклоннаго исполненія приказъ всѣмъ вооруженнымъ силамъ Россійской Республики отъ 22/IX 1918 года № 10.

Уже давно громадное большинство членовъ красной арміи пришло къ тому заключенію, что митингъ на фронтѣ, особенно передъ боемъ, или во время него, не только не принесетъ пользы но наоборотъ крайне пагубно отражается на нашихъ операціяхъ и даетъ противнику лишній шансъ къ побѣдѣ. Исходя изъ этого, народный комиссаріатъ по военнымъ дѣламъ издалъ декретъ, которымъ категорически запретилъ всякіе митинги на фронтѣ. Я также неоднократно указывалъ на недопустимость въ боевой обстановкѣ всякихъ митинговъ, а особенно обсужденія боевыхъ приказовъ во время боя — не смотря на это до сего времени, хотя и рѣдко, но все-таки повторяются случаи митингованія и обсужденія боевыхъ приказовъ отдѣльными войсковыми частями, при чемъ такіе случаи оканчиваются очень печально. На дняхъ въ одной изъ армій произошелъ такой печальный случай: одинъ изъ полковъ этой арміи, получивъ боевой приказъ о выступленіи на позиціи, вмѣсто быстраго его исполненія собрался на митингъ и сталъ обсуждать этотъ приказъ, а въ это время противникъ произвелъ рѣшительный ударъ и въ результатѣ наши части принуждены были очистить позицію и отступить. За такое преступное отношеніе къ боевымъ приказамъ военно-полевой Трибуналъ приговорилъ къ разстрѣлу предсѣдателя митинга и приговоръ приведенъ въ исполненіе».

Попытки устраивать митинги въ красной арміи этотъ же приказъ имѣетъ смѣлость приписывать агентамъ Добровольцевъ —

«Знайте, что нашъ противникъ хитеръ и коваренъ, и способенъ на всякія подлости, лишь бы только спасти свое положеніе и вырвать у насъ добытую нами побѣду, и, конечно, не остановится и передъ тѣмъ, чтобы поставить въ наши ряды своихъ агентовъ, нашихъ предателей, которые постараются отвести васъ на различныя преступленія, въ томъ числѣ и на обсужденіе боевыхъ приказовъ. Не вѣрьте, товарищи, этимъ шпіонамъ и предателямъ... Подлинный подписалъ Главнокомандующій всѣми вооруженными силами республики Вацетисъ. Члены Революціоннаго военнаго совѣта Республики Данишевскій и Кобызевъ, за Начальника Штаба Майгуръ. Справка — телеграмма Штаба Главнокомандующаго № 2396».

Въ самой красной арміи стала вводиться, мало сказать — суровая дисциплина, хотя бы Аракчеевскихъ временъ — но по существу возстанавливалось полное рабство, въ которомъ жизнь красноармейца зависѣла не только отъ начальствующихъ лицъ, но и отъ любого своего товарища, пожелавшаго свести личные счеты.

Вотъ какое обязательство подписывалъ красноармеецъ при поступленіи на службу — изъ 15 пунктовъ приводимъ 4 —

«§ 1. Обязуюсь всѣми силами, не щадя своей жизни, защищать и поддерживать совѣтскую власть, ни на минуту не забывая о великихъ и свѣтлыхъ цѣляхъ соціализма.

§ 6. Не приносить жалобъ на недостатокъ продовольствія, а въ боевое время на отсутствіе таковаго, помня, что въ боевой обстановкѣ возможны случаи, когда совершенно исключена возможность своевременной подачи продуктовъ.

§ 14. Если же на полѣ брани, гдѣ я буду призванъ исполнять свой долгъ передъ рабоче-крестьянскимъ классомъ, *я побѣгу* — то считаю обязанностью *каждаго честнаго воина,* замѣтившаго этотъ позорный поступокъ — *разстрѣлять меня на мѣстѣ.*

§ 15. Если я буду уклоняться отъ исполненія приказаній моего начальства и буду роптать противъ продовольствія, то пускай меня *постигнетъ такая же кара,* какъ и за неисполненіе боевого заданія, т. е. *пусть меня разстрѣляетъ первый* уличившій меня въ такомъ преступленіи противъ моихъ братьевъ рабочихъ и крестьянъ, которые мнѣ передали защиту ихъ кровныхъ интересовъ».

Всѣ набранныя курсивомъ слова въ подлинникѣ отпечатаны крупнымъ шрифтомъ.

Право разстрѣливать безо всякаго суда неоднократно затѣмъ подтверждалось въ приказахъ, напримѣръ въ приказѣ особоуполномоченнаго реввоенсовѣтомъ XIII арміи Быка можно найти слѣдующія подлинныя слова:

«Комиссарамъ и командирамъ частей предоставляется право всѣхъ смутьяновъ, шкурниковъ разстрѣливать безъ суда...»

Этотъ безпощадный терроръ касался не только отдѣльныхъ красноармейцевъ, но и цѣлыхъ частей. Это видно изъ слѣдующаго приказа —

«Секретно. Комполкам 73, 74 и 75. Хуторъ Кумжанскій. № 226/пол. 25 января 1920 года, 8 ч. 30 м. Комбриг приказалъ принять за общее правило — резервный батальонъ долженъ всегда въ случаѣ отступленія цѣпей принять всѣ мѣры къ возстановленію положенія, широко примѣняя въ такихъ случаяхъ пулеметный огонь по своимъ съ предварительнымъ предупрежденіемъ и сначала демонстративнымъ обстрѣломъ. Кромѣ того предупреждается, что Штабриг въ случаѣ отступленія также не будетъ пропускать безнаказанно отступающія цѣпи. Наштабриг 1—9 (подпись не разборчива). Комиссаръ Лукашевичъ».

Если принять во вниманіе, что за каждымъ шагомъ красноармейца слѣдили члены коммунистическихъ ячеекъ, а понятія — «ропотъ противъ продовольствія, смутьянство и шкурничество» — понятія очень растяжимыя, то станетъ яснымъ, какой былъ произволъ въ совѣтскихъ войскахъ и въ какой нравственной атмосферѣ жили защитники «кровныхъ интересовъ братьевъ рабочихъ и крестьянъ».

Насколько настроеніе красныхъ было унылое, видно изъ того, что перебѣжчики и плѣнные красноармейцы искренне удивлялись, видя солдатъ Добровольцевъ свободно ходящими по деревнѣ и поющими пѣсни. Въ красной арміи веселья не было. Своего званія красноармейцы стыдились. Отправляясь за продовольствіемъ, они въ деревнѣ снимали съ фуражекъ пятиконечныя звѣзды — кокарды, подчеркивая, что они только мобилизованные. Затаенная у нихъ ненависть къ комиссарамъ и коммунистамъ прорывалась, когда они видѣли себя окруженными Добровольцами. Тогда, считая себя въ безопасности отъ мести своего командного состава, красноармейцы передъ сдачей въ плѣнъ перебивали своихъ комиссаровъ и коммунистовъ, напримѣръ такъ было въ 101 полку 12 дивизіи.

3) БОРЬБА СЪ ДЕЗЕРТИРСТВОМЪ.

Не смотря на поголовную мобилизацію отъ 18 до 40-лѣтняго возраста, красному командованію съ великимъ трудомъ удалось довести свою армію до 3-хъ милліоннаго состава. Громадное количество — наименѣе 20% — мобилизуемыхъ разбѣгалось сразу. Очень часто полкъ, доведенный до 2500 штыковъ, черезъ нѣсколько дней насчитывалъ около 500 штыковъ, каковая цифра въ среднемъ и держалась въ совѣтскихъ полкахъ.

Дезертиры, званіе которыхъ во время Европейской войны большевиками считалось почетнымъ, теперь тѣми же большевиками были объявлены врагами народа. Коммунисты стали проповѣдывать о воинской чести. Они писали:

> «Надо разъ навсегда искоренить самую мысль о томъ, что преступленія противъ воинскаго долга — единичныя или массовыя — могутъ оставаться безнаказанными. Противъ дезертирства должна быть поведена неутомимая борьба. Для явныхъ и завѣдомыхъ дезертировъ можетъ быть только одна кара: разстрѣлъ. Обо всѣхъ разстрѣлахъ падлежитъ опубликовывать въ приказахъ по арміи, приводя имена разстрѣлянныхъ, названіе части и по возможности мѣстожительство семьи.
>
> И только въ тѣхъ случаяхъ, когда особыя обстоятельства — въ первую голову виновность команднаго состава — побуждаютъ трибуналъ условно вернуть дезертировавшихъ или заподозрѣнныхъ въ дезертирствѣ въ дѣйствующія части — необходимо такихъ условно осужденныхъ облачить въ отличительные, чернаго цвѣта, воротники, дабы они и ихъ окружающіе знали, что при первомъ новомъ преступленіи со стороны этихъ помилованныхъ солдатъ имъ не можетъ быть ни милости, ни второго снисхожденія... Приказъ арміямъ Южнаго фронта 2/XII—1918 г. № 130. Подписалъ Троцкій».

Но когда и позоръ чернаго воротника и страхъ казни не уменьшилъ дезертирства, коммунистами былъ примѣненъ ихъ излюбленный способъ — мстить всѣмъ близкимъ людямъ виновнаго. Было опубликовано и повсюду расклеено слѣдующее воззваніе - приказъ:

> «Знай, красноармеецъ!
>
> Если ты оставишь своихъ братьевъ рабочихъ и крестьянъ въ минуту борьбы съ злѣйшими врагами пролетаріата — все имущество, земля, скотъ твоего семейства будетъ конфисковано и отобрано.
>
> Противъ твоего семейства будутъ приниматься самыя строгія мѣры.
>
> Конфискованное и отобранное имущество, земля, скотъ будутъ передаваться тѣмъ семействамъ, сыновья, братья и отцы которыхъ желѣзной рукой отражаютъ бѣлогвардейскія банды и стоятъ на стражѣ интересовъ народнаго дѣла.
>
> Погибнетъ отъ красноармейской винтовки тотъ, кто не хочетъ направить ее въ враговъ рабочихъ и крестьянъ. — Политпросвѣт Орловскаго Губвоенкома».

По всей прифронтовой полосѣ для ловли дезертировъ были организованы заградительные отряды небольшой численности, но хорошо вооруженные, изъ лицъ

преданныхъ совѣтской власти. Эти отряды обычно ѣздили по всѣмъ дорогамъ прифронтовой полосы, стараясь пересѣчь всю мѣстность.

Кромѣ заградительныхъ отрядовъ для того же были сформированы спеціальные кавалерійскіе дивизіоны Таковъ былъ кавалерійскій дивизіонъ имени Троцкаго, носившій названіе «Тайный дивизіонъ», отрядъ «Чортова сотня» и т. д.

Въ крупныхъ селахъ стояли карательные отряды изъ китайцевъ, которые разстрѣливали дезертировъ, получая съ головы 5 рублей, и брали заложниковъ.

Прибѣгали и къ такимъ пріемамъ — карательные отряды надѣвали погоны и бродили по лѣсамъ, предлагая встрѣтившимся дезертирамъ провести ихъ къ казакамъ; при согласіи — ихъ раздѣвали донага и сдавали въ штабы.

Всѣ эти свѣдѣнія получены опросомъ многихъ свидѣтелей —

«Какъ не будешь воевать противъ васъ, говорили плѣнные, податься некуда. Коммунисты или тебя уничтожатъ, или твоихъ изведутъ...»

Какъ дезертирство разсматривался и всякій самовольный уходъ рабочаго изъ милитаризованнаго предпріятія, при чемъ милитаризація предпріятій коснулась не только заводовъ, выдѣлывающихъ военное снаряженіе, но, напримѣръ, и всѣхъ сахарныхъ заводовъ.

Рабочіе въ рабоче-крестьянской республикѣ оказались закрѣпощенными.

Вотъ каково «Постановленіе совѣта украинской трудовой арміи» отъ 23/VII 1920 года № 44, изданное въ Харьковѣ и подписанное — За предсѣдателя совѣта украинской трудовой арміи Владимировымъ и помощникомъ секретаря Укрсовтрударміи Литвиненко —

«Для фактическаго проведенія въ жизнь правилъ трудовой производственной дисциплины, а равно и общей милитаризаціи сахарной промышленности Правобережной Украины, устанавливаются слѣдующія мѣры:

I. Закрѣпленіе рабочихъ и служащихъ за опредѣленнымъ сахарнымъ заводомъ.

§ 1. Всѣ рабочіе и служащіе сахарной промышленности Правобережной Украины обязаны съ полученіемъ сего зарегистрироваться въ томъ заводскомъ управленіи, въ которомъ они служатъ въ данный моментъ, или въ предѣлахъ котораго они проживаютъ (если въ данный моментъ они не служатъ).

§ 2. Всякіе уходы, увольненія и переводы рабочихъ и служащихъ съ завода на заводъ производятся съ разрѣшенія Райсахара.

§ 3. Уходъ съ предпріятія разсматривается, какъ военное дезертирство, и дѣла объ этихъ дезертирахъ передаются соотвѣтствующему Губдезертировъ.

§ 4. Неисполненіе вышеозначенныхъ правилъ влечетъ за собой преданіе реввоентрибуналу, пользующемуся въ данномъ случаѣ правами полевого военнаго ревтрибунала».

Далѣе идутъ инструкціи, регламентирующія до мельчайшихъ подробностей весь трудъ рабочаго, и дается объясненіе понятію «боевой приказъ», подъ который подводится —

«вообще выполненіе всѣхъ правилъ и инструкцій по веденію работъ и видамъ ихъ спеціальности, какъ нынѣ существующихъ, такъ и равно могущихъ быть изданными».

4) ТЕРРОРЪ ВЪ ПРИФРОНТОВОЙ ПОЛОСѢ.

Всѣ неудачи на фронтѣ усиливали терроръ въ прифронтовой полосѣ. На чрезвычайные военно-революціонные трибуналы возлагалось кромѣ борьбы съ дезертирствомъ — «положить конецъ лживымъ вымысламъ, уничтожить провокацію».

Приказъ № 2 такого трибунала въ Донецкомъ бассейнѣ гласитъ —

«1. Всякій, имѣющій свѣдѣнія о преступныхъ, небрежныхъ, или трусливыхъ дѣйствіяхъ какъ военныхъ, такъ и гражданскихъ властей, прямо или

косвенно содѣйствовавшихъ отступленію въ Донецкомъ бассейнѣ, обязанъ немедленно передать эти свѣдѣнія Чрезвычайному Трибуналу по адресу Харьковскаго Окрвоенкома, а въ теченіе 8 и 9 Іюня на ст. Купянскъ вагонъ № 1002.

2. Всякое недонесеніе будетъ разсматриваться, какъ преступленіе, и карается по всей строгости законовъ военно-революціоннаго времени.

3. Лица, говорящія о предательствѣ и измѣнѣ и не сообщающія объ этомъ для разслѣдованія трибуналу, будутъ разсматриваться, какъ злостные провокаторы и караться самымъ суровымъ образомъ, вплоть до разстрѣла... Предсѣдатель трибунала Г. Пятаковъ, члены трибунала Р. Рафаиловъ, С. Буздалинъ. Секретарь Фельдманъ»

Вмѣстѣ съ тѣмъ по приказу Троцкаго № 147 отъ 4/IX 1919 г.

«распространеніе непровѣренныхъ свѣдѣній въ утвердительной формѣ — будетъ караться наравнѣ со злостнымъ сѣяніемъ паники. Шептуновъ, болтуновъ, сплетниковъ преслѣдовать безпощадно».

Послѣ такихъ приказовъ гражданамъ вслухъ оставалось только восхищаться всѣми порядками соціалистическаго отечества.

При своемъ отходѣ большевики въ городахъ разстрѣливали взятыхъ заложниковъ и ликвидировали сидящихъ въ чрезвычайкахъ. Во многихъ городахъ, какъ напримѣръ, въ Курскѣ, чтобы скрыть всѣ слѣды, взрывались и сжигались зданія, въ которыхъ помѣщались чрезвычайки, по увѣренію мѣстныхъ жителей, вмѣстѣ съ живыми людьми.

Кромѣ того при эвакуаціи красными увозились, чтобы не дать возможности наладить текущую жизнь, всѣ служащіе и спеціалисты. Остающееся населеніе запугивалось. Имъ говорили, что коммунисты черезъ своихъ агентовъ будутъ слѣдить, какъ населеніе встрѣчало Добровольческую Армію, чтобы впослѣдствіи отомстить всѣмъ выражавшимъ радость. Еще неоднократно отмѣчались такіе пріемы отступающихъ совѣтскихъ частей — отходя, они грабили жителей прифронтовыхъ селъ и деревень подъ видомъ наступающихъ Добровольцевъ —

«Иногда цѣлыя команды, нашивъ погоны, устраивали поголовные грабежи и погромы. Подстрекателями обычно были комиссары». — Разв. сводка Шт. 1-го Корп. 29/V 1919 г. № 02743».

У многихъ плѣнныхъ кавалеристовъ находили въ карманахъ Корниловскіе погоны.

5) ТЕРРОРЪ НА ВНУТРЕННИХЪ ФРОНТАХЪ.

Красный терроръ проводился большевиками и на внутреннихъ фронтахъ.

Во время рейда Генерала Мамонтова Троцкій издалъ приказъ № 147 отъ 4/IX 1919 года, въ которомъ требовалось —

«истреблять казаковъ всѣми путями. Никто не имѣетъ права уклоняться отъ облавы на Мамонтовскихъ бандитовъ и громилъ — группами или въ одиночку».

При совѣтскихъ войскахъ, отправленныхъ противъ Генерала Мамонтова, было приказано —

«создать небольшіе заградительные отряды изъ твердыхъ боевиковъ, которые умѣютъ сражаться и умѣютъ расправляться съ дезертирами и шкурниками».

Въ этомъ же приказѣ предупреждалось —

«трусость, шкурничество, дезертирство на внутреннемъ фронтѣ будутъ караться такъ же, какъ и на внѣшнемъ — разстрѣломъ».

Безпощадная политика, вопреки завѣреніямъ агитаторскихъ листковъ, была объявлена и ко всему казачеству. Была разослана слѣдующая телеграмма —

«сообщается для руководства слѣдующая телеграмма: Реввоенсовѣт Южнаго фронта приказываетъ во измѣненіе прежнихъ постановленій въ отношеніи общей политики Донской области руководствоваться слѣдующимъ: Самымъ безпощаднымъ образомъ подавить попытку мятежа въ тылу, примѣняя въ этомъ подавленіи мѣры массоваго уничтоженія возставшихъ... Приказъ настоящій по телеграфу довести до свѣдѣнія всѣхъ дивизій и полковъ... № 3848 Упрвоенсовѣта Южнаго фронта Ходоровскій. Врид. управдѣл Березановскій».

Большей частью на такія расправы и усмиренія посылались латыши и китайцы, такъ какъ карательные отряды изъ красноармейцевъ не выдерживали такого массового террора и разбѣгались.

6) ТЕРРОРЪ КЪ ДОБРОВОЛЬЦАМЪ И КАЗАКАМЪ.

Остается сказать нѣсколько словъ о террорѣ къ Добровольцамъ и Казакамъ.

Раненыхъ или взятыхъ въ плѣнъ офицеровъ не только добивали и разстрѣливали, но всячески мучили. По количеству звѣздочекъ на погонахъ вколачивали въ плечи гвозди, вырѣзали на груди ордена, на ногахъ лампасы. Отрѣзывали дѣтородные члены и вставляли въ ротъ. На ст. Великокняжеской въ 1919 году налетѣвшій красный кавалерійскій отрядъ пробивалъ головы схваченнымъ офицерамъ бронепоѣзда шрапнельными стаканами. Не пощажены были и жены офицеровъ. Всѣ трупы остались въ неузнаваемомъ видѣ. Такихъ примѣровъ очень много.

Чтобы не попасть въ руки большевиковъ, раненые офицеры, которыхъ почему либо не могли подобрать, часто застрѣливались, или же просили своихъ друзей пристрѣлить ихъ, просили, какъ послѣднюю услугу...

Троцкимъ, хотя и былъ изданъ приказъ, запрещающій разстрѣлы плѣнныхъ, но онъ не выполнялся по отношенію офицеровъ въ виду сильной противоположной агитаціи политкомовъ. Даже въ тылъ Добровольцевъ посылались спеціальные небольшіе отряды для истребленія одиночныхъ офицеровъ.

Бывали случаи, когда разстрѣливали и плѣнныхъ солдатъ, такъ —

«У села Чутова 55-мъ совѣтскимъ полкомъ были замучены на смерть всѣ плѣнные». Разв. сводка Шт. I-го Корпуса отъ 2/VII 1919 г. № 03898.

Должно отмѣтить, что многихъ офицеровъ спасали солдаты, вмѣстѣ попавшіеся въ плѣнъ. Происходило такъ: при неожиданномъ налетѣ большевиковъ, или когда уже было видно, что спасенія нѣтъ, Добровольцы, окруженные непріятелемъ, передъ сдачей въ плѣнъ, сами срывали у себя погоны. Плѣнныхъ, по дорогѣ дочиста обобранныхъ и раздѣтыхъ, приводили къ штабу полка. Здѣсь ихъ опрашивали комиссары, уговаривали и требовали выдачи офицеровъ. Солдаты, очень часто недавніе красноармейцы — изъ плѣна поставленные въ строй — почти всегда отвѣчали, что среди нихъ нѣтъ ни одного офицера и всячески помогали слиться офицерамъ съ толпою солдатъ. Въ рядахъ I-го Корпуса есть офицеры, спасшіеся такимъ образомъ и снова пробравшіеся въ Русскую Армію.

IV. МѢРЫ ПООЩРИТЕЛЬНАГО ХАРАКТЕРА.

По приказу Троцкаго № 62 отъ 20/IX 1918 г. въ красной арміи «на ряду съ мѣрами карательными» были введены и «мѣры поощренія» —

«комиссары и командиры должны представлять отличившихся воиновъ красной арміи къ подаркамъ, денежнымъ наградамъ, знаку краснаго знамени, а болѣе доблестные полки къ почетному знамени».

Изъ подарковъ часто давались золотые часы съ выгравированной надписью — «Лучшему солдату красной арміи — Левъ Троцкій».

Орденъ краснаго знамени представляетъ изъ себя овальный, обвитый золотыми лаврами бѣлый щитъ съ горящимъ факеломъ на красной розеткѣ На щитѣ черные молотъ, серпъ и пятиконечная красная звѣзда, обвѣянная краснымъ знаменемъ, на которомъ написано «пролетаріи всѣхъ странъ соединяйтесь». При орденѣ вручался дипломъ съ государственнымъ гербомъ, подъ которымъ слѣдующій текстъ:

«Россійская Соціалистическая Федеративная Совѣтская Республика. Всероссійскій Центральный Исполнительный Комитетъ Рабочихъ, Крестьянскихъ, Казачьихъ и Красноармейскихъ депутатовъ, въ ознаменованіе исполненія гражданиномъ. . . . . . своего долга передъ соціалистическимъ отечествомъ въ бою противъ его враговъ . . . . вручаетъ ему знакъ ордена «Красное Знамя», символъ міровой соціалистической революціи. Знакъ ордена «Красное Знамя» гражданинъ . . . имѣетъ право носить на груди. Предсѣдатель В. Ц. И. К. — М. Калининъ. Секретарь В. Ц. И. К. — В. Аванесовъ. Годъ и номеръ».

ДАННЫЯ О КОЛИЧЕСТВѢ КОММУНИСТОВЪ ВЪ КРАСНОЙ АРМІИ.

Какъ создавалась красная армія, какими мѣрами она сплачивалась, мы видѣли, поэтому большой интересъ представляетъ, на сколько удалось большевикамъ изъ мобилизованныхъ русскихъ гражданъ создать дѣйствительно убѣжденныхъ защитниковъ соціалистическаго отечества и коммунистическаго правительства. — Это выясняютъ статистическія данныя, собранныя самими большевиками и захваченныя І-ымъ Корпусомъ въ 1920 году.

Въ Іюнѣ этого года на поляхъ Тавріи І-ымъ Корпусомъ вмѣстѣ съ Донцами былъ совершенно разгромленъ конный корпусъ Жлобы. Была взята почти вся артиллерія этого корпуса, обозы, много плѣнныхъ, коней. Въ числѣ трофеевъ была штабная канцелярія 2-го Таманскаго совѣтскаго кавалерійскаго полка. Среди документовъ оказались анкетные листы на всѣхъ рядовыхъ бойцовъ полка, заполненные лично каждымъ красноармейцемъ.

2-ой Таманскій полкъ коннаго корпуса Жлобы одинъ изъ первыхъ полковъ совѣтской Россіи. Его боевая дѣятельность была еще подъ Ставрополемъ и въ раіонѣ Маныча. Таманскіе полки отличались наибольшей устойчивостью и большимъ количествомъ добровольцевъ. Тѣмъ самымъ данныя анкетныхъ листовъ этого полка представляются весьма показательными для красной арміи.

Анкета заключаетъ въ себѣ 17 вопросовъ, въ числѣ коихъ слѣдующіе: къ какой партіи принадлежитъ опрашиваемый, какое его имущественное положеніе и какой онъ губерніи.

Всѣхъ анкетныхъ листовъ было на 780 человѣкъ, изъ нихъ 247 оказалось изъ центральныхъ и сѣверныхъ губерній, т. е. 32% и 533 изъ южныхъ губерній, т. е. 68%.

По своимъ политическимъ убѣжденіямъ опрошенные раздѣляются только на три категоріи:

1. Лица, принадлежащія къ партіи большевиковъ (Р. К. П. Б.).
2. Лица, сочувствующія этой партіи, и
3. Лица безпартійныя.

Лицъ съ какими либо другими политическими убѣжденіями нѣтъ.

Коммунистовъ изо всего числа подавшихъ эти анкетные листы 90 человѣкъ и 4 записанныхъ кандидатами въ партію, т. е. 12%. Сочувствующихъ 171, т. е. 22%. Безпартійныхъ 515, т. е. 66%.

Такимъ образомъ, заявившихъ себя сторонниками совѣтской власти 265 человѣкъ, т. е. 34%.

Но эта большая цифра совершенно обманчива. Достаточно было прослѣдить имущественное положеніе опрошенныхъ, чтобы вскрылась цѣнность ихъ

политическихъ убѣжденій и опредѣлилось дѣйствительное количество коммунистовъ.

Всѣхъ лицъ въ полку, которые свое имущественное положеніе опредѣлили — «нѣтъ ничего», — «пролетарій», — «бѣдное» — 367 человѣкъ, т. е. 47 %, но изъ нихъ только 30 человѣкъ принадлежитъ къ партіи коммунистовъ, 65 къ сочувствующимъ и 272 безпартійныхъ, т. е. изъ общаго числа бѣдняковъ въ полку оказалось 8,1 % коммунистовъ, 17,7 % сочувствующихъ и 74,2 проц. безпартійныхъ.

Весьма характерно, что среди бѣдняковъ безпартіныхъ есть лица, обремененныя большимъ семействомъ; такъ у одного такого 17 душъ семейства.

Двое сочувствующихъ коммунизму опредѣлили свое имущественное положеніе словами — «разграбленъ», «разграблены капиталы». Въ виду того, что капиталы могли быть «разграблены» только при ихъ соціализаціи, надо полагать, что этотъ вырвавшійся вопль у сочувствующаго коммунизму по всей вѣроятности противорѣчилъ высказанному имъ политическому убѣжденію.

Всѣ остальныя лица были со среднимъ достаткомъ; такъ по крайней мѣрѣ они сами опредѣлили свое имущественное положеніе, за исключеніемъ 105 человѣкъ, оставившихъ графу объ имуществѣ незаполненной, при чемъ изъ нихъ оказалось 34 коммуниста и 44 сочувствующихъ, т. е. 30 % сторонниковъ совѣтской власти скрыли свое имущественное положеніе, не смотря на то, что большинство изъ нихъ было изъ южныхъ губерній, и, конечно, могло имѣть свѣдѣнія о своемъ хозяйствѣ. Вмѣстѣ съ тѣмъ должно отмѣтить, что безпартійные почти всѣ добросовѣстно перечисляли свое имущество.

Такимъ образомъ, на основаніи статистическихъ данныхъ, собранныхъ большевиками отъ людей подчиненныхъ, не смотря на ихъ колоссальную пропаганду въ теченіе трехъ лѣтъ, что рабоче-крестьянское правительство защищаетъ интересы бѣдняковъ, не смотря, наконецъ, на привилегированное положеніе въ полкахъ коммунистовъ, — все таки изъ общаго числа бѣдняковъ въ полку оказалось лишь 8,1 % коммунистовъ, что на весь полкъ составляетъ 3,5 %. Остальные записались сторонниками совѣтской власти болѣе чѣмъ вѣроятно для того, чтобы сохранить на родинѣ свое имущество. А ко всѣмъ «сочувствующимъ» сами коммунисты относились скептически.

Таковую же незначительную цифру коммунистовъ въ красной арміи устанавливаетъ по послѣднимъ свѣдѣніямъ и центральный комитетъ коммунистической партіи. По его даннымъ въ Январѣ 1922 года въ арміи было 3,1 % коммунистовъ.

Приведенные документы и секретные приказы краснаго командованія въ достаточной степени выясняютъ тѣ мѣропріятія, съ помощью которыхъ на Южномъ фронтѣ возстанавливались неоднократно разбиваемыя совѣтскія арміи. Эти же документы лучше всего даютъ отвѣтъ на вопросъ, дѣйствительно ли была создана «могучая красная армія», въ которой должны были воплотиться принципы военной науки и большевистскія убѣжденія.

Въ какую уродливую форму выливалось это своеобразное сочетаніе, говорятъ приведенные документы сами за себя. Кромѣ того эти же документы опредѣленно показываютъ, что въ красной арміи въ 1918—1919 гг. отсутствовали основные признаки каждой арміи — это воинскій духъ и духовное единомысліе, только одни создающіе прочное единство арміи. Безъ этого вооруженные люди могутъ быть соединены только механически и держатся въ повиновеніи не дисциплиной, а терроромъ. — Такъ и было въ красной арміи.

Души начальниковъ были связаны страхомъ за судьбу близкихъ. Красноармейцы были укрощенными рабами. Во всей арміи не было «ни чувства кровной исторической связи, ни сочувственнаго интереса и любви къ своей исторіи», не было и «идеала, способнаго вызвать у всѣхъ ея чиновъ одинаковыя чувства,

одинаковыя мысли и вслѣдствіе этого одинаковые поступки. «Красная армія держалась гипнозомъ, сыскомъ, терроромъ и ложью.

Всѣ военные успѣхи красной арміи можно приписать исключительно ея численности. По собственному признанію Троцкаго красная армія во время гражданской войны «численно возросла чрезвычайно». Качество человѣческой силы замѣнялось количествомъ. Совѣтскія войска давили своей массой. И какъ при облавахъ загонщики становятся храбрыми, видя себя въ большомъ количествѣ, а отъ своихъ криковъ даже входятъ въ азартъ, таковыми же были и красноармейцы, обтекающіе 1-й Корпусъ со всѣхъ сторонъ. Но достаточно было Корпусу вступать въ бой, какъ совѣтскія войска терпѣли жестокій уронъ, напримѣръ, 5/XII 1919 года 1-й Марковскій полкъ, окруженный шестью полками красныхъ, легко пробивается, беретъ плѣнныхъ, трофеи — и такіе эпизоды были на всемъ пути отхода во всѣхъ полкахъ 1-го Корпуса. Даже латыши и эстонцы въ бояхъ съ Корниловцами и Дроздовцами за это время потеряли до 60 % своего состава и ихъ полки пополнялись уже русскими.

Сами красноармейцы приписывали свои успѣхи исключительно латышамъ и кавалеріи Буденнаго — «безъ нихъ, говорили они, мы отступили бы за Москву». Продвиженіе впередъ до нѣкоторой степени подымало духъ у красноармейцевъ, но не изъ за приближающагося момента торжества совѣтской власти, а исключительно потому, что при скоромъ окончаніи гражданской войны, они надѣялись на отдыхъ и мирную жизнь. Они опредѣленно заявили — «только бы война кончалась скорѣе, а намъ все равно, кто побѣдитъ, кадеты, или комиссары». — Желаніе такого покоя не есть боевой порывъ.

Отсутствіе воинскаго духа въ совѣтскихъ войскахъ, конечно, заранѣе обрекало не неуспѣхъ поставленную красному командованію задачу — уничтожить Добровольческій 1-й Корпусъ. Механически спаянная масса не могла уничтожить сильныхъ духомъ.

Пройдя тысячу верстъ отъ Орла за Ростовъ-на-Дону въ невѣроятно тяжелыхъ условіяхъ — физическихъ и моральныхъ, находясь все время подъ фланговыми ударами кавалеріи Буденнаго — 1-й Корпусъ остановился за Дономъ. Къ 20 Января 1920 года Корпусъ насчитывалъ:

	офицеровъ,	штыковъ,	сабель,	пулеметовъ,	орудій.
Корниловская дивизія	415	1663	101	34	8
Алексѣевская дивизія	333	1050	90	53	14
Дроздовская дивизія	217	558	210	57	19
Сводно-кавал. бригада	157	—	1322	75	5
Всего	1122	3271	1723	219	46

Кромѣ того Корпусу были приданы:

4 бронепоѣзда и 2 бронеплощадки (11 орудій и 44 пулемета).

2 бронеавтомобиля.

1-ый танковый отрядъ (3 большихъ и 2 малыхъ танка).

Въ тылъ Корпуса была отведена на пополненіе Марковская дивизія, въ которой состояло: офицеровъ 641, штыковъ 1367, пулеметовъ 31 и орудій 17.

Не смотря на свою малочисленность и тысячеверстный отходъ—духъ офицеровъ и солдатъ не былъ подавленъ и въ настроеніи войскъ не было тѣхъ признаковъ, которые характерны для побѣжденной стороны.

Полтора мѣсяца красные старались овладѣть Батайскомъ — ключемъ къ Екатеринодару — и не могли.

Съ 5 по 22 Января части Добровольческаго Корпуса непрерывно сдерживали натискъ совѣтскихъ войскъ и разбивали «полчища красныхъ».

5 и 6 Января Добровольцы вмѣстѣ съ Донцами отразили подъ Батайскомъ отборныя красныя части — армію Буденнаго и заставили ее отказаться отъ попытки лобовымъ ударомъ вторгнуться въ Кубань. Было взято 3 орудія, 40 пулеметовъ и плѣнные.

Всѣ послѣдующіе дни непрерывныя атаки пѣхоты красныхъ также не имѣли успѣха, равно какъ и всѣ попытки ихъ застать Добровольцевъ врасплохъ ночными атаками.

15 Января противникъ перешелъ на всемъ фронтѣ Добровольческой Арміи въ рѣшительное наступленіе четырнадцатью пѣхотными дивизіями съ пятью бронепоѣздами и конными корпусами Думенко и Буденнаго, имѣя двѣ, три дивизіи въ резервѣ. Наступленіе по захваченному приказу должно было носить —

> «стихійный и молніеносный характеръ съ цѣлью не оттѣснить противника изъ занимаемыхъ пунктовъ, а разбить его на голову».

Но подъ хуторами Поздѣевъ и Веселый Донцы разбили конницу Думенко, взяли 20 орудій и много другихъ трофеевъ, а Добровольцы отбили всѣ атаки пѣхоты, захватили 5 орудій, 20 пулеметовъ и плѣнныхъ.

Слѣдующіе дни опять отбитыя атаки. Въ это время какъ разъ и былъ изданъ приказъ краснаго командованія о стрѣльбѣ изъ пулеметовъ по своимъ отступающимъ частямъ.

Большевики окрестили Батайскъ «вторымъ Верденомъ»..

А 7 Февраля части І-го Корпуса сами перешли въ наступленіе. Въ жестокій морозъ и сильный вѣтеръ они форсировали Донъ, при чемъ господствующія высоты были у большевиковъ, разбили совѣтскія войска и заняли Ростовъ. Было взято однихъ плѣнныхъ до 5.000 красноармейцевъ, орудія, пулеметы, бронепоѣзда и т. д. Но развивать успѣха было не съ кѣмъ. Кубанцы бросили воевать. Буденный предпринялъ глубокій обходъ. Безъ давленія на фронтѣ Добровольцы, согласно приказа, стали отходить.

Всѣ эти совершенно точныя данныя свидѣтельствуютъ, насколько была слаба духомъ красная армія и насколько былъ имъ силенъ І-ый Корпусъ — горсть Добровольцевъ.

Всѣ разсказы о разложеніи Добровольцевъ, если подъ этимъ подразумѣвается І-ый Корпусъ, то это незаслуженное оскорбленіе и вымыселъ лицъ, видѣвшихъ одинъ тылъ и не бывшихъ съ частями І-го Корпуса на фронтѣ.

Черезъ 2—3 мѣсяца послѣ эвакуаціи Новороссійска тотъ же І-ый Корпусъ одерживалъ побѣды на поляхъ Тавріи и тотъ же Корпусъ нашелъ въ себѣ силы выдерживать «Галлиполійское сидѣніе», охраняя честь русскихъ знаменъ.

И если суждено возродиться былой мощи Россійскаго Государства, то зерномъ ея будетъ не та армія, въ которой, по словамъ Троцкаго, «нужно, чтобы солдатъ зналъ, что въ основѣ всего міра, во всемъ разнообразіи его явленій, лежитъ повинующаяся своимъ внутреннимъ законамъ матерія», а вся вѣра человѣка въ духовное начало — есть только — «суевѣріе — внутренняя вошь, которая ослабляетъ человѣка еще болѣе, чѣмъ внѣшняя» — такая армія не есть армія и не будетъ ею. Она останется механически спаянной матеріей и, конечно, рано или поздно, но должна быть сломлена, или же внутренне перeродиться.

Изслѣдованіе причинъ неуспѣха Добровольческаго движенія въ 1919 году, какъ онѣ рисовались на фронтѣ, выходитъ изъ предѣловъ настоящаго очерка.

13/V — 1922 г.
гор. В. Тырново, Болгарія.

ПРИЛОЖЕНІЕ I.

Къ концу Апрѣля 1919 года красные въ Донецкомъ бассейнѣ стали накапливать силы съ цѣлью перейти въ рѣшительное наступленіе и овладѣть Ростовомъ-на-Дону. Не смотря на усталость частей I-го Корпуса и ихъ малочисленность Генералъ Кутеповъ рѣшилъ, что единственный выходъ изъ создавшагося положенія — это предупредить противника. 5-го Мая Корпусъ повелъ наступленіе, его лѣвый флангъ обезпечивалъ Корпусъ Генерала Шкуро.

Къ этому времени части I-го Корпуса насчитывали: Корниловскій полкъ до 400 штыковъ, Марковскій до 200, Дроздовскій до 500, Самурскій до 200 и Алексѣевскій конный полкъ до 2.000 сабель. Кромѣ того Корпусу были приданы 49 Якутскій полкъ до 1.000 штыковъ, Бѣлозерскій до 100 штыковъ, 4-я Кубанская Пластунская бригада до 1.500 штыковъ, 4-й полкъ 12-й кавалерійской дивизіи до 400 большей частью спѣшенныхъ кавалеристовъ, 3 танковыхъ отряда, 2 броневыхъ отряда, нѣсколько батарей и отрядъ летчиковъ (7 аппаратовъ).

Послѣ взятія Славянска и Изюма изъ подчиненія I-го Корпуса вышли: 4-я Кубанская Пластунская бригада, переброшенная на Украину, 49 Якутскій полкъ, отправленный на Царицынскій фронтъ, полкъ 12-й кавалерійской дивизіи и Алексѣевскій конный полкъ, подчиненные 5 Кавалерійскому Корпусу. При подходѣ къ Бахмуту оставшіеся полки I-го Корпуса были уже 4-хъ батальоннаго состава и имѣли запасные батальоны. Въ это же время прибылъ въ составъ Корпуса Алексѣевскій пѣх. полкъ, а изъ Дроздовскаго полка былъ выдѣленъ I-ый стрѣлковый батальонъ, развернувшійся въ Харьковѣ въ полкъ и взятый на внутренній фронтъ Послѣ взятія Харькова — Корниловскій, Марковскій и Дроздовскій полки были развернуты въ дивизіи 3-хъ полкового состава, за исключеніемъ Марковской дивизіи, въ которой было 2 полка, а третій былъ сформированъ въ Курскѣ. При дивизіяхъ были конные дивизіоны по 120—150 сабель въ каждомъ. Тогда же въ составъ I-го Корпуса вошелъ Черноморскій конный полкъ до 400 сабель, впослѣдствіи ставшій коннымъ дивизіономъ Марковской дивизіи, и Мусульманскій конный дивизіонъ въ 150 сабель, погибшій во время отхода Корпуса отъ Орла. Послѣ взятія Сумъ стала формироваться 4-я стрѣлковая дивизія, въ которую вошли Бѣлозерскій, Олонецкій и Кабардинскій стр. полки. Они въ составѣ Корпуса оставались не долго и были отправлены подъ Кіевъ. Въ Курскѣ сталъ формироваться 2-й Алексѣевскій полкъ, а во время отступленія Корпуса въ Харьковѣ былъ сформированъ батальонъ 31 дивизіи въ 1000 штыковъ, просуществовавшій на фронтѣ въ бою всего нѣсколько часовъ.

Всего въ I-омъ Корпусѣ постояннаго состава числилось: три полка Корниловской дивизіи, всего до 3.000 штыковъ; три полка Марковской дивизіи — до 2.500 штыкв; три полка Дроздовской дивизіи — до 3.000 штыковъ; два полка Алексѣевской дивизіи — до 1.500 штыковъ; Самурскій полкъ до 1.000 штыковъ и 4 конныхъ дивизіона до 400—500 сабель. При отходѣ Корпуса за Донъ ему была придана Сводно-кавалерійская бригада до 1.500 сабель. Максимумъ штыковъ, что насчитывалъ I-й Корпусъ, было 11—12 тысячъ, 500—1500 сабель.

Если же считать всѣ части, бывшія, хотя бы не долго, въ подчиненіи I-го Корпуса, то ихъ было 16 пѣх. полковъ, 2 стр. батальона, 1 пластунская бригада, 3 кавалерійскихъ полка, 5 кавлерійскихъ дивизіоновъ и 1 кав. бригада, т. е. 28 боевыхъ единицъ. Почти всѣ бронепоѣзда, находившіеся въ 1-мъ Корпусѣ, были трофеями, взятыми въ бояхъ у красныхъ. Пополненіе въ большинствѣ случаевъ полки Корпуса черпали изъ сдавшихся красноармейцевъ.

ПРИЛОЖЕНІЕ II.

Всѣ нижеприведенныя совѣтскія части были установлены путемъ неоднократнаго опроса плѣнныхъ и просмотромъ захваченныхъ документовъ.

Этотъ перечень охватываетъ періодъ съ Мая 1919 года, время наступленія I-го Корпуса на Харьковъ, по 13 Марта 1920 г., день эвакуаціи Новороссійска, т. е. періодъ за 10 мѣсяцевъ. За это время большинство совѣтскихъ полковъ послѣ понесенныхъ пораженій было вынуждено нѣсколько разъ отходить въ глубокій тылъ. Тамъ они получали пополненіе и приводились въ порядокъ, послѣ чего снова появлялись на фронтѣ I-го Корпуса.

Настоящій указатель можетъ послужить лучшей характеристикой не только состоянія и боеспособности красной арміи, но и того количества боевъ, которое пришлось выдержать I-му Корпусу за этотъ короткій промежутокъ времени.

Въ этотъ подсчетъ не вошла артиллерія красныхъ, которой было у большинства дивизій до 24 легкихъ орудій и нѣсколько гаубицъ, также опущены всѣ броневые и самолетные отряды большевиковъ. Количество штыковъ въ совѣтскихъ полкахъ колебалось отъ 300 до 1.000 и болѣе. Полки, входившіе въ составъ дивизіи, но не обнаруженные въ бояхъ, въ указателѣ не помѣщены.

I. ОТЪ ДОНЕЦКАГО БАССЕЙНА ДО ХАРЬКОВА.

Наименованіе частей.	Время 1-го обнаруженія (ст. ст.)	Мѣсто 1-го обнаруженія.
I. ОТДѢЛЬНЫЕ ПОЛКИ, БАТАЛЬОНЫ, ДРУЖИНЫ.		
1. 1-й Севастопольскій сов. п.	21—V	ст. Гришино.
2. 2-й Интернаціональный сов. п.	22—V	» »
3. Старобѣльскій сов. п.	»	» »
4. 2-й Донской б-нъ	»	» »
5. Особый кав. полкъ	»	» »
6. Бахмутскій караульный б-нъ	23—V	ст. Яма.
7. Воронежскій коммун. полкъ особаго назначенія (конный)	27—V	ст. Переѣздная.
8. Еврейскій коммун. полкъ при 4-хъ оруд.	»	» »
9. 1-й Бахмутскій сов. п. при 6 орудіяхъ	31—V	ст. Барвенково.
10. 12 Московскій сов. п. при 6 орудіяхъ	»	» »
11. Сибирскій сов. стр. п.	1—VI	ст. Закомельская.
12. 31 сов. стр. п.	2—VI	Сватово.
13. Харьковская дружина	3—VI	ст. Барвенково.
14. Харьковскій караульный батальонъ	4—VI	ст. Близнецы.
15. 1-й сов. стр. п.	5—VI	Ново - Бѣлгородъ.
16. Волчанская дружина	9—VI	раіонъ Волчанска.
17. 12-й Украинскій сов. п.	10—VI	г. Бѣлгородъ.
18. Кав. п. особаго назначенія	»	ст. Жихоръ.
19. 1-й Чугуевскій сов. п.	»	» »

Наименованіе частей.	Время 1-го обнаруженія (ст. стиль)	Мѣсто 1-го обнаруженія.
II. ОТРЯДЫ.		
20. Партиз. отрядъ Червоннаго казачества Проценко — 400 сабель, 4 орудія	2—VI	ст. Барвенково.
Отрядъ Рѣзникова:		
21. 1-й Кордонный пѣх. полкъ	5—VI	Старовѣровка.
22. 2-й » » » при отрядѣ Рѣзникова броневикъ «Гроза» и другой безъ названія.	»	»
Отрядъ Трунова:	11—VI	Бѣлгородъ.
23. 3-й запасный коммун. п. и 3-я особая рота ж/д служащихъ.		
24. 135-й сов. полкъ		
25. 1-й Волчанскій б-нъ.		
— Курская коммун. рота особаго назначенія.		
— Двѣ батареи и бронепоѣздъ,		
Отрядъ курсантовъ и матросовъ.	11—VI	подъ Харьковымъ.
26. Отрядъ до 2000 штыковъ.		
III. БРИГАДЫ.		
1-я отд. Украинская бригада Текенджанца (подчинялась 42 дивизіи).	30—V	ст. Яма.
27. 11. Украинскій сов. полкъ.		
28. 1-й Екатериноштадскій сов. п. (впослѣдствіи переименованъ въ 75 п.).		
29. 60-й Гороховецкій п. (временно приданный).		
Особая бригада (Троцкаго?).	4—VI	Купянскъ.
30. 1-й революціонной дисциплины п.		
31. 2-й » » »		
32. 3-й » » »		
1-я Петроградская отд. бригада.	4—VI	Купянскъ.
(впослѣдствіи остатки ея были влиты во 2-ую бригаду 12-й дивизіи).		
33. 1-й Петроградскій сов. полкъ		
34. 2-й » » »		
35. 3-й » » »		
36. Кавалерійскій дивизіонъ.		
IV. ДИВИЗІИ.		
5-я Украинская сов. стр. див.	20—V	Попасная.
37. 37-й Украинскій сов полкъ		
38. 38-й » » »		
39. 39-й » » »		
7-я сов. стр. дивизія (Резервъ общесовѣтскаго фронта).	21—V	раіонъ Георгіевское - Щегловка.
1-я бригада.		
40. 55-й сов. стр. п.		
41. 57-й » » »		

Наименованіе частей.	Время 1-го обнаруженія (ст. ст.)	Мѣсто 1-го обнаруженія.
2-я бригада.		
42. 59-й сов. стр. п.		
— 60-й Гороховецкій сов. п.		
13 сов. стр. дивизія VIII арміи.	30—V	раіонъ Старобѣльска.
1-я бригада.		
43. 109-й сов. стр. полкъ.		
44. 110-й » » »		
45. 111-й » » »		
2-я бригада.		
46. 112-й сов. стр. полкъ.		
47. 113-й » » »		
48. 114-й » » » (бывшій Карла Маркса).		
3-я бригада.		
49. 115-й сов. стр. полкъ		
50. 116-й » » »		
51. 117-й » » »		
12-я сов. стр. дивизія VIII арміи.	30—V	раіонъ Ново-Екатеринославовка.
1-я бригада.		
52. 100-й сов. стр. полкъ.		
53. 101-й » » »		
54. 102-й » » »		
2-я бригада.		
55. 103-й сов. стр. полкъ		
56. 104-й » » »		
57. 105-й » » »		
3-я бригада.		
58. 106-й сов. стр. полкъ.		
59. 107-й » » »		
60. 108-й » » »		
61. Нижегородскій б-нъ лыжниковъ.		
62. 1-й Московскій кав. полкъ		
42-я сов. стр. дивизія XIII арміи.	30—V	раіонъ Харькова.
1-я бригада.		
63. 370-й сов. стр. полкъ		
64. 371-й » » »		
65. 372-й » » »		
2-я бригада.		
66. 373-й сов. стр. полкъ		
67. 374-й » » »		
68. 375-й » » »		
69. 2-й конный дивизіонъ		
9-я сов. стр. дивизія XIII арміи.	30—V	раіонъ Ново - Екатеринославль - Изюмъ.
1-я бригада.		
70. 73-й сов. стр. полкъ		
71. 74-й » » »		
— 75-й » » » (ранѣе 1-й Екатериноштадтскій).		

Наименованіе частей.	Время 1-го обнаруженія (ст. ст.)	Мѣсто 1-го обнаруженія.
2-я бригада.		
— 76-й сов. стр. полкъ (обнаруженъ 6—VIII, сформир. будто бы изъ 134 п.)		
— 77-й » » » (обнаруженъ 2—VII, сформиров. будто бы изъ 380 п.)		
— 78-й » » » (обнаруж. 2—IX, сформир. будто бы изъ 135 п.).		
3-я бригада.		
72. 79-й сов. стр. полкъ (продовольственный).		
73. 80-й » » »		
74. 81-й сов. стр. полкъ.		
75. 9-й кавалер. полкъ.		
Бронепоѣзда.		
76. Бронепоѣздъ «Гроза».	5—VI	ст. Бурлуцкая.
77. » «Черноморецъ»	9—VI	Валуйскокъ направленіе.
78. » «Побѣда или смерть»	»	Волчанскъ.
79. » «Громобой»	11—VI	ст. Платовка.
80. » (безъ названія).	»	» »

Всего же противъ 1-го Корпуса со стороны большевиковъ за указанный періодъ дѣйствовало 59 сов. пѣх. полковъ, 5 отдѣльныхъ батальоновъ, двѣ дружины, 9 кавалерійскихъ полковъ и дивизіоновъ и 5 бронепоѣздовъ, т. е. 80 боевыхъ единицъ.

II. ОТЪ ХАРЬКОВА ДО ОРЛА.

Со времени взятія Харькова на фронтѣ 1-го Корпуса появилось много различныхъ отрядовъ и отдѣльныхъ полковъ, подъ прикрытіемъ которыхъ приводились въ порядокъ разбитыя дивизіи, формировались и перебрасывались новыя.

Кромѣ всѣхъ прежнихъ въ послѣдующихъ бояхъ до паденія Орла были обнаружены слѣдующія новыя части:

Наименованіе частей.	Время 1-го обнаруженія (ст. ст.)	Мѣсто 1-го обнаруженія.
I. ОТДѢЛЬНЫЕ ПОЛКИ, БАТАЛЬОНЫ.		
1. 380 сов. пѣх. п. (впослѣдствіи переименованъ въ 77-й полкъ).	16—VI	Сажное.
2. 13-й Полтавскій запасный б-нъ.	20—VI	Полтавское направленіе
3. 42-й сов. пѣх. полкъ.	»	» »
4. Два батальона латышей.	21—VI	ст. Водяная.
5. 1-й батальонъ 3-го особаго полка	25—VI	дер. Лѣски.
6. Донской коммун. кав. дивизіонъ.	28—VI	Сырцево.
7. 2-й батальонъ особаго назначенія	30—VI	Короча.
8. 3-й стр. запасный батальонъ	»	Рождественское.
9. 50-й сов. пѣх. полкъ	2—VII	Коломакъ.
— Отдѣльный Черноморскій Морской п. (возможно, 1-й Севастопольскій)	»	Красно-
10. Сводный батальонъ изъ Ч. К.	»	Коломакъ. кутскъ.

Наименованіе частей.	Время 1-го обнаруженія (ст. ст.)	Мѣсто 1-го обнаруженія.
11. 1-й Грайворонскій Добровольческій революціонный полкъ	4—VII	Тростное.
— 2-й сводный полкъ (всѣ сводные полки вѣроятно образовались изъ разбитыхъ частей. Въ конечномъ подсчетѣ не принимались во вниманіе).	4—VII	Богодуховъ.
12. Китайскій полкъ (возможно 8-й Интернаціональный полкъ)	»	»
— Ахтырская караульная рота	»	»
13. 35-й Украйнскій сов. полкъ (Печенѣжскій то-жъ, переименованъ въ 368-й п.)	6—VII	Тростное.
14. 2-й Константиноградскій сов. полкъ (впослѣдствіи 411-й п.)	7—VII	Никольское.
— Сводный батальонъ матросовъ	»	Коломакъ.
— Сводно-Полтавскій батальонъ	»	»
15. 3-й Курскій запасный батальонъ	8—VII	М. Яблочково.
16. 45-й сов. пѣх. полкъ	10—VII	Полтавское напр.
17. 15-й сов. пѣх. полкъ	12—VII	» »
18. 1-й Партизанскій сов. полкъ	13—VII	Грайворонъ.
19. Отд. пограничный полкъ войскъ Украйнск. Ч. К.	19—VII	Борисовка.
20. 66 сов. пѣх. полкъ	23—VII	Котельва.
21. 5-й кавалер. полкъ	»	»
22. Чортова сотня	25—VII	Обоянское напр.
— 10-й сводный сов. полкъ	»	Грайворонскій раіонъ.
23. 3-й Сумской сов. полкъ	30—VII	Репеховка.
24. Образцовый батальонъ коммунистовъ	3—VIII	Ворожба.
25. 8-й Сумской сов. полкъ	»	»
26. 1-й Бѣлопольскій сов. полкъ	»	»
27. Добровольческій коммун. полкъ	15—VIII	Курскій раіонъ.
28. Сводно-кавалер. полкъ (изъ 1-го Желѣзнаго и Кавказскаго кав. полковъ)	16—VIII	стар. Салатовъ.
29. 7-й Сумскій сов. полкъ	25—VIII	Лохня.
30. 2-й Особый пѣх. полкъ	»	Путивльскій раіонъ.
31. 278-й сов. пѣх. полкъ	29—VIII	Суджанскій раіонъ.
32. 5-й Сибирскій сов. полкъ	6—IX	Тучное.
33. 3-й Бѣлопольскій сов. полкъ	12—IX	Рыльскій раіонъ.
34. 3-й Орловскій сов. пѣх. полкъ	8—IX	Курскій раіонъ.
35. 205 отд. стр. батальонъ	10—IX	» »
36. 126-й сов. полкъ	12—IX	ст. Поныри.
37. 34-й сов. полкъ	»	Рыльскъ.
— 7-й кавалер. п. (бывшій 1-й Особый)	19—IX	Ливенскій раіонъ.
— 1-й Интернаціональный батальонъ	20—IX	Касторная.
38. 19-й запасный батальонъ	»	»
39. Восточный пѣх. полкъ	22—IX	Орловскій раіонъ.
40. 603 сов. стр. полкъ	26—IX	Дмитровскій раіонъ.
41. 4-й сов. стр. полкъ	27—IX	Елецкій раіонъ.

Наименованіе частей.	Время 1-го обнаруженія (ст. ст.)	Мѣсто 1-го обнаруженія.
— 20-Тульскій п. (возможно, что входилъ въ составъ 3-й дивизіи)	»	Орловскій раіонъ.
— 21-й Тульскій п. (тоже, что и 20 п.)	»	»
42. 236-й сов. полкъ (переброшенъ изъ Казани).	28—IX	Орловскій раіонъ.
43. 237-й сов. полкъ » » »	»	»
44. Ливенскій коммунистическій батальонъ	30—IX	Ливны.
45. 14-й конный полкъ	3—X	Новосиль.

II. ОТРЯДЫ.

Отрядъ Миронова.	18—VI	ст. Коломакъ.
46. 32-й сов. полкъ		
47. Школа Полтавскихъ курсантовъ (3 роты)		
48. Кременчугскій батальонъ		
49. 3-й Харьковскій полкъ (обнаруженъ 2—VII)		
— Интернаціональный полкъ		
50. 1-й Полтавскій караульный батальонъ.		
Партизанскій отрядъ Шапокова.	20—VI	Короча.
51. Отрядъ въ 200 человѣкъ при 2-хъ пулеметахъ		
Обоянскій ударный отрядъ партизанъ.	25—VI	Сырцево-Березовское
52. Численность не установлена.		
Отрядъ Бѣленковича.	26—VI	Грайворонъ.
— отрядъ въ 1.200 штыковъ (возможно, что входили номерные полки).		
Отрядъ Буфало (Ударная бригада).	27—VI	»
53. Зеньковскій пѣх. полкъ		
— Комендантскаян команда.		
— Особый конный полкъ, при 2-хъ горныхъ орудіяхъ.		
Партизанскій отрядъ Майорова.	29—VI	Короча.
54. Отрядъ до 1000 человѣкъ.		
Конный отрядъ Розенфельда.	4—VII	Богодуховъ.
55. Количество не установлено.		
Богодуховскій отрядъ Качуры.	27—VII	Ахтырка.
56. Количество не установлено.		
Отрядъ Сумскихъ курсантовъ.	3—VIII	Ворожба.
57. Количество не установлено.		

Наименованіе частей.	Время 1-го обнаруженія (ст. ст.)	Мѣсто 1-го обнаруженія.
Отрядъ Московскихъ курсантовъ.	17—IX	Орловскій раіонъ.
58. Количество не установлено.		
Отрядъ коммунистовъ имени Троцкаго.	18—IX	Малоархангельскій раіонъ.
59. Количество не установлено.		
Отрядъ матросовъ.	19—IX	Дмитріевскій раіонъ.
60. Количество не установлено.		
Отрядъ Болдырева.	30—IX	Орловскій раіонъ.
61. Отрядъ до 500 штыковъ.		
Латышскій карательный отрядъ.	»	» »
62. Количество не установлено.		
III. БРИГАДЫ.		
3-я сводно-стрѣлковая бригада.	16—VI	ст. Прохоровка.
63. 134-й полкъ (ему приданъ Обоянскій сводный батальонъ).		
— 135-й полкъ.		
— 12-й Украйнскій сов. полкъ		
— рота особаго полка.		
— 9-я отд. рота Харьковскаго 3-го отд. батальона Особаго Корпуса В. Ч. К.		
— Бѣлгородская караульная рота.		
— Курская коммунистическая рота.		
— 2 батареи и 3 бронепоѣзда.		
Отдѣльная кавалерійская бригада.	18—VI	Бирючъ.
64. 1-й Алатырскій кав. полкъ.		
65. 3-й Орловскій кав. полкъ.		
Особая бригада Курскаго участка.	8—VIII	Курскій раіонъ.
66. 604-й сов. полкъ.		
67. 606-й » »		
68. Маневровый батальонъ.		
— 56-й сов. полкъ (временно приданный).		
Симбирская бригада.	10—VIII	Корочка-Сѣтное.
69. 1-й Симбирскій сов. полкъ.		
70. 2-й » » »		
71. 3-й » » »		
Брянская бригада (3-я отд. бригада).	1—X	Радгощъ.
72. 1-й Брянскій сов. полкъ		
73. 2-й » » »		
74. 3-й » » »		

Наименованіе частей.	Время 1-го обнаруженія (ст. ст.)	Мѣсто 1-го обнаруженія.
Отдѣльная сводная бригада XIII арміи.	3—X	подъ Орломъ.
75. 82-й сов. полкъ		
76. 83-й » »		
77. 84-й » »		
78. Караульный батальонъ.		
— 1-я бригада 7-й дивизіи (временно приданная).		
IV. ДИВИЗІИ.		
Группа Пархоменко.	26—VI	рѣка Ворскла.
1-я бригада.		
— 1-й сводный сов. п. (при полку батальонъ особаго назначенія).		
79. 2-й Мелитопольскій полкъ (къ нему приданъ батальонъ Ч. К.).		
80. 3-й стр. полкъ (сформированъ изъ Лебединскаго полка).		
— 10 орудій и броневикъ имени Троцкаго.		
2-я бригада.		
81. 1-й Сумской крѣпостной полкъ (впослѣдствіи переименованъ въ 4-й крѣпостной).		
83. 2-й Харьковскій крѣпостной полкъ (переименованъ въ 5-й крѣпостной).		
83. 3-й Богодуховскій полкъ (возможно, что переименованъ въ 6-й Богодуховскій).		
— 11 орудій и 3 бронепоѣзда.		
Кавалерійская дивизія Гусева.		
84. 1-й Кубанскій кав. полкъ.		
85. 2-й » » »		
86. 3-й » » » (появился 18—IX въ Дмитріевскомъ раіонѣ).		
6-я сов. стр. дивизія.	7—VII	раіонъ Краснокутска.
87. 46-й Знаменскій сов. полкъ.		
88. 47-й Ананьевскій сов. полкъ.		
46-я сов. стр. дивизія.	9—VII	ст. Коломакъ.
1-я бригада.		
89. 406-й сов. полкъ (бывшій 6-й Украинскій)		
90. 407-й » »		
91. 408-й » » (бывшіе 1 и 2 Вознесенскіе).		
2-я бригада.		
92. 409-й сов. полкъ.		

Наименованіе частей.	Время 1-го обнаруженія (ст. ст.)	Мѣсто 1-го обнаруженія
93. 410-й сов. полкъ.		
94. 411-й » » (бывш. 2-й Константиноградскій).		
3-я бригада обнаружена впослѣдствіи.		
1-я Украинская сов. дивизія.	12—VII	Полтавское направленіе.
95. 1-й Украйнскій сов. п.		
— 6-й » » » (переименованъ въ 406 п.)		
41-я сов. стр. дивизія XIV арміи.	26—VII	Суджанскій раіонъ.
(первыя двѣ бригады сформированы изъ полковъ, входившихъ въ группу Пархоменко).		
1-я бригада.		
— 361-й сов. стр. п. (бывшій 1-й сводный).		
— 362-й » » » (бывш. 2-й Мелитопольскій).		
— 363-й » » » (бывш. 3-й Лебединскій).		
2-я бригада.		
— 364-й сов. стр. п. (бывш. 4-й крѣпостной)		
— 365-й » » » (бывш. 5-й крѣпостной)		
366-й » » » (бывш. 3-й Богодуховскій)		
3-я бригада. (Особая бригада Саблина)?		
96. 367-й сов. стр. п.		
— 368-й » » » (будто бы переименованъ въ 1-й Грайворонскій п.).		
97. 369-й » » »		
1-ая Кубанская кав. бригада.		
— 1-й Кубанскій кав. полкъ		
— 2-й » » »		
7-я Сибирская стр. дивизія XIII арміи.	5—VIII	Обоянскій раіонъ.
1-я бригада.		
98. 55-й Сиб. сов. стр. полкъ		
99. 56-й » » » »		
100. 57-й » » » »		
2-я бригада.		
101. 58-й Сиб. сов. стр. полкъ		
102. 59-й » » » »		
103. 60-й » » » »		
3-я бригада (появилась въ концѣ Августа).		
104. 61-й Сѣверо-Двинскій полкъ		
105. 62-й Вязниковскій полкъ		
— 63-й Гороховецкій полкъ (возможно, что изъ 60-го Гороховецкаго п.)		

Наименованіе частей.	**Время 1-го обнаруженія (ст. ст.)**	**Мѣсто 1-го обнаруженія.**
3-я сов. стр. дивизія.	6—VIII	Скородное.
1-я бригада.		
106. 19-й сов. стр. полкъ		
107. 20-й » » »		
108. 21-й » » »		
2-я бригада (на фронтѣ появилась въ концѣ Октября).		
3-я бригада.		
109. 25-й сов. стр. полкъ		
110. 26-й » » »		
111. 27-й » » »		
15-я сов. стр. дивизія VIII арміи.	23—VIII	Волчанскій раіонъ.
(За этотъ періодъ изъ первыхъ двухъ бригадъ плѣнныхъ не было).		
3-я бригада.		
112. 133-й Обоянскій сов. полкъ		
— 134-й » » »		
— 135-й » » »		
Сводная дивизія Свѣшникова (ударная) XIII арміи.	25—IX	Орловскій раіонъ.
2-я бригада внутренней охраны республики.		
113. 14-й сов. стр. полкъ		
114. 2-й Туркестанскій полкъ		
115. Конный дивизіонъ.		
Особый Туркестанскій отрядъ.		
116. 1-й Туркестанскій сов. полкъ		
117. 2-й стр. полкъ		
118. 3-й стр. полкъ		
119. Отрядъ вспомогательнаго назначенія Шпильмана.		
120. Батальонъ Орловскихъ курсантовъ.		
121. Отрядъ Бандовскаго изъ Пензенскихъ и Орловскихъ курсантовъ.		
122. Конница Сорокина.		
2-я отд. бригада товар. Берзина.		
— 604-й сов. полкъ		
123. 605-й » »		
— 606-й » »		
— Маневровый батальонъ.		
— 2-я отд. саперная рота.		
— Кавалерійскій эскадронъ.		
— 6 бронепоѣздовъ.		

Наименованіе частей.	Время 1-го обнаруженія (ст. ст.)	Мѣсто 1-го обнаруженія.
57-я сов. стр. дивизія.	19—IX	Сѣвскій раіонъ.
1-я бригада.		
124. 506-й сов. стр. полкъ.		
2-я бригада.		
125. 508-й сов. стр. полкъ.		
3-я бригада.		
126. 511-й сов. стр. полкъ.		
127. 512-й » » »		
55-я сов. стр. дивизія.	26—IX	Орловскій раіонъ.
1-я бригада.		
128. 487-й сов. стр. полкъ		
129. 488-й » » »		
130. 489-й » » »		
2-я бригада.		
131. 490-й сов. стр. полкъ.		
132. 492-й » » »		

V. БРОНЕПОѢЗДА.

133. Бронепоѣздъ «Товарищъ Егоровъ»	20—VI	Полтавское напр.
134. » «Громъ»	»	Полтавское напр.
135. » «Молнія»	24—VI	Ахтырка.
136. » «Матросъ»	2—VII	Полтавское напр.
137. » «Ахтырскій»	10—VII	Курское напр.
138. » «Смерть бѣлымъ»	12—VII	Полтавское напр.
139. » «Смерть контръ-революціонерамъ»	»	Полтавское напр.
140. » «Ткаченко»	17—VII	Полтавское напр.
141 » «Коммунистъ»	25—VII	Грайворонъ-Ахтырка.
142. Бронепоѣздная площадка съ пулеметнымъ взводомъ Кукульдава.	29—VII	Курское напр.
143. Бронепоѣздъ «Большевикъ»	3—VIII	Суджанское напр.
144. » «III Интернаціоналъ»	14—VIII	Курское напр.
145. » «Карлъ Либкнехтъ»	»	Курское напр.
146. » «Истребитель»	4—IX	Курское напр.

		Наименованіе частей.	Время 1-го обнаруженія (ст. ст.)	Мѣсто 1-го обнаруженія.
147.	»	«Товарищъ Троцкій»?	12—IX	Дмитріевскій раіонъ.
148.	»	«Брянскій»	17—IX	Дмитріевскій раіонъ.
149.	»	«Стенька Разинъ»	19—IX	Орловское напр.
150.	»	«Смерть Директоріи»	»	Орловское напр.
151.	»	«Впередъ на Донъ и Украйну»	20—IX	Орелъ - Елецъ.

Всего новыхъ частей, брошенныхъ противъ 1-го Корпуса для защиты Курска и Орла, было обнаружено 103 пѣхотныхъ полковъ и отрядовъ, 16 отдѣльныхъ батальоновъ, 13 кавалерійскихъ полковъ, отрядовъ и дивизіоновъ и 19 бронепоѣздовъ, всего же 151 боевыхъ единицъ.

III. ОТЪ ОРЛА ДО РОСТОВА-НА-ДОНУ.

При отходѣ 1-го Корпуса отъ Орла его преслѣдовали почти всѣ вышеуказанныя дивизіи, смѣняя другъ друга и получая пополненіе на походѣ. Кромѣ того были обнаружены слѣдующія новыя части:

	Наименованіе частей.	Время 1-го обнаруженія (ст. ст.)	Мѣсто 1-го обнаруженія.
	I. ОТДѢЛЬНЫЕ ПОЛКИ, БАТАЛЬОНЫ.		
—	8-й Сводный полкъ (изъ 14, 20, 21 Тульскаго и 1 Курскаго).	4—X	Дмитровскъ
1.	Полкъ Реввоенсовѣта арміи	7—X	Елецкій раіонъ.
2.	2-й батальонъ 28-й бригады внутренней охраны	»	Орловскій раіонъ.
3.	Отдѣльный сов. полкъ	10—X	Новосиль.
4.	Елецкій караульный батальонъ	10—X	Елецъ.
5.	1-й Кіевскій караульный батальонъ	11—X	Орловскій раіонъ.
6.	1-й Пластунскій сов. полкъ	11—X	Орловскій раіонъ.
7.	505-й сов. полкъ (1-я бригада 57 дивизіи)	11—X	Сѣвскій раіонъ.
—	1-й Петроградскій полкъ особаго назначенія (подчиненный Латышской дивизіи)	13—X	Орловскій раіонъ
—	154-й рабоче-крестьянскій сов. полкъ (возможно, что 134-й полкъ)	13—X	Лаврово.
8.	3-й Кіевскій сов. полкъ	14—X	Орловскій раіонъ.
9.	2-й Партизанскій сов. полкъ	17—X	Елецкій раіонъ.
10.	86-й сов. стр. полкъ (10-й дивизіи изъ Пскова)	»	Орловскій раіонъ.
11.	1-й Московскій пѣх. полкъ	20—X	Дмитровскій раіонъ.
12.	1-й Кіевскій пѣх. полкъ	21—X	Орловскій раіонъ.
13.	159-й полкъ особаго назначенія	23—X	Дмитровскій раіонъ.

Наименованіе частей.	Время 1-го обнаруженія (ст. ст.)	Мѣсто 1-го обнаруженія.
14. 151-й сов. пѣх. полкъ	24—X	Щигры.
15. 513-й сов. пѣх. полкъ (3-й бригады 57 дивизіи)	30—X	Дмитріевскій раіонъ
16. 23-й конный полкъ	31—X	Малоархангельскій раіонъ.
17. 1-й Азовскій сов. пѣх. полкъ	19—XI	ст. Сажное.
18. 13-й Украинскій сов. полкъ	27—XI	Злочевъ.
19. 14-й Латышскій полкъ	1—XII	ст. Мерефа.
20. 15-й Латышскій полкъ	»	» »

II. ОТРЯДЫ.

21. Щигровскій отрядъ (приданъ 3-й дивизіи)	7—X	Елецкій раіонъ.
22. Кромскій заградительный отрядъ	»	Орловскій раіонъ.
23. Отрядъ кавказскихъ стрѣлковъ товар. Камо	»	Орловскій раіонъ.
24. Отрядъ Попова	»	Орловскій раіонъ.
25. Елецкій коммунистическій отрядъ	10—X	Елецъ.
26. Петроградскій коммунистическій отрядъ	»	»
27. Конный отрядъ Киршева (при 6-й дивизіи)	11—X	Сѣвскій раіонъ.
28. Конный отрядъ Шевченко (при 6-й дивизіи)	»	Сѣвскій раіонъ.

III. БРИГАДЫ.

Пензенская бригада.	6—X	Елецкій раіонъ.
29. Отдѣльный батальонъ		
30. 27-й батальонъ		
— 2-й батальонъ Тульскаго полка.		
Бригада красныхъ коммунистовъ. (возможно, что особая бригада Гроцкаго).	7—X	Елецкій раіонъ.
— 1-й сов. полкъ		
— 2-й » »		
— 3-й » »		
— Эскадронъ 3-го отд. кав. дивизіона.		

III. ДИВИЗІИ.

Особая латышская дивизія.	3—X	Дмитровскій раіонъ.

1-я бригада.

31. 1-й Латышскій полкъ
32. 2-й » »
33. 3-й » »

2-я бригада.

34. 4-й Латышскій полкъ
35. 5-й » »
36. 6-й » »

Наименованіе частей.	Время 1-го обнаруженія (ст. ст.)	Мѣсто 1-го обнаруженія.
3-я бригада.		
37. 7-й Латышскій полкъ		
38. 8-й » »		
39. 9-й » »		
Кавалерійская бригада Павлова.		
40. 1-й Латышскій кавалер. полкъ		
41. 2-й » » »		
Конная бригада Червоннаго казачества.		
42. 1-й Донской полкъ		
43. 2-й » »		
Эстонская дивизія.	15—X	Орловскій раіонъ.
1-я бригада.		
44. 1-й Эстонскій полкъ		
45. 2-й » »		
46. 3-й » »		
2-я бригада.		
47. 4-й Эстонскій полкъ		
48. 5-й » »		
49. 6-й » »		
3-я бригада.		
50. 7-й Эстонскій полкъ		
51. 8-й » »		
52, 9-й » »		
3-я сов. стр. дивизія (1-я и 3-я бригады указаны ранѣе).	17—X	Ливенскій раіонъ.
2-я бригада.		
53. 22-й сов. стр. полкъ		
54. 23-й » » »		
55. 24-й » » »		
8-я Казачья дивизія.	26—X	Малоархангельскій раіонъ.
56. 46-й Червоннаго Казачества полкъ		
57. 47-й » » »		
58. 48-й » » »		
46-я сов. стр. дивизія (1 и 2 бригады были обнаружены ранѣе).	26—X	Малоархангельскій раіонъ.

Наименованiе частей.	Время 1-го обнаруженiя (ст. ст.)	Мѣсто 1-го обнаруженiя.
3-я бригада.		
59. 412-й сов. стр. полкъ		
60. 413-й » » »		
61. 414-й » » »		
31-я сов. стр. дивизiя.	11—XII	Славянскъ.
62. 272-й сов. стр. полкъ		
63. 273-й » » »		
Корпусъ Буденнаго.	12—XII	Бахмутскiй раiонъ.
4-я кавалерiйская дивизiя.		
1-я бригада.		
64. 19-й кавалерiйскiй полкъ		
65. 20-й » »		
2-я бригада.		
66. 21-й кавалерiйскiй полкъ		
67. 22-й » »		
3-я бригада.		
68. 23-й Кавалерiйскiй полкъ		
69. 24-й » »		
6-я кавалерiйская дивизiя.		
1-я бригада.		
70. 31-й кавалерiйскiй полкъ		
71. 32-й » »		
2-я бригада.		
72. 33-й кавалерiйскiй полкъ		
73. 34-й » »		
3-я бригада.		
74. 35-й кавалерiйскiй полкъ		
75. 36-й » »		
IV. БРОНЕПОѢЗДА.		
76. Бронепоѣздъ «Свободная Россiя»	7—XII	ст. Мерефа.
77. » «Грозный мститель за павшихъ коммунистовъ»	7—XII	ст. Мерефа.

Всего же до отхода 1-го Корпуса за Донъ новыхъ частей, дѣйствовавшихъ противъ него, было обнаружено: 50 пѣх. полковъ и отрядовъ, 3 отдѣльныхъ батальона, 22 кавалерiйскихъ полка и 2 бронепоѣзда, т. е. 77 боевыхъ единицъ.

IV. ОТЪ РОСТОВА ДО НОВОРОССIЙСКА.

За этотъ послѣднiй перiодъ часть совѣтскихъ дивизiй, дойдя до Ростова, была затѣмъ отведена въ тылъ на отдыхъ; на фронтѣ противъ 1-го Корпуса остались 15, 9, 12, 3, 6 сов. стр. дивизiи и вся кавалерiя Буденнаго Кромѣ этихъ частей въ послѣднихъ бояхъ съ 1-мъ Корпусомъ были обнаружены новыя части:

Наименованіе частей.	Время 1-го обнаруженія (ст. ст.)	Мѣсто 1-го обнаруженія.
I. ОТДѢЛЬНЫЕ ПОЛКИ, ОТРЯДЫ.		
1. 2-й Дезертирскій полкъ	29—XII	Мокрый Чалтырь.
2. Отрядъ Шкурина	31—XII	Азовскій раіонъ.
3. 4-й конный имени Ленина полкъ	5—III	Полтавка.
II. БРИГАДЫ.		
Повстанческая бригада.	8—II	Синявская.
4. 1-й стр. полкъ		
5. 2-й » »		
6. 3-й » »		
III. ДИВИЗІИ.		
15-я стр. дивизія.	29—XII	Батайскъ.
1-я бригада.		
7. 127-й Мценскій сов. полкъ		
8. 128-й Тульскій » »		
9. 129-й Курскій » »		
2-я бригада.		
10. 131-й сов. полкъ		
11. 132-й » »		
3-я бригада (составъ ея былъ обнаруженъ еще въ Августѣ).		
16-я сов. стр. дивизія (имени Киквидзе) (переброшена съ Восточнаго фронта).	6—I	Станица Ольшанская.
1-я бригада.		
12. 136-й сов. стр. полкъ		
13. 137-й » » »		
14. 138-й » » »		
2-я бригада.		
15. 139-й сов. стр. полкъ		
16. 140- Смоленскій полкъ		
17. 141-й Петроградскій полкъ		
3-я бригада.		
18. 142-й сов. стр. полкъ		
19. 143-й » » »		
20. 144-й Самарскій полкъ		

Наименованіе частей.	Время 1-го обнаруженія (ст. ст.)	Мѣсто 1-го обнаруженія.
33-я сов. стр. дивизія.	6—I	Станица Ольшанская.
1-я бригада.		
21. 289-й Брусиловскій полкъ?		
22. 290-й Мусульманскій полкъ		
— 291-й сов. стр. полкъ (плѣнныхъ этого полка не было)		
2-я бригада.		
— 292-й сов. стр. полкъ; — 293-й » » »; — 294-й » » » (плѣнныхъ этихъ полковъ не было).		
3-я бригада.		
— 295-й сов. стр. полкъ; — 296-й » » »; — 297-й » » » (плѣнныхъ этихъ полковъ не было).		
11-я кавалерійская дивизія (Корпуса Буденнаго)	6—I	Станица Ольшанская.
1-я бригада.		
23. 61-й кавалерійскій полкъ		
24. 62-й » »		
2-я бригада.		
25. 63-й кавалерійскій полкъ		
26. 64-й » »		
31-я сов. стр. дивизія (преимущественно изъ латышей и китайцевъ).	9—I	Батайскій раіонъ.
1-я бригада.		
27. 271-й сов. стр. полкъ		
— 272-й » » » (обнаруженъ ранѣе)		
2-я бригада (плѣнныхъ не было, равно какъ и указаній, что была на фронтѣ).		
3-я бригада.		
28. 278-й сов. стр. полкъ		
29. 279-й » » »		
40-я Богучарская сов. стр. дивизія.	15—I	Станица Аксайская-Александровская.
1-я бригада.		
30. 352-й сов. стр. полкъ		
31. 353-й » » »		
32. 354-й » » »		
2-я бригада.		
33. 355-й сов. стр. полкъ		
34. 356-й » » »		
35. 357-й » » »		

Наименованіе частей.	Время 1-го обнаруженія (ст. ст.)	Мѣсто 1-го обнаруженія.
3-я бригада.		
36. 358-й сов. стр. полкъ		
— 359-й » » » (плѣнныхъ не было).		
— 360-й » » » (плѣнныхъ не было).		
4-я кавалерійская бригада.		
37. 1-й Конный полкъ		
38. 2-й Конный полкъ		
16-я конная дивизія VIII арміи.	3—II	Станица Гниловская.
1-я бригада.		
39. 91-й кавалер. полкъ		
40. 92-й » »		
2-я бригада.		
41. 93-й кавалер. полкъ		
42. 94-й » »		
3-я бригада.		
43. 95-й кавалер. полкъ		
44. 96-й » »		
IV. БРОНЕПОѢЗДА.		
45. Бронепоѣздъ «Желѣзнодорожникъ»	7—II	Ростовъ
46. » «Красный кавалеристъ»	»	»

Всего же за послѣдній періодъ отъ Ростова до Новороссійска новыхъ совѣтскихъ частей на фронтѣ 1-го Корпуса было: 31 пѣх. полковъ и отрядовъ, 13 кавалерійскихъ полковъ, 2 бронепоѣзда, т. е. 46 боевыхъ единицъ, а съ прежде дѣйствовавшими полками — 78.

Такимъ образомъ въ теченіе 10 мѣсяцевъ 1-й Корпусъ, имѣя всего до 30 боевыхъ единицъ, выдержалъ бои съ 245 пѣх. полками и отрядами, 22 отдѣльными батальонами, 57 кавалерійскими полками и дивизіонами и 28 бронепоѣздами, всего же съ 352 боевыми единицами.

Не считая отдѣльныхъ полковъ и отрядовъ, противъ 1-го Корпуса большевиками было брошено 10 пѣхотныхъ и 4 кавалерійскихъ бригады, 22 пѣхотныхъ и 5 кавалерійскихъ дивизій.

Настоящій сухой перечень приведенъ лишь потому, что безъ него было бы трудно повѣрить такому соотношенію силъ и тому количеству боевъ, которое пришлось выдержать 1-му Корпусу.

Если же ко всему этому прибавить тяжелыя моральныя и физическія условія гражданской войны (оторванность большинства Добровольцевъ отъ своихъ близкихъ и родныхъ, оставшихся въ Совдепіи, жестокость гражданской войны, неустройство и равнодушіе тыла, ничтожное офицерское жалованье и т. п.), то безъ лишнихъ словъ станетъ понятнымъ все невѣроятное напряженіе силъ Добровольцевъ въ ихъ борьбѣ съ большевиками.

Хочется вѣрить, что хоть эти безстрастныя цифры заставятъ задуматься всѣхъ тѣхъ русскихъ, кто на чужбинѣ отвернулся отъ осколка той Арміи, которая создавала дѣйствительную мощь Россійскаго Государства и которая не знала ни Брестъ-Литовскаго, ни Рижскаго мирныхъ договоровъ.

Одиссеи безъ Итаки.

(Отъ Владивостока до Шанхая съ Сибирской флотиліей въ 1922 г.)

М. Щербакова

Памяти погибшихъ на „Лейтенантѣ Дыдымовѣ“

> **„Много и сердцемъ скорбѣлъ на моряхъ,**
> **о спасеньи заботясь**
> **Жизни своей и сопутниковъ...“**
>
> ***Гомеръ. „Одиссея“.***

I. ДО ЭВАКУАЦІИ.

Путешественники и моряки увѣряютъ, что въ центрѣ грознѣйшихъ циклоновъ всегда остается пространство зеркально спокойнаго моря, надъ которымъ царитъ мертвый штиль.

Такимъ-то застывшимъ островкомъ старой Россіи въ смерчѣ революціи и оставался крошечный пятачокъ Приморья съ Владивостокомъ до самого 26 октября 1922 года, когда японцы начали вывозить изъ бухты Золотого Рога свои послѣдніе эшелоны, а красная милиція Военкома Уборевича заняла наконецъ городъ, остававшійся въ теченіе пяти лѣтъ болѣзненнымъ бѣльмомъ на глазахъ Р. С. Ф. С. Р.

И причиной этому были вовсе не заслуги розовыхъ, бѣлыхъ и черныхъ правительствъ, произведшихъ въ разное время четырнадцать, если не ошибаюсь, переворотовъ и недоворотовъ, а просто географическая близость Приморья къ Японіи и его естественныя богатства, превращающія эту окраину въ слишкомъ лакомый кусочекъ для ближнихъ и дальнихъ сосѣдей.

Не успѣли японцы уйти, какъ Приморье было занято красными, и это было вполнѣ естественно, такъ-какъ крестьянское населеніе, съ помощью котораго область могла еще, пожалуй, защищаться, вовсе не симпатизировало бѣлой власти. Крестьянство было на опытѣ знакомо съ шомполами большихъ и малыхъ атамановъ, но никогда не испытывало серьезно на своей шкурѣ прелестей коммуны.

Повидимому, историческая необходимость требовала, чтобы и этотъ уголокъ прежней Россіи соблазнился румянымъ яблочкомъ большевизма, чтобы черезъ него достигнуть познанія добра и зла.

Городъ переворотовъ, городъ радужныхъ надеждъ и горькихъ разочарованій доживалъ свои послѣдніе дни.

Первыя опредѣленныя свѣдѣнія о пораженіи Земской Рати въ бояхъ южнѣе Спасска и о рѣшеніи Правителя Земскаго Края ген. Дитерихса не защищать Вла-

дивостока, отказавшагося дать ему хоть какую-нибудь поддержку, стали проникать въ городъ еще въ воскресенье 15 октября. Несмотря на эти тревожныя вѣсти, большинство обывателей все еще продолжало на что-то надѣяться. Многіе считали, что всѣ объявленія японцевъ объ окончательной эвакуаціи Владивостока не позже 1-го ноября, не больше и не меньше, какъ очередной блефъ японокомандованія. Кромѣ того газетные стратеги усиленно кричали о ростѣ бѣлоповстанческаго движенья въ Забайкальѣ, которое, по ихъ расчетамъ, должно было оттянуть въ тотъ районъ силы красныхъ, и освободить такимъ образомъ Владивостокъ отъ нависшей опасности.

Городъ оставался спокойнымъ и вечерніе поѣзда возвратились густо наполненные обычной воскресной толпой. Только морскіе флигеля, гдѣ жили семьи моряковъ-офицеровъ Сибирской флотиліи, были освѣщены до поздней ночи: тамъ уже знали, что эвакуація неизбѣжна, знали о приказѣ готовиться къ посадкѣ на корабли и лихорадочно собирали свой скарбъ.

Утромъ въ понедѣльникъ появился новый тревожный признакъ: дряхлый пароходишка «Шинью» ушелъ въ свой еженедѣльный шанхайскій рейсъ биткомъ набитый наиболѣе осторожными «буржуями». Этотъ массовый отъѣздъ, похожій на бѣгство, не прошелъ незамѣченнымъ: въ паспортномъ пунктѣ и въ иностранныхъ консульствахъ сразу очутилось вдвое больше просителей, чѣмъ въ предыдущіе дни.

Правительственныя учрежденія начали работать съ перебоями. Машинистки, всегда знавшія раньше всѣхъ остальныхъ сенсаціонныя новости, шепотомъ передавали о занятіи Никольска-Уссурійскаго красными. Въ Земской Думѣ шли непрерывныя закрытыя засѣданія.

Чтобы точно узнать о положеніи, я отправился въ Штабъ къ милѣйшему полковнику Шитикову, назначенному Начальникомъ Военныхъ Сообщеній. По его блѣдности легко было догадаться, что онъ не спалъ ночь.

— Это не правда. Никольскъ пока еще въ нашихъ рукахъ. Я только-что получилъ телеграмму по диспатчеру, что нашъ поѣздъ съ патронами былъ принятъ Никольскомъ въ 10 часовъ утра... Вотъ за слѣдующія сутки не ручаюсь... Гдѣ сейчасъ Правитель, — не знаю... Положеніе, конечно, очень серьезно... Сматывайтесь-ка поскорѣй!..

Другой изъ моихъ штабныхъ знакомыхъ, наоборотъ, увѣрялъ меня, что японцы ни въ коемъ случаѣ не уйдутъ раньше перваго ноября.

— А тамъ видно будетъ!.. — сказалъ онъ, хитро подмигнувъ. Онъ принадлежалъ къ числу невѣрящихъ въ японскую эвакуацію и такихъ во Владивостокѣ было большинство.

Добытая информація казалась болѣе или менѣе утѣшительной, но для меня стало совершенно ясно, что судьба города виситъ на волоскѣ, который въ любую минуту можетъ перерѣзать изъ-за тѣхъ или иныхъ соображній японское командованіе. Во всякомъ случаѣ надо было «сматывать удочки» и быть готовымъ къ отъѣзду по первому сигналу.

Но передо мной съ неожиданной остротой всталъ денежный вопросъ. Путь по желѣзной дорогѣ на Никольскъ будетъ не сегодня-завтра отрѣзанъ, а чтобы пробраться моремъ черезъ Корею до Харбина, гдѣ можно было надѣяться такъ или иначе осѣсть, нужно было отъ 50 до 100 іенъ. Я-же, какъ служащій въ правительственномъ учрежденіи, и жившій только жалованьемъ и газетнымъ заработкомъ, не видалъ ни той, ни другой статьи моихъ доходовъ уже болѣе двухъ мѣсяцевъ. Надежда на помощь начальства была тоже весьма проблематичной: я зналъ по опыту, что оно старается «ловчиться по способности» раньше всѣхъ остальныхъ. Оставалось только просить гостепріимства на одномъ изъ кораблей флотиліи.

На безмашинномъ «Маньчжурѣ», гдѣ помѣщался Адмиралъ Безуаръ, завѣдовавшій эвакуаціей, меня встрѣтили очень холодно, но, взглянувъ на мои бумаги, смягчились и сейчасъ-же предложили мѣсто на одномъ изъ кораблей.

— Время погрузки еще не назначено. Заходите ежедневно и узнавайте сами.

Внѣшне жизнь города шла какъ-будто нормальнымъ порядкомъ. Магазины были открыты. На улицахъ не было замѣтно того оживленія, которое во Владивостокѣ всегда знаменовало готовившійся переворотъ. Только знакомые, встрѣчаясь, вмѣсто привѣтствія спрашивали другъ-друга:

— Ѣдете?.. Остаетесь?..

За то министерство финансовъ осаждала необычная, настойчивая толпа правительственныхъ служащихъ, пытавшихся урвать хоть маленькую частицу своего жалованья за прежнее время. Какъ и всегда по понедѣльникамъ, газеты не вышли, но сквозь оптимистическій тонъ жидкихъ листковъ съ телеграммами чувствовалась растерянность редакцій.

Оба слѣдующихъ дня я провелъ въ безпрерывной бѣготнѣ по всякимъ присутственнымъ мѣстамъ и по знакомымъ, устраивая свои личныя дѣла. Городъ постепенно оцѣпенѣлъ, но все-же по какой-то странной инерціи продолжалъ пьянствовать и веселиться. Ходили слухи, что японцы спѣшно укрѣпляютъ окопами районъ Второй Рѣчки, и этого маленькаго факта хватало, чтобы обыватель засыпалъ сравнительно спокойно.

Но съ фронта приходили далеко не утѣшительныя вѣсти. Никольскъ былъ сданъ, и красные партизаны учинили тамъ небольшую, для начала, рѣзню. Правитель находился уже на ст. Раздольной, а Молчановскія части постепенно отступали за р. Суйфунъ, по направленію къ Посьету. Тамъ, согласно первоначальному плану, должна была сконцентрироваться вся отступавшая Земская Рать, чтобы двигаться, въ случаѣ ухода японцевъ и невозможности дальнѣйшей борьбы за Приморье, по тракту на ст. Пограничная и затѣмъ въ Полосу Отчужденія Китайско-Восточной ж.-д.

Дѣло въ томъ, что за нѣсколько дней до рѣшительныхъ боевъ подъ Спасскомъ, Николай Меркуловъ, членъ прежняго правительства и министръ внѣшнихъ дѣлъ Ген. Дитерихса, вернулся изъ поѣздки въ Мукденъ, гдѣ онъ имѣлъ свиданье съ фактическимъ властителемъ Манчжуріи, китайскимъ генераломъ Чжанъ-Зо-Линомъ. Послѣдній якобы далъ ему обѣщанье не только пропустить черезъ Китайскую границу, но даже пріютить у себя армію, если произойдетъ крахъ бѣлой власти въ Приморьѣ.

Въ связи съ этимъ штабъ Сибирской флотиліи выработалъ и обсуждалъ два плана эвакуаціи кораблей. Одинъ изъ нихъ заключался въ томъ, чтобы флотилія шла на сѣверъ, на Сахалинъ или Камчатку, зайдя предварительно въ Посьетъ, и захвативъ оттуда армейскія части. Такимъ образомъ, какъ армія, такъ и флотъ оставались-бы на русской территоріи, и можно было бы, при помощи ранѣе отосланныхъ на сѣверъ бѣлыхъ отрядовъ, сдѣлать попытку образовать новую ячейку бѣлаго движенья.

Второй планъ предусматривалъ походъ флотиліи въ Южномъ направленіи, въ одинъ изъ портовъ Сѣвернаго Китая, гдѣ корабли начали-бы работать совмѣстно съ флотомъ Чжанъ-Зо-Лина.

Минусомъ перваго плана была трудность продовольственнаго вопроса на Сѣверѣ и опасность навигаціи у береговъ Камчатки въ это позднее время года; минусомъ второго — полная зависимость десятка тысячъ жизней отъ доброй воли Чжанъ-Зо-Лина.

Несмотря на такое эфемерное основаніе, вначалѣ все-же былъ принятъ второй планъ, но борьба за сѣверное направленіе продолжалась въ Штабѣ флотиліи еще долго послѣ ухода изъ Владивостока, пока наступившая зима не сдѣлала походъ на Камчатку абсолютно невозможнымъ.

Все это узналось только впослѣдствіи, и до самого момента ухода флотиліи изъ Владивостока не только широкая масса бѣженцевъ, но и сами командиры кораблей совершенно не знали, идутъ-ли они въ Желтое Море или на Камчатку.

Между тѣмъ нервы города постепенно натягивались; несмотря на внѣшнее безразличіе. Хотя японцы и укрѣплялись на Второй Рѣчкѣ, военные круги боялись, что прекрасно вооруженные красные сомнутъ немногочисленныя японскія заставы и ворвутся въ городъ, или что партизаны обойдутъ японскія позиціи съ фланга, со стороны Шкотова.

Распрстранившіеся въ среду по городу листки, отпечатанные въ подпольной типографіи «Краснаго Знамени», обѣщали владивостокскимъ бѣлымъ новую рѣзню въ стилѣ Николаевска на Амурѣ. Эта угроза пробила наконецъ толщу обывательскихъ мозговъ, и весь Владивостокъ, имѣвшій за собой грѣшки передъ красными, бросился въ иностранныя консульства и пароходныя конторы. Предпріимчивый «Кунстъ и Альберсъ» сейчасъ-же взвинтилъ вдвое цѣны на билеты, но, несмотря на это, черезъ день всѣ мѣста на пароходы до 26-го октября включительно оказались расхватанными. Получить иностранную визу стало почти невозможнымъ: даже китайское консульство отказывалось визировать паспорта на Харбинъ.

Нервное напряженіе, постепенно нароставшее въ городѣ начиная съ воскресенья, достигло максимума въ среду вечеромъ. Достаточно было искры, чтобы во Владивостокѣ началась поголовная паника.

Такой искрой и послужило на слѣдующій день ограбленіе французскаго консульства.

2. 19-ое ОКТЯБРЯ.

Утромъ 19-ое октября, узнавъ на «Маньчжурѣ», что срокъ посадки все еще не назначенъ, я отправился во французское консульство, кокетливо прилѣпившееся высоко на склонѣ одной изъ сопокъ.

Противъ обыкновенія наружная дверь консульства была распахнута настежъ. Вмѣсто секретарей въ канцеляріи сидѣли два японскихъ жандарма въ полномъ снаряженіи. На мой стукъ изъ кабинета консула выглянулъ одинъ изъ знакомыхъ французовъ.

— Мосье Андрэ сейчасъ нѣтъ, онъ въ Японскомъ штабѣ... Развѣ вы не знаете: полчаса тому назадъ на консульство было нападеніе...

Оказывается, что около половины двѣнадцатаго, въ стоящій на отлетѣ домикъ консульства вошли восемь молодцовъ въ костюмахъ полу-военнаго типа. Такъ-какъ въ послѣдніе дни въ консульствѣ безпрерывно толкалась масса народа, то никто изъ служащихъ не обратилъ на нихъ вниманіе. Изъ передней эти предпріимчивые парни ворвались въ канцелярію, скомандовали «Руки вверхъ!» и перевязали всѣхъ служащихъ. Подъ угрозой браунинговъ, они заставили консула отпереть несгараемую кассу, гдѣ хранилось, вмѣстѣ съ его личными сбереженіями, около 8000 іенъ консульскихъ суммъ, и кромѣ того подписать консульскую печать къ восьми пустымъ бланкамъ для папспортовъ гражданъ Французской Республики.

Конечно, они очистили-бы начисто весь консульскій домъ, если-бъ въ этотъ моментъ туда не зашелъ престарѣлый генералъ Христіани, профессоръ Академіи Генеральнаго Штаба вмѣстѣ съ однимъ изъ служащихъ Академіи. Послѣдній, увидѣвъ грабителей, выбросился изъ окна, разбивъ стекла, и побѣжалъ къ ближайшему милицейскому, избѣжавъ нѣсколькихъ пуль, которыя пустили ему вслѣдъ бандиты. Ясно, что когда явилась милиція, то ни восьми тысячъ, ни восьми паспортовъ, ни самихъ грабителей въ консульствѣ не оказалось.

Вѣсть объ этомъ нагломъ налетѣ среди бѣла дня моментально облетѣла весь городъ и послужила сигналомъ для общей паники. Сейчасъ-же заговорили, что ограбленіе произвела партизанская шайка, успѣвшая должно-быть просочиться въ

Гнилой Уголъ, обойдя съ фланга японскія позиціи на Второй Рѣчкѣ. Ночью ждали рѣзню.

Свѣтланка зашевелилась, какъ разрытый муравейникъ. За рѣшетками балконовъ Американскаго консульства появились мѣшки съ пескомъ, изъ-за которыхъ внушительно выглядывали дула двухъ Кольтовъ. Пришедшій утромъ, — «какъ разъ во время», какъ говорили въ городѣ, — англійскій крейсеръ «Карляйль» срочно снялъ чехлы со своихъ орудій и навелъ ихъ прямо въ лобъ гостиницѣ «Золотой Рогъ».

Проходя мимо Морского Штаба, я увидѣлъ, какъ изъ дверей выходили морскіе офицеры, помѣщавшіеся послѣднее время въ верхнемъ этажѣ, со своими англійскими сумками черезъ плечо. Они спускались къ Адмиральской пристани.

Какъ только начали сгущаться сумерки, по улицамъ засновали международные патрули съ европейскихъ и японскихъ стаціонеровъ. Большіе магазины позакрывались. Встрѣтившаяся на улицѣ знакомая, служившая въ англійскомъ консульствѣ, передала мнѣ, что консульскій корпусъ предложилъ всѣмъ иностраннымъ резидентамъ временно перебраться на военные корабли; изъ русскихъ онъ согласился взять подъ свою защиту раненыхъ, да и то лишь въ томъ случаѣ, если они будутъ перевезены на Русскій Островъ.

Дома, на столѣ, меня ждала лаконическая записка:

— Немедленно грузитесь. Японцы пропустили красныхъ на Первую Рѣчку. Мичманъ X. —

Мысль о томъ, что японцы могли такъ подвести насъ своими торжественными обѣщаніями, какъ-то до сихъ поръ не укладывалась въ головѣ, но вѣдь японскому командованію могло быть «Ницэго неисвэцно», а разсуждать было некогда.

Побросавъ, какъ попало, въ чемоданъ самыя необходимыя вещи, я простился со своей хозяйкой еврейкой. Она чуть не упала въ обморокъ, узнавъ, что красные всего въ нѣсколькихъ верстахъ, и принялась судорожно пихать въ печку всѣ брошеныя мною бумаги и старыя пуговицы Французскаго Иностраннаго Легіона.

Знакомая семья, которая предложила мнѣ ѣхать вмѣстѣ и въ случаѣ надобности выдать меня за родственника, ждала со сложенными пожитками.

У Адмиральской пристани давно уже грузились семьи моряковъ; во всѣхъ направленіяхъ по неосвѣщеннымъ мостовымъ тарахтѣли подводы съ домашнимъ скарбомъ. Казалось, что весь городъ куда-то переселяется. И телефонная, и электрическая станціи бастовали.

Спускаясь по Алеутской, на Эгершельдѣ накапливались обозы и арьергарды глѣбовскихъ казаковъ, грязные и ободранные. Вопреки приказу Правителя, они отступили на Владивостокъ, а не на Посьетъ, ссылаясь на разливъ рѣки Суйфуна, который, ввиду близости красныхъ, дѣлалъ переправу слишкомъ опасной.

При заревѣ подожженной барахолки, наводившемъ розовые зайчики на высоко торчавшій надъ городомъ домъ Центросоюза, мы долго путались по Эгершельдскимъ причаламъ, отыскивая нашъ корабль. Его тамъ не было. Намъ сказали, что онъ только-что ушелъ къ «Маньчжуру», вглубь бухты. Пока мы расправшивали, къ извощикамъ подошелъ молодой матросикъ. Онъ только-что ѣздилъ въ отпускъ на дачу, къ своимъ, и возвращался на послѣднемъ отступавшемъ бронепоѣздѣ.

— Мы все время видѣли красныхъ... Это — армейцы, а вовсе не обтрепанные партизаны... Японцы откатились до самой Второй Рѣчки безъ всякаго боя... Красная милиція уже на дачахъ...

Намъ снова пришлось возвращаться въ городъ по безлюднымъ и злобно молчавшимъ набережнымъ. Огней въ окнахъ не было.

Въ просторной каютъ-компаніи «Маньчжура», освѣщенной двумя стеариновыми огарками, мы застали весь штабъ флотиліи, ставшій теперь центральнымъ мозгомъ города.

Общую панику удалось нѣсколько успокоить. То и дѣло по вновь заработавшему морскому телефону въ штабъ поступали донесенія отъ Морскихъ стрѣлковъ и взводовъ Русско-сербскаго отряда, высланныхъ караулами въ опасные рабочіе кварталы города. Слышались сухія приказанія начальника штаба:

— Лейтенантъ У., возьмите трехъ людей и пройдите на городской телефонъ. Прикажите работать. Если не захотятъ, — покажите револьверъ. Мнѣ нужно связаться съ городомъ...

Чтобы попасть на нашъ корабль, пришлось ждать попутнаго катера. Я воспользовался свободнымъ получасомъ и навѣстилъ знакомыхъ. Около Портовой конторы меня остановилъ патруль моряковъ, но сейчасъ-же пропустилъ дальше. Темныя улицы вымерли. Вдругъ, на одномъ изъ нагорныхъ перекрестковъ, передъ самымъ моимъ носомъ сверкнулъ штыкъ.

— Кто идетъ?..

— Свой!.. — отвѣтилъ я весьма неувѣренно, и мое сердце сжалось: у меня даже не было револьвера.

— Кто свой?..

Тутъ я уловилъ сквозь мракъ отблескъ кокарды на околышѣ и сильно обрадовался.

— Да свой, съ флотиліи!..

— А, ну тогда идите!.. — милицейскій снова скрылся въ подворотню.

Я быстро вернулся къ пристани: мои знакомые ждали въ шлюпкѣ, присланной съ «Лейтенанта Дыдымова».

Однако на кораблѣ меня встрѣтилъ новый сюрпризъ: распредѣленіе пассажировъ было измѣнено и моя записка теряла силу. Пришлось снова тащиться на засыпавшій «Маньчжуръ», и только благодаря исключительной любезности знакомыхъ, я наконецъ вытянулся на узенькомъ диванчикѣ въ каютъ-компаніи «Лейтенанта Дыдымова» и облегченно вздохнулъ. Я не рисковалъ больше застрять во Владивостокѣ.

3. КРАСНЫЕ НА КОРАБЛѢ.

Первымъ моимъ движеніемъ на слѣдующее утро было посмотрѣть черезъ иллюминаторъ на Портовую контору.

Ничего! — надъ куполообразной крышей по прежнему полоскался на солнцѣ вылинявшій трехцвѣтный флагъ.

Въ полдень мы получили приказаніе идти на Русскій Островъ, чтобы перевезти съ Подножья на Островъ Путятина, находящійся на той сторонѣ залива Петра Великаго, 239 красноармейцевъ, взятыхъ въ плѣнъ во времена Хабаровскихъ побѣдъ. Адмиралъ Старкъ хотѣлъ такимъ образомъ застраховать городъ отъ ихъ внезапнаго нашествія, такъ-какъ съ Путягина было не такъ-то легко добраться до материка, да и по сушѣ надо было идти до Владивостока минимумъ три или четыре дня.

Мы подошли къ пристани Подножья и черезъ полчаса увидѣли ползущее съ горы по дорогѣ облако пыли, сквозь которое сѣрѣла грязная масса солдатскихъ шинелей и полушубковъ.

Умѣстить ихъ всѣхъ на нашемъ 400-тонномъ «Дыдымовѣ» было физически невозможно. Пришлось отрядить двѣ шлюпки для охоты за мирно шедшей по бухтѣ китайской шампунькой, груженой дровами. Бѣдный ходя-перевозчикъ, завидѣвъ «четверки», почуялъ недоброе и срочно распустилъ всѣ свои цыновочные паруса, чтобы удрать въ открытое море. Тогда матросы «навалились» и вскорѣ посудина была въ нашемъ распоряженіи. Выбросивъ на берегъ дрова, мы посадили меньшую половину нашихъ плѣнныхъ въ шаланду и взяли ее на буксиръ.

Положеніе все-же оставалось пикантнымъ: на всемъ кораблѣ имѣлось всего-на-всего одиннадцать винтовокъ, тогда какъ красныхъ на борту было болѣе ста

человѣкъ. При нѣкоторой рѣшительности и желаніи, имъ ничего не стоило смять нашихъ часовыхъ, перевязать всѣхъ и овладѣть кораблемъ. Однако, они были повидимому увѣрены, что «бѣлобандиты» везутъ ихъ или топить, или разстрѣливать, и сбившись въ кучку на кормѣ, угрюмо молчали.

Тяжело было смотрѣть на этихъ «враговъ». Большинство изъ нихъ были бородатые мужички не первой молодости, мобилизованные Читинскимъ правительствомъ въ Прихабаровскихъ деревняхъ. Почти всѣ служили раньше въ арміи Колчака. Я заговорилъ съ ними. Изъ сбившейся кучки ко мнѣ сразу-же протискался одинъ изъ самыхъ пожилыхъ бородачей.

— Ваше благородіе!.. Нешто я виноватъ... Печникъ я, однако!.. Пошелъ прошлымъ декабремъ изъ города печки по деревнямъ класть, а тутъ, однако, вoткинцы... Ну и забрали... Десятый мѣсяцъ сижу!..

Съ наступленіемъ вечера вѣтеръ засвѣжѣлъ и гребешки волнъ стали изрядно захлестывать нагруженную до бортовъ и протекавшую шаланду.

На буксирѣ «заавралили»:

— Товарищи!.. Тонемъ!.. Спасите!..

Въ паникѣ нѣсколько красноармейцевъ полѣзли на единственную мачту, карабкаясь по головамъ остальныхъ.

Пришлось ловить новую встрѣчную шаланду и зафрахтовать второго ходю подъ нашихъ полумертвыхъ отъ страха товарищей. Окончательно убѣдившись тогда, что ихъ не собираются топить, плѣнные успокоились и робко заговорили о «кипяточкѣ».

Поздно ночью мы высадили всю банду въ два пріема, внимательно прощупывая прожекторомъ нырявшую въ волнахъ шаланду до самого скалистаго берега. Скоро вдали закраснѣли огоньки костровъ: промокшіе товарищи начали обогрѣваться и устраиваться на ночлегъ подъ утесами.

4. РАНЕНЫЕ. ПРОЩАЙ ВЛАДИВОСТОКЪ!

Не успѣли мы утромъ «стать на бочку» въ бухтѣ Золотого Рога, какъ «Дыдымовъ» получилъ новое порученіе: требовалось перевезти изъ Морского Госпиталя на Русскій Островъ раненыхъ въ послѣднихъ бояхъ каппелевцевъ. На этомъ настаивалъ Консульскій Корпусъ, взявшій на себя ихъ защиту.

Въ городѣ было по прежнему тихо.

Японцы послѣ боя отогнали красныхъ на линію 26-ой версты и вели съ ними какіе-то подозрительные переговоры. Правитель передалъ свою власть «трехдневному» правительству, съ сибирскимъ областникомъ «дѣдомъ» Сазоновымъ во главѣ. Адмиралъ Старкъ входилъ въ это правительство, и фактически былъ сейчасъ диктаторомъ города.

Какъ уголовно-розыскная, такъ и городская милиція уже куда-то испарились, боясь мести со стороны преступнаго элемента, и только прилегавшіе къ военному порту кварталы охранялись караулами, высланными отъ флотиліи. Приготовленія къ эвакуаціи шли страшно непланомѣрно и суетливо: штабъ флотиліи нервничалъ, боясь, что японцы договорятся съ красными и не выпустятъ кораблей изъ Золотого Рога.

Мы должны были простоять у госпиталя часа три, и я не утерпѣлъ, чтобы не заглянуть въ покидаемый городъ.

Днемъ на улицахъ военные продолжали блистать погонами, но вечеромъ въ формѣ не выходили: это каралось пущеннымъ изъ-за угла булыжникомъ, а иногда и револьверной пулей, въ особенности на окраинахъ.

Свѣтланка какъ-то сразу потускнѣла за эти два дня и стала еще больше и нарочитѣе ободранной. На чиновничьихъ фуражкахъ остались лишь темные кружки не выцвѣтшаго подъ кокардами околыша; дохи и каракули вовсе исчезли.

За то на перекресткахъ торчали какіе-то полупочтенные джентельмены типа гороховаго пальто, фотографировавшіе пристальными взглядами всѣхъ носившихъ форму.

На просторномъ троттуарѣ Морского Штаба мнѣ встрѣтился поэтъ, журналистъ и декламаторъ N.

А!.. Дрясьте! Уѣзжаете... И я тоже... Вотъ иду въ редакцію «Курьера» (самая лѣвая изъ Владивостокскихъ газетъ), чтобы устроить тарарамъ!.. — и онъ вытащилъ изъ кармана шишковатую гранату. Сдѣлалъ испанскій круглый жестъ шляпой и скрылся за угломъ.

Тяжелыя гофрированныя жалюзи на магазинѣ Чурина были спущены: торговали только мелкія китайскія лавченки. Большинство моихъ знакомыхъ уже уѣхало въ Японію и Китай на послѣднихъ переполненныхъ пароходахъ. Рѣшившіе остаться чувствовали себя не важно. Больше всего боялись, что въ городъ войдутъ первыми не регулярные красноармейцы, а партизаны, и начнется рѣзня и грабежи.

Наскоро, боясь опоздать на корабль, я простился со знакомыми и затрясся по выбитымъ мостовымъ къ Морскому Госпиталю. Трамваи, Судостроительный заводъ, электрическая станція, — все бастовало.

Погрузка раненыхъ шла чрезвычайно медленно. На кораблѣ, абсолютно не приспособленномъ для такихъ перевозокъ, раненыхъ пришлось класть на тощихъ тюфякахъ прямо на палубу. Въ узкихъ бортовыхъ проходахъ некуда было ступить. Снизу, съ палубы смотрѣли лихорадочные глаза тяжело раненыхъ.

Боль въ перебитыхъ рукахъ и ногахъ, потревоженныхъ переноской, кривила свинцовыя губы, но стоновъ не было слышно. Только тифозные бредили: просили увезти, не бросать краснымъ. Все время думалось: а что если во время перехода начнетъ качать? — Вѣдь даже при малѣйшей волнѣ наша палуба покрывается на четверть водой...

Наконецъ, уже за полночь, мы снялись и спокойно дошли до Поспѣлова, гдѣ и выгружали страдальцевъ до самого разсвѣта.

24-го утромъ насъ ждала новая работа. Истекалъ срокъ, поставленный японокомандованіемъ для эвакуаціи, надо было спѣшно перевозить казачьи части въ Посьетъ.

Мы ошвартовались у Эгершельдскихъ причаловъ.

На подъѣздныхъ путяхъ, на прилегавшихъ улицахъ, въ товарныхъ вагонахъ, на самыхъ пристаняхъ, — всюду, всюду кишмя кишѣла лохматая казачья толпа.

Ободранныя, изможденныя женщины и босые ребята продавали наперебой какъ свой домашній скудный скарбъ, такъ и не слишкомъ благопріобрѣтенное въ послѣднемъ отступленіи имущество.

Все это перегонялось главнымъ образомъ на спиртъ, который пили здѣсь-же, по сибирски, живьемъ, не разбавляя водой. Весь Эгершельдъ представлялъ собой гигантскую барахолку, гдѣ можно было купить по полтиннику за аршинъ англійскій офицерскій шевіотъ изъ разбитыхъ наканунѣ казаками интендантскихъ складовъ на Чуркинѣ.

У сосѣднихъ причаловъ стояли въ десять разъ большіе чѣмъ нашъ корабль японскіе транспорты, зафрахтованные ген. Глѣбовымъ для перевозки своихъ частей въ Посьетъ. Казаки, жуя хлѣбъ, терпѣливо ждали посадки.

Благодаря добротѣ командира корабля, нашей «порціи» казаковъ удалось погрузить и восемь своихъ низкорослыхъ коней, съ погрузкой которыхъ пришлось возиться дольше, чѣмъ съ посадкой сотни казаковъ.

Весь корабль, вплоть до спардэка, былъ занятъ солдатами, которые моментально примѣнились къ мѣсту и забили, какъ тараканы, всѣ щели, оставивъ въ распоряженіи хозяевъ-моряковъ одну каютъ-компанію.

Непрошенные гости, однако, скоро начали «разворачиваться» и вести себя очень вызывающе. Мнѣ не разъ случалось слышать, какъ казачьи офицеры весь-

ма прозрачно намекали, что «въ случаѣ чего, мы-де покажемъ, кто здѣсь сильнѣй!»

Больше всего недоразумѣній происходило изъ-за прѣсной воды: казачье начальство, да и вся сотня, желала «чаевать» цѣлые дни напролетъ, и никакъ не могла взять въ толкъ, что воды у насъ въ обрѣзъ, и что ее необходимо экономить всяческими способами.

Въ Посьетъ мы дошли безъ малѣйшаго вѣтра къ утру слѣдующаго дня. Мы думали, что сейчасъ-же снова вернемся обратно во Владивостокъ, чтобы дать въ прибрежной полосѣ активное сопротивленіе краснымъ, но обстановка измѣнилась.

24-го октября мы въ послѣдній разъ видѣли его коническія сопки, посыпанныя бѣлыми кубиками домиковъ и вдавшуюся въ море тонкимъ серпомъ дамбу Токаревскаго маяка.

«Лейтенантъ Дыдымовъ» навсегда оставилъ Владивостокъ, откуда онъ такъ долго и честно ходилъ охранять Камчатскіе промыслы, чтобы погибнуть у береговъ Формозы.

5. ПОСЬЕТЪ. ПОШЛИ КЪ ЖЕЛТЫМЪ.

Въ Посьетѣ мы прежде всего сѣли носомъ на мель, стремясь подойти вплотную къ пристанямъ, и потомъ возились битыхъ два часа, пока катерокъ Янковскихъ, крупнѣйшихъ изъ заимщиковъ Приморья, не оттащилъ насъ на буксирѣ отъ илистаго берега.

Самъ поселокъ представлялъ собой такой-же толкучій рынокъ, какъ и оставленный наканунѣ Эгершельдъ.

Въ прекрасно укрытую, но мелковатую бухту, которой предстоитъ блестящая торговая будущность, когда она соединится съ желѣзно-дорожной магистралью, собрались къ нашему приходу транспорты съ глѣбовцами. Два изъ нихъ были подъ японскимъ флагомъ.

Большинство казаковъ уже высадились на берегъ и расположились гигантскимъ таборомъ между бѣлеными корейскими фанзами съ промасленой бумагой на окнахъ, никогда не видавшихъ на своемъ вѣку такого скопища людей.

Вечерѣло. На пристаняхъ торопливо распоряжался погрузкой своихъ заводскихъ коней на баржи средній изъ трехъ братьевъ Янковскихъ. Холеные рысаки высокихъ кровей, съ обмотанными тряпицами копытами, нервно фыркали и дрожали всѣмъ тѣломъ, когда ихъ взводили на баржу по узкимъ мосткамъ.

— Юрій Михайловичъ, а какъ-же ваши олени, жень-шень, рисовыя плантаціи...

— Все бросаемъ!.. Ничего не успѣлъ вывезти, кромѣ этихъ сорока коней.... Осядемъ пока въ Сейсинѣ, — это корейскій городишка верстахъ въ тридцати отъ границы. Тамъ уже семьи и кое-что изъ вещей, — что удалось вывезти въ одинъ рейсъ «Стража»... Но все таки всѣхъ служащихъ забираю... Это, знаете, не шутка — пятьдесятъ человѣкъ перевезти!.. Одна бабушка въ Сидеми осталась: говоритъ, что тридцать лѣтъ тамъ прожила, отъ тигровъ заимку отвоевала, такъ неужели-же большевики хуже тигровъ!..

— Эй, легче!.. — крикнулъ онъ одному изъ своихъ конюховъ, тащившихъ по мосткамъ телѣгу, и самъ подперъ ее сбоку сильнымъ плечомъ.

— Да... Какъ все это быстро рухнуло!.. Въ Сидеми, вѣроятно, уже партизаны... Обманули проклятые япошки: сколько разъ увѣряли, что ни за что не пропустятъ красныхъ въ Южное Приморье!..

Я смотрѣлъ на человѣка, который два дня тому назадъ владѣлъ имѣньемъ въ нѣсколько милліоновъ. И до него дотянулось прожорливое и тупое рыло революціи, щадившее по какому-то капризу въ теченіе пяти лѣтъ прекрасное и культурное Сидеми, послѣднее крупное имѣнье въ Россіи...

Онъ осунулся и весь какъ-то запылился. Но голосъ, съ дѣтства привыкшій повелѣвать, нисколько не сбавилъ своего властнаго тона. И слыша его быстрыя и дѣльныя приказанія, мнѣ невольно думалось:

— Нѣтъ!.. Такого никакія революціи не сломятъ! — Кряжистый!

На берегу, въ заревѣ казачьихъ костровъ телѣги съ задранными оглоблями, военныя двуколки, ржущіе низкорослые кони и сами казаки мѣшались въ черную шевелящуюся и примолкшую кашу. Даже ребята притихли. Всюду шелъ оживленный торгъ бѣльемъ и вещами изъ Чуркинскаго интендантства: нужны были іены на корейскую сивуху, которая продавалась въ каждой фанзушкѣ. Однако и торговались, и пили тихо; надъ всѣмъ таборомъ чувствовалась придавленность.

Стоялъ холодный стекляный вечеръ приморской осени. На костры шли не только сосѣдніе заборы, но и зеленые казачьи сундучки, которые тутъ-же раскалывались прямо о землю или прибрежные валуны.

Въ китайскихъ лавченкахъ поселка можно было достать все, кромѣ съѣстного и сахара, начисто съѣденныхъ первой волной отступавшихъ сушей Молчановцевъ. Штабъ корпуса прошелъ Посьетъ и былъ гдѣ-то около корейской границы, въ то время, какъ арьергардныя части вели стычки съ бандами красныхъ корейскихъ партизанъ въ окрестностяхъ Посьета.

Ген. Дитерихсъ, шедшій походнымъ порядкомъ вмѣстѣ съ арміей, находился въ это время въ поселкѣ. Его походная канцелярія стояла въ домѣ таможни, за перевальчикомъ. Секретарь правителя, студентъ Домрачеевъ, сумѣвшій всплыть во времена Земскаго Собора, говорилъ всѣмъ, что Правитель никого не принимаетъ.

Подвернувшійся знакомый разсказалъ мнѣ, что Генералъ измѣнился въ послѣднее время до неузнаваемости. Крахъ того дѣла, въ которое онъ, крайній мистикъ по натурѣ, такъ горячо вѣрилъ и считалъ святымъ, отказъ въ поддержкѣ со стороны владивостокскихъ буржуевъ, сумѣвшихъ только болтать патріотическія рѣчи на Соборѣ, а въ то-же время страховавшихся подъ шумокъ у агентовъ красныхъ, — все это заставило его постарѣть и посѣдѣть въ нѣсколько дней.

Я очень жалѣлъ, что мнѣ не удалось проститься съ генераломъ: вѣдь я былъ его подчиненнымъ еще на Балканскомъ фронтѣ, когда въ 1916-омъ году наша бригада брала для Сербіи Монастырь. И тамъ, среди выжженныхъ скалъ Македоніи, какъ и среди пологихъ сопокъ Приханкайскаго Края, онъ всегда своимъ исключительнымъ безстрашіемъ, добротой и честностью во всемъ умѣлъ влюблять въ себя подчиненныхъ.

Послѣ избранія Земскимъ Соборомъ, Правитель ждалъ чуда, такъ-какъ только чудо могло охранить Приморье отъ большевиковъ. Чудо не совершилось. Японцы-же, передъ которыми всячески заискивали братья Меркуловы, не долюбливали прямого генерала еще съ Омска и Читы, и его обращеніе къ населенію, въ которомъ онъ привѣтсвовалъ эвакуацію японскихъ войскъ изъ Приморья, выбило послѣдній козырь военной партіи въ Японіи.

Конечно, судьба Бѣлаго Приморья была рѣшена не этимъ обращеніемъ, и даже не токійскими дипломатами, а уже полъ года тому-назадъ Вашингтонской конференціей, но до обращенія Генерала Дитерихса у сторонниковъ оккупаціи въ Японіи сохранялся еще маленькій предлогъ для задержки своихъ частей на русской территоріи: это были неоднократныя объясненія въ любви со стороны «фактическаго» правительства Владивостока, которыми азіатская дипломатія могла наивно отписываться при слишкомъ настойчивыхъ нажимахъ Америки.

Въ Посьетѣ Правителя ждало новое разочарованіе: глѣбовскіе генералы и полковники изъ казачьихъ урядниковъ, зачастую не твердо подписывавшіе свои фамиліи, отказались высадить части съ кораблей флотиліи. Они категорически требовали, чтобы казаковъ и коней везли дальше, расчитывая проѣхать моремъ до одного изъ портовъ Кореи, откуда пробираться уже по корейской территоріи въ Мукденъ, «къ Чжанъ-Зо-Лину», и замѣнить такимъ образомъ тяжелый, при наступающихъ заморозкахъ, походъ путешествіемъ по желѣзной дорогѣ.

Это требованіе нарушало весь планъ эвакуаціи и нѣсколько тысячъ неожиданныхъ пассажировъ ложились мертвымъ баластомъ на Сибирскую флотилію.

Чтобы выяснить, возможна-ли вообще подобная перевозка при наличныхъ запасахъ воды и провіанта, Правителю необходимо было снестись съ Адмираломъ Старкомъ, оставшимся вмѣстѣ съ ядромъ флотиліи, чтобы закончить эвакуацію Владивостока. Нашему «вспомогательному крейсеру» пришлось принять на себя роль гонца съ казеннымъ пакетомъ.

Только узнавъ, что мы возвращаемся во Владивостокъ, да и то послѣ нѣкоторыхъ препирательствъ, казачья сотня, наводнявшая корабль, согласилась выгрузиться вмѣстѣ со своими конями. Нашъ боцманъ облегченно вздохнулъ, вызвалъ «всѣхъ на верхъ на уборку» и «Дыдымовъ» изъ конюшни снова превратился въ военный корабль.

Но оставить Владивостокъ оказалось легче, чѣмъ вновь до него добраться. Насъ начало качать уже днемъ, а къ вечеру вѣтеръ настолько усилился, дуя намъ прямо въ лобъ, что мы часа два болтались вокругъ Гамовскаго маяка, тщетно стараясь оторваться отъ него и обогнуть мысъ. Машина, давно требовавшая капитальнаго ремонта, надрывалась и дрожала всѣми болтами, но все-же не могла выгрести противъ волны.

Волей-неволей пришлось отстаиваться до слѣдующаго утра, пріютившись въ сосѣдней бухточкѣ. Но и во время этой якорной стоянки стулья путешествовали самымъ непозволительнымъ образомъ по палубѣ нашей крохотной каютъ-компаніи, а посуда въ гнѣздахъ буфета грохотала всю ночь.

Раннимъ утромъ, хотя противный вѣтеръ и не думалъ стихать, командиръ рѣшилъ еще разъ попытаться одолѣть проклятый мысъ, и намъ удалось, все время мѣняя курсъ, кое-какъ проскользнуть черезъ небольшое пространство открытаго моря и юркнуть за цѣлую цѣпь голыхъ и скалистыхъ островковъ съ птичьими утесами, гдѣ волна стала значительно легче.

Оттуда-то, около двухъ часовъ дня, мы и замѣтили дымки флотиліи, оставившей Владивостокъ, и шедшей во главѣ съ Адмираломъ Старкомъ записать новую скорбную страницу въ анналахъ русскаго бѣженства.

Съ флагманскаго «Байкала» просигнализировали «слѣдуйте за мной», и мы снова вернулись въ Посьетъ, такъ и не увидавъ Владивостока, уже занятаго въ прошлую ночь отрядами красной милиціи.

Послѣ свиданія Адмирала съ Правителемъ вопросъ о дальнѣйшей перевозкѣ казаковъ былъ рѣшенъ положительно.

Боцманъ снова особенно артистически выругался, когда по нашей блистающей палубѣ затопали тяжелые казачьи сапоги съ футлярами изъ посьетской грязи, и, быстро окончивъ погрузку, мы пошли вмѣстѣ съ другими кораблями на югъ.

Уже черезъ нѣсколько миль мы были въ японскихъ водахъ. Россія осталась за нами. Мы фактически и юридически превратились въ бѣженцевъ, принужденныхъ просить какъ милостыню даже права останавливаться въ портахъ.

И предупредительные хозяева не замедлили намъ объ этомъ напомнить: чуть ли не у самого выхода изъ Посьетской бухты флотилію любезно встрѣтили, и затѣмъ сопровождали неотступно до самого Фузана двѣ миноноски подъ тѣмъ флагомъ, который наши матросы такъ непочтительно и мѣтко окрестили «Очкомъ».

6. ПЕРВОЕ СВИДАНЬЕ И ПЕРВЫЙ ШТОРМЪ.

Благодаря тому, что флотилія совершала походъ въ полномъ составѣ, захвативъ съ собой даже »Маньчжура» и «Охотскъ», которыхъ уже давно были сняты за негодностью машины, мы двигались крайне медленно и вошли въ Сейсиньскую бухту только на слѣдующее утро.

Сейсинь, — это крохотный корейскій городишка, всего въ тридцати верстахъ отъ русско-корейской границы, но за свое недолгое хозяйничанье, японцы уже

успѣли въ немъ все передѣлать на свой ладъ, съ чисто японской тщательностью и аккуратностью.

И только тотъ маленькій фактъ, что въ дни оны построенное Русское Консульство является самымъ крупнымъ и виднымъ зданіемъ въ городишкѣ, ярко и обидно напоминаетъ и о быломъ могуществѣ Россіи, и объ ошибкахъ японской войны.

Не успѣли мы отдать якоря въ почтительномъ отдаленьи отъ берега, какъ къ намъ ловко подошелъ полицейскій катерокъ съ портовой милиціей, таможенниками, санитарами и сыщиками - переводчиками, которые сейчасъ-же зашныряли по всѣмъ уголкамъ нашей посудины. Послѣ обычнаго казеннаго опроса командира, японскія власти передали намъ, что съѣздъ на берегъ абсолютно запрещенъ даже тѣмъ изъ пассажировъ, у кого были и заграничные паспорта и японскія визы. Корейскимъ шаландамъ, торгующимъ яблоками, то-же было воспрещено подходить къ русскимъ кораблямъ. Такимъ образомъ всѣ наши мечты замѣнить свѣжей провизіей корабельную солонину подозрительнаго свойства разлетѣлись какъ мыльный пузырь. Мнѣ лично это запрещеніе было тѣмъ болѣе обидно, что въ сильную Цейссовскую трубу на капитанскомъ мостикѣ, я совершенно свободно узнавалъ на берегу и моихъ знакомыхъ, и семью Янковскихъ, которые устраивались на новомъ мѣстѣ.

Съ другихъ кораблей намъ передали, что напослѣдокъ глѣбовскіе «казацки» разгулялись въ Посьетѣ такъ широко, что во всемъ поселкѣ не уцѣлѣло ни одной китайской лавчонки, а пару купцовъ повѣсили въ назиданіе, за то, что не хотѣли продавать хлѣбъ, котораго у нихъ не было испоконъ вѣковъ. Ясно, что сейсиньскія власти уже знали объ этихъ художествахъ и предпочли воздержаться отъ гостепріимства, угрожавшаго сонливому городку всевозможными скандалами.

Такъ или иначе, но Сейсинь видѣли близко лишь Адмиралъ Старкъ со своимъ адъютантомъ, ходившіе на «четверкѣ» къ русскому консулу. Всѣ-же остальные десять тысячъ человѣкъ бѣженцевъ остались сидѣть на корабляхъ и ругать японскіе порядки.

На слѣдующее утро снова явилась полиція и сообщила, что вскорѣ мы получимъ прѣсную воду. И во время: у насъ не было свѣжей воды съ самого Владивостока и казачій дессантъ открыто волновался, получая, какъ и всѣ остальные впрочемъ, всего по котелку въ день.

Къ полудню къ «Дыдымову» причалила громадная шаланда съ прѣсной водой, по которой разгуливали босоногіе корейцы въ бѣлыхъ домотканныхъ рубахахъ. Но привередничать не приходилось: мы съ удовольствіемъ пили эту воду съ привкусомъ корейской грязи и морской соли, такъ-какъ шаланда текла по всѣмъ швамъ.

— Ничего, въ цистернахъ отстоится!.. — увѣряли опытные мореходы.

На этомъ и закончилось наше первое рандеву съ японскими портами, не предвѣщавшее ничего хорошаго въ будущемъ. Такъ оно и оказалось въ дѣйствительности.

---

124 казака глѣбовца, принятые въ Посьетѣ, расположились совсѣмъ по домашнему. На сцену появляются котелки, картошка и отличные галеты изъ запаяныхъ ящиковъ на которыя команда, питающаяся недопеченымъ хлѣбомъ, смотритъ съ вожделѣніемъ. На поручняхъ кормы, занятой дессантомъ, гроздьями развѣшена мелкая рыбешка, выловленная въ Сейсинѣ на самодѣльныя лески изъ катушечныхъ нитокъ. Казаки «харчатъ» ее такъ, запросто, сырую и даже безъ соли.

Нашимъ дессантамъ вообще везетъ: какъ только мы кого-нибудь перевозимъ, погода точно по заказу становится великолѣпной.

Мы все время идемъ въ виду береговъ. Море тихо-синее, какъ-бы подернуто сверху маслянистой матовой пленкой, и даже нашъ невольный спутникъ, — совсѣмъ маленькій катеръ, который намъ прицѣпили въ Посьетѣ, мало убавляетъ нашъ ходъ. Тепло не по владивостокски. Справа, въ шелковистой дымкѣ, зубчатыя и покрытыя темнымъ лѣсомъ безконечныя сопки Кореи.

Но къ вечеру барометръ начинаетъ падать; крѣпкій нордъ-вестъ разводитъ зыбь Въ шесть часовъ насъ валяетъ уже самымъ исправнымъ образомъ и стальной канатъ нашего буксира натягивается струной и вибрируетъ мелкой предательской дрожью. На шкафутѣ — вода, постепенно превращающаяся въ молоко отъ муки изъ подмоченныхъ казачьихъ запасовъ.

Весь горизонтъ застланъ плотными клейкими тучами, изъ которыхъ все сильнѣй и стремительнѣй хлещутъ почти горизонтальныя струи дождя.

Надъ палубой стоитъ густой запахъ намокшихъ солдатскихъ шинелей и скоро по ней становится трудно ходить: грязь, безъ которой не можетъ жить казакъ, превращается въ скользкую, какъ мыло, кашицу.

Если вамъ не приходилось итти въ хорошій тайфунъ берегами Кореи на 400 тонномъ корабликѣ, когда вмѣсто тридцати матросовъ команды на борту болѣе 200 человѣкъ, и при этомъ нѣтъ ни подробной карты, ни новой лоціи, — то врядъ-ли вы можете представить себѣ, что это за удовольствіе.

Конечно, большая часть казаковъ моментально укачалась и лежитъ плашмя во всѣхъ проходахъ. Чтобы добраться до штурманской рубки, приходится буквально ступать по мертвымъ тѣламъ, а чтобы подняться по трапу — выдѣлывать сложныя гимнастическія упражненія.

Впродолженіе ночи нашъ буксиръ нѣсколько разъ отрывало, и только благодаря самоотверженной работѣ команды, набранной по большей части изъ зеленой интеллигентной молодежи, намъ удавалось какимъ-то чудомъ принять концы съ обреченнаго иначе на гибель катера. Другіе корабли флотиліи пропали изъ вида, какъ только пошелъ дождь.

Наконецъ, уже подъ утро, мы спрятались за какимъ-то островкомъ, вынырнувшимъ своими бѣлыми бурунами изъ подъ самаго нашего носа.

— Буруны слѣва по носу!.. — раздался крикъ вахтенаго сигнальщика.

— Буруны прямо по носу!.. — почти сейчасъ-же отвѣтилъ ему другой вахтеный.

— И справа буруны... — заоралъ старшій офицеръ, и отчаянно зазвонилъ, чтобы застопорить машину. Я пробѣжалъ по казачьимъ тѣламъ на палубу. Въ бѣлесоватой мглѣ ничего нельзя было различить, только слышался заглушенный туманомъ рокотъ прибоя. Мы были въ какомъ-то узкомъ проходѣ, гдѣ-то у самого Гензана, но идти дальше ночью и безъ карты было-бы безуміемъ. Сейчасъ-же отдали якорь, и до разсвѣта я слышалъ изъ своей каютъ-кампаніи тревожные звонки въ машину и топотъ бѣгающихъ по палубѣ матросовъ. Несмотря на оба якоря насъ сильно дрейфовало на берегъ.

Когда окончательно разсвѣло, мы оказались всего на-всего въ нѣсколькихъ миляхъ отъ порта, въ проливѣ запрещенномъ для кораблей изъ-за его многочисленныхъ рифовъ.

7. ГЕНЗАНСКІЕ БАРАКИ.

Гензанъ встрѣтилъ флотилію нѣсколько привѣтливѣй Сейсиня.

Черезъ этотъ городокъ лежитъ ближайшій путь моремъ изъ Владивостока въ Харбинъ, черезъ Сеулъ и Мукденъ, и поэтому большая часть бѣженцевъ, имѣвшихъ возможность выѣхать на собственный счетъ частными пароходами, высадилась именно здѣсь и почти сейчасъ-же двинулась дальше, въ Полосу Отчужденія, еще до прихода кораблей флотиліи. Японскія власти пошли имъ навстрѣчу и даже сдѣлали нуждавшимся значительную скидку съ нормальнаго

желѣзнодорожнаго тарифа. Около сотни кадетъ, шедшихъ на пароходѣ графа Кайзерлинга, но отправленныхъ изъ Владивостока на два дня раньше насъ, японцы переправили въ Мукденъ и вовсе безплатно.

Однако къ нашему приходу положеніе значительно ухудшилось. Несмотря на яко-бы данныя обѣщанія, Чжанъ-Зо-Линъ не только отказался поддержать армію Ген. Дитерихса, но даже отказался пропустить въ Харбинъ всѣхъ бѣженцевъ, не имѣвшихъ китайскихъ визъ. Получивъ указанія свыше, Гензанскій китайскій консулъ очень вѣжливо, но наотрѣзъ отказывался дать кому-бы то ни было пропускъ черезъ китайскую границу. Говорили, что и тѣ, у кого были китайскіе паспорта серьезно рисковали застрять въ Мукденѣ на неопредѣленное время.

Положеніе бѣженцевъ становилось не завиднымъ, такъ-какъ большинство расчитывало именно этимъ путемъ добраться въ Харбинъ, гдѣ у нѣкоторыхъ были родные, у другихъ — знакомые, у третьихъ, наконецъ, просто радужныя надежды такъ или иначе устроиться и получить заработокъ.

Въ особенности негодовали тѣ, которые, имѣя небольшія деньжата, примазались къ флотиліи, чтобы сэкономить на безплатномъ проѣздѣ и не побоялись для этого испытать тяжелыя условія путешествія.

А условія эти дѣйствительно были не изъ легкихъ. Оказалось, что по сравненію съ многими другими кораблями, мы ѣхали на «Дыдымовѣ» по барски. Особенно скверно было на «Маньчжурѣ» и «Охотскѣ», которыхъ вели на буксирѣ. На нихъ находился главный контингентъ женщинъ и дѣтей изъ семей глѣбовскихъ казаковъ, спавшихъ за недостаткомъ мѣста другъ на другѣ подъ открытымъ небомъ и холоднымъ проливнымъ дождемъ во время послѣдняго шторма. На обоихъ корабляхъ былъ такой недостатокъ прѣсной воды, что всѣ полторы тысячи человѣкъ получали лишь по полъ-кружки въ день. При этихъ убійственныхъ условіяхъ сейчасъ-же начались дѣтскія заболѣванія, на «Маньчжурѣ» появилась корь и тифъ, и за послѣдній переходъ двое дѣтей умерло.

Потомъ, во время стоянки въ Гензанѣ смертные случаи среди дѣтей участились. Почти каждый день одинъ изъ кораблей флотиліи стоялъ подъ приспущеннымъ флагомъ, а по узенькимъ уличкамъ японскаго города проносили маленькій гробъ изъ простыхъ досокъ; слѣдомъ шелъ священникъ и нѣсколько пѣвчихъ, — шелъ на особое «русское» кладбище, разбитое за городомъ, за длинноxвойными соснами корейскихъ сопокъ.

Японцы поняли, что необходмо хоть немного разрѣдить населеніе флотиліи и отвели подъ бѣженцевъ нѣсколько тысячъ пустыхъ таможенныхъ бараковъ на молу, безъ отопленія, съ земляными полами, отгороженныхъ отъ остального города прочной рѣшеткой съ полицейскимъ постомъ.

Чтобы пробраться черезъ это сторожевое охраненіе, требовалось имѣть не только пропускъ отъ Штаба флотиліи, но еще доброе расположеніе японскаго переводчика, выдававшаго особыя карточки, дѣйствительныя до четырехъ часовъ вечера. Позже ворота запирались и выбраться въ городъ становилось почти невозможнымъ.

Какъ у насъ въ былыя времена по воскресеньямъ и табельнымъ днямъ школьниковъ водили попарно въ Зоологическій садъ, такъ-же точно отправлялись гензанскіе японча та на экскурсію въ «русскій городокъ», захватывая для полноты сходства булочки и орѣшки для кормленія русскихъ бѣженцевъ.

Въ сколько-нибудь сносныхъ условіяхъ оказались на берегу одни раненые, и въ этомъ сказался духъ Японіи. Ихъ взялъ на свое попеченіе Японскій Красный Крестъ. Въ канцеляріи госпитальной палатки важно засѣдалъ, грѣя руки надъ «хибачи» — грѣлкой, гензанскій «Канниферштанъ», хорошо знакомый Владивостоку капитанъ Курасиге, смѣнившій желтые аксельбанты японскаго Генеральнаго Штаба на черную широкополую шляпу. Онъ вершилъ всѣ дѣла русскихъ бѣженцевъ, какъ уполномоченный Японскаго Императорскаго прави-

тельства, и вокругъ его хибачи уже вилась кучка наиболѣе ловкаго изъ сухопутнаго русскаго начальства.

Изъ-за отказа Чжанъ-Зо-Лина принять казаковъ Ген. Глѣбова положеніе крайне осложнялось. Флотилія во всякомъ случаѣ не могла дальше тащить на полную неизвѣстность десятокъ тысячъ людей: для этого у нея не было ни запасовъ, ни денегъ. Японцы-же не давали разрѣшенія казакамъ оставаться въ предѣлахъ Кореи. Наступала поздняя осень, сопровождаемая въ Сѣверной Кореѣ порядочными морозами; бѣженцы недоѣдали и мерзли въ нетопленыхъ баракахъ; дѣти умирали. Необходимо было найти какой-нибудь выходъ и между Адм. Старкомъ, Ген. Глѣбовымъ и Японскими властями начались переговоры, затянувшіеся почти на три недѣли.

Въ первые-же дни стоянки къ флотиліи присоединились три корабля, «Улиссъ», «Патроклъ» и «Діомидъ», получившіе еще до эвакуаціи приказаніе идти изъ Владивостока на сѣверъ, и галантно предупрежденные въ пути японскимъ крейсеромъ, что городъ занятъ красными. На нихъ не было никого, кромѣ судовыхъ составовъ, и поэтому бѣженцевъ, оставшихся на флотиліи, стали пересаживать на эти корабли. Мнѣ тоже пришлось перемѣнить насиженный диванчикъ въ каютъ-компаніи «Лейтенанта Дыдымова» на койку въ матросскомъ кубрикѣ «Улисса». Переселяться мнѣ очень не хотѣлось, такъ-какъ на «Дыдымовѣ» я уже зналъ всѣхъ и вся, но спорить не приходилось. Только благодаря этому вынужденному переселенію я не раздѣлилъ участи команды и пассажировъ «Дыдымова», погибшихъ во время тайфуна въ Желтомъ Морѣ.

Пока тянулись переговоры и ожидались отвѣты изъ Токіо, Мукдена и Вашингтона, на корабляхъ стала организовываться какая-то своеобразная жизнь. По утрамъ всѣ кто могъ отправлялись на двойкахъ, четверкахъ и вельботахъ въ городъ или за покупками, или чтобы послоняться по уличкамъ. Больше всего покупались сласти и спиртъ, и не только въ лавкахъ, но и прямо на улицѣ васъ дергалъ за фалду какой-нибудь японецъ и улыбаясь предлагалъ:

— Водка!.. С-с-съ!.. Хоросо!..

Я увѣренъ, что съ самаго основанія Гензана не было продано столько спирта, какъ за эти недѣли стоянки флотиліи.

Вечеромъ моряки-офицеры и тѣ изъ пассажировъ, которые успѣли ассимилироваться, отправлялись на «дружественные» корабли, гдѣ начиналась звѣрская попойка, послѣ которой гости грузились вахтеными начальниками въ шлюпки и развозились «по домамъ», гдѣ ихъ подымали на палубу чуть-ли не лебедкой. Веселье каютъ-компаніи отражалось и въ матросскомъ кубрикѣ, гдѣ допивались до поножевщины.

Если на Владивостокской Свѣтланкѣ непривычный глазъ поражался пестротой костюмовъ и формъ, то среди бумажныхъ переборокъ гензанскихъ домиковъ это разнообразіе казалось еще разительнѣе. Лишь моряки и морскія дамы, занимавшія въ походѣ особо привиллегированное положеніе и успѣвшія подготовиться къ эвакуаціи, сохраняли опрятный видъ. Большинство-же остальныхъ бѣженцевъ были обтрепаны до послѣдней степени и одѣты не лучше, чѣмъ въ Совѣтской Россіи. Эта крайняя нищета особенно рѣзала глазъ рядомъ съ опрятными кимоно японцевъ и бѣлоснѣжными бязевыми халатами корейцевъ въ курьезныхъ сѣтчатыхъ цилиндрикахъ, плетеныхъ изъ чернаго волоса и какъ двѣ капли воды похожихъ на мухоловки. Экзотическіе гости часто навѣщали русскій уголъ и съ любопытствомъ глазѣли на полуголодныхъ и истерзанныхъ бѣлыхъ.

Для непринадлежащихъ къ составу флотиліи бѣженцевъ главнымъ магнитомъ на берегу былъ домикъ русскаго консульства, расположенный на очаровательной горкѣ у берега моря, сейчасъ-же рядомъ съ городкомъ. Въ Кореѣ, какъ и въ самой Японіи, русскіе консула и консульскіе агенты временъ Временнаго Правительства все-еще продолжали фактически сохранять свои посты.

Къ уютному домику ежедневно совершались паломничества алчущихъ и жаждущихъ съ самыми нелѣпыми и диковинными просьбами и претензіями, которыхъ консульскій агентъ, по большей части, не могъ удовлетворить. Прежде всего, разумѣется, просили денегъ, затѣмъ — визъ. Средствъ въ консульствѣ почти не было и послѣднія крохи выдавались лишь на питаніе жившихъ въ баракахъ и семьямъ, потерявшимъ мужей. Визы-же китайцы давали только на Шанхай, какъ на международный портъ, но добраться до него стоило около ста іенъ. Для японской визы требовалось предъявить реверсъ въ 1500 іенъ.

Среди бѣженцевъ циркулировали самые фантастическіе слухи о дальнѣйшей судьбѣ флотиліи. Особенно упорно говорили, что японцы яко-бы предложили Адмиралу идти на Сѣверный Сахалинъ, который они предлагали колонизировать остаткамъ бѣлой арміи, гарантируя безопасность со стороны красныхъ. Но дѣло подходило къ серединѣ ноября, наступали уже настоящіе морозцы. Все корейское населеніе высыпало на берегъ, гдѣ оно прямо въ морской водѣ квасило на зиму ботву отъ рѣдьки. Опытные моряки находили, что идти сейчасъ на Сѣверный Сахалинъ, гдѣ даже нѣтъ ни одной хорошо укрытой бухты, было-бы сплошнымъ безуміемъ.

Наконецъ длившіеся три недѣли переговоры закончились компромиссным решеніемъ: японцы позволяли глѣбовцамъ временно остаться въ Гензанѣ и обѣщали имъ нѣкоторую матеріальную помощь, а флотилія шла дальше искать по свѣту, оставивъ въ Гензанѣ всѣ взятые во Владивостокѣ пароходы Добровольнаго Флота и своего кровнаго «Илью Муромца». Начальникомъ этого «транспортнаго отряда» былъ назначенъ Безуаръ.

Только 21-го ноября флотилія вышла снова въ Японское Море.

8. ФУЗАНСКАЯ СТОЯНКА.

Послѣ выхода изъ Гензана флотилія насчитывала въ своемъ составѣ уже гораздо меньше судовъ и на корабляхъ изъ посторонняго элемента оставались теперь лишь отряды морскихъ стрѣлковъ, Русско-Сербскій отрядъ, 300 кадетъ Омскаго и Хабаровскаго корпусовъ и сравнительно небольшое число бѣженцевъ неопредѣленнаго, такъ сказать, соціальнаго положенія. Стало нѣсколько свободнѣе.

Слѣдующимъ портомъ на Корейскомъ побережьѣ былъ Фузанъ, куда флотилія дошла безъ особыхъ приключеній черезъ двое сутокъ, то-есть 23-го ноября, все время подъ экскортомъ двухъ японскихъ миноносокъ.

Фузанская портовая полиція начала мягко, — съ приглашенія корабельныхъ ревизоровъ ѣхать вмѣстѣ съ ней за провизіей на берегъ, — продолжала жестокимъ категорическимъ запрещеніемъ съѣзда на берегъ для всѣхъ безъ исключенія, но въ концѣ-концовъ разжалобилась. На берегу ежедневно оказывалась добрая половина всего состава флотиліи, при чемъ половина этой половины при опросѣ полиціи становилась «пеймастерами», — корабельными ревизорами. Только это магическое слово смягчало сердце японскаго сановника съ трясущейся головой и полу-внятной англійской рѣчью, отъ котораго зависѣла выдача пропусковъ.

Почти сейчасъ-же послѣ нашего прихода, японская общественность, начитавшись въ газетахъ объ ужасахъ гензанскихъ бараковъ, стала наносить намъ многочисленные визиты съ неизмѣнными раздачами ребятамъ китайскихъ орѣшковъ и сушеныхъ «каки».

Днемъ, когда бывало потеплѣе, къ нашимъ облупленнымъ посудинамъ поворачивалъ щегольской катерокъ, изъ котораго высыпало на трапъ десятка полтора джентельменовъ въ крылатыхъ кимоно, «таби» и американскихъ вылупленныхъ очкахъ. Ихъ прежде всего отправляли въ каютъ-компанію, гдѣ выдавалось по стакану «русскаго» чая.

Гости дѣлились между собой впечатлѣніями, — ни на одномъ изъ европейскихъ языковъ они по большей части не говорили, — а затѣмъ, пошипѣвъ, просили показать имъ корабль. Походивъ по палубѣ, потрогавъ пальцемъ орудія и освѣдомившись о тоннажѣ и числѣ пассажировъ, они, улыбаясь, благополучно отбывали во свояси къ общему обоюдному удовольствію.

Самъ городокъ по сравненію съ нашими прежними стоянками казался столицей. Здѣсь былъ и трамвай, и большія европейскія зданія на главной улицѣ, и очаровательный японскій храмъ на горѣ, куда надо было долго подниматься по широкой бѣлой лѣстницѣ съ неизмѣнными гранитными сторожевыми псами по бокамъ и чугунными памятными фонарями въ ростъ человѣка.

На верхней площадкѣ, рядомъ съ храмовой оградой, стояли нѣсколько заржавленныхъ якорей съ толстымъ слоемъ налипшихъ ракушекъ и даже цѣлый кусокъ выломаннаго деревяннаго борта: эти остатки затонувшихъ фузанскихъ шкунъ невольно заставляли задумываться о нашей дальнѣйшей судьбѣ.

До Фузана дальнѣйшій маршрутъ флотиліи оставался весьма гадательнымъ: все еще были разговоры о сѣверномъ направленіи, объ Инькоу, чтобы пробираться къ Чжанъ-Зо-Лину, который яко-бы смѣнилъ гнѣвъ на милость, и даже о плаваньѣ въ Японію. Но присланныя изъ Штаба карты южныхъ районовъ разсѣяли эти предположенія. Выяснилось, что мы прежде всего идемъ въ Шанхай и это извѣстіе флотилія приняла радостно. Многіе надѣялись найти въ огромномъ и богатомъ городѣ работу, моряки-же расчитывали подыскать примѣненіе кораблямъ въ видѣ перевозокъ по Ян-Цзе-Кіангу.

Въ такомъ бодромъ настроеніи, запасшись водой, углемъ и провизіей на 10 дней, флотилія вышла утромъ 2-го декабря изъ Фузана, такъ-какъ наканунѣ японскія власти оффиціально передали Адмиралу Старку воспрещеніе со стороны властей оставаться долѣе въ этомъ порту.

9. ТАЙФУНЪ ВЪ ЖЕЛТОМЪ МОРѢ.

Первыя полтора сутокъ, пока мы огибали Корейскій полуостровъ, прошли благополучно, хотя небо было все время затянуто плотными тучами, не сулившими ничего утѣшительнаго.

Такъ мы прошли мимо большого острова Кельпарта съ его коническими потухшими вулканами и аккуратно раздѣланными квадратиками полей по склонамъ; за тѣмъ миновали нѣсколько мелкихъ островковъ Корейскаго архипелага.

Но какъ только мы вошли въ Желтое море, сильный тайфунъ съ нордъ-веста сталъ относить насъ къ юго-востоку, къ грядѣ южныхъ японскихъ острововъ Кіу-Сіу.

Нашъ корабль, какъ и два его «систерсъ-шипа» построенныхъ на Коломенскомъ заводѣ, очень плоскодонныхъ и неприспособленныхъ для океанскаго плаванья, звали во флотиліи «Ваньками-Встаньками» за ихъ необычайную способность качаться при малѣйшей зыби. Говорятъ, что морской офицеръ, ведшій ихъ въ свое время изъ Петрограда на Дальній Востокъ, сошелъ съ ума послѣ этого плаванья, такъ-какъ по всѣмъ законамъ физики эти корабли должны были перевертываться вверхъ дномъ при каждомъ штормѣ.

Едва началась качка, какъ нашъ «Ванька-Встанька» сталъ ложиться на бортъ самымъ тревожнымъ образомъ, и мнѣ лично пришлось отмѣтить на указателѣ качки въ штурманской рубкѣ уклонъ въ 42 градуса. Что значитъ эта цифра, довольно трудно представить себѣ не моряку, но достаточно сказать, что при этомъ нашъ верхній мостикъ то и дѣло обдавала волна, а тѣ немногіе, которые были еще въ состояніи ѣсть супъ, пили его изъ эмалированныхъ кружекъ.

Въ каютахъ передъ качкой все было принайтовано и закрѣплено, но несмотря на это ящики выскакивали изъ столовъ, разрывая привязывавшія ихъ ве-

ревки. Тяжелыя кресла каютъ-компаніи падали и катались по полу, грозя основательно стукнуть неосторожнаго, а чтобы стоять въ корридорѣ, надо было упираться ногами въ одну стѣнку, а спиной въ другую. Спать становилось невозможнымъ, такъ-какъ на койкѣ подбрасывало какъ на качеляхъ и нужно было зацѣпиться за что-нибудь руками, чтобы не вывалиться на палубу. Все море вокругъ представляло собой сплошную свинцовую волну, то и дѣло закрывающую горизонтъ, съ которой вѣтеръ въ 9 балловъ срывалъ цѣлыя бочки морозной воды на нашу палубу.

4-го ноября, когда мы были приблизительно въ центрѣ Желтаго Моря, намъ было приказано перемѣнить курсъ и идти на югъ, чтобы избѣжать опасной волны въ бортъ и хоть немного ускорить нашъ трехъ-узловой ходъ. На маленькій катерокъ «Стражъ», шедшій въ нашемъ отрядѣ, страшно было взглянуть: онъ почти цѣликомъ зарывался въ волну.

На разсвѣтѣ 5-го ноября, сквозь дождь и туманъ, мы замѣтили, что оторвались отъ отряда и пошли въ одиночествѣ на югъ, оставивъ уже къ сѣверу устье Янце-Кіанга. Море перемѣнило свою окраску и превратилось въ какую-то желтую грязь, но вѣтеръ и волна не стихали.

Наконецъ, нашъ командиръ, считавшійся однимъ изъ лучшихъ мореходовъ флотиліи, рѣшилъ повернуть къ материку, чтобы добраться до Шанхая между островками прибрежнаго архипелага. Задраивъ въ десять часовъ утра броневыя крышки иллюминаторовъ, стекла которыхъ могла выбить волна, мы сдѣлали осторожный поворотъ на сѣверо-западъ и пошли къ сушѣ со скоростью утомленной черепахи.

Днемъ мы замѣтили вдалекѣ большую парусную шкуну, безпомощно качавшуюся съ двумя сломанными мачтами и еще уцѣлѣвшей третьей. Позже вахтенный видѣлъ обломокъ мачты со спутанымъ такелажемъ. Мнѣ вспоминалась ночь на «Дыдымовѣ» передъ входомъ въ Гензанъ и думалось: какъ-то онъ «топаетъ» сейчасъ со своими отчаянными машинами!..

Такъ мы пробирались почти сутки. Команда измучилась отъ непрерывной напряженной работы; большинство кочегаровъ укачалось въ духотѣ топки, одинъ изъ нашихъ котловъ отказался работать. Только на слѣдующее утро показалась земля, — маякъ на островкѣ, привѣтствовавшій насъ спускомъ радужнаго китайскаго флага.

Зайдя за него, мы отдали якорь, немного отдышались и начали приводить въ порядокъ растрепанный трехдневнымъ штормомъ корабль. Вечеромъ того-же дня къ намъ присоединился катеръ «Стрѣлокъ», мотавшійся въ томъ-же районѣ. Остальныхъ кораблей не было видно.

Перегрузивъ ему немного угля, мы вмѣстѣ отправились дальше и въ четыре часа утра 7-го декабря увидѣли флагманскіе огни «Байкала» на Вузунгскомъ рейдѣ.

Переходъ Владивостокъ — Шанхай, который пассажирскіе пароходы дѣлаютъ въ 7 дней, былъ законченъ нами въ полтора мѣсяца.

Мнѣ остается мало что прибавить къ моимъ бѣглымъ очеркамъ.

Вскорѣ послѣ нашего прихода, въ Вузунгѣ собрались всѣ корабли флотиліи, кромѣ «Дыдымова». О немъ долго не было никакихъ опредѣленныхъ свѣдѣній и родственники находившихся на немъ переходили отъ отчаянья къ надеждѣ. Наконецъ изъ Японіи сообщили, что одинъ изъ пароходовъ видѣлъ его гибель у береговъ Формозы, куда его занесъ потрепавшій и насъ тайфунъ. Изъ команды и пассажировъ не спаслось ни одного человѣка.

Въ Шанхаѣ флотилія простояла до начала Января, но совершенно не нашла того пріюта, на который такъ расчитывала. Произведя самый необходимый ремонтъ, за что все-же пришлось заплатить тремя мелкими судами, корабли по-

шли дальше на югъ, на Филиппинскіе острова, чтобы искать гостепріимства у американцевъ. Во время этого перехода, почти въ томъ-же мѣстѣ, какъ и «Дыдымовъ», погибъ одинъ корабль—«Аяксъ», сѣвъ на мель въ виду другихъ кораблей эскадры. Съ него удалось спасти только нѣсколькихъ человѣкъ. Судя по рѣдкимъ письмамъ, дошедшимъ въ Шанхай, и въ Маниллѣ русскимъ морякамъ живется не важно. По послѣднимъ свѣдѣніямъ ихъ списали на берегъ, въ лагерь, гдѣ они живутъ такъ-же, какъ недавно жили у англичанъ интернированные въ Месопотаміи.

Кадеты, русско-сербскій отрядъ, морскіе стрѣлки и почти всѣ одиночные бѣженцы остались въ Шанхаѣ, и, за рѣдкими исключеніями, живутъ благотворительностью французовъ — въ городѣ разбогатѣвшихъ спекулянтовъ и желтыхъ милліонеровъ. Многіе жалѣютъ искренне, что не рискнули пуститься съ флотиліей въ дальнѣйшее плаванье.

И я, одинъ изъ тысячъ владивостокскихъ бѣженцевъ, съ которыми наши моряки братски дѣлили свои не роскошные хлѣбъ и воду, я искренно желаю современнымъ Одиссеямъ обрѣсти среди пальмовыхъ рощъ Филиппинъ новую Итаку, пока старая не сумѣетъ поднести имъ вмѣсто объявленій внѣ закона георгіевскіе значки.

Шанхай. Мартъ—Апрѣль 1923.

Письмо въ редакцію.

Милостивый Государь

Г-нъ Редакторъ!

Только что прочелъ 17-ый томъ «Архива Русской Революціи» и нашелъ въ немъ «Дневникъ одной изъ приближенныхъ къ Царской Семьѣ», авторомъ котораго предполагается гофъ-лектриса Е. А. Шнейдеръ. Я убѣжденъ, что это невѣрно, т. к. составительница дневника наряду съ собой и другими именами упоминаетъ и уменьшительное имя Трина (стр. 304), которое именно носила Екатерина Адольфовна Шнейдеръ. Этотъ дневникъ безъ всякаго сомнѣнія принадлежитъ фрейлинѣ Государыни, графинѣ А. В. Гендриковой.

Примите увѣренія въ совершенномъ почтеніи

А. Мордвиновъ.

2-го Іюля 1926 г.

Архив русской революции

Том 17 — 18

Дефекты воспроизведения настоящего репринтного издания
обусловлены состоянием оригинала

Редактор *С.А.Кондратов*
Художник *И.Е.Сайко*

Подписано в печать 6.01. 93. Формат 70 x 108 1/16. Бумага тип. № 2. Печать высокая. Усл. печ. л. 56,0. Усл. кр.-отт. 56,0. Уч.-изд. л. 55,6. Тираж 10 000 экз. Заказ 178 .

Издательский центр «ТЕРРА». 109280, Москва, Автозаводская ул., 10, а/я 73.

Отпечатано на Ярославском полиграфкомбинате Министерства печати и информации Российской Федерации. 150049, г. Ярославль, ул. Свободы, 97.

А87 Архив русской революции: В 22 т. Т. 17 — 18. — М.: «ТЕРРА», 1993. — 318, 320 с. — (Русский архив).
ISBN 5-85255-291-7 (т. 17 — 18)
ISBN 5-250-01774-6

"Архив русской революции" — уникальное издание, выходившее в Берлине в 20—30-х годах. Оно содержит материалы — документы и воспоминания, освещающие историю революции, гражданской войны и эмиграции в видении тех политических сил, которые противостояли большевизму и Советской власти. Тем самым "Архив" существенно пополняет наши знания о переломной эпохе в судьбах России.

Рассчитано на всех, кто интересуется историей нашей страны.

А $\frac{0503020000-045}{А30(03)-93}$ Подписное

ББК 63.3(2)711